

9 (С-М)

М 82

63.3 (2-2.174)

ПЛЕЧКО А.

МОСКВА:
ИСТОРИЧЕСКИЙ
ОЧЕРК

633(2-2M) 712093⁺ P.Ф.

9(C-M)

М 82 Москва: Мет.

орепк

1883 100-00

ОЛДСКАЯ ПУБЛИКАЦИЯ

Москва 03

СР.

712093 P.Ф.

ОБЛА. КРАЕВЕДЕНИЯ

Др. Гусевский

МОСКВА.

— 38 —

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРКЪ.

СОСТАВИЛА

Агриппина Мих. Плечко.

Съ двумя видами и двумя планами Кремля и Москвы
XVII и XVIII ст.

МОСКВА.

Типография Ф. Лисснеръ и Ю. Романъ, Арбатъ, д. Каринской.

1883.

А. В. Суворовъ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА I.

СТР.

Преданіе о томъ, что было на мѣстѣ Москвы, и объ основаніи города. — Первое лѣтописное извѣстіе о Москвѣ. — Нашествіе Батыея. — Михаилъ Ярославичъ Храбрый, первый князь Московскій. — Даниилъ..... 1

ГЛАВА II.

Усиленіе Москвы. — Борьба съ Тверью. — Иванъ Даниловичъ получаетъ ярлыкъ на великое княженіе. — Митрополитъ Петръ. — Его житіе. — Построеніе храма Успенія. — Кончина св. Петра. — Построеніе другихъ церквей. — Великокняжескій дворецъ. — Пожары. — Симеонъ, по прозванію Гордый. — Основаніе Троицкой Лавры. — Житіе преп. Сергія. — Житіе св. Алексѣя. — Основаніе Андроньева и Чудова монастырей. — Алексѣевскій и Зачатіевскій монастыри. — Кончина Алексѣя. — Митяй. — Пріѣздъ Кипріяна..... 7

ГЛАВА III.

Построеніе каменныхъ стѣнъ вокругъ Кремля. — Битвы съ Татарами при Вождѣ и на Куликовскомъ полѣ. — Разореніе Москвы Тохтамышемъ. — Кончина Дмитрія. — Житіе св. Стефана Пермскаго..... 23

ГЛАВА IV.

Перенесеніе иконы Владимірской Божіей Матери и спасеніе Москвы. — Нашествіе Эдигея. — Украшеніе и укрѣпленіе Москвы. — Основаніе Вознесенскаго монастыря. — Житіе св. Евдокіи, въ иночествѣ Евфросиніи..... 34

ГЛАВА V.

Междоусобія въ княженіе Василя Васильевича Темнаго. — Нападеніе Казанскихъ Татаръ на Москву. — Св. Іона. — Перенесеніе иконы Смоленской Божіей Матери обратно въ Смоленскъ, и основаніе Ново-Дѣвичьяго монастыря..... 41

VIII

ГЛАВА VI.

	СТР.
Бракъ Ивана III съ Софией Палеологъ. — Построеніе храма Успенія и другихъ зданій.....	52

ГЛАВА VII.

Присоединеніе Новгорода. — Ахматъ. — Усиленіе Москвы новыми приобрѣтеніями.....	62
---	----

ГЛАВА VIII.

Жидовская ересь. — Казни еретиковъ. — Судебникъ.....	72
--	----

ГЛАВА IX.

Присоединеніе новыхъ областей. — Нашествіе хана Махмедъ-Гирея. — Новыя постройки. — Свѣдѣнія, сообщаемыя иностранцами о Москвѣ.....	79
---	----

ГЛАВА X.

Елена — правительница. — Построеніе каменныхъ стѣнъ вокругъ Китай-города. — В. к. Иванъ принимаетъ титулъ Царя. — Пожаръ въ 1547 г. — Рѣчь царя съ лобнаго мѣста. — Вышнія приобрѣтенія. — Покровский соборъ. — Житіе Василія Блаженнаго. — Болѣзнь царя. — Вассіанъ Топорковъ. — Присоединеніе Астрахани. — Сношенія съ Англіей. — Война съ Ливоніей.....	91
--	----

ГЛАВА XI.

Перемѣна въ Иванѣ Васильевичѣ. — Кончина Макарія. — Переписка съ Курбскимъ. — Учрежденіе опричины. — Филиппъ митрополитъ. — Нашествіе Девлетъ-Гирея. — Вышнія дѣла. — Покореніе Сибири.....	114
---	-----

ГЛАВА XII.

Вѣнчаніе на царство Ѳедора Ивановича. — Годуновъ. — Отзывъ иностранца Марка Варкочъ о Москвѣ. — Образъ жизни царя Ѳедора. — Построеніе колокольни Ивана Великаго. — Вышній видъ Москвы.....	139
---	-----

ГЛАВА XIII.

Пріѣздъ въ Москву Константинопольскаго патріарха и посвященіе Іова въ санъ Московскаго патріарха. — Житіе Іоанна юридоваго. — Убіиство царевича Дмитрія. — Пожаръ въ Москвѣ. — Нашествіе Казы-Гирея. — Кончина Ѳедора. — Избраніе Бо-	
---	--

риса. — Вѣнчаніе его на царство. — Ссылка Романовыхъ. — Трехлѣтній голодъ. — Необыкновенныя явленія природы. — Появленіе самозванца въ Литвѣ..... 155

ГЛАВА XIV.

Первыя вѣсти о самозванцѣ въ Москвѣ. — Испугъ Бориса при вѣсти о немъ. — Волненіе народа въ Москвѣ. — Появленіе Самозванца въ предѣлахъ Московскаго государства. — Битвы шаекъ Самозванца съ Московскими войсками. — Бездѣйствіе царскихъ воеводъ. — Смерть Бориса. — Измѣна Басманова. — Возмущеніе народа въ Москвѣ. — Арестъ и убійство Годуновыхъ. 176

ГЛАВА XV.

Въѣздъ Лжедмитрія въ Москву. — Судъ надъ Шуйскимъ и его помилованіе. — Пріѣздъ царицы инокини Марѣы. — Вѣнчаніе на царство Лжедмитрія I. — Его занятія и развлеченія. — Въѣздъ Марины, ея вѣнчаніе и бракосочетаніе. — Обличители Лжедмитрія. — Заговоръ Шуйскаго. — Гибель Лжедмитрія. — Избраніе Шуйскаго..... 181

ГЛАВА XVI.

Шуйскій добровольно ограничиваетъ свою власть при вступленіи на престолъ. — Слухи о томъ, что Лжедмитрій спасся. — Вѣнчаніе на царство Шуйскаго. — Перенесеніе мощей царевича Дмитрія. — Избраніе въ патріархи Гермогена. — Козни боярѣ противъ Шуйскаго. — Возстаніе Сѣверскихъ городовъ. — Болотниковъ. — Пріѣздъ въ Москву патріарха Іова. — Взятіе Тулы. — Новый самозванецъ..... 195

ГЛАВА XVII.

Видѣніе одного старца, и постъ наложенный патріархомъ. — Самозванецъ въ Тушинѣ. — Осада Троицкаго монастыря. — Заговоры противъ Шуйскаго. — Дороговизна въ Москвѣ. — Вѣсти о Скопинѣ-Шуйскомъ, идущемъ съ шведскимъ войскомъ на защиту Москвы..... 201

ГЛАВА XVIII.

Бѣгство втораго самозванца изъ Тушина. — Вступленіе Скопина въ Москву. — Его кончина. — Сверженіе Шуйскаго съ престола..... 207

ГЛАВА XIX.

Присяга Думѣ боярской и затѣмъ Владиславу. — Посольство къ Сигизмунду. — Вступленіе Польскихъ войскъ въ Москву... 212

ГЛАВА XX.

СТР.

Гермогенъ. — Битва съ Поляками на улицахъ Москвы. — Пожаръ. — Прибытіе ополченія. — Мученическая кончина Гермогена. 216

ГЛАВА XXI.

Грамоты Діонисія. — Мининъ. — Новое ополченіе, подъ предводительствомъ кн. Пожарскаго. — Вступленіе его въ Москву. — Поляки принуждены сдаться. — Благодарственное молебствіе на Лобномъ мѣстѣ 222

ГЛАВА XXII.

Избраніе Михаила Ѳедоровича. — Прибытіе его въ Москву, и вѣнчаніе на царство. — Владиславъ осаждаетъ Москву. — Заключеніе мира. — Возвращеніе изъ плѣна Филарета Никитича и посвященіе его въ патріархи 228

ГЛАВА XXIII.

Двоевластіе. — Война съ Польшею. — Смерть Филарета Никитича. — Казнь Шеина. — Перенесеніе тѣла царя Василія Ивановича Шуйскаго изъ Польши въ Москву. — Кончина Михаила Ѳедоровича. — Пожары и средства, какія употреблялись противъ нихъ. — Построеніе и освященіе Казанскаго собора. — Выписка изъ Олеарія о Москвѣ. — Нравы Москвичей и ихъ забавы 233

ГЛАВА XXIV.

Общій обзоръ вѣшняго и внутренняго состоянія Москвы въ XVII ст. 250

ГЛАВА XXV.

Перенесеніе иконы Иверской Божьей Матери. — Женильба Алексѣя Михайловича. — Бунтъ народный. — Перенесеніе мощей Гермогена, Іова и Филиппа 262

ГЛАВА XXVI.

Присоединеніе Малороссіи. — Война съ Польшею. — Моровая язва. — Исправленіе церковныхъ книгъ. — Свѣдѣнія о Москвѣ, сообщаемыя архидіакономъ Павломъ Алеппскимъ и Майербергомъ. — Описаніе шествія на ослати. — Перемиріе съ Польшею въ Андрусовѣ и присоединеніе Кіева. — Народный бунтъ. — Отъѣздъ патріарха Никона. — Судъ надъ нимъ 268

ГЛАВА XXVII.

	СТР.
Соборъ 1666 года. — Сопротивленіе монаховъ Соловецкаго монастыря. — Бунтъ Стеньки Разина и его казнь. — Нѣмецкая слобода. — Театральныя представленія. — Юрій Крижаничъ. — Катошихинъ.....	293

ГЛАВА XXIII.

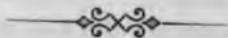
Усиленіе Милославскихъ и удаленіе Нарышкиныхъ и Матвѣева. — Языковъ и Лихачевъ. — Отмѣна мѣстничества. — Основаніе духовнаго училища	301
--	-----

ГЛАВА XXIX.

Присяга Петру I. — Стрѣлецкій бунтъ. — Софья Правительница. — Бунтъ старообрядцевъ. — Волненія между стрѣльцами. — Отъѣздъ Софьи. — Казнь Хованскихъ. — Возвращеніе Софьи. — Пожаръ въ Москвѣ.....	306
--	-----

ГЛАВА XXX.

Подтвержденіе Столбовскаго мира съ Швеціею. — Посвященіе Кіевскаго митрополита въ Успенскомъ соборѣ въ Москвѣ. — Перенесеніе мощей св. Алексѣя. — Вѣчный миръ съ Польшею и походы въ Крымъ. — Потѣхи Петра. — Преображенскій полкъ. — Сближеніе съ иностранцами. — Софья волнуеть стрѣльцовъ. — Бѣгство Петра въ Троицкую Лавру. — Подвигъ Сухарева полка и построеніе Сухаревой башни въ память этого подвига. — Паденіе Софьи. — Казнь ея приверженцевъ. — Возвращеніе Петра въ Москву. — Дефортъ. — Путешествія въ Архангельскъ. — Походы подъ Азовъ. — Казнь Циклера и его сообщниковъ. — Путешествіе Петра за границу. — Стрѣлецкій бунтъ. — Казни. — Удаленіе Евдокіи и ея постриженіе. — Указъ о бритвѣ бородъ. — Новое лѣтосчисленіе. — Перемены въ обычаяхъ. — Война съ Швеціею. Основаніе Петербурга.....	319
---	-----

Градъ сей будетъ славею во всѣхъ градахъ Русскихъ, и въздуть руки его на плеча враговъ его и прославится Богъ въ немъ.

Слова Митрополита Петра.

Москва есть корень, зерно, сѣмя Русскаго Государства.

Погодинъ.

ГЛАВА I.

Преданіе о томъ, что было на мѣстѣ Москвы, и объ основаніи города.— Первое лѣтописное извѣстіе о Москвѣ.— Нашествіе Батя. — Михаилъ Ярославичъ Храбрый, первый князь Московскій. Данилъ.

Мѣстность, занимаемая нынѣ Москвой, принадлежала, по преданію, въ давнія времена Степану Ивановичу Кучкѣ, владѣвшему богатыми селами и слободами по Москвѣ-рѣкѣ и по Неглинной. Предки его пришли сюда въ числѣ первыхъ Новгородскихъ выходцевъ, занявшихъ, еще до призванія Новгородомъ князя Рюрика, бассейнъ Оки, слабо населенный финскими и славянскими племенами. Тѣ изъ выходцевъ, которые были побогаче и посильнѣе другихъ, управляли вновь занятымъ краемъ въ званіи земскихъ бояръ, строили села и слободы и вызывали новыхъ поселенцевъ изъ Новгорода.

Боярамъ-земцамъ жилось хорошо и привольно. Ихъ положеніе не измѣнилось и послѣ того, какъ край этотъ перешелъ во владѣніе первыхъ русскихъ князей, избранныхъ Новгородомъ. Князья не долго оставались въ Новгородѣ: преемникъ перваго князя, Рюрика, Олегъ, уже перешелъ въ Кіевъ, и съ тѣхъ поръ князья имѣли свое мѣстопробываніе на югѣ. Изъ сѣверо-восточныхъ поселеній новгородскихъ образовалась Суздальская область, которая по отдаленности своей не посѣщалась князьями. Отъ нихъ пріѣзжали только по временамъ данщики для сбора податей и для учиненія суда, если того просили обыватели.

Боярамъ, привыкшимъ къ свободѣ и независимости, не понравилось, когда князь Юрій Владиміровичъ Долгорукій пріѣхалъ жить въ Суздальскомъ удѣлѣ, данномъ ему отцемъ*). Они встрѣтили его непріязненно, а бояринъ Степанъ Ивановичъ Кучко даже прямо враждебно.

*) Есть преданіе, что Юрій пяти лѣтъ былъ посаженъ отцемъ своимъ, Владиміромъ Мономахомъ, на княженіе въ Суздаль, и отданъ на руки со всею княженіемъ дружиннику Георгію Шимановичу, сыну Варяга Шимона. Оба они являются главными строителями Суздальской области.

Князь Юрій не стерпѣлъ этого и велѣлъ предать боярина Кучку смерти, а сыновей его, еще очень молодыхъ и необыкновенно красивыхъ, и дочь-красавицу Улиту, онъ отослалъ къ сыну, Андрею Боголюбскому, во Владимірь. Самъ же, взойдя на гору, обозрѣлъ всю мѣстность вокругъ «и поведши очами семо и овамо», плѣнился красотой мѣста, «и повелѣ сдѣлать малъ деревянъ градъ и прозва его Москваградъ», по имени Москвы рѣки, тутъ протекающей. Городъ этотъ долго оставался небольшимъ городкомъ и назывался иногда «Кучковымъ», по имени своихъ первыхъ владѣтелей.

При основаніи этого города, княземъ Юріемъ Владиміровичемъ руководила мысль утвердить за собою ту мѣстность, владѣлецъ которой оказалъ ему явное сопротивленіе.

Князь Юрій женилъ сына своего на красавицѣ Улитѣ и поручилъ ему распространить городъ Москву. Самъ же не долго оставался послѣ того въ Суздальской области и поѣхалъ на югъ, гдѣ велъ продолжительную войну съ племянникомъ, Изяславомъ, отстаивая свои права на титулъ Кіевского великаго князя. Онъ добился своего, и умеръ въ Кіевѣ великимъ княземъ въ 1157 году.

Татищевъ въ своей Россійской исторіи приводитъ другой рассказъ объ основаніи Москвы, заимствованный имъ изъ раскольничьей рукописи, теперь утраченной:

Князь Юрій имѣлъ княгиню, любви достойную, но любилъ навѣщать женъ своихъ подданныхъ, съ которыми веселился цѣлыя ночи напролетъ, на скомонѣхъ (музыка) проигрывая и пія. Охотиѣ всего онъ навѣщалъ жену Суздальскаго тысяцкаго Кучки, и дѣлалъ все по ея желанію. Кучко не стерпѣлъ этого, и когда князь Юрій пошелъ къ Торжку, онъ отѣхалъ въ свое село, взявъ съ собою жену, и посадилъ ее въ заточеніе. Самъ же намѣревался уйдти къ Изяславу въ Кіевъ. Юрій, узнавъ объ этомъ, оставилъ войско и послѣшилъ съ малыми людьми на рѣку Москву, гдѣ жилъ Кучко. Ничего не разбирая, онъ убилъ Кучку, а дочь его выдалъ за своего сына Андрея. «Полюбя же вельми мѣсто сіе, заложилъ градъ и пребылъ тутъ строя, доколѣ бракъ Андреевъ совершилъ. Князь Юрій позвалъ на свадебный пиръ князя Святослава Черниговскаго съ сыномъ Олегомъ, которые пріѣхали, не отговариваясь, и привезли съ собою еще Владиміра Святославича. Олегъ пріѣхалъ первый, и Юрій подарилъ ему пардуса (шкуру тигра). Потомъ пріѣхалъ Святославъ, въ день Похвалы Богородицы, 28-го марта, и принятъ былъ съ великою честію. При нихъ былъ совершенъ бракъ, и праздновался 5 дней, послѣ чего князь Юрій, одаривъ Святослава и дѣтей его, и служителей, отпустилъ ихъ съ великимъ довольствомъ и любовію, самъ же по окончаніи веселія возвратился съ дѣтьми своими въ Суздаль.

И такъ, Москва была основана для того, чтобы стать опорой

княжеской власти въ мѣстности, наиболѣе отличавшейся своеволіемъ своихъ бояръ.

Бояре сдѣлались своевольными вслѣдствіе того, что жили въ отдаленности отъ центровъ княжеской власти. Они признавали эту власть, пока князья жили вдали, платили исправно дань, но не хотѣли поступаться своей собственной самостоятельностью. Бояре еще долгое время вели глухую борьбу съ княжескими нововведеніями. У нихъ выработались свои собственные понятія и воззрѣнія на княжескую власть, отъ которыхъ имъ трудно было отрѣшиться. Вначалѣ, желая силою произвести переворотъ и вернуться къ прежнимъ порядкамъ, они составили заговоръ и убили князя Андрея Боголюбскаго, жившаго во Владимірѣ. Соучастницей этого заговора была, по народному преданію, и жена его, Улита, а въ числѣ убійцъ князя были братья ея, мстившіе въ этомъ случаѣ, можетъ быть, за своего отца, убитаго отцемъ Андрея, и за брата Петра, казненаго передъ тѣмъ Боголюбскимъ. Они были казнены Михаиломъ Юрьевичемъ, братомъ и преемникомъ Андрея, а клятвопреступная княгиня Улита была брошена съ тяжелымъ жерновомъ на шеѣ въ озеро, получившее названіе погананаго, въ 7 верстахъ отъ Владиміра.

Позднѣе бояре начали вступать на службу князей, но и тутъ долго еще сказывался ихъ духъ своевольства и сопротивленія.

Но такъ какъ въ Москвѣ возникло новое понятіе о княжеской власти, болѣе жизненное, нежели существовавшее въ другихъ старыхъ городахъ русскихъ, — Кіевѣ, Новгородѣ, — то эта самобытность и своеволіе земскихъ бояръ стали ослабѣвать и наконецъ совсѣмъ потеряли силу и бытіе.

Зародившееся въ Москвѣ новое понятіе о княжеской власти, государя, послужившее къ усилению и возвышенію Москвы, заключалось въ единой нераздѣльной власти. Въ лицѣ князя народъ сталъ воплощать въ своемъ понятіи единую Божественную правду, а князь, усвоивъ это понятіе, властвовалъ въ интересѣ и духѣ народномъ. Къ усилению и поддержкѣ этого понятія явилась существовавшая уже сила — церковь, въ лицѣ своихъ достойныхъ пастырей, митрополитовъ и патріарховъ. Церковь служила руководительницей и крѣпкою связью между княземъ и народомъ. Такимъ образомъ власть князя, въ единеніи съ народомъ и церковью, была причиной, что ничтожное поселеніе своевольнаго Новгородскаго боярина превратилось въ столичный городъ князя, и притянуло къ себѣ сначала всѣ окрестные города, а потомъ мало по малу и всѣ остальные области древней великокняжеской и разрозненной удѣлами русской земли. И вотъ, подъ вліяніемъ все болѣе и болѣе распространявшагося между народомъ понятія о власти москов. князя, даже удѣльные князья, сохранившіе независимость, приходили къ сознанию о старшинствѣ московскаго князя. Бла-

годаря этому сознанию, когда Дмитрій Донской пошелъ на Татаръ, то по зову его явились и удѣльные князья съ своими войсками, и стали подъ начало и главенство московскаго знамени, на защиту общей русской земли.

Первое лѣтописное извѣстіе о Москвѣ относится къ 1147 году. Въ немъ говорится, что кн. Юрій Владиміровичъ Суздальскій писалъ своему союзнику, князю Святославу Ольговичу Черниговскому, вытѣсненному изъ южной Россіи великимъ княземъ кievскимъ: «Прииде, брате, ко мнѣ въ Московъ». Князь Святославъ Ольговичъ дѣйствительно пріѣхалъ къ нему, покоривъ по дорогѣ народецъ Голядь, поселившійся на берегахъ р. Поротвы, въ Можайскомъ и Верейскомъ уѣздахъ нынѣшней Москов. губерніи. Князья «любезно дѣловастася въ день пятка, на Похвалу Богородицы, при чемъ Олегъ, сынъ Святослава, подарилъ Юрію рѣдкой красоты парда. Юрій устроилъ пиръ въ честь своихъ гостей, и богато одарилъ всѣхъ бояръ Святославовыхъ*). О пирѣ этомъ упоминается и въ преданіи, приведенномъ выше.

Обѣдъ князя Юрія былъ данъ раннею весною, на праздникъ Похвалы Богородицы, въ субботу 28 марта, и потому не могъ быть данъ въ шатрахъ, но долженъ былъ происходить въ избахъ и клѣткахъ княжескаго двора. Это служить доказательствомъ, что постройки на этомъ мѣстѣ существовали уже прежде. Есть предположеніе, что черезъ Москву лежала издавна большая дорога изъ Кіева во Владиміръ, и въ Москвѣ, вѣроятно, было княжеское становище, т. е. князья останавливались въ ней по пути, для отдыха или ради охоты.

Путь этотъ, проложенный съ незапамятныхъ временъ, долженъ былъ быть въ то же время и военнымъ путемъ: великіе и удѣльные князья, слѣдуя отъ Чернигова и Рязани на Владиміръ и Ростовъ, на Тверь и Новгородъ, должны были проѣзжать чрезъ Москву. По этому пути къ сѣверу были *волоки*, т. е. люди волокли, тянули на веревкахъ нагруженные суда, идя вдоль берега рѣки.

Кромѣ того, Москва лежала на перекресткѣ торговаго сухопутнаго сообщенія запада съ востокомъ, гдѣ жило на Волгѣ торговое Болгарское племя.

Еще прежде того, во времена язычества, можно предположить въ ней существованіе городища, или богослужебнаго языческаго капища, которыя обыкновенно устраивались въ такихъ именно мѣстностяхъ, при слияніи двухъ рѣкъ.

*) Замѣтимъ при этомъ мимоходомъ, что первое лѣтописное извѣстіе о Москвѣ есть въ то же время извѣстіе о веселомъ пирѣ, которымъ угощаль одинъ князь другаго, а древнѣйшее преданіе говоритъ о красотѣ ея владѣтелей. Веселость, гостепримство и красота, — вотъ стало быть первообразы Москвы, извѣстной и до сихъ поръ своимъ хлѣбосольствомъ, а въ бызнія времена и красотою своихъ невѣсть.

Городища служили во времена язычества мѣстомъ для поклоненія божествамъ, а также и для пиршествъ, ихъ сопровождавшихъ. Они строились всегда въ глухой мѣстности и окапывались землянымъ валомъ, потому что въ случаѣ опасности, населеніе укрывало въ нихъ свои пожитки. Городища были разбросаны по всей Руси и находились на извѣстномъ разстояніи одно отъ другаго. Такое городище должно было быть въ Кремлѣ, при впаденіи рѣчки Неглинной въ Москву. Въ 11-ти верстахъ отъ него, въ селѣ Кунцевѣ, остались и до сихъ поръ еще слѣды городища, на которомъ, по введеніи христіанства, была поставлена церковь Покрова Богородицы, ушедшая, по преданію, въ землю. Такія же городища были: на Яузѣ, гдѣ теперь Андроньевъ монастырь, на Вшивой горкѣ, гдѣ церковь Никиты мученика, и на Лыщиковой горѣ, близъ Таганской площади, гдѣ находится церковь Покрова Богородицы.

Отдаленная древность поселенія на мѣстѣ Москвы подтверждается открытыми памятниками въ Кремлѣ, гдѣ при раскопкѣ земли по случаю постройки большого дворца, были найдены курганные серебряные обручи и серьги, а на мѣстѣ храма Христа Спасителя древнія арабскія монеты, изъ которыхъ одна 862 г.

Между первымъ и вторымъ лѣтописнымъ извѣстіемъ о Москвѣ — объ обѣдѣ князя и о нашествіи Батя, о которомъ будетъ сказано далѣе, — нѣтъ подробныхъ свѣдѣній о томъ, что происходило въ ней. Но вотъ какою она представляется по изслѣдованіямъ новѣйшихъ ученыхъ.

Первою основою Москвы былъ княжій дворъ, представлявшій собою обширную помѣщичью усадьбу, стоящую среди деревень и слободъ. Когда князья переѣхали въ Москву на постоянное житье, то конечно городъ сталъ обстроиваться и распространяться.

Княжій дворъ находился на высокому холму при Москвѣ рѣкѣ, недалеко отъ впаденія въ нее рѣчки Неглинной, приблизительно тамъ же, гдѣ и теперь помѣщается дворецъ.

Въ наши дни холмъ этотъ не представляется уже такимъ возвышеннымъ, потому что его нѣсколько разъ сравнивали и срывали. Но еще за 70 лѣтъ до нашего времени, на него съ трудомъ можно было вѣзжать или всходить.

Онъ былъ покрытъ густымъ боромъ, шедшимъ черезъ нынѣшній холмъ Китай-города, и далѣе по Лубянкѣ, Мясницкой, Покровкѣ, вплоть до самаго бугра, на которомъ стоитъ Ивановскій монастырь, и даже далѣе, до побережья Яузы. Это подтверждается существующими до сихъ поръ названіями: *Боровицкихъ* воротъ, и дворцовой церкви Спаса *на Борѣ*. Тутъ же стояла и другая церковь, Рождества Іоанна Предтечи *на Борѣ*, о которой лѣтописецъ говоритъ, что она была первымъ древнѣйшимъ соборнымъ храмомъ Москвы, и церковь

Гребенской иконы Божьей Матери, на Лубянкѣ, именовавшейся прежде *на бору* (построена въ 1472 г.). Затѣмъ по правую сторону Мясницкой улицы, рядомъ съ церковью Харитонія, существовало *Забдровское* Чудовское подворье, при которомъ были обширные митрополичьи, а потомъ патріаршіе огороды и сады, и слободы служилыхъ людей. Именовалось оно такъ потому, что на пути изъ Кремля къ подворью изъ-стари росъ боръ или сосновый лѣсъ.

Подлѣ княжескаго двора во всей древней Руси строилась церковь, службы княжескія и дома дворовыхъ людей со службами. Все это обносилось тыномъ, такъ какъ даже монастыри всегда обносились для безопасности стѣною, хотя бы деревянною.

Все пространство вокругъ княжаго двора или Кремля было покрыто лѣсами, оврагами, лугами и болотами. Характеръ этихъ древнихъ мѣстностей сохранился и донинѣ въ названіяхъ: Моховая, Вязки, Елохово (отъ ельника), на бору, Полянка, Кулижки (малыя луговины при болотистыхъ мѣстахъ), Студенецъ, Напрудный, Лужники, подъ Сосенками, Крапивки. Подъ самымъ Кремлемъ, гдѣ теперь въѣздъ съ Москворѣцкаго моста, берегъ Москвы рѣки былъ покрытъ топью, что подтверждается названіями церковей *Никола на Мокромъ* и *Благовѣщенія на болотѣ*. Уголъ земли, образуемый впаденіемъ Яузы въ Москву рѣку, гдѣ теперь стоитъ Воспитательный домъ, представлялъ обширную луговину, называвшуюся Васильевскимъ лугомъ. То же представлялъ и правый берегъ Москвы рѣки, напротивъ Кремля, называвшійся *большимъ лугомъ за рѣкою противъ врода*. Замоскворѣчье представляло лощину, покрытую лѣсомъ. Оно было нѣсколько населено только съ западной стороны, что подтверждается названіемъ Полянки, отъ полей, при которыхъ должно было находиться селеніе хлѣбопашцевъ. Мѣстность, занимаемая нынѣшней Воздвиженкой, Знаменкой и большею частию Пречистенки называлась *Островомъ*, что означаетъ и понинѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи большой лѣсъ. Онъ оканчивался обрывомъ у нынѣшней церкви Николая Стрѣлецкаго (въ концѣ Знаменки) съ одной стороны, а съ другой обрывомъ же у церкви Покрова на Грязяхъ, или Сошествія св. Духа у Пречистенскихъ воротъ.

По мѣрѣ своего разростанія, Москва расположилась на семи слѣд. холмахъ: первый, гдѣ нынѣ колокольня Ивана Великаго; второй — гдѣ церковь Успенія на Покровкѣ; третій — Страстной монастырь; четвертый — урочище Три-Горы за Прѣсней; пятый — Вшивая горка; шестой — высшая точка Лефортовской части, и седьмой — гребень Воробьевыхъ горъ. Въ ней протекали кромѣ существующихъ нынѣ *Москвы*, древней *Смородины*, *Неглинной* обмелѣвшей и скрытой въ наши дни въ каменной трубѣ, и *Яузы*: *Синичка*, впадающая въ Яузу, протекала между Лефортовской частью и Веденскими горами, *Чечерка* — вытекала изъ Краснаго пруда, имѣла теченіе чрезъ Басманную и Ро-

гожскую, и впадала въ Язу, и *Ходынка* — протекала за Тверскою и Прѣсенскою заставами. Кромѣ того, существовали ручьи: *Золотой Рожекъ* — бралъ свое начало за Камерь-Коллежскимъ валомъ, у Рогожской заставы, изъ колодца, что близъ старообрядческаго кладбища, протекалъ по Рогожской части и впадалъ въ Язу близъ Андроньева монастыря, и *Гнилецъ* — вытекалъ изъ прудовъ въ Сокольникахъ, принадлежавшихъ графу Брюсу, и впадалъ чрезъ Покровскій дворцовый садъ въ Язу.

Селеніе боярина Кучки было въ сторонѣ отъ Кремля, гдѣ теперь Срѣтенскій монастырь. Мѣстность эта до основанія монастыря называлась Кучковымъ полемъ, примыкавшимъ къ урочищу *Поганый прудъ*, получившему свое названіе отъ нечистотъ, стекавшихъ въ него изъ близъ лежащихъ бойнь. Урочище это было заселено мясниками, давшими прозвище Мясницкой улицѣ. Въ началѣ XVIII в. Поганый прудъ былъ переименованъ *Чистымъ*.

Во время нашествія Батя, въ 1237 г., Москва была разорена наравнѣ съ другими городами сѣверо-восточной Руси. Московскій воевода, Филиппъ Нянька, поплатился жизнью, защищая родной городъ, а князь Владиміръ Юрьевичъ, присланный на защиту Москвы великимъ княземъ Юріемъ Всеволодовичемъ, захваченъ Татарами въ плѣнъ. Москва была взята Батыемъ 20-го Января и сожжена. Впрочемъ, она скоро оправилась послѣ этого погрома, потому что десять лѣтъ послѣ нашествія Батя, князь ея, Михаилъ Ярославичъ Храбрый, былъ уже настолько силенъ, что выгналъ дядю своего, Святослава, изъ Владиміра, и воевалъ съ Литвою. Михаилъ Ярославичъ называется въ лѣтописяхъ первымъ княземъ Московскимъ.

При Александрѣ Невскомъ, Москва дѣлается удѣльнымъ княжествомъ и достается меньшому сыну его, Даніилу.

ГЛАВА II.

Усиленіе Москвы. — Борьба съ Тверью. — Иванъ Даниловичъ получаетъ ярлыкъ на великое княженіе. — Митрополитъ Петръ. — Его житіе. — Построеніе храма Успенія. — Копчина св. Петра. — Построеніе другихъ церквей. — Великокняжескій дворець. — Пожары. — Симеонъ, по прозванію Гордый. — Основаніе Троицкой Лавры. — Житіе преп. Сергія. — Житіе св. Алексѣя. — Основаніе Андроньева и Чудова монастырей. — Алексѣевскій и Зачатіевскій монастыри. — Кончина Алексѣя. — Митяй. — Приѣздъ Кипріяна.

1328—1381.

Съ князя Даніила Александровича собственно начинается исторія Москвы — исторія постепеннаго ея усиленія и распространенія.

Первоначальная область Москвы, во владѣніи князя Даніила Александровича, находилась между Лопасней, Можайскомъ, Клиномъ,

Дмитровомъ, Радонежемъ и Коломною: города же эти принадлежали къ чужимъ княжествамъ.

Не велика была эта область, но ей суждено было сдѣлаться центромъ новаго могущественнаго государства.

Даніилъ присоединилъ къ своему удѣлу Переяславль, доставшійся ему отъ дяди его, Ивана, умершаго бездѣтнымъ. Это пріобрѣтеніе было очень важно. Область Переяславская была густо населена, и главный городъ ея, Дмитровъ, былъ обведенъ глубокимъ ровомъ, наполненнымъ водою, высокимъ валомъ и двойной стѣной съ двѣнадцатью башнями.

При Даніилѣ были построены въ Москвѣ слѣд. церкви: Архангела Михаила въ Кремлѣ, Богоявленскій монастырь на нынѣшней Никольской улицѣ, церковь Спаса-Преображенія на Бору, на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде, по преданію, жилъ отшельникъ Букаль, и Даниловъ монастырь на берегу Москвы рѣки, у нынѣшней Серпуховской заставы, гдѣ князь Даніилъ и былъ погребенъ. При сынѣ его, Иванѣ Калитѣ, монахи этого монастыря были переведены въ церковь Спаса-Преображенія на Бору, и древняя обитель Даніила запустѣла. Въ Степенной книгѣ разсказывается, что во время в. к. Ивана III Васильевича, Даніилъ явился у своего гроба на берегу Москвы рѣки одному придворному юношѣ, тамъ ѣхавшему, и сказалъ ему: «рцы великому князю Ивану: се убо самъ всячески себѣ утѣшаеши, мене же забвенію предашь еси». Иванъ III установилъ съ того времени пѣть соборныя паннихиды о душахъ своихъ родственниковъ. Въ княженіе сына его, Василия Ивановича, бояринъ Иванъ Михайловичъ Шуйскій, сопутствуя государю, хотѣлъ съ надгробнаго камня Даніила сѣсть на лошадь, но едва было не умеръ, и вылечился только молебнами, отпѣтыми на этомъ мѣстѣ. Въ царствованіе Ивана IV Васильевича, умирающій сынъ одного купца исцѣлился у гроба Даніила, и царь, удивленный такими чудесами, возобновилъ древній монастырь Даниловъ и построилъ тамъ каменную церковь. Въ царствованіе царя Алексѣя Михайловича изъ стѣны былъ вынутъ гробъ Даніиловъ, и мощи его, оказавшіеся нетлѣнными, перенесены въ соборную церковь Данилова монастыря, гдѣ и до нынѣ почиваютъ.

Сынъ Даніила, Георгій, наслѣдовалъ послѣ отца Московское княжество съ Переяславлемъ, и вскорѣ увеличилъ его присоединеніемъ Можайска и Коломны, которые находились на Москвѣ рѣкѣ и были необходимы Москвѣ, открывая ей дорогу, — одинъ къ Смоленскимъ и Новгородскимъ землямъ, другая же къ Рязани и Волгѣ.

Благодаря этимъ пріобрѣтеніямъ, Московское княжество усилилось. Но еще сильнѣе и богаче его было Тверское княжество. Несмотря на то, по смерти в. к. Владимірскаго, Андрея Александровича, Георгій сталъ искать великаго княженія, которое должно было перейти по

праву старшинства къ Тверскому князю, Михаилу Ярославичу. Онъ вступилъ въ борьбу съ Тверью и своею жизнью и смертию вызвалъ такія происшествія, которыя погубили Тверь и очистили Москвѣ путь къ возвышенію.

Проживъ въ Ордѣ около трехъ лѣтъ, Георгій получилъ отъ хана Узбека ярлыкъ и грамоту на великое княженіе. Тверской князь не хотѣлъ уступить ему своихъ правъ добровольно. Споръ ихъ окончился въ Ордѣ, куда оба противника явились для рѣшенія своего дѣла, и гдѣ Михаилъ Ярославичъ былъ казненъ, по повелѣнію хана. Нѣсколько времени спустя, впрочемъ, Узбекъ отдалъ великое княженіе сыну Михаила, Дмитрію. Тогда Георгій снова поѣхалъ въ Орду, чтобы умолилъ хана въ свою пользу. Онъ встрѣтился тамъ съ княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ, который, увидѣвъ передъ собою своего врага, и притомъ въ канунъ того дня, въ который погибъ въ Ордѣ его отецъ, убилъ его на мѣстѣ, въ присутствіи хана*).

За такое самоуправство князь Дмитрій, по прозванію «Грозныя очи», былъ казненъ ханомъ, и толпы грабителей-Татаръ устремились вслѣдъ за тѣмъ на Тверь, какъ бы мстя народу за вину его князя.

На бѣду Твери, между жителями ея разнесся слухъ, что Татары хотятъ всѣхъ ихъ обратить въ магометанскую вѣру. Это ихъ взволновало, и они сообща съ княземъ своимъ Александромъ Михайловичемъ перерѣзали и сожгли всѣхъ Татаръ, бывшихъ въ городѣ. Этимъ поступкомъ они окончательно погубили Тверь. Узбекъ сильно разгнѣвался, узнавъ о гибели Татаръ, и захотѣлъ примѣрнымъ образомъ наказъ жителей Твери. Орудіемъ своего гнѣва онъ избралъ наслѣдственнаго врага Твери, Московскаго князя Ивана Даниловича, брата Георгія Даниловича, умерщвленнаго Дмитріемъ Михайловичемъ.

Ханъ прислалъ Ивану Даниловичу 50,000 Татарскаго войска, съ которыми онъ долженъ былъ идти на Тверь, и обѣщалъ ярлыкъ на великое княженіе, если порученіе его будетъ исполнено сообразно его желанію.

Иванъ Даниловичъ пошелъ на Тверь вмѣстѣ съ княземъ Суздальскимъ, опустошилъ ея города и принудилъ князя Александра Михайловича бѣжать изъ Твери.

Узбекъ былъ удовлетворенъ. Онъ прислалъ Ивану Даниловичу ярлыкъ на великое княженіе и отдалъ ему Владиміръ съ принадлежащими къ нему городами, напр. Коломною, которая съ тѣхъ поръ не отдѣлялась уже болѣе отъ Московскаго княжества.

Съ этого времени миръ и тишина водворились въ сѣверной Руси на многіе годы. Иванъ Даниловичъ, сдѣлавшись великимъ княземъ, остался жить

*) Тѣло князя Георгія было привезено въ Москву, гдѣ княжилъ тогда братъ его, Иванъ Даниловичъ, и погребено въ стѣнахъ Успенскаго собора, но мѣсто его могилы теперь неизвѣстно. Митрополитъ Петръ совершалъ погребеніе.

настырскаго устава и всевозможныя трудныя и черныя работы и услуги для братіи, вмѣстѣ съ тѣмъ занимался иконною живописью. Ведя подвижническую жизнь, онъ, по постриженіи въ иноки, былъ удостоенъ сначала діаконскаго, а потомъ пресвитерскаго сана.

Пройдя всѣ степени иноческихъ подвиговъ, онъ удалился изъ монастыря въ пустынное и уединенное мѣсто на рѣкѣ Ратѣ, въ Галиціи, и основалъ тамъ монастырь.

Вѣсть о его святой жизни распространилась вскорѣ по окрестностямъ, и въ его монастырь стали приходять на богомолье изъ далекихъ странъ. Св. Петръ принималъ всѣхъ безразлично, и бѣднымъ никогда не отказывалъ: кормилъ ихъ и отдавалъ имъ все, что только могъ дать — даже послѣднюю рубашку или икону, имъ написанную. По словамъ Кипріана: «славимъ былъ сей дивный человекъ и всѣ внимали слову и ученію его».

Въ это время Кіевскій и всяя Руси митрополитъ Максимъ, при объѣздѣ своей обширной митрополіи, посѣтилъ и Волинь, гдѣ его встрѣтилъ Петръ съ братіей для принятія благословенія. Петръ поднесъ митрополиту писанный имъ образъ Богоматери. Максимъ благословилъ Петра съ братією, принялъ образъ, и до конца своей жизни всегда молился передъ нимъ. Образъ этотъ находится нынѣ во Владимірскомъ каедральномъ соборѣ.

По смерти митрополита Максима, игуменъ одного изъ сѣверныхъ монастырей, по имени Геронтій, захвативъ съ собою святительскія одежды, жезлъ и образъ Богоматери, написанный св. Петромъ, при покровительствѣ какого нибудь князя, можетъ быть Михаила Ярославича Тверскаго, — отправился въ Константинополь для поставленія въ митрополиты. Этотъ отъѣздъ Геронтія, безъ вѣдома русскихъ князей и епископовъ, возбудилъ противъ него всеобщее неудовольствіе. Въ то же время Галичскій князь Юрій Львовичъ, желая имѣть для своихъ владѣній отдѣльнаго митрополита, предложилъ игумену Ратскаго монастыря, Петру, пользовавшемуся всеобщимъ уваженіемъ, отправиться въ Константинополь для поставленія въ митрополиты Галичскіе. Послѣ многихъ просьбъ, Петръ согласился, и отправился въ Константинополь, вмѣстѣ съ посломъ и грамотой отъ князя къ патріарху. Въ Константинополѣ Петръ былъ принятъ съ великою честью и посвященъ въ митрополиты всяя Руси.

Геронтій, задержанный бурями на Черномъ морѣ, прибылъ въ Константинополь уже послѣ поставленія Петра. Патріархъ, зная, что Геронтій самовольно отправился изъ Россіи, отобралъ отъ него всѣ принадлежности митрополитскаго сана и образъ Богоматери, и вручилъ ихъ Петру, а Геронтію выразилъ, что онъ недостойнъ святительскаго сана, какъ поступившій противъ правилъ св. Отецъ.

Петръ, вслѣдъ за поставленіемъ, отправился въ Кіевъ, пробылъ тамъ

одинъ годъ, а затѣмъ переселился во Владиміръ на Клязьмѣ, гдѣ начала сосредоточиваться въ это время жизнь и сила русскаго народа.

По прибытіи во Владиміръ, Петръ занялся устройствомъ и нуждами церкви, бывшей послѣ смерти Максима нѣсколько лѣтъ безъ митрополита, и въ то же время являлся примирителемъ въ ссорахъ князей между собою. Такъ, когда Тверской князь Дмитрій Михайловичъ пошелъ съ большимъ войскомъ на Московскаго князя, Георгія Даниловича, онъ убѣдилъ его оставить ссору, и Дмитрій Михайловичъ, послушавъ его, распустилъ войско.

Чтимый всѣми за свою святую жизнь, Петръ возбудилъ противъ себя завистника и клеветника въ лицѣ Тверскаго епископа, Андрея, который сталъ разглашать дурныя о немъ слухи и сдѣлалъ на него ложный доносъ патріарху.

Патріархъ призналъ этотъ доносъ столь важнымъ, что послалъ своего клирика съ грамотой къ Петру, требуя въ ней, чтобы онъ покался, если въ чемъ виноватъ.

Получивъ грамоту патріарха, Петръ созвалъ соборъ въ Переяславль-Залѣскомъ. Но когда патріаршій клирикъ прочелъ на соборѣ грамоту патріарха, заключающую въ себѣ разныя обвиненія на митрополита, то всѣ присутствовавшіе, епископы и князья, признали въ этихъ обвиненіяхъ клевету. Святитель Петръ, желая успокоить волненіе, охватившее собраніемъ, сказалъ: «Братія и чада о Христѣ возлюбленная, не лучше я пророка Іоны, и если ради меня вы волнуетесь, то изгоните меня и успокойтесь».

Члены собора пожелали узнать имя клеветника, и когда обнаружилось, что это былъ присутствовавшій на соборѣ Тверской епископъ Андрей, то всѣ выразили ему негодованіе и порицаніе, какъ донощику. Петръ же обратился къ Андрею и сказалъ: «Миръ ти о Христѣ, чадо, не ты это сдѣлалъ, но дьяволъ завидующій человѣческому роду; ты же отнынѣ береги себя, прошлое же да проститъ тебѣ Господь».

Этимъ словомъ христіанской любви Петръ ограничился въ отношеніи своего клеветника, епископа Андрея, можетъ быть во вниманіе къ его легкомыслию, такъ какъ въ житіи св. Петра говорится, что Андрей «легко убо суца умомъ, легчайше и разумомъ», или потому, что на соборѣ находились Тверскіе князья, Дмитрій и Александръ Михайловичи, покровительствовавшіе Андрею. Соперничество княжескихъ семей, Тверскаго и Московскаго княжествъ, передавалось и окружающимъ ихъ близкимъ людямъ, которые примѣнялись къ образу дѣйствій своихъ князей. Этимъ и объясняется поступокъ Андрея противъ Петра, выказывавшаго склонность къ Московскому князю. Склонность же эта вызывалась какъ личными качествами Московскаго князя, такъ и тѣмъ положеніемъ, какое занимала въ то время Москва. Св. Петръ видѣлъ въ ней зачатки будущаго государства, и рѣшился переселиться въ Москву и

перенести туда митрополию. Эта рѣшимость Петра объясняется еще и тѣмъ беззащитнымъ положеніемъ церкви, въ которомъ она находилась въ то время.

Оставаясь вѣрною своему духовному призванію, она нуждалась въ покровительствѣ свѣтской власти, и нашла его въ Москвѣ. Съ своей стороны церковь дала рѣшительный перевѣсъ Московскому княжеству передъ всѣми другими.

Переѣхавъ въ Москву, св. Петръ основалъ свою обитель или митрополичій дворъ, при церкви Рождества Іоанна Предтечи подъ боромъ, и съ тѣхъ поръ эта церковь называлась митрополичьею или кафедральною вплоть до построения Успенскаго собора. Преемникъ Петра, Θεогностъ, имѣлъ свой дворъ тамъ же, но Алексѣй избралъ мѣстомъ для своего жилища основанный имъ Чудовъ монастырь, а Іона перенесъ митрополичій дворъ ближе къ Успенскому собору, гдѣ онъ выстроилъ себѣ каменные палаты, а въ 1451 г. церковь во имя Положенія ризы Пресв. Богородицы во Влахериѣ, въ память внезапнаго отступленія Татаръ отъ Москвы въ день праздника Богоматери, 2-го іюля. Полагаютъ, что нынѣшняя меньшая Золотая палата Теремнаго дворца есть именно та палата, которую построилъ Іона, потому что своды ея, укрѣпленные желѣзными связями стѣнъ, принадлежатъ къ древнимъ постройкамъ. Позднѣе такія связи уже не употреблялись. Спустя 35 лѣтъ, церковь Ризъ Положенія и Палаты были перестроены митрополитомъ Геронтіемъ, затѣмъ сгорѣли въ пожаръ 1547 г. (при Іоаннѣ Грозномъ), и были возобновлены митрополитомъ Макаріемъ, послѣ чего Святительская палата стала называться *Макарьевскою* и *Бѣлою*, а потомъ *Золотою*. Во время пребыванія въ Кремлѣ Поляко-Литовцевъ, въ смутное время самозванцевъ и междоусобицъ, Ризположенская церковь и Митрополичій дворъ были настолько разорены, что до возобновленія ихъ патріархъ Филаретъ Никитичъ долженъ былъ помѣщаться въ келліяхъ Троицкаго Богоявленскаго подворья. Въ 1624 г. онъ перешелъ въ свои новыя Государевы келліи, которыя стали съ этихъ поръ называться Государевымъ Патріаршимъ дворомъ. Въ нихъ жили патріархи до Никона, построившаго новый Патріаршій домъ противъ сѣверныхъ вратъ Успенскаго собора, существующій по нынѣ.

При возобновленіи церкви Рождества Іоанна Предтечи послѣ 1812 г., вокругъ нея были открыты слѣды стариннаго кладбища, а съ южной ея стороны остатки деревяннаго зданія, въ видѣ дубовыхъ перекладинъ и толстыхъ ступевъ, врытыхъ въ землю. Предполагаютъ, что это были остатки стараго митрополичьяго двора. Церковь Рождества Предтечи была разобрана въ сороковыхъ годахъ и перенесена въ Боровицкія ворота.

Вскорѣ по приѣздѣ своемъ въ Москву митрополитъ Петръ выразилъ великому князю желаніе, чтобы онъ выстроилъ церковь Богоматери и

сказалъ: «Если ты, сынъ мой, меня послушаешь и храмъ Пречистыя Богородицы воздвигнешь въ своемъ градѣ, то самъ прославишься паче иныхъ князей и сыновья и внуки твои въ роды; градъ сей будетъ славенъ во всѣхъ градахъ русскихъ и Святители поживутъ въ немъ и въздуть руки его на плеча враговъ его, и прославится Богъ въ немъ. Еще и мои кости въ немъ положены будутъ».

Иванъ Даниловичъ съ радостію принялъ совѣтъ св. Петра, и 4-го авг. 1326 г. заложилъ въ Кремлѣ каменную церковь Успенія Богородицы. Святитель принималъ участіе въ построеніи ея совѣтами и собственными трудами, — но не дожилъ до окончанія постройки. Онъ скончался 4-го дек. 1326 г., черезъ 4 мѣсяца и 17 дней послѣ закладки храма, и былъ положенъ въ каменномъ гробѣ, выгесанномъ имъ самимъ во вновьсозидаемомъ храмѣ.

Въ день своей кончины онъ служилъ въ церкви, а по окончаніи служенія поучалъ народъ и раздавалъ милостыню. Почувствовавъ приближеніе смерти, онъ послалъ за Московскимъ тысяцкимъ Протасіемъ, такъ какъ Ивана Даниловича не было въ это время въ Москвѣ, и сказалъ ему: «чадо, я отхожу отъ житія сего; оставляю сыну моему, возлюбленному князю Ивану, милость, миръ и благословеніе отъ Бога, ему и сѣмени его до вѣка. За то, что сынъ мой меня успокоилъ, воздастъ ему Господь сторицею въ мірѣ семъ и животъ вѣчный наслѣдуетъ, и да не оскудѣютъ отъ сѣмени его обладающіе мѣстомъ его, и память его прославится».

Завѣщавъ отдать все, что послѣ него останется, на построеніе храма Успенія, святитель началъ пѣть вечерню, и съ молитвою на устахъ, и съ воздѣтыми къ небу руками, — скончался.

Князь Иванъ Даниловичъ, услыхавъ горестную вѣсть о кончинѣ митрополита, послѣшилъ въ Москву, чтобы присутствовать на его погребеніи, которое и было совершено 21-го декабря 1326 г.

Соборъ Успенія былъ оконченъ черезъ 7 мѣсяцевъ и освященъ Ростовскимъ епископомъ Прохоромъ 4-го августа 1327 г.

Степенная книга повѣствуетъ, что за нѣсколько времени до кончины Петра, князь Иванъ Даниловичъ, проѣзжая берегомъ рѣки Неглинной, мимо Высоцкой слободы, принадлежавшей по преданію боярину Кучкѣ, внезапно увидалъ на мѣстѣ этой слободы высокую гору, покрытую снѣгомъ, который вдругъ растаялъ, а затѣмъ исчезла и гора. Князь разсказалъ объ этомъ видѣніи св. Петру и услыхалъ отъ него такое объясненіе: «Гора высокая — это ты, князь, а снѣгъ — я смиренный. Миѣ прежде тебя должно отойти изъ сей жизни».

Въ память этого случая князь Иванъ Даниловичъ построилъ на мѣстѣ видѣнія церковь въ честь Боголюбской иконы Божіей Матери. Церковь эта сдѣлалась послѣдствіемъ основнымъ храмомъ существующаго нынѣ Высоко-Петровскаго монастыря на Петровкѣ.

При Иванѣ Даниловичѣ Москва значительно обстроилась. Кромѣ храма Успенія, князь построилъ каменную церковь Спаса Преображенія на томъ мѣстѣ, гдѣ при Даниилѣ была выстроена деревянная церковь того же имени, и перевелъ къ ней изъ-за города Даниловскій монастырь, учрежденный его отцемъ.

Эта церковь, существующая до нашихъ дней и извѣстная подъ именемъ Спаса на Бору, составляетъ важную достопамятность Москвы, какъ самый древній ея памятникъ. Церковь эта была щедро надѣлена Калитою всякою церковною утварью, а передъ смертію оныя принялъ въ ней постриженіе.

Кромѣ того, Иванъ Калита построилъ еще три каменныхъ церкви: Іоанна Лѣствичника, на память рожденія сына Ивана, въ день празднуемый этому святому, называвшюся «что подъ колоколы» и находившюся тамъ, гдѣ теперь стоитъ колокольня Ивана Великаго, Поклоненіе честныхъ веригъ св. Петра, и Архангела Михаила, на мѣстѣ деревянной церкви кн. Даниила Александровича, построенную имъ въ благодарность Богу за избавленіе русской земли отъ голода, извѣстнаго въ лѣтописяхъ подъ именемъ *рослой ржи*. Церковь эта была выстроена въ одинъ годъ и освящена митрополитомъ Теогностомъ въ 1333 г.

Направо отъ церкви Архангела Михаила находился деревянный великокняжескій дворецъ. Подробнаго описанія его мы не имѣемъ, но знаемъ, что въ это время княжескіе дворцы не строились однимъ зданіемъ, но состояли изъ нѣсколькихъ клѣтѣй, хоромины или избъ, соединенныхъ между собою различными переходами. Подъ клѣтью подразумѣвались холодныя постройки, гдѣ князья жили лѣтомъ, а зимою они жили въ избахъ*), носившихъ различныя названія: *горенки*, *ложницы* или *одрины* (спальни, отъ одра), при которой сбоку находилось помѣщеніе для княжескихъ тѣлохранителей, называвшихся *гридью**)*, *гридницы*, служившей для приѣма гостей и для пировъ, *божницы*, гдѣ князья слушали различныя церковныя службы.

Князья жили обыкновенно въ верхнихъ хоромахъ, при входѣ въ которыя находились сѣни. Подъ княжескими хоромами или клѣтками находились *порубы* или *подклатты*, гдѣ помѣщались княжескіе слуги, отроки, дѣтскіе, составлявшіе дворъ и называвшіеся поэтому *дворянами*.

Между дворцомъ и соборами — Успенскимъ и Архангельскимъ — была большая площадь, а на западъ отъ Успенскаго собора, почти на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь терема, стоялъ Митрополичій дворъ, перенесенный туда отъ церкви Рождества Іоанна Предтечи святымъ митрополитомъ Іоною.

*) Названіе избы произошло отъ слова истъбы — истопить, а потому избы всегда были съ печами.

**) Названіе это происходило отъ шведскаго слова *gred* — мечъ. Тѣлохранители были вооружены мечами и топорами на длинныхъ древкахъ въ родѣ алебарды.

Весь Кремль, или по древнему дѣтинець, отъ славянскаго слова дѣдина — деревня, владѣніе, обиталище, дворъ дѣдича т. е. отчинника, владѣльца, мѣсто укрѣпленное, — былъ обнесенъ при Калитѣ дубовыми стѣнами, заложенными 25 ноября 1339 г. и оконченными къ великому посту слѣдующаго года. Остатки этихъ стѣнъ, въ видѣ толстыхъ дубовыхъ бревенъ, были найдены въ землѣ при постройкѣ большаго кремлевскаго дворца.

Подъ городомъ Иванъ Калита построилъ посады и слободы, которые были заселены великокняжескими ремесленниками, что доказывается названіями: Гончарная, Кузнечная и т. п.

И такъ, въ княженіе Ивана Даниловича Москва значительно обстроилась и усилилась въ то же время какъ государство, вслѣдствіе умѣнья в. к. ладить съ ханомъ. Тверь окончательно потеряла при немъ свое первенствующее значеніе въ сѣверо-восточной Руси, вынужденная уступить его Москвѣ. Князь ея, Александръ Михайловичъ, погибъ въ Ордѣ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ Ѳедоромъ и верховная власть надъ Тверскимъ княжествомъ перешла въ руки Калиты. Оставшіеся послѣ князя Александра Михайловича сыновья не смѣли ему противиться, и, въ знакъ своей зависимости, прислали въ Москву, по требованію Ивана Даниловича, соборный колоколь, красу Твери.

При Калитѣ Москва горѣла два раза: въ 1330 году и 1337 г. Во второй изъ этихъ пожаровъ сгорѣло, по извѣстію лѣтописи, 18 церквей, находившихся подъ Кремлевскою горою, какъ предполагается, или на склонѣ горы къ Боровицкимъ и Константино-Еленскимъ воротамъ, и на мѣстѣ теперешняго плаца.

По смерти Ивана Даниловича многіе князья поѣхали въ Орду добиваться великокняжескаго достоинства, но предпочтеніе передъ всѣми ими дано было ханомъ сыну Ивана Даниловича, Симеону, вѣроятно потому, что установившійся въ Суздальской области новый порядокъ престолонаслѣдія, отъ отца къ сыну, смѣнившій старый, родовой, — признаваемъ былъ и Татарами. Помимо этого, Симеонъ Ивановичъ былъ богаче другихъ князей и могъ дать лучшіе дары хану и его приближеннымъ.

Симеонъ Ивановичъ, получивши великокняжеское достоинство, первый изъ князей сталъ называть себя великимъ княземъ *всѣя Руси* и властвовалъ какъ единодержавный государь. Поэтому младшіе удѣльные князья и дали ему названіе Гордаго. Онъ любилъ благолѣпіе въ храмахъ Божіихъ и при немъ Успенскій соборъ былъ росписанъ греческими живописцами и въ то же время Архангельскій соборъ — русскими иконниками: Захарією, Діонисіємъ, Іосифомъ и Николаемъ съ товарищами.

Въ 1342 г. въ Москвѣ былъ ужаснѣйшій пожаръ, истребившій почти весь городъ. Въ томъ же году Симеонъ Ивановичъ заложилъ

каменную церковь Богоявленія въ монастырѣ того же имени (на Никольской), основанномъ дѣдомъ его, княземъ Данииломъ Александровичемъ. Она была достроена, по его завѣщанію, бояриномъ Протасіемъ. По завѣщанію супруги князя Симеона, Анастасіи, были росписаны русскими художниками — Гойтаномъ, Симеономъ и Иваномъ съ товарищами церкви: Преображенія, что нынѣ Спаса на Бору, и церковь Іоанна Лѣствичника, что подь колоколы.

Симеонъ Гордый умеръ въ 1353 году, принявъ передъ смертію иноческій санъ въ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ. Въ это время по всей Руси свирѣпствовала болѣзнь, извѣстная подь именемъ черной смерти. Она была занесена изъ Азіи въ западную Европу, а оттуда во Псковъ и Новгородъ. Лѣтописцы не упоминають, была ли она въ Москвѣ, но говорятъ, что вся Русь испытала этотъ страшный бичъ. Въ Москвѣ въ короткое время умеръ митрополитъ Θεогность, в. к. Симеонъ, два его сына и братъ Андрей Ивановичъ. Надо думать; что та же ужасная болѣзнь сразила и ихъ.

При Симеонѣ въ 1-й разъ была употреблена писчая тряпичная бумага. На ней написанъ былъ договоръ его съ братьями и духовное завѣщаніе. Оба эти акта принадлежать къ числу самыхъ древнихъ бумажныхъ рукописей, доселѣ извѣстныхъ въ Европѣ*). Въ Россіи до Симеона и даже позднѣе до XV в. писали на пергаментѣ. Духовная и грамота Симеона Гордаго хранятся въ Московскомъ Архивѣ Иностранныхъ дѣлъ. На ней находится серебряная позолоченая печать, съ изображеніемъ на одной сторонѣ св. Симеона, а на другой словъ: печать великаго князя Симеона всея Руси.

Къ церковнымъ достопамяностямъ княженія Симеона принадлежитъ основаніе Троицкой Лавры преподобнымъ Сергіемъ.

Преподобный Сергій, въ мѣрѣ Варооломей, былъ сынъ обѣднѣвшаго Ростовскаго боярина Кирилла, переселившагося изъ Ростова въ городъ Радонежъ, нынѣшнее село Городокъ, въ 10 верстахъ отъ Лавры. По смерти родителей своихъ, Кирилла и Маріи, преподобный Сергій удался съ братомъ Стефаномъ, принявшимъ еще прежде того монашество, въ пустыню, въ десяти верстахъ отъ Радонежа, гдѣ среди дремучаго лѣса, на холму, построили себѣ келлію и церковь, которая освящена была по благословенію митрополита Θεогноста, во имя Святыхъ и Живоначальныхъ Троицы.

Стефанъ вскорѣ оставилъ пустыню и перешелъ игуменомъ въ Московскій Богоявленскій монастырь. Преподобный же Сергій остался на избранномъ имъ мѣстѣ, и на 23 году принялъ постригъ и нареченъ

*) Въ Италіи и въ Испаніи не нашлось ничего писаннаго на тряпичной или ветошной бумагѣ ранѣе 1367 г., въ Англіи ранѣе 1342 г., во Франціи ранѣе 1311 года, въ Германіи ранѣе 1308 года.

Сергіемъ. Вскорѣ къ нему стали собираться иноки, желавшіе жить подь его руководствомъ, и такимъ образомъ основался монастырь. Преподобный Сергій собственными руками строилъ келліи, помогая братіи. Первымъ игуменомъ возникшей обители былъ Митрофанъ, постригавшій Сергія въ иноки, и только по смерти его преподобный Сергій, по убѣдительной просьбѣ братіи, согласился принять начальство надъ обителью и былъ посвященъ въ іеромонаха и игумена.

Преподобный Сергій положилъ начало, по благословенію патриарха цареградскаго Филоея, духовному братскому общежитію, не только въ основанномъ имъ Радонежскомъ монастырѣ, но и въ Богоявленскомъ на Никольской, гдѣ игуменствовалъ, какъ сказано выше, старшій братъ его, Стефанъ, духовникъ великихъ князей Симеона и Ивана.

Одновременно съ Стефаномъ въ монастырѣ жилъ Геронтій, особенно уважаемый современниками за свое благочестіе и добродѣтели, и молодой инокъ Алексѣй, сдѣлавшійся впоследствии Московскимъ митрополитомъ. Вотъ краткое описаніе его жизни:

Отецъ Алексѣя, бояринъ Ѳеодоръ Бяконтъ, родоначальникъ Плещевыхъ, переселился въ Москву изъ разореннаго Монголами Чернигова еще при жизни князя Даніила Александровича. Онъ вступилъ на службу княжескую при Иванѣ Калитѣ, который далъ ему землю въ Москвѣ, нерѣдко поручалъ ему, на время своего отсутствія, управленіе городомъ, и крестилъ у него одного изъ его пяти сыновей, — Елевоерія-Симеона. Ребенокъ этотъ, приходя въ возрастъ, выказалъ необыкновенный умъ и способности, и 12 лѣтъ зналъ уже грамотѣ. Онъ вскорѣ пристрастился къ чтенію книгъ духовнаго содержанія и 15 лѣтъ поступилъ въ монахи Богоявленскаго монастыря, не смотря на просьбы и убѣжденія своихъ родителей, нежелавшихъ этого. Четыре года онъ находился въ монастырѣ на испытаніи, и послѣ того, на 20 году, постриженъ игуменомъ Стефаномъ подъ именемъ Алексѣя. Въ инокахъ онъ прожилъ 27 лѣтъ, проходя различныя монастырскія должности. Своею строгою жизнью онъ заслужилъ всеобщее уваженіе и обратилъ на себя вниманіе митрополита Ѳеогноста и в. к. Симеона, который назначилъ его намѣстникомъ при митрополитѣ. Въ этой новой должности Алексѣй управлялъ всѣми церковными дѣлами во время частыхъ отлучекъ митрополита въ Константинополь, Орду и отдаленныя епархіи. По смерти же Ѳеогноста, Алексѣй заступилъ его мѣсто и ѣздилъ для поставленія въ Константинополь. Это случилось уже послѣ смерти Симеона, умершаго въ одно время съ Ѳеогностомъ отъ чумы, когда уже великимъ княземъ былъ братъ его, Иванъ II Ивановичъ. Вернувшись послѣ поставленія въ Москву, Алексѣй узналъ, что патриархъ Филоей поставилъ въ митрополиты кромѣ него еще какого-то Грека Романа, который вступался въ дѣла церковныя и требовалъ себѣ даровъ отъ епископовъ. Алексѣй поѣхалъ вторично въ Константинополь, и

патріархъ Филовей, желая помирить обоихъ поставленныхъ имъ митрополитовъ, назвалъ Алексѣя — митрополитомъ Кіевскимъ и Владимірскимъ, а Романа — Литовскимъ и Волынскимъ.

По возвращеніи изъ Константинополя, св. Алексѣй основалъ Андрониковскій или Андроньевъ монастырь на берегу Яузы, по обѣщанію, данному имъ на морѣ во время бури. Мѣстность, на которой онъ былъ выстроенъ, носила до того названіе Болванской дороги. По ней ѣздили наши князья въ Золотую орду и по ней же пріѣзжали въ Москву ханскіе послы съ болваномъ или басмою, отъ чего дорога эта и получила названіе Болванской. Эта же самая дорога вела въ Москву изъ Суздаля и Владиміра. Монастырь получилъ названіе Андроньевскаго отъ Андроника, ученика св. Сергія, который былъ устройтеlemъ этой обители, по приглашеніи св. Алексѣя.

Слава о добродѣтеляхъ митрополита Алексѣя дошла до хана Золотой орды Чанибека. Когда у него опасно занемогла жена его Тайдула, то онъ предъявилъ къ великому князю требованіе, чтобы онъ прислалъ къ нему своего главнаго попа, такъ какъ онъ слышалъ, что Небо ни въ чемъ не отказываетъ его молитвамъ.

Св. Алексѣй, съ вѣрою въ помощь Божію, поѣхалъ въ Орду, и дѣйствительно Господь внялъ его молитвамъ, и Тайдула выздоровѣла въ ту минуту, какъ митрополитъ Алексѣй взшелъ къ ней и далъ ей благословеніе. Это милостиво расположило хана къ Русскимъ. Къ несчастію онъ недолго прожилъ послѣ того. Ему наслѣдовалъ сынъ его, который съ самаго начала отнесся враждебно къ русскимъ князьямъ. Св. Алексѣй вторично поѣхалъ въ Орду и, при посредствѣ матери хана, Тайдулы, сумѣлъ смягчить его гнѣвъ. По возвращеніи своемъ изъ Орды, св. Алексѣй былъ принятъ съ восторгомъ и благодарностію великимъ княземъ Иваномъ и всѣмъ народомъ. Осемилѣтній сынъ Ивана, Дмитрій, будущій герой Куликовскій, видя всеобщую радость, со слезами благодарности привѣтствовалъ Алексѣя словами: «О владыко! что ти воздамъ противу труда твоему? имъ же намъ мирное житіе даровалъ еси».

Въ ознаменованіе помощи Божіей при исцѣленіи Тайдулы, св. Алексѣй основалъ внутри Кремля Чудовъ монастырь, въ память чуда Архангела Михаила въ Колосахъ.

Мѣсто Чудова монастыря занималъ до того времени татарскій коношенный дворъ, который подарила св. Алексѣю исцѣленная имъ ханша Тайдула.

Третій монастырь, основанный св. Алексѣемъ въ Москвѣ по просьбѣ сестеръ его, Евпраксіи и Іуліи, былъ Алексѣевскій женскій, названный во имя его Ангела. Онъ былъ основанъ первоначально на Остоженкѣ, гдѣ находится теперь Зачатіевскій монастырь. Послѣ пожара, бывшаго въ монастырѣ около 1514 г., онъ былъ переведенъ ближе къ Кремлю

на урочище Чертолье, гдѣ просуществовалъ болѣе 320 лѣтъ. Когда же мѣстность эта была предназначена для храма Спасителя, то Алексѣевскій монастырь перевели въ Красное село, гдѣ онъ и теперь находится.

На мѣстѣ первоначальнаго основанія Алексѣевского монастыря, на Остоженкѣ, оставалась и послѣ перенесенія монастыря небольшая обитель, извѣстная подъ именемъ Зачатіевской, по главному храму. Въ ней похоронены двѣ сестры св. Алексѣя. Строителемъ же нынѣшняго Зачатіевскаго монастыря былъ царь Михаилъ Ѳеодоровичъ.

В. к. Иваннъ II Ивановичъ, по прозванію Кроткій, жилъ недолго и оставилъ послѣ себя сына Дмитрія, 10 лѣтъ. Малолѣтствомъ его воспользовался князь Дмитрій Константиновичъ Суздальскій, который досталъ себѣ ярлыкъ на великое княженіе и торжественно вѣхалъ во Владиміръ, общая жителямъ возвысить снова значеніе этого города. Онъ звалъ и митрополита Алексѣя перейти во Владиміръ. Но св. Алексѣй не согласился оставить гроба св. Петра митрополита. Москвичъ по рожденію, онъ понималъ, что теперь, въ малолѣтство князя, Москва въ особенности нуждается въ присутствіи митрополита въ своихъ стѣнахъ.

Въ Ордѣ, между тѣмъ, происходили смуты и междоусобія, одинъ ханъ смѣнялъ другаго, чтобы въ свою очередь быть смѣненнымъ, изгнаннымъ, или убитымъ. Московскіе бояре воспользовались первою перемѣною въ Ордѣ, чтобы съ благословенія св. Алексѣя выхлопотать у новаго хана ярлыкъ для Московскаго князя Дмитрія Ивановича. Добывъ ярлыкъ, они выгнали князя Дмитрія Константиновича изъ Владиміра и возвели малолѣтняго Дмитрія Ивановича на тронъ Андрея Боголюбскаго, съ обычными при этихъ случаяхъ обрядами. Пробывъ три дня во Владимірѣ, двѣнадцатилѣтній в. к. вернулся въ Москву. Долго еще, во время его малолѣтства, Московскіе бояре управляли всѣми дѣлами и дѣйствовали очень рѣшительно въ отношеніи удѣльныхъ князей, заставляя ихъ повиноваться Москвѣ.

Московскіе земскіе бояре, бывшіе нѣкогда такими своевольными, теперь были привязаны къ князьямъ Данилова дома, потому что пользовались тишиной и спокойствіемъ подъ ихъ управленіемъ. Начиная съ Данила, въ продолженіи ста лѣтъ, въ этомъ княжескомъ родѣ не было междоусобныхъ войнъ между дядями и племянниками, и княженіе переходило или отъ отца къ сыну, или, за бездѣтствомъ князя, къ его брату. Начиная съ Дмитрія Ивановича, наслѣдовавшаго своему отцу, московское княженіе стало переходить уже прямо отъ отца къ сыну.

Кромѣ того, московскіе бояре-землевладѣльцы не подвергались разоренію отъ Татаръ, какъ землевладѣльцы другихъ городовъ, вслѣдствіе умѣнья своихъ князей ладить съ Татарами. Наконецъ, участвуя

въ войнахъ князей, большею частію удачныхъ, они обогащались военною добычею. Все это привязывало бояръ къ ихъ князьямъ. Къ тому же они гордились тѣмъ, что князья старѣйшихъ земщинъ преклонялись передъ ихъ князьями, и старѣйшіе русскіе города постепенно другъ за другомъ присоединялись къ Москвѣ. Поэтому московскіе бояре считали за честь отстаивать права своего малолѣтнаго князя. Изгнавъ изъ Владиміра кн. Дмитрія Константиновича, они смирили Ростовскаго князя Константина, и изгнали князей Галичскаго и Стародубскаго изъ ихъ княженій.

Неизвѣстно, кто именно были тѣ умные бояре, которые управляли государствомъ въ малолѣтство Дмитрія Ивановича. Несомнѣнно только одно вліяніе, митрополита Алексѣя, который принималъ постоянное участіе во всѣхъ дѣлахъ управленія, и все дѣлалось по его совѣту и съ его благословенія. Онъ оставилъ дѣла государственныхыя, и занялся исключительно дѣлами церкви лишь послѣ того, какъ в. к. достигъ 20-ти лѣтнаго возраста.

Въ дѣлахъ управленія Алексѣй отличался чрезвычайнымъ умомъ, осторожностью и обдуманностью своихъ поступковъ. Вообще же онъ былъ чрезвычайно чтимъ за свое необыкновенное благочестіе, и обладалъ большою ученостью, которая проглядываетъ въ его сочиненіяхъ, дошедшихъ до насъ. Въ Чудовомъ монастырѣ хранится Евангеліе, собственноручно имъ написанное. Оно не только переписано имъ со старыхъ списковъ, но переведено съ греческихъ лучшихъ списковъ, съ исправленіемъ ошибокъ, прежде вкравшихся въ наши переводы. Евангеліе это служило образцомъ при исправленіи церковныхъ книгъ въ XVII в. Къ концу этого Евангелія приложено найденное въ ризницѣ монастыря въ 1779 г. митрополитомъ Платономъ завѣщаніе Святителя, писанное имъ собственноручно на четверкѣ лощеной бомбицины.

Св. Алексѣй хотѣлъ имѣть своимъ преемникомъ преп. Сергія, и высказалъ ему свое желаніе еще при жизни. Но преп. Сергій отказался принять на себя этотъ санъ, считая себя неспособнымъ къ исполненію обязанностей, съ нимъ связанныхъ. Великій князь, между тѣмъ, просилъ св. Алексѣя назначить своимъ преемникомъ его духовника и любимца, бывшаго до того мірскимъ священникомъ, и извѣстнаго подъ прозвищемъ Митяя. Предназначая его къ сану митрополита, в. к. уговорилъ его идти въ монахи, и назначилъ его архимандритомъ Спасскаго монастыря (теперь церковь Спаса на Бору), на открывшуюся тамъ ваканцію.

Митяй отличался чрезвычайно красивою наружностью, прекраснымъ голосомъ, и умѣньемъ хорошо излагать свои мысли. Но Алексѣй отказался благословить его своимъ преемникомъ, потому что Митяй былъ еще новъ въ иночествѣ, какъ пояснялъ митрополитъ свой отказъ.

Алексѣй скончался 12-го Февр. 1378 г. Почувствовалъ приближе-

ніе смерти, онъ позвалъ къ себѣ в. к., простился съ нимъ, благословилъ, и завѣщаль похоронить себя въ Чудовомъ монастырѣ, но не въ церкви, а внѣ ея, за алтаремъ.

Отпустивъ князя, Святитель отслужилъ литургію, за которой причастился Св. Таинъ. Затѣмъ, простившись со всѣми окружающими, онъ сталъ говорить молитву объ исходѣ души, и, не окончивъ ея, скончался. Это было въ пятницу, во время заутрени. Съ горестію услышали всѣ о кончинѣ Святителя, и толпы народа съ плачемъ спѣшили поклониться его праху. В. к., посовѣтовавшись съ епископами, рѣшилъ положить тѣло его въ Чудовомъ монастырѣ, въ придѣлѣ св. Благовѣщенія Пресв. Богородицы, а не внѣ церкви, какъ онъ просилъ по своему смиренномудрію. При пѣніи псалмовъ, тѣло митрополита Алексѣя было перенесено въ Чудовъ монастырь, и тамъ, по совершеніи надъ нимъ обряда отпѣванія, предано землѣ. 60 лѣтъ послѣ кончины Святителя, мощи его были обрѣтены нетлѣнными, въ 1438 г.

Не смотря на нежеланіе, высказанное Алексѣемъ, чтобы Митяй былъ его преемникомъ, этотъ послѣдній, съ разрѣшенія в. к., оставилъ по кончинѣ Алексѣя архимандрію Спасскаго монастыря, и перешелъ на митрополичій дворъ. Онъ возложилъ на себя бѣлый клобукъ, мантию съ источниками и скрижалями, крестъ съ парамондомъ, взялъ посохъ и печать, и сталъ управлять всѣми дѣлами митрополіи. Во время служенія онъ садился на митрополичьемъ мѣстѣ. Но ему недолго суждено было пользоваться властью, которой онъ такъ желалъ. По всѣмъ правамъ послѣ Алексѣя митрополія должна была перейти Кипріану, посвященному Константинопольскимъ патріархомъ еще при жизни Алексѣя въ митрополиты Кіева, Россіи и Литвы, съ тѣмъ, чтобы по смерти Алексѣя быть ему митрополитомъ всей Россіи. Кипріанъ, имѣвшій свое мѣстопребываніе въ Кіевѣ, поспѣшилъ выѣхать въ Москву, какъ скоро узналъ о кончинѣ митроп. Алексѣя. Но по распоряженію в. к., поддерживавшаго Митяя, по пути его были выставлены заставы, съ приказаніемъ не пропускать его въ Москву. Кипріанъ, полагаясь на правоту своего дѣла, иными путями прошелъ всетаки къ Москвѣ, но здѣсь, по распоряженію Митяя и съ согласія в. к., Кипріанъ былъ схваченъ и посаженъ подъ крѣпкую стражу, а затѣмъ высланъ обратно въ Кіевъ. Митяй освободился такимъ образомъ отъ своего главнаго соперника, но чтобы закрѣпить за собою митрополичью кафедру, онъ просилъ в. к. созвать соборъ епископовъ, который бы поставилъ его во епископа и первосвятителя. Дмитрій Ивановичъ согласился на его просьбу. Епископы стали собираться въ Москву, и по пріѣздѣ своемъ являлись къ Митяю, и принимали отъ него благословеніе. Одинъ Суздальскій епископъ, Діонисій, не захотѣлъ сдѣлать этого, говоря, что Митяй попъ, и не можетъ давать благословенія епископамъ. Между ними и Митяемъ завязался споръ, и дѣло посвященія было вслѣд-

ствіе этого отложено. Тогда Митяй рѣшился ѣхать въ Константинополь. При выѣздѣ его изъ Москвы, его провожали в. к., съ дѣтьми и боярами, всѣ русскіе епископы, архимандриты, игумены, священники, иноки, купцы и множество народа. Но Богу не угодно было увѣнчать успѣхомъ его дѣла. Переплывъ уже Черное море, и приближаясь къ Константинополю, Митяй заболѣлъ и скоростижно умеръ. Смертію его воспользовался одинъ изъ спутниковъ его, Пимень Переяславскій, и, захвативъ бумаги его и деньги, успѣлъ выхлопотать для себя въ Константинополѣ поставленіе въ митрополиты. Но в. к. узнавъ о смерти Митяя, выразилъ нежеланіе видѣть Пимена митрополитомъ, и послалъ въ Кіевъ за Кипріаномъ. На этотъ разъ Кипріанъ, такъ недавно претерпѣвшій гоненіе, вѣхалъ въ Москву съ торжествомъ. В. к. съ дѣтьми и боярами вышелъ на встрѣчу къ нему далеко за городъ. Еще прежде того встрѣтили его толпы народа. При выѣздѣ его въ городъ звонили во всѣ колокола. Митрополитъ взшелъ прежде всего въ Успенскій соборъ, гдѣ приложился къ св. иконамъ и отслужилъ молебенъ. Въ этотъ день была раздана богатая милостыня нищимъ и страннымъ отъ имени в. к. и митрополита.

ГЛАВА III.

Построеніе каменныхъ стѣнъ вокругъ Кремля. — Битвы съ Татарами при Вождѣ и на Куликовскомъ полѣ. — Разореніе Москвы Тохтамышемъ. — Кончина Дмитрія. — Житіе св. Стефана Пермскаго.

1367—1389.

При Дмитріѣ Ивановичѣ Москва раздѣлялась на Кремль, посадъ, Загорье и Зарѣчье. Въ 1365 году посадъ, Кремль и Зарѣчье были опустошены сильнѣйшимъ пожаромъ, извѣстнымъ подъ именемъ Всесвятскаго, потому что онъ начался съ церкви Всѣхъ Святыхъ. Предъидущая засуха и сильнѣйшій вѣтеръ въ день пожара способствовали его распространенію. Головни и цѣлыя бревна съ огнемъ перекидывало чрезъ 10 дворовъ. Въ одномъ мѣстѣ заливали огонь, а въ десяти другихъ загоралось снова. Въ какіе нибудь два часа времени весь городъ сгорѣлъ до основанія, и никто изъ жителей не успѣлъ спасти своего имущества.

Въ слѣд. затѣмъ году, былъ моръ въ Москвѣ и ея окрестностяхъ.

Въ 1367 г. Дмитрій Ивановичъ обнесъ Кремль каменными стѣнами съ башнями и желѣзными воротами: Никольскими, Фроловскими (нынѣ Спасскіе), Константино-Еленскими (пониже Спасскихъ, теперь не существующіе) и Алексѣевскими. Съ западной стороны Кремля главными воротами были Боровицкія, отъ которыхъ шла большая улица,

ведшая къ великокняжескому дворцу. Угольная башня противъ нынѣшняго Москворѣцкаго моста была названа Свибловскою, именемъ одного изъ главнѣйшихъ бояръ при Донскомъ, Федора Андреевича Свиблы.

Обнести Кремль каменными стѣнами было мѣрою вполне необходимою, потому что, утверждая единодержавіе, в. к. пріобрѣталъ много враговъ среди князей, не желавшихъ ему подчиниться. Одинъ изъ нихъ, Михаилъ Александровичъ Тверской, уѣхалъ въ Литву, и возбудилъ противъ Дмитрія своего шурина Ольгерда, воинственнаго князя Литовскаго. Ольгердъ дважды подступалъ къ Москвѣ, всякій разъ дѣлая страшныя опустошенія вокругъ города, и по всему пути, гдѣ шель. Но при видѣ крѣпкихъ стѣнъ Москвы онъ не рѣшался на приступъ, и, простоявъ въ первый разъ три дня, а во второй восемь дней подъ стѣнами Москвы, уходилъ обратно.

Въ третій разъ в. к. не допустилъ его до Москвы и вышелъ къ нему на встрѣчу съ сильнымъ войскомъ. Ольгердъ, увидѣвъ передъ собою противника, равнаго ему силой, предложилъ перемиріе, которое и было заключено. Ольгердъ обязался не помогать болѣе своему шурину.

Дмитрій Ивановичъ, продолжая платить дань Татарамъ, относился къ нимъ уже не съ тѣмъ подобострастіемъ, съ какимъ по неволѣ приходилось относиться къ нимъ русскимъ князьямъ въ началѣ ихъ владычества, и не хотѣлъ терпѣть съ ихъ стороны никакихъ насилій. То же самое онъ внушалъ и прочимъ русскимъ князьямъ. Когда послы Мамаю, властвовавшаго въ это время въ Орду, нанесли оскорбленіе Нижегородскому князю и стали притѣснять тамъ народъ, то Дмитрій Ивановичъ далъ свое согласіе, чтобы народъ самъ расправился съ татарскими послами, какъ ему Богъ на душу положитъ. Народъ перебилъ и пословъ, и свиту ихъ. Мамай былъ сильно разгнѣванъ этимъ поступкомъ Нижегородцевъ и поклялся отомстить за него Московскому князю. Москва была уже настолько сильна въ это время, что князь ея являлся какъ бы отвѣтственнымъ передъ ханомъ за всѣхъ остальныхъ русскихъ князей.

Гнѣвомъ Мамаю воспользовался Тверской князь, Михаилъ Александровичъ, подстрекаемый къ тому бояриномъ Иваномъ Вельяминовымъ и купцомъ Никоматомъ, отѣхавшими изъ Москвы по неудовольствію на в. к. Дмитрія Ивановича.

Михаилъ Александровичъ поѣхалъ въ Орду, получилъ тамъ ярлыкъ на великое княженіе, и, вернувшись, объявилъ войну Дмитрію.

Выступая противъ Михаила, Дмитрій зналъ, что навлекаетъ на себя еще болѣе гнѣвъ Мамаю. Тѣмъ не менѣе, онъ осадилъ Тверь. Къ Московскому князю присоединились и всѣ остальные русскіе князья, собравшись передъ тѣмъ предварительно въ Москвѣ. Всѣ князья негодовали на Тверскаго князя за то, что онъ столько разъ причинялъ

разореніе русской земли, приводя на нее Литву, а теперь подымалъ на нее Татаръ.

Три недѣли продолжалась осада Твери. Михаилъ защищался храбро и держался до послѣдней возможности, поджидая помощи изъ Литвы и Орды. Но помощь не подходила, и Михаилъ принужденъ былъ сдаться. Дмитрій предписалъ ему чрезвычайно умѣренныя условія, обязавъ его только не искать великаго княженія и признать его, Дмитрія, *старѣйшимъ* братомъ.

Вскорѣ по окончаніи этой распри бояринъ Иванъ Вельяминовъ вздумалъ вернуться на родину. Но въ Серпуховѣ онъ былъ схваченъ по повелѣнію в. к. и казненъ всенародно въ Москвѣ, на Кучковомъ полѣ, гдѣ нынѣ Срѣтенскій монастырь. Это была первая публичная казнь въ Москвѣ. Четыре года спустя, той же участи подвергся и Грекъ Никомать.

Иванъ Вельяминовъ былъ сынъ послѣдняго Московскаго тысяцкаго, Василія Васильевича Вельяминова, по смерти котораго Дмитрій уничтожилъ совсѣмъ эту должность. Московскіе тысяцкіе представляли собою главу Московскаго земства, имѣли свою собственную дружину, и въ случаѣ войны предводительствовали земскими войсками. Значеніе, которымъ они пользовались у народа, какъ бы препятствовало полному развитію княжеской власти. Прійдя къ убѣжденію въ необходимости уничтожить эту должность, Дмитрій дѣйствовалъ съ осторожностью и выждалъ смерти Вельяминова, чтобы объявить это званіе упраздненнымъ. Старшій сынъ Вельяминова, Иванъ, не хотѣлъ помириться съ уничтоженіемъ этого сана, и, своевольно принявъ на себя титулъ тысяцкаго, отбѣжалъ изъ Москвы.

Съ остальными сыновьями Вельяминова Дмитрій сохранилъ дружественныя отношенія и пожаловалъ даже въ санъ великокняжескаго тысяцкаго сперва втораго сына Василія, Николая, а потомъ и меньшаго, Тимоея. Семья Вельяминова пользовалась большимъ уваженіемъ и была настолько близка къ княжеской семьѣ, что когда у в. к. Дмитрія Ивановича родился сынъ Константинъ, то крестною матерью его была мать казненнаго Ивана Вельяминова, Марія.

Мамай собралъ между тѣмъ сильное войско и послалъ прѣтивъ Московскаго князя. Дмитрій встрѣтилъ Татаръ въ Рязанской области, на берегахъ Вожи. Татары первые перешли черезъ рѣку и начали битву. Русское войско стойко выдержало нападеніе и затѣмъ устремилось на Татаръ съ такою силой и быстротой, что тотчасъ же обратило ихъ въ бѣгство. Татары бѣжали безъ оглядки, и только темнота ночи да туманъ слѣдующаго утра спасли ихъ отъ конечнаго истребленія.

Это была наша первая важная побѣда надъ Татарами.

Мамай пришелъ въ ярость, узнавъ объ истребленіи своего войска, и сталъ готовиться къ отомщенію. Два года онъ собирался съ силами,

но чтобы еще болѣе быть увѣреннымъ въ успѣхѣ, онъ вступилъ въ союзъ съ Литовскимъ княземъ Ягайломъ. Къ нимъ присоединился измѣнникъ русскаго дѣла, Олегъ Рязанскій: увѣренный въ томъ, что огромныя силы Мамаю, да еще въ соединеніи съ Литвою, непременно сокрушатъ Московское войско, онъ заключилъ союзъ съ Татарами и Литвою, при посредствѣ своего боярина, Епифана Кореева. Онъ думалъ этимъ спасти свое княжество, лежавшее на пути Мамаю, отъ разоренія.

Мамаю выступилъ въ походъ, объявляя во всеуслышаніе, что идетъ по слѣдамъ Батыя, чтобы истребить Московское государство.

Дмитрій Ивановичъ, узнавъ о походѣ Мамаю, сталъ быстро собирать войска со всѣхъ своихъ областей. Кромѣ того «съ великою любовью и со многими смиреніемъ» онъ просилъ помощи и союза у всѣхъ русскихъ князей, владѣтельныхъ и подручныхъ ему, и приглашалъ въ свое войско «всякія челоуѣки» на защиту русской земли. Онъ писалъ и говорилъ имъ: «сложимъ головы свои за православную вѣру и русскую землю, да не запустѣютъ святаыя Божія церкви и да не будутъ взяты въ злую неволю наши жены и дѣти». Множество «житейскихъ людей», купцевъ и мелкихъ князей, даже самыхъ отдаленныхъ княжествъ, собиравшихся со всѣхъ сторонъ на зовъ его, отвѣчали: «клянемся, господине русской земли, положить животъ свой за тебя, и нынѣ ради тебя прольемъ кровь свою, и кровью своею примемъ второе крещеніе». Одинъ только Тверской князь не участвовалъ въ общемъ ополченіи, отговариваясь разореніемъ своей земли.

Былъ у Московскаго войска еще другой невидимый помощникъ, о которомъ узнаемъ изъ слѣдующаго разсказа, записаннаго въ лѣтописяхъ:

Въ одну ночь незадолго предъ знаменитою Куликовскою битвою, инокъ-пономарь Рождество-Богородицкой Владимірской обители, спавшій на паперти церкви, въ которой погребено было тѣло св. Александра Невскаго, увидѣлъ, что свѣчи въ церкви зажглись сами собою и два честные старца вышли изъ алтаря и, приблизившись къ гробу благовѣрнаго князя, сказали: «Встань, Александръ, и поспѣши на помощь правнуку твоему, великому князю Дмитрію, одолюваемому иноплемениками». И Александръ тотчасъ всталъ изъ гроба и вскорѣ всѣ трое стали невидимы*).

По приказанію Дмитрія, всѣ войска должны были соединиться въ Москвѣ, чтобы отсюда выступить въ походъ.

*) Это видѣніе послужило поводомъ къ открытію мощей князя Александра: братія монастыря, услыхавъ о видѣніи, рѣшились послѣ усердной молитвы раскопать могилу князя и нашли тѣло его нетлѣннымъ, съ благоговѣніемъ взяли святаыя мощи и положили ихъ въ ракъ поверхъ земли. Нынѣ они почиваютъ въ Александро-Невской Лаврѣ, въ Петербургѣ, куда перенесены при Петрѣ I.

Войска собирались бодро, помня свою недавнюю побѣду при Вожѣ. Они уже не считали Татаръ непобѣдимыми, и мысль о возможности свергнуть Татарское иго воодушевляла ихъ.

Приготовивъ полки свои къ выступленію, в. к. Дмитрій Ивановичъ и двоюродный братъ его Владиміръ Андреевичъ поѣхали въ Троицкую Лавру, за благословеніемъ игумена Сергія.

Преподобный не только благословилъ ихъ на борьбу съ Татарами, но и предсказалъ ихъ побѣду. Онъ отпустилъ съ ними двухъ иноковъ, Александра Пересвѣта и Родіона Ослябю, бывшихъ въ міру боярами и храбрыми воинами. Оба инока стали въ ряды войскъ, не снимая съ себя одежды схимниковъ.

Вернувшись въ Москву, Дмитрій на другой же день выступилъ въ походъ, помолвившись передъ тѣмъ у гробницы своихъ предковъ въ Архангельскомъ соборѣ, и въ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ.

Войска шли изъ кремля Фроловскими, Никольскими и Константино-Еленскими воротами. Духовенство провожало ихъ съ крестами и чудотворными иконами.

Въ Коломнѣ присоединились къ Дмитрію сыновья Ольгерда, Андрей и Дмитрій, съ сильными дружинами Брянскою и Полоцкою.

Нашихъ войскъ насчитывалось болѣе 150,000 и лѣтописецъ говоритъ по этому случаю слѣд.: «Отъ начала бо такова сила не бывала князей Русскихъ, якоже въ се время».

Великій князь повелъ войска черезъ землю Рязанскую, гдѣ узналъ объ измѣнѣ Олега, и далѣе къ Дону. Онъ услышалъ, что Мамай стоитъ уже три недѣли за Дономъ, ожидая Ягайлу, и послѣшилъ предупредить это соединеніе. Достигнувъ Дона, но еще колеблясь, переходитъ ли черезъ рѣку или нѣтъ, такъ какъ многіе изъ его воеводъ совѣтовали подождать, чтобы Татары перешли первые, великій князь получилъ письмо отъ преп. Сергія, который приказывалъ ему не терять времени и идти немедленно на врага, призывая въ помощь Бога и пресв. Богородицу. Письмо это ободрило Дмитрія: онъ тотчасъ же сталъ переправляться на другую сторону и расположилъ войска въ боевомъ порядкѣ на берегу рѣчки Непрядвы, впадающей въ Донъ. Князь Владиміръ Андреевичъ и Дмитрій Михайловичъ Волынской сѣли въ засадѣ, скрываемые лѣсомъ отъ глазъ непріятеля.

Татарскія войска расположились на обширномъ полѣ Куликовомъ. Силы ихъ превосходили наши.

8-го сентября в. к. съ ранняго утра двинулъ свои войска впередъ, и со словами псалма: «Богъ намъ прибѣжище и сила» — ударилъ на Татаръ. Онъ бился самъ какъ рядовой воинъ и только когда битва сдѣлалась общеою, отъѣхалъ въ середину своихъ полковъ. При самомъ началѣ битвы многіе видѣли инока Александра Пересвѣта въ единоборствѣ съ Печенѣгомъ, богатыремъ Мамаю. Онъ свалилъ богатыря съ

лошади, но и самъ былъ сраженъ имъ. Битва была жестокая. Съ обѣихъ сторонъ дрались отчаянно. То та, то другая сторона одолѣвала, но полного перевѣса не было ни на чьей сторонѣ. Вдругъ выскочилъ изъ засады князь Владиміръ Андреевичъ съ Дмитріемъ Волынскимъ и быстро устремился на непріятеля. Татары не выдержали и обратились въ бѣгство. Русскія войска погнались за ними и преслѣдовали ихъ вплоть до рѣки Мечи, — убивали, рѣзали, колоди и топили ихъ. Весь станъ непріятельской, со множествомъ верблюдовъ, нагруженныхъ драгоценностями и лошадей, — достались побѣдителямъ. Много было павшихъ Русскихъ, но четверо болѣе Татаръ. Между убитыми найдены были тѣла иноковъ Пересвѣта и Ослябя. Простоявъ на полѣ битвы нѣсколько дней для преданія землѣ убитыхъ, Дмитрій Ивановичъ высказалъ благодарность своимъ союзникамъ, распустилъ войска и въ то же время разослалъ по всѣмъ Московскимъ городамъ гонцовъ съ извѣстіемъ о побѣдѣ. Вѣсть эта произвела неописанную радость. Громко прогремѣло имя Москвы по землѣ Русской и завистники и враги ея были посрамлены. Народъ почувствовалъ великую заслугу Москвы предъ землею и это сознаніе было новымъ шагомъ къ будущему единомудержавію Москвы. Въ житіи Дмитрія говорится: «Раскольники и мятежники его княженія всѣ погибли и инныя страны подклонились подъ его руки».

Всѣ думали, что Татарскому владычеству насталъ конецъ. На самомъ же дѣлѣ оказалось, что былъ только нанесенъ ударъ, но еще не послѣдній. Въ память этой побѣды народъ прозвалъ Дмитрія *Донскимъ*, а князя Владиміра Андреевича *Храбрымъ*.

Ягайло, князь Литовскій, былъ въ 30 или 40 верстахъ отъ Мамая, когда завязалась битва. Услыхавъ объ исходѣ ея, онъ побѣжалъ обратно съ такою поспѣшностью, что даже легкіе отряды наши не могли его настигнуть.

Князь Дмитрій Ивановичъ съ торжествомъ вернулся въ Москву и былъ встрѣченъ у Андроньева монастыря митрополитомъ Кипріаномъ и соборомъ духовенства съ крестами и иконами, откуда пошелъ въ сопровожденіи духовенства въ Кремль. У Фроловскихъ, нынѣ Спасскихъ, воротъ встрѣтила его великая княгиня Евдокія съ двумя сыновьями, Василюемъ и Юріемъ. Дмитрій Ивановичъ помолился вмѣстѣ съ нею въ соборахъ и тогда уже вошелъ во дворецъ. Онъ ѣздилъ потомъ въ Троицкую Лавру, гдѣ преп. Сергій огслужилъ панихиду о всѣхъ павшихъ войнахъ. Въ память этихъ послѣднихъ Дмитріемъ Ивановичемъ была воздвигнута церковь Всѣхъ Святыхъ въ Кулишахъ, существующая до сихъ поръ на Нижней Лубянской площади, близъ Варварскихъ воротъ, и основанъ мужской монастырь при церкви Боголюбской иконы Божіей Матери, построенной дѣдомъ его, Иваномъ Даниловичемъ, въ Высоцкой слободѣ. Позднѣе, при в. к. Василюѣ

Ивановичъ монастырь этотъ былъ перестроенъ и переименованъ въ Высокопетровскій, въ честь св. Петра митрополита, который существуетъ и до нашихъ дней, на Петровкѣ.

Тѣла убитыхъ иноковъ Пересвѣта и Ослябя были перевезены въ Москву и погребены близъ Симонова монастыря, въ трапезѣ церкви Рождества Богородицы, что въ Старомъ Симоновѣ, гдѣ надъ ними сдѣлана въ 1870 году, по прошествіи 500 лѣтъ со дня Куликовской битвы, металлическая гробница съ такою же сѣною.

Церковь Рождества Богородицы была соборнымъ храмомъ Рождественскаго Старо-Симоновскаго монастыря, основаннаго инокомъ Феодоромъ, племянникомъ препод. Сергія Радонежскаго. Въ старину она называлась церковью Рождества на Медвѣжьемъ Озеркѣ, или на Лосиномъ прудѣ, переименованномъ Карамзинымъ въ Лизинъ прудъ.

Мѣстность, избранная преп. Феодоромъ, ограниченная съ одной стороны Москвой рѣкой, а съ другой оврагомъ, оказалась вскорѣ слишкомъ гѣсною для обители. Тогда игумень Феодоръ основалъ другой монастырь, въ близкомъ разстояніи отъ Богородице-Рождественской церкви, который получилъ названіе Ново-Симоновскаго монастыря. Старо-Симоновская обитель осталась подъ управленіемъ Феодора, и служила усыпальницей для умершихъ иноковъ, и скитомъ для тѣхъ иноковъ, которые искали большаго уединенія. Преп. Кириллъ, бывшій игуменомъ въ Симоновскомъ монастырѣ послѣ того, какъ Феодоръ былъ посвященъ въ епископы и переведенъ въ Ростовъ, вскорѣ отказался отъ настоятельства, и жилъ простымъ инокомъ въ уединеніи Старо-Симонова. Отсюда онъ удалился на Бѣлоозеро, гдѣ основалъ въ 1391 г. Бѣлозерскій монастырь.

Урочище Симоново названо по имени владѣльца Симона, изъ рода Головиныхъ.

Память павшихъ на Куликовомъ полѣ в. к. установилъ праздновать въ такъ называемую Дмитровскую субботу, между 26 и 19 Октября.

Увѣковѣчивъ память доблестныхъ воиновъ, надо было подумать и о наказаніи измѣнника, Олега Рязанскаго. Намѣренія в. к. въ этомъ отношеніи были предупреждены Рязанскими боярами, явившимися въ Москву, чтобы объявить великому князю, что Олегъ со всѣмъ семействомъ ушелъ въ Литву, и что Рязань поддается Московскому князю. Вскорѣ, впрочемъ, Олегъ испросилъ прощеніе у Дмитрія, и вернулся опять въ свое княженіе, заключивъ договоръ, по которому признавалъ великаго князя Дмитрія своимъ старшимъ братомъ, и обѣщалъ не вступать въ союзъ ни съ Татарами, ни съ Литвою.

Мамай, между тѣмъ, вернувшись въ свои улусы съ разстроеными, но все еще многочисленными войсками, принужденъ былъ вступить въ новую борьбу, съ Тохтамышемъ, объявившимъ себя наслѣдникомъ Батыева престола.

Они сразились близъ Мариуполя, гдѣ въ 1224 году были разбиты Батыемъ войска нашихъ соединенныхъ князей. Мамай потерпѣлъ жестокое пораженіе, и, оставленный всѣми, бѣжалъ въ Кафу, гдѣ Генуэзцы умертвили его, чтобы завладѣть его казной. Тохтамышъ воцарился въ Ордѣ.

Первымъ дѣломъ новаго хана было отправить пословъ ко всѣмъ русскимъ князьямъ съ извѣщеніемъ, что онъ побѣдилъ общаго врага. Дмитрій Ивановичъ принялъ пословъ ласково, и вручилъ имъ богатые дары для хана. Но Тохтамышъ не удовольствовался этимъ, и послалъ на слѣдующее лѣто къ Дмитрію царевича Акхозя съ требованіемъ, чтобы всѣ рускіе князья немедленно явились въ Орду, какъ его данники. При царевичѣ было 700 вооруженныхъ Татаръ.

Прежде чѣмъ Акхозя достигъ Москвы, еще въ Нижнемъ Новгородѣ, его предупредили отъ имени великаго князя, чтобы онъ не ѣздилъ въ Москву съ воинскою дружиною или в. к. не отвѣчаетъ за его безопасность. Царевичъ уѣхалъ обратно въ Орду, а Дмитрій Ивановичъ не принималъ никакихъ мѣръ предосторожности, рассчитывая на слабость Орды. Тохтамышъ, между тѣмъ, соблюдая величайшую тайну, выступилъ противъ Москвы съ сильнымъ войскомъ. Нижегородскій князь послѣшилъ прислать въ его станъ двухъ своихъ сыновей, Василія и Семѣна, а Олегъ Рязанскій, вторично измѣнивъ, указалъ Тохтамышу, какъ удобнѣе пройти къ Москвѣ.

Поздно узнавъ объ опасности, Дмитрій Ивановичъ съ братомъ своимъ Владиміромъ Андреевичемъ выступили было въ поле, но другіе князья выказали малодушіе: одни приставали къ Тохтамышу, другіе оставались въ бездѣйствіи, жалуясь, что оскудѣли людьми послѣ Куликовской битвы. Одинъ въ полѣ не воинъ, и потому Дмитрій рѣшился удалиться въ Кострому, чтобы собрать тамъ войско, и взять съ собою свое семейство. Митрополитъ Кипріанъ, иноземецъ по происхожденію (Сербъ), тоже выѣхалъ изъ Москвы. Покинутые жители не знали, что имъ дѣлать: одни хотѣли защищаться, другіе бѣжать. Не было вождя, а потому не было и единогласія. Но въ это бѣдственное для Москвы время нужный вождь нашелся въ лицѣ Литовскаго князя Остея, который принялъ начальство надъ Москвичами и сталъ дѣятельно приготавливаться къ оборонѣ.

Сохранилось преданіе, что нѣсколько сотъ крестьянокъ, спасаясь отъ Татаръ, прибѣжали въ Москву и просили пустить ихъ въ Кремль. Имъ было отказано въ этомъ, потому что боялись голода въ случаѣ продолжительной осады. Тогда крестьянки сдѣлали на правомъ берегу Москвы - рѣки, въ земляномъ городѣ, правѣе отъ Кремля, срубъ изъ бревенъ, который окопали землею, и этимъ защитили себя отъ Татаръ. Съ этихъ поръ мѣсто это носить названіе Бабьяго городка. Это, впрочемъ, разсказъ, не имѣющій исторической достовѣрности.

Названіе *бабій городокъ* или *вѣрнѣ, бабья городня*, произошло, вѣроятно, оттого, что мѣстность эта была болотистая, топкая, и потому на ней устраивались плотины или городня бревень, которыя вбивались посредствомъ бабъ или коперовъ въ трясины или топкія мѣста.

Вскорѣ послѣ того, какъ Остей принялъ начальство, показались Татары подъ стѣнами Москвы, но вначалѣ не въ большомъ количествѣ. Они осмотрѣли стѣны вокругъ Кремля, нѣсколько человекъ подъѣхало къ самой стѣнѣ, чтобы спросить, тутъ ли в. к. Дмитрій, и затѣмъ они удалились. Москвичи обрадовались, думая, что тѣмъ все и кончится. Но на слѣдующій день показалось главное Татарское войско, подъ предводительствомъ Тохтамыша, который тотчасъ же началъ приступъ. Татары осаждали осажденныхъ градомъ стрѣлъ, подставляли лѣстницы, и лѣзли на стѣны. Но осажденные храбро защищались, лили на Татаръ горячую воду изъ котловъ, кидали камнями, стрѣляли изъ самострѣловъ, пороковъ, тюфяковъ и пушекъ или самострѣловъ большаго калибра, которыми бросали камни. Одинъ суконникъ, по имени Адамъ, примѣтивъ среди осаждающихъ знатнаго Татарскаго царевича, пустилъ въ него стрѣлу съ Фроловскихъ воротъ и поразилъ его прямо въ сердце. Смерть этого царевича произвела сильное движеніе среди Татаръ и даже царь ихъ былъ очень опечаленъ ею, какъ говорится въ лѣтописи.

Три дня повторялись приступы Татаръ, но всякій разъ бывали отбиты. На четвертый день, наконецъ, Тохтамышъ прибѣгнулъ къ хитрости: посланные его подъѣхали къ Кремлевскимъ стѣнамъ и сказали осажденнымъ, что ханъ сердитъ на князя ихъ, Дмитрія, а ихъ готовъ миловать, только бы они вышли къ нему на встрѣчу съ княземъ Остеемъ и поднесли ему небольшіе дары. Нижегородскіе князья, бывшіе въ непріятельскомъ станѣ и обманутые увѣреніями хана, дали клятву осажденнымъ, что ханъ не сдѣлаетъ имъ никакого зла. Осажденные повѣрили и открыли ворота. Впереди всѣхъ вышелъ князь Остей съ дарами, за нимъ шло духовенство съ крестами, бояре и граждане. Татары не сдержали слова. Они повели князя Остея въ свой станъ и тамъ измѣнически умертвили его, а затѣмъ ворвались въ Кремль, рубили духовенство и народъ, грабили церкви, опустошили казну великокняжескую и умертвили большую часть жителей. «И было», говорить современная лѣтопись, «и въ градѣ и внѣ града злое истребленіе, покуда у Татаръ руки и плечи измолкли, силы изнемогли и острія саблей притупились».

Разоряя церкви, Татары уничтожили много книгъ и рукописей, хранившихся въ нихъ. Все, что не было вывезено изъ завѣтныхъ сокровищницъ Кремлевскихъ, и все, что было свезено туда изъ другихъ городовъ бѣжавшими жителями, искавшими защиты и сохранности посреди крѣпкихъ стѣнъ Кремлевскихъ, — все было расхищено.

Ужасный разгромъ этотъ произошелъ 26-го августа 1382 года, въ четвергъ, въ 7 ч. дня. По поводу его лѣтописецъ говоритъ:

«И былъ дотолѣ градъ Москва великъ, чуденъ, многонароденъ и всякаго узорочья исполненъ, и въ единый часъ измѣнился въ прахъ, дымъ и пепель и не было чловѣка, ходящаго по пожарищу».

Тохтамышъ не долго оставался въ Москвѣ. Онъ слышалъ, что в. к. собралъ войско въ Костромѣ, а братъ его Владиміръ Андреевичъ стоитъ близъ Волока съ большою силою и потому рассудилъ вернуться лучше въ Орду.

Грустное зрѣлище представилось глазамъ в. к., когда по уходѣ Татаръ онъ вступилъ въ Москву. До 24,000 труповъ лежало на улицахъ и не менѣе того погибло, вѣроятно, въ пламени, потонуло въ рѣкѣ, спасаясь отъ непріятели, или было уведено въ плѣнъ.

В. к. ревностно принялся за возобновленіе Москвы. Къ счастью, стѣны и башни Кремлевскія остались неповрежденными. Но вскорѣ новый врагъ поднялся на Москву, не давая ей времени оправиться. На этотъ разъ это былъ Олегъ Рязанскій, тотъ самый, который два раза уже передавался Татарамъ. Онъ взялъ и разорилъ Коломну и шелъ на Москву съ сильнымъ войскомъ. Заступничество преп. Сергія отвратило бѣдствіе. По просьбѣ в. к. онъ поѣхалъ въ станъ Олега и такъ подѣйствовалъ на него своими увѣщаніями, что Олегъ заключилъ съ Московскимъ княземъ *отчинный* миръ и возвратилъ Коломну Москвѣ.

Вынужденный на время смириться передъ ханомъ, Дмитрій Ивановичъ выжидалъ болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ, чтобы снова вступить съ нимъ въ борьбу. Но ему не суждено было испытать еще разъ силу своего оружія съ Татарами, потому что ранняя смерть прекратила его дни, когда, казалось, онъ былъ еще полонъ силъ и здоровья. Онъ умеръ едва достигнувъ сорока лѣтъ. Передъ смертію онъ объявилъ своего старшаго сына, Василя, наслѣдникомъ великокняжескаго достоинства, заставивъ брата своего, Владиміра Андреевича, признать при себѣ еще старшинство племянника и взявъ съ него обѣщаніе, что онъ не будетъ искать великаго княженія.

Предшественники Дмитрія никогда не упоминали въ своихъ завѣщаніяхъ о великомъ княженіи, предоставляя хану право назначать великаго князя. Дмитрій первый рѣшилъ назначить сына наслѣдникомъ великокняжескаго достоинства, а послѣ него уже это вошло въ обычай, и главнымъ образомъ содѣйствовало усиленію Москвы. Остальнымъ сыновьямъ Дмитрій назначилъ удѣлы.

Въ княженіе Дмитрія Донскаго были основаны, кромѣ упомянутыхъ уже выше, еще два монастыря: Рождественскій, построенный княгиней Маріей, матерью кн. Владиміра Андреевича Храбраго *), и монас-

*) Въ этомъ монастырѣ хоронились княгини изъ рода Калиты, отъ сына его Андрея Ивановича.

тырь Николы Старого, нынѣ Никольскій Греческій монастырь, отъ котораго получила свое названіе Никольская улица.

Изъ церковныхъ дѣлъ этого княженія замѣчательно обращеніе въ христіанскую вѣру св. Стефаномъ жителей Перми.

Св. Стефанъ, по прозванію Храпъ, былъ родомъ изъ Устюга. Отца его звали Семеномъ, а мать Маріей. Выучившись грамотѣ, онъ былъ сначала клирикомъ въ соборной церкви Устюга, а потомъ принявъ постриженіе, и поставленъ въ санъ пресвитера Коломенскимъ епископомъ. Изучивъ греческій языкъ, онъ началъ изучать пермскій, и, по благословенію митрополита, отправился въ Пермскую землю проповѣдывать Евангеліе. Онъ перевелъ на пермскій языкъ всѣ главныя церковныя книги, для чего долженъ былъ изобрѣсти прежде азбуку Пермскаго языка, и построилъ близъ устья Выми первую церковь, въ которой совершалъ богослуженіе на Пермскомъ языкѣ. Впослѣдствіи онъ построилъ еще двѣ церкви, и завелъ при нихъ училища, чтобы готовить желающихъ изъ туземцевъ къ священническому сану. Св. Стефанъ испросилъ въ Москвѣ, чтобы была учреждена особая епископія для Перми, и самъ былъ удостоенъ сана перваго епископа Пермскаго, по выбору Митрополита Пимена и в. к., знавшихъ его труды и заслуги. Послѣ 18 лѣтъ своей апостольской дѣятельности, св. Стефанъ, какъ повѣствуетъ Степенная книга, пріѣхалъ въ Москву по церковнымъ дѣламъ своей паствы. Дорогою онъ остановился не-вдалекѣ отъ монастыря св. Троицы, и, сотворивъ молитву «достойно есть», поклонился въ сторону монастыря и сказалъ: миръ ти, духовный брате! Св. Сергій, бывшій въ это время въ трапезѣ съ братіей, всталъ съ своего мѣста, и, сотворивъ молитву, сказалъ: радуйся и ты, пастырю Христова стада, и миръ Божій да пребываетъ съ тобою. Братія удивились этому восклицанію Сергія, и по окончаніи трапезы спросили его, что оно значило. Сергій отвѣтилъ: въ этотъ часъ епископъ Стефанъ, проходя мимо монастыря, поклонился, и насъ, смиренныхъ, благословилъ. При этомъ преподобный назвалъ мѣсто, гдѣ Стефанъ останавливался. Нѣкоторые изъ братіи захотѣли удостовѣриться, такъ ли это было, и узнали, что епископъ дѣйствительно проходилъ чрезъ то мѣсто. Вскорѣ по прибытіи своемъ въ Москву, св. Стефанъ занемогъ, и, чувствуя приближеніе смерти, призвалъ къ себѣ клириковъ и подьяконовъ, пріѣхавшихъ съ нимъ изъ Пермской земли, долго бесѣдовалъ съ ними, поучая и наставляя ихъ, и просилъ передать его послѣднія наставленія новокрещеннымъ Пермьякамъ. Св. Стефанъ скончался съ молитвою на устахъ, и погребенъ въ Кремлѣ, въ церкви Преображенія, нынѣ Спаса на Бору. Церковь наша причла его къ лику святыхъ.

При Дмитріѣ Донскомъ были введены у насъ серебряныя и мѣдныя монеты, по образцу Татарскихъ, вмѣсто прежнихъ кунъ. Серебряныя

монеты назывались *деньгами*, а мѣдныя *пулами*, откуда происходитъ названіе полушки. Впослѣдствіи прибавился еще *алтынъ*, тоже серебряный, въ которомъ считалось *6 денегъ*.

Въ послѣдній годъ княженія Донскаго, было введено у насъ огнестрѣльное оружіе, а при сынѣ его уже стали дѣлать порохъ въ самой Москвѣ.

ГЛАВА IV.

Перенесеніе иконы Владимірской Вожіей Матери и спасеніе Москвы.—Нашествіе Эдигея.—Украшеніе и укрѣпленіе Москвы.—Основаніе Вознесенскаго монастыря.
Житіе св. Евдокіи, въ иночествѣ Евфросиніи.

1389—1425.

Сынъ Дмитрія Донскаго, Василій I Дмитріевичъ, былъ признанъ въ Ордѣ великимъ княземъ и возведенъ на Владимірскій престолъ ханскимъ посломъ Шахматомъ. Никто изъ князей не предъявилъ своихъ правъ на титулъ великокняжескій, и онъ остался за княземъ Московскимъ.

Семнадцати лѣтъ Василій Дмитріевичъ женился на Софѣѣ, дочери Витовта, бывшаго еще въ то время въ изгнаніи, но впослѣдствіи сдѣлавшагося великимъ княземъ Литовскимъ. Свадьба праздновалась въ Москвѣ.

Черезъ три года по вступленіи на престолъ, Василій Дмитріевичъ поѣхалъ въ Орду, гдѣ былъ принятъ очень благосклонно Тохтамышемъ. Цѣль его поѣздки была та, чтобы ханъ утвердилъ за нимъ область Нижегородскую, которая была уже утверждена ханомъ за княземъ Борисомъ Городецкимъ. Тохтамышъ исполнилъ желаніе Василя, признавъ его наслѣдственнымъ государемъ Нижняго Новгорода, и далъ ему еще сверхъ того Суздаль, Городецъ, Мещеру, Торусу и Муромъ.

Василій Дмитріевичъ, вернувшись, сейчасъ же вступилъ во владѣніе Нижнимъ Новгородомъ. Бояре и народъ безпрекословно выдали ему своего князя, Бориса Городецкого. Этотъ послѣдній умеръ черезъ два года, не оставивъ сыновей; племянники его еще искали Нижегородскаго княженія, хотя и безуспѣшно, а внуки уже вступили въ службу при Москов. дворѣ.

Въ это время въ Азіи явился властитель, который возстановилъ прежнее царство Чингисхана, и назвался ханомъ Чагатайской Орды и Владыкою міра. Это былъ Тамерланъ. Онъ имѣлъ свое пребываніе въ городѣ Самаркандѣ, но жилъ тамъ мало, потому что велъ почти безпрерывныя войны. Часть Азіи, отъ Аральскаго моря до Персидскаго залива, отъ Тифлиса до Ефрата и пустынь Аравіи, принадлежала ему. Онъ ходилъ въ Индію, гдѣ взялъ городъ Дели, покорилъ Сирію и Египеть, обложивъ данью султана Мамелюковъ, сразился съ Турецкимъ

султаномъ, Баязетомъ, плѣнилъ его, и обложилъ данью Османовъ и Греческаго императора. Побѣда Тамерлана надъ Баязетомъ спасла на время Греческаго императора отъ полного порабощенія Османами или Турками. Греческій императоръ уже уступилъ имъ всю Малую Азію, Фракію, и др. владѣнія, и сохранилъ только одинъ Царьградъ. Дальнѣйшіе успѣхи оружія Османовъ были пріостановлены плѣненіемъ Баязета.

В. к. Василій Дмитріевичъ, услышавъ о жалкомъ положеніи единовѣрнаго ему греческаго государя, собралъ значительное количество серебра, уговорилъ и другихъ князей сдѣлать то же, и послалъ всѣ эти дары Греческому императору.

Дары эти были приняты съ живѣйшею благодарностью, и чтобы утвердить родственными узами дружественную связь съ Москвою, императоръ женилъ сына своего, Ивана, на дочери Василія Дмитріевича, Аннѣ.

Въ 1393 г. Тамерланъ впервые появился въ Россіи, гдѣ разбилъ на голову Тохтамыша, и затѣмъ ушелъ обратно въ Азію. Но черезъ два года онъ вторично пришелъ въ Россію, снова разбилъ Тохтамыша близъ нынѣшняго Екатеринодара, между рѣками Терекомъ и Курою, гналъ его до самой Волги, и посадилъ на его мѣсто другаго хана. Русскіе князья радовались этой борьбѣ единоплеменниковъ между собою, потому что она ослабляла враждебныя имъ силы, и надѣялись, что Тамерланъ, побѣдивъ, уйдетъ опять въ Азію. Но къ ужасу своему князья узнали, что Тамерланъ, преслѣдуя бѣгущаго Тохтамыша, перешелъ Волгу, вступилъ въ наши юго-восточные предѣлы, взялъ Елецъ, и идетъ далѣе на сѣверъ. В. к. Василій Дмитріевичъ немедленно собралъ войска, поручилъ Москву дядѣ своему, Владиміру Андреевичу Храброму, а самъ выступилъ на встрѣчу непріятелю, и расположился за Коломною, на берегахъ Оки.

Въ Москвѣ со страхомъ ожидали, что будетъ. Митрополитъ Кипріанъ постановилъ постъ и молитву для всѣхъ жителей. Церкви оставались открытыми съ утра до глубокой ночи, и постоянно были полны молящимися. Въ это время великому князю пришла счастливая мысль перенести изъ Владиміра въ Москву чудотворную икону Владимірской Божіей Матери (Одигитріе), писанную по преданію Евангелистомъ Лукою, и принесенную во Владиміръ изъ Вышгорода княземъ Андреемъ Боголюбскимъ. Та же самая мысль пришла одновременно и митрополиту Кипріану, и тотчасъ же была приведена въ исполненіе.

Икона эта была чрезвычайно чтима народомъ, и потому вѣсть о ея перенесеніи обрадовала и ободрила жителей Москвы, которые толпами устремились на встрѣчу ей. Внѣ города, на Кучковомъ полѣ, встрѣтилъ икону митрополитъ Кипріанъ, епископы, духовенство, князь Владиміръ Андреевичъ и семья великокняжеская. Всѣ пали на землю, передъ св. иконою, и долго со слезами молились передъ ней. Потомъ

перенесли ее въ Успенскій соборъ, гдѣ она находится и теперь, по лѣвую сторону царскихъ вратъ.

Вслѣдъ за тѣмъ пришло извѣстіе, что Тамерланъ, простоявъ двѣ недѣли на одномъ мѣстѣ, вдругъ повернулъ на югъ, и вышелъ изъ русскихъ предѣловъ. Что побудило его къ тому?

Современники рассказываютъ, что Тамерланъ отступилъ въ тотъ самый день и часть, когда икона была встрѣчена жителями Москвы на Кучковомъ полѣ. Въ лѣтописяхъ рассказывается, что Тамерланъ дремалъ въ этотъ часъ въ своемъ шатрѣ, и увидѣлъ слѣдующій сонъ: высокую гору, и съ ея вершины идущихъ къ нему многихъ Святителей, съ золотыми жезлами; надъ ними, въ лучезарномъ сіяніи явилась Жена, благолѣпія и величія неописаннаго, окруженная тьмами молніеобразныхъ воиновъ, которые всѣ грозно устремились на него. Онъ затрепеталъ, проснулся, и, созвавъ своихъ приближенныхъ, спросилъ ихъ о значеніи сна. Величественная Жена, отвѣчали нѣкоторые изъ нихъ, есть Богоматерь, Защитница христіанъ. И такъ, мы не одолѣемъ ихъ, сказалъ Тамерланъ, и велѣлъ полкамъ своимъ идти обратно.

В. к., возвратившись въ Москву, соорудилъ въ память этого событія каменную церковь Божьей Матери на Кучковомъ полѣ, а при ней монастырь, который получилъ названіе Срѣтенскаго. На 26-е августа былъ установленъ въ то же время праздникъ Срѣтенія Божьей Матери, и съ тѣхъ поръ въ этотъ день ежегодно бываетъ крестный ходъ изъ Успенскаго собора въ Срѣтенскій монастырь.

Чудеснымъ образомъ избавившись отъ одного врага, в. к. долженъ былъ обратить свое вниманіе на другаго: Литовскимъ престоломъ овладѣлъ въ это время Витовтъ, и выказывалъ явное стремленіе увеличить свои владѣнія на счетъ русскихъ земель. В. к. принужденъ былъ обратиться въ Орду съ просьбою помочь ему противъ Литвы. Ханъ Шадибекъ прислалъ ему нѣсколько полковъ, и Василій Дмитріевичъ выступилъ съ ними противъ Витовта. Противники встрѣтились близъ Крапивны (Тульской губ.), но не вступая въ битву, начали переговоры, и заключили перемиріе.

Два раза нарушалось это перемиріе, съ той и съ другой стороны, но затѣмъ заключенъ былъ договоръ, по которому Угра признана границею между Литвою и Московскими владѣніями.

Незадолго передъ тѣмъ умеръ въ селѣ Троицкомъ - Голенищевѣ, находящемся рядомъ съ Воробьевыми горами и селомъ Воробьевымъ, на рѣкѣ Сѣтуни, митрополитъ Кипріанъ. Троицкое-Голенищево было любимымъ мѣстомъ пребыванія Кипріана: тамъ, въ тишинѣ и покоѣ, онъ любилъ заниматься книжнымъ писаніемъ. Есть предположеніе, что его трудами начата «Степенная книга», или русская исторія, написанная по степенямъ, и оконченная митрополитомъ Макаріемъ;

достоверно же известно только то, что «житіе св. Петра митрополита», находящееся въ Степенной книгѣ, написано имъ. Кромѣ того, послѣ него остались посланія, переводы съ Греческаго, и одна молитва — разрѣшительная, сочиненная имъ самимъ.

Передъ своей кончиной, Кипріанъ написалъ прощальную грамоту къ своей паствѣ, коей преподавалъ ей благословеніе и прощеніе, и просилъ у нея того же. Эту грамоту и понынѣ митрополиты московскіе завѣщаютъ читать послѣ ихъ смерти и власть съ ними въ гробъ.

Василій Дмитріевичъ съ самаго начала своего княженія не платилъ дани въ Орду, отговариваясь тѣмъ, что земля его оскудѣла. Эдигей, пользовавшійся большимъ значеніемъ въ Ордѣ, не высказывалъ явно своего неудовольствія великому князю, но подъ видомъ дружбы совѣтовалъ ему воевать Литву, а Витовту въ то же время совѣтовалъ втайнѣ отъ в. к. завладѣть Московскимъ княжествомъ. Онъ думалъ такимъ образомъ ослабить и Литву, и Московскаго князя, не тратя на то своихъ собственныхъ силъ. Но видя, что хитрости его не помогаютъ, Эдигей рѣшился своей собственной силой наказать в. к. Московскаго. Онъ собралъ огромное войско, но, выступая въ походъ, прислалъ сказать великому князю, что идетъ противъ Литвы. Это дѣйствительно ввело в. к. въ обманъ, такъ что когда обнаружилось, что Эдигей идетъ противъ Москвы, в. к. не имѣлъ уже времени приготовиться къ встрѣчѣ непріятеля, и, захвативъ съ собою свое семейство, ушелъ въ Кострому собирать войска. Москву онъ препоручилъ дядѣ своему, Владиміру Андреевичу, который тотчасъ же сталъ принимать мѣры къ оборонѣ. Между прочимъ, онъ велѣлъ выжечь посады вокругъ Кремлевскихъ стѣнъ. Эта мѣра лишила крова посадскихъ жителей, и они просились въ Кремль—но туда боялись ихъ принять, потому что въ случаѣ долговременной осады было бы затруднительно продовольствовать много народа. Несчастные должны были искать пріюта въ лѣсахъ.

30-го Ноября къ вечеру показались Татары, но не подходили близко къ стѣнамъ, боясь огнестрѣльныхъ орудій. Эдигей немедленно отрядилъ 30,000 своего войска въ погоню за великимъ княземъ. Другіе полки его разсыпались по московскимъ областямъ и всюду грабили и жгли. Эдигей послалъ сказать Тверскому князю, Ивану Михайловичу, чтобы онъ шелъ скорѣе къ нему съ своими полками. Но князь Иванъ Михайловичъ отговорился болѣзнію, не желая помогать Татарамъ противъ своихъ братьевъ Русскихъ.

Обманувшись въ расчетахъ на помощь Тверскаго князя, и чувствуя недостатокъ въ снарядахъ, нужныхъ для осады, Эдигей, не смотря на то, хотѣлъ непременно взять Москву, если не силою, то голодомъ, и расположился зимовать въ Коломенскомъ. Къ счастью, вѣсти изъ Орды заставили его измѣнить свое намѣреніе. Татары уже не были такъ сильны и многочисленны, какъ въ прежнія времена. Внутреннія не-

согласія, пораженія, нанесенныя имъ Дмитріемъ Донскимъ и Тамерланомъ, сильно ослабили Орду. Ханъ умолялъ Эдигея немедленно вернуться, потому что ему необходимо было войско для собственной безопасности, а большая часть его стояла подъ Москвою. И такъ, Эдигей долженъ былъ возвратиться, тѣмъ болѣе, что и самъ боялся великаго князя, который могъ, собравъ войска, прійти на выручку Москвы. Отрядъ, посланный Эдигеемъ для того, чтобы перехватить в. к., не настигъ его, и вернулся ни съ чѣмъ. Всѣ эти обстоятельства не были извѣстны осажденнымъ въ Москвѣ, и потому, когда Эдигей предложилъ имъ снять осаду, если они дадутъ выкупъ, то они съ радостію согласились дать ему 3,000 рублей, потому что хлѣбные запасы у нихъ уже приходили къ концу, и князь Владиміръ Андреевичъ опасался голода. Эдигей ушелъ, взявъ на возвратномъ пути Рязань, и страшно разоривъ всѣ области, лежавшія у него на пути.

Василій Дмитріевичъ долженъ былъ признать себя снова данникомъ Орды и оставался имъ до конца своей жизни.

Въ 1423 г. въ Москвѣ былъ страшный голодъ и продолжался три года. Люди людей ѣли и собачину. Око жита было по рублю.

Въ 1425 г. умеръ в. к. Василій Дмитріевичъ, благословивъ передъ смертію своего десятилѣтняго сына, Василія, великимъ княженіемъ, подъ опекою совѣта изъ бояръ.

Изъ пріобрѣтеній в. к. Василія Дмитріевича, кромѣ упомянутыхъ выше, важны два города съ областями, бывшіе прежде во владѣніи Новгорода великаго: Бѣжецкій верхъ и Вологда.

Василій Дмитріевичъ построилъ на дворѣ великокняжескомъ деревянную церковь Св. Благовѣщенія, расписанную монахомъ Андреемъ Рублевымъ, который былъ настолько искусенъ, что въ теченіи 150 лѣтъ его иконы служили образцами для другихъ художниковъ. Образа, писанные по его образцу, слывутъ донинѣ *Рублевыми*. Онъ кончилъ жизнь свою инокомъ въ Андроньевомъ монастырѣ, равно какъ и другой иконописецъ, Симеонъ Черный. Оба они расписали соборную церковь этого монастыря, и оба погребены въ немъ. Кромѣ того, въ Москвѣ славились своимъ искусствомъ слѣдующіе иконописцы: Старецъ Прохоръ изъ Городца, Феофанъ Гречинъ, Игнатій иконописецъ, Кнашъ и Даниилъ Черный.

Церковь Благовѣщенія считалась дворцовой или лучше сказать домашнею церковью великокняжеской семьи: въ ней совершались таинства брака и крещенія вел. князей и царевичей.

Великій князь поставилъ въ Благовѣщенскомъ соборѣ святыню, найденную задѣланною въ стѣнѣ Суздальскаго собора, и содержащую въ себѣ, по выраженію лѣтописца, «Страсти Господни», именно: часть крови Спасителя, часть отъ гроба Его, и терновый вѣнецъ. Святыня эта была принесена въ 1362 г. изъ Константинополя Діонисіемъ,

архієпископомъ Суздальскимъ, а князь Суздальскій, Дмитрій Константиновичъ, устроилъ для нея серебряный крестообразный ковчегъ, съ черневыми изображеніями, находящійся нынѣ въ ризницѣ Благовѣщенскаго собора.

Въ 1404 г. были сдѣланы первые боевые часы въ Москвѣ монахомъ Аѳонской горы, Лазаремъ, по происхожденію Сербомъ. Они были поставлены на башнѣ великокняжескаго дворца, за церковью Благовѣщенія, и стоили 150 руб. или около 30 фунтовъ серебра. Народъ дивился, глядя на нихъ, какъ на чудо. При часахъ была сдѣлана механическая фигура человѣка, ударявшаго молотомъ въ колоколь при окончаніи каждаго часа. Въ лѣтописи говорится объ этихъ часахъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «сей же часникъ наречется часомѣрье, на всякій же часъ ударяетъ молотомъ въ колоколь, размѣря и расчитая часы нощныя и дневныя: не бо человѣкъ ударяше, но человѣководно, самозвонно и самодвижно, страннолѣпно нѣкако сотворено есть чело-вѣческою хитростью, преизмечтано и преухищрено» и проч.

Для укрѣпленія Москвы Василій Дмитріевичъ велѣлъ выкопать ровъ глубиною въ ростъ человѣка, а шириною въ сажень, который шелъ отъ Кучкова поля до Москвы рѣки. Домъ, стоявшіе тамъ, гдѣ долженъ былъ проходить ровъ, разбирались.

При Василіѣ Дмитріевичѣ Москва была раздѣлена, съ станами и селами, на трети, и въ ней были уже слѣдующія улицы: *Великая*, шедшая отъ нынѣшняго Воспитательнаго дома по берегу Москвы рѣки, мимо Кремля, *Варварская*, *Срътенская* и *Арбатская* (нынѣшняя Воздвиженка). Тогдашнія села назывались: *Неглименье*, гдѣ теперь Охотный рядъ и Университетъ, *Кудринское*, *Садовники*, *Огородники*, *Воробьево*, *Кузнецкая* (гдѣ теперь Кузнецкій мостъ), *Семчинское* (гдѣ Остоженка), и др.

Въ княженіе Василя Дмитріевича была построена его матерью, Евдокіей, каменная церковь Рождества Богородицы на Государевомъ дворѣ, въ память о Куликовской битвѣ, бывшей 8-го сентября.*) Она была воздвигнута на мѣстѣ прежней деревянной, во имя Лазаря, которая сдѣлана была придѣльною при вновь сооруженномъ храмѣ. Великая княгиня снабдила этотъ храмъ богатыми серебряными и золотыми сосудами, и 1-го Февраля 1393 г. онъ былъ освященъ митрополитомъ Кипріаномъ. Два года спустя стѣны этой церкви были расписаны Греческими монахами Теофаномъ и Симеономъ Чернымъ съ учениками.

Кромѣ того Евдокіей былъ основанъ Вознесенскій монастырь у Фроловскихъ или Спасскихъ воротъ. Когда именно онъ былъ основанъ, неизвѣстно, но предполагають, что вскорѣ по кончинѣ Дмитрія

*) Праздникъ Рождества Богородицы.

Донскаго. Каменная же въ немъ церковь Вознесенія, была заложена Евдокіей незадолго до своей кончины, въ 1407 г. Храмъ этотъ, вслѣдствіе кончины своей основательницы, пожара, его разрушившаго и др. причинъ, былъ оконченъ только 60 лѣтъ спустя послѣ своей закладки.

Великая княгиня Евдокія имѣла давнее влеченіе къ иноческой жизни, но, оставшись вдовою съ малыми дѣтьми, она занялась воспитаніемъ ихъ, и медлила вступленіемъ въ монастырь. Живя въ мірѣ, она вела образъ жизни въ высшей степени благочестивый, изнуряя тѣло свое постомъ и молитвою, и посвящая себя на дѣла благотворенія. При этомъ, помня заповѣдь Спасителя: «ты же, егда постишься, помажи главу твою и лице твое умый» (Мат. 6. 17), она всюду являлась съ лицомъ веселымъ, въ пышныхъ одеждахъ, и носила даже по нѣскольку одеждъ, чтобы казаться тучною. Это подало поводъ къ злословію. Ее стали обвинять въ тщеславіи, любви къ пышности, и даже въ жизни не совсѣмъ безъупречной. Слухи эти дошли до нея, но она не разоблачала клеветы, и радовалась, что терпитъ хулу понапрасну. Наконецъ клевета эта сдѣлалась извѣстна и ея сыновьямъ, и одинъ изъ нихъ, Юрій, не скрылъ отъ матери овладѣвшаго имъ смущенія. Тогда великая княгиня призвала къ себѣ всѣхъ своихъ сыновей, и сказала имъ, чтобы они не смущались людскою молвою, что она терпѣла униженіе ради имени Христова, но разъ какъ клевета достигла ихъ, ея сыновей, и смутила одного изъ нихъ, то она рѣшается открыть имъ то, чего никогда бы не открыла никому въ мірѣ. Съ этими словами она отдернула на груди рубашку, и сыновья ея увидали, что тѣло ея почернѣло отъ чрезмѣрнаго воздержанія и усиленныхъ трудовъ, и плоть прильпнула къ костямъ. Они ужаснулись увидя это, и просили у матери прощенія, что неволью смущались, людскими толками, столь противными истинѣ. Великая княгиня отпустила ихъ послѣ этого съ миромъ, взявъ съ нихъ слово, что они никому не скажутъ о томъ, что видѣли, и не будутъ преслѣдовать ея клеветниковъ.

Незадолго до своей смерти, Евдокія сподобилась видѣть явленіе Ангела, бывшаго вѣстникомъ ея близкаго конца. Увидѣвши его, она такъ была поражена его пресвѣтлымъ видомъ, что лишилась языка, и только знаками могла объяснить, чтобы ей изобразили на доскѣ видѣннаго ею Ангела. Когда икона была готова, ее принесли къ великой княгинѣ. Она поклонилась ей, но осталась нѣма, и знаками пояснила, что это не тотъ Ангелъ, котораго она видѣла. Сдѣлали вторую икону и опять принесли къ ней. Великая княгиня поклонилась ей, но все же осталась нѣма. Наконецъ въ третій разъ ей принесли изображеніе Михаила Архангела, и великая княгиня, поклонившись ему, исцѣдилась отъ нѣмоты и воздала Богу славу и благодареніе, что Онъ снова

отверзъ ей уста. Принесенный образъ Архистратига Михаила она чтила съ особеннымъ благоговѣніемъ, и поставила въ новосозданномъ ею храмѣ Рождества Богородицы.

Предвозвѣщенная о близости своей кончины, великая княгиня рѣшилась исполнить свое намѣреніе вступить въ монастырь. Дѣти ея были уже всѣ на возрастѣ, и потому ничто уже не мѣшало ея завѣтному желанію. Она рѣшилась постричься въ основанной ею Вознесенской обители.

Шествіе ея изъ царскихъ хоромъ въ монастырь ознаменовалось особеннымъ чудомъ. Наканунѣ того дня какъ она предположила идти въ монастырь, одинъ слѣпой нищій услыхалъ во снѣ голосъ, который сказалъ ему, что великая княгиня пойдетъ на другой день изъ царскаго дома въ монастырь для постриженія, и что она исцѣлитъ его. Слепецъ вышелъ на дорогу, и, услышавъ, что проходитъ великая княгиня, сталъ просить ее объ исцѣленіи. Евдокія шла своей дорогой, какъ будто не замѣчая слѣпца, и лишь опустила длинный рукавъ своей рубашки, который коснулся его. Слепецъ схватилъ этотъ рукавъ, утеръ имъ глаза и тотчасъ же прозрѣлъ. Въ тотъ же день Евдокія исцѣлила до 30 человекъ больныхъ и недужныхъ.

17-го мая 1407 г. Евдокія постриглась въ старой церкви Вознесенія и приняла имя Евфросиніи. Черезъ три дня послѣ того, она заложила новую каменную церковь Вознесенія, о которой упомянуто выше. Великая княгиня недолго жила послѣ закладки этой церкви. 7-го іюля того же года она скончалась и была положена въ новой церкви, на заранѣе приготовленномъ ею для себя мѣстѣ. Мощи ея почиваютъ подъ спудомъ въ мѣдной высеребрянной ракъ, сдѣланной въ 1822 г., на верхней доскѣ которой написанъ образъ Преподобной.

Со времени Евдокіи, Вознесенскій монастырь сдѣлался мѣстомъ погребенія всѣхъ великихъ княгинь.

ГЛАВА V.

Междоусобія въ княженіе Василя Васильевича Темнаго. — Нападенія Казанскихъ Татаръ на Москву. — Св. Іона. — Перенесеніе иконы Смоленской Божьей Матери обратно въ Смоленскъ, и основаніе Ново-Дѣвичьяго монастыря.

1425—1525.

Великій князь Василій II Васильевичъ, при вступленіи своемъ на престолъ, встрѣтилъ соперника въ лицѣ дяди своего, Юрія Дмитріевича, сына Донскаго, который не хотѣлъ признавать его старѣйшинства. Во вниманіе къ посредничеству митрополита Фотія, Юрій Дмитріевичъ согласился ждать, пока ихъ споръ будетъ рѣшенъ въ Ордѣ. Для этого они должны были оба ѣхать туда, но по разнымъ обстоятельствамъ

совершили эту поѣздку только шесть лѣтъ спустя. Великое княженіе было присуждено ханомъ Василию Васильевичу, который и былъ возведенъ на престолъ великокняжескій царевичемъ Уланомъ. Церемонія эта была впервые совершена въ Москвѣ, въ храмъ Успенія, у золотыхъ дверей. Прежде того она совершалась всегда во Владимірѣ. Въ слѣдующемъ году в. к. женился на Маріи, внучкѣ князя Владиміра Андреевича Храбраго.

Въ промежутокъ времени между 1425 — 31 г. въ Москвѣ былъ основанъ митрополитомъ Фотіемъ Новинскій монастырь, упраздненный въ 1764 г. Оставшійся отъ этого монастыря соборный храмъ Введенія во храмъ обращенъ въ приходскую церковь, а въ монастырскихъ зданіяхъ, находящихся противъ этого храма, была помѣщена сначала народная школа, а затѣмъ при императорѣ Николаѣ тюрьма, или арестанское исправительное отдѣленіе гражданскаго вѣдомства, гдѣ и теперь помѣщается.

Въ царствованіе Василя Васильевича Москвѣ суждено было испытать новое бѣдствіе, какого она еще не испытывала, — усобицу въ семьѣ великокняжеской. Но и изъ этой бѣды она вышла побѣдительницей, потому что сила Москвы была въ коренномъ ея населеніи, въ земствѣ, которое и вынесло ее на своихъ плечахъ.

Юрій Дмитріевичъ принужденъ былъ, по волѣ хана, уступить племяннику, но въ душѣ онъ не отказывался отъ своихъ притязаній на старшинство. Вскорѣ дѣло дошло до открытой войны. Онъ собралъ сильное войско въ Галичѣ и выступилъ противъ в. к., который, видя превосходство силъ своего противника, бѣжалъ въ Тверь, а оттуда въ Кострому.

Юрій Дмитріевичъ вступилъ въ Москву, объявилъ себя великимъ княземъ, а затѣмъ пошелъ съ войскомъ вслѣдъ за Василюмъ Васильевичемъ, и, догнавъ его, взялъ въ плѣнъ. По совѣту любимаго боярина своего, Семена Морозова, князь Юрій Дмитріевичъ не сталъ держать племянника своего въ заключеніи и далъ ему въ удѣлъ Коломну. Послѣдствіемъ этого вышло то, чего онъ конечно не ожидалъ. Василій Васильевичъ, вступивъ въ Коломну, сталъ звать къ себѣ бояръ и народъ, и вся почти Москва потянулась къ нему. Въ Коломнѣ стало тѣсно отъ вновь прибывающихъ, улицы ея были загромождены обозами, а Москва опустѣла. Народъ уже успѣлъ привыкнуть къ новому порядку престолонаслѣдія и отдавалъ ему предпочтеніе. Поэтому онъ считалъ Василя Васильевича своимъ единственнымъ законнымъ государемъ.

Видя такое къ себѣ нерасположеніе народа, Юрій Дмитріевичъ уѣхалъ въ Галичъ, предоставивъ племяннику право снова вернуться въ Москву. — Все населеніе вернулось обратно за своимъ княземъ и Москва опять оживилась. Но на этомъ не кончилась вражда дяди съ племян-

никомъ: въ слѣдующемъ году Юрій Дмитріевичъ, опять занялъ Москву и снова объявилъ себя великимъ княземъ, но княжилъ недолго, потому что внезапная смерть прекратила его дни. Старшій сынъ его, Василій Косой, объявилъ было себя великимъ княземъ, но братья его, Дмитрій Шемяка и Дмитрій Красный, помирились съ Василіемъ Васильевичемъ, а Косаго изгнали изъ Москвы. Василій Васильевичъ, снова занялъ Московскій престолъ. Шемякѣ и Красному онъ далъ въ благодарность Угличъ со Ржевомъ и Бѣжецкій верхъ, а Звенигородъ, удѣлъ Косаго, взялъ себѣ.

Между тѣмъ Косой собралъ войско и выступилъ противъ в. к. Встрѣтивъ войска его въ Ростовской области, Косой вступилъ въ переговоры, и заключилъ перемиріе. Но это было хитростью съ его стороны: какъ скоро в. к. распустилъ свое войско для сбора съѣстныхъ припасовъ, Косой вѣроломно устремился на Московскій станъ, имѣя намѣреніе плѣнить в. к. Василій Васильевичъ выказалъ въ этомъ случаѣ необыкновенную рѣшительность: схвативъ воинскую трубу, онъ сталъ сзывать свое войско. Въ нѣсколько минутъ оно снова собралось вокругъ своего князя, который ударилъ на Косаго, смялъ его войско, а его взялъ въ плѣнъ и приказалъ ослѣпить. Этотъ жестокій поступокъ в. к. не остался безъ возмездія, потому что впослѣдствіи онъ самъ подвергся той же участи, по приказанію брата Косаго.

Василій Косой прожилъ еще 12 лѣтъ послѣ своего несчастія, въ полномъ уединеніи, покинутый и забытый всѣми, даже своими родными братьями.

Во время этихъ междоусобій, церковь наша оставалась безъ главы, потому что митрополитъ Фотій умеръ, а Константинопольскій патріархъ посвятилъ Исидора въ митрополиты всея Руси только девять лѣтъ спустя. Избранный соборомъ нашихъ святителей рязанскій епископъ, Іона, пріѣхалъ въ Константинополь слишкомъ поздно, когда Исидоръ былъ уже посвященъ.

Великій князь Василій Васильевичъ принялъ Исидора съ подобающимъ почетомъ, но былъ очень удивленъ, когда новый митрополитъ объявилъ ему свое намѣреніе ѣхать въ Италію, чтобы принять участіе въ соборѣ, сзываемомъ тамъ папою. Онъ не сталъ удерживать митрополита, но просилъ его соблюсти чистоту нашей вѣры. Исидоръ обѣщаль и уѣхаль.

Папа сзывалъ соборъ по слѣдующимъ обстоятельствамъ:

Греческимъ императоромъ былъ въ это время Иванъ Палеологъ, женатый на сестрѣ Василія Васильевича. Турки гѣснили его со всѣхъ сторонъ и онъ принужденъ былъ искать покровительства и защиты у папы Евгенія IV. Этотъ послѣдній обѣщаль поднять всю Европу на Турокъ, если Греки, обсудивъ догматы обѣихъ церквей, согласятся соединиться съ Латинскою церковью, признавъ главенство папы.

Императоръ былъ поставленъ въ необходимость согласиться на это условіе. Рѣшено было созвать восьмой вселенскій соборъ во Фло-

ренціи. Сюда должно было съѣхаться знатнѣйшее духовенство обѣихъ церквей, а равно и государи Европы. На этотъ соборъ поѣхалъ и нашъ новый митрополитъ Исидоръ.

Находясь въ безвыходномъ положеніи и заискивая въ папѣ, греческій императоръ согласился на многія измѣненія въ догматахъ своей церкви, которыя и были изложены въ такъ-называемой Флорентійской грамотѣ, составленной на соборѣ. Папа торжествовалъ, думая, что достигъ соединенія церквей.

Греческому императору, впрочемъ, уступчивость его не послужила на пользу, потому что государи Европы были заняты своими собственными дѣлами и не могли вступить за него, а помощь одного папы была слишкомъ ничтожна. Исидоръ, ревностно содѣйствовавшій единенію церквей, былъ награжденъ папой Евгеніемъ кардинальскою шапкою, *) и, вернувшись въ Москву, сталъ служить обѣдню въ Успенскомъ соборѣ съ различными нововведеніями. По окончаніи обѣдни діаконъ прочелъ съ амвона грамоту восьмаго Флорентійскаго собора. Вел. князь, присутствовавшій въ этотъ день въ соборѣ, первый возвысилъ голосъ противъ Исидора и вступилъ съ нимъ въ споръ, называя его еретикомъ, лжепастыремъ, губителемъ душъ. Онъ созвалъ епископовъ, бояръ и людей свѣдущихъ въ священномъ писаніи, и велѣлъ имъ разсмотрѣть соборную грамоту. Всѣ признали ее еретическою. Митрополитъ Исидоръ былъ заключенъ послѣ того въ Чудовомъ монастырѣ, откуда ему удалось бѣжать, и в. к. не велѣлъ преслѣдовать его, потому что, потерявъ власть, онъ не могъ уже быть опасенъ для нашей церкви. Въ время сдѣланный отпоръ его нововведеніямъ имѣлъ важное значеніе для православной церкви, сохранивъ чистоту ея уставовъ.

Въ 1445 г. в. к. выступилъ противъ Казанскаго царя Улу-Махмета**), осадившаго Нижній Новгородъ. Походъ его былъ очень несчастливъ: онъ не только потерпѣлъ пораженіе, но и былъ взятъ въ плѣнъ. Войска в. к. дрались храбро, равно какъ и онъ самъ, но непріятель значительно превосходилъ ихъ числомъ. В. к. взятъ былъ въ плѣнъ, имѣя руку прострѣленную, нѣсколько пальцевъ отсѣченныхъ, тринадцать ранъ на головѣ, и плеча и грудь синія отъ ударовъ.

Извѣстіе о плѣнѣ в. к. привело въ ужасъ жителей Москвы. Ожидали, что непріятель пойдетъ и на Москву, и спѣшили подъ защиту Кремлевскихъ стѣнъ. Но и тамъ не нашли безопасности, потому что ночью сдѣлался такой сильный пожаръ, что не только деревянные

*) Знакъ отличія у катол. духовенства.

**) Улу-Махметъ былъ основателемъ Казанскаго царства. Изгнанный изъ Золотой или Кипчакской Орды, онъ собралъ вокругъ себя толпы Татаръ и занялъ древнюю Болгарію, на берегахъ Волги.

зданія сгорѣли, и въ томъ числѣ и дворець великокняжескій, но даже каменныя стѣны и церкви мѣстами разрушились, и народу погибло до 3000 человекъ. Семейству в. к. негдѣ было жить, и оно должно было удалиться въ Ростовъ.

Улу-Махметъ не думалъ, впрочемъ, идти на Москву, и только отправилъ отъ себя посла къ Шемякѣ, двоюродному брату Василя Васильевича (сыну Юрія Дмитріевича), предлагая ему быть великимъ княземъ, подъ его верховною властію, и обѣщая ему держать в. к. Василя Васильевича въ вѣчной неволѣ. Шемяка охотно принялъ это предложеніе, но послы его почему-то замѣшались въ пути. Улу-Махметъ, не зная чему приписать это замедленіе, и получивъ тревожныя извѣстія изъ Казани, поспѣшилъ вернуться, а в. к. отпустилъ на свободу за небольшой выкупъ. Это произошло 1-го Октября, и въ самый тотъ день въ Москвѣ было землетрясеніе. Оно было непродолжительно и не сильно, однако колебаніе было все-таки замѣтно, и необычайность этого явленія навела страхъ на жителей. Его считали предзнаменованіемъ какого нибудь бѣдствія, и тѣмъ болѣе обрадовались возвращенію в. князя. По всей дорогѣ его встрѣчали съ торжествомъ, какъ бы послѣ какой нибудь побѣды. Но не радостенъ былъ его вѣздъ въ Москву, которая еще не успѣла оправиться отъ пожара, и представляла на каждомъ шагѣ слѣды разрушенія. В. к. принужденъ былъ остановиться за городомъ, на Ваганьковѣ*), въ домѣ своей матери, а позднѣе занялъ въ Кремлѣ дворъ Литовскаго князя Юрія Патрикѣевича.

Между тѣмъ, князь Дмитрій Шемяка, вмѣстѣ съ княземъ Можайскимъ, Иваномъ, составили заговоръ противъ в. к. Они распустили слухъ, что в. к. выпущенъ на свободу вслѣдствіе клятвеннаго обѣщанія, даннаго имъ царю Улу-Махмету, что онъ отдастъ ему все московское государство, а себѣ возьметъ только одну Тверь. Къ нимъ присоединился Борисъ Тверской, повѣривъ вымыслу и боясь лишиться своего княженія. Заговорщики рѣшили между собой не дѣйствовать открытою силою, но хитростію. Они набрали себѣ единомышленниковъ въ самой Москвѣ, какъ напр. боярина Ивана Старкова и др., и стали выжидать удобнаго случая, чтобы захватить в. к. и овладѣть Кремлемъ. Случай вскорѣ представился: в. к., не предвидя опасности, поѣхалъ на богомолье къ Троицѣ. Безъ него Кремль былъ взятъ измѣною, и войска князя Дмитрія Шемяки съ княземъ Иваномъ Можайскимъ во главѣ, неожиданно явились подъ стѣнами Троицкаго монастыря. Ихъ скрыли въ саняхъ, накрытыхъ рогожами, и подвезли такимъ образомъ къ монастырю. В. к., застигнутый врасплохъ, былъ схваченъ у раки преп. Сергія и отвезенъ въ Москву. Тамъ, на дворѣ Ше-

*) Мѣстность, гдѣ теперь находится Румянцевскій музей.

мяки *), его ослѣпили, отчего онъ и получилъ въ народѣ прозваніе Темнаго. Дѣтей его, Ивана и Юрія, бывшихъ тоже съ нимъ у Троицы, не тронули, и преданные люди успѣли перевезти ихъ въ село Боярково, подъ защиту князя Ивана Ряполовскаго и его братьевъ Семена и Дмитрія, которые, составивъ небольшую воинскую дружину для ихъ охраны, заключились съ ними въ Муромѣ.

Шемяка провозгласилъ себя великимъ княземъ, а слѣпаго Василия отправилъ съ супругою въ Угличъ, гдѣ они содержались подъ стражею. Недовольствуясь этимъ, ему хотѣлось захватить и его дѣтей. Для этого онъ вызвалъ къ себѣ рязанскаго епископа Іону и поручилъ ему уговорить Ряполовскихъ, чтобы они отпустили къ нему дѣтей Василия, обѣщаясь не сдѣлать имъ никакого вреда, выпустить отца ихъ на свободу и дать ему богатый удѣлъ. Іона повѣрилъ искренности Шемяки, поѣхалъ въ Муромъ и сталъ уговаривать Ряполовскихъ отпустить маленькихъ князей. Ряполовскіе согласились, взявъ предварительно клятву съ Іоны, что всѣ обѣщанія будутъ свято исполнены. Они привели дѣтей въ храмъ Богоматери и тамъ торжественно передали ихъ съ церковной пелены на епитрахиль епископа. Послѣ этого Іона привезъ дѣтей Василия къ Шемякѣ, который принялъ ихъ сначала съ притворною радостію, а на третій день отослалъ къ отцу въ Угличъ и оставилъ все семейство по прежнему подъ стражей. Святитель Іона, возмущенный поступкомъ Шемяки, сказалъ ему: «зачѣмъ ты эту неправду учинилъ и меня ввелъ въ грѣхъ и срамъ? Князя бы тебѣ выпустить, а ты и дѣтей его съ нимъ посадилъ. Ты мнѣ далъ правое слово, меня послушали, и теперь я весь во лжи. Выпусти его, сними съ моей и твоей души грѣхъ: что тебѣ можетъ сдѣлать слѣпой съ малыми дѣтьми? Если боишься, то укрѣпи его честнымъ крестомъ».

Послѣ неотступныхъ просьбъ Іоны Шемяка согласился, наконецъ, освободить в. к. и его семейство, и далъ ему въ удѣлъ Вологду, связавъ предварительно клятвеннымъ обѣщаніемъ не искать великаго княженія.

Василій Васильевичъ поѣхалъ въ Вологду, а оттуда на богомолье въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь, гдѣ игумень Трифонъ разрѣшилъ его отъ клятвы, данной имъ по принужденію, и благословилъ добывать себѣ обратно Москву, оставленную ему въ наслѣдіе его родителемъ. Этимъ совѣсть Василіева успокоилась, и онъ началъ набирать войска, чтобы выступить противъ Шемяки. Къ нему ежедневно приходило множество народа, изъявлявшаго готовность послужить ему, какъ своему законному государю. Тверской князь Борисъ Александровичъ вызвался помогать ему, скрѣпивъ свою дружбу обрученіемъ

*) Дмитрій Шемяка стоялъ въ Москвѣ на «дворѣ Поповкинѣ».

дочери, Маріи, съ десятилѣтнимъ сыномъ Василія, Иваномъ. Шемяка, услыхавъ, что Василій Васильевичъ идетъ противъ него съ войскомъ, выступилъ на встрѣчу ему и расположился у Волока Ламскаго. Василій, между тѣмъ, увѣренный въ расположеніи Москвы, послалъ впередъ небольшую дружину, которая обошла войско Шемяки и ночью, наканунѣ Рождества, явилась у стѣнъ Кремлевскихъ. Воспользовавшись тѣмъ, что Никольскія ворота были открыты для княгини Ульяны, жены кн. Василія Владиміровича, ѣхавшей къ заутрени въ соборъ, они проникли въ Кремль, и овладѣли имъ. Жители съ радостію присягнули Василію. Услыхавъ это, Шемяка не рѣшился начать битвы съ в. к., и ушелъ въ Галичъ, а Василій Васильевичъ безпрепятственно вступилъ въ Москву.

Тотчасъ по возвращеніи своемъ, в. к. созвалъ епископовъ для избранія митрополита. Они избрали и посвятили Іону. Это былъ первый случай избранія и посвященія въ митрополиты нашими святителями. Въ грамотѣ своей, написанной ко всѣмъ епископамъ, Іона говоритъ, что онъ избранъ по уставу Апостольскому русскими Святителями, и объявляетъ себя врагомъ Флорентійскаго соединенія. Съ этихъ поръ церковь наша сдѣлалась независимою отъ Константинопольской.

Св. Іона родился въ 6 верстахъ отъ Соли-Галича на рѣкѣ Святицѣ. Отца его звали Ѳеодоромъ, по фамиліи Одноушъ. Двѣнадцати лѣтъ онъ поступилъ въ одинъ изъ галичскихъ монастырей, откуда перешелъ въ Симоновскій въ Москвѣ. Здѣсь онъ непрестанно трудился и обратилъ на себя вниманіе митрополита Фотія, который, придя однажды въ монастырь, нашелъ Іону въ «пекальницѣ иже есть хлѣбня», уснувшего отъ чрезмѣрной усталости послѣ трудовъ. Фотій возложилъ руку на голову спящаго и сказалъ: «инокъ сей Іона будетъ великъ Святитель въ странахъ русскія земли».

В. к. заключилъ миръ съ своими двоюродными братьями на слѣдующихъ условіяхъ: Шемяка отказался отъ притязаній на великое княженіе и уступилъ московскому князю Звенигородъ, Вятку, Угличъ и Ржевъ, а Иванъ Можайскій отдалъ Козельскъ и другія волости. Оба они остались при однихъ только наслѣдственныхъ удѣлахъ и обязались возратить все взятое ими изъ Москвы: казну, богатые кресты, иконы, древнія грамоты, ханскіе ярлыки и т. д. Шемяка не сдержалъ своего слова, и в. к. принужденъ былъ выступить противъ него съ войскомъ. Битва произошла близъ Галича, и побѣда осталась на сторонѣ в. к. Шемяка бѣжалъ въ Новгородъ, а в. к. присоединилъ Галичскій удѣлъ къ Москвѣ и поставилъ тамъ своихъ намѣстниковъ.

Вскорѣ послѣ того Москва подверглась нападенію Казанскихъ Татаръ, подъ предводительствомъ царевича Седи-Ахмета. В. к. представилъ защиту Москвы митрополиту Іонѣ, матери своей, Софѣѣ, сыну

Юрію и боярамъ, а самъ уѣхалъ къ берегамъ Волги собирать войска.

Татары подступили къ Москвѣ и выжгли посады. Москвичи выслали противъ нихъ небольшой отрядъ, который бился съ ними до ночи и имѣлъ нѣкоторый перевѣсъ. Ночь прекратила битву, но съ утра ожидали приступа. Святитель Іона съ соборомъ духовенства, взявъ кресты и св. иконы изъ Успенскаго и другихъ соборовъ, сталъ обходить въ сопровожденіи народа кремлевскія стѣны, не смотря на то, что стрѣлы осаждающихъ падали со всѣхъ сторонъ. Св. Іона обратился къ иноку Чудова монастыря, Антонію Клозыня, извѣстному своей святой жизнью, со словами: «Братъ Антоній! помолись прилежно Богу объ избавленіи города и всего православія отъ безбожныхъ Агарянь». Антоній отвѣчалъ: «ты великій архіерей, твои молитвы не презрять Богородица: вѣруемъ, что умолила Сына своего и Бога нашего, да спасенъ будетъ градъ сей, и православное христіанство, безбожные Агаряне скоро побѣждены и прогнаны будутъ, и я одинъ убить буду». Послѣ этихъ словъ Антоній упалъ, пораженный татарскою стрѣлою. Исполнилось и его пророчество относительно Москвы: къ радости Москвичей, на разсвѣтѣ они увидали, что Татары ушли, услыхавъ какой-то шумъ вдали и вообразивъ, что это идетъ в. к. съ войскомъ.

Въ память этого чудеснаго событія Іона выстроилъ на митрополичьемъ дворѣ, подлѣ своихъ палатъ, церковь Положенія Ризы Пресвятыя Богородицы, о которой сказано выше, примыкающую къ нынѣшней малой зототой или царициной палатѣ Терема.

При ней находится часовня съ чудотворнымъ образомъ Печерской Божьей Матери, съ предстоящими ей первосвятителями Московскими, Петромъ и Алексіемъ. Народное преданіе грозитъ проклятіемъ тому, кто проходитъ мимо этого храма не поклонясь образу Богоматери.

Спустя четыре года Татары вновь пошли на Москву, но в. к., получивъ благословеніе Іоны, встрѣтилъ ихъ на Окѣ и разбилъ. Въ память этого событія Іона выстроилъ въ Успенскомъ соборѣ придѣлъ Похвалы Богородицы, перенесенный по построеніи собора при Иванѣ III, въ юго-восточную главу его, гдѣ онъ существуетъ и нынѣ. Къ нему ведетъ каменная лѣстница изъ придѣла св. Дмитрія Селунскаго.

Въ житіи св. Іоны говорится, что онъ вмѣстѣ съ другомъ своимъ, Новгородскимъ архіепископомъ Іоною же, дали обѣтъ быть непрестанными молитвенниками предъ Богомъ объ укрѣпленіи самодержавства великихъ князей Московскихъ, о распространеніи царства и объ одолѣніи враговъ ихъ. Вслѣдствіе этого, Іона является въ народныхъ преданіяхъ какъ молитвенникъ о защитѣ Москвы отъ иноплеменниковъ. Во время нашествія Французовъ, когда грабители вздумали коснуться гробницы святителя Іоны, и открыли уже серебряную раку, — грозно поднялась передъ ними его рука, и грабители въ ужасѣ разбѣжались.

Шемяка, между тѣмъ, уже ушелъ изъ Новгорода и господствовалъ въ Устюгѣ. Онъ не сдержалъ своего обѣщанія возвратить казну и все захваченное имъ изъ Москвы, и, кромѣ того, сносился съ врагами в. к. и старался всячески вредить ему. В. к. принужденъ былъ еще разъ выступить въ походъ противъ него. Шемяка не рѣшился на этотъ разъ вступить въ битву, и бѣжалъ въ Новгородъ. Воеводы в. к. взяли Устюгъ, и поставили тамъ великокняжескаго намѣстника. Вскорѣ послѣ этого, Шемяка скоропостижно умеръ въ Новгородѣ, неизвѣстно кѣмъ отравленный. Подъячій Бѣда, привезшій въ Москву извѣстіе о смерти Шемяки, былъ награжденъ званіемъ дьяка.

Послѣ смерти Шемяки в. к. дѣйствовалъ болѣе и болѣе успѣшно и рѣшительно въ пользу единодержавія. Когда Иванъ Можайскій не захотѣлъ идти съ нимъ вмѣстѣ противъ Татаръ, в. к. объявилъ ему войну, принудилъ его бѣжать съ своимъ семействомъ въ Литву, а Можайскъ присоединилъ къ Москвѣ, поставивъ тамъ своего намѣстника. Онъ ходилъ противъ Новгорода, взялъ съ него 8500 рублей выкупа, обязалъ платить ему дань и употреблять въ государственныхъ дѣлахъ великокняжескую печать. Когда Рязанскій князь Иванъ Оедоровичъ умеръ, предоставивъ малолѣтнаго своего сына, Василия, и дочь попеченіямъ великаго князя, — онъ взялъ дѣтей въ Москву, а въ Рязань отправилъ своихъ намѣстниковъ. Затѣмъ онъ присоединилъ къ Москвѣ удѣлъ князя Боровскаго, повѣривъ слуху, что онъ измѣнилъ, и сослалъ его въ Угличъ. Населеніе Вятки принимало участіе въ междоусобіяхъ Василюва княженія, и всегда держало сторону его противниковъ, — Юрія, Косаго и Шемяки. Поэтому Василій Васильевичъ счелъ нужнымъ усмирить Вятчанъ, и послалъ противъ нихъ сильное войско. Вятка была взята, послѣ чего жители ея обязались платить дань в. к. и предоставили ему право набирать изъ среды себя войско.

И такъ, Василій Темный возвратилъ Москвѣ почти всѣ удѣлы, на которые раздробилась Суздальская область вслѣдствіе размноженія князей. Независимымъ остался только князь Верейскій, удѣлъ котораго былъ присоединенъ къ Москвѣ уже при сынѣ Василю, Иванѣ III.

Василій Васильевичъ былъ послѣднимъ изъ Московскихъ великихъ князей, который ѣздилъ въ Орду за полученіемъ ханскаго ярлыка на великое княженіе, и первымъ, который имѣлъ у себя на службѣ Татарскихъ царевичей.

Въ 1456 г. в. к. Василій Васильевичъ, по убѣдительной просьбѣ Смоленскаго епископа Михаила, согласился возвратить Смоленску икону Божьей Матери Одигитріи (путеводительницы), привезенную оттуда матерью его, Софьей Витовтовной, и находившуюся съ тѣхъ поръ въ Благовѣщенскомъ соборѣ. Икону проводили 28-го іюля съ торжественнымъ крестнымъ ходомъ, въ которомъ участвовалъ в. к. съ дѣтьми, митрополитъ Іона съ духовенствомъ и множество народа, до Саввин-

ской церкви, близъ Дѣвичьяго поля. Въ 1499 г. на мѣстѣ ея основанъ монастырь, неизвѣстно когда уничтоженный. Соборная церковь этого монастыря, во имя Саввы Освященнаго, была обращена въ концѣ XVII ст. въ приходскую и существуетъ и понынѣ. Въ память проводовъ иконы въ продолженіи 60 лѣтъ ежегодно 28-го іюля совершался крестный ходъ въ церковь Саввы Освященнаго.

Въ Благовѣщенскомъ соборѣ была поставлена копія съ иконы. Позднѣе же, когда былъ основанъ Василиемъ Ивановичемъ Новодѣвичій монастырь, въ память взятія Смоленска, то копія съ образа Смоленской Божьей Матери была перенесена 28-го іюля 1525 г. съ крестнымъ ходомъ изъ Благовѣщенскаго собора въ Новодѣвичій монастырь, и съ тѣхъ поръ въ это число ежегодно совершается крестный ходъ уже въ Новодѣвичій монастырь.

Много лѣтъ спустя, во время Польско-Литовскаго нашествія, Новодѣвичій монастырь, обнесенный оградой, валомъ и рвами, служилъ крѣпостью и станомъ, то для враговъ, то для защитниковъ отечества. Когда ополченіе заняло Бѣлый городъ, Новодѣвичій монастырь былъ отбитъ у Поляковъ, но затѣмъ Поляки снова его заняли и оставались тамъ, пока Пожарскій не очистилъ Москвы отъ непріятеля.

Съ вступленіемъ на престолъ Михаила Ѳеодоровича, монастырь былъ возстановленъ и укрѣпленъ, и старицы, выведенныя во Владимірскіе монастыри, возвращены на свои прежнія мѣста. Цари Михаилъ, Алексѣй, и Ѳеодоръ обогатили Новодѣвичій монастырь вотчинами и богатыми вкладами. Наканунѣ праздника Смоленской Божьей Матери они останавливались передъ монастыремъ шатрами, слушали въ немъ вечерню, всенощную и обѣдню, потомъ обѣдали въ своемъ шатрѣ, а монахинь угощали обильнымъ столомъ въ самой обители.

Между монастырскими зданіями главное мѣсто занимаетъ соборъ, въ честь Смоленской иконы Божьей Матери сходный по своей архитектурѣ съ Успенскимъ и Архангельскимъ соборами. Строителемъ его предполагаютъ Алевиза Фрязина, но онъ былъ возобновленъ въ царствованіе Бориса Годунова. Въ этомъ соборѣ три придѣла, которые всѣ относятся къ концу XVII и началу XVIII ст. Въ немъ погребены: царица Евдокія Ѳеодорвна, царевна Софія, Евдокія и Екатерина, дочери Алексѣя Михайловича, а подъ главнымъ алтаремъ одиннадцатилѣтняя царевна Анна, дочь Ивана Грознаго.

Кромѣ того, въ монастырѣ находятся слѣдующія церкви:

Трапезная теплая, напоминая своей постройкой такія же церкви въ Боявленскомъ монастырѣ, и въ Троицкой Лаврѣ. Главный престолъ въ честь Успенія Божьей Матери освященъ въ 1687 г. патриархомъ Іоакимомъ и преосвященными Крутицкимъ, Суздальскимъ и Тамбовскимъ.

Больничная, во имя св. Амвросія Медиоланскаго.

Трехъярусная церковь *Преображенія*, надъ передними воротами, красивой постройки, освящена въ 1688 г. патриархомъ Іоакимомъ, и церковь *Покрова Божьей Матери*, надъ задними воротами, XVII в.

Ко всѣмъ этимъ церквамъ принадлежитъ пятиярусная колокольня, чрезвычайно красивая, построенная въ XVIII ст. Въ нижнемъ ярусѣ ея находится придѣлъ во имя преп. Варлаама и Іоасафа, царевичей Индѣйскихъ. Между колоколами самый старый 1551 г., вылитый при Иванѣ Грозномъ и митрополитѣ Макаріи.

В. к. Василій Васильевичъ умеръ на 47 году жизни, предоставивъ великокняжескій титулъ старшему сыну, Ивану, равно какъ и треть доходовъ Москвы. Остальнымъ сыновьямъ онъ далъ удѣлы.

Въ это время Кремль былъ уже значительно застроенъ княжескими, владычными, и боярскими дворами и хоронами. Кромѣ того, тамъ находились подворья архіерейскія и монастырскія: *Симоновское*, у Никольскихъ воротъ, гдѣ въ 1458 г. построена каменная церковь Введенія Пресвятой Богородицы, *Кирилловское* у Фроловскихъ воротъ и рядомъ съ нимъ *Крутицкое* противъ Вознесенскаго монастыря, *Троицкое* у Троицкихъ воротъ съ церковью Богоявленія, построенною въ 1460 г., *Угрюшское* у церкви св. Петра чудотворца на городѣ и *Коломенское* на Подолѣ.

В. к. Василій Васильевичъ построилъ каменную церковь Рождества Іоанна Предтечи на мѣстѣ деревянной, пришедшей въ ветхость, съ придѣломъ преп. Варлаама Хутынскаго. При немъ же былъ основанъ Крестовоздвиженскій монастырь въ Бѣломъ городѣ, между Кремлемъ и Арбатскими воротами, на нынѣшней Воздвиженкѣ, получившей свое названіе отъ монастыря. Въ XV в. на мѣстѣ этого монастыря былъ домъ одного изъ потомковъ знаменитой фамиліи Ховриныхъ, Владиміра Григорьевича Ховрина. Лѣса, сады и огороды, принадлежавшіе къ этому дому, простирались отъ стараго Ваганькова къ Москвѣ рѣкѣ, къ Арбату и даже къ нынѣшней Поварской улицѣ. Владиміръ Григорьевичъ былъ казначеемъ и любимцемъ в. к. Василія Васильевича и былъ преданъ ему сердечно. Сверженіе в. к. съ престола и ослѣпленіе его до того опечалило Ховрина, что онъ отрекся отъ міра, выстроилъ въ 1450 г. на мѣстѣ своего дома и бывшей при немъ приходской церкви новую каменную церковь, а вскорѣ потомъ основалъ монастырь, въ которомъ принялъ иночество. Когда же Василія Васильевичъ снова вернулся на престолъ и Москва подверглась нападению Татаръ, то Ховринъ не только самъ облекся въ одежду воина, но и братію своего монастыря вооружилъ крестами и мечами, и присоединился съ этимъ войскомъ къ Московскому воеводѣ кн. Юрію Патрикѣвичу. Онъ помогъ отразить врага и отнять плѣнныхъ, послѣ чего снова вернулся въ свою мирную обитель, гдѣ и окончилъ дни свои; мѣсто его могилы неизвѣстно. Крестовоздвиженскій монастырь упраз-

днень послѣ 1812 г. и бывшая въ немъ соборная церковь, построенная въ 1725 г. и уцѣлѣвшая отъ пожара, обращена въ приходскую церковь, существующую понинѣ.

Около этого же времени основанъ на далекомъ сѣверѣ Соловецкій монастырь свв. Савватіемъ и Зосимою.

Въ началѣ этой главы было сказано о бѣдственномъ положеніи Константинополя, тѣснимаго Турками. Въ 1462 г. онъ былъ взятъ ими и послѣдній императоръ Византійской имперіи, Константинъ Палеологъ палъ на его стѣнахъ. Храмъ св. Софіи, красотой котораго и величіемъ совершавшагося въ немъ православнаго богослуженія плѣнились послы Владиміра Святаго, былъ обращенъ въ мечеть.

Съ этого же времени сдѣлалась извѣстною Крымская орда, составленная первоначально Эдигеемъ изъ улусовъ Черноморскихъ. Главнымъ основателемъ ея силы и могущества былъ Ази-Гирей, по имени котораго назывались всѣ Крымскіе ханы *Гирями*.

ГЛАВА VI.

Бракъ Ивана III съ Софіей Палеологъ.—Построеніе храма Успенія и другихъ зданій.

1462—1505.

Вскорѣ по вступленіи своемъ на престолъ, Иванъ Васильевичъ, женатый на дочери Тверскаго князя Бориса Александровича, Маріи, овдовѣлъ, и черезъ пять лѣтъ женился на Греческой царевнѣ Софіи Палеологъ. Бракъ этотъ былъ ему предложенъ папою, у котораго отецъ царевны, Ѳома Палеологъ, искалъ убѣжища послѣ взятія Константинополя Турками. Ѳома умеръ въ Римѣ, оставивъ подъ покровительствомъ папы двухъ сыновей своихъ и дочь Софію. Предлагая бракъ этотъ Ивану Васильевичу, папа разсчитывалъ достигъ черезъ него двухъ цѣлей: во первыхъ подчинить себѣ нашу церковь, потому что онъ считалъ Софію склонною къ Латинству и надѣялся, что она съумѣетъ убѣдить Ивана Васильевича принять постановленія Флорентійскаго собора, во вторыхъ вооружить Ивана Васильевича, противъ Турокъ для освобожденія Греціи отъ ихъ ига. Папа ошибся въ своихъ разсчетахъ, хотя предложеніе его о бракѣ было охотно принято.

В. к. отправилъ отъ себя посломъ въ Римъ Венеціанца Ивана Фрязина, уже давно находившагося у него на службѣ, и принявшаго православіе. Ему дано было порученіе узнать о достоинствахъ царевны Софіи Ѳоминыны. Посоль былъ обласканъ папой и получилъ отъ него портретъ царевны, о которомъ въ лѣтописи говорится: «Фрязинъ царевну (Софію) на иконѣ написавъ принесе». Это былъ первый портретъ, видѣнный въ Москвѣ.

Послѣ этого, в. к. отправилъ того же Ивана Фрязина съ торжественнымъ посольствомъ за царевною.

Софія выѣхала къ намъ въ сопровожденіи папскаго легата и цѣлаго двора чиновниковъ и слугителей.

Путь ея лежалъ изъ Рима въ Любекъ, оттуда моремъ въ Ревель. Здѣсь она прожила двѣ недѣли, угощаемая Ливонскимъ Орденомъ (*). Иванъ Фрязинъ послалъ, между тѣмъ, гонца въ Москву съ извѣщеніемъ, что царевна благополучно переплыла море. Въ Дерптѣ встрѣтилъ ее посоль изъ Москвы съ привѣтствіями отъ имени государя и его подданныхъ. На берегу Чудскаго озера ее встрѣтили послы города Пскова, которые налили при ея приближеніи полные кубки вина и ударили челомъ своей будущей великой княгинѣ. Софія была тронута такими изъявленіями любви Псковичей, и поспѣшила пересѣсть на ихъ суда. Два дня они плыли озеромъ. Подъѣзжая къ Пскову, Софія надѣла на себя царскія одежды, и, встрѣченная у воротъ города духовенствомъ, пошла прямо въ соборную церковь. Народъ дивился, глядя на сопровождавшаго ее папскаго легата въ красной мантии, въ высокой епископской шапкѣ и въ перчаткахъ. Передъ нимъ несли литое серебряное распятіе. Взойдя въ церковь, онъ не поклонился образамъ, но Софія, замѣтивъ общее негодованіе, заставила его приложиться къ образу Божьей Матери. Это сейчасъ расположило присутствующихъ въ ея пользу. Софія прожила во Псковѣ пять дней, принимая дары и угощенія Псковитянъ, и затѣмъ поѣхала далѣе.

Между тѣмъ, в. к. совѣтовался съ митрополитомъ и боярами, какъ быть съ папскимъ легатомъ: не произвело бы на Москвичей непріятнаго впечатлѣнія, что передъ нимъ въ особенныхъ саняхъ везутъ Латинскій крестъ. Митрополитъ Филиппъ объявилъ, что если в. к. позволить въ благовѣрной Москвѣ нести крестъ предъ латинскимъ епископомъ, то епископъ взойдетъ въ одни ворота, а онъ, митрополитъ, уйдетъ въ другія. Вслѣдствіе этого у легата отобрали крестъ и спрятали въ сани.

12-го Ноября, рано поутру, послѣ 4 $\frac{1}{2}$ мѣсяцевъ пути, царевна выѣхала въ Москву. Встрѣченная митрополитомъ, она приняла отъ него благословеніе и отправилась въ Вознесенскій монастырь, къ матери в. к., гдѣ увидалась съ женихомъ, и гдѣ тотчасъ же было совершено обрученіе. Послѣ этого, женихъ и невѣста слушали обѣдно въ деревянной соборной церкви Успенія, а по окончаніи ея митрополитомъ было совершено ихъ бракосочетаніе съ большимъ торжествомъ.

(*) Въ XIII в. на берегахъ Балтійскаго моря поселились Нѣмцы, подчинили себѣ туземныя племена и образовали маленькое государство, получившее на званіе Ливонскаго Ордена.

Антоній, легать папскій, оставался еще нѣкоторое время въ Москвѣ, домогаясь, чтобы были приняты уставы Флорентійскаго собора. Но в. к. не хотѣлъ и слышать объ этомъ. Легать имѣлъ пренія касательно этого вопроса съ митрополитомъ, но былъ приведенъ въ замѣшательство вѣскими опроверженіями его доводовъ митрополита и московскаго книжника Никиты Поповича, и уклонился отъ дальнѣйшихъ преній, ссылаясь на то, что съ нимъ нѣтъ книгъ. Великая княгиня Софья нисколько не содѣйствовала видамъ легата, а, напротивъ того, съ самаго начала выказала себя ревностною блюстительницей Православной вѣры.

Бракъ в. к. съ Софьей имѣлъ важныя послѣдствія для Москвы. Во первыхъ, онъ открылъ къ намъ доступъ европейскому образованію: многіе Греки и Итальянцы, пріѣхавшіе съ царевной, были полезны намъ своими знаніями, а за ними стали пріѣзжать и другіе иноземцы. Кромѣ того, Греки привезли съ собою много церковныхъ книгъ, спасенныхъ отъ Турокъ. Во вторыхъ, бракъ этотъ произвелъ совершенный переворотъ въ обычаяхъ великокняжескаго двора.

До этихъ поръ великіе князья Московскіе, хотя и были сильнѣе другихъ князей и считались старѣйшими между ними, но тѣмъ не менѣе, по обычаю, держали себя съ другими князьями какъ съ равными. Даже бояре-дружинники, служа великому князю, пользовались нѣкоторою независимостью, и могли отъѣхать отъ него къ другому князю. Эти патріархальныя отношенія совершенно измѣнились со времени вступленія Ивана Васильевича въ бракъ съ Софіею. Принявъ гербъ Византіи, двуглаваго орла, в. к. перенялъ и обычаи Византійскихъ (греческихъ) императоровъ. Онъ сталъ держать себя гордо, требовалъ непрекословнаго повиновенія и строго наказывалъ за ослушаніе. Старыя права княжескія и боярскія постепенно были имъ уничтожены и предъ нимъ должны были преклониться потомки Рюрика и Гедимины, наравнѣ со всѣми остальными подданными.

Гордость Софіи не могла помириться съ зависимостью Москвы отъ Орды и она побуждала великаго князя къ сверженію ига. Пока платилась еще дань, Софія уговорила в. к. не выходить на встрѣчу татарскихъ пословъ, какъ это дѣлалось прежде, потому что это было унижительно для его достоинства. Князья выходили пѣшкомъ и преклоняли колѣна передъ изображеніемъ хана или басмою, которую послы привозили съ собою. Существуетъ преданіе, что басма была разбита на Болвановкѣ, въ Болванскомъ переулкѣ, и на ея мѣстѣ воздвигнута церковь Преображенія Господня, въ 1465 г., существующая понынѣ. Татары имѣли въ Кремлѣ свой особый домъ*), гдѣ послы ихъ останавливались по своемъ пріѣздѣ, и гдѣ постоянно жили татарскіе

*) Гдѣ теперь плацъ, противъ колокольни Ивана Великаго.

чиновники и купцы, наблюдавшіе оттуда за всѣми дѣйствіями великихъ князей и доносившіе обо всемъ хану. Чтобы избавиться отъ этихъ шпионовъ, Софія придумала слѣдующую мѣру: она послала дары къ женѣ Ахмата, и написала ей, что имѣла видѣніе, которымъ ей повелѣвалось построить храмъ на мѣстѣ ордынскаго подворья, вслѣдствіе чего она просить ханшу уступить ей это мѣсто и взаменъ его готова дать ей другое. Ханша согласилась, подворье было сломано и на мѣстѣ его обыденкой *) построена деревянная церковь Николы Ельнянаго, получившаго свое названіе отъ початковъ льна и холста, какіе приносили сюда усердные богомольцы. По другимъ извѣстіямъ она называлась Николы Ельнянаго, отъ еловаго лѣса, изъ котораго была построена. Съ этихъ поръ Татары уже не допускались жить въ Кремль. Позднѣе, въ 1506 г., в. к. Василій Ивановичъ построилъ вмѣсто деревянной каменную церковь и поставилъ въ ней чудотворный образъ Николы Гостунскаго, перенесенный имъ изъ села Гостуни **) и украшенный по словамъ лѣтописи «золотомъ и каменіемъ драгимъ и бисеромъ, отъ него же много исцѣленія быша и бываютъ приходящимъ съ вѣрою и нынѣ». Въ храмовые праздники въ этомъ соборѣ всегда служили митрополиты и партіархи, въ присутствіи государей. Преданіе гласитъ, что Петръ I не выѣзжалъ изъ Москвы, не отслуживъ молебна св. Николѣ Гостуцкому. Наружный видъ этого храма былъ квадратный, объ одномъ куполѣ, съ главою осѣненной четырехконечнымъ крестомъ. Къ сѣверной его части примыкалъ придѣлъ объ одной главѣ, а къ западной—трапеза съ двумя входами съ площади. Главный престолъ былъ во имя Введенія Богоматери, а придѣлъ во имя св. Николая. Въ соборѣ было три образа Николая Чудотворца: 1-й, принесенный изъ Гостуни, древняго греческаго письма; на немъ висѣла до 12-го года золотая гривна въ 20 золотниковъ, какъ вкладъ Никиты Мальянинова, 5-го Ноября 1610 года. 2-й, поясной, русскаго письма, такъ называемый *отвратный*, потому что, по преданію, передъ изгнаніемъ Поляковъ изъ Москвы, глаза его сами собой обратились въ противную сторону. 3-й, во весь ростъ, весьма древній, вырѣзанный изъ дерева съ мечемъ въ одной рукѣ и съ церковью въ другой.

Въ старину отцы и матери приходили съ помолвленными дочерьми своими въ соборъ Николы Гостунскаго, служили молебенъ и записывали имена помолвленныхъ въ книгу, хранившуюся при соборѣ, какъ бы поручая ихъ заступничеству Святителя. Изъ житія св. Николая извѣстно, что онъ помогъ однимъ бѣднымъ родителямъ выдать замужъ ихъ дочерей, которыхъ крайняя бѣдность могла бы довести до

*) Въ одинъ день.

**) Калужской губ., Лихвинскаго уѣзда.

преступленія; это и послужило, вѣроятно, поводомъ къ вышеупомянутому обычаю.

Послѣ изгнанія Французовъ въ 1812 г. церковь эта была возобновлена и освящена, но въ 1816 г. для распространенія Кремлевской площади, необходимой для военныхъ смотровъ и парадовъ, Гостунскій соборъ былъ разобранъ въ одну ночь, а утвари его и чудотворный образъ Святителя перенесены въ придѣлъ при церкви Іоанна Лѣствичника, въ Ивановской колокольнѣ.

До Ивана III Москва представляла бѣдный видъ относительно своихъ построекъ, какъ единогласно свидѣтельствуяютъ всѣ иностранцы, бывавшіе въ Москвѣ и оставившіе описанія своего пребыванія въ ней. Но въ то же время они заявляютъ, что дешевизна жизненныхъ припасовъ въ Москвѣ была изумительна. Мясо продавалось не на вѣсъ, а по глазомѣру.

Иванъ III первый занялся украшеніемъ Москвы. Прежде всего онъ началъ строить соборный храмъ Успенія, такъ какъ прежній, построенный Калитою, пришелъ въ ветхость. Когда приступили къ передѣлкѣ собора, въ 1472 г., то при разломкѣ его обрѣли мощи св. Петра митрополита нетлѣнными и перенесли ихъ на время стройки въ церковь Іоанна Лѣствичника, «что подъ колоколы», а по окончаніи постройки собора, черезъ 18 лѣтъ, снова возвратили ихъ на прежнее мѣсто.

Изъ Пскова были выписаны мастера — Кривцовъ и Мышкинъ, которые взялись выстроить соборъ по образцу Владимірскаго храма Богоматери. Митрополитъ Филиппъ I назначилъ сборъ на построеніе храма съ духовенства и монастырей. Бояре и гости тоже присоединили свои приношенія. Постройка храма была начата, но когда стали сводить своды, онъ обрушился. Тогда в. к. по совѣту Софіи рѣшился выписать изъ Италіи болѣе свѣдущихъ строителей. Онъ поручилъ Семену Толбузину, своему послу въ Венеціи, поискать тамъ хорошихъ мастеровъ. Но никто не соглашался ѣхать въ далекую и мало еще извѣстную Москву. Наконецъ, Толбузину посчастливилось найти одного славнаго зодчаго, который заявилъ себя уже тѣмъ, что выстроилъ въ Венеціи большую церковь и ворота, и который согласился ѣхать въ Москву за десять рублей жалованья въ мѣсяць, что составляло около двухъ фунтовъ серебра. Это былъ знаменитый Аристотель Фіоравенти. Онъ пріѣхалъ въ Москву съ сыномъ Андреемъ и ученикомъ Петромъ. Осмотрѣвъ развалины прежняго собора, онъ нашелъ, что мастера употребляли плохую известь и дурно прожженный кирпичъ. Онъ разбилъ уцѣлѣвшія части прежнихъ стѣнъ бараномъ, или стѣнобитной машиной, о которой у насъ не имѣли еще понятія, вырылъ подъ фундаментъ новые рвы, устроилъ печь для обжиганія кирпича за Андроньевымъ монастыремъ, гдѣ нашелъ хорошую глину для этого, и сталъ дѣлать

кирпичи уже, длиннѣе и тверже прежнихъ, а известь замѣшивать гуще. Для подъема кирпича на верхъ онъ устроилъ колесо или блокъ, тоже еще неизвѣстный въ то время въ Москвѣ. Аристотель началъ постройку собора въ 1475 году, по образцу Владимірскаго, и окончилъ въ 1479 г. «Бысть же та церковь», по сказанію лѣтописца, «чудна вельми, величествомъ и высотой и свѣтлостію и пространствомъ; такова же прежде того не бывала въ Руси, опричь Владимірскія церкви». Художники: Діонисій попъ, Тимошей Ярецъ и Коня расписывали внутренность собора. 12-го августа того же года храмъ былъ освященъ митрополитомъ Геронтіемъ. В. к. роздалъ въ этотъ день богатую милостыню во весь городъ и семь дней праздновалъ это событіе, угощая духовенство и бояръ на великокняжескомъ дворѣ. Храмъ этотъ стоитъ и понынѣ, вступивъ въ пятый вѣкъ своего существованія.

Вскорѣ по освященіи Успенскаго собора между в. к. и митрополитомъ Геронтіемъ возникъ споръ по слѣдующему поводу: кто-то сказалъ Ивану Васильевичу, что Геронтій не по правиламъ освящалъ соборъ, потому что ходилъ съ крестами вокругъ церкви по солнечному восходу. Иванъ смутился этимъ, боясь гнѣва Божія, и поручилъ ростовскому владыкѣ Вассіану и архимандриту Чудова монастыря Геннадію разъяснить это дѣло. Стали искать въ книгахъ, но не нашли тамъ, какъ ходить при освященіи, по солнцу или противъ солнца, и мнѣнія раздѣлились. Геронтій основывалъ свое мнѣніе на томъ, что когда діаконъ кадитъ престоль въ алтарь, то ходитъ на правую руку, а противники доказывали, что «солнце праведное Христосъ на адъ наступилъ, смерть связалъ и души свободилъ, для этого на пасху исходятъ противъ солнца». Споръ этотъ былъ прерванъ нашествіемъ Ахмата, и смертію Вассіана Ростовскаго; но затѣмъ опять возобновился. Геронтій, разсердившись на в. к., что онъ держитъ сторону его противниковъ, оставилъ посохъ свой въ Успенскомъ соборѣ и выѣхалъ изъ Кремля въ Симоновъ монастырь. Большинство духовенства и мірянъ было на сторонѣ митрополита; на сторонѣ в. к. были только преемникъ Вассіана, владыка ростовскій Іосафъ, да Геннадій, архимандритъ Чудова монастыря. Освященіе многихъ новыхъ церквей было пріостановлено, потому что не знали, какъ ходить съ крестами. Убѣдившись наконецъ большинствомъ голосовъ, бывшихъ на сторонѣ Геронтія, что правда на его сторонѣ, в. к. послалъ къ нему сына своего, Василя, и просилъ вернуться. Но Геронтій не соглашался. Тогда в. к. поѣхалъ самъ бить ему челомъ, призналъ себя виноватымъ и обѣщалъ впередъ его слушаться. Послѣ этого Геронтій вернулся и вступилъ снова въ отправленіе своихъ обязанностей.

Аристотель былъ не только искуснымъ архитекторомъ, но зналъ еще другія художества: лилъ пушки и настолько хорошо умѣлъ ими

управлять, что участвовалъ, по свидѣтельству лѣтописи, въ походѣ Ивана Васильевича на Тверь, находясь при орудіяхъ; построилъ мостъ на судахъ во время осады Новгорода подъ городищемъ; кромѣ того, онъ лилъ колокола и чеканилъ монеты. До насъ дошли монеты этого времени съ надписью *Aristoteles*.

В. к. не ограничился призывомъ одного Аристотеля, но приглашалъ въ Москву еще много другихъ иноземныхъ художниковъ, которые дѣлали различныя постройки, лили пушки, колокола, чеканили монеты и т. д. Онъ велѣлъ обнести Кремль новыми каменными стѣнами съ башнями, отступя отъ прежнихъ, и, слѣдовательно, увеличивъ пространство Кремля. Между стѣною и дворами было оставлено 109 сажень, а церкви и дома, стоявшіе на этомъ пространствѣ, снесены.

Петръ Антонъ Фрязинъ выстроилъ, по приглашенію в. к., Свибловскую башню на Москвѣ-рѣкѣ и подъ нею вывелъ тайникъ. Затѣмъ онъ же выстроилъ стрѣльницы: у Фроловскихъ, нынѣ Спасскихъ воротъ, у Никольскихъ (Никольскую стрѣльницу не на старой основѣ), у Боровицкихъ воротъ и у Константино-Еленскихъ, и стѣну отъ Свибловской стрѣльницы до Боровицкихъ воротъ и далѣе до Неглинной. Маркъ Фрязинъ построилъ стрѣльницу Беклемишевскую.

Русскіе мастера, выписанные первоначально для постройки Успенскаго собора, не остались тоже безъ дѣла. Они выстроили Троицкій соборъ въ Троицкой Лаврѣ; соборныя церкви въ Московскихъ монастыряхъ: Златоустовскомъ и Срѣтенскомъ; церковь Ризъ положенія на митрополищемъ дворѣ, существующую и доннынъ, противъ главныхъ вратъ Успенскаго собора; Богоявленія Господня на Троицкомъ подворьѣ въ Кремлѣ; Николы Гостунскаго, о которомъ рассказано выше, на мѣстѣ Татарскаго подворья; Козьмы и Даміана новую, противъ Чудова монастыря, и Благовѣщенскій соборъ на мѣстѣ прежней деревянной церкви Благовѣщенія, построенной при в. к. Василии Дмитріевичѣ. Прежняя церковь была разобрана въ 1482 г., и на мѣстѣ ея воздвигнутъ новый соборъ въ настоящемъ его видѣ, и освященъ митрополитомъ Геронгіемъ 9-го Августа 1487 г. Соборъ этотъ соединялся на западъ посредствомъ сѣней съ набережными государевыми палатами, такъ же какъ и теперь соединяется съ дворцомъ, а на востокъ широкое каменное крыльцо вело въ плодовый садъ, въ которомъ были пруды, или выкладенные свинцомъ водоемы, наполненные красивыми рыбками. Подлѣ него стояла кирпичная палата или казенный дворъ, превращенный въ 1758 г. въ каменныя галлерей, въ которыхъ помѣщались Оружейная мастерская и конюшенная палаты, сломанныя въ 1770 г.

Благовѣщенскій соборъ меньше и ниже Успенскаго и Архангельскаго соборовъ, но чрезвычайно красивъ по своему наружному виду, и построенъ, какъ предполагаютъ, по образцу Греческихъ храмовъ X в. Онъ увѣнченъ 9 золотыми куполами и такими же рѣшетками

около верхнихъ открытыхъ галлерей. Нижній ярусъ его съ трехъ сторонъ обнесенъ широкой крытой галлереей или папертью, съ которой, по преданію, Иванъ Грозный слушалъ литургію послѣ того, какъ вступилъ въ 4-й бракъ. Отсюда же онъ увидалъ въ 1584 г. комету съ крестообразнымъ знаменіемъ между Благовѣщенскимъ соборомъ и церковью Іоанна Дѣствичника и сказалъ: вотъ знаменіе моей смерти.

Спасо-Преображенскій монастырь, основанный Иваномъ Калитой у церкви Спаса на Бору, куда онъ перевелъ и Даниловскій, былъ перенесенъ Иваномъ III за Таганку, гдѣ онъ получилъ названіе Новоспасскаго монастыря, существующаго понынѣ. Дворцовый же монастырь былъ обращенъ въ соборъ.

Близъ Краснохолмскаго моста, въ Чигасахъ, была построена въ 1483 г. церковь Честныхъ Древъ Креста Господня и при ней Спасскій Чигасскій монастырь, неизвѣстно когда упраздненный.

На Большой Дмитровкѣ была построена въ 1493 г. церковь Георгія великомученика, существующая и нынѣ, и при ней женскій монастырь упраздненный въ 1813 г.

Около этого же времени была выстроена Маркомъ Руфомъ, съ помощью Петра Антонія, такъ называемая Грановитая палата*), получившая свое названіе отъ граненыхъ камней наружной стѣны. Она замѣнила собою древнюю гридню. Въ ней совершались торжества восшествія на престолъ и свадебныя, принимались и угощались послы, духовенство, бояре и гости. Сначала она называлась просто большою палатою, по возобновеніи ея Иваномъ Грознымъ послѣ пожара 1547 г. стала называться большою Золотою и Грановитою палатою, а при Ѳедорѣ Ивановичѣ — Золотой подписной палатою, потому что стѣны ея были украшены живописью. Она соединяется въ наше время святыми сѣнями съ Владимірскою залою, а чрезъ нее съ зданіемъ новаго дворца. Изъ святыхъ сѣней ведетъ галлерей на паперть Благовѣщенскаго собора и такъ называемое Красное крыльце на площадь. Начиная съ Ивана III, наши государи дѣлаютъ чрезъ это крыльце свои выходы въ Кремлевскіе соборы, а съ Ивана IV шествуютъ черезъ него въ священный день своего коронованія. Въ старину существовало еще третье крыльце, между этими двумя, для прохода пословъ нехристіанъ. Ихъ и принимали не въ Грановитой палатѣ, а въ такъ называемой средней золотой палатѣ.

В. к. велѣлъ разобрать свой деревянный дворецъ и выстроить деревянный же, за Архангельскимъ соборомъ, на Ярославовомъ дворѣ.

*) Палатами назывались Государевы чертоги и Судебныя мѣста (Грановитая, золотая, столовая, отвѣтная, расправная палаты), а также и вообще каменные зданія. *Хоромами* назывались деревянныя строенія, съ теремами, вышками, гриднями, повалушами и сѣнями.

Во время стройки онъ жилъ въ домѣ Литовскаго князя Патрикѣва, имѣвшаго свой каменный домъ въ Кремлѣ, у Боровицкихъ воротъ, на мѣстѣ, гдѣ былъ митрополичій дворъ при Петрѣ митрополитѣ. Святительскій дворъ находился въ это время у церкви Ризъ положенія, близъ Успенскаго собора.

Москва быстро обстроивалась, но въ то же время часто подвергалась пожарамъ. Въ 1445 г. выгорѣлъ весь Кремль; въ 1472 г. загорѣлось въ 3 часа ночи у Воскресенья на Рвѣ и горѣло всю ночь и на завтра до обѣда, и многое множество дворовъ сгорѣло и 25 церквей: «Быть же тогда», сказано въ лѣтописи, «и самъ в. к. въ градѣ, и много простояхъ на всѣхъ мѣстахъ гоняючи съ многими дѣтьми боярскими гасящи и разметывающе». Въ 1481 г. пожаръ начался отъ церкви Благовѣщенія на Болотѣ и распространился до Кремлевской стѣны, Срѣтенскаго монастыря, церкви Всѣхъ святыхъ на Кулишкахъ и до Васильевского луга. При этомъ сгорѣло до 5,000 обывательскихъ дворовъ и до 30 церквей; въ 1493 г. былъ опять сильнѣйшій пожаръ, во время котораго сгорѣлъ новый дворецъ великокняжескій, оконченный за два года передъ тѣмъ, старый дворецъ, митрополичій дворъ съ житницами на Подолѣ, обрушилась церковь Иоанна Предтечи у Боровицкихъ воротъ, подъ которою хранилась казна великой княгини Софьи, и много другихъ зданій. Уцѣлѣли только соборы да Грановитая палата. В. к., вмѣстѣ съ сыномъ своимъ, лично помогалъ разметывать строенія, для прекращенія пожара. Внѣ Кремля тоже пострадали многія улицы, какъ-то: Арбатъ, Неглинная, Срѣтенская, Петровская слобода, гдѣ находится нынѣ Петровскій монастырь, за Москвой рѣкой, все пространство отъ церкви св. Софьи (на Софійской улицѣ) до церкви Иоакима и Анны (на Якиманкѣ), отъ Боровицкихъ воротъ до церкви Зачатія на востромъ концѣ (гдѣ Остоженка). Погибло при этомъ болѣе 200 чел., а также безчисленное множество лошадей и другихъ животныхъ. Лѣтописцы говорятъ, что какъ Москва стала, такого пожара не бывало. В. к. принужденъ былъ переѣхать временно за Язу, и поселился на *крестьянскихъ дворахъ*, у церкви св. Николы Подкопая. Черезъ шесть лѣтъ онъ поручилъ Медиоланскому архитектору Алевизу построить каменный дворецъ на старомъ своемъ дворѣ у Благовѣщенія.

Алевизъ употребилъ девять лѣтъ на построеніе дворца, но выстроилъ его основательно, сдѣлалъ подъ нимъ подвалы и ледники и провелъ каменную стѣну отъ двора великокняжескаго до Боровицкой стрѣльницы. В. к. помѣщался на время стройки въ деревянныхъ хоромахъ на своемъ Кремлевскомъ дворѣ, а иногда на Воронцовомъ полѣ. Онъ не дожидъ до окончанія дворца. Новая каменная церковь Рождества Иоанна Предтечи была тоже окончена уже послѣ его смерти, и освящена при сынѣ его, въ 1508 г., митрополитомъ Симономъ.

По примѣру в. к. Ивана Васильевича, и другіе знатные и богатые люди стали строить себѣ каменные дома. Къ тому же частые пожары должны были убѣдить ихъ въ необходимости каменныхъ построекъ. Купецъ Тараканъ выстроилъ себѣ каменныя палаты у Фроловскихъ (нынѣ Спасскихъ) воротъ; митрополитъ Геронтій выстроилъ у своего двора ворота изъ обожженаго кирпича, а позднѣе кирпичную палату на чегырехъ каменныхъ подклѣткахъ; Василій Ѳедоровичъ Образецъ построилъ кирпичныя палаты, и въ томъ же году Дмитрій Владиміровичъ Ховринъ, голова Московскій, построилъ кирпичныя палаты и ворота *); митрополитъ Зосима поставилъ три келліи каменныя съ подклѣтками.

Строеніе церквей и палатъ поручалось обыкновенно иностраннымъ художникамъ, а церковная живопись оставалась въ рукахъ русскихъ художниковъ. Между ними особенно славился Діонисій, написавшій между прочимъ икону Одигитріи для Вознесенскаго монастыря.

Сохранившіеся отъ этого времени рукописи съ заглавными виньетками, отличающимися тонкостью рисунка, свидѣтельствуютъ, что русскіе монахи занимались миньютурной живописью и достигали до значительнаго совершенства.

Въ 1501 г. митрополитъ Симонъ установилъ, что вдовцы не могутъ быть пострижены въ священники и что монахи и монахини не должны жить въ одномъ монастырѣ. До этого времени въ существовавшемъ монастырѣ при церкви Спаса на Бору жили монахи и монахини.

Въ томъ же году по повелѣнію в. к. Ивана III была разобрана за ветхостію церковь Архангела Михаила, въ Чудовомъ монастырѣ, и на ея мѣстѣ выстроена новая, оконченная въ 1504 г., и освященная митрополитомъ Симономъ въ день ея храмоваго праздника. Выдержавъ многія бѣдствія отъ пожаровъ и разоренія непріятельскаго, она была возобновлена при митрополитѣ Платонѣ, въ 1779 г. и при митрополитѣ Филаретѣ, въ 1849 г., подъ надзоромъ академика Быковскаго, съ сохраненіемъ прежняго ея вида. Храмъ этотъ чрезвычайно красивой постройки, съ однимъ куполомъ, на длинномъ фонарѣ съ окнами. Наружныя стѣны его сверху подъ крышей окаймлены широкимъ поясомъ узорчатаго кирпича, а внизу надъ фундаментомъ имѣется такой же карнизъ. Въ южномъ предѣлтаріи этой церкви былъ нѣкогда престолъ во имя Благовѣщенія Богоматери, гдѣ погребенъ былъ святитель Алексѣй, мощи котораго перенесены были сначала въ новую церковь сооруженную архіепископомъ Новгородскимъ, Геннадіемъ Гонзовымъ, во имя святителя Алексѣя, подлѣ Михайловской церкви, а въ 1680 г. въ новую трапезную церковь, гдѣ и понынѣ почиваютъ. На мѣстѣ, гдѣ были найдены мощи святителя Алексѣя, поставлено живописное

*) На Воздвиженкѣ, близъ Крестовоздвиженскаго монастыря, основаннаго его отцемъ.

немъ. Новгородцы видѣли эту опасность, и, чувствуя, что не могутъ бороться съ Москвою, рѣшились отдаться Казимиру, королю Польскому и в. к. Литовскому. Главными сторонниками Казимира были Мареа посадница, вдова умершаго посадника Исаака Борецкаго, и ея сыновья. По ихъ настоянію, къ королю отправленъ былъ посоль, при посредствѣ котораго Казимиръ заключилъ договоръ со всеѣмъ великимъ Новгородомъ, принимая его подъ свое покровительство и обѣщая не стѣснять старинной вольности Новгородской. Иванъ Васильевичъ, узнавъ объ этомъ, испробовалъ прежде мирное средство и послалъ грамоту Новгородцамъ, въ которой убѣждалъ ихъ опомниться и не отдаваться въ руки латинству. Въ этомъ же духѣ написалъ имъ и митрополитъ Московскій, Филлиппъ. Но увѣщанія не помогли. Тогда в. к. собралъ сильное войско и выступилъ противъ Новгорода. Передовой московскій отрядъ, подъ предводительствомъ князя Даниіла Дмитріевича Холмскаго, разбилъ Новгородцевъ на рѣкѣ Шелони, и взялъ въ плѣнъ степеннаго посадника Борецкаго. В. к. сталъ между тѣмъ въ 120 верстахъ отъ Новгорода и ожидалъ челобитья. Сначала Новгородцы хотѣли обороняться, но когда цѣны на хлѣбъ у нихъ поднялись, и гонецъ посланный къ Казимиру съ просьбою о помощи, вернулся ни съ чѣмъ, потому что магистръ Ливонскаго ордена не пропустилъ его чрезъ свои владѣнія; тогда Новгородцы смирились, и нареченный владыка ихъ, Теофилъ (выбранный ими послѣ смерти Іоны, но еще не поставленный въ Москвѣ) пріѣхалъ въ станъ великокняжескій съ челобитьемъ. Иванъ Васильевичъ согласился простить Новгороду вину его, но съ тѣмъ, чтобы Новгородцы обязались не входить въ сношенія съ Литвою, не принимать отъ нея ни князей, ни намѣстниковъ, ставить своихъ владыкъ не иначе какъ въ Москвѣ, у гроба св. Петра, и заплатить великому князю 15,000 рублей. Новгородцы приняли эти условія, и в. к., по заключеніи договора, вернулся въ Москву, а велѣдъ за нимъ пріѣхалъ и нареченный владыка Теофилъ, для поставленія. Казалось бы все уладилось: но внутренніе безпорядки не прекращались въ Новгородѣ. Кто былъ побогаче, покупалъ голоса на вѣче, достигалъ должности посадника, а затѣмъ другая партія усиливалась, опять сзывалось вѣче, предыдущая партія съ ея главою низлагалась, и выдвигалась новая. Все это сопровождалось кровопролитіями, цѣлыя улицы или концы Новгородскіе враждовали между собою, и кто торжествовалъ, тотъ грабилъ побѣжденныхъ. Однажды обиженные обратились съ жалобою на обидчиковъ въ Москву. В. к. поѣхалъ самъ въ Новгородъ и чрезъ владыку велѣлъ объявить народу что хочетъ дать управу обиженнымъ, и поэтому требуетъ, чтобы обѣ стороны явились къ нему на судъ. Обиженные оказались по суду, правыми, и потому виновный, посадникъ Ананьинъ, съ тремя товарищами, былъ схваченъ и отправленъ

подъ стражею въ Москву. Никакія просьбы за него, ни заступничество владыки Теофила — не помогли. Окончивши судъ, в. к. прожилъ еще болѣе мѣсяца въ Новгородѣ, въ теченіе котораго знатнѣйшіе Новгородцы давали пиры въ честь его и дарили его золотыми ковшами, деньгами, мѣхами, сукнами, ловчими птицами, виномъ и лошадьми. Затѣмъ в. к. вернулся въ Москву. Въ эту свою поѣздку въ Новгородъ онъ не нарушилъ ни одного изъ старыхъ обычаевъ новгородскихъ, но дѣйствовалъ въ первый разъ какъ верховный судья, и народъ волей-неволей долженъ былъ примириться съ этимъ. Вскорѣ послѣ того онъ нанесъ послѣдній ударъ вольности новгородской, уничтоживъ его вѣче, которымъ рѣшались въ Новгородѣ всѣ дѣла.

Въ Москву явились двое пословъ Новгородскихъ, и въ челобитьѣ своемъ назвали Ивана Васильевича государемъ, а не господиномъ, какъ это водилось прежде. В. к. послалъ въ Новгородъ спросить, какого они хотятъ государства? Тамъ собрали вѣче, убили пословъ, ѣздившихъ въ Москву, какъ изменниковъ, перебили еще много народу и послали сказать Ивану Васильевичу, что государемъ его не зовутъ, а зовутъ попрежнему господиномъ. В. к. прогнѣвался. «Я не хотѣлъ у нихъ государства, они сами прислали, а теперь запираются, и на насъ ложь положили», говорилъ онъ митрополиту, матери, братьямъ, боярамъ и воеводамъ, по свидѣтельству лѣтописи. На общемъ совѣтѣ рѣшено было идти на Новгородъ. 9-го Октября в. к. выѣхалъ изъ Москвы и чрезъ 10 дней былъ въ Торжкѣ. Тутъ нашелъ онъ нѣсколько бояръ Новгородскихъ съ челобитьемъ о принятіи ихъ въ службу. Далѣе присоединились къ нимъ еще другіе. В. к. слѣшилъ походомъ, и, находясь уже въ 50 верстахъ отъ Новгорода, послалъ сказать Псковичамъ, чтобы они тоже шли на Новгородъ, съ пушками, пищальями, самострѣлами и орудіями для приступа. Новгородцы выслали Теофила просить милости у в. к., но онъ отвѣчалъ, что Новгородъ долженъ знать, какъ челомъ бить, и шелъ впередъ. Передовые отряды его уже заняли посады и монастыри новгородскіе, находившіеся подъ городомъ, а вслѣдъ за ними подошелъ къ городу и в. к., по льду озера Ильменя. Новгородцы положили защищаться, и укрѣпились такъ хорошо, что в. к. не рѣшился брать города приступомъ и хотѣлъ держать его въ осадѣ, пока голодъ не заставитъ, осажденныхъ сдаться. Въ Новгородѣ, между тѣмъ, опять раздѣлились на партіи: одни хотѣли биться, другіе нѣтъ. Теофилъ еще разъ явился къ в. к. съ челобитьемъ, но безуспѣшно. Наконецъ, приплы послы съ повинною, что Новгородъ дѣйствительно посылалъ въ Москву пословъ, которымъ велѣлъ назвать великаго князя государемъ, а потомъ заперся. «Если такъ», отвѣчалъ Иванъ Васильевичъ, «если ты, владыка, и вся наша отчина великій Новгородъ сказались передъ нами виноватыми и спрашиваете, какъ нашему государству быть въ нашей отчинѣ,

Новгородъ, то объявляемъ, что хотимъ такого же государства нашего въ Новгородъ, какое въ Москвѣ». Выказавъ это, в. к. не хотѣлъ дѣлать никакихъ уступокъ. Новгородцы принуждены были согласиться на всѣ его требованія. Дворъ Ярославовъ былъ очищенъ для в. к., и написана присяжная запись, по которой всѣ Новгородцы должны были цѣловать крестъ великому князю. Вѣче было уничтожено, должность посадниковъ тоже, и вся область Новгородская, простиравшаяся на сѣверо-востокъ до Ледовитаго океана, была присоединена къ Московскому государству. Вслѣдъ затѣмъ въ Москву послана была грамота, въ которой говорилось, что в. к. привелъ отчину свою великій Новгородъ въ свою волю и сталъ въ немъ государемъ такимъ же, какъ и въ Москвѣ. Послѣ этого в. к. вернулся въ Москву, а за нимъ привезенъ былъ туда вѣчевой колоколъ славнаго нѣкогда Новгорода. На колокольнѣ Ивана Великаго виситъ въ настоящее время, въ числѣ немногихъ старыхъ колоколовъ, новгородскій колоколъ XV в., перелитый, какъ предполагаютъ, изъ вѣчеваго.

Въ память покоренія Новгорода, в. к. выстроилъ въ Москвѣ деревянную церковь Успенія на бору, получившую названіе Гребенской или Гребневской Божьей Матери, отъ чудотворной иконы, поднесенной Дмитрію Донскому жителями города Гребня, и стоявшую прежде въ соборѣ Успенія. Иванъ III бралъ съ собою эту икону во время похода на Новгородъ, послѣ чего украсилъ ее серебромъ и драгоценными камнями, на кіотѣ велѣлъ написать акафистъ Богородицы въ похвалу Ея и благодареніе за дарованіе ему сына, Василя, и поставилъ икону во вновь созданномъ имъ храмѣ. Икона эта была ознаменована впоследствии многими чудесными событіями. Въ 1612 г. русскія дружины съ этимъ образомъ отразили Поляковъ. Въ 1687 г. церковь Гребенской Божьей Матери была объята пламенемъ, такъ что не успѣли вынести и самаго образа: но онъ «внезапу обрѣтется на воздухѣ». Когда построена каменная церковь на мѣстѣ деревянной, неизвѣстно, но она существуетъ до нашихъ дней, на Мясницкой, прежней Евпловкѣ. При ней похороненъ Магницкій, нашъ первый математикъ, и Третьяковскій писатель.

Трудно было Новгородцамъ помириться съ своимъ новымъ положеніемъ, и они ждали удобнаго случая, чтобы снова освободиться. Случай этотъ представился, когда ханъ Золотой Орды сталъ грозить Москвѣ нападеніемъ. Новгородцы повели тайные переговоры съ Казимиромъ, который обѣщалъ имъ идти съ ханомъ противъ Москвы. Прослышавши объ этомъ, Иванъ Васильевичъ поѣхалъ немедленно въ Новгородъ съ небольшимъ отрядомъ, а сыну своему онъ велѣлъ на всякій случай собирать войска и идти за нимъ слѣдомъ. Въ Бронницахъ в. к. узналъ, что Новгородцы заперлись и не хотятъ его впускать. Тогда, дождавшись своихъ полковъ, в. к. подступилъ

съ ними къ Новгороду, и началъ стрѣлять по немъ изъ пушекъ. Новгородцы вскорѣ принуждены были открыть ворота, и в. к. вступилъ въ городъ. Тутъ онъ узналъ, что самъ владыка участвовалъ въ заговорѣ, и что родные братья его, в. к., сносились съ Новгородомъ. Теофиль былъ взятъ и отправленъ въ заточеніе въ Чудовъ монастырь, 100 чел. заговорщиковъ казнены, а другіе 100 высланы въ низовые города. Подобные заговоры повторялись еще долгое время и кончались всегда судомъ, казню и высылкой виновныхъ. Въ 1488 г. напр. изъ Новгорода приведено было въ Москву болѣе семи тысячъ жителей вслѣдствіе того, что они хотѣли убить великокняжескаго намѣстника.

Черезъ два года послѣ покоренія Новгорода Иванъ Васильевичъ принужденъ былъ выступить противъ Татаръ. Онъ былъ еще данникомъ Орды, хотя не очень исправнымъ, чѣмъ навлекалъ на себя гнѣвъ ханскій. Возстать же противъ владычества Татаръ открытою силою онъ не рѣшался. Ханъ Ахмать, подстрекаемый Казимиромъ, уже выступалъ однажды противъ Москвы, но, взявъ Алексинъ, онъ ушелъ обратно, потому что услышалъ, что в. к. собралъ большое войско.

Вскорѣ ханъ выступилъ второй разъ, прослышавъ, что меньшіе братья Ивана Васильевича, Андрей и Борисъ, вооружились противъ него. Поводомъ къ этой усобицѣ послужило то, что в. к. велѣлъ схватить боярина Оболенскаго, отѣхавшаго отъ него по неудовольствію къ брату его. Борису, который не хотѣлъ выдать бѣглеца, ссылаясь на старинное боярское право отѣзда. Къ этому присоединились и прежніе счеты: почему в. к. присвоилъ себѣ удѣлъ брата Юрія, умершаго бездѣтнымъ, и не подѣлился съ братьями? Почему онъ воевалъ Новгородъ вмѣстѣ съ ними, но взялъ себѣ все, а имъ ничего не далъ? Братья соединились вмѣстѣ и рѣшились дѣйствовать вооруженною силою. Они вышли изъ Ржева съ своими княгинями и дѣтьми, съ боярами, дѣтьми боярскими и ихъ семьями, и пошли вверхъ по Волгѣ, направляясь сперва къ новгородскимъ властямъ, а потомъ повернули къ Литвѣ. Всего было съ ними до 20,000 ч. В. к. нѣсколько разъ посылалъ къ нимъ уговаривать, чтобы они положили оружіе, обѣщая сдѣлать имъ уступки. Но они не соглашались, рассчитывая на помощь Казимира. Позднѣе же, когда они увидали, что имъ на Казимира надѣяться нечего, в. к. не захотѣлъ уже вступать съ ними въ переговоры. Въ это время пришло извѣстіе, что Ахмать идетъ на Москву, желая, вѣроятно, воспользоваться смутами. Но именно съ его выступленіемъ смуты и кончились. Братья прислали сказать великому князю, что они готовы помочь ему, если онъ обѣщаетъ удовлетворить ихъ послѣ. В. к. обѣщалъ, и братья возвратились и выступили съ нимъ противъ Татаръ.

В. к. разставилъ сначала полки свои по Окѣ, подь предводительствомъ сына, Ивана, брата Андрея Меньшаго, и воеводъ, а самъ остановился въ Коломнѣ. Но послѣ, узнавъ, что Ахмать пошелъ по направлению къ Литвѣ, чтобы черезъ Угру идти на Москву, онъ велѣлъ брату, Андрею Меньшому и сыну идти къ Угрѣ.

Въ Москвѣ остались мать в. к., князь Михаилъ Верейскій, митрополитъ Геронтій, ростовскій владыка Вассіанъ и намѣстникъ московскій, князь Иванъ Юрьевичъ Патрикѣевъ. Супругу же свою, Софію, онъ послалъ съ казной на Бѣлоозеро, приказывая, если Ахмать перейдетъ Угру и возьметъ Москву, то чтобы она ѣхала далѣе, къ берегамъ Ледовитаго океана.

Мѣры обороны были приняты, но в. к. колебался еще, вступать ли ему въ бой или нѣтъ. Нѣкоторые его приближенные, какъ напр. Иванъ Васильевичъ Ощера и Григорій Андреевичъ Мамона, уговаривали его не биться. «Самъ дьяволъ, что древле впелъ въ змію и прельстилъ Адама и Еву, говоритъ лѣтописецъ, шепталъ устами этихъ злыхъ человѣкъ, сребролюбцевъ, богатыхъ и брюхатыхъ предателей христіанскихъ и поноровниковъ бусурманскихъ».

Въ нерѣшительности, в. к. вернулся въ Москву, чтобы снова посоветоваться съ матерью, митрополитомъ и боярами. Народъ, увидавъ его, думалъ, что уже все кончено, что наши войска разбиты. Когда же узнали, въ чемъ дѣло, что в. к. не знаетъ еще, биться ему или нѣтъ, то поднялся ропотъ. Духовникъ царскій, ростовскій архіепископъ Вассіанъ, встрѣтилъ в. к. упреками въ трусости, назвалъ его бѣгуномъ и убѣждалъ идти на встрѣчу врага. «Вся кровь христіанская падетъ на тебя, сказалъ онъ великому князю, чего ты бѣжишь и выдаешь народъ въ руки поганыхъ безъ битвы. Боишься смерти? Развѣ ты бессмертный человѣкъ? Смертенъ какъ и всѣ, а безъ суда Божія не бываетъ смерти ни человѣку, ни птицѣ, ни звѣрю. Дай войско въ мою руку и посмотри, коли я, старый, укрою лице противъ поганыхъ». Народъ такъ явно выражалъ свое неудовольствіе на в. к., что онъ не рѣшился остановиться въ Кремлевскомъ дворцѣ, а поѣхалъ въ Красное село. Туда же онъ звалъ и сына своего, Ивана, но тотъ не поѣхалъ отъ войскъ, сказавъ: лучше здѣсь умру, а отъ войска не пойду. Этимъ онъ спасъ, можетъ быть, Москву, потому что подстерегъ движеніе Татаръ, которые хотѣли тайкомъ переправиться черезъ Угру, и затѣмъ броситься на Москву, и не допустилъ ихъ до этого.

В. к., проживъ двѣ недѣли въ Красномъ селѣ, велѣлъ Патрикѣеву выжечь посады, и, сдѣлавъ еще нѣкоторыя распоряженія касательно обороны, уѣхалъ къ войску. Духовенство провожало его, убѣждая дѣйствовать рѣшительно, не какъ наемникъ, но какъ пастырь добрый, который душу свою полагаетъ за овцы своя.

Вернувшись къ войску, в. к. опять поддался вліянію своихъ дур-

В. к. распустил войска и вернулся въ Москву, не проливъ ни одной капли крови. Вслѣдъ за нимъ возвратилась, по словамъ лѣтописца, и в. княгиня Софія: «бѣ бо бѣгала на Бѣлоозеро отъ Татарь, а не гналъ никто и покоторымъ странамъ не ходили, тѣмъ пуще Татарь и отъ боярскихъ холоповъ и отъ кровопивцевъ крестьянскихъ, воздажъ имъ Господи по дѣломъ ихъ и по лукавству начинанія ихъ, по дѣломъ руку ихъ дайже имъ».

Митрополитъ установилъ праздникъ въ честь Божьей Матери и крестный ходъ въ память окончательнаго освобожденія отъ Татарскаго ига, который совершается ежегодно 23-го Іюня. Въ память того же событія былъ основанъ у Никитскихъ воротъ, называвшихся прежде Смоленскими, Феодоровскій женскій монастырь, на мѣстѣ существовавшей здѣсь прежде часовни Феодора Студійскаго. Позднѣе, при царѣ Михайлѣ Феодоровичѣ, встрѣтившемъ на этомъ мѣстѣ своего родителя, Филарета Никитича, по возвращеніи его изъ польскаго плѣна, монастырь этотъ былъ обращенъ въ мужской. Онъ вскорѣ сдѣлался любимымъ мѣстомъ пребыванія Филарета Никитича и носилъ названіе Домоваго патріаршаго. Въ началѣ XVIII вѣка монастырь былъ упраздненъ, иноки переведены въ Новинскій монастырь, а церковь обращена въ приходскую извѣстную до нашихъ дней подъ именемъ церкви Феодора Студита *).

По уходѣ Ахмата, в. к. удовлетворилъ братьевъ своихъ, согласно своему обѣщанію. Но нѣсколько лѣтъ спустя, въ особенности по смерти матери ихъ, между ними снова начались несогласія. Андрей Большой возбудилъ гнѣвъ в. к. тѣмъ, что не послалъ своихъ полковъ вмѣстѣ съ великокняжескими на помощь крымскому хану. По приказанію в. к. онъ былъ схваченъ въ своемъ домѣ и содержался подъ стражею до самой своей смерти. Сыновья его — Андрей, Иванъ и Дмитрій, были тоже схвачены въ Угличѣ и содержались въ Переяславлѣ въ оковахъ. Только дочери оставлены на свободѣ. Удѣлъ Андрея в. к. присоединилъ къ Москвѣ. То же было сдѣлано и съ удѣломъ Андрея Меньшаго, умершаго бездѣтнымъ. Нетронутымъ остался только удѣлъ послѣдняго брата, Бориса Волоцкаго, который послѣ смерти своей оставилъ его двумъ своимъ сыновьямъ.

Въ 1482 г. в. к. присоединилъ къ Москвѣ Пермь, съ ея областью, простиравшеюся до Уральскихъ горъ. Пермь была уже подчинена Москвѣ еще во времена Дмитрія Донскаго, когда св. Стефанъ проповѣдывалъ Евангеліе среди Зырянъ. Но это не было еще полнымъ подданствомъ. Новгородцы тоже считали Пермь своимъ владѣніемъ.

Иванъ Васильевичъ послалъ на Пермь сильное войско, подъ пред-

*) Близъ этой церкви находился домъ знаменитаго Суворова, и на кладбищѣ ея похоронены его родственники.

водительствомъ Ѳедора Пестраго, который разбилъ Пермское войско, взялъ въ плѣнъ ихъ князя Михайла и отослалъ его подъ стражею къ великому князю. Послѣ этого, признавъ свою зависимость отъ Москвы, Пермь всетаки еще управлялась нѣкоторое время туземными князьями. Въ 1505 г. в. к. послалъ туда перваго русскаго намѣстника, князя Василя Ковра.

Въ началѣ своего царствованія Иванъ Васильевичъ сохранялъ дружественныя отношенія съ шуриномъ своимъ, Михайломъ Борисовичемъ Тверскимъ, и заключилъ съ нимъ договоръ, по которому Тверской князь долженъ былъ помогать Московскому въ войнахъ его съ Ордою, Нѣмцами, Поляками и Литвою. Между тѣмъ до в. к. дошло извѣстie, что Михайлъ сносится съ Казимиромъ, и что между ними заключенъ договоръ, по которому Михайлъ обязывается помогать Казимиру въ случаѣ войны его съ кѣмъ либо изъ сосѣдей Твери. Это явно нарушало договоръ Тверскаго князя съ Московскимъ, и в. к. объявилъ Михайлу войну. Войска его немедленно вступили въ Тверскую область, взяли и сожгли много городовъ, и князь Михайлъ, не получая помощи отъ Литвы, принужденъ былъ просить мира. В. к. заключилъ съ нимъ договоръ, по которому Михайлъ обязался сложить крестное цѣлованіе Казимиру, признать Московскаго князя и сына его старшими братьями, не ссылаться ни съ Литвою, ни съ Ордою помимо в. к., и приравнивался правами своими къ удѣльному князю Андрею Васильевичу. Но договоръ этотъ былъ недолго въ силѣ. Михайлъ опять сталъ сноситься съ Литвою, и тогда в. к. выступилъ во второй разъ противъ Твери, съ большимъ войскомъ и орудіями, при которыхъ находился Аристотель Фіоравенти. Множество князей и бояръ Тверскихъ пришли въ станъ в. к. бить ему челомъ, чтобы онъ принялъ ихъ въ свою службу. Михайлъ не отважился на битву и ушелъ въ Литву. Тверь присягнула Ивану Васильевичу.

Кромѣ того, къ Москвѣ присоединилось еще княжества Ростовское, частію уступленное, частію проданное своимъ владѣтельнымъ княземъ, и Ярославское.

Въ это же время было утверждено владычество Москвы надъ Вяткою. Хотя Вятка, древняя колонія Новгородская, и была покорена еще при Василю Темномъ, но все еще сохраняла нѣкоторую долю независимости. При Иванѣ III Вятчане два раза отказывались идти съ нимъ на Казань и нѣсколько разъ разоряли области великокняжескія. Митрополитъ Московскій писалъ имъ увѣщательныя грамоты, но это не помогало. Тогда в. к. послалъ на нихъ 64,000 войска, подъ начальствомъ Даніила Щени и Григорія Морозова. Вятка была взята, главные зачинщики казнены, и многіе жители выселены. Съ этихъ поръ область эта была приведена въ полное подданство Москвѣ.

Въ 1490 г. в. к. имѣлъ несчастіе потерять старшаго своего сына,

Ивана Младаго, такъ энергично дѣйствовавшаго противъ Татаръ во время нашествія Ахмата. Его лечилъ лекарь, Мистръ Леонъ, родомъ Жидъ, который головой ручался за его жизнь. Лѣтопись рассказываетъ о его леченіи слѣдующимъ образомъ: «лекарь же дасть ему зелье пити и жещи нача сткляницами по тѣлу, вливая горячую воду; и отъ того ему бысть тяжкое и умре». По прошествіи сорока дней послѣ смерти царевича, лекарь его былъ казненъ всенародно на Болвановкѣ, за Москвой рѣкой.

Такая же участь постигла и другаго врача, Нѣмца Антона, который залечилъ Татарскаго князя Каракучу. Онъ былъ выданъ великимъ княземъ сыну умершаго, и Татары зарѣзали его ножомъ подъ Москворѣцкимъ мостомъ. Эти два случая навели такой ужасъ на всѣхъ иноземцевъ, что даже самъ Аристотель хотѣлъ немедленно выѣхать изъ Москвы. Но в. к. удержалъ его.

Отношенія къ Литвѣ были давно уже враждебны, вслѣдствіе различныхъ пограничныхъ столкновеній. Съ обѣихъ сторонъ производились разбои и опустошенія, и даже захваты цѣлыхъ областей; но до войны не доходило, пока былъ живъ Казимиръ. По смерти его Польша и Литва, соединенныя при немъ, раздѣлились между его двумя сыновьями. Литва досталась Александру, съ которымъ вскорѣ началась у в. к. война, вызванная слѣдующими обстоятельствами: въ Москвѣ былъ открытъ замыселъ противъ жизни в. к. Виновникомъ его оказался князь Иванъ Лукомскій, подосланный еще Казимиромъ для этой цѣли. Лукомскій былъ сожженъ въ кѣткѣ на Москвѣ-рѣкѣ, по повелѣнію в. к. вмѣстѣ съ переводчикомъ своимъ Матіасомъ. Въ это же время открылось, что два брата Селивины, плѣнные Смольяне, находившіеся на свободѣ, тайными грамотами сносились съ в. к. Литовскимъ, Александромъ, черезъ слугу своего, Волицева. Одного изъ нихъ засѣкли кнутаомъ до смерти, а другому отсѣкли голову. Всѣ эти событія не располагали в. к. къ миру. И дѣйствительно войска великокняжескія вступили въ Литву и поевовали нѣсколько городовъ. Но Александръ Литовскій не желалъ войны съ в. к., тѣмъ болѣе, что Крымскій ханъ Менгли-Гирей тревожилъ южные предѣлы его владѣній. Онъ вскорѣ открылъ переговоры черезъ пословъ, которые между прочимъ заявили о желаніи Александра жениться на одной изъ дочерей Ивана Васильевича. В. к. отвѣчалъ, что прежде чѣмъ касаться сватовства, надо заключить миръ. Послѣ долгихъ споровъ и пререканій миръ былъ заключенъ, по которому къ Москвѣ отошли: Вязьма, Алексинъ, Тѣшиловъ, Рославль, Веневъ, Метиславль, Таруса, Оболенскъ, Козельскъ, Серенскъ, Новосиль, Одоовъ, Воротыньскъ, Перемышль, Бѣлевъ, Мещерскъ.

Послѣ этого приступили къ сватовству, и дочь в. к., Елена, была просватана за Александра съ условіемъ, чтобы онъ не принуждалъ ее

къ перемѣнѣ вѣры. Въ договорной грамотѣ в. к. былъ названъ *Государемъ всея Руси*. Для клятвеннаго скрѣпленія этого договора были посланы наши послы въ Вильну. Александръ при нихъ присягнулъ и размѣнялся договорными грамотами. Вскорѣ затѣмъ пріѣхало въ Москву блистательное посольство за невѣстой. 13-го Января 1495 г. Иванъ Васильевичъ отслушалъ литургію въ Успенскомъ соборѣ со всѣмъ своимъ семействомъ и боярами и затѣмъ вручилъ невѣсту Литовскимъ вельможамъ, проводивъ ее до саней. Въ Дорогомиловѣ великая княжна остановилась и жила два дня. В. к. два раза ѣздилъ туда къ ней для свиданія, а великая княгиня-мать ночевала съ нею. Въ тайномъ наказѣ Ряполовскому, сопровождавшему княжну, было велѣно требовать, чтобы Елена вѣнчалась въ Греческой церкви и въ русской одеждѣ.

Несмотря на родство, черезъ нѣсколько лѣтъ снова началась война между Москвою и Литвою, вслѣдствіе гоненій, воздвигнутыхъ въ ней противъ Греческой вѣры. Даниилъ Щеня нанесъ жестокое пораженіе неприятелю близъ Дорогобужа, но и наши войска потерпѣли пораженіе при Изборскѣ отъ союзника Александра, магистра Ливонскаго ордена Плетенберга.

ГЛАВА VIII.

Жидовская ересь.—Казни еретиковъ.—Судебникъ.

1480—1505.

Въ 1480 г. въ Москву проникла жидовская ересь, имѣвшая свое начало въ Кіевѣ, а оттуда проникшая въ Новгородъ. Основателемъ этой секты былъ жидъ Схарія, переѣхавшій изъ Кіева въ Новгородъ и распространившій ее тамъ. Ученіе его состояло главнымъ образомъ въ томъ, что онъ отвергалъ таинство св. Троицы и божественность Иисуса Христа.

Двое изъ тайныхъ приверженцевъ этого ученія, священники Діонисій и Алексій, были привезены великимъ княземъ изъ Новгорода за ихъ мнимое благочестіе. Они были сдѣланы протоіереями, одинъ въ Успенскомъ, а другой въ Архангельскомъ соборахъ, и пользовались особеннымъ расположеніемъ в. к. Тайнымъ образомъ они распространяли свою ересь и совратили въ нее Зосиму, архимандрита Симоновскаго монастыря, и др. По смерти митрополита Геронтія в. к. возвелъ въ этотъ санъ Зосиму, къ чему его склонилъ главнымъ образомъ Алексій, протоіерей Успенскаго собора. Ересь эта была открыта въ Новгородѣ архіепископомъ Геннадіемъ, который извѣстилъ объ этомъ в. к., переименовавъ почти всѣхъ приверженцевъ ея въ Москвѣ. В. к. созвалъ соборъ для изслѣдованія этого дѣла, на которомъ ересь была про-

клята, а единомышленники ея сосланы въ заточеніе. Зосима однако не былъ изобличенъ, и хотя, участвуя на соборѣ, побоялся открыто покровительствовать своимъ единомышленникамъ, но въ душѣ остался вѣренъ прежнимъ убѣжденіямъ и не переставалъ ихъ тайно распространять. То же дѣлалъ и придворный дьякъ Ѳеодоръ Курицынъ, и многіе другіе.

Неумолимымъ изобличителемъ Зосимы явился Іосифъ, основатель и начальникъ Волоколамскаго монастыря. Въ письмѣ своемъ къ Нифонту, епископу Суздальскому, онъ убѣждалъ его открыть глаза государю и свергнуть Зосиму. Онъ добился своего, потому что вскорѣ Зосима долженъ былъ оставить митрополию по повелѣнію в. к. и удалился сперва въ Симоновъ монастырь, а потомъ въ Троицкую Лавру. Митрополитомъ былъ избранъ Симонъ, игуменъ Троицкаго монастыря. Предшествовавшія непріязненныя отношенія покойнаго митрополита Геронтія къ в. к. убѣдили послѣдняго, что церковь въ лицѣ ея митрополитовъ такъ много содѣйствовавшая усиленію власти в. к., можетъ также заявить и свою независимость отъ этой власти. Поэтому, желая показать народу, что поставленіе митрополита и всѣхъ духовныхъ властей зависитъ отъ воли Государя, Иванъ Васильевичъ совершилъ при посвященіи Симона въ Успенскомъ соборѣ жовый, невиданный дотолѣ обрядъ.

Онъ повелѣлъ митрополиту принять жезлъ и сказалъ: «Всемогущая и Живоворящая Святая Троица, дарующая намъ государство всея Руси, подаетъ тебѣ сей великій престоль архіерейства рукоположеніемъ архіепископовъ и епископовъ нашего царства. Восприими жезлъ пастырства; взыди на сѣдалище старѣйшинства во имя Господа Иисуса; моли Бога о насъ, и да подастъ тебѣ Господь здравіе и многолѣтіе». Хоръ пѣвчихъ пропѣлъ послѣ этого Исполлаэти деспота. Митрополитъ отвѣчалъ: «Всемогущая и вседержащая десница Вышняго да сохранить мирно твое богоспасаемое царство, самодержавный владыко! Да будетъ оно многолѣтно и побѣдительно со всѣми повинующимися тебѣ христоролюбивыми воинствами и народами! Во вся дни живота твоего буди здравъ, творя добро, государь самодержавный!» Пѣвчіе пропѣли на это многая лѣта великому князю.

Новый митрополитъ сталъ ревностно преслѣдовать ересь, но она была уже настолько распространена, что искоренить ее становилось трудно. Тайнымъ образомъ покровительствовала ей невѣстка в. к., Елена, вдова сына его, Ивана Младаго, а на сторонѣ Елены были всѣ самыя могущественныя вельможи. Вскорѣ сторона ея приобрѣла особенную силу. Явился вопросъ, кому наследовать послѣ в. к. — внуку ли его, Дмитрію, сыну умершаго Ивана Младаго, или второму сыну в. к., Василию, рожденному отъ втораго брака его съ Софією? Внукъ имѣлъ больше приверженцевъ, потому что мать его, Елена,

Божій въ сердцѣ, люби правду, милость и пекись о всемъ христіанствѣ». Затѣмъ началась обѣдня, послѣ которой в. к. возвратился во дворецъ, а Дмитрій, въ вѣнцѣ и бармахъ, въ сопровожденіи сыновей государя и бояръ, ходилъ въ Архангельскій соборъ и Благовѣщенскій, гдѣ Юрій, сынъ в. к., осыпалъ его въ дверяхъ золотыми и серебряными монетами.

По окончаніи всего этого былъ обѣдъ у в. к. съ участіемъ духовныхъ и свѣтскихъ особъ. В. к. подарилъ Дмитрію крестъ съ золотой цѣпью, осыпанный драгоценными камнями, и сердоликовую крабію Августа Цесаря, хранящуюся понынѣ въ Оружейной палатѣ. Иностранецъ Герберштейнъ рассказываетъ, что за обѣдомъ коронованному Дмитрію было подано блюдо переяславскихъ сельдей, въ ознаменованіе того, что Москва и Переяславль должны быть неразлучны подъ его скипетромъ.

Но не продолжительно было торжество Елены и ея сторонниковъ. Не прошло и года, какъ в. к. вновь приблизилъ къ себѣ жену и сына Василия, и сталъ выказывать холодность внуку. Онъ вновь велѣлъ разслѣдовать доносы на жену и сына, и, найдя ихъ ложными, приговорилъ къ смертной казни главныхъ приверженцевъ Елены, князя Ивана Юрьевича Патрикѣева съ сыномъ Василиемъ и князя Ряполовскаго, знаменитаго по происхожденію и своему положенію при московскомъ дворѣ. Ряполовскому отрубили голову на Москвѣ-рѣкѣ, а Патрикѣевыхъ спасло заступничество духовенства: вмѣсто смертной казни они были пострижены въ монахи, въ разныхъ монастыряхъ.

Сына, Василия, в. к. назвалъ сперва Государемъ великимъ княземъ Новгорода и Пскова, а затѣмъ Государемъ наслѣдникомъ престола всероссійскаго. Вѣнчанный внукъ его съ матерью подверглись явной опалѣ: они были посажены подъ стражу, духовенству запрещено было поминать ихъ на ектеньяхъ и литіяхъ, а равно и называть Дмитрія великимъ княземъ.

Вскорѣ послѣ этого великая княгиня Софья скончалась. Въ томъ же году лѣтомъ в. к. созвалъ въ Москву духовенство для рѣшенія вопроса: должны ли монастыри владѣть селами или нѣтъ? На соборѣ были приглашены между прочими Паисій, игуменъ Сергіевой обители, и Ниль Сорскій, основатель скитовъ на рѣкѣ Сорѣ. Съ нимъ пріѣхалъ въ Москву и опальный бояринъ, Вассіанъ Патрикѣевъ, подъ скромнымъ именемъ Вассіана-пустынника.

Ниль и Паисій высказались на соборѣ противъ монастырскаго владѣнія селами, но голоса ихъ были заглушены большинствомъ голосовъ, стоявшихъ за владѣніе. Вассіанъ конечно не могъ имѣть голоса на соборѣ, но написалъ письменное разсужденіе отъ имени старцевъ заволжскихъ о томъ, что монастырямъ неприлично владѣть имѣніями. Это сочиненіе произвело сильное впечатлѣніе на сторонниковъ мона-

стырскихъ владѣній и вызвало возраженіе со стороны Іосифа Волоцкаго. Онъ написалъ въ отвѣтъ сочиненіе подъ заглавіемъ: «Отвѣщаніе любозагорнымъ», въ которомъ отстаивалъ владѣніе.

Въ концѣ того же года въ Москвѣ была совершена казнь надъ приверженцами жидовской ереси. Главнымъ обличителемъ ея, требовавшимъ непремѣнной казни еретиковъ, былъ строгій игуменъ Волоколамскій, Іосифъ. Дьякъ Волкъ Иванъ Курицинъ, Дмитрій Коноплевъ, Иванъ Максимовъ, Кассіанъ, архимандритъ Юрьевскій съ братомъ, и многіе другіе еретики были сожжены въ клѣткѣ. Некрасу Рукавову сперва отрѣзали языкъ, а потомъ сожгли въ Новгородѣ. Многіе изъ нихъ изъясляли раскаяніе, но Іосифъ говорилъ, что раскаяніе изъ-за страха передъ мученіями не есть истинное раскаяніе, и требовалъ исполненія приговора. Многихъ менѣе виновныхъ разослали по тюрьмамъ и монастырямъ. Архіепископъ Новгородскій, Геннадій, возбуждая гоненія противъ еретиковъ, пришелъ къ сознанию, что нельзя съ ними бороться одними только средствами насилія, какія до того времени употреблялись; что лучшее средство противъ ересей распространеніе въ народѣ грамотности. Духовенство наше было настолько невѣжественно, что не въ силахъ было противоудѣствовать лжеученію еретиковъ, которые были всѣ грамотные и начитаннѣе. И вотъ Геннадій первый заговорилъ о необходимости духовныхъ училищъ, въ которыхъ бы учили грамотѣ и псалтири. Онъ писалъ объ этомъ в. к. и митрополиту Симону, прибавляя, что такія училища послужатъ къ его же, государевой, чести и спасенію. Въ своемъ посланіи къ митрополиту Геннадій жаловался, что къ нему приводятъ для поставленія людей, которые и читать не умѣютъ. А когда онъ велитъ ихъ учить, то они разбѣгаются. «Вотъ и теперь у меня побѣжало четверо ставленниковъ — Максимка, да Кузѣмка, да Афанаська, да Емельянка мясникъ: этотъ и недѣлю не поучился—побѣжалъ!»

Съ уничтоженіемъ удѣловъ и расширеніемъ предѣловъ Московскаго государства явилась крайняя необходимость въ болѣе правильномъ судопроизводствѣ, одинаковомъ повсюду. Для этого былъ составленъ по приказанію в. к. Судебникъ дьякомъ Гусевымъ. Основаніемъ этого Судебника послужила Русская Правда Ярослава, судныя грамоты и различныя статьи, касающіяся Московскаго судопроизводства, написанныя въ разныя времена. Судьями по Судебнику велѣно быть боярамъ, окольниковымъ или дѣтямъ боярскимъ, а на судѣ быть у нихъ помощниками дьякамъ. За лихія дѣла (уголовныя преступленія) назначалась смертная казнь, а за воровство и менѣе важныя преступленія торговая казнь, или наказаніе кнутомъ на торгу. Упоминалась также и пытка. Этимъ Судебникъ существенно отличался отъ Русской Правды, въ которой ни смертной казни, ни кнута, ни пытокъ не было. Но месть и самоупрзство, разрѣшаемыя Русской Правдой, Судебникомъ не до-

пускались. Судьямъ предоставлено брать извѣстныя пошлыны съ подсудимыхъ, но *посулы* или взятки брать воспрещалось. Въ тяжбахъ разрѣшалось рѣшать дѣло *полемъ*, или поединкомъ, но чтобы поединки не были смертельны (*). Иностранный писатель XV в., Рафаиль Барберини, описываетъ судебный поединокъ слѣдующимъ образомъ: «Если случится тяжба между Москвичами, одинъ утверждаетъ, что далъ денегъ займы, другой запирается, что взялъ, а доказательства никакого нѣтъ, то они имѣютъ обычай вызывать одинъ другаго на поединокъ, и выходятъ на площадку, назначенную для битвъ такого рода. Если же одинъ изъ тяжущихся или оба они изъ трусости или по старости, или по другой какой причинѣ, не захотятъ биться, то могутъ ставить вмѣсто себя другихъ бойцевъ, потому что всегда много есть охотниковъ, которые за извѣстную плату идутъ на поле биться за другихъ. Ихъ вооруженіе въ этомъ случаѣ очень странно; доспѣхи ихъ такъ тяжелы, что бойцы, если упадутъ, не въ силахъ бываютъ встать. Прежде всего они надѣваютъ большую кольчугу съ рукавами, а на нее латы; на ноги ногавки и наколѣнники, также кольчужные; на голову пишакъ съ кольчужною вокругъ шеи сѣткою, которую подвязываютъ ремнями подъ мышки; на руки кольчужныя перчатки. Таково ихъ оборонительное оружіе. Наступательное же слѣдующее: на лѣвую руку продѣвается родъ кинжала съ двумя остріями, одно снизу, другое сверху. Потомъ въ правой рукѣ у нихъ виллообразное копье, а за поясомъ топоръ желѣзный. Выйдя на поединокъ они сражаются до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ нихъ не признаетъ себя побѣжденнымъ». Судебныя поединки прекратились въ царствованіе Ѳедора Ивановича.

Съ Ивана III начинаются дипломатическія сношенія Москвы съ другими государствами Европы. Объединившись и сдѣлавшись единой державною, Москва дѣлается и болѣе извѣстною. Въ 1486 году пріѣхалъ въ Москву знатный рыцарь, по имени Николай Поппель, посѣщавшій изъ любопытства отдаленныя страны. Онъ имѣлъ при себѣ свидѣтельство императора Фридриха III, но никакого особеннаго порученія къ Московскому князю отъ него не имѣлъ. Въ Германіи знали о существованіи Руси подвластной будто бы Польшѣ и Литвѣ, но о самостоятельномъ Московскомъ государствѣ не имѣли и понятія. Поппель, вернувшись, разъяснилъ императору, что Московскій князь вовсе не подвластенъ Польскому королю, что его владѣнія гораздо обширнѣе, и онъ богаче и сильнѣе Польскаго короля. Вслѣдъ за первымъ

*) Память о нихъ сохранилась въ названіяхъ урочищъ церквей: св. Троицы на Никольской, *въ старыхъ поляхъ*, или у *старыхъ полъ*, Великомученицы Пятницы, въ Охотномъ ряду, называвшейся *у полъ* и *у старыхъ полъ*, и Георгія Побѣдоносца *въ поляхъ* или *на востокъ* въ Грузинахъ и на Малой Никитской.

дамъ до устьевъ Волги и тамъ былъ ограбленъ Астраханскими Тагарами. Не хотѣлось ему вернуться съ пустыми руками домой, и вотъ, наслышавшись о богатствахъ Индіи, онъ задумалъ пробраться туда. Онъ захватилъ съ собою дорогаго жеребца, разчитывая выгодно продать его тамъ, и на вырученныя деньги закупить товаровъ, нужныхъ для его родины. Но онъ ошибся въ расчетахъ. Въ Индіи дешевыми оказались только перецъ, да краски, и при томъ на морѣ было много разбойниковъ, которые грабили суда. Какой-то ханъ Индѣйскій чуть не отнялъ у него жеребца и чуть не лишилъ его жизни, принуждая принять магометанство. Четыре года пространствовалъ Никитинъ и наконецъ вернулся черезъ Персію и Азіатскую Турцію къ Черному морю, и моремъ въ Кафу. Въ описаніи своего путешествія онъ выражаетъ скорбь свою, что 4 года не вѣдалъ, что есть великій день Рождества Христова, ни иныхъ праздниковъ, ни постовъ, и предостерегаетъ православныхъ не предпринимать такого путешествія, чтобы не лишиться своей вѣры. Путешествіе Никитина замѣчательно тѣмъ, что оно совершено за четверть вѣка до открытія морскаго пути въ Индію Васко-де-Гамою (въ 1498 г.), и описаніе его сообщаетъ свѣдѣнія объ этой странѣ, которыя распространились въ Европѣ не ранѣе XVI в. при посредствѣ Португальцевъ.

ГЛАВА IX.

Присоединеніе новыхъ областей. — Нашествіе хана Махметъ-Гирея. — Новая постройка. — Свѣдѣнія, сообщаемыя иностранцами о Москвѣ.

1505—1533.

Въ княженіе Василія III, Москва присоединила къ себѣ Псковъ, Смоленскъ, и Рязанское княжество.

Псковъ давно уже управлялся намѣстниками великокняжескими, но все еще сохранялъ вѣчевой порядокъ, оставленный ему Иваномъ III какъ милость за дѣятельную помощь, оказанную Псковомъ въ войну в. к. съ Новгородомъ. Псковичамъ не понравился намѣстникъ великокняжескій, Иванъ Михайловичъ Репня-Оболенскій. Намѣстникъ же въ свою очередь былъ недоволенъ Псковичами и жаловался великому князю, что они держатъ его нечестно и вступаются въ суды и доходы великокняжескіе. Василій Ивановичъ, находясь въ Новгородѣ, велѣлъ пріѣхать туда своему намѣстнику и городскимъ посадникамъ, недовольнымъ имъ, чтобы учинить надъ ними судъ. Онъ нашелъ, что посадники виноваты, и велѣлъ посадить ихъ подъ стражу. Когда во Псковѣ

узнали объ опалѣ посадниковъ, то сейчасъ же собрали вѣче, чтобы рѣшить, что дѣлать: сопротивляться в. к., или бить ему челомъ. Рѣшили, что идти противъ него нельзя, потому что они цѣловали ему крестъ. Между тѣмъ в. к. прислалъ дьяка Третьяка Далматова объявить имъ свою волю, чтобы они уничтожили вѣче и чтобы по всѣмъ Псковскимъ городамъ были великокняжескіе посадники. Услыхавъ это, Псковичи пришли въ сильное уныніе. Они просили посла подождать до слѣдующаго дня. Посадники ихъ, посаженные подъ стражу въ Новгородѣ, прислали сказать имъ, чтобы они сдавались на волю государя, потому что съ нимъ сильное войско и сопротивленіе поведетъ только къ ихъ общей гибели. Псковичи собрали вѣче и объявили государю послу, что они соглашаются на всѣ требованія в. к. Вслѣдъ за тѣмъ вѣчевой колоколъ былъ снятъ, и Далматовъ повезъ его къ в. к. въ Новгородъ. Оттуда присланы были воеводы для приведенія Псковичей къ присягѣ, и затѣмъ пріѣхалъ и в. к., чтобы поклониться св. Троицѣ. Въ соборѣ пропѣтъ былъ въ его присутствіи молебень, съ многолѣтіемъ государю. По окончаніи молебна епископъ, благословляя в. к., сказалъ ему: «Богъ тебя, государь, благословляетъ взятіемъ Пскова». Вся церковь при этихъ словахъ огласилась плачемъ. В. к. прожилъ во Псковѣ четыре недѣли, устраивая новый бытъ Псковичей. 300 семей, лучшихъ людей Псковскихъ, были выселены въ Москву, а имѣніе ихъ роздано Московскимъ боярамъ. Они были поселены на Варваркѣ, гдѣ теперь церковь Георгія великомученика, съ главнымъ придѣломъ во имя Покрова Пресвятыя Богородицы, и урочище это съ тѣхъ поръ называлось Псковской горой. Изъ среды купцевъ было также выселено 300 семей въ ближайшій городъ и на посадь, а на мѣсто ихъ поселены купцы изъ Москвы.

Вскорѣ послѣ взятія Пскова началась война съ Литвою. Въ это время Литовское княжество опять соединилось съ Польшею, и король Польскій, Сигизмундъ, братъ умершаго Александра, былъ въ то же время и великимъ княземъ Литовскимъ. Съ Москвою у него были постоянныя непріязненныя сношенія касательно пограничныхъ владѣній. Доходило и до войны, продолжавшейся впрочемъ недолго и окончившейся выгоднымъ для Москвы миромъ. Главнымъ виновникомъ этой войны былъ Михаилъ Глинскій, знатный Литовскій вельможа, передавшійся Московскому князю. Черезъ четыре года война возобновилась. На этотъ разъ Василій Ивановичъ поставилъ себѣ главною задачею вернуть Смоленскъ. Два похода къ Смоленску были неудачны, и только въ третій посчастливилось Московскимъ войскамъ взять его. Успѣху дѣла способствовалъ пушкарь Стефанъ, искусно стрѣлявшій изъ пушекъ. Каждый выстрѣлъ его производилъ такія опустошенія среди осажденныхъ, что только страхъ передъ королемъ удерживалъ ихъ еще нѣкоторое время отъ сдачи. Наконецъ они увидали, что держаться

долѣ невозможно, и сдались. Жители были приведены къ присягѣ. В. к. въѣхалъ послѣ того въ городъ, гдѣ отслушалъ молебень въ соборной церкви, послѣ котораго владыка Стефанъ привѣтствовалъ его словами: «Божією милостію радуйся и здравствуй православный царь Василій, в. к. всея Руси, самодержецъ, на своей отчинѣ, городѣ Смоленскѣ, на многія лѣта!» В. к. поставилъ въ Смоленскѣ своего намѣстника Василя Васильевича Шуйскаго, а королевскому намѣстнику Сологубу далъ на выборъ: вступить въ его службу или вернуться къ королю. Сологубъ предпочелъ вернуться, но былъ казненъ Сигизмундомъ, какъ измѣнникъ.

Въ память возвращенія Смоленска послѣ 100-лѣтняго пребыванія его подъ властію Литвы Василій Ивановичъ построилъ, какъ уже упомянуто выше, Новодѣвичій монастырь.

Въ томъ же году московскіе воеводы потерѣли страшное пораженіе отъ Литовцевъ при Оршѣ. Непрiятельскими войсками начальствовалъ Константинъ Острожскій. Изъ 80,000 нашихъ войскъ 30,000 легло на мѣстѣ и было взято въ плѣнъ. Михаилъ Глинскій хотѣлъ было опять передаться Сигизмунду, но былъ перехваченъ на пути и въ кандалахъ отправленъ въ Москву.

Оршинская побѣда не доставила никакихъ особенныхъ выгодъ Сигизмунду. Обѣ стороны были утомлены войною, но она продолжалась еще много лѣтъ. Въ 1517 г. были начаты переговоры о мирѣ, при посредствѣ посла Германскаго императора Максимилиана. Герберштейна, но не повели ни къ чему. Со стороны в. к. было въ первый разъ заявлено при этомъ требованіе Кіева, Полоцка и Витебска, какъ государевой отчины, и съ этихъ поръ это требованіе повторялось всякій разъ, какъ шли переговоры съ Литвою. Перемиріе было заключено только пять лѣтъ спустя, въ Москвѣ. Смоленскъ остался за нами.

Присоединеніе Рязанскаго княжества къ Москвѣ произошло слѣдующимъ образомъ: оно было уже въ зависимости отъ Москвы еще при Иванѣ III, который управлялъ имъ во время малолѣтства Рязанскаго князя Ивана Ивановича. То же продолжалъ дѣлать и Василій Ивановичъ. Когда же князь Рязанскій выросъ, то захотѣлъ добыть себѣ прежнюю самостоятельность и вошелъ для того въ сношенія съ Крымскимъ ханомъ. Василій Ивановичъ, узнавъ объ этомъ, велѣлъ ему явиться въ Москву. Здѣсь его схватили и посадили подъ стражу. Позднѣе, во время нашествія Махметъ-Гирея, Рязанскому князю удалось бѣжать въ Литву, гдѣ онъ и кончилъ свою жизнь. Рязанское княжество было присоединено къ Москвѣ, а вслѣдъ за нимъ княжество Сѣверское и удѣлъ Волоцкій.

В. к. Василій Ивановичъ былъ первымъ вполнѣ самовластнымъ государемъ Московскимъ. Отецъ его, сдѣлавшій первый шагъ къ самовластію, придерживался еще отчасти прежнихъ порядковъ. Онъ все

еще опирался во всѣхъ дѣлахъ государственныхъ на боярскую думу и не отказывался выслушивать мнѣнія бояръ, которыя принималъ или нѣтъ, но не преслѣдовалъ за нихъ. Василій Ивановичъ, воспитанный своею матерью, гордою Гречанкою, уже совсѣмъ не хотѣлъ допускать, чтобы бояре высказывали свои мнѣнія, и рѣшалъ всѣ дѣла совершенно самовластно.

Около этого времени пріѣхалъ въ Москву знаменитый ученый, Максимъ Грекъ. В. к. послалъ передъ тѣмъ грамоту къ игуменамъ и монахамъ Аѳонской горы, въ которой просилъ прислать въ Москву старца Савву, переводчика книжнаго. Савва, по старости и болѣзни въ ногахъ, не могъ пріѣхать, а вмѣсто него прислали оттуда инока Максима, искуснаго и годнаго къ толкованію и переводу всякихъ книгъ церковныхъ и такъ называемыхъ Эллинскихъ. Ему порученъ былъ переводъ съ греческаго церковныхъ книгъ и рукописей, хранившихся съ пріѣзда Софіи въ Московскою ликоکنяжескою бібліотекѣ, а равно и исправленіе богослужебныхъ книгъ, наполненныхъ грубыми ошибками, вкравшимися при переписываніи. Зная основательно греческій и латинскій языки, Максимъ только на пути въ Москву сталъ изучать славяно-русскій. Поэтому вначалѣ онъ переводилъ съ греческаго на латинскій, а съ латинскаго на славянскій переводили двое русскихъ переводчиковъ: Дмитрій и Власій. Впослѣдствіи же онъ самъ переводилъ уже прямо на славянскій языкъ. Максимъ Грекъ много потрудился на пользу русскаго просвѣщенія, — дѣлалъ переводы, исправлялъ книги, боролся съ различными суевѣріями и вооружался противъ страсти къ астрологіи, особенно разившейся у насъ въ его время. Онъ говорилъ, что все устроивается промысломъ Божиимъ, а не звѣздами или колесомъ фортуны. Максимъ Грекъ писалъ очень много богословскихъ и философскихъ сочиненій, которыя въ количествѣ 134 рукописей хранятся въ бібліотекѣ Троицкой Лавры.

Съ княженія Василія Ивановича начинаются опустошительныя набѣги Крымскихъ Татаръ. Махметъ-Гирей, много разъ тревожившій южныя предѣлы московскаго государства своими набѣгами, соединился съ братомъ своимъ, Казанскимъ ханомъ Саипъ-Гиреемъ, и неожиданно приступилъ къ Москвѣ. В. к. не успѣлъ приготовиться къ оборонѣ и ушелъ къ Волоку собирать войска. Москву онъ оставилъ подъ начальствомъ зятя своего, крещенаго Татарскаго царевича Петра. Махметъ-Гирей не подходилъ близко къ Москвѣ, остановившись на рѣкѣ Сѣверкѣ. Но отряды его подходили близко, и опустошили подмосковныя села: Островъ, Воробьево и Угрѣшскій монастырь. Народъ отовсюду бѣжалъ въ Кремль, такъ что въ воротахъ Московскихъ была страшная давка. Отъ скопленія народа и сильной жары у осажденных открылась язва. Въ случаѣ приступа обороняться было бы невозможно, потому что не было даже достаточнаго запаса пороха. Царевичъ

Петръ и бояре московскіе рѣшили, что надо вступить въ переговоры съ ханомъ. Къ счастію Махметъ-Гирей оказался весьма сговорчивъ, потому что не имѣлъ достаточныхъ средствъ для приступа. Онъ согласился отступить, съ тѣмъ, чтобы ему было дано письменное обязательство, что в. к. будетъ платить ему дань. Татары отступили, захвативъ съ собою громадное число плѣнныхъ, взятыхъ въ Московской области.

На возвратномъ пути изъ Москвы Махметъ-Гирей хотѣлъ взять хитростію Рязань и предложилъ для того ея жителямъ купить у него плѣнныхъ, думая воспользоваться тѣмъ временемъ, когда они откроютъ ворота, чтобы ворваться въ городъ. Когда эта хитрость не удалась, онъ велѣлъ сказать воеводѣ Рязанскому, Хабару, что в. к. обязался быть его данникомъ, и потому чтобы воевода немедленно являлся къ нему въ станъ, какъ холопъ его данника. Хабаръ отвѣчалъ, что онъ еще не знаетъ, дѣйствительно ли в. к. обязался быть данникомъ Крымскаго хана. Махметъ-Гирей послалъ тогда для удостовѣренія его грамоту, добытую имъ подъ Москвою. Татары густыми толпами приблизились при этомъ къ стѣнамъ города. Но какъ скоро грамота была передана Хабару, такъ тотчасъ же съ городскихъ стѣнъ начали пальбу по нимъ изъ пушекъ, которыми управлялъ Иорданъ, и Татары разбѣялись. Махметъ-Гирей потребовалъ выдачи Иордана, но Хабаръ отказался исполнить это требованіе, и ханъ отступилъ, оставивъ въ рукахъ его Московскую грамоту. В. к. наградилъ Хабару за его подвигъ саномъ боярина.

Къ этому времени относится обстоятельство особаго почитанія Фроловскихъ, нынѣ Спасскихъ воротъ. По свидѣтельству стольника Лызова, занесенному въ mineю, слѣпая инокиня Вознесенскаго монастыря, имѣла во время нашествія Махметъ-Гирея слѣдующее видѣніе: при колокольномъ звонѣ шли изъ Кремля Спасскими воротами почивающіе въ соборахъ Святители и несли икону Владимірской Божьей Матери, стоящую въ Успенскомъ соборѣ и писанную Евангелистомъ Лукою. На встрѣчу имъ изъ Китай-города вышли преподобные: Сергій Радонежскій и Варлаамъ Хутынскій, и спросили Святителей, куда они идутъ? Святители отвѣтили, что Господь повелѣлъ имъ уйдти изъ града сего и взять икону Его Матери, потому что люди презрѣли страхъ Божій и о заповѣдяхъ его вознерадѣли: за это Онъ предастъ землю русскую иноплеменикамъ и язычникамъ. Преподобные стали просить Святителей помолиться Милосердному Богу о прощеніи грѣшныхъ. Святители вняли ихъ мольбѣ, вознесли вмѣстѣ съ ними молитвы Всевышнему и потомъ воротились въ Кремль. Въ предвратной иконѣ Спасителя дѣйствительно изображены преподобные, въ молитвенномъ положеніи у ногъ Богочеловѣка. Въ рукѣ Спасителя имѣется раскрытое Евангеліе, на которомъ слѣдующая подпись: Рече Господь ко пришедшимъ къ нему Иудеомъ Азь есмь дверь.

Вскорѣ послѣ этого великому князю пришлось выступить противъ Казанскаго хана Саипъ-Гирея, выказывавшаго явную враждебность къ Москвѣ и незадолго передъ тѣмъ умертвившаго московскихъ купцовъ, бывшихъ у него въ плѣну. В. к. лично отправился въ Нижній и оттуда послать на Казанскаго хана сильное войско, часть котораго плыла на судахъ, а другая часть шла сухимъ путемъ. Московскіе воеводы произвели много опустошеній въ Казанской землѣ, захватили много плѣнныхъ и основали при устьѣ Суры городъ Васильсурскъ. Московскій митрополитъ предсказалъ в. к., что новопостроенный городъ возьметъ всю землю Казанскую. И дѣйствительно, построение Васильсурска было первымъ шагомъ къ покоренію Казанскаго царства. Построеніе Свіязска при сынѣ Василя, Иванѣ Грозномъ, было вторымъ, а третьимъ было взятіе Грознымъ же города Казани.

Такимъ образомъ Казанское царство было уже приведено въ нѣкоторую зависимость отъ Москвы, но Крымскій ханъ, подкупаемый литовскимъ золотомъ, продолжалъ тревожить московскіе предѣлы. Для противодѣйствія ему Василій Ивановичъ, по примѣру отца, старался установить дружественныя сношенія съ Турецкимъ султаномъ и нѣсколько разъ отправлялъ посольства въ Константинополь для утверженія торговыхъ сношеній и для заключенія союза противъ Литвы и Крыма. Султанъ Селимъ дружественно принималъ пословъ в. к. и отвѣчалъ грамотами на Сербскомъ языкѣ, но не хотѣлъ заключать союза, обѣщая прислать для этого пословъ. Тѣмъ не менѣе, онъ сдерживалъ нѣкоторое время Крымскаго хана, приказывая ему, чтобы онъ не смѣлъ ходить на Московскую землю, потому что князь ея ему другъ.

Въ это время Московское княжество было уже настолько сильно, что князь ея могъ располагать весьма значительными военными средствами. Иностранецъ Герберштейнъ, пріѣзжавшій тогда въ Москву, сообщаетъ слѣдующія свѣденія о числѣ войска, его вооруженіи и содержаніи:

Василій Ивановичъ можетъ выставить въ поле до 150,000 всадниковъ. Войско это вооружено саблями, пиками, желѣзными булавами, стрѣлами, а нѣкоторые и мечами. Оборонительное же ихъ оружіе состоитъ изъ щитовъ, панцырей и шлемовъ, которыми они покрываютъ головы. Нѣкоторые изъ знатныхъ употребляютъ латы, кольчугу, искусно сдѣланную будто изъ чешуи, и пѣручи. Военную службу несетъ преимущественно сословіе дѣтей боярскихъ, надѣляемое отъ великаго князя помѣстьями и вотчинами. Каждые два года в. к. дѣлаетъ наборъ по областямъ и переписываетъ дѣтей боярскихъ, чтобы знать ихъ число, и сколько каждый имѣетъ лошадей и служителей. Нѣкоторые изъ нихъ получаютъ жалованье, другіе нѣтъ, но въ военное время должны выступить всѣ безразлично и содержать себя, своихъ людей и лошадей на свой счетъ. Кому нибудь можетъ показаться удивительнымъ,

говорить при этомъ Герберштейнъ, что они, получая маленькое жалованье, содержатъ себя и своихъ людей, и при томъ иногда долгое время; но они могутъ это дѣлать, благодаря своей бережливости и воздержности въ пищу. У кого шесть, а иногда и больше лошадей, тотъ употребляетъ одну изъ нихъ подъ тяжесть, для ношенія необходимыхъ вещей. Для прокормленія себя у него имѣется толченое просо въ мѣшечкѣ, длиною въ двѣ ладони; потомъ фунтовъ восемь или десять соленого свиного мяса; также соль въ мѣшечкѣ, смѣшанная, если онъ богатъ, съ перцемъ. Кромѣ того, всякій имѣетъ при себѣ топоръ, трутъ, кастрюлю или мѣдный горшокъ, и если приходится куда нибудь, гдѣ нѣтъ никакихъ плодовъ, ни чесноку, ни луку, ни дичины, то разводитъ огонь, наполняетъ горшокъ водою, въ которую кладетъ полную ложку проса, прибавляетъ соли и варитъ,—и господинъ и холопы живутъ, довольствуясь этой пищей. Если господинъ очень голоденъ, то съѣдаетъ все, а холопы его постятся иногда по два и по три дня. Если господинъ хочетъ отобѣдать получше, то къ этому прибавляетъ маленькую частицу свинины. Такъ живутъ люди посредственнаго состоянія. Воеводы войска и другіе военные начальники иногда приглашаютъ къ себѣ этихъ бѣдныхъ людей, которые, хорошо отобѣдавъ, послѣ того въ продолженіи двухъ или трехъ дней воздерживаются отъ всякой пищи. Когда у нихъ есть плоды или чеснокъ, или лукъ, то они легко могутъ обойтись безъ всякой другой пищи.

Одежду ихъ составляютъ длинные кафтаны безъ складокъ, съ очень узкими рукавами. Узелки, которыми кафтаны застегиваются на груди, христіане носятъ на правой сторонѣ, а Татары, употребляющіе одинаковую одежду, на лѣвой. Сапоги они носятъ почти всегда красные и короче, нежели до колѣнъ, съ подошвами, подбитыми желѣзными гвоздиками. Воротники рубашекъ почти у всѣхъ украшены разными цвѣтами; застегиваютъ ихъ пуговками, т. е. серебряными или мѣдными позолоченными шариками, украшенными жемчугомъ. Они опоясываютъ не животъ, но бедра, и чѣмъ больше у кого выдается животъ, тѣмъ челоуѣкъ тотъ считается почтеннѣе.

Для лагеря они выбираютъ пространное мѣсто и не укрѣпляютъ его ни рвомъ, ни другими преградами, если только мѣсто отъ природы не защищено лѣсами, рѣкою и болотами. Знатные люди раскидываютъ шатры, другіе же дѣлаютъ большое полукружіе изъ кустарника, покрываютъ его епанчами, прячутъ тамъ сѣдла, луки и т. п., и сами укрываются подъ нимъ отъ дождя. Лошади ихъ, не большія, безъ подковъ, и съ самой легкой уздой, всегда и вездѣ кормятся только подножнымъ кормомъ.

В. к. Василій Ивановичъ первый завелъ у себя конную артиллерію, и въ Московской крѣпости лежитъ множество мѣдныхъ пушекъ на колесахъ, вылитыхъ итальянскими мастерами.

Москвитяне, по словамъ иностранца Павла Іовія, роста вообще средняго, тѣлосложенія здороваго и крѣпкаго; имѣютъ голубые глаза, длинную бороду, короткіе ноги и огромное туловище. Они ѣздятъ верхомъ съ поджатыми ногами и стрѣляютъ весьма искусно, такъ что даже будучи обращены въ бѣгство, мѣтко бросаютъ черезъ себя стрѣлы назадъ.

Домашняя жизнь ихъ представляетъ болѣе изобилія, нежели утонченности. Жизненные припасы у нихъ чрезвычайно дешевы. Курицу или утку можно купить за самую малую серебряную монету; крупнаго или мелкаго скота неимовѣрное множество. Лучшимъ кушаньемъ считается дичь, которую ловятъ во множествѣ охотничьими собаками и сѣтями. Ихъ ястреба и соколы (лучшіе изъ страны Печерской) берутъ не только фазановъ и утокъ, но даже лебедей и журавлей. Въ Московіи ловятъ одну черноватую птицу, величиною съ гуся, съ алыми бровями, коей мясо вкуснѣе самого фазана: ее называютъ тетеревомъ.

Не имѣя собственнаго винодѣлія, Москвитяне пользуются привозными винами, которыя употребляютъ на большихъ пирахъ и въ богослуженіи. Особенно цѣнятся у нихъ сладкое Критское вино. Кромѣ того они употребляютъ напитокъ, приготовляемый изъ меда и хмеля, и сохраняющійся въ продолженіи долгаго времени въ засмоленныхъ бочкахъ, отчего онъ дѣлается крѣпче и лучше, а также пиво и водку, которую выгоняютъ изъ пшеницы, ржи и ячменя. Эти два напитка подаются на каждомъ пирѣ. Чтобы сообщить меду и пиву болѣе вкуса, прохлаждаютъ ихъ, опуская въ стаканъ кусокъ льда, коего цѣлыя глыбы сохраняются у нихъ въ продолженіи всего лѣта въ подземныхъ погребкахъ. Нѣкоторые любятъ сокъ, выжатый изъ спѣлыхъ вишенъ.

Московское государство ведетъ обширную торговлю сырыми произведеніями, какъ-то: смолой, воскомъ, мѣхами, лѣсомъ, льномъ, коноплей, воловьими кожами. Благодаря этой торговлѣ, Москва богата монетою, потому что ежедневно привозится въ нее со всѣхъ концовъ Европы множество денегъ за товары, не имѣющіе для Москвитянъ почти никакой цѣны, но стоящіе дорого въ чужихъ краяхъ.

Ко времени Василія III относится начало Макарьевской ярмарки. Она произошла вслѣдствіе того, что в. к. запретилъ Московскимъ купцамъ ѣздить на ярмарку подлѣ Казани, и назначилъ другое мѣсто для ярмарки, въ Нижегородской области.

Земледѣліе не особенно процвѣтало въ Московской области, по причинѣ песчанаго грунта земли. Лѣсовъ зато было очень много, и сосны достигали необыкновенной величины. Дубъ и кленъ были гораздо лучше, чѣмъ въ западной Европѣ. Пчелы клали медъ въ дуплахъ безъ всякаго присмотра. Рассказываютъ, что крестьянинъ, опустившись въ дупло огромнаго дерева, увязъ въ меду по самое горло. Напрасно призывая помощь, несчастный не могъ самъ выбраться изъ дупла, и

оставался въ такомъ положеніи два дня, питаюсь медомъ. Наконецъ, въ то же дупло полезъ медвѣдь, запустивъ въ него заднія лапы. Крестьянинъ ухватился за звѣря и закричалъ такъ громко, что медвѣдь съ испуга выскочилъ изъ дупла и вытащилъ съ собою крестьянина.

Василій Ивановичъ первый изъ русскихъ государей завелъ псовую охоту. До него собакъ считали нечистыми животными и пренебрегали ими. Въ поляхъ, прилежавшихъ къ Москвѣ, водилось, по словамъ Павла Ювія, множество дикихъ козъ и зайцевъ, за которыми никто не смѣлъ охотиться, кромѣ государя. То же рассказываетъ и Герберштейнъ въ своихъ запискахъ о Московіи. Близъ Москвы, говоритъ онъ, есть мѣсто, усѣянное кустарникомъ, весьма удобное для зайцевъ, въ которомъ, какъ въ какомъ нибудь звѣринцѣ, разводится ихъ великое множество. Кромѣ того, князь держитъ множество ихъ въ звѣриныхъ загоняхъ и въ другихъ мѣстахъ. Каждый разъ, когда вздумается ему позабавиться охотой, онъ приказываетъ привозить зайцевъ изъ разныхъ мѣстъ. Герберштейнъ участвовалъ однажды по приглашенію в. к. въ его охотѣ и описываетъ ее такъ: князь выѣхалъ въ поле, сидя верхомъ на разукрашенномъ конѣ, въ великолѣпной одеждѣ, вышитой золотомъ. На поясѣ у него висѣло два продолговатыхъ ножа и такой же кинжалъ. Подлѣ в. к. ѣхалъ изгнанный казанскій царь, Шигъ-Алей, и свита около 300 всадниковъ. Пріѣхавъ на мѣсто охоты, всѣ остановились и ждали приказаній в. к. Около ста человѣкъ размѣстилось вблизи в. к., изъ которыхъ одна половина была одѣта въ черный цвѣтъ, а другая въ желтый. Недалеко отъ нихъ стали всадники, наблюдавшіе, чтобы зайцы не пробѣжали чрезъ это мѣсто и не ушли бы совсѣмъ. В. к. закричалъ охотнику, приказывая начинать. Не теряя ни минуты, тотъ поскакалъ къ другимъ охотникамъ, всѣ вскрикнули въ одинъ голосъ и спустили большихъ меделянскихъ собакъ. Было очень весело слышать громкій и разнообразный лай собакъ, большею частію очень хорошихъ. Нѣкоторые изъ нихъ употребляются только для травли зайцевъ, — это такъ называемые курцы, красивыя съ пушистыми хвостами и ушами, вообще смѣлыя, но неспособныя къ долгой гонкѣ. Когда выбѣгаетъ заяцъ, спускаются три, четыре, пять или болѣе собакъ, которыя отовсюду бросаются за нимъ, — а когда они схватятъ его, поднимается крикъ охотниковъ, какъ будто пойманъ большой звѣрь. Если же зайцы слишкомъ долго не выбѣгаютъ, тогда обыкновенно князь кличетъ кого нибудь изъ охотниковъ, имѣющихъ по зайцу въ мѣшкѣ, и кричитъ ему: гуй, гуй. Этими словами онъ даетъ знать, что зайца надобно выпустить. Охотникъ выпускаетъ его незамѣтно изъ мѣшка, и заяцъ выскакиваетъ иногда какъ будто сонный, прыгая между собаками, какъ козленокъ или ягненокъ въ стадѣ. Чья собака затравила больше зайцевъ, того считаютъ побѣди-

телемъ. По окончаніи охоты всѣ сошлись и свалили зайцевъ въ одномъ мѣстѣ. Ихъ стали считать, и насчитали до трехсотъ штукъ.

Василій Ивановичъ учредилъ новыя придворныя должности: оруженичаго, ловчаго, крайчаго и рындѣ. Крайчій былъ то же, что нынѣ оберъ-шенкъ, а рынды были оруженосцы, вооруженные маленькими серебряными топориками. Они шли передъ в. к., когда онъ являлся народу или принималъ иностранныхъ пословъ. Они выбирались изъ знатныхъ и красивыхъ боярскихъ дѣтей, и были одѣты въ бѣлое атласное платье. Подобно отцу, онъ выписывалъ иностранныхъ художниковъ и врачей. Въ самомъ началѣ своего княженія онъ достроилъ каменный дворецъ, начатый отцемъ его, и перешелъ въ него жить 7-го Мая 1508 г. Онъ великолѣпно отдѣлалъ его, равно какъ и церковь Благовѣщенія на сѣняхъ, въ которой обложилъ многія иконы серебромъ, золотомъ и бисеромъ, и велѣлъ позолотить верхъ церковный. Иконная работа была исполнена мастеромъ Феодосіемъ, Діонисіевымъ сыномъ, съ братією.

Кромѣ того онъ выстроилъ на прежнихъ мѣстахъ новыя каменные церкви: Рождества Богородицы на сѣняхъ, Спаса Преображенія на дворцѣ, посреди своего двора, и церковь Іоанна Предтечи въ Кремлѣ, не вдалекѣ отъ Боровицкихъ воротъ, близъ коихъ были прежде государевы конюшни. Она была третья на этомъ мѣстѣ, — первоначальная же церковь Рождества Іоанна Предтечи была первою въ Москвѣ. Кромѣ того церковь Іоанна святого, что подъ колоколы, строителемъ которой былъ Бонъ Фрязинъ, и Дѣвичій монастырь, получившій свое названіе, какъ предполагаютъ нѣкоторые, отъ имени первой игуменьи Олены Дѣвочкиной. Въ Степенной же книгѣ говорится, что это названіе произошло отъ того, что въ домѣ пресв. Богородицы, которая есть *стѣна дѣвъ*, «собранны были инокини *дѣвическаго* чина. Василій Ивановичъ перестроилъ монастырь въ Высоцкой слободѣ, основанный Дмитріемъ Донскимъ, и названный Высокопетровскимъ, построилъ церковь Никола Гостунскаго и еще 11 церквей, *) строителемъ которыхъ былъ Алевизъ Фрязинъ. В. к. поновилъ и украсилъ серебромъ и золотомъ образъ Владимірской Божьей Матери въ Ус-

*) Лѣтопись говоритъ о нихъ такъ: «Тояже весны князь великій повелѣ заложити и дѣлати церкви каменные и кирпичныя на Москвѣ на большомъ посадѣ за торгомъ, Введеніе святѣй Богородицы, Владиміръ святыи въ садѣхъ (нынѣшняя церковь св. Владиміра на Солянкѣ), Благовѣщеніе святѣй Богородицы въ Воронцовѣ (нынѣшняя церковь Ильи Пророка), да въ городѣ на своемъ дворѣ церковь святыя Богородицы Рождество, у неяже предѣлъ Святыи Лазарь, за Неглинною Леонтій чудотворецъ Ростовскій (не существуетъ съ 12 года), на Ваганьковѣ святыя Богородицы Благовѣщеніе, за черторьею въ Дѣвичій монастырь Алексѣй челоувѣкъ Божій, за рѣкою подъ Боромъ Усѣкновеіе главы Ивана Предтечи, за Неглинною святыи Петръ митрополитъ всея

пенскомъ соборѣ и сдѣлалъ на него кивотъ. Одну деревянную церковь Іоанна Предтечи, на старомъ Ваганьковѣ, в. к. выстроилъ въ одинъ день, самъ участвуя въ работѣ, и въ тотъ же день она была освящена, въ присутствіи всей семьи великокняжеской. Онъ сдѣлалъ это по обѣту, данному имъ Богу, передъ рожденіемъ сына Івана.

Ровъ, идущій вокругъ Кремля, в. к. велѣлъ мастеру Алевизу Фрязину обложить камнемъ и кирпичемъ, и выкопать при впаденіи Неглинной въ Москву рѣку, за Боровицкими воротами, прудъ, названный Лебединымъ. На этомъ прудѣ была поставлена каменная мельница, и вода изъ него проводилась во рвы.

Иностранцы, современники Василія, описываютъ Москву, какъ городъ довольно обширный, деревянный, за исключеніемъ немногихъ каменныхъ домовъ, церквей и монастырей, въ которомъ при домахъ имѣлись большіе дворы и сады, служившіе для удовольствія хозяевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ доставлявшіе нужное количество овощей. Дома дѣлились обыкновенно на три комнаты: гостиная, спальня и кухня. По словамъ иностранцевъ же, въ концѣ города жили кузнецы и другіе мастера, которымъ былъ нуженъ огонь для ихъ работъ, и между ихъ жилищами находились цѣлыя луга и поля. За Москвой рѣкой в. к. велѣлъ выстроить новый городъ для своихъ тѣлохранителей, которые одни имѣли позволеніе пить пиво и медъ, когда пожелають. Вообще же простому народу не позволялось пить пиво и медъ иначе какъ въ большіе праздники, какъ на примѣръ Свѣтлое воскресеніе, Рождество Христова, Троицынъ день, и нѣкоторые другіе. Поэтому, чтобы государевы тѣлохранители не служили дурнымъ примѣромъ для остальныхъ горожанъ, ихъ удалили за рѣку, и эта сторона получила названіе Наливки, отъ слова наливать, сохранившееся въ названіи церкви Преображенія въ Наливкахъ, существующей въ наше время за Москвой-рѣкой. Улицы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ загораживались рогатками, при которыхъ въ ночное время стояли сторожа. Всѣ городскія ворота запирались на ночь воротами или рогатками, и ходить ночью позволялось только по самой крайней необходимости, и то не иначе какъ съ фонаремъ. Рогатки помѣщались съ той стороны города, гдѣ былъ свободный входъ въ него. Съ другой стороны, городъ защищался Москвой-рѣкой и Яузою, впадающею въ Москву подъ самымъ городомъ, и имѣющую крутые берега. На Яузѣ стояло много мельницъ. Около города находилось нѣсколько монастырей, изъ которыхъ каждый издали казался городомъ. Крѣпость или Кремль построена изъ

Руси, на Устренской улицѣ Введеніе святаго Богородицы; да Варвару святую поставилъ Василій Бобръ съ братьею съ Вепремъ, да съ Юшкомъ, да Аеоансія и Кирилла Александрійскихъ поставилъ Юрій Григорьевъ сынъ Бобынина у Фроловскихъ воротъ.

кирпича и омывалась съ одной стороны Москвой-рѣкой, а съ другой Неглинной.

Василій Ивановичъ не имѣлъ дѣтей и сильно огорчался этимъ. По совѣту нѣкоторыхъ бояръ, онъ рѣшился развестись съ своей супругой, Саломоніей, съ которой прожилъ 20 лѣтъ, и жениться на другой. Митрополитъ Даніилъ согласился на разводъ, но многіе смотрѣли на это, какъ на дѣло незаконное. Главнымъ противникомъ его явился Вассіанъ Патрикѣевъ, тотъ самый, который съ отцемъ своимъ, Иваномъ Юрьевичемъ, былъ постриженъ въ монахи при Иванѣ III, влѣдствіе приверженности своей къ партіи Елены и ея сына Дмитрія, и вернулся въ Москву уже въ концѣ его царствованія. Его мнѣніе поддерживалось и Максимомъ Грекомъ. Этотъ послѣдній написалъ даже наставленіе великому князю, въ которомъ говорилъ, что цари прежде всего должны быть благочестивы. Мнѣнія Вассіана и Максима Грека не понравились в. к. и оба они впади въ немилость. Этимъ воспользовались ихъ недоброжелатели для того, чтобы взвести на нихъ различныя обвиненія. Максима укоряли въ неправильномъ исправленіи книгъ, а Вассіана въ еретичествѣ. Оба они были сосланы въ заточеніе.

Въ 1525 г. былъ объявленъ разводъ в. к. и вслѣдъ затѣмъ Саломонія была пострижена въ Рождественскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, а потомъ отослана въ Суздальскій Покровскій монастырь. Неизвѣстно, съ согласія ли Саломоніи было совершено постриженіе или нѣтъ. Есть извѣстія, въ которыхъ говорится, что она просила постриженія, а въ другихъ, напротивъ, что ее постригли силою, и что вскорѣ послѣ того, въ монастырѣ, у нея родился сынъ Георгій.

Василій Ивановичъ женился на Еленѣ, дочери Василія Львовича Глинскаго, родной племянницѣ извѣстнаго Михаила Глинскаго, который, передавшись в. к. и возбудивъ его къ войнѣ съ Литвою, хотѣлъ было снова перейти на службу къ Польскому королю, Сигизмунду, но былъ перехваченъ и въ кандалахъ отправленъ въ Москву. Здѣсь онъ получилъ прощеніе вслѣдствіе того, что принялъ православіе, и вскорѣ занялъ видное мѣсто при дворѣ Василія Ивановича.

Черезъ три года и нѣсколько мѣсяцевъ у Елены родился сынъ, Иванъ. Ростовская лѣтопись повѣствуетъ, что въ минуту его рожденія, 25 Августа 1530 г., въ 7 часовъ вечера, воздухъ былъ потрясенъ неслышанными ударами грома, слѣдовавшими одинъ за другимъ, при ослѣпительной, непрерывной молніи. Въ память рожденія сына, в. к. выстроилъ въ слѣдующемъ году церковь Усѣкновенія главы Іоанна Предтечи, на старомъ Ваганьковѣ, теперь несуществующую.

В. к. Василій жилъ недолго во второмъ бракѣ. Онъ поѣхалъ на охоту въ Волоколамскъ и въ своемъ селѣ Озерецкомъ опасно заболѣлъ. Его повезли въ Москву въ повозкѣ, въ которой была послана постель. По дорогѣ онъ забѣхалъ въ свой любимый Волоцкій мона-

стырь, гдѣ прослушалъ молебень, поддерживаемый съ обѣхъ сторонъ подъ руки. Доѣхавъ до Москвы, в. к. остановился въ селѣ Воробьевѣ, гдѣ прожилъ два дня, жестоко страдая *). Стали наводить мостъ для переправы в. к. противъ Дѣвичьяго монастыря, такъ какъ рѣка еще не крѣпко стала. Но мостъ обрушился, едва только лошади великокняжескаго возка стали входить на него. Къ счастью успѣли обрѣзать гужи, и в. к. былъ спасенъ. Его перевезли черезъ рѣку на паромѣ, подъ Дорогомиловымъ, и вѣхали въ Кремль черезъ Боровицкія ворота. Приѣхавъ во дворецъ, первымъ дѣломъ великаго князя было написать духовную. Затѣмъ онъ причастился, и, призвавъ къ себѣ митрополита, братьевъ и бояръ, сказалъ, что поручаетъ сына своего, Ивана, Богу, Пресвятой Богородицѣ, святымъ чудотворцамъ и Даніилу митрополиту всея Руси. Братьевъ онъ просилъ помнить и свято блюсти свое крестное цѣлованіе, по которому они должны считатьъ племянника своего старшимъ братомъ и стоять за него крѣпко, противъ всѣхъ его недруговъ. Боярамъ приказывалъ служить ему вѣрно. Онъ благословилъ сына своего, Ивана, крестомъ чудотворца Петра, и, принявъ постригъ, скончался около полуночи, 3-го Декабря 1533 г. На другой день было погребеніе в. к. въ Архангельскомъ соборѣ, возлѣ отца его, Ивана III. Когда Троицкіе и Іосифскіе монахи понесли на своихъ головахъ черезъ площадь тѣло великаго князя, то рыданія народа заглушали звонъ колоколовъ.

ГЛАВА X.

Елена - Правительница. — Построеніе каменныхъ стѣнъ вокругъ Китай-города. — В. к. Иванъ принимаетъ титулъ царя. — Пожаръ въ 1547 г. — Рѣчь царя съ лобнаго мѣста. — Внѣшнія пріобрѣтенія. — Покровский соборъ. — Житіе Василія Блаженнаго. — Болѣзнь царя. — Вассіанъ Топорковъ. — Присоединеніе Астрахани. — Сношенія съ Англіей. — Война съ Ливоніей.

1533 — 1561.

Великому князю Василю Ивановичу наслѣдовалъ малолѣтній сынъ его, Иванъ, подъ опекой своей матери, Елены. Присяга малолѣтнему в. к. была принесена въ Успенскомъ соборѣ, гдѣ митрополитъ благословилъ его на царство, а бояре поднесли ему дары.

*) Въ лѣтописи разсказывается слѣдующее о совѣщаніи в. к. съ врачомъ: «Князь же великій призва Николая и нача ему говорити: брате Николае! видѣлъ еси мое великое жалованье къ собѣ: можно ли тобѣ что сотворити, масть или иное что, чтобы облегченіе болѣзни моей? Миколай же отвѣща великому князю: видѣхъ еси, государь, къ собѣ твое государево жалованье великое: аще бы мочно, тѣло бы свое раздробилъ тебя ради государя, но моя мысль не имѣеть, oprичъ Божіей помощи».

Правительница - мать была очень рѣшительнаго характера, что и высказала вскорѣ по отношенію къ братьямъ покойнаго великаго князя. Одинъ изъ нихъ, Юрій, былъ обвиненъ въ томъ, что будто бы перезываетъ въ свою службу московскихъ бояръ и замышляетъ сдѣлаться великимъ княземъ на мѣсто малолѣтняго племянника. Онъ былъ схваченъ и посаженъ вмѣстѣ съ своими боярами въ ту самую палату, гдѣ прежде сидѣлъ несчастный внукъ Ивана III, Дмитрій. Другой братъ Василия Ивановича, Андрей, просилъ у Елены прибавки городовъ къ своему удѣлу, въ чемъ ему было отказано. Затѣмъ до правительницы дошли слухи, что Андрей, недовольный ея отказомъ, собирается бѣжать въ Литву. Ему велѣно было пріѣхать въ Москву для объясненій; но Андрей не поѣхалъ, отговариваясь болѣзнью. Тогда его хотѣли взять силою, и уже посланы были войска къ Волоку, на случай, если бы онъ сталъ сопротивляться. Андрей бѣжалъ въ Новгородъ, гдѣ многіе землевладѣльцы вступили въ его службу. Между тѣмъ московскіе полки, подъ начальствомъ князя Телепнева-Оболенскаго, настигли его и готовы были начать битву. Но Андрей не захотѣлъ сражаться и согласился ѣхать съ Оболенскимъ въ Москву, если онъ дастъ ему клятву, что Елена оставитъ его на свободѣ и не положитъ на него опалы. Оболенскій далъ клятву, но Елена, не смотря на то, велѣла посадить Андрея подъ стражу, оправдывая свой поступокъ тѣмъ, что Оболенскій далъ клятву, не сославшись съ нею. Онъ былъ заключенъ въ темницу, стоящую у церкви Рождества Іоанна Предтечи, гдѣ и умеръ въ 1537 г. Супруга и сынъ Андрея подверглись одинаковой съ нимъ участи и были посажены подъ стражу на Берсеневѣ дворѣ *). Даже бояре, составлявшіе его думу, были пытаны и подвергнуты торговой казни, т. е. биты кнутомъ на торгу, а послѣ этого заключены въ оковы. Новгородскіе землевладѣльцы, перешедшіе къ Андрею въ числѣ 30 человекъ, биты кнутомъ, а потомъ повѣшены по Новгородской дорогѣ на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга, начиная отъ Москвы и до самаго Новгорода.

Твердость характера Елена высказала и по отношенію къ дядѣ своему, князю Михаилу Глинскому, занимавшему видное мѣсто при дворѣ покойнаго в. к. Василия: онъ былъ обвиненъ въ честолюбивыхъ замыслахъ и въ томъ, что будто бы отравилъ Василия Ивановича, и посаженъ подъ стражу, гдѣ вскорѣ и умеръ.

Огнорительно Москвы, Елена привела въ исполненіе намѣреніе в. к. Василия расширить городъ, такъ какъ народонаселеніе значительно увеличилось, и Кремль не могъ уже вмѣщать въ себѣ всѣхъ горожанъ, на случай осады. Елена велѣла выкопать глубокой ровъ отъ

*) На другомъ берегу Москвы-рѣки, прогивъ Кремля, находился дворъ и домъ боярина Берсена.

Неглинной вокруг посада, гдѣ были лавки, къ Москвѣ-рѣкѣ, черезъ Троицкую площадь и Васильевскій лугъ. Работа производилась всеми жителями безъ исключенія, кромѣ самыхъ знатныхъ лицъ, и по окончаніи ея митрополитъ Даніилъ совершилъ молебствіе съ крестнымъ ходомъ. Затѣмъ приступили къ закладкѣ каменныхъ стѣнъ и четырехъ башенъ съ воротами: Срѣтенскими (Никольскими), Троицкими (Ильинскими), Всесвятскими (Варварскими) и Козмодемьянскими на Великой улицѣ. Это укрѣпленіе получило названіе Китай-города, и называлось также и просто Городомъ, какъ и въ наши дни. Такъ какъ это была торговая часть города, то въ ней было приступлено къ постройкѣ каменныхъ лавокъ, которыхъ въ началѣ XVII вѣка уже было значительное число. Въ нихъ производилась торговля азіатскими и европейскими товарами, что подтверждается существующими до сихъ поръ названіями: Суровскаго и Панскаго рядовъ, Фряжскихъ погребовъ и т. п.

Еленѣ приписывается, по преданію, построеніе церкви Іоанна Предтечи, близъ Солянки, и основаніе при ней женскаго монастыря, получившаго названіе Ивановскаго. Въ 1812 г. монастырь этотъ сгорѣлъ и потомъ обращенъ въ приходскую церковь. Въ настоящее время онъ снова возстановленъ. Въ немъ была пострижена и заключена супруга Василія Ивановича Шуйскаго, и содержались и другія знаменитыя затворницы. Сюда ссылались также изъ Сыскаго Приказа, подъ видомъ сумасшедшихъ, разныя подозрительныя женщины и раскольницы.

Елена приказала перечекивать всѣ серебряныя деньги по новому образцу, вслѣдствіе различныхъ злоупотребленій, обнаруженныхъ еще въ послѣднее время царствованія Василія: монеты стали обрѣзывать, переливать и дѣлать подмѣси. Въ прежнее время изъ фунта серебра дѣлали пять рублей и двѣ гривны. А позднѣе въ обращеніи появились рубли уже настолько легкіе, что на фунтъ приходилось десять рублей. Многихъ уличенныхъ въ передѣлываніи денегъ казнили въ Москвѣ незадолго до кончины Василія. На прежнихъ деньгахъ изображался в. к. на конѣ съ мечемъ, а при новой чеканкѣ его изобразили съ копьемъ, отчего деньги стали называться копейными, а отсюда произошло названіе нашей копейки. Денежный дворъ находился близъ Яузскаго моста въ Денежной слободѣ, гдѣ теперь церковь Живоначальной Троицы въ Серебренникахъ.

Правленіе Елены продолжалось пять лѣтъ. 13-го Апрѣля 1538 г. она умерла, отравленная, какъ предполагають, боярами, и похоронена въ Вознесенскомъ монастырѣ.

Черезъ семь дней послѣ кончины Елены, Телепневъ-Оболенскій былъ схваченъ по приказанію боярина Василія Шуйскаго, ставшаго теперь по старшинству своему во главѣ боярской думы, и умеръ въ заключеніи отъ недостатка пищи и тяжести оковъ. Въ то же время

была схвачена и сестра его, Аграфена Челяднина, бывшая мамкой при великомъ князѣ, которой Василій Ивановичъ, умирая, приказывалъ беречь сына его, Ивана, «не отступая отъ него ни пяди».

Управленіе сосредоточилось теперь въ рукахъ бояръ, которые смѣняли одинъ другаго и ни мало не заботились о пользѣ государства. Главная же вина ихъ въ томъ, что они не заботились о воспитаніи великаго князя и дѣлали его часто свидѣтелемъ самыхъ ужасныхъ сценъ насилия и несправедливости. В. к. видѣлъ въ боярахъ его окружавшихъ людей, которые заботились только о своихъ выгодахъ. Онъ видѣлъ, какъ они преклонялись передъ нимъ, какъ передъ своимъ государемъ, въ торжественныхъ церемоніяхъ, при приѣмѣ посольствъ напр., и въ то же время не обращали на него никакого вниманія въ обыкновенное время. Онъ помнилъ, какъ они отняли у него послѣ смерти матери, не смотря на его слезы и мольбы, любимаго и близкаго ему человека, Телепнева и мамку Аграфену Челяднину. Онъ помнилъ, какъ въ недавнее время Шуйскіе, замѣтивъ расположеніе его къ Воронцову, схватили этого послѣдняго въ присутствіи его, в. к., и митрополита, и поволокли вонъ изъ дворца. В. к. послалъ митрополита просить ихъ, чтобы они не убивали Воронцова, и они ограничились ссылкой его въ Кострому. Самоуправство бояръ, если даже оно и не касалось людей особенно близкихъ в. к., все же оставляло сильное впечатлѣніе въ его душѣ и поселяло въ ней ненависть къ нимъ. Шуйскіе, напр., свергнувъ Ивана Бѣльскаго, который управлялъ нѣкоторое время государствомъ, и отправивъ его въ заточеніе на Бѣлоозеро, хотѣли схватить и главныхъ совѣтниковъ его, въ числѣ которыхъ былъ митрополитъ Іоасафъ. Разбуженный камнями, бросаемыми заговорщиками въ его келлію, митрополитъ искалъ спасенія во дворцѣ, въ спальнѣ в. к., но заговорщики ворвались туда вслѣдъ за нимъ, перепугавъ жестоко в. к. Это произошло за три часа до свѣту.

В. князь-ребенокъ видѣлъ, что бояре не правы, но еще не былъ въ силахъ съ ними бороться. Онъ сталъ изучать священную исторію, церковную и римскую, русскія лѣтописи, творенія свв. отцевъ, — и всюду находилъ доказательства, что власть по праву должна принадлежать ему, а не тѣмъ, которые незаконно пользовались ею. Читая «Просвѣтитель» Іосифа Волоколамскаго, который поучалъ, какъ быть твердымъ и безопаснымъ въ преслѣдованіи измѣнниковъ вѣры, онъ переносилъ тѣ же воззрѣнія и на крамольныхъ бояръ.

13-ти лѣтъ в. к. впервые заявилъ свою власть, приказавъ схватить перваго боярина, Андрея Шуйскаго, и отдать его псарямъ на убіеніе. Отдѣлавшись отъ Шуйскаго, в. к. успѣшилъ вернуть изъ ссылки Воронцова, который впрочемъ подвергся впослѣствіи его опалѣ, вмѣстѣ съ другими боярами.

Заявивъ такимъ образомъ свою власть, в. к. былъ еще слишкомъ

молодъ, чтобы заниматься государственными дѣлами. Во главѣ управленія стали Глинскіе, а в. к. еще нѣсколько лѣтъ держалъ себя въ сторонѣ отъ дѣлъ, и, не сдерживаемый ничьими совѣтами, велъ жизнь праздную и буйную. Онъ ѣздилъ часто на охоту и по монастырямъ, но не ради богомолья, но по выраженію лѣтописи «все гонялъ на мскахъ, а христіаномъ многи протори учинилъ».

На семнадцатомъ году в. к. вздумалъ жениться и сообщилъ объ этомъ митрополиту Макарію. Митрополитъ отслужилъ молебенъ въ Успенскомъ соборѣ и со всѣми боярами отправился во дворецъ. В. к. объявилъ имъ о своемъ намѣреніи и сказалъ, что передъ вступленіемъ въ бракъ желаетъ принять титулъ царя, и по древнему обычаю своихъ предковъ вѣнчаться на царство. 16-го Января 1547 г. произошло торжественное вѣнчаніе, совершенное митрополитомъ Макаріемъ, съ тѣми же обрядами, съ какими при Иванѣ III были вѣнчаны его внуки, Дмитрій. Въ то же время по всѣмъ областямъ были посланы грамоты, чтобы всѣ князья и бояре и дѣти боярскіе, имѣющіе взрослыхъ дочерей, прислали ихъ въ Москву, для выбора изъ нихъ невѣсты царю; а кто не повезетъ своей дочери, тотъ подвергнется опалѣ. Выборъ палъ на Анастасію, дочь окольного Романа Юрьевича Захарьина-Кошкина, и 3-го Февраля она была обвѣнчана съ Иваномъ Васильевичемъ.

Анастасія воспитывалась въ домѣ дѣда своего, боярина и воеводы Георгія Захарьевича Кошкина-Захарова, подъ руководствомъ тетки своей, Θεодосіи Юрьевны. Они были прихожанами церкви Георгія на Дмитровкѣ, за Житной площадкой, построенной, какъ предполагаютъ, Георгіемъ Захарьевичемъ. Впослѣдствіи дѣвица Θεодосія возобновила эту церковь и обратила родительскій домъ въ женскій монастырь, называвшійся Георгіевскимъ за Житною площадкою и находившійся рядомъ съ домомъ теперешняго дворянскаго собранія. Послѣ 1812 года этотъ монастырь былъ упраздненъ, а монахини переведены въ Страстной и др. монастыри. На мѣстѣ его находятся теперь 3 приходскія церкви: Великомученика Георгія, построеніе которой относится къ концу XVII или началу XVIII ст. Внутренность этого храма отличается правильностью размѣровъ и соотвѣтствіемъ частей. Въ ней погребены современники и сотрудники Петра Великаго: Зотовъ, его первый учитель, Ромодановскій и Головкинъ; церковь Казанскія Богородицы, и Захарія и Елизаветы, съ 1812 г. не освященная. Кромѣ того, въ немъ отведены квартиры для священнослужителей или соборянъ Московскихъ соборовъ: Благовѣщенскаго и Архангельскаго.

Женитьба не измѣнила образа жизни молодого царя. Въ Псковской лѣтописи разсказывается, какъ тѣми же лѣтомъ 70 Псковичей пріѣхали въ Москву «жаловаться на намѣстника на Турунтая, и оны

жалобщики били челомъ Государю на сельцѣ на Островкѣ*), и Государь опалился на Псковичъ сихъ, безчестоваль обливаючи виномъ горячимъ, палилъ бороды и волосы за свѣчу зажигаль, и повелѣлъ ихъ покласти нагихъ на земли; и въ ту пору на Москвѣ колоколь благовѣстникъ напрасно отпаде, и Государь поѣде къ Москвѣ, а жалобщиковъ не истеря».

Колоколь упалъ 3-го Іюня, а 21-го въ Москвѣ сдѣлался страшный пожаръ, какого еще никогда не бывало, начавшійся съ церкви Воздвиженя на Арбатѣ, теперешней Воздвиженкѣ. При сильномъ вѣтрѣ огонь распространился очень быстро вплоть до Москвы - рѣкѣ, у Семичевского сельца, гдѣ теперь церковь Успенія на Остоженкѣ. Отсюда онъ былъ занесенъ бурей въ Кремль, гдѣ загорѣлся Успенскій соборъ, царскій дворецъ, Казенный дворъ и Благовѣщенскій соборъ. В. к. съ супругою, братомъ и боярами вынужденъ былъ выѣхать въ село Воробьево. Митрополитъ Макарій едва не задохнулся отъ дыма въ Успенскомъ соборѣ, спасая образъ Богоматери, написанный св. митрополитомъ Петромъ. Икону Владимірской Божьей Матери хотѣли тоже вынести изъ церкви, но не могли сдвинуть ее съ мѣста, и потому оставили въ соборѣ; она не была повреждена огнемъ. Макарій ушелъ на городскую стѣну, но и тамъ задышался отъ дыма. Его стали спускать на веревкахъ съ тайника башни къ Москвѣ-рѣкѣ, но канатъ оборвался, митрополитъ упалъ и сильно расшибся при паденіи. Едва живаго его свезли въ Новоспасскій монастырь.

Въ Кремлѣ между тѣмъ сгорѣли всѣ почти дворцовыя зданія, Чудовъ и Вознесенскій монастыри, Оружейная палата съ оружіемъ, Постельная палата съ казною и дворъ митрополичій. Во многихъ каменныхъ церквяхъ сгорѣли иконостасы и имущества частныхъ людей, которое еще пряталось въ это время при церквяхъ.

Въ Китай-городѣ сгорѣли всѣ лавки съ товаромъ и всѣ дворы, большой посадъ на Неглинной и вся Рождественка до Никольскаго Драчевскаго монастыря, на мѣстѣ котораго теперь находится церковь св. Николая въ Драчахъ, каменная, построенная въ 1597 г., съ придѣломъ 9 мучениковъ. Время основанія Никольскаго Драчевскаго монастыря, а также и время уничтоженія его — неизвѣстны, но въ лѣтописяхъ уже въ XV в. упоминается о немъ. Урочище же Старое Драчевское городище было извѣстно съ перваго лѣтописнаго извѣстія о Москвѣ, въ XII вѣкѣ.

По Мясницкой пожаръ шелъ до церкви свв. Фрола и Лавра, по Покровкѣ до церкви св. Василія, теперь не существующей.

Народъ приписывалъ этотъ пожаръ волшебству, и, подбученный боярами, обвинялъ въ немъ Глинскихъ, бывшихъ въ приближеніи и

*) Противъ Угрѣшскаго монастыря, на противоположномъ берегу Москвы рѣки.

милости у царя. Князь Юрій Глинскій, услыхавъ объ этомъ, спрятался въ Успенскомъ соборѣ, въ придѣлѣ св. великомученика Дмитрія Селунскаго, но разъяренная толпа бросилась туда за нимъ, убила его противъ митрополичьяго мѣста и выволокла трупъ его на Ивановскую площадь въ Кремлѣ, гдѣ казнили обыкновенно преступниковъ. Домъ его былъ разграбленъ, а слуги перебиты.

Черезъ три дня послѣ убійства Юрія Глинскаго, толпы устремились на Воробьево, требуя отъ царя выдачи всѣхъ Глинскихъ. Царь велѣлъ схватить зачинщиковъ и казнить. Остальные разбѣжались.

Этимъ страшнымъ пожаромъ, казавшимся насланіемъ Божиимъ, воспользовался пресвитеръ Благовѣщенскаго собора, Сильвестръ, по происхожденію Новгородецъ, чтобы подѣйствовать на совѣсть царя. Онъ неожиданно явился къ нему, и, раскрывъ передъ нимъ книгу священнаго писанія, въ убѣдительной рѣчи изобразилъ муки, которыя ожидаютъ царя на томъ свѣтѣ за неразумное управленіе царствомъ. Вслѣдъ за этимъ онъ представилъ ему награды, какія ожидаютъ царей, исполняющихъ заповѣди Божіи и вызывался быть его руководителемъ, принимая на свою душу его грѣхи.

Слова Сильвестра сильно подѣйствовали на царя, онъ почувствовалъ въ нихъ какую-то сверхъестественную силу, и съ этой минуты весь предался своему новому наставнику. Помощникомъ и единомышленникомъ Сильвестра сдѣлался Алексѣй Адашевъ, еще юноша, бывшій въ приближеніи у царя. Сильвестръ и Адашевъ наполнили дворъ людьми, имъ преданными, готовыми дѣйствовать въ ихъ духѣ, — и общими усиліями удерживали молодого царя на пути добра. Не малой пособницей имъ въ этомъ отношеніи была царица Анастасія. Но они слишкомъ настойчиво держались своего собственнаго образа мыслей, требовали отъ царя полнаго нравственнаго подчиненія и не давали ему свободы дѣйствовать самостоятельно. Такого нравственнаго порабощенія не могла долго выдерживать сильная натура царя, и, послѣ десятилѣтняго подчиненія имъ, онъ освободился отъ ихъ вліянія съ чувствомъ ненависти къ нимъ въ душѣ.

Вернувшись въ Кремль, царь нѣсколько дней провелъ въ уединеніи, потомъ созвалъ святителей, покался передъ ними въ своихъ грѣхахъ и причастился св. Таинъ. Не довольствуясь этимъ, онъ захотѣлъ передъ всѣмъ народомъ излить свою душу, и для этого приказалъ созвать въ Москву выборныхъ отъ всей земли русской. Между тѣмъ въ Кремлѣ былъ отстроенъ по его приказанію Успенскій соборъ, пострадавшій отъ пожара, дворецъ и Грановитая палата, которая стала называться еще и Большой золотой палатой. Верхи Успенскаго собора были покрыты вызолоченными мѣдными листами, а мощи св. Петра митрополита, стоявшія во время передѣлки въ Чудовомъ монастырѣ, переложены изъ серебряной въ новую золотую раку. Позднѣе, во

время междуцарствія, рака эта равно какъ и серебряныя раки другихъ святителей, были разсѣчены Поляками на части и раздѣлены между собою.

Когда выборные съѣхались, царь, воспользовавшись первымъ воскреснымъ днемъ, вышелъ послѣ обѣдни на такъ называемое Лобное мѣсто, въ сопровожденіи духовенства, бояръ и воинской дружины, и сказалъ оттуда слѣдующую рѣчь, обращаясь къ митрополиту Макарію:

«Молю тебя, святой владыко! будь мнѣ помощникомъ и любви поборникомъ; знаю, что ты добрыхъ дѣлъ и любви желатель. Знаешь самъ, что я послѣ отца своего остался четырехъ лѣтъ, послѣ матери осьми; родственники о мнѣ небрегли, а сильные мои бояре и вельможи обо мнѣ не радѣли и самовластны были, сами себѣ саны и почести похитили моимъ именемъ, и во многихъ корыстяхъ, хищеніяхъ и обидахъ упражнялись, азъ же яко глухъ и не слышахъ и не имый въ устахъ моихъ обличенія, по молодости моей и безпомощности, а они властвовали. О неправедные лихоимцы и хищники и судьи неправедные! Какой теперь дадите намъ отвѣтъ, что многія слезы воздвигли на себя...? Я же чистъ отъ крови сей, ожидайте воздаянія своего».

Затѣмъ, поклонившись на всѣ стороны, царь продолжалъ рѣчь, обращаясь къ земскимъ выборнымъ и народу: «Люди Божіи и намъ дарованные Богомъ! молю вашу вѣру къ Богу и къ намъ любовь. Теперь намъ вашихъ обидъ, разореній и налоговъ исправить нельзя, вслѣдствіе продолжительнаго моего несовершеннолѣтія, пустоты и безпомощности, вслѣдствіе неправдъ бояръ моихъ и властей, безсудства неправеднаго, лихоимства и сребролюбія; молю васъ, оставьте другъ другу вражды и тягости, кромѣ развѣ очень большихъ дѣлъ: въ этихъ дѣлахъ и въ новыхъ я самъ буду вамъ, сколько возможно, судья и оборона, буду неправды разорять и похищенное возвращать».

Лобное мѣсто впервые упоминается при этомъ случаѣ въ нашей исторіи, и съ этихъ поръ оно дѣлается священнымъ мѣстомъ для народа, съ котораго цари говорили съ нимъ, *объявляли* или показывали своего наследника, когда ему исполнялось 16 лѣтъ, святители и патріархи преподавали благословеніе своей паствѣ въ день своего поставленія и т. д. На Лобномъ мѣстѣ совершались нѣкоторые церковные обряды, изъ которыхъ самымъ великолѣпнымъ было шествіе митрополита а въ послѣдствіи патріарха на ослати въ недѣлю Вай.

Лобное мѣсто находится на Красной площади, называвшейся прежде Лобною, на перекресткѣ четырехъ проѣздовъ: въ Кремль, чрезъ Спаскія ворота, къ Москворѣцкому мосту, къ Ильинскимъ и Воскресенскимъ, прежде Курятнымъ воротамъ. Встарину отъ всѣхъ этихъ воротъ вели мосты, которые и назывались по имени проѣздовъ. Народъ сте-

кался по призыву чрезъ эти мосты къ Лобному мѣсту изъ за-горья, изъ за-рѣчья и изъ слободъ.

Лобнымъ оно прозвано по имени того мѣста, холма у западныхъ воротъ Иерусалима, гдѣ былъ распятъ Спаситель, и гдѣ по преданію погребенъ первый человѣкъ, Адамъ. Холмъ въ Иерусалимѣ названъ Лобнымъ (Налобнымъ, Краніевымъ и Лысой горой), по виѣшнему сходству его съ человѣческимъ черепомъ.

Въ тотъ самый день, какъ царь сказалъ свою рѣчь къ народу съ Лобнаго мѣста, онъ пожаловалъ Алексѣя Адашева въ окольнічіе, велѣлъ ему принимать челобитныя, и, внимательно и безпристрастно разобравъ ихъ, приносить къ нему для рѣшенія.

Съ этихъ поръ начинается лучшая пора царствованія Ивана IV, въ которую было сдѣлано имъ много великаго.

Изъ дѣлъ внутренняго управленія замѣчательно новое изданіе Судебника, пересмотрѣнное и дополненное сообразно потребностямъ народа, съ приложеніемъ указа о мѣстничествѣ, которымъ запрещалось княжатамъ и дѣтямъ боярскимъ считаться на войнѣ родомъ съ воеводами. Затѣмъ царь созвалъ на земскій соборъ духовенство и лучшихъ выборныхъ людей изъ всей земли, и предоставилъ имъ на разсмотрѣніе и утвержденіе новый Судебникъ и Уставныя грамоты, сущность которыхъ была заимствована изъ Новгородскихъ и Псковскихъ законовъ. Этими грамотами предоставлялось городамъ и волостямъ избирать отъ себя старостъ и присяжныхъ, которые должны были судить дѣла вмѣстѣ съ намѣстниками и тѣнами. Соборъ имѣлъ свои засѣданія въ Кремлевскомъ дворцѣ и утвердилъ всѣ постановленія Судебника.

Послѣ этого царь предложилъ святителямъ заняться устройствомъ церковныхъ дѣлъ. Былъ созданъ Соборъ, который занялся исправленіемъ книгъ, обрядовъ и нравовъ духовенства, и еще многими другими церковными вопросами, намѣченными большею частію самимъ царемъ. По числу статей, имъ изданныхъ, Соборъ этотъ получилъ названіе *Стоглаваго*. Между прочимъ, на этомъ соборѣ было положено основать въ Москвѣ и по городамъ училища, въ которыхъ священники и дьяконы учили бы дѣтей грамотѣ и Закону Божію.

Около этого же времени, царь поручилъ Саксонцу Шлитту, поселившемуся въ Москвѣ и изучившему русскій языкъ, поѣхать въ Германію, чтобы пригласить оттуда въ Москву ремесленниковъ, художниковъ, врачей, аптекарей, типографщиковъ и т. д. Шлиттъ, отправившись съ этимъ порученіемъ въ Германію, испросилъ сперва разрѣшеніе императора Карла V, а потомъ сталъ подыскивать людей, ему нужныхъ. Болѣе 120 человѣкъ согласилось ѣхать съ нимъ. Но въ Любекѣ Шлиттъ былъ задержанъ и посаженъ въ темницу, по проискамъ Ливонскаго ордена и Ганзы. Спутники его разсѣялись, и только немногіе

изъ нихъ рѣшили, не откладывая своего намѣренія, пробраться тайнымъ образомъ въ Москву.

Изъ внѣшнихъ пріобрѣтеній, царствованіе Ивана IV славно взятіемъ Казани, Астрахани и западной Сибири.

Казань была уже взята нами при Иванѣ III, и цари ея были съ тѣхъ поръ нашими присяжниками. Но она часто отпадала опять, выбирала себѣ хановъ помимо Москвы, и войска бывали принуждены въ такихъ случаяхъ усмирять ее.

Въ молодѣтство Ивана IV было нѣсколько такихъ походовъ, съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ. Вступивши въ управленіе, царь два раза ходилъ на Казань, и въ одинъ изъ этихъ походовъ заложилъ городъ Свіязскъ при устьѣ Свіаги. Горное народонаселеніе, Черемисы, Чуваши и Мордва, жившіе по правой сторонѣ Волги, присягнуло послѣ этого Московскому царю, а вслѣдъ за нимъ Казань съ луговою стороною прислала бить Ивану Васильевичу челомъ, чтобы онъ далъ имъ царя, какого захочетъ. Онъ далъ имъ Шигъ-Алея въ цари, но горную сторону оставилъ за собою, присоединивъ ее къ Свіязску, какъ завоеванную имъ прежде челобитья, послѣ чего возвратился въ Москву. Но Казанцы не успокоились. Недовольные управленіемъ Шигъ-Алея, они вскорѣ снеслись съ Ногаями и посадили на его мѣсто Астраханскаго царевича Едигера, при чемъ горная сторона опять соединилась съ ними. Тогда царь принужденъ былъ выступить вторично противъ Казани. На пути онъ былъ задержанъ извѣстіемъ, что Крымскій ханъ идетъ на Москву. Царь остановился въ Коломнѣ и приготовился биться съ ханомъ. Въ то же время онъ узналъ, что Татары подступили къ Тулѣ, и послалъ туда князей Щенятева, Курбскаго, Пронскаго, Хилкова и Воротынскаго. Татары, сдѣлавъ неудачный приступъ къ Тулѣ, защищаемой княземъ Григоріемъ Темкинымъ, отступили. Ихъ догнали воеводы, посланные Иваномъ Васильевичемъ, и разбили на рѣчкѣ Шиворонѣ. Получивши эти успокоительныя вѣсти, царь продолжалъ свой путь на Казань. На Сурѣ его встрѣтили Свіязскіе воеводы, которые объявили ему, что вся горная сторона снова бьетъ ему челомъ. Дойдя до Свіязска, царь послалъ сказать Едигеру, чтобы Казанцы били ему челомъ, и онъ ихъ простить; но Едигеръ отвѣчалъ ругательствами. Послѣ этого Иванъ Васильевичъ перешелъ Волгу и Казанку и подступилъ къ городу съ 150,000 войска и 150 пушками. 23-го Августа, стоя на лугу противъ города, онъ велѣлъ развернуть свое знамя и отслужить подъ нимъ молебенъ. Затѣмъ онъ держалъ рѣчь къ своимъ воеводамъ, убѣждая ихъ постоять за вѣру Христову противъ безбожныхъ Казанцевъ. Началась осада. Казанцы защищались съ отчаянною храбростію, постоянно дѣлая вылазки, заходя въ тылъ осаждающимъ и сильно утомляя наши войска своими движеніями. Рѣшено было отнять у Казанцевъ воду и тѣмъ принудить ихъ сдаться.

Рѣка Казанка была уже отнята у нихъ, но они пользовались еще водою изъ тайника, или ключа на берегу рѣки, у Муралеевыхъ воротъ. Царь поручилъ размыслу (инженеру) взорвать этотъ тайникъ, и 4-го Сентября тайникъ былъ взорванъ. Дьякъ Иванъ Выродковъ поставилъ противъ воротъ города башню въ шесть саженой вышины, съ которой наши стрѣльцы палили по городу, побивая много народа. Въ то же время князь Михаилъ Воротынской придвинулъ нѣсколько туровъ къ самому рву. Казанцы продолжали защищаться отчаянно. Наконецъ, на 2-е Октября былъ назначенъ общій приступъ, наканунѣ котораго войскамъ велѣно было исповѣдаться и причаститься. Размыслъ сдѣлалъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ подкопы подъ городъ, заложилъ туда порохъ, и, передъ самымъ началомъ приступа, взорвалъ стѣны на воздухъ. Послѣ этого войска пошли на приступъ. Татары все еще продолжали сопротивляться. Выгнанные отовсюду они затворились въ мечети, а Едигеръ на своемъ дворѣ, и продолжали обороняться. Наконецъ, видя невозможность сопротивленія, Татары закричали, что хотятъ вступить въ переговоры. «Мы бились, сказали они, пока стоялъ юртъ и главное мѣсто, на которомъ былъ царскій престолъ: теперь отдаемъ вамъ своего царя живымъ, ведите его къ своему царю: а мы выйдемъ на широкое поле испить съ вами послѣднюю чашу!» Въ числѣ 6,000 человекъ они побросали часть своего оружія и вплавъ переплыли рѣку Казанку. Князья Курбскіе, два брата, напали было на нихъ, но были смяты, и только князьямъ Микулинскому, Глинскому и Шереметеву удалось сладить съ храбрецами, уложивъ ихъ почти всѣхъ на мѣстѣ. Немногіе, и то раненные, ушли въ лѣсъ.

Послѣ взятія Казани царь велѣлъ служить молебнъ подъ городомъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ стояло его знамя, а потомъ собственноручно водрузилъ на этомъ мѣстѣ крестъ и велѣлъ поставить церковь во имя Нерукотвореннаго образа Спаса. Послѣ этого онъ въѣхалъ въ городъ по улицѣ, очищенной отъ труповъ, ведущей отъ Муралеевыхъ воротъ къ царскому дворцу. Его привѣтствовали русскіе плѣнники, томившіеся въ Татарскомъ плѣну и теперь выпущенные на свободу. Царь отдалъ войску всѣхъ плѣнныхъ Татаръ, женщинъ и дѣтей, и всѣ сокровища, найденныя въ Казани, а себѣ взялъ только царя Едигера. Народцы, жившіе по лѣвой сторонѣ Волги, или Арскіе люди и луговая Черемиса, прислали челобитья Московскому царю и обязались платить ему тотъ самый ясакъ, который платили прежнимъ царямъ Казанскимъ. 4-го Октября Иванъ Васильевичъ вторично въѣхалъ въ городъ, уже очищенный на этотъ разъ отъ труповъ, и, выбравши удобное мѣсто среди города, водрузилъ въ землю крестъ и заложилъ церковь во имя Благовѣщенія. 11-го Октября онъ поѣхалъ въ обратный путь, оставивъ въ Казани намѣстниками большаго боярина князя Александра Борисовича Горбатаго и боярина князя Василя Семеновича Серебрянаго. На воз-

вратномъ пути народъ всюду радостно встрѣчалъ царя, какъ побѣдителя варваровъ и избавителя христіанъ. Въ Судогдѣ онъ былъ встрѣченъ бояриномъ Василиемъ Юрьевичемъ Траханиота съ извѣстіемъ, что у Анастасіи родился сынъ, Дмитрій. Царь такъ обрадовался этому извѣстію, что спрыгнулъ съ лошади, обнялъ Траханиота, и, не зная, чѣмъ наградить его лучше, отдалъ ему одежду съ себя и коня, на которомъ ѣхалъ.

Когда царь подъѣзжалъ къ Москвѣ, то густыя толпы народа встрѣтили его еще у береговъ Яузы, гдѣ теперь село Ростокино. Далѣе толпы еще болѣе увеличались. Народъ цѣловалъ государю руки, ноги, и оглашалъ воздухъ радостными криками. У Срѣтенскаго монастыря встрѣтилъ его митрополитъ Макарій съ крестами, и царь, приложившись къ нимъ, сказалъ митрополиту рѣчь, приписывая свою побѣду его молитвамъ. Митрополитъ отвѣчалъ тоже рѣчью, прославляя милость Бога и подвиги царя. Послѣ этого Иванъ Васильевичъ снялъ съ себя оружіе, и, одѣвшись въ царскія одежды, и шапку Мономаха, пошелъ пѣшкомъ въ Успенскій соборъ, гдѣ былъ отслуженъ молебенъ, оттуда въ Архангельскій, чтобы поклониться праху своихъ предковъ, и тогда уже во дворецъ, гдѣ его ожидала Анастасія съ новорожденнымъ сыномъ Дмитріемъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ своего возвращенія, царь сдѣлалъ пиръ въ Грановитой палатѣ, продолжавшійся три дня, къ которому было приглашено знатнѣйшее духовенство, бояре и избранные люди. Царь роздалъ богатые подарки своимъ сподвижникамъ вотчинами, помѣстьями, кормленіями, и, кромѣ того, деньгами, платьемъ, сосудами, доспѣхами, конями. Стоимость всѣхъ розданныхъ подарковъ доходила до 48,000 рублей, или около милліона нынѣшнихъ.

Въ воспоминаніе взятія Казани, царь заложилъ въ 1554 г. храмъ Покрова Божьей Матери, о девяти куполахъ, на мѣстѣ сломанной деревянной церкви во имя св. Троицы, близъ которой былъ похороненъ Василій Блаженный, скончавшійся 2-го Августа 1552 г. Кто былъ зодчимъ храма Покрова, неизвѣстно. Но несомнѣнно, что онъ былъ великій художникъ, и, судя по приемамъ, русскій. Онъ задался мыслию наглядно изобразить въ архитектурѣ зданія праздникъ Покрова, какъ онъ принятъ нашею православною церковью, и какъ онъ описанъ въ Четьи-Минеи митрополита Макарія.

Въ словѣ на Покровъ, приложенномъ къ Четьи-Минеи, говорится: «столпъ Давидовъ бѣ прообразованіемъ пресвятой Богородицы». То же говорится въ Пѣснѣ Пѣсней, гдѣ Божія Матерь уподобляется столпу Давидову (гл. 4, ст. 4.). Это дало мысль художнику сдѣлать главный, самый высокій куполь, ввидѣ столпа, какъ бы символомъ Божьей Матери, и окружить его снаружи другими куполами, а внутри придѣлами, изображающими пророковъ и апостоловъ, среди которыхъ Богоматерь явилась святому Андрею, стоя на воздухѣ, и покрывая людей молніе-

носнымъ омофоромъ, снятымъ съ ея главы. Средній столпъ, стоящій отдѣльно, соединяется съ окружающими его придѣлами сводомъ, изображающимъ омофоръ Богоматери. Наружный видъ этого храма измѣнился послѣ того, какъ къ нему были сдѣланы позднѣе пристройки и отлогія длинныя крыльца, въ XVIII в., но все же мысль, руководившая строителемъ-художникомъ, видна и теперь. Храмъ этотъ имѣетъ въ настоящее время 11 придѣловъ и въ праздникъ Покрова во всѣхъ этихъ придѣлахъ одновременно идетъ служба. Зданіе такъ искусно построено, что изъ одного придѣла въ другой не долетаетъ ни одного звука. При Ѳеодорѣ Ивановичѣ, въ 1588 г., къ Покровскому собору была пристроена съ сѣверо-восточной стороны церковь во имя Василия Блаженнаго, по случаю чудесъ, бывшихъ у его мощей, и съ тѣхъ поръ Покровскій соборъ сталъ называться церковью Василия Блаженнаго.

Василій Блаженный родился близъ Москвы въ 1464 г. и скончался 2-го Августа 1552 г. Кто были его родители—неизвѣстно, но они были бѣдны, и звали ихъ, по преданію, Іаковомъ и Анною. Василій былъ отданъ ими въ ученіе къ одному сапожному мастеру, у котораго онъ охотно и прилежно занимался работой, соединяя труды свои съ молитвою, богомысліемъ и другими духовными подвигами. Съ раннихъ лѣтъ онъ удостоился отъ Бога дара прозорливости, который обнаружился при слѣдующемъ случаѣ. Однажды замѣтили, что Василій усмѣхается и спросили причину его смѣха. «Мнѣ странно показалось, отвѣчалъ онъ, что посадскій человекъ заказывалъ себѣ сапоги на нѣсколько лѣтъ, а завтра онъ умретъ». Предсказаніе его сбылось.

Шестнадцати лѣтъ Василій ушелъ отъ хозяина, и сталъ о Христѣ юродивымъ. Онъ снялъ съ себя всякую одежду и ходилъ нагимъ зимою и лѣтомъ, изнуряя при этомъ свое тѣло постомъ и молитвою. Богъ вскорѣ прославилъ его разными чудными знаменіями, и когда онъ ходилъ ночью по церквамъ молиться, то двери церковныя сами собою передъ нимъ отворялись. Предъ нашествіемъ Махметъ-Гирея, онъ пришелъ ночью къ соборной церкви Богоматери и долго стоялъ предъ святыми вратами, творя молитву. Стоявшіе подлѣ него слышали въ это время великій шумъ внутри церкви, видѣли страшное пламя, выходившее изъ оконъ, и слышали голосъ отъ чудотворной иконы Владимірской Божьей Матери, обличавшій Москвитянъ въ нечестіи. Но блаженный продолжалъ усиленно молиться, и все затѣмъ смолкло, и пламень угасъ.

То же было и предъ страшнымъ пожаромъ 21-го Іюня 1547 г. Блаженный пришелъ въ монастырь Воздвиженья честнаго креста (*), что на Островѣ, сталъ передъ дверьми церкви, и, глядя на нее, долго творилъ молитву и горько плакалъ. Видя это, многіе дивились, что

*) На теперешней улицѣ Воздвиженкѣ, гдѣ находится церковь Воздвиженія.

бы значили его слезы, но поняли причину ихъ только на другой день, когда сдѣлался страшный пожаръ, какого никогда еще не бывало прежде.

Слава о добродѣтеляхъ блаженнаго Василия дошла до святителя Макарія и до царя Ивана Васильевича. Однажды въ день тезоименитства царскаго блаженный былъ приглашенъ въ его палаты. Тамъ ему предложили заздравную чашу, которую онъ три раза выливалъ за окно. Царь прогнѣвался на это, но блаженный сказалъ ему: «Престань отъ гнѣва твоего, о царь, и вѣдай, что изліяніемъ сего питія, угасилъ я пламя, объявшее Новгородъ». Съ этими словами блаженный устремился вонъ изъ царскихъ палатъ съ такою быстротой, что погнавшіеся за нимъ люди не могли его догнать. Блаженный, достигнувъ Москвырки, пошелъ по водѣ, какъ по суху, и вскорѣ сталъ невидимъ. Въ тотъ самый день и часъ, какъ это случилось, въ Новгородѣ былъ дѣйствительно пожаръ, и Новгородцы видѣли, какъ какой-то нагой человѣкъ, съ водоносомъ въ рукахъ, заливалъ пламя, и оно вслѣдствіе этого погасло. Спустя нѣсколько времени случилось нѣкоторыхъ Новгородцамъ быть въ Москвѣ. Они увидали у Варварскихъ воротъ святаго Василия, и признали въ немъ того же самаго человѣка, который потушилъ пожаръ въ Новгородѣ.

Царь Иванъ Васильвичъ возимѣлъ мысль построить себѣ дворецъ на Воробьевыхъ горахъ. Однажды въ праздничный день онъ стоялъ въ церкви у обѣдни. Туда же пришелъ и Василій, но сталъ въ углу, чтобы царь его не видалъ. По окончаніи божественной службы, блаженный пошелъ влѣдъ за царемъ въ его палаты. Царь спросилъ его, гдѣ онъ былъ во время обѣдни? «Тамъ же, гдѣ и ты», отвѣчалъ блаженный. Царь удивился, почему же онъ не видѣлъ его. «Я видѣлъ тебя, возразилъ блаженный, и даже тамъ, гдѣ ты истинно былъ въ храмѣ, и въ иномъ мѣстѣ». Нигдѣ не былъ я, какъ только въ храмѣ, сказалъ царь. «Нѣтъ я видѣлъ тебя мысленно ходящимъ по Воробьевымъ горамъ и строящимъ свой дворецъ». Царь смутился при этомъ и сказалъ: такъ истинно было со мною.

Имя блаженнаго было очень чтимо въ народѣ, и къ нему обращались еще при жизни его издалека съ молитвою о помощи. Случилось, напримѣръ, одному персидскому кораблю плыть по Каспійскому морю. Вдругъ поднялся вѣтеръ, и волны стали заливать корабль. Между Персіянами, бывшими на кораблѣ, находилось нѣсколько православныхъ христіанъ, которые сказали невѣрнымъ: у насъ есть въ Москвѣ блаженный Василій, который ходитъ по водамъ, и волны его слушаютъ. Онъ имѣетъ великое дерзновеніе ко Христу Богу нашему, и силенъ избавить отъ потопленія корабль нашъ, погружаемый волнами, и спасти насъ. Едва они успѣли выговорить эти слова, какъ увидали на водѣ обнаженнаго мужа, который взялся за руль корабля и сталъ направлять

его среди волнъ. Вскорѣ волненіе утихло, и корабль спасся отъ грозившей ему гибели. Возвратившись въ свою землю, Персіане рассказали своему хану о случившемся съ ними, а тотъ сообщилъ объ этомъ царю Ивану Васильевичу. Позднѣе нѣкоторые изъ Персіанъ, бывшихъ на этомъ кораблѣ, пріѣзжали по торговымъ дѣламъ въ Москву, и, увидавъ тамъ Василия блаженнаго, признали въ немъ того самаго человека, который спасъ ихъ корабль.

Въ Москвѣ блаженный нѣсколько разъ проявлялъ свою чудодѣйственную силу, и вотъ еще нѣсколько рассказовъ изъ его жизни:

Жилъ одинъ бояринъ, который очень любилъ Василия, и блаженный часто его навѣщалъ. Однажды онъ пришелъ къ нему въ жестокой морозъ, и бояринъ сталъ уговаривать его надѣть на себя что нибудь теплое. «Истинно ли ты этого желаешь, спросилъ его Василий?» «Истинно желаю, отвѣчалъ бояринъ, чтобы ты облекся въ мои одежды, потому что люблю тебя отъ всего сердца». Блаженный улыбнулся, и сказалъ: «Добро, господинъ мой, дѣлай, какъ хочешь, ибо и я тебя люблю». Тогда бояринъ досталъ свою собственную лисью шубу, покрытую краснымъ сукномъ, и надѣлъ ее на Василия, который сейчасъ же вышелъ въ ней на улицу. Тамъ увидѣли его злые люди, и чтобы выпросить у него шубу, придумали слѣдующій обманъ: одинъ изъ нихъ легъ на дорогѣ и представился мертвымъ, другіе же приблизились къ Василию и стали просить у него милостыни на погребеніе товарища, только что умершаго. Василий глубоко вздохнулъ и спросилъ: «Истинно ли онъ умеръ и давно ли?» Они отвѣчали, что только что. Тогда Василий снялъ съ себя шубу и покрылъ ею мнимоумершаго съ словами: «Писано въ псалмѣхъ: лукавнующіе потребятся». Какъ только отошелъ блаженный, товарищи стали будить мнимаго мертваго, думая, что онъ заснулъ. Но онъ спалъ уже вѣчнымъ сномъ.

Случилось однажды блаженному идти по торжищу, гдѣ сидѣли женщины-торговки. Они посмѣялись его наготѣ, и въ ту же минуту ослѣпли. Одна изъ нихъ тотчасъ же бросилась вслѣдъ за Василиемъ, припала къ ногамъ его и просила простить ее. Блаженный отвѣтилъ: «прозришь, если исправишься». При этомъ онъ дунулъ ей въ глаза, и она прозрѣла. Послѣ этого она стала умолять его исцѣлить и остальныхъ ея подругъ. Блаженный вернулся съ ней на площадь и всѣмъ возвратилъ зрѣніе.

Когда Василий проходилъ мимо дома, въ которомъ раздавалось молебное пѣніе, или читалось божественное писаніе, или бесѣдовали о Богѣ, то онъ собиралъ камни и съ улыбкою бросалъ ихъ въ углы этого дома. Когда его спрашивали, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ, онъ отвѣчалъ: «Отгоняю бѣсовъ, которымъ нѣтъ мѣста въ этомъ домѣ, чтобы и внѣ его не прилѣплялись, и мысленно благодарю владыку дома, что не даетъ имъ у себя мѣста».

Когда же онъ проходилъ мимо дома, въ которомъ пили вино, или пѣли безстыдныя пѣсни, или плясали, то онъ обнималъ углы дома, и когда его спрашивали, для чего онъ это дѣлаетъ, онъ отвѣчалъ: «Неподобающее христіанамъ творится въ этомъ домѣ. Спаситель повелѣлъ намъ непрестанно молиться, да не ввидемъ въ напасть, а не суетными дѣлами утѣшаться. Домъ сей изгоняетъ отъ себя блустителей своихъ, Ангеловъ святыхъ, приставленныхъ къ намъ отъ купѣли, ибо не терпятъ они такихъ непотребныхъ дѣяній, и, не находя себѣ мѣста въ домѣ, сидятъ на углахъ, скорбные и унылые. Вотъ почему я привѣтствую ихъ со слезами, а вы думаете, что я цѣлую углы. Я просилъ ихъ, чтобы они умолили Господа о тѣхъ людяхъ, къ которымъ они были приставлены, да спасутся».

Многіе лѣта подвизался блаженный въ своихъ подвигахъ, томя себя голодомъ, жаждою, холодомъ и зноемъ, распиная плоть свою, какъ истинный рабъ Христовъ. Когда же, по волѣ Божіей, приблизился его конецъ, онъ занемогъ, но болѣлъ недолго. Царь Иванъ Васильевичъ, услыхавъ о его болѣзни, пришелъ къ нему съ супругой своей, Анастасіей, и сыновьями, Иваномъ и Ѳедоромъ, чтобы принять его благословіе. Блаженный пророчески обратился къ Ѳедору съ словами: «Все прародителей твоихъ будетъ твоимъ, и будешь имъ наслѣдникъ». Необычайная радость осіяла лице блаженнаго въ послѣднюю минуту его жизни, какъ будто онъ увидалъ пришедшихъ къ нему Ангеловъ Божіихъ, и предалъ имъ въ руки свою праведную душу.

Чудное благовоніе распространилось отъ тѣла святаго, и весь городъ собрался на его погребеніе. Царь и князья вынесли его на своихъ рукахъ въ церковь, а митрополитъ Макарій совершилъ погребеніе. Блаженный былъ положенъ близъ малой церкви Святыхъ Троицы, на мѣстѣ, гдѣ воздвигнуть былъ впоследствии упомянутый выше — Покровский соборъ.

Взятіе Казани было ознаменовано еще другимъ церковнымъ торжествомъ: бывшій Казанскій царь, Едигеръ, принялъ христіанство. Онъ былъ крещенъ на Москвѣ-рѣкѣ, въ присутствіи царя, бояръ и народа, а воспріемникомъ его былъ митрополитъ Макарій. Едигеръ, въ крещеніи Симеонъ, сохранилъ титулъ царя, женился на русской, дочери знатнаго боярина Андрея Кутузова, и до конца своей жизни жилъ въ Москвѣ, гдѣ имѣлъ отдѣльный большой домъ въ Кремлѣ. Онъ былъ похороненъ въ Чудовомъ монастырѣ. Одновременно съ Симеономъ былъ крещенъ въ Чудовѣ монастырѣ другой татарскій цевевичъ, младенецъ Утемитъ-Гирей.

Для Казани была учреждена особая епархія, и первымъ архіепископомъ Казанскимъ и Свѣяжскимъ былъ назначенъ Гурій. Отъѣздъ его въ Казань совершился съ особеннымъ торжествомъ: митрополитъ Макарій отслужилъ молебенъ въ Успенскомъ соборѣ, въ сослуженіи Гурія

и проч. духовенства, съ водоосвященіемъ надъ мощами. Послѣ этого все духовенство съ крестами, Евангеліемъ и иконами провожало Гурія до Фроловскаго моста, а за нимъ шелъ царь съ братьями, князьями, боярами и множествомъ народа. Передъ Спасскими воротами отслужили вторично молебень, и затѣмъ царь и митрополитъ простились съ Гуріемъ.

Но въ Казани не было еще водворено спокойствіе: черезъ два мѣсяца послѣ возвращенія Ивана Васильевича въ Москву, тамъ снова начались волненія. Въ то же самое время царь вдругъ занемогъ. Дьякъ царскій, Михайловъ, видя, что онъ еще въ памяти, посовѣтовалъ ему написать духовную. Царь спокойно выслушалъ этотъ совѣтъ и тотчасъ же велѣлъ писать духовную, назначая своимъ преемникомъ сына, Дмитрія. Собрали всѣхъ бояръ, чтобы они присягнули младенцу Дмитрію, но многіе изъ нихъ воспротивились принятію присяги. Тогда царь призвалъ ихъ къ себѣ и спросилъ, кого же они хотятъ имѣть послѣ него царемъ? Федоръ Адашевъ, отецъ любимца государева, отвѣчалъ, что они рады бы повиноваться сыну его, но онъ еще младенецъ, подъ его именемъ будутъ властвовать Захарьины-Юрьевы, и наступятъ снова тѣ же бѣдствія, какія испытывались въ малолѣтство его, государя. Царь ничего не отвѣчалъ, но сопротивленіе бояръ его волѣ въ то время какъ онъ былъ на краю могилы произвело на него тяжелое впечатлѣніе и показало ему, что онъ не можетъ на нихъ полагаться. Вечеромъ того же дня донесли ему, что нѣкоторые бояре, и въ томъ числѣ Алексѣй Адашевъ, присягнули сыну его, а другіе во дворцѣ и на площади восхваляютъ достоинства двоюроднаго брата его, князя Владиміра Андреевича, и хотятъ его царемъ въ случаѣ смерти Ивана Васильевича. Царь призвалъ къ себѣ князя Владиміра Андреевича и предложилъ ему принять присягу. Князь отказался. Мало того, — чтобы привлечь къ себѣ большее число приверженцевъ, князь Владиміръ Андреевичъ и мать его, Евфросинія, стали собирать у себя въ домѣ дѣтей боярскихъ и раздавать имъ деньги. Бояре, оставшіеся вѣрными Ивану Васильевичу, не хотѣли послѣ этого допускать его къ больному царю. Но за него заступился Сильвестръ и тѣмъ навлекъ на себя подозрѣніе, что и онъ на сторонѣ князя Владиміра Андреевича. Больной царь еще разъ собралъ у себя всѣхъ бояръ и снова предложилъ имъ присягнуть его сыну. На этотъ разъ они присягнули, а вмѣстѣ съ ними и князь Владиміръ Андреевичъ. Между тѣмъ больной царь, доведенный до крайняго утомленія всѣмъ происходившимъ вокругъ него, впалъ въ глубокой сонъ. Долго проспалъ онъ, и сонъ этотъ былъ его спасеніемъ: сверхъ всякаго ожиданія, царь сталъ поправляться. Наружнымъ образомъ онъ не выказалъ по выздоровленіи своемъ никакого озлобленія противъ бояръ, пожаловалъ даже Федору Адашеву, смѣлѣе другихъ противившемуся

его волѣ, санъ боярина. Сильвестръ и Алексѣй Адашевъ остались, казалось, въ прежней силѣ. Но внутренно царь затаилъ противъ нихъ сильное неудовольствіе, что вскорѣ и обнаружилось. Его неудовольствіе раздѣлялось и Анастасіей, которая была прежде пособницей Сильвестра и Адашева, а теперь отдалилась отъ нихъ вслѣдствіе того, что во время болѣзни царя они не стояли за ея сына, а держали сторону князя Владиміра Андреевича.

Оправившись отъ болѣзни, царь поѣхалъ съ женою и сыномъ въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь на богомолье. По дорогѣ онъ заѣхалъ въ Троицкій монастырь, гдѣ посѣтилъ знаменитаго Максима Грека, освобожденнаго по его повелѣнію изъ заключенія и жившаго въ Троицкомъ монастырѣ. Максимъ Грекъ сталъ отговаривать государя ѣхать въ Бѣлозерскій монастырь, говоря, что молиться вездѣ можно, а лучше бы онъ занялся устройствомъ семей воиновъ, павшихъ подъ Казанью. Когда же царь выразилъ непремѣнное желаніе продолжать путь, то Максимъ прибѣгнулъ даже къ угрозѣ, и велѣлъ сказать ему черезъ Курбскаго, Адашева и еще двоихъ бояръ, что если онъ не послушаетъ его, то лишится сына.

Настойчивость Максима показала странною Ивану Васильевичу и подозрительною, потому что онъ зналъ его какъ сторонника бояръ. Поэтому онъ и рѣшился продолжать путь.

Дорогою маленькій сынъ государя, Дмитрій, дѣйствительно умеръ. Но самымъ важнымъ и самымъ печальнымъ слѣдствіемъ этой поѣздки, которое вѣроятно и предвидѣли руководители царя, было то, что онъ увидѣлся въ Николо-Пѣшиношскомъ монастырѣ *), на берегу Яхромы, съ бывшимъ епископомъ Коломенскимъ, Вассіаномъ Топорковымъ. Въ княженіе отца государя, Василія Ивановича, Вассіанъ пользовался особенною его милостію и былъ его ревностнымъ приверженцемъ и другомъ. Онъ поддерживалъ стремленіе великаго князя дѣйствовать самостоятельно, не стѣсняясь мнѣніями бояръ и не спрашивая ихъ совѣтовъ, и этимъ, конечно, навлекъ на себя ненависть этихъ послѣднихъ. По смерти правительницы, Елены, Иванъ Шуйскій и его сторука свергли съ престола митрополита Даниила, а Вассіана заточили въ Пѣшиношскій монастырь.

Царь пожелалъ видѣться съ бывшимъ любимцемъ своего отца, и спросилъ у него, какъ лучше править государствомъ? «Не имѣй совѣтниковъ мудрѣ себя», отвѣчалъ ему на ухо Вассіанъ. Слова эти произвели такое сильное впечатлѣніе на государя, что онъ схватилъ

*) Этотъ монастырь, основанный въ 1361 г. преподобнымъ Меѳодіемъ, ученикомъ преподобнаго Сергія, существуетъ и нынѣ, въ Дмитровскомъ уѣздѣ. Названіе Пѣшиношскаго этого монастыря получилъ оттого, что преподобный Меѳодій, устроивая обитель, «пѣшь» носилъ на себѣ деревья черезъ рѣчку, которая также получила названіе Пѣшиноши.

руку Вассіана, и, поцѣловавъ ее, воскликнулъ: Самъ отецъ мой не далъ бы мнѣ лучшаго совѣта. Это свиданіе съ Топорковымъ, въ связи съ поведеніемъ бояръ во время болѣзни государя, имѣли пагубное вліяніе на его характеръ и произвели послѣдовавшую затѣмъ перемѣну въ его образѣ дѣйствій. Отъ природы страстный и въ высшей степени впечатлительный, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ не обладалъ твердымъ, выработаннымъ характеромъ, и, при удовлетвореніи своихъ страстей, легко поддавался совѣтамъ злыхъ людей.

Вернувшись изъ своей поѣздки, царь не сейчасъ еще выказалъ перемѣну своихъ мыслей. Въ скоромъ времени онъ былъ обрадованъ рожденіемъ другаго сына, Ивана, и тогда же написалъ завѣщаніе, въ которомъ назначалъ его своимъ преемникомъ подъ опекой своего двоюроднаго брата, Владиміра Андреевича. Въ случаѣ же смерти царевича Ивана, онъ даже прямо назначалъ князя Владиміра Андреевича наслѣдникомъ трона.

Послѣ этого царь занялся государственными дѣлами. Необходимо было принять рѣшительныя мѣры для усмиренія Казани, гдѣ продолжались волненія. 10-го Марта 1553 г. Горбатый писалъ, что луговые люди измѣнили, побили казаковъ и стрѣльцовъ, посланныхъ противъ нихъ, построили городъ Мешу въ 70 верстахъ отъ Казани и засѣли въ немъ. Подъ Свіяжскомъ русскія войска были разбиты, и бояринъ Салтыковъ взятъ въ плѣнъ. Царь послалъ Даніила Федоровича Адашева, брата Алексѣя, съ дѣтьми боярскими и Вятчанами усмирять Татаръ на Камѣ. Затѣмъ въ Сентябрѣ отправилъ въ Казань князя Семена Микулинскаго, Петра Морозова, Ивана Шереметева и князя Андрея Курбскаго съ сильнымъ войскомъ. Они сожгли городъ Мешу, выстроенный мятежниками и усмирили горныхъ Татаръ. Тогда возстали луговые. Подобныя возстанія повторялись въ продолженіи пяти лѣтъ послѣ взятія Казани. Въ этой борьбѣ принимали дѣятельное участіе Ногаи, которые до того не имѣли еще враждебныхъ столкновеній съ Москвою. Московскіе князья поддерживали съ ними дружественныя сношенія и посылали имъ подарки, чтобы отвлечь ихъ отъ вмѣшательства въ казанскія и крымскія дѣла. Послы и купцы Ногайскіе пріѣзжали въ Москву, приводя съ собой табуны лошадей для продажи, и раскидывали обыкновенно свой станъ около Симонова монастыря. Случалось, что они увлекались своими хищническими привычками и разбойничали по окрестнымъ деревнямъ, на что московское правительство жаловалось Ногайскимъ князьямъ, и все это мирно улаживалось. Во враждебныя же отношенія къ Москвѣ Ногаи перешли благодаря подстрекательству Турецкаго султана и Крымскаго хана, которые увѣщевали ихъ стоять за свою вѣру, и совокупно со всѣми магометанами, не давать усиливаться Москвѣ. Ногаи стали вслѣдствіе этого поддерживать Казанскихъ хановъ. Когда же Казань пала,

то князья ихъ опять раздѣлились: одни стояли за Москву, другіе за султана. Въ Октябрѣ 1553 г. Ногайскій князь Измаиль прислалъ къ Ивану Васильевичу пословъ, предлагая ему отправить Московскія войска на Астрахань и посадить тамъ своимъ присяжникомъ родственника Измаила, Дербышъ-Алея, на мѣсто Ямчургея, притѣснявшаго Ногаевъ. Измаиль предлагалъ государю послать войска свои на судахъ, а самъ хотѣлъ идти на помощь имъ сухимъ путемъ. Царь охотно принялъ это предложеніе. Астрахань была въ это время большимъ и многолюднымъ городомъ, куда стекалось для торговли множество купцовъ изъ Персіи, Аравіи, Индіи, Арменіи, Шемахи и Турціи. Изъ Арменіи привозили въ Астрахань жемчугъ, бирюзу и дорогія кожи, изъ Шемахи, Персіи и Турціи — золотыя ткани, цѣнные ковры, разнаго рода шедковыя издѣлія и драгоценности, изъ Аравіи — пряности. Поводомъ къ войнѣ съ Астраханью царь выставилъ то, что Ямчургей прислалъ къ нему пословъ бить челомъ, а потомъ измѣнилъ и ограбилъ царскаго посла.

Покореніе Астрахани совершилось безъ большаго труда. Призвавъ Дербышъ-Алея изъ Ногайскихъ улусовъ, царь послалъ съ нимъ весною 1554 г. 30,000 войска, подъ начальствомъ Юрія Ивановича Пронскаго-Шемакина. Войска поплыли Волгою на судахъ. Изъ Переволока, мѣстечка между Волгою и Дономъ, Пронскій послалъ впередъ себя Александра Вяземскаго и Данилу Чулкова съ казаками. Они встрѣтили Астраханцевъ выше Чернаго Острова и разбили ихъ на голову, такъ что ни одинъ челоуѣкъ изъ нихъ не спасся. Пронскій поспѣшилъ послѣ этого къ Астрахани и занялъ крѣпость безъ сопротивленія, потому что защитники ея разбѣжались. Князь Вяземскій хотѣлъ сразиться съ Ямчургеемъ, но не могъ настичь его: онъ убѣжалъ въ Азовъ съ 20-ю воинами. Остальные всѣ разбѣжались еще прежде, покинувъ въ своемъ станѣ много пушекъ и пищалей. Жены и дѣти Ямчургея были перехвачены. 7-го Іюля, наконецъ, русскія войска настигнули толпу Астраханцевъ, спасавшихся бѣгствомъ, взяли ихъ въ плѣнъ и привели въ Астрахань, гдѣ они обѣщались служить Дербышу и быть данниками Московскаго царя. Послѣ этого стали приходиться и другія толпы Астраханцевъ. Московскіе воеводы принимали ихъ съ условіемъ, чтобы они выдали всѣхъ русскихъ невольниковъ, бывшихъ у нихъ въ плѣну и признали бы своимъ царемъ Дербышъ-Алея. Этому же послѣдняго Пронскій обязалъ платить Московскому царю 40,000 алтынъ въ годъ, да по 3000 рыбъ. Кромѣ того, русскіе рыболовы должны были пользоваться правомъ безпошлинно ловить рыбу въ Волгѣ, отъ Казани и до Астрахани, наравнѣ съ Астраханскими рыболовами. Утвердивъ эти условія шертною грамотою, воеводы вернулись въ Москву, отпустивъ всѣхъ астраханскихъ плѣнныхъ и взявъ съ собою только однихъ царицъ съ дѣтьми, да огнатыхъ рус-

ских невольниковъ. Царь щедро наградилъ воеводъ за ихъ подвиги, а плѣнныхъ царицъ, встрѣтивъ съ великою честію, отпустилъ назадъ въ Астрахань, за исключеніемъ одной, младшей изъ нихъ, у которой по пути въ Москву родился сынъ. Эта послѣдняя приняла святое крещеніе, вмѣстѣ съ своимъ сыномъ, нареченнымъ царевичемъ Петромъ. Мать названа была Гуліаніей, и государь выдалъ ее замужъ за знатнаго дворянина, Захарію Плещеева.

Дербышъ-Алей недолго сохранялъ вѣрность Московскому царю. Онъ сталъ пересылаться съ Крымскимъ ханомъ. Провѣдавъ объ его измѣнѣ, царь послалъ въ Астрахань стрѣльцовъ съ головами Черемисиновымъ и Тетеринымъ, казаковъ съ атаманомъ Колупаевымъ и Вятчанъ съ плавнымъ головою Писемскимъ. Стрѣлецкіе головы безъ сопротивленія заняли Астрахань, укрѣпили городъ и послали войска на Дербышъ-Алея. Онъ былъ разбитъ ими и бѣжалъ въ Азовъ. Астраханцы пришли послѣ этого къ головамъ бить челомъ и присягать Московскому царю. Съ этихъ поръ устья Волги были окончательно закрѣплены за Московію. На переволокъ (между Волгою и Дономъ) утвердился по приказанію государя казацкій атаманъ Ляпунъ Филимоновъ, а сотскій Кобелевъ на рѣкѣ Иргизѣ.

Какъ скоро въ Астрахани утвердилось господство Московскаго царя, многіе князья Прикавказскаго края стали просить его союза и покровительства, а нѣкоторые даже предлагали вступить въ его подданство. Ханъ Хивинскій и Бухарскій прислали въ Москву своихъ пословъ съ челобитьемъ, чтобы царь позволилъ ихъ купцамъ торговать въ Астрахани.

Крымскому хану не нравилось это усиленіе Москвы, и для противодѣйствія ему онъ дѣлалъ набѣги на ея владѣнія. Въ 1556 г. царь послалъ изъ Путивля дьяка Ржевскаго съ казаками на Днѣпръ. Удальцы спустились внизъ по Днѣпру и имѣли нѣсколько удачныхъ мелкихъ дѣлъ съ Татарами. Въ первый разъ еще являлось Московское войско на Днѣпрѣ, и удача ихъ похода произвела сильное впечатлѣніе въ Литовской Украинѣ. По примѣру Ржевскаго пошелъ туда же бывший Каневскій староста, князь Дмитрій Вишневецкій, который отбѣжалъ отъ Литовскаго короля и прислалъ Московскому царю челобитье, чтобы онъ принялъ его въ свою службу. Вишневецкій построилъ городъ на Хортицкомъ островѣ, на Днѣпрѣ, и оттуда долгое время тревожилъ Крымскаго хана неожиданными и часто очень удачными нападеніями. Вредъ, наносимый Вишневецкимъ хану, былъ такъ великъ, что онъ соединилъ свои войска съ Турецкими и Волошскими, чтобы выбить его во что бы то ни стало изъ острова. Не имѣя достаточно запасовъ, Вишневецкій принужденъ былъ оставить свой городокъ. Онъ пріѣхалъ въ Москву, гдѣ получилъ въ отчину г. Бѣлевъ со всѣми волостями и селами, и много другихъ селъ. Въ 1559 г. Даніилъ

Адашевъ, братъ Алексѣя, проникъ съ царскими войсками въ Крымъ, разорилъ нѣсколько улусовъ и освободилъ много русскихъ плѣнниковъ.

Любопытны торговыя сношенія, которыя завязались около этого времени между Москвою и Англiей. 24-го Августа 1553 г., у береговъ Бѣлаго моря, въ Двинскомъ заливѣ, гдѣ стоялъ монастырь св. Николая и была маленькая пристань, населенная рыбаками, показался корабль, какихъ прежде тамъ не видавали. Оказалось, что корабль былъ англійскій, посланный королемъ Эдуардомъ IV для развѣдыванія сѣверныхъ странъ и для открытiя торговыхъ сношеній. Капитанъ корабля, Ченслеръ, рассказалъ, что съ нимъ было еще два корабля, подъ начальствомъ Гуго Уилльоуби, но что буря ихъ разлучила, и остальные корабли, вѣроятно, погибли. Дѣйствительно, въ слѣдующемъ году лапландскіе рыбаки нашли корабль въ пристани Арцинѣ, съ замерзшимъ экипажемъ. Ченслеръ, узнавъ, что берегъ, къ которому онъ присталъ, принадлежитъ Московскому царю, поѣхалъ въ Москву, чтобы лично передать грамоту Эдуарда. Она была написана на Англійскомъ и Латинскомъ языкахъ. Въ ней Англійскій король во имя челоуѣколюбiя, просилъ покровительства своимъ подданнымъ, пускающимся въ путь съ мирными цѣлями, единственно для установленiя торговыхъ сношеній. Ченслеръ былъ принятъ въ Москвѣ съ большимъ почетомъ и отпущенъ назадъ съ грамотою государя, въ которой говорилось, что англійскіе подданные найдутъ всегда въ Москвѣ свободу и безопасность. Въ 1555 году Ченслеръ вторично пріѣзжалъ въ Москву, чтобы заключить договоръ съ Иваномъ Васильевичемъ отъ имени Марiи, королевы англійской, и мужа ея, Филиппа. Съ нимъ прибыло двое агентовъ компанiи, составившейся для торговли съ Россiею. Договоръ былъ заключенъ согласно ихъ желанiю, и съ тѣхъ поръ маленькая пристань съ монастыремъ св. Николая сдѣлалась важнымъ мѣстомъ торговли. Англичане выстроили въ ней обширный домъ для себя, а въ Холмогорахъ устроили нѣсколько дворовъ для склада товаровъ. Главными предметами торговли ихъ были сукна и сахаръ.

Заключивъ договоръ, Ченслеръ выѣхалъ изъ Москвы въ Юнѣ 1556 г. Съ нимъ поѣхалъ посольскій купецъ Осипъ Непѣя и изъ гостей: Фофанъ Макаровъ и Михайло Григорьевъ. Они сѣли на корабль 23-го Юля и пустились въ путь. Но у шотландскихъ береговъ ихъ застигла страшная буря. Изъ четырехъ кораблей Ченслера, одинъ только достигъ Лондонской пристани. Остальные всѣ были разсѣяны и разбиты, а съ ними погибъ и Ченслеръ. Непѣя же спасся и достигъ Лондона, гдѣ былъ принятъ съ необыкновеннымъ почетомъ. Филиппъ и Марiя дали русскимъ купцамъ право свободной и безошлинной торговли во всѣхъ мѣстахъ своихъ владѣній, и, кромѣ того, дали разрѣшеніе вывезти изъ Англiи ремесленниковъ и художниковъ. Поль-

зуюсь этимъ разрѣшеніемъ, Непѣя вывезъ многихъ мастеровъ, врачей, рудознатцевъ и др.

Въ то же время Иванъ Васильевичъ заключилъ миръ съ Швеціею, послѣ непродолжительной войны, начавшейся вслѣдствіе пограничныхъ ссоръ, по которому выговорилъ нашимъ купцамъ право свободно торговать въ Швеціи, а если которые-нибудь изъ нихъ захотятъ ѣхать черезъ Швецію въ Антропъ (Любекъ и Антверпенъ), въ Испанію, Англію или Францію, то чтобы въ Швеціи оказывали имъ нужное содѣйствіе.

Открывшійся путь черезъ Ледовитый океанъ былъ важнымъ пріобрѣтеніемъ для русской торговли. Но Иванъ Васильевичъ не удовольствовался этимъ: для большаго развитія торговли ему хотѣлось овладѣть берегами Балтійскаго моря, бывшими исконною собственностію русскихъ князей, но теперь находившимися во власти Нѣмцевъ. Для этого онъ предпринялъ войну съ Ливонскимъ орденомъ, не встрѣтившую сочувствія въ его руководителяхъ, Сильвестрѣ и Адашевѣ. Курбскій въ своей «Исторіи великаго князя Московскаго о дѣлѣхъ» говоритъ, что лучше было бы обратить оружіе на Крымъ и таково, вѣроятно, было мнѣніе всей партіи Сильвестра. Но царь былъ въ этомъ случаѣ проницательнѣе и понималъ, что покореніе Крыма вовлекло бы насъ въ войну съ Турціею. Много, много лѣтъ должно еще было пройти, прежде чѣмъ покореніе Крыма стало возможнымъ.

Война съ Ливонскимъ орденомъ была начата на основаніи того, что Дерптскій епископъ 50 лѣтъ не платилъ дани Московскому государю, которую обязался платить, и обязательство его было признано магистромъ Плеттенбергомъ въ договорѣ съ Иваномъ III, въ 1503 г. Московскія войска выступили въ походъ, взяли нѣсколько городовъ, въ томъ числѣ Нарву, Дерптъ и замокъ Феллинъ, и страшно опустошили непріятельскія земли. Магистръ Кетлеръ вскорѣ увидалъ, что орденъ не въ силахъ отстаивать своей самостоятельности и рѣшился признать польскаго короля, Сигизмунда-Августа, государемъ Ливоніи. Себѣ онъ выговорилъ Курляндію и Семигалию, какъ наслѣдственное герцогство. Король датскій купилъ при этомъ епископство Эзелское для своего брата Магнуса, а шведскій король взялъ себѣ Эстонію. Теперь Ивану Васильевичу приходилось вести войну уже не съ однимъ орденомъ, но и съ Польшею, но онъ не остановился передъ этимъ и продолжалъ ее.

ГЛАВА XI.

Перемѣна въ Иванѣ Васильевичѣ. — Кончина Макарія. — Переписка съ Курбскимъ. — Учрежденіе опричнины. — Филиппъ митрополитъ. — Нашествіе Девлетъ-Гирея. — Вишнія дѣла. — Покореніе Сибири.

1557—1582.

Рѣшительная перемѣна въ образѣ дѣйствій Ивана Васильевича стала замѣтна только черезъ 4 года послѣ его болѣзни, и поводомъ къ ней послужилъ отъѣздъ нѣкоторыхъ бояръ въ Литву. Первый поѣхалъ туда Никита Ростовскій, но былъ перехваченъ. При допросѣ онъ показалъ, что его отпустилъ въ Литву Семенъ Ростовскій, и поручилъ ему объявить королю, что самъ ѣдетъ къ нему съ братьями и племянниками. Семена приговорили къ смертной казни, но, благодаря заступничеству митрополита Макарія, замѣнили смертную казнь ссылкой на Бѣлоозеро.

Перемѣна обнаружилась и въ отношеніи къ Сильвестру и Адашеву. Царь сталъ обвинять Сильвестра, что онъ держитъ сторону князя Семена Ростовскаго, старается облегчить ему ссылку и поддерживаеъ весь его родъ. Кромѣ того произошло какое то столкновеніе между царицей Анастасіей и Сильвестромъ и Адашевымъ, потому что позднѣе Иванъ Васильевичъ писалъ Курбскому, что они разсердились на царицу за одно ея малое слово.

Ивану Васильевичу видимо надоѣло быть постоянно подъ нравственнымъ давленіемъ своихъ руководителей, онъ возмужалъ и хотѣлъ быть вполне самостоятельнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Въ Сильвестрѣ и Адашевѣ ему главнымъ образомъ не нравилось, что они держали сторону бояръ, которые ему были ненавистны съ дѣтскихъ лѣтъ.

Видя перемѣну къ себѣ царя, Сильвестръ рѣшился удалиться отъ двора въ пустынный Бѣлозерскій монастырь и постричься въ монахи. Адашевъ же принялъ санъ воеводы и поѣхалъ къ войскамъ въ Ливонію.

Съ этихъ поръ начинается темный періодъ царствованія Ивана IV, въ которомъ онъ является тираномъ на всю свою остальную жизнь и получаетъ въ народѣ названіе Грознаго.

Шурья царя, Захарьины, и другіе льстецы и ласкатели, ненавидѣвшіе Сильвестра и Адашева, потому что они, бывши въ силѣ, не выказывали имъ расположенія, — воспользовались ихъ отсутствіемъ, чтобы очернить ихъ въ глазахъ государя.

Въ это время умерла жена Ивана Васильевича, Анастасія, и царь былъ очень опечаленъ ея кончиною. Въ день ея погребенія, въ Вознесенскомъ монастырѣ, онъ былъ такъ разстроены, что едва могъ идти за ея гробомъ, и его вели подъ руки братья, князь Юрій и князь

Владиміръ Андреевичъ, и молодой Казанскій царь Александръ. Клеветники подали ему мысль, что ее извели Сильвестръ и Адашевъ. Вѣроятно, царь и самъ не вѣрилъ этому, но ухватился за эту мысль какъ за предлогъ, чтобы проявить свой гнѣвъ на нихъ. Онъ велѣлъ созвать соборъ изъ бояръ и духовенства для суда надъ Сильвестромъ и Адашевымъ. Митрополитъ Макарій предложилъ вызвать обвиняемыхъ, чтобы выслушать ихъ оправданіе, тѣмъ болѣе, что они сами просили этого. Но въ просьбѣ ихъ было отказано на томъ основаніи, что они волшебники, однимъ взглядомъ могутъ очаровать царя, и снова овладѣть его довѣріемъ. Ихъ осудили заочно — Сильвестра въ Соловецкій монастырь на заточеніе, а Адашеву велѣно жить въ одномъ изъ вновь покоренныхъ городовъ въ Ливоніи. Но такъ какъ многіе города, зная доброту Адашева, стали искать его покровительства, и онъ пріобрѣталъ тамъ силу, то его велѣно было перевезти въ Дерптъ, и содержать подъ стражею. Черезъ два мѣсяца послѣ этого Адашевъ занемогъ горячкою и умеръ.

Царь между тѣмъ безъ удержа отдавался влеченію своихъ страстей. Черезъ восемь дней послѣ кончины Анастасіи, онъ объявилъ свое намѣреніе жениться на сестрѣ Польскаго короля. Хотя бракъ этотъ и не состоялся, но во дворцѣ возобновились съ этихъ поръ пиры и шумное веселье. Кто не хотѣлъ веселиться, того обвиняли въ измѣнѣ, и предавали смерти. Однажды на пиру бояринъ Репнинъ не захотѣлъ надѣть маски, а когда царь самъ надѣлъ ее на него, то онъ сбросилъ ее на полъ, и растопталъ ногами. Царь прогнѣвался на это, и сначала только прогналъ отъ себя Репнина, а черезъ нѣсколько дней велѣлъ предать его смерти. Онъ былъ убитъ въ церкви подлѣ алтаря, во время чтенія Евангелія.

Любимцами царя теперь сдѣлались бояринъ Алексѣй Басмановъ, сынъ его кравчій Ѳедоръ, князь Афанасій Вяземскій, Василій Грязной и Малюта-Скуратовъ-Бѣльскій. Чтобы успокоить совѣсть государя, они подговорили нѣкоторыхъ монаховъ присутствовать на его пирахъ, между которыми въ особенности выдавался архимандритъ Чудова монастыря, Левкій.

Въ это время умеръ митрополитъ Макарій. Онъ извѣстенъ тѣмъ, что по его приказанію, и при его содѣйствіи былъ составленъ громадный сборникъ такъ называемыхъ «Великихъ Минеяхъ-Четіихъ». Въ него вошли «всеѣ книги чтומыя, которыя въ русской землѣ обрѣтаются», т. е. обрѣтались въ то время, житія греческихъ святыхъ, и житія русскихъ святыхъ, какъ древнихъ такъ и новѣйшихъ, признанныхъ святыми на созванныхъ для этой цѣли соборахъ, по мысли Макарія. Единственный полный экземпляръ этого сборника, въ XII книгахъ, завѣщенъ Макаріемъ Московскому Успенскому собору «на память его души и по его родителейъ въ вѣчный поминокъ». Эти

книги содержатъ въ себѣ: Святое Евангеліе, четыре Евангелиста толковые, св. Апостоль и всѣ Апостольскія посланія и дѣянія съ толкованіемъ, три великія Псалтыри разныхъ толковниковъ; Златоустовы книги: Златая струя и Маргаритъ, Великій Златоустъ, Великій Василій и Григорій Богословъ съ толкованіемъ, великая книга Никонская съ прочими посланіями его и проч. Всѣ святыя книги собраны и написаны въ нихъ Пророческія, Апостольскія, отеческія, праздничныя и похвальные слова всѣхъ св. Отецъ, житія и мученія св. мученикъ и мученицъ, житія и подвиги преподобныхъ и Богоносныхъ отецъ и преподобныхъ женъ страданія и подвиги, всѣ св. Патерики написаны: Азбучныя, Іерусалимскіе, Египетскіе, Синайскіе, Скитскіе и Печерскіе, и всѣ святыя книги собраны и написаны, которыя въ русской землѣ обрѣтаются и съ новыми св. чудотворцы.

Есть еще два экземпляра Четьи-Миней Макарія: такъ называемый Царскій, принадлежитъ въ настоящее время Московской Синодальной библиотекѣ и Софійскій, данный Макаріемъ въ Новгородскій Софійскій соборъ, принадлежитъ въ настоящее время С.-Петербургской духовной академіи. Но эти два экземпляра неполны.

Подъ руководствомъ Макарія же была доведена до 1559 г. Степенная книга, начатая, какъ предполагаютъ, митрополитомъ Киприаномъ.

Макарій содѣйствовалъ основанію первой типографіи въ Москвѣ, устройство которой было начато въ 1553 году по мысли царя и благословенію митрополита. При ней же была основана библиотека, служившая какъ бы архивомъ типографіи. Въ нее сдавались всѣ подлинныя рукописи и всѣ корректурныя экземпляры отдѣльныхъ изданій или переписокъ, выходившихъ изъ типографіи, а также и рукописи, предназначавшіеся къ изданію, но почему-либо не напечатанныя. Библиотека эта, извѣстная позднѣе подъ именемъ патріаршей, а затѣмъ синодальной, существуетъ донинѣ и составляетъ учрежденіе, которымъ гордится Москва. Кромѣ рукописей, въ библиотекѣ хранятся рѣдкія по древности старопечатныя книги, которыя нынѣ покупаются на вѣсь золота, и собраніе русскихъ книгъ гражданской печати. Впослѣдствіи мы увидимъ, что синодальная типографія драгоценна для потомства, какъ мѣсто работъ по типографскому дѣлу Петра Великаго. Чтобы начать печатаніе книгъ, надо было послать прежде въ чужіе края поискать людей, свѣдущихъ въ этомъ дѣлѣ. Царь не жалѣлъ издержекъ на устройство этого благаго дѣла, но оно было такъ ново и трудно, что только черезъ 10 лѣтъ дьяконъ Гостунскаго собора, Иванъ Ѳедоровъ, и Петръ Тимоѳеевъ Мстиславцевъ, подъ руководствомъ копенгагенскаго уроженца Ганса, могли приступить къ печатанію первой книги, Апостола. Онъ былъ оконченъ печатаніемъ 1-го Марта 1564 г. уже при преемникѣ Макарія, Афанасіи.

Со смертію Макарія наши первые печатники лишились покровителя и защитника. Ихъ стали обвинять въ еретичествѣ, и они принуждены были бѣжать изъ Москвы. Волынской князь, Константинъ Константиновичъ Острожскій, принялъ къ себѣ Ивана Ѳедорова, завелъ типографію въ городѣ Острогѣ, досталъ въ Москвѣ при содѣйствіи Литовскаго посла, Гарабурды, полный списокъ Ветхаго и Новаго Заветъа и напечаталъ его въ своей типографіи въ 1581 г. Гоненія, воздвигнутыя въ Москвѣ на первыхъ книгопечатниковъ, объясняются тогдашнимъ состояніемъ общества. Вначалѣ книгопечатаніе считалось во всей Европѣ волшебствомъ, а самое печатаніе дѣломъ нечистымъ. Точно также не понравилось оно вначалѣ и въ Москвѣ. Имѣть печатныя книги и совершать по нимъ богослуженіе считалось дѣломъ богопротивнымъ, тѣмъ болѣе, что главный смотритель Литовской типографіи былъ Датчанинъ Гансъ. Противъ книгопечатанія вооружились также писцы, которые лишились благодаря ему средствъ къ существованію.

Послѣ Макарія митрополитомъ былъ избранъ, какъ уже сказано выше, Афанасій, инокъ Чудова монастыря, бывшій Благовѣщенскій протоіерей и духовникъ государя. Въ то же время соборною грамотою былъ утвержденъ обычай, чтобы митрополиты Россійскіе носили бѣлый клобукъ, съ рясами и херувимами.

Отдаливши отъ себя Сильвестра и Адашева, царь понималъ, что еще много ихъ сторонниковъ должно было остаться среди бояръ, и устремилъ всѣ усилія, чтобы уничтожить ихъ партію совершенно. Множество бояръ было казнено и множество отослано съ семействами въ заточеніе потому только, что они были близки въ прежнее время къ Сильвестру и Адашеву. Вслѣдствіе этихъ гоненій, многіе изъ нихъ вознамѣрились бѣжать въ Литву. Но царь, узнавъ объ этомъ, сталъ требовать отъ бояръ, казавшихся ему подозрительными, письменныхъ обѣщаній не отъѣзжать и заставлялъ другихъ бояръ поручаться за нихъ, а за этихъ еще другихъ. Такъ за Ивана Дмитріевича Бѣльскаго поручилось 29 человекъ, а за поручителей поручилось еще 120 человекъ. Поэтому отъѣздъ изъ Москвы сдѣлался невозможенъ. Легче было отъѣзжать тѣмъ, которые были близки къ границамъ сосѣднихъ государствъ. Этою возможностью воспользовался князь Андрей Михайловичъ Курбскій, бывшій въ это время близъ Литовской границы. Одинъ изъ самыхъ близкихъ друзей Сильвестра и Адашева, онъ пользовался въ то же время особеннымъ расположеніемъ царя. Съ паденіемъ Сильвестра и Адашева, отношенія эти должны были измѣниться. Поэтому онъ воспользовался своей близостью къ границѣ и отъѣхалъ по зову короля Сигизмунда-Августа въ Литву, гдѣ былъ принятъ съ честью. Оттуда онъ написалъ письмо Грозному, въ которомъ объяснялъ причины, побудившія его къ отъѣзду, напоминалъ услуги, имъ ока-

занныя въ битвахъ, и многія неправды, претерпѣнныя имъ отъ царя, укорялъ его въ удаленіи Сильвестра и Адашева, въ тиранствѣ и несправедливости. Усердный слуга Курбскаго, Василій Шибановъ, взялся доставить лично письмо его Грозному. Онъ подалъ его царю у краснаго крыльца, объяснивъ, что оно отъ Курбскаго. Услышавъ имя Курбскаго, царь въ гнѣвѣ ударилъ посланнаго острымъ жезломъ въ ногу, и опершись на жезлъ, велѣлъ читать вслухъ письмо Курбскаго. Кровь сочилась изъ ноги несчастнаго, но онъ стоялъ неподвижно и молча терпѣлъ. Прослушавъ все письмо, царь велѣлъ пытать Шибанова, чтобы узнать всѣ подробности побѣга Курбскаго. Но никакія страданія не могли вынудить Шибанова выдать въ чемъ-либо своего господина, и онъ умеръ, не объяснивъ ничего.

Царь былъ сильно разгнѣванъ письмомъ Курбскаго и отъѣздъ его считалъ прямою измѣною. Но любя входить въ споры, онъ не выдержалъ характера и написалъ Курбскому отвѣтъ. Вслѣдствіе этого между ними завязалась переписка, дошедшая до насъ и представляющая много любопытнаго.

Измѣна Курбскаго и другихъ, еще болѣе озлобила царя противъ бояръ. У него явилась мысль отдалить отъ себя всѣхъ старыхъ бояръ и окружить себя новыми людьми. Возвѣсивъ эту мысль и считая не безопаснымъ для себя оставаться въ Кремлѣ, онъ выѣхалъ изъ Москвы 3-го Декабря 1564 года, со всѣмъ своимъ семействомъ, имуществомъ и казною, и только немногими боярами, ближними дворянами и приказными людьми, съ ихъ женами и дѣтьми. Сначала царь поѣхалъ въ село Коломенское и пробылъ тамъ двѣ недѣли по случаю непогоды и дурныхъ дорогъ. Выждавъ пока рѣки стали, онъ поѣхалъ въ село Тайнинское, оттуда къ Троицѣ, а отъ Троицы въ Александровскую слободу.

Въ Москвѣ всѣ недоумѣвали, что бы значилъ этотъ царскій отъѣздъ, непохожій на обыкновенныя его поѣздки на богомолье или на охоту. Ровно черезъ мѣсяць, 3-го Января, недоумѣнія эти разъяснились. Царь прислалъ изъ слободы грамоту на имя митрополита, въ которой исчислялъ всѣ измѣны бояръ, воеводъ и приказныхъ людей, совершенныя ими со смерти отца его и до его совершеннolѣтія и послѣ. Вслѣдствіе этого, писалось въ грамотѣ, царь кладетъ гнѣвъ свой на нихъ, а равно и на духовенство, которое всегда старается покрывать измѣнниковъ передъ государемъ. Кончалась эта грамота словами: «И царь отъ великой жалости сердца, не могши ихъ многихъ измѣнныхъ дѣлъ терпѣть, оставилъ свое государство и поѣхалъ гдѣ нибудь поселиться, гдѣ его Богъ наставитъ». Къ гостямъ же и къ купцамъ и ко всему православному христіанству города Москвы царь прислалъ грамоту, въ которой писалъ, что онъ на нихъ не кладетъ никакого гнѣва, ни опалы.

Какъ громомъ поразила всѣхъ вѣсть о царскомъ гнѣвѣ. Со слезами всѣ стали просить митрополита Афанасія ѣхать къ царю со всѣмъ духовенствомъ и просить его не оставлять государства, а что государскихъ лиходѣевъ, виноватыхъ въ измѣнѣ, вѣдаетъ Богъ да государь, въ животѣ и въ казни его государская воля, «а мы всѣ своими головами идемъ за тобою, святителемъ, бить челомъ государю и плакаться». Гости и горожане говорили: «чтобъ государь государства не оставлялъ и ихъ на расхищеніе волкамъ не отдавалъ, особенно избавлялъ бы ихъ отъ рукъ сильныхъ людей; а за государскихъ лиходѣевъ и измѣнниковъ они не стоятъ и сами ихъ готовы истребить».

Митрополитъ хотѣлъ сейчасъ же ѣхать въ Александровскую слободу, но такъ какъ вся Москва была въ смятеніи, то рѣшено было, что ему лучше остаться въ городѣ. Главными послами къ царю были избраны Новгородскій архіепископъ Пименъ и Чудовской архимандритъ Левкій. Съ ними поѣхали всѣ епископы и бояре. Остановившись въ селѣ Слотинѣ, святители послали доложить о себѣ государю. Онъ велѣлъ имъ ѣхать въ Александровскую слободу, и на другой день принялъ ихъ во дворцѣ. Послы со слезами передали ему сущность своего челобитья. Царь отвѣчалъ имъ пространной рѣчью, въ которой опять повторялъ свои упреки боярамъ въ измѣнѣ, своеволіи, нерадѣніи, строптивости. Выказавши все это, онъ прибавилъ: «Но ради отца моего, митрополита Афанасія, и для васъ, богомольцевъ нашихъ, архіепископовъ и епископовъ, соглашаюсь паки взять свои государства; а на какихъ условіяхъ, вы узнаете».

Условія эти состояли въ томъ, чтобы ему невозбранно казнить измѣнниковъ, и чтобы духовенство не вмѣшивалось въ это дѣло, и не ходатайствовало бы за нихъ.

Всѣ благодарили царя за его милость, послѣ чего онъ велѣлъ святителямъ остаться въ слободѣ на праздникъ Богоявленія, а съ ними князьямъ Бѣльскому и Щенятину. Остальныхъ всѣхъ отпустилъ обратно.

Въ Москвѣ всѣ ждали съ нетерпѣніемъ возвращенія царя. Но онъ вернулся только 2-го Февраля, и съ торжествомъ вѣхалъ въ городъ. На другой день, 3-го Февраля, онъ приказалъ духовенству, боярамъ и знатнымъ чинамъ собраться во дворецъ. Всѣ были поражены необыкновенной переѣной въ наружности царя, происшедшей въ этотъ мѣсяцъ его отсутствія: лице его сдѣлалось свирѣпымъ, а на головѣ и въ бородѣ вылезли почти всѣ волосы.

Царь сказалъ собравшимся рѣчь, которую закончилъ тѣмъ, что для государственной и собственной безопасности онъ учреждаетъ особыхъ тѣлохранителей, которые будутъ носить названіе Опричниковъ. Вскорѣ узнали всю сущность этого учрежденія, обратившагося въ истинное бѣдствіе для страны.

Опричнина должна была состоять изъ 1000 человекъ, и на содержаніе опричниковъ опредѣлялось извѣстное число городовъ и слободъ съ ихъ доходами. Въ самой Москвѣ были назначены для опричнины слѣдующія улицы: Чертольская (Пречистенка), Арбатская съ Сивцевымъ Врагомъ, село Семчинское (Остоженка) и половина Никитской съ разными слободами, до вполя Дорогомиловскаго. Всѣ тѣ, которые жили въ этихъ улицахъ и не были записаны въ опричнину, должны были быть высланы. Для себя царь велѣлъ выстроить новый дворецъ за Неглинной, между Арбатовъ и Никитской улицей, и обнести его высокою стѣною*). Въ 1582 г. онъ сгорѣлъ въ праздникъ Рождества Христова.

Все остальное государство получило названіе Земщины и должно было управляться земскими боярами, которые въ важныхъ случаяхъ только могли приходить къ государю съ докладомъ.

4-го Февраля начались казни измѣнниковъ, и много бояръ, заподозрѣнныхъ царемъ, погибло въ жестокихъ мученіяхъ.

Послѣ казней царь занялся устройствомъ своей новой дружины. Главными совѣтниками его были Алексѣй Басмановъ, Малюта Скуратовъ и князь Афанасій Вяземскій. Въ опричнину выбирались молодые люди изъ дѣтей боярскихъ, а равно и изъ людей самага низкаго происхожденія, которые бы только отличались удалствомъ и готовностію на все. Въмѣсто 1000 человекъ царь набралъ 6000 опричниковъ и взялъ съ нихъ присягу служить ему вѣрно, отказаться отъ отца и матери, и знать только его одного; доносить на измѣнниковъ, не дружить съ земскими и не водить съ ними хлѣба-соли. За это онъ награждалъ ихъ помѣстьями и домами, пустивъ прежнихъ владѣльцевъ по міру. Крестьяне тоже вскорѣ почувствовали гнетъ отъ этого учрежденія, потому что новые владѣльцы, взятые изъ ничтожества, и, слѣдовательно, не имѣвшіе прежде ничего, любили чваниться пышностію и блескомъ, и потому обременяли ихъ налогами. Кромѣ того, опричники пользовались полною безнаказанностію и страшно злоупотребляли этимъ. Они считались царемъ его вѣрными слугами, а всѣ земскіе бояре были опальные.

Опричники получили вскорѣ въ народѣ прозваніе кромѣшниковъ т. е. какъ бы исчадія тмы кромѣшной. Общая ненависть къ нимъ увеличивалась съ каждымъ днемъ, но царю того и надо было: онъ думалъ, что, всѣми ненавидимые, они еще болѣе будутъ привязаны къ нему. Онъ далъ имъ особыя атрибуты: собачьи головы и метлы, въ ознаменованіе того, что они грызутъ лиходѣевъ царскихъ и метутъ измѣну.

Царь большею частію жилъ въ Александровской слободѣ, которая почти превратилась вслѣдствіе этого въ городъ.

*) На Воздвиженкѣ, гдѣ теперь цркъ и пустырь вокругъ него.

Онъ жилъ въ особыхъ палатахъ, окруженныхъ рвомъ и валомъ. Возлѣ него помѣщались придворные чиновники изъ опричниковъ. Остальные опричники имѣли свою улицу, а купцы — другую. Главный храмъ Слободской, во имя Богоматери, каменный, былъ богато украшенъ серебромъ и золотомъ, и на каждомъ кирпичѣ его было изображеніе креста. Въ трехъ верстахъ отъ слободы стояла особая стража, которая никого не пропускала въ слободу и не выпускала оттуда, безъ разрѣшенія государя.

Царь посвящалъ большую часть дня церковнымъ службамъ и возымѣлъ даже мысль сдѣлаться игуменомъ, а изъ опричниковъ избрать 300 человекъ самыхъ преданныхъ ему и назвать ихъ братією. Афанасій Вяземскій былъ сдѣланъ келаремъ, а Малюта Скуратовъ пономаремъ. Всѣ они имѣли скуфейки и черныя рясы, которыя надѣвали сверхъ кафтановъ, расшитыхъ золотомъ. Царь написалъ для своей братіи особенный уставъ, и самъ былъ строгимъ исполнителемъ его. Въ 4 час. утра царь шелъ съ царевичами и Малютой Скуратовымъ на колокольню благовѣстить къ заутрени, и, если кто изъ братіи не являлся въ церковь, то наказывался осьмидневнымъ заключеніемъ. Церковная служба продолжалась до 6-ти или 7-ми часовъ, и царь молился въ продолженіи ея такъ усердно, что у него всегда оставались красныя пятна на лбу отъ земныхъ поклоновъ. Онъ читалъ въ церкви и пѣлъ. Въ 8 ч. опять вся братія сходилась къ обѣднѣ, а въ 10 ч. садилась за трапезу, во время которой царь читалъ вслухъ благочестивыя книги. Остатки трапезы выносились на площадь для бѣдныхъ. Въ 8 ч. служили вечерню, а въ 10 ч. царь уходилъ спать, и трое слѣпыхъ поочередно рассказывали ему сказки. Подъ ихъ тихій говоръ онъ засыпалъ. Такъ проводилъ онъ свой день, не оставляя въ то же время занятій государственными дѣлами.

Ревностное посѣщеніе храма Божія нисколько не смягчало его души: самыя жестокія повелѣнія онъ отдавалъ иногда въ церкви, за заутренней или обѣдней. Въ случаѣ пріѣзда въ Москву иностранныхъ пословъ, царь принималъ ихъ въ Кремлевскомъ дворцѣ, съ большою пышностію, окруженный опричниками, но не устраниая совѣтъ и старыхъ бояръ.

Война съ Ливонією продолжалась все это время съ бѣльшимъ или меньшимъ успѣхомъ. Но наши пріобрѣтенія ограничивались еще внутренними областями, за исключеніемъ Нарвы, а царь добивался морскаго берега. Вступивъ въ то же время въ войну съ Польшею, такъ какъ Ливонія отдалась въ подданство Польскому королю, царь предпринялъ походъ противъ Литвы. Цѣлю его былъ Полоцкъ, важный для Ливоніи по торговой связи его съ Ригою черезъ Двину. Двѣ недѣли длилась осада, и 15-го Февр. 1563 г. Полоцкъ сдался. Воевода Полоцкій Давойна и епископъ были отосланы плѣнниками

въ Москву, жиды всѣ потоплены, а наемнымъ королевскимъ войнамъ предоставлена свобода вступить въ царскую службу или возвратиться къ королю. Послѣ взятія Полоцка, царь вернулся съ торжествомъ въ Москву, оставивъ въ немъ троихъ воеводъ: Петра Ивановича Шуйскаго, и Василя и Петра Семеновичей Серебряныхъ-Оболенскихъ. Вслѣдъ за тѣмъ завязались переговоры о перемиріи, и Сигизмундъ соглашался оставить за Иваномъ Васильевичемъ Полоцкъ, и всѣ города, занятые въ Ливоніи московскими войсками. Но царь былъ въ нерѣшительности, заключать ли ему перемиріе, такъ какъ главная цѣль его, овладѣть морскимъ берегомъ, еще не была достигнута. Между тѣмъ онъ сознавалъ всю тяжесть этой войны для государства. Недоумѣвая, на что ему рѣшиться, онъ положилъ созвать Земскую Думу изъ духовенства, бояръ, окольныхихъ и др. сановниковъ, казначеевъ, дьяковъ, дворянъ первой и второй статьи, гостей, купцевъ и землевладѣльцевъ иногородныхъ, и предложилъ на ихъ рѣшеніе вопросъ: продолжать ли войну или нѣтъ. Всѣхъ выборныхъ было 339 человекъ. Всѣ сословія рѣшили на соборѣ единогласно, что необходимо продолжать войну съ Ливоніею, что Рига и Венденъ нужны намъ для безопасности Юрьева (Дерпта), Пскова и Новгорода, а равно и для торговыхъ цѣлей. Вслѣдствіе этого рѣшенія, война продолжалась, и только черезъ 4 года было заключено перемиріе.

Въ этомъ же году митрополитъ Афанасій оставилъ митрополію по болѣзни. На его мѣсто былъ назначенъ Германъ, архіепископъ Казанскій, ревностный служитель Божій, неутомимый въ трудахъ духовныхъ. Онъ происходилъ изъ боярской фамиліи Полевыхъ-Садыревыхъ, но съ ранней молодости полюбилъ духовную жизнь и принялъ монашество въ Волоколамскомъ монастырѣ. Вскорѣ послѣ этого, онъ былъ сдѣланъ архимандритомъ Старицкаго Успенскаго монастыря, а еще чрезъ 13 лѣтъ архіепископомъ Казанскимъ. Избранный въ митрополиты, онъ отказывался отъ этого сана, но по приказанію царя долженъ былъ занять митрополичьи покои, и готовился уже къ посвященію, когда его посѣтилъ Иванъ Грозный. Германъ счелъ своимъ долгомъ побесѣдовать съ царемъ и постараться силою убѣжденія отклонить его отъ пагубнаго пути, которымъ онъ шель. Царь вышелъ отъ него съ лицомъ печальнымъ и рассказалъ своимъ любимцамъ рѣчи Святителя. «Сохрани тебя Богъ отъ такого совѣтника», отвѣчали на это опричники: «если ты не хочешь быть въ неволѣ еще большей, чѣмъ былъ у Сильвестра и Адашева». Они упали на колѣни передъ царемъ и умоляли его удалить Германа. Царь исполнилъ ихъ просьбу и велѣлъ изгнать его изъ митрополичьихъ палатъ съ такими словами: «ты еще не возведенъ на митрополію, а уже отнимаешь у меня свободу». Изгнанный изъ митрополичьяго дома, Германъ не былъ уже отпущенъ въ Казань, и жилъ въ Москвѣ до самой смерти. На соборѣ,

созванномъ для суда надъ его преемникомъ, Филиппомъ, онъ одинъ возвысилъ голосъ въ защиту его. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, онъ скончался отъ мороваго повѣтрія, и погребенъ въ архіерейскомъ облаченіи въ ц. Николаи Мокраго, въ Зарядьи. Двадцать четыре года послѣ кончины Германа, граждане города Свіяжска, откуда онъ былъ родомъ, просили царя Ѳедора возвратить мощи Святителя его родинѣ, и получили его согласіе. Мощи были обрѣтены нетлѣнными и многими чудесами ознаменовали святость великаго исповѣдника.

Царь назначилъ митрополитомъ, по собственному выбору, игумена Соловецкаго монастыря, Филиппа, сына боярина Колычева. Онъ слышалъ о подвижнической жизни Филиппа и хотѣлъ этимъ выборомъ доказать свою любовь и уваженіе къ достойнымъ людямъ. Филиппъ конечно никогда не могъ ожидать подобнаго выбора, но онъ зналъ о положеніи дѣлъ въ государствѣ черезъ Сильвестра, который окончилъ жизнь въ Соловецкомъ монастырѣ. По приѣздѣ своемъ въ Москву онъ объявилъ, что приметъ санъ митрополита подъ условіемъ, чтобы причина была уничтожена. Это разгнѣвало царя, и Филиппъ долженъ былъ уступить. Но онъ оставилъ за собою право печаловаться, т. е. заступаться за опальныхъ, — обычай, котораго наше духовенство всегда держалось.

Между тѣмъ, въ Москву прибылъ гонцомъ отъ Сигизмунда-Августа нѣкто Козловъ, который уже былъ передъ тѣмъ въ Москвѣ, и заявилъ тогда еще Сигизмунду, что склонилъ многихъ Московскихъ бояръ къ переходу въ подданство Польскаго короля. Во второй разъ онъ уже приѣхалъ съ грамотами отъ Сигизмунда и отъ гетмана Хоткевича къ князьямъ Бѣльскому, Метиславскому, Воротынскому и къ конюшему боярину Ивану Петровичу Челяднину, съ приглашеніемъ принять подданство короля. Грамоты эти были представлены царю самими получателями. Царь написалъ рѣзкіе отвѣты Сигизмунду отъ имени поименованныхъ имъ бояръ, и отослалъ ихъ съ Козловымъ. Бояре, представившіе ему грамоты, сняли этимъ съ себя подозрѣніе въ измѣнѣ. Не посчастливилось только одному изъ нихъ: старикъ Челяднинъ, бывшій 19 лѣтъ въ санѣ конюшаго боярина, былъ обвиненъ въ составленіи будто бы заговора, и казненъ вмѣстѣ съ престарѣлою женою своею, Маріею; съ ними погибли и мнимые ихъ соучастники. Въ то же время опричники бѣгали ежедневно по улицамъ съ сѣкирами и ножами, и убивали челоѣкъ по десяти или по двадцати въ день. Ужасъ объялъ жителей. Никто не смѣлъ показываться на улицу, боялись даже погребать убитыхъ. Одинъ только митрополитъ осмѣливался возвышать голосъ противъ тиранства Грознаго. Но царь, зная это, избѣгалъ свиданія съ нимъ. Видя государя только въ церкви, Филиппъ не упускалъ случая говорить ему правду въ глаза. Царь грозно приказывалъ ему молчать, но Филиппъ возражалъ, что его обязанность говорить.

Однажды, въ воскресный день, во время обѣдни, царь взошелъ въ Успенскій соборъ въ черной мантии и скуфьѣ. Съ нимъ были немногіе бояре, и толпа опричниковъ, тоже въ черныхъ мантияхъ и скуфьяхъ. Царь подошелъ къ митрополиту, стоявшему на своемъ обыкновенномъ мѣстѣ, за благословеніемъ; но Филиппъ смотрѣлъ передъ собой на образъ Спасителя, какъ будто не замѣчая приближенія царя. Наконецъ бояре сказали ему: Святой владыко, вотъ государь, — благослови его. Тогда Филиппъ взглянулъ на царя и сказалъ: «Въ семь видѣ, въ семь одѣяній странномъ не узнаю царя православнаго; не узнаю и въ дѣлахъ царства... О государь! мы здѣсь приносимъ жертвы Богу, а за алтаремъ лется невинная кровь христіанская. Отколѣ солнце сіяетъ на небѣ, не видано, не слыхано, чтобы цари благочестивые возмущали собственную державу столь ужасно! Въ самыхъ невѣрныхъ, языческихъ царствахъ есть законъ и правда, есть милосердіе къ людямъ — а въ Россіи нѣтъ ихъ! Достояніе и жизнь гражданъ не имѣютъ защиты. Вездѣ грабежи, вездѣ убійства — и совершаются именемъ царскимъ! Ты высокъ на тронѣ: но есть Всевышній судія нашъ и твой. Какъ предстанешь на судъ Его? обогранный кровію невинныхъ, оглушаемый воплемъ ихъ муки? ибо самые камни подъ ногами твоими вопіютъ о мести! Государь! вѣщаю яко пастырь душъ. Боюсь Господа единаго!» Царь ударилъ жезломъ о камень и сказалъ страшнымъ голосомъ: «Чернецъ! доселѣ я излишне щадилъ васъ, мятежниковъ: отнынѣ буду какимъ меня называете!» и съ этими словами вышелъ изъ церкви.

Какъ ни гнѣвенъ былъ царь на митрополита, но не рѣшился тотчасъ же употребить противъ него насилія и выжидалъ къ тому случая. Между тѣмъ, онъ болѣе чѣмъ когда нибудь неистовствовалъ съ своею дружиною, произвелъ еще многія казни, и приказалъ взять подъ стражу всѣхъ приближенныхъ митрополита. Ихъ пытали и допрашивали о тайныхъ замыслахъ Филиппа — но ничего не узнали, потому что никакихъ замысловъ и не было. Въ день св. Апостоловъ Прохора и Никанора, 28-го Іюля, митрополитъ служилъ обѣдню въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, и ходилъ крестнымъ ходомъ вокругъ стѣнъ. Царь былъ тутъ же, а съ нимъ и опричники. Митрополитъ замѣтилъ, что одинъ изъ нихъ надѣлъ на голову скуфью и съ негодованіемъ сказалъ о томъ царю. Между тѣмъ, опричникъ успѣлъ уже снять скуфью и спрятать ее въ карманъ, и царю сказали, что Филиппъ выдумалъ, чего не было, чтобы возстановить народъ противъ любимцевъ царскихъ. Царь разгнѣвался, и, потерявъ всякую пристойность, ругалъ митрополита во всеуслышаніе, называя его лжецомъ, мятежникомъ, злодѣемъ, и клялся, что уличить его. Съ этою цѣлю онъ отправилъ гонца въ Соловецкій монастырь, чтобы поискать тамъ клеветниковъ противъ Филиппа. Преемникъ Филиппа, игуменъ Паисій, желая выслужиться, взялся быть обвинителемъ Филиппа.

Созвали соборъ и велѣли митрополиту явиться на судъ. Филиппъ выслушалъ всѣ обвиненія молча, не желая оправдываться, и сказалъ только Паисію, что злое сѣянiе не дастъ плода добраго. Затѣмъ онъ обратился къ царю съ слѣдующими словами: «Государь, великій князь! ты думаешь, что я боюсь тебя или смерти: нѣтъ! достигнувъ глубокой старости безпорочно, не зная въ пустынной жизни ни страстей мятежныхъ, ни козней мірскихъ, желаю такъ и предать духъ свой Всевышнему, моему и твоему Господу! Лучше умереть невиннымъ мученикомъ, нежели въ санѣ митрополита безмолвно терпѣть ужасы и беззаконія сего несчастнаго времени. Твори, что тебѣ угодно. Вотъ мой жезлъ пастырскій, вотъ бѣлый клобукъ и мантія, коими ты хотѣлъ возвеличить меня. А вы, святители, аримандриты, игумены и всѣ служители алтарей, пасите вѣрно стадо Христово, готовьтесь дать отчетъ и страшитесь Небеснаго царя еще болѣе, нежели земнаго». Сказавъ это, Филиппъ хотѣлъ удалиться, но царь приказалъ ему снова взять всѣ святительскія принадлежности и въ день Архангела Михаила служить обѣдню въ Успенскомъ соборѣ.

8-го Ноября, когда Филиппъ стоялъ въ полномъ облаченіи передъ алтаремъ, въ соборъ вошелъ Алексѣй Басмановъ, съ толпою вооруженныхъ опричниковъ и съ грамотой въ рукахъ, которую тотчасъ же приказалъ прочесть вслухъ. Въ ней было сказано, что соборомъ духовенства Филиппъ лишается сана митрополита. Вслѣдъ за этимъ, опричники бросились на Филиппа, сорвали съ него облаченіе, выгнали метлами изъ собора и повезли на дровняхъ въ Богоявленскій монастырь.

На другой день Филиппа привели въ судную палату, гдѣ въ присутствіи царя прочли ему приговоръ. Филиппъ и тутъ не упустилъ случая обратиться къ государю съ мольбою, чтобы онъ сжалился надъ своими подданными, пересталъ быть тираномъ, вспомнилъ бы, какъ царствовали его предки. Царь ничего не отвѣтилъ ему и далъ знакъ, чтобы его увели. Восемь дней Филиппъ сидѣлъ въ темницѣ, скованный, а потомъ былъ переведенъ въ монастырь Св. Николы стараго *). Всѣ родственники Филиппа, Колычевы, были казнены, а голову любимаго племянника Филиппа, Ивана Борисовича, царь велѣлъ показать Филиппу и сказать ему: «Вотъ твой племянникъ: не помогли ему твои чары». Филиппъ взялъ голову въ руки, благословилъ ее и отдалъ обратно.

Народъ съ утра до ночи тѣснился около мѣста заключенія Филиппа, выказывая тѣмъ свое сочувствіе невинному страдалцу. Это не понравилось государю, и онъ велѣлъ перевезти его въ Тверской Отрочъ монастырь, гдѣ онъ былъ задушенъ годъ спустя Малютою Скуратовымъ.

*) На Никольской улицѣ.

Царь давно уже питалъ ненависть къ своему двоюродному брату, Владиміру Андреевичу, съ самой болѣзни своей, въ 1553 году. Многіе погибли за приверженность этому князю, но царь щадилъ еще его, хотя и не выказывалъ ему большаго довѣрія. Мать Владиміра Андреевича, честолюбивая княгиня Ефросинья, постриглась въ монахини, чтобы не возбуждать противъ себя никакихъ подозрѣній.

Весною 1569 г. царь назначилъ князя Владиміра Андреевича начальникомъ войскъ, шедшихъ изъ Нижняго на защиту Астрахани. Эта кажущаяся милость царя была гибелью для князя Владиміра Андреевича. Онъ поѣхалъ въ Нижній черезъ Кострому, гдѣ жители встрѣтили его съ хлѣбомъ-солью и съ великою честію. Узнавъ объ этомъ, царь велѣлъ привезти въ Москву главныхъ начальниковъ города Костромы и казнить ихъ. Брату же своему, Владиміру Андреевичу, велѣлъ пріѣхать къ себѣ, въ Александровскую слободу. Князь остановился съ женою и двумя сыновьями въ 3 верстахъ отъ слободы, и послалъ доложить царю о своемъ пріѣздѣ. Царь не допустилъ его къ себѣ, а самъ, съ цѣлою ватагою всадниковъ, съ обнаженными саблями, пріѣхалъ въ деревню, гдѣ остановился князь и взшелъ въ избу, въ которую привели и князя Владиміра Андреевича, съ женою и дѣтьми. Царь объявилъ имъ, что они хотѣли дать ему яду, такъ пускай же сами пьютъ его. Они оправдывались, но ихъ оправданій не слушали и заставили выпить ядъ. Всѣ они умерли на глазахъ царя. Послѣ этого, онъ велѣлъ позвать ихъ слугъ, и, указывая имъ на трупы ихъ господъ, объявилъ, что даруетъ имъ жизнь. Но они отвѣчали единогласно, что не хотятъ его милостей и погибнуть вмѣстѣ съ своими господами. Царь велѣлъ ихъ разстрѣлять.

Въ то же время мать князя Владиміра, монахиню, утопили въ Шекснѣ, вмѣстѣ съ инокинею Александрою, его невѣсткою, и казнили многихъ бояръ.

1-го Сентября 1569 г. умерла вторая жена Ивана Грознаго, Марія, Черкешенка по рожденію и жестокая по характеру.

Въ Декабрѣ царь двинулся изъ Александровской слободы съ цѣлію разгромить Новгородъ, и вотъ что послужило тому поводомъ:

Лѣтомъ этого года пріѣзжалъ къ царю нѣкто Петръ, родомъ изъ Волыни, и донесъ, что Новгородцы хотятъ передаться Польскому королю, что грамота объ этомъ уже написана и лежитъ въ Софійскомъ соборѣ, за образомъ Богоматери. Царь послалъ гонца въ Новгородъ, вмѣстѣ съ доносчикомъ Петромъ, чтобы удостовѣриться въ истинѣ его словъ. Грамота дѣйствительно была найдена на указанномъ мѣстѣ, за подписью архіепископа Пимена и лучшихъ гражданъ Новгорода. Вслѣдствіе этого царь двинулся на Новгородъ, чтобы наказать его за измѣну. Архіепископъ Пименъ призналъ подпись своею, но въ то же время говорилъ, что онъ грамоты не писалъ. Царь не повѣрилъ его

увѣреніямъ и тотчасъ по прибытіи своемъ въ Новгородъ, началъ судъ и расправу надъ его жителями, которые подверглись поголовному истребленію, длившемуся болѣе мѣсяца. По свидѣтельству Курбскаго, въ Новгородѣ погибло въ это время до 15 т. человѣкъ, Новгородская лѣтопись показываетъ 10 т., Псковская 60 т., и наконецъ въ синодикѣ царя говорится: «Помяни Господи души рабъ своихъ Новгородцевъ тысящу пять сотъ пяти человѣкъ». Архіепископъ Пимень, вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ лучшихъ Новгородскихъ гражданъ, былъ отосланъ подъ стражею въ Москву, а оттуда въ Веневь, Тульской губерніи, гдѣ онъ и умеръ годъ спустя.

Въ послѣдній день своего пребыванія въ Новгородѣ, царь велѣлъ привести къ себѣ на разсвѣтъ по одному человѣку изъ каждой улицы. Несчастливыхъ привели едва живыхъ отъ страха. Но царь милостиво взглянулъ на нихъ и сказалъ имъ слѣдующую рѣчь: Жители великаго Новгорода, оставшіеся въ живыхъ! молитесь Господа Бога, Пречистую Его Матерь и всѣхъ святыхъ о нашемъ благочестивомъ царскомъ державствѣ, о дѣтяхъ моихъ благовѣрныхъ царевичахъ Иванѣ и Ѳеодорѣ, о всемъ нашемъ христіанскому войству, чтобы Господь Богъ даровалъ намъ побѣду и одолѣніе на всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ. Суди Богъ измѣннику моему и вашему, владыкѣ Пимену, его злымъ совѣтникамъ и единомышленникамъ: вся эта кровь взыщется на нихъ, измѣнникахъ; вы объ этомъ теперь не скорбите, живите въ Новгородѣ благодарно, я вамъ вмѣсто себя оставляю правителемъ боярина моего и воеводу, князя Петра Даниловича Пронскаго.

Въ этотъ же день царь выѣхалъ изъ Новгорода во Псковъ. Несчастливые жители его ожидали, что ихъ постигнетъ та же участь, какъ и Новгородцевъ, и не знали, чѣмъ бы умилостивить царя. Псковскій воевода, кн. Токмаковъ, по совѣту юродиваго Николая Салоса, чтимаго Псковичами за его святую жизнь, распорядился, чтобы всѣ жители встрѣтили царя, стоя у своихъ домовъ, съ женами и дѣтьми, и держали бы хлѣбъ-соль въ рукахъ. При появленіи царя всѣ упали на колѣна, а Никола Салосъ подбѣжалъ къ нему, и, какъ ребенокъ прыгая возлѣ его лошади, безпрестанно повторялъ: Иванушка, Иванушка, покушай хлѣба-соли, а не христіанской крови. Разгнѣванный царь приказалъ своимъ опричникамъ схватить его, но блаженный сталъ невидимъ. Царь въ смущеніи вошелъ въ соборъ св. Троицы, приложился къ кресту и затѣмъ изъявилъ желаніе посѣтить келлію блаженнаго Николая. Преданіе гласитъ, что блаженный при встрѣчѣ царя въ своей келліи, предложилъ ему въ видѣ угощенія кусокъ сыраго мяса. «Я христіанинъ и не ѣмъ мяса въ великій постъ», сказалъ ему царь. «Ты пьешь человѣческую кровь», отвѣчалъ Никола, и затѣмъ сталъ безбоязненно укорять царя въ кровопролитіи и разныхъ насиліяхъ надъ подвластнымъ ему народомъ. Царь не послушалъ убѣжденій Салоса и

приказалъ снять соборный Псковскій колоколъ, — но въ ту же минуту его извѣстили, что любимый его конь неожиданно палъ. При этомъ Никола сказалъ царю, что если онъ рѣшится сдѣлать что нибудь жестокое и несправедливое, хотя бы противъ одинаго жителя Пскова, то Богъ поразитъ его самого. Царь былъ такъ смущенъ словами блаженнаго, что тотчасъ же отдалъ повелѣнiе своимъ опричникамъ, не касаться не только жителей, но и ихъ имущества. Онъ выѣхалъ послѣ этого изъ города, и, проживъ нѣсколько дней въ предмѣстьи Пскова, вернулся въ Москву. Здѣсь онъ тотчасъ же приступилъ къ слѣдствию для отысканiя единомышленниковъ Пимена. Около пяти мѣсяцевъ производился розыскъ, и множество лицъ оказалось соприкосновенными дѣлу Новгородцевъ. Въ числѣ виновныхъ, были и любимцы царя, Алексѣй Басмановъ, сынъ его, кравчій Ѳедоръ и князь Афанасій Вяземскій, обвиняемый въ томъ, что злоумышлялъ вмѣстѣ съ Пименомъ отдать Новгородъ и Псковъ Литвѣ, царя извести, а на престолъ посадить его двоюроднаго брата, кн. Владиміра Андреевича.

Когда слѣдствіе кончилось, на площади, около Кремлевскихъ воротъ, начали дѣлать страшныя приготовленiя для казни осужденныхъ. Народъ, видя эти приготовленiя, разбѣжался и запрятался отъ страха кто куда могъ. Царь съ любимымъ сыномъ своимъ, Иваномъ, пріѣхалъ первый на площадь, а за нимъ привели цѣлую толпу осужденныхъ, окровавленныхъ и разтерзанныхъ предъидущими пытками. Замѣтивъ отсутствіе народа на площади, царь велѣлъ сгонять его туда и самъ поѣхалъ съ этою цѣлію по улицамъ. Мгновенно вся площадь покрылась народомъ. Царь возвысилъ голосъ и сказалъ: «Народъ! ты увидишь муки и гибель: но караю измѣнниковъ! Отвѣтствуй: правъ ли судъ мой?» Всѣ отвѣчали: Да живетъ многія лѣта государь великій! Да погибнуть измѣнники!

Послѣ этого, царь велѣлъ вывести 180 человекъ осужденныхъ и даровалъ имъ прощеніе. Остальныхъ начали мучить, и, въ продолженіи 4 часовъ, умертвили 200 человекъ. Царь глядѣлъ на все это, сидя на лошади.

Три дня послѣ этихъ страшныхъ казней онъ отдыхалъ, а на четвертый опять были выведены на площадь новые осужденные и казнены.

Къ довершенію бѣдствій этого страшнаго времени присоединились еще голодъ и моръ. Четверть ржи стоила въ Москвѣ 60 алтынъ или около 3 рублей. Голодъ былъ повсемѣстный и доходилъ до того, что люди поѣдали другъ друга. Вслѣдствіе этого открылся моръ. Царь приказалъ разставить на окраинахъ стражу и если кто ѣхалъ неуказаннымъ путемъ, безъ письменнаго вида, то таковыхъ жечь, вмѣстѣ съ ихъ товарами и лошадьми. Моръ продолжался до 1572 г.

Въ 1571 г. Крымскій ханъ Девлетъ-Гирей, выступилъ противъ Москвы съ 120,000 войска. Онъ шелъ очень быстро, ободраемый

перебѣжчиками изъ Бѣлева, Калуги, Каширы и Серпухова, которые всѣ въ одинъ голосъ говорили, что Московское войско все въ Нѣмецкой землѣ, что въ городахъ два года сряду былъ моръ и что воеводъ не осталось у Московскаго царя, потому что всѣ они казнены. На Окѣ, между тѣмъ, было войско, расположенное тамъ въ ожиданіи Крымскаго набѣга. Но измѣнники такъ провели ханскія войска, что они переправились черезъ Оку, миновавъ русскія войска. Царь стоялъ съ своими опричниками въ Серпуховѣ, но услышавъ, что Татары отрѣзали его отъ главнаго войска, онъ послѣшилъ въ Бронницы, оттуда въ Александровскую Слободу, а затѣмъ въ Ростовъ. 24-го Мая Татары подступили къ Москвѣ и первымъ дѣломъ зажгли посады. При сильномъ вѣтрѣ пожаръ распространился быстро и поглотилъ собою всѣ деревянныя зданія Китайя города и посадовъ. Много народу погибло при этомъ, Москва рѣка была запружена трупами искавшихъ въ ней спасенія, такъ что надо было поставить людей, чтобы баграми спускать трупы внизъ по рѣкѣ. Въ Кремлѣ выгорѣлъ весь дворъ государевъ. По свидѣтельству лѣтописи «въ грановитой, проходной, набережной и иныхъ палатахъ прутье желѣзное, толстое, что кладено крѣпости для, на связки перегорѣло и переломалось отъ жару». Дворъ государевъ былъ возстановленъ уже при Ѳедорѣ Ивановичѣ и при Борисѣ Годуновѣ. Первый бояринъ, Иванъ Дмитріевичъ Бѣльскій, задохнулся отъ дыма на своемъ дворѣ, въ каменномъ погребѣ, и много другихъ князей, княгинь, бояръ и др. погибло подобно ему.

Къ счастью Москвы, ханъ не рѣшился на приступъ, и, услышавъ о приближеніи 150,000 русскаго войска, ушелъ обратно, взявъ съ собою много плѣнныхъ. Онъ написалъ царю грамоту, въ которой говорилъ, что жжетъ и опустошаетъ русскія земли въ отмщеніе за Казань и Астрахань, и что если царь хочетъ быть съ нимъ въ мирѣ, то долженъ отдать ему эти царства. Царь соглашался отдать Астрахань, но ханъ не хотѣлъ довольствоваться ею одною. На этомъ переговоры прервались.

Между тѣмъ царь занялся другимъ дѣломъ. Онъ изъявилъ намѣреніе жениться въ третій разъ, и для этого велѣлъ отовсюду свозить невѣсты, знатныхъ и незнатныхъ, въ Александровскую слободу. Ихъ привезено было болѣе 2,000 и царь самъ выбралъ изъ нихъ 24, а изъ этихъ 12. Наконецъ предпочтеніе передъ всѣми было дано дочери купца Новгородскаго, Марѣ Васильевнѣ Собакиной. Для царевича Ивана царь избралъ Евдокію Богдановну Сабурову.

Выборъ царя оказался несчастливъ: Собакина, сдѣлавшись его невѣстой, стала худѣть и сохнуть. Царь заключилъ изъ этого, что она испорчена, и началъ истреблять мнимыхъ злодѣевъ. Шуринъ царя, князь Михайло Темгрюковичъ, былъ посаженъ на колъ. Въ то же время погибли: Яковлевъ, Сабуровъ, родной племянникъ первой супруги Василія Ивановича, Салтыковъ, и многіе другіе.

Не смотря на смертельную болѣзнь Собакиной, царь не хотѣлъ измѣнять своего намѣренія жениться на ней, и обвинчался 28-го Октября, а черезъ недѣлю женилъ сына. Но свадебные пиры окончились похоронами: 13-го Ноября царица Марѳа скончалась и была похоронена въ Вознесенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ царь женился на дѣвицѣ Аннѣ Алексѣевнѣ Колтовской.

Лѣтомъ 1572 г. Девлетъ-Гирей вновь двинулся къ Окѣ, съ 120,000 войска. Царь былъ въ это время въ Новгородѣ. Московскія войска встрѣтили хана на Окѣ, подъ предводительствомъ князя Михаила Ивановича Воротынскаго. Ханъ оставилъ 2000-ый отрядъ, чтобы скрыть свое движеніе, а самъ съ главными силами перешелъ ночью Оку и двинулся къ Москвѣ. Воротынскій погнался за нимъ и настигъ на берегу Лопасни, въ 50 верстахъ отъ Москвы. Здѣсь Воротынскій имѣлъ нѣсколько жаркихъ дѣлъ съ ханомъ, оставаясь всякій разъ побѣдителемъ. Ханъ понесъ при этомъ большія потери, и вслѣдствіе этого тайкомъ бѣжалъ обратно. Изъ 120,000 войска съ нимъ вернулся въ Крымъ едва только 20,000. Послѣ этого ханъ уменьшилъ свои требованія и готовъ былъ уже довольствоваться одной Астраханью. Но теперь счастье было на сторонѣ Московскаго царя, и онъ не соглашался отдать ее.

Вернувшись въ Москву послѣ ухода хана, царь три дня праздновалъ побѣду надъ нимъ. Затѣмъ уничтожилъ опричнину, существовавшую семь лѣтъ. Народъ снова поднялъ голову, думая, что настали лучшія времена. Какъ бы въ подтвержденіе этихъ надеждъ, царь сослалъ главнаго клеветника митрополита Филиппа, Паисія, игумена Соловецкаго, на островъ Валаамъ, а епископа Рязанскаго, Филооѳея, лишилъ сана. Кобылина, бывшаго приставомъ при Филиппѣ во время его заключенія и жестоко съ нимъ обращавшагося, сослалъ въ монастырь Каменнаго Острова.

Въ память побѣды надъ ханомъ была выстроена въ 1573 г. церковь Рождества Христова въ Палашахъ, близъ Тверской улицы. Въ этомъ храмѣ находится чудотворная икона Божьей Матери «Взысканія Погибшихъ».

Царь выступилъ затѣмъ противъ Шведовъ, взялъ крѣпость Виттенштейнъ, при осадѣ которой палъ другъ его, жестокій Малюта Скуратовъ. Въ отмщеніе за его смерть, царь велѣлъ сжечь всѣхъ плѣнныхъ Шведовъ и Нѣмцевъ.

Въ это время въ Польшѣ умеръ король Сигизмундъ-Августъ, послѣдній изъ царствующаго дома Ягеллоновъ. Надо было избрать кого нибудь на его мѣсто. Явилось предположеніе избрать Московскаго царя или его сына Оедора. Всѣ жители Кіева стояли за это избраніе, а также и въ православной Литвѣ явилось движеніе въ пользу его. Польская и Литовская рады прислали гонца Воропая къ Ивану Грозному, чтобы

извѣстить его о смерти Сигизмунда-Августа и сообщить ему въ то же время о своемъ желаніи избрать сына его, Ѳедора, королемъ Польскимъ и великимъ княземъ Литовскимъ. Царь изложилъ свой отвѣтъ Воропаю въ длинной рѣчи, въ которой высказалъ свое желаніе, чтобы выбирали его, а не сына. Онъ распространился о томъ, что въ Польшѣ считаютъ его жестокимъ, но что это напраслина. Онъ старался объяснить свое недавнее бѣгство отъ Татаръ измѣною бояръ, чтобы не считали его трусомъ. За панами онъ обѣщаль утвердить ихъ прежнія вольности, и даже можетъ быть и расширить ихъ, смотря по надобности. Онъ настаивалъ только, чтобы Ливонія была присоединена къ Москвѣ. Но это именно условіе и помѣшало главнымъ образомъ его избранію. Къ тому же онъ не послалъ съ своей стороны никакого уполномоченнаго на сеймъ, который отстаивалъ бы его избраніе и вербовалъ бы побольше сторонниковъ для него.

Царь сказалъ Воропаю, чтобы Польская и Литовская рады немедленно присылали къ нему большихъ пословъ, для окончательныхъ переговоровъ. Но прошелъ годъ, а послы не являлись. Наконецъ Литовская рада прислала отдѣльнаго посла, Михаила Гарабурду. Онъ объяснялъ замедленіе моровымъ повѣтріемъ, бывшимъ въ Польшѣ и Литвѣ, почему паны не могли съѣзжаться. Касательно избранія онъ говорилъ, что Литовская рада будетъ способствовать избранію Московскаго царя и постарается склонить въ его пользу или въ пользу его сына Польскую раду, но что царь долженъ обѣщаться, что отдастъ Литвѣ Смоленскъ, Полоцкъ, Усвяты и Озерище. На это царь не согласился, и требовалъ, чтобы еще, напротивъ того, Москвѣ былъ отданъ Кіевъ. Онъ прибавлялъ, что если одно княжество Литовское захочетъ имѣть его своимъ княземъ, отдѣльно отъ Польши, то это ему будетъ еще пріятнѣе, но что и въ этомъ случаѣ Кіевъ долженъ быть присоединенъ къ Москвѣ. Съ этимъ Гарабурда уѣхалъ.

Между тѣмъ на сеймѣ партія Московскаго царя оказалась весьма незначительною, и королемъ былъ избранъ Генрихъ Анжуйскій. Впрочемъ, онъ вскорѣ бѣжалъ изъ Польши, и на его мѣсто былъ избранъ Стефанъ Баторій, воевода Семиградскій.

По вступленіи своемъ на престолъ, въ Ноябрѣ 1576 г., Стефанъ прислалъ пословъ своихъ къ Ивану Васильевичу, который принялъ ихъ при самой торжественной обстановкѣ. Онъ сидѣлъ на тронѣ въ вѣнцѣ, а подлѣ него сынъ его, царевичъ Иванъ. На скамьяхъ вокругъ сидѣли бояре, а въ сѣняхъ дѣяки. Дѣти боярскіе стояли на крыльцѣ и въ переходахъ до Набережной палаты, подлѣ которой у перилъ, до церкви Благовѣщенія, размѣщены были гости и приказные, всѣ въ *золотыхъ одеждахъ*. На площади стояли стрѣльцы съ ружьями.

Наружность царя въ эту пору его жизни описывается слѣд. образомъ иностраннымъ писателемъ Данииломъ Принцемъ изъ Бухова: «Онъ

очень высокаго роста, тѣло имѣетъ полное силы, и довольно толстое, большіе глаза, которые у него постоянно бѣгаютъ и все наблюдаютъ самымъ тщательнымъ образомъ. Борода у него рыжая, съ небольшимъ оттѣнкомъ черноты, довольно длинная и густая, но волоса на головѣ, какъ у большей части русскихъ, обрѣты. Въ припадкахъ гнѣва, къ которымъ онъ очень склоненъ, онъ испускаетъ пѣну, словно конь, и приходитъ какъ бы въ безуміе; въ такомъ состояніи онъ бѣсится и на встрѣчныхъ».

Царь принявъ отъ пословъ грамоту Стефана, спросилъ о его здоровьи, но не позвалъ пословъ къ обѣду. Бояре объяснили посламъ отъ имени государя, что Стефанъ видно хочетъ войны съ Москвою, потому что въ грамотѣ своей не выставилъ полного титула царя, и назвалъ его братомъ, тогда какъ Стефанъ по происхожденію своему былъ только воеводою, подданнымъ короля Венгерскаго. Посламъ высказали, что если Баторій хочетъ быть въ дружбѣ съ Иваномъ Васильевичемъ, то долженъ писать его царемъ, съ полнымъ титуломъ, и отказаться отъ Ливоніи.

Въ Москвѣ между тѣмъ снова возобновились казни. Погибло много бояръ, заподозрѣнныхъ въ измѣнѣ, и въ томъ числѣ Михайло Воротынскій, спасшій за десять мѣсяцевъ передъ тѣмъ Москву отъ Татаръ.

Въ 1579 г. Стефанъ Баторій объявилъ войну Ивану Васильевичу, и самъ принялъ начальство надъ войскомъ. Онъ былъ искусный полководецъ, и наши войска, при встрѣчи съ нимъ, всюду терпѣли неудачи. Онъ взялъ нѣсколько русскихъ городовъ, и осадилъ Псковъ, который оказалъ мужественное сопротивленіе, подъ начальствомъ своего воеводы, Ив. Петр. Шуйскаго. Въ то же время Шведы, подъ предводительствомъ Делагарди, отгѣснили Русскихъ отъ Финскаго залива.

Среди всѣхъ этихъ неудачъ Ивана Грознаго постигло еще семейное несчастіе: въ припадкѣ гнѣва онъ ударилъ жезломъ любимаго своего старшаго сына, Ивана, и ударъ оказался смертельнымъ *). По свидѣтельству іезуита Поссевина, убійство произошло вслѣдствіе семейной ссоры: царевичъ вступился за свою жену, которую отецъ его прибилъ. Другой писатель, Масса, говоритъ, что царь замѣчалъ въ сынѣ большую склонность къ иностранцамъ, и что до него дошло, будто сынъ говорилъ, что по вступленіи своемъ на престолъ прикажетъ дворянскимъ женамъ носить нѣмецкое платье. Вслѣдствіе этого царь сталъ будто бы подозрѣвать сына въ желаніи свергнуть его съ престола. Это подозрѣніе повело къ ссорѣ съ сыномъ и нечаянному убійству. Но свершивъ его, царь былъ въ отчаяніи. Онъ собралъ бояръ, объявилъ имъ, что убилъ сына, что не хочетъ болѣе царствовать, а такъ какъ второй сынъ его, Ѳедоръ, не способенъ править государствомъ, то пусть бояре выби-

*) Это событіе произошло въ Александровской слободѣ.

раютъ себѣ царя. Бояре отвѣчали, что не хотятъ никого имѣть царемъ кромѣ его.

Оправившись отъ постигшаго его несчастья Иванъ Васильевичъ рѣшился вступить въ мирные переговоры съ Баторіемъ. Онъ обратился съ просьбой о посредничествѣ къ папѣ Григорію XIII.

Папа прислалъ въ Москву іезуита Антонія Поссевина, въ качествѣ посредника между царемъ и Баторіемъ, но въ сущности имѣя тайную цѣль склонить Ивана Васильевича къ принятію католической религіи и признанію главенства папы. Царь не сталъ вступать съ Поссевинымъ въ пренія о церковныхъ вопросахъ, а поручилъ ему прежде всего ѣхать къ Баторію для переговоровъ. Поссевинъ поѣхалъ, а вмѣстѣ съ нимъ и послы Московскіе. Переговоры велись съ уполномоченнымъ короля въ деревнѣ Киверова Гора, въ 15 верстахъ отъ Запольскаго Яма. Послѣ многихъ пререканій заключено было 10 лѣтнее перемиріе, по которому Иванъ Васильевичъ отдавалъ корслю всѣ взятыя имъ въ Ливоніи города, и получалъ обратно Великіе Луки и другіе города, взятыя королемъ. Въ Іюнѣ пріѣхали въ Москву Литовскіе послы для подтвержденія договора.

Окончивши дѣло посредничества, Поссевинъ приступилъ къ дѣламъ вѣры. Онъ просилъ позволенія говорить съ царемъ наединѣ. Но царь отвѣчалъ, что лучше имъ не касаться вѣры, потому что каждый по своей вѣрѣ ревнитель, а изъ споровъ можетъ только произойти вражда. Къ тому же царь говорилъ, что онъ и не можетъ дерзнуть на такое великое дѣло безъ благословенія митрополита и всего освященнаго собора.

Видя неудачу въ своихъ намѣреніяхъ Поссевинъ просилъ по крайней мѣрѣ, чтобы царь разрѣшилъ построить въ Москвѣ католическую церковь, и отпустилъ бы съ нимъ нѣсколько молодыхъ людей для изученія Латинскаго языка. Но царь не согласился и на это, и Поссевинъ уѣхалъ неудовлетворенный.

Въ слѣдующемъ году былъ заключенъ миръ съ Швеціею, по которому русскіе города Ямъ, Иванъ-городъ и Копорье остались за Швеціей.

Всѣ эти событія, въ соединеніи со смертью сына, сильно повліяли на здоровье царя. Да и вообще невоздержная жизнь его не могла не состарить его прежде времени.

Иванъ IV былъ женатъ семь разъ и отъ послѣдняго брака, на Маріи Нагой, имѣлъ сына Дмитрія-Уара, родившагося въ 1583 г. Въ память его рожденія былъ сдѣланъ придѣлъ въ честь св. мученика Уара, при церкви Рождества Іоанна Предтечи въ Кремлѣ.

Въ началѣ 1584 года царь заболѣлъ страшною болѣзнію: у него стали гнить внутренности, и тѣло пухло. 18-го Марта онъ умеръ въ то время какъ, почувствовавъ облегченіе, собирался играть въ шахматы. Надъ нимъ совершили обрядъ постриженія и назвали Іоною.

За два года до смерти Ивана IV, предѣлы Московскаго государства увеличились присоединеніемъ къ нему Сибирскаго царства. Дѣло это произошло слѣдующимъ образомъ:

Послѣ завоеванія Казани и Астрахани многіе сосѣдніе незначительные владѣльцы присылали къ Московскому царю просить покровительства. Въ томъ числѣ явились послы и отъ Сибирскаго князя Едигера. Они поздравили Ивана Васильевича съ покореніемъ царства Казанскаго и били челомъ, чтобы царь взялъ подъ свое покровительство всю землю Сибирскую съ ихъ княземъ, наложилъ бы на нихъ дань, но взялъ бы при этомъ на себя обязанность защищать ихъ отъ ихъ недруговъ.

Царь согласился и послалъ съ ними своего посла, Дмитрія Курова, для сбора дани соболями и бѣлками. Но Едигеръ не далъ сполна всей обѣщанной дани, отговариваясь тѣмъ, что ихъ землю разорилъ Шибанскій царевичъ и не съ кого брать мѣховъ. Царь задержалъ посла Едигера и отправилъ въ Сибирь служилыхъ Татаръ съ непремѣннымъ требованіемъ, чтобы вся дань была уплочена. Въ слѣдующемъ году Едигеръ дѣйствительно прислалъ остальные 1000 соболей, да еще 106 соболей вмѣсто бѣлокъ. Вмѣстѣ съ данью онъ прислалъ и шертную грамоту, въ которой обязывался быть данникомъ Московскаго царя.

Но такое подданство, по отдаленности страны, не было вполнѣ обезпечено. Покореніе Сибири сдѣлалось возможнымъ только тогда какъ русская колонизація, начавшаяся еще во времена самостоятельности Новгорода великаго, приблизилась къ Уральскому хребту или Каменному поясу, какъ его называли встарину.

Важную службу въ этомъ отношеніи сослужилъ родъ купцовъ Строгоновыхъ, который съ давнихъ поръ поселился на восточной окраинѣ. Родоначальникомъ этого рода былъ Новгородецъ Лука Спиридоновичъ Строгоновъ, жившій при Дмитріѣ Донскомъ. При Василии Темномъ родъ ихъ былъ уже настолько богатъ, что могъ главнымъ образомъ содѣйствовать выкупу великаго князя изъ казанскаго плѣна.

При Иванѣ Грозномъ три брата Строгоновыхъ: Яковъ, Григорій и Семень Аникіевичи возымѣли мысль подвинуться далѣе на востокъ и били челомъ царю, чтобы онъ позволилъ имъ занять пустыя мѣста по обѣимъ сторонамъ рѣки Камы, до рѣки Чусовой, всего на сорокъ шесть верстъ. Строгоновы объясняли, что хотятъ на этой землѣ поставить городъ и снабдить его орудіями для защиты отъ Ногайскихъ и другихъ ордъ. Остальную же землю расчистить подъ пашню, а гдѣ найдется соль, то поставить варницы и варить соль.

Царь согласился и далъ Строгоновымъ различныя льготы на 20 лѣтъ, съ условіемъ, что если они найдутъ руду серебряную, или мѣдную, или оловянную, то должны дать знать царскимъ казначеямъ, а сами ихъ не должны разрабатывать.

Строгоновы построили городъ близъ устья Чусовой и назвали его Канкоромъ, а черезъ пять лѣтъ другой городъ, Кергеданъ, на Орловскомъ Волокѣ и нѣсколько укрѣпленій по Чусовой и по Сыльѣ. Позднѣе Яковъ Строгоновъ билъ челомъ, чтобы царь прибавилъ къ прежнему жалованью еще 20 верстъ земли. Царь согласился, но освободилъ отъ податей этотъ новый участокъ земли только на 10 лѣтъ.

Утвердившись по сю сторону Урала, Строгоновы не ограничились этимъ. Новый Сибирскій салтанъ Кучюмъ враждебно относился къ Московскому владычеству, и племянникъ его, Маметкулъ, доходилъ съ войскомъ до Чусовой, побилъ много Остяковъ, платившихъ дань Москвѣ, и убилъ посла Московскаго, Третьяка Чебукова, ѣхавшаго въ Киргизъ-Кайсацкую орду. Тогда Яковъ и Григорій Строгоновы били челомъ царю, чтобы онъ позволилъ имъ построить крѣпости между Тахчеями, на рѣкѣ Тоболѣ и по рѣкамъ, впадающимъ въ него, и вести войну съ Кучюмомъ. Крѣпости они обѣщались держать на свой счетъ, но просили, чтобы царь позволилъ имъ пахать пашни, выработывать желѣзо и владѣть угодьями. Царь былъ очень радъ этому предложенію и позволилъ Строгоновымъ укрѣпиться за Ураломъ, съ правомъ не платить податей втеченіи 20 лѣтъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ царь предоставилъ имъ право набирать охотниковъ и посылать противъ Сибирскаго салтана Кучюма, а на покоренныхъ налагать дань въ пользу Московскаго царя.

По смерти Якова и Григорія Аникіевичей Строгоновыхъ, сыновья ихъ, Максимъ Яковлевичъ и Никита Григорьевичъ, наняли для защиты своихъ владѣній отъ Сибирскихъ племенъ, дѣлавшихъ набѣги на нихъ, атамана Ермака Тимофеевича съ горстью Донскихъ казаковъ, которыми онъ предводительствовалъ. Кромѣ Ермака, атаманами казаковъ были: Иванъ Кольцо, осужденный Иваномъ Грознымъ на смерть, но спасшійся счастливымъ бѣгствомъ, Яковъ Михайловъ, Никита Панъ и Матвѣй Мещерякъ. Всѣ они составляли вольную дружину на Волгѣ, занимавшуюся разбоями. Застигнутые царскими воеводами и разбитые ими, они разсѣялись и въ числѣ 540 человекъ явились къ Строгоновымъ, предлагая вступить въ ихъ службу. Строгоновы приняли ихъ, и два года казаки оставались у нихъ, оберегая ихъ отъ сосѣднихъ дикарей. Въ 1581 году Строгоновы отпустили Ермака Тимофеева съ его казаками идти противъ Сибирскаго салтана и дали ему въ помощь отъ себя 300 человекъ ратныхъ людей изъ Литовцевъ, плѣнныхъ Нѣмцевъ, Татаръ и Русскихъ. Строгоновы снабдили Ермака оружіемъ, пушечками и пищальми, одеждою и съѣтными припасами, дали проводниковъ и толмачей, умѣвшихъ объясняться съ туземцами.

Какъ скоро Ермакъ съ своею дружиною ушелъ для покоренія Сибири, Строгоновы подверглись нападенію Вогуличей и послали къ царю просить помощи ратными людьми. Царь велѣлъ Пермскому намѣстнику,

князю Елецкому, послать къ нимъ 200 человекъ вооруженныхъ людей на помощь, съ тѣмъ чтобы и Строгоновы помогали, если Вогуличи нападутъ на Пермскія и Усольскія мѣста. Но распорядившись такимъ образомъ, царь узналъ, что Строгоновы потерпѣли отъ Вогуличей вслѣдствіе того, что отпустили свои главныя силы въ Сибирь, чѣмъ раздражили только салтана Кучюма и князя Пелымскаго, который и сдѣлалъ нападеніе на Пермскія мѣста. Тогда царь приказалъ Строгоновымъ сейчасъ же возвратитъ казаковъ назадъ, иначе онъ положитъ на нихъ опалу. Но возвращать ихъ было уже поздно, потому что казаки ушли слишкомъ далеко.

Ермакъ съ своими сотоварищами плылъ четыре дня вверхъ по Чусовой, до устья рѣки Серебряной, а затѣмъ по Серебряной два дня до Сибирской дороги. Тутъ они высадились и поставили земляной городъ, который назвали Ермаковымъ Кукуюмъ городомъ. Потомъ шли волокомъ до рѣки Жаровли, а затѣмъ Жаровлею до рѣки Туры. Тутъ начиналась собственно Сибирская страна, и они поплыли внизъ по Турѣ, разоряя попадающіеся Татарскіе города и улусы. На устьѣ Тавды они захватили въ плѣнъ Татарскаго сановника Таузака, служившаго у Кучюма. Ермакъ, отобравъ отъ него нужныя свѣденія, отпустилъ его съ тѣмъ, чтобы онъ рассказалъ Кучюму о силѣ казаковъ. Отпущенный плѣнникъ дѣйствительно напугалъ Кучюма рассказами про огнестрѣльное оружіе казаковъ, еще неизвѣстное въ тѣхъ странахъ. Кучюмъ выслалъ войско противъ казаковъ, подъ начальствомъ своего племянника, Маметкула, а самъ укрѣпился подлѣ рѣки Иртыша, подъ горою Чувашью. Казаки разбили Маметкула на берегахъ Тобола, потомъ взяли улусъ князя Карача, на берегахъ озера Карачинскаго, при чемъ захватили богатую добычу, но всѣ были переранены. Они засѣли въ городкѣ Атикъ-Мурзы и стали разсуждать, идти ли имъ далѣе или возвращаться назадъ. Большинство пожелало идти впередъ.

На другой день, 23-го Октября, на разсвѣтѣ казаки напали на засаду, въ которой засѣлъ Кучюмъ. Послѣ упорнаго боя, они побѣдили, потерявъ при этомъ 107 человекъ. Царевичъ Маметкулъ былъ раненъ, и Кучюмъ бѣжалъ въ свой главный городъ Искеръ или Сибирь, а оттуда, забравъ свою казну, побѣжалъ далѣе. Казаки вошли въ городъ Сибирь 26-го Октября, а черезъ четыре дня къ Ермаку явился съ челобитьемъ князь Остяцкій, Боаръ, съ дарами и запасами. Вскорѣ послѣ явились и Татары съ своими семьями, бѣжавшіе изъ города передъ вступленіемъ казаковъ. Ермакъ обласкалъ ихъ и позволилъ жить на прежнихъ мѣстахъ, обложивъ ихъ небольшою данью.

Мѣсяца два казаки жили спокойно въ Сибири, но въ Декабрѣ человекъ 20 изъ нихъ отправились ловить рыбу на Абалацкое озеро. Царевичъ Маметкулъ подкараулилъ ихъ тамъ и всѣхъ перебилъ. Ермакъ поспѣшилъ тотчасъ же отмстить за товарищей. Онъ настигъ Татаръ

близь Абалака и бился съ ними до глубокой ночи. Татары разбѣжались, а Ермакъ вернулся въ Искеръ.

Дождавшись весны, Ермакъ отрядилъ часть своихъ казаковъ противъ Маметкула. Они были такъ счастливы, что, разбивъ Татаръ, захватили Маметкула въ плѣнъ и привели въ Искеръ.

Все лѣто 1582 года Ермакъ посвятилъ на покореніе различныхъ татарскихъ городковъ и улусовъ по рѣкамъ Иртышу и Оби. Въ одномъ изъ походовъ онъ потерялъ храбраго сподвижника своего Никиту Пана и нѣсколько храбрыхъ казаковъ, павшихъ во время приступа одной крѣпости.

Вернувшись въ Искеръ, Ермакъ послалъ сказать Строгоновымъ о своихъ успѣхахъ, а Строгоновы дали знать объ этомъ царю и были пожалованы за то городами Солью Вольшою на Волгѣ и Солью Малюю, а равно и нѣкоторыми льготами.

Ермакъ отъ себя послалъ къ царю втораго послѣ себя атамана, Ивана Кольцо, бить челомъ Сибирскимъ царствомъ. Иванъ Кольцо привезъ съ собою ясакъ Сибирскій: 60 сороковъ соболей, 20 черныхъ лисицъ и 50 бобровъ. Царь принялъ пословъ милостиво и одѣлилъ ихъ своимъ великимъ жалованьемъ, деньгами, сукнами и камками. Вѣсть о новомъ завоеваніи произвела неописанный восторгъ въ Москвѣ. Звонили въ колокола и поздравляли другъ друга какъ въ счастливые дни царствованія Ивана Васильевича, послѣ покоренія Казани и Астрахани. Отпуская обратно Ивана Кольцо, царь послалъ съ нимъ къ Ермаку 500 стрѣльцовъ съ воеводою княземъ Семеномъ Болховскимъ и Иваномъ Глуховымъ, для принятія Сибирскихъ городовъ. Въ грамотѣ своей къ Ермаку, царь объявилъ всеѣмъ казакамъ полное прощеніе всеѣхъ ихъ провинностей и назвалъ Ермака княземъ Сибирскимъ. Онъ послалъ богатые дары всеѣмъ людямъ Ермака, а ему, какъ вождю, двѣ брони, серебряный кубокъ и шубу съ царскаго плеча.

Вскорѣ по прїѣздѣ своемъ въ Искеръ стрѣльцы стали болѣть цынгою, а отъ нихъ и казаки. Болѣзнь эта усилилась еще болѣе вслѣдствіе обнаружившагося голода. Стояли сильные морозы, выюги и мятели, а потому не было и подвозу съѣстныхъ припасовъ. Жертвою этой болѣзни сдѣлался царскій воевода князь Волховской. Но съ наступленіемъ весны болѣзнь ослабѣла.

Тогда явилась другая бѣда: Татарскій князь Карача прислалъ Ермаку дары, прося защитить его отъ Ногаевъ. Ермакъ, не подозрѣвая тайнаго замысла со стороны Карача, послалъ къ нему на помощь сорокъ лучшихъ воиновъ съ атаманомъ Кольцо. Они шли безо всякой осторожности, не предполагая измѣны, и все были перебиты въ Тарскомъ улусѣ.

Эта гибель казаковъ была какъ бы сигналомъ къ общему возстанію противъ владычества Русскихъ. Остяки убили атамана Якова Ми-

хайлова, и, соединившись съ Карачею, подступили къ Искеру. Они окружили городъ со всѣхъ сторонъ, но не подходили къ нему близко, чтобы не подвергнуться дѣйствию пушекъ. Голодъ необходимо долженъ бы былъ заставить осажденныхъ слаться, если бы не отчаянная храбрость атамана Матвѣя Мещеряка. Онъ пробрался ночью съ горстью казаковъ въ станъ Карачи, кинулся на сонныхъ Татаръ, убилъ двухъ сыновей Карача и множество Татаръ. На разсвѣтъ Татары, увидавъ малочисленность нападающихъ, пріободрились было, но казаки, засѣвъ въ княжескомъ обозѣ, отразили всѣ нападенія, и въ полдень торжественно вернулись въ Искеръ. Карача снялъ осаду и бѣжалъ за Ишимъ, а всѣ окрестные юрты снова признали зависимость свою отъ Русскихъ.

Ермакъ предпринялъ еще одинъ походъ, направившись вслѣдъ за Карачею, вверхъ по рѣкѣ Иртышу. Онъ покорилъ еще нѣсколько городовъ, обложивъ жителей данью, но дойдя до устья Ишима и потерявъ въ кровопролитной схваткѣ съ тамошними жителями пять храбрыхъ казаковъ, Ермакъ взялъ городъ Ташатканъ и вернулся назадъ. Вскорѣ послѣ этого онъ погибъ, неосторожно выйдя съ пятидесятью казаками на встрѣчу купеческому каравану. Онъ расположился на ночь въ шатрахъ, оставивъ лодки у берега, близъ Вагайскаго устья. Когда казаки заснули подъ шумъ сильнаго дождя, Кучюмъ подкрался къ нимъ и всѣхъ перерѣзалъ, исключая одного казака, бѣжавшаго въ Искеръ, и Ермака, который кинулся въ глубокой Иртышъ, но не доплылъ до своихъ лодокъ и утонулъ, выбившись изъ силъ, подъ тяжестью желѣзной брони, присланной ему Иваномъ Грознымъ. Такъ погибъ славный завоеватель Сибири.

Вѣсть о его гибели привела въ ужасъ остальныхъ Русскихъ въ Искерѣ. Ихъ оставалось всего около 150 человекъ, подъ начальствомъ атамана Матвѣя Мещеряка. Видя невозможность держаться долѣе, они рѣшились плыть обратно въ Россію. Кучюмъ, узнавъ объ ихъ удаленіи, не рѣшился ихъ преслѣдовать, но поспѣшилъ скорѣе вернуться въ Искеръ.

Москва, какъ городъ, въ царствованіе Грознаго не только не украсилась, но пришла въ совершенный упадокъ. Сожженная ханомъ Девлетъ-Гиреемъ въ 1571 году, она уже не отстроивалась до конца царствованія Ивана IV. По свидѣтельству Поссевина, въ 1581 году въ ней насчитывалось жителей не болѣе 30,000, тогда какъ въ XVII вѣкѣ ихъ было въ шесть разъ болѣе.

Не возводя никакихъ построекъ, Иванъ Грозный любилъ между тѣмъ роскошь и любилъ удивлять иностранцевъ горами жемчуга, золота и серебра во дворцѣ. Онъ окружалъ себя великолѣпіемъ при торжественныхъ выходахъ и выѣздахъ, а равно и въ церковныхъ торжествахъ, и любилъ дѣлать пышные обѣды, которые длились по пяти, шести часовъ. На нихъ присутствовало по 600 и по 700 гостей. Однажды обѣдало у царя 2000 Ногайскихъ союзниковъ, шедшихъ

на войну въ Ливонію. Иностраннй писатель Даніиль Принцъ изъ Бухова, бывшій посломъ императора Максимилиана при дворѣ Ивана Грознаго, рассказываетъ, что когда онъ обѣдалъ во дворцѣ съ остальными членами посольства, то всѣ они были поражены безчисленнымъ множествомъ серебряной утвари, разставленной на столахъ и состоящей изъ чашъ, сосудовъ для питья, чашекъ и стакановъ разнаго вида. Великій князь съ сыномъ и двумя стами вельможъ сидѣлъ уже за столомъ, когда ввели пословъ въ комнату, предназначенную для обѣда. Прежде всего были поданы жареные лебеди, приправленные чеснокомъ и лукомъ. Ни тарелокъ, ни ножей, ни вилокъ не было подано, и все ѣли руками. Почти въ концѣ обѣда царь роздалъ стольникамъ соленныя сливы, которыя употребляются здѣсь обыкновенно съ жаренымъ мясомъ, вмѣсто лимоновъ, употребляемыхъ въ западной Европѣ. Впрочемъ лимоны тоже извѣстны въ Москвѣ и считаются большимъ лакомствомъ при рыбахъ и другихъ кушаньяхъ. Обѣдъ продолжался нѣсколько часовъ, и по окончаніи его царь подаль свою рукою каждому послу по стакану краснаго меда. Это питье дѣлается у Москвичей изъ меда, воды и хмеля, иногда приправляется ароматами, или какими нибудь плодами, и чрезвычайно вкусно. За царскимъ столомъ подается медъ бѣлый и красный.

Про жилища Москвичей тотъ же самый писатель говоритъ, что даже дома знатныхъ людей малы, и по большей части крыты соломою. Люди и скотъ помѣщаются вмѣстѣ. Въ окнахъ вмѣсто стеколъ вставляется льняной холстъ, пропитанный масломъ, или бычачьи пузыри. Стеколь у нихъ нѣтъ совсѣмъ, кромѣ какъ во дворцѣ.

ГЛАВА XII.

Вѣнчаніе на царство Ѳедора Ивановича. — Годуновъ. — Отзывъ иностранца Марка Варкочъ о Москвѣ. — Образъ жизни царя Ѳедора. — Построеніе колокольни Ивана Великаго. — Внѣшній видъ Москвы.

1584—1600.

Ивану Грозному наслѣдовалъ сынъ его, Ѳедоръ, слабый умомъ и тѣломъ. Иванъ Васильевичъ зналъ его неспособность и потому назначилъ передъ смертію Верховную Думу, въ рукахъ которой должно было находиться управленіе государствомъ. Дума должна была состоять изъ пяти лицъ: князя Мстиславскаго, Никиты Романовича Юрьева, брата царицы Анастасіи, князя Шуйскаго, отстоявшаго Псковъ отъ Баторія, Бѣльскаго и Годунова.

По кончинѣ Ивана IV первымъ дѣломъ верховной думы было заставить всѣхъ бояръ и служилыхъ людей присягнуть Ѳедору и затѣмъ разослать гонцовъ по всей русской землѣ съ извѣстіемъ о смерти царя

и о вояженіи его сына. Къ вдовствующей царицѣ и ко всѣмъ Нагимъ была приставлена стража, такъ какъ опасались ихъ замысла провозгласить Дмитрія царемъ. Позднѣ же, Марія съ царевичемъ Дмитриемъ и всѣ Нагіе были сосланы въ Угличъ, гдѣ ихъ обставили по-царски и дали имъ огромный штатъ служителей, даже дѣтей боярскихъ и стрѣльцовъ для охраны.

Въ это время въ Москвѣ разнеслась вѣсть, что одинъ изъ пяти бояръ, Бѣльскій, хочетъ отравить Ѳедора и возвести на престолъ своего друга, Годунова. Народъ пришелъ въ ярость, вооружился чѣмъ попало и толпою въ нѣсколько тысячъ устремился въ Кремль: но ворота успѣли во время закрыть. Толпы овладѣли пушкою въ Китайгородѣ и навели ее на Фроловскія ворота съ цѣлю разбить ихъ и овладѣть крѣпостью.

Ѳедоръ выслалъ къ нимъ князя Мстиславскаго и боярина Юрьева спросить, чего они хотятъ? Всѣ въ одинъ голосъ потребовали выдачи имъ Бѣльскаго. Тогда Ѳедоръ велѣлъ имъ сказать, что онъ немедленно вышлетъ Бѣльскаго изъ Москвы, и дѣйствительно выслалъ его на воеводство въ Нижній Новгородъ. Толпы успокоились и разошлись, не требуя выдачи Годунова, вѣроятно ради близости его къ царю, который былъ женатъ на сестрѣ Годунова. Между тѣмъ, Годуновъ все болѣе и болѣе входилъ въ силу. Царь очень любилъ свою жену, Ирину, которую лѣтописцы сравниваютъ по добротѣ съ Анастасією. А царица, любя своего брата, способствовала его возвышенію. Годуновъ обладалъ умомъ, ловкостью и осторожностью — всѣми качествами, нужными для правителя, и вся власть вскорѣ сосредоточилась въ его рукахъ. Замѣчательно, что онъ, по свидѣтельству иностраннаго писателя Флетчера, не умѣлъ ни читать, ни писать, но обладалъ необыкновенною памятью.

Черезъ шесть недѣль послѣ смерти Грознаго, 31-го Мая, царь Ѳедоръ торжественно вѣнчался на царство. Обрядъ этотъ былъ совершенъ митрополитомъ Діонисіемъ. При шествіи царя изъ дворца въ Успенскій соборъ Годуновъ несъ скипетръ, а во время самага вѣнчанія стоялъ по правую руку царя, впереди всѣхъ остальныхъ бояръ. Одежда на немъ отличалась особеннымъ великолѣпіемъ.

Послѣ вѣнчанія была совершена литургія, за которою царь стоялъ въ полномъ царскомъ одѣяніи, въ коронѣ Мономаховой и со скипетромъ въ рукахъ. Въ концѣ литургіи митрополитъ помазалъ его святымъ муромъ и причастилъ Св. Тайнъ, во время чего Борисъ опять держалъ скипетръ, а Юрьевъ и Дмитрій Ивановичъ Годуновъ (дядя Бориса и Ирины) вѣнецъ царскій, на золотомъ блюдѣ. Изъ Успенскаго собора Ѳедоръ ходилъ въ Архангельскій для поклоненія гробницамъ своихъ предковъ, а потомъ вернулся во дворецъ, гдѣ бояре и служилые люди цѣловали у него руку. Къ обѣденному столу были приглашены знат-

нѣйшіе бояре и духовенство. Пирь во дворцѣ и въ то же время народныя гулянья и увеселенья продолжались цѣлую недѣлю и закончились военнымъ праздникомъ загородомъ.

Во время этихъ пировъ царь щедро надѣлилъ подарками митрополита, святителей и другихъ, и самъ получилъ дары отъ бояръ, купцовъ и гостей, русскихъ и иностранныхъ. Нѣсколько человѣкъ онъ наградилъ званіемъ бояръ, выпустилъ на свободу многихъ заключенныхъ и освободилъ всѣхъ военнопленныхъ. Больше всего милостей досталось на долю Годунова. Во первыхъ, онъ былъ пожалованъ знатнымъ саномъ конюшаго боярина, давно уже никому не жалованнымъ, и получилъ титуло *ближняго великаго боярина* и намѣстника царствъ Казанскаго и Астраханскаго. Кромѣ того, ему даны были въ пользованіе громадныя земли и помѣстья, казенные сборы: московскіе, рязанскіе, тверскіе и сѣверскіе, и особое денежное жалованье. Все это, вмѣстѣ съ доходами его родовыхъ отчинъ, приносило ему не менѣе восьми или девяти сотъ тысячъ рублей серебромъ въ годъ, такъ что онъ могъ собственными средствами выводить въ поле до 100,000 войска. Вся власть окончательно уже соединилась въ это время въ его рукахъ. Совѣтъ пяти, потерявшій уже одного члена въ лицѣ Бѣльскаго, теперь утратилъ всякое значеніе. Пренная царская Дума вполне подчинилась правителю.

По окончаніи празднествъ, Федоръ предался богомолью. Онъ принималъ, вмѣстѣ съ царицею, путешествіе пѣшкомъ въ Троицкую Лавру, а затѣмъ и въ другіе монастыри. Годуновъ распорядился, чтобы царицу-сестру его сопровождали во время ея путешествія знатнѣйшія боярыни и цѣлый полкъ особыхъ царицыныхъ тѣлохранителей, учрежденныхъ имъ для большаго блеска. Самъ же онъ занялся государственными дѣлами.

Онъ преслѣдовалъ всякія злоупотребленія власти внутри государства, успокоилъ волненія въ Казани и утвердилъ тамъ наше владычество, построивъ нѣсколько крѣпостей на горной и луговой сторонахъ Волги. Затѣмъ, еще не зная о гибели Ермака, онъ послалъ къ нему въ помощь воеводу Ивана Мансурова съ отрядомъ стрѣльцовъ, и, вслѣдъ за нимъ, Василя Сукина, Ивана Мяснаго и Данілу Чулкова, съ войскомъ и огнестрѣльнымъ снарядамъ.

Мансуровъ встрѣтилъ на рѣкѣ Турѣ атамана Матвѣя Мещеряка съ горстью Ермаковыхъ сподвижниковъ, которые сейчасъ же съ нимъ вернулись къ устью Тобола. Искеромъ въ это время владѣлъ уже не Кучюмъ, а храбрый князь Сейдякъ, который, узнавъ о походѣ противъ него царскихъ воеводъ, ожидалъ ихъ съ сильнымъ войскомъ. Казаки уговорили Мансурова, минуя Сейдяка, проплыть далѣе Иртышомъ, до впаденія его въ Обь. Тамъ они вышли на берегъ и заложили деревянную крѣпость. Остяки осадили было ихъ въ этой крѣ-

пости, но разсѣялись тотчасъ послѣ того, какъ ловкимъ пушечнымъ выстрѣломъ раздробило ихъ идола, бывшаго въ большомъ уваженіи у нихъ и котораго они привезли съ собой, возлагая на него всѣ надежды.

Воеводы Сукинъ и Мясной, пріѣхавшіе послѣ, остановились на рѣкѣ Турѣ и основали городъ Тюмень. Чулковъ заложилъ Tobольскъ, гдѣ построилъ первую христіанскую церковь, а потомъ соединился съ Мансуровымъ, и, разбивъ князя Сейдяка, взялъ его въ плѣнъ, со всѣмъ обозомъ и богатствами. Въ этой битвѣ погибъ послѣдній атаманъ, изъ сподвижниковъ Ермака, Никита Мещерякъ.

Съ тѣхъ поръ значеніе Искера утрачивается, и главнымъ городомъ Сибири дѣлается Tobольскъ. Сибирь окончательно уже переходитъ въ подданство Москвы. Годуновъ озаботился построеніемъ въ ней городовъ, заселеніемъ пустыхъ пространствъ русскими земледѣльцами, — и этимъ упрочилъ русское владычество. А насколько это владычество было выгодно, видно изъ того, что въ 1586 г. Сибирь доставила казны 200,000 соболей, 10,000 черныхъ лисицъ, 500,000 бѣлокъ, кромѣ бобровъ и горностаевъ.

Другимъ пріобрѣтеніемъ въ царствованіе Ѳедора была Грузія, или древняя Иверія. Грузинскій царь, Александръ, прислалъ къ Ѳедору бить челомъ, чтобы онъ принялъ Грузію подъ свою высокую руку. Желаніе его было исполнено, несмотря на то, что это могло возбудить гнѣвъ Турецкаго султана, который владѣлъ уже западною частію Грузіи, и только Персидскій шахъ мѣшалъ ему овладѣть остальною частію.

Въ Грузію посланы были гонцы отъ имени Ѳедора для принятія присяги отъ царя и всего народа, а затѣмъ посланъ былъ важный сановникъ, князь Семень Звенигородскій, съ жалованной грамотой. Александръ цѣловалъ крестъ, вмѣстѣ съ тремя своими сыновьями, что будетъ служить вѣрно Ѳедору и могущимъ у него быть дѣтямъ, и будетъ присылать въ Москву ежегодно 50 золотыхъ персидскихъ камокъ, и десять ковровъ съ золотомъ и серебромъ, или какія нибудь узорочья Иверской земли, равныя съ ними стоимостью.

Ѳедоръ, или вѣрнѣе Годуновъ, такъ какъ все управленіе сосредоточивалось въ его рукахъ, — на первыхъ же порахъ велѣлъ стрѣльцамъ, подъ предводительствомъ воеводы князя Андрея Ивановича Хворостинина, занять городъ Терскій, чтобы утвердить вліяніе Москвы надъ Кабардинскими и Черкесскими князьями и защищать въ случаѣ нужды Грузію, а другое войско послалъ изъ Астрахани на Дагестанскаго князя Шавкала. Кромѣ того, Александру былъ посланъ огнестрѣльный снарядъ и обѣщано прислать мастеровъ для литья пушекъ. При этомъ Александру данъ былъ совѣтъ не входить въ открытыя непріязненныя отношенія съ Турціею, потому что Ѳедоръ не хотѣлъ съ нею войны. Турція имѣла уже противъ Москвы неудовольствіе за

покореніе единовѣрныхъ ей Казани и Астрахани и потому надо было остерегаться, чтобы не раздражить ее болѣе.

По просьбѣ Александра, въ Грузію были посланы ученые іереи, для исправленія церковныхъ обрядовъ, искаженныхъ по невѣжеству, и иконописцы. Съ этихъ поръ къ титулу московскихъ государей было прибавлено: государь земли Иверской, Грузинскихъ царей и Кабардинской земли, Черкасскихъ и Горскихъ князей.

Въ 1586 году, Декабря 2-го, умеръ Стефанъ Баторій. Ѳедоръ заявилъ себя въ числѣ кандидатовъ на избраніе въ Польскіе короли и отправилъ пословъ на сеймъ. Но онъ соглашался принять титулъ Польскаго короля, оставаясь прежде всего государемъ Московскимъ и ставя титулъ Польскій послѣ Московскаго. Поляки же хотѣли первенства. Поэтому избраніе Ѳедора не состоялось, не смотря на то, что онъ имѣлъ много сторонниковъ въ Литвѣ. Къ тому же послы наши не были снабжены деньгами для подкупа пановъ, а подкупъ всегда игралъ важную роль при избраніяхъ Польскихъ королей.

Отличительною чертою правленія Годунова была осторожность и нежеланіе вступать съ кѣмъ бы то ни было въ войну, хотя къ ней на всякій случай готовились, потому что были основанія опасаться напр. Польши, Турціи, Швеціи, Ливоніи. Поэтому усиливали войска и строили крѣпости, гдѣ нужно.

Относительно внутренняго управленія, имъ была принята мѣра, имѣвшая важныя послѣдствія — это прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ. Борисъ издалъ законъ, уничтожающій Юрьевъ день или право крестьянъ переходить отъ одного владѣльца къ другому около Юрьева дня. Этотъ законъ былъ выгоденъ для небогатыхъ землевладѣльцевъ, нуждавшихся часто въ рабочихъ рукахъ, но очень не полюбился крестьянамъ. Лишившись права перехода, они стали бѣгать отъ своихъ владѣльцевъ, умножая собою разбойничьи шайки, или уходили въ казаки.

Въ Москвѣ были выстроены каменные стѣны вокругъ Бѣлаго или царева города, находившагося за большимъ посадомъ, начиная отъ Тверскихъ воротъ. Работа эта была произведена русскимъ художникомъ Ѳедоромъ Конь. Въ Бѣломъ городѣ уже были въ это время слѣдующія улицы: Арбатъ, Смоленская, Покровская, Дмитровская, Тверская, Никитская, получившая свое названіе отъ ц. св. Никиты у Ямскаго двора, Черторская, Срѣтенская и Рождественская. Въ 1582 г. на мѣстѣ ц. св. Никиты былъ основанъ женскій монастырь Никитою Романовичемъ Юрьевымъ, роднымъ братомъ царицы Анастасіи и отцемъ партіарха Филарета, существующій понынѣ. Въ описаніи путешествія Марка Варкочъ, пріѣзжавшаго въ Москву въ 1593 г. посломъ римскаго императора, сдѣланномъ однимъ изъ его спутниковъ, находится слѣдующее описаніе города:

Москва раздѣляется на внѣшній городъ, обнесенный деревянными стѣнами въ три добрыхъ сажени толщины, со множествомъ башень, что придаетъ городу издали величавый и красивый видъ. Въ немъ всѣ ворота совершенно одинаковой постройки, большія и красивыя, и всѣ съ трехконечными башнями. Стѣна этого города имѣетъ, по словамъ нѣкоторыхъ жителей, 30 верстъ въ окружности и въ немъ протекають три рѣки, Москва, Неглинная и Яуза, изъ которыхъ двѣ послѣднія впадаютъ въ первую въ этой же части города. Затѣмъ идетъ Бѣлый городъ, обнесенный бѣлою каменною стѣною, построенною вышеупомянутымъ Федоромъ Конь, со множествомъ башень и зубцовъ, а за нимъ еще особенный городъ, примыкающій къ Кремлю, тоже обведенный каменною стѣною, съ башнями и сухимъ ровомъ, который называется Китай-городомъ: тутъ есть славная площадь и большая торговля, до 100 слишкомъ лавокъ и лавочекъ, въ которыхъ можно получать различные товары. Въ этомъ же городѣ, передъ Кремлемъ, находится красивая Московская церковь, превосходное зданіе и называется Иерусалимомъ *). Въ немъ же и замокъ великаго князя, тоже обведенный сухимъ ровомъ и крѣпкою стѣною, очень величественный и украшенный множествомъ башень. Замокъ весь каменный, весьма обширенъ и имѣетъ много значительныхъ церквей, куполы которыхъ вызолочены хорошимъ золотомъ.

Во всѣхъ этихъ такъ-называемыхъ городахъ много рогатокъ на улицахъ, которыя въ ночное время запираются, но ворота въ городской стѣнѣ остаются незаперты. Дома въ городѣ всѣ деревянные. У бояръ очень обширные дворы, на которыхъ они имѣютъ свои жилища, есть также много епископскихъ и поповскихъ дворовъ, при коихъ имѣется обыкновенно церковь. Даже иные богатые купцы и бояре строятъ церкви при своихъ домахъ.

Далѣе разсказывается, что посольству Варкоча было отведено помѣщеніе на монастырскомъ подворьѣ св. Троицы **). Черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ, посольство представлялось великому князю. Посольѣхалъ верхомъ, съ своими молодыми дворянами и нѣсколькими слугами, на 18 лошадяхъ изъ великокняжеской конюшни. Его сопровождали знатные бояре великаго князя, на 30 слишкомъ лошадяхъ. Впереди посла несли покрытые синею тафтой подарки императора, а дворецкій несъ императорскую вѣрющую грамоту, обернутую въ желтую тафту.

«Когда мы вѣхали въ Кремль, говорится въ описаніи, то увидели тамъ нѣсколько тысячъ народа, глядѣвшаго съ удивленіемъ на наше шествіе. Въ самомъ Кремлѣ и передъ нимъ стояли по обѣимъ сто-

*) Церковь Василія Блаженнаго или Покровскій соборъ, что на рву.

***) На Ильинкѣ.

ронамъ Московскіе стрѣлки въ числѣ 4000 ч. съ ружьями; для большей торжественности въѣзда, звонили по всѣмъ церквамъ въ большіе колокола. Когда мы сошли съ коней, насъ встрѣтили нѣсколько знатныхъ великокняжескихъ бояръ, одѣтыхъ въ золотую парчу, и повели во дворецъ. На крыльцѣ, передъ самыми великокняжескими покоемъ, императорскіе и другихъ лицъ подарки были выложены на подушки, чтобы такъ нести ихъ къ в. к. Послѣ этого насъ повели черезъ покой, гдѣ сидѣли бояре, одѣтые въ прекрасныя изъ золотой парчи платья. Другой покой, куда ввели насъ потомъ, была дворцовая палата в. к., въ которой онъ принимаетъ представленія: въ ней стѣны и полъ были устланы нарядными коврами, и кругомъ сидѣли знатные бояре въ золотыхъ одеждахъ.

На престолѣ, возвышенномъ на три ступени и украшенномъ сверху до низу золотомъ, жемчугомъ и драгоценными камнями, сидѣлъ в. к. въ царскомъ убранствѣ: на головѣ онъ имѣлъ золотой вѣнецъ, выложенный алмазами, при томъ очень большими; въ рукѣ держалъ золотой скипетръ, тоже убранный драгоценными камнями; кафтанъ на немъ былъ красный бархатный, сплошь шитый крупнымъ жемчугомъ; на шеѣ висѣло нѣсколько дорогихъ камней, оправленныхъ въ золото и расположенныхъ въ видѣ цѣпи или ожерелья (бармы). На двухъ переднихъ пальцахъ лѣвой руки его было по большому золотому перстню съ смарагдомъ. Впереди его съ обѣихъ сторонъ стояли двое благородныхъ мальчиковъ съ московскими сѣкирами, въ бѣлыхъ бархатныхъ платьяхъ, на которыхъ крестъ на крестъ висѣли золотыя цѣпочки.

Послѣ представленія и передачи вѣрующей грамоты и подарковъ, послы были отпущены домой, куда имъ былъ присланъ обѣдъ съ царскаго стола, состоявшій изъ 150 кушаньевъ, на серебряныхъ блюдахъ, покрытыхъ тоже серебряными блюдами.

Черезъ двѣ недѣли послѣ этого послы ѣздили представляться Борису Ѳедоровичу Годунову. Варкочь велѣлъ нести передъ собою особые подарки, предназначенные для Бориса Ѳедоровича, въ слѣдующемъ порядкѣ: сначала несли на серебряномъ блюдѣ, подъ синей тафтой, прекрасную драгоценность: серебрянаго верблюда, на которомъ сидѣлъ Арабъ, а по бокамъ верблюда съ каждой стороны висѣла золотая корзиночка, съ маленькими золотыми монетами. Вся драгоценность была выложена прекрасными рубинами и алмазами, и хотя она сама по себѣ была довольно цѣнная, однакожь пристава были безстыжи и грубы по московской повадкѣ: «Подари де, посоль, говорили они, еще золотую цѣпочку къ драгоценности, чтобы было на чемъ ее повѣсить». Посоль исполнилъ ихъ желаніе, прибавилъ и золотую цѣпочку къ драгоценности; но они и тутъ не уgomонились, а требовали кромѣ того еще: «Приложи де еще золотое кольцо къ ней, тогда

Борисъ Ѳедоровичъ отдарить тебя знатно». Посоль прибавилъ также и кольцо съ сапфиромъ. Затѣмъ несли еще позолоченный рукомоиникъ и кубокъ очень искусной работы, покрытые желтой тафтой.

Когда наше шествіе вступило въ Кремль, насъ повели направо, къ жилищу помянутаго Бориса Ѳедоровича. Это было очень обширное зданіе, только все деревянное. Тутъ кто ѣхалъ на лошади, сошелъ съ нея, а мы, несшіе подарки, пошли за посломъ черезъ два покоя, гдѣ находились служители Бориса Ѳедоровича, одѣтые по ихъ обычаю пышно, въ 3-й покой, гдѣ находился Борисъ Ѳедоровичъ съ нѣсколькими боярами. Этотъ покой былъ устланъ кругомъ прекрасными коврами, а на лавкѣ, на которой сидѣлъ Годуновъ, лежала красная бархатная подушка. На немъ было такое платье: во первыхъ, на головѣ была надѣта высокая московская шапка, съ маленькимъ околышемъ изъ самыхъ лучшихъ бобровъ, и на лицевой сторонѣ его вшитъ былъ прекрасный большой алмазь, а сверху околыша было сдѣлано шитье изъ жемчуга, шириною въ два пальца. Подъ этою шапкой носилъ онъ маленькую московскую шапочку, вышитую прекрасными крупными жемчужинами, а въ промежуткахъ между ними были вставлены драгоценные камни. Одѣтъ онъ былъ въ длинный кафтанъ изъ золотой парчи, съ красными и зелеными бархатными цвѣтами. Сверхъ этого кафтана надѣтъ былъ еще другой, покороче, изъ краснаго съ цвѣтами бархата, и бѣлое атласное исподнее платье. У этого кафтана внизу кругомъ и спереди и сверху около рукавовъ было прекрасное жемчужное шитье, шириною въ руку; на шеѣ надѣто нарядное ожерелье, и повѣшена крестъ на крестъ превосходная золотая цѣпь; пальцы обѣихъ рукъ были въ кольцахъ, большею частію съ сапфирами. Какъ только посоль вошелъ въ покой, Борисъ Ѳедоровичъ всталъ къ нему на встрѣчу, принявъ его съ большимъ уваженіемъ, съ поклономъ, по московскому обычаю, и подаль ему руку. Тутъ посоль вручилъ ему вѣрющую грамоту и поднесъ вышеупомянутые подарки. Годуновъ приказалъ своему служителю взять ихъ отъ насъ, потомъ сѣлъ на лавку, а посоль долженъ былъ сѣсть на другую. Борисъ Ѳедоровичъ потребовалъ потомъ къ себѣ остальныхъ членовъ посольства, чтобы и они подали ему руку. Они взошли и присѣли не на долго, послѣ чего были переведены въ другой покой, а посоль съ посольскимъ переводчикомъ оставался часъ съ четвертью у Бориса Ѳедоровича. По возвращеніи его домой, ему присланъ обѣдъ отъ Годунова, состоящій изъ 100 кушаньевъ, все на серебряныхъ блюдахъ, и разнаго рода напитки въ серебряныхъ кубкахъ и кружкахъ.

Варкочь имѣлъ нѣсколько совѣщаній съ боярами, по предмету возложеннаго на него порученія, и затѣмъ опять представлялся царю, который вручилъ ему чрезъ своего хранителя печати отвѣтную грамоту императору, и на этотъ разъ пригласилъ посла съ его дворянами къ

своему столу. Ихъ проводили въ комнату Совѣта, гдѣ они оставались съ приставами и переводчиками съ добрые полчаса. Потомъ пришелъ другой переводчикъ и доложилъ, чтобы посолъ шелъ къ столу съ своими людьми. Наши оба пристава поставили между собою посла, и повели его въ покой, гдѣ слѣдовало быть обѣду, а за нимъ пошли и мы всѣ, и сначала приведены были въ комнату, гдѣ кругомъ по стѣнамъ стояли длинныя поставцы, съ тремя высокими ступенями: всѣ они были такъ уставлены безчисленными серебряными и золотыми кубками, что и представить себѣ нельзя, а въ Германіи пожалуй что и не повѣрили бы такому богатству. На нижнихъ ступеняхъ стояло множество большихъ блюдъ и стопъ изъ хорошаго золота, серебряный левъ въ его природную величину, нѣсколько серебряныхъ братинъ и чашъ, на столько большихъ что одному человѣку невозможно было поднять ихъ, не то что употреблять въ качествѣ посуды для питья: все это было выставлено, чтобы показать намъ великія сокровища и богатства казны. Вообще всего было вдоволь, кромѣ только однихъ тарелокъ, потому что у Москвитянъ, да и у самого в. к. онѣ совсѣмъ не въ употребленіи. Въ этомъ покоѣ стояло нѣсколько лицъ, которыя смотрѣли за серебромъ, но это была еще передняя комната, а потомъ привели насъ въ другую, гдѣ долженъ былъ происходить обѣдъ: она четверугольная, почти до 70 сажень въ окружности, вверху и по стѣнамъ росписана и много украшена серебромъ и золотомъ, полъ вымощенъ бѣлымъ камнемъ, съ очень искусной рѣзбой. Посрединѣ комнаты стоялъ толстый каменный столбъ или колонна, на которой лежалъ весь сводъ; кругомъ его на нѣсколько ступеней возвышался устроенный поставецъ, на которомъ находилась разная серебряная, вызолоченная посуда. Вокругъ стѣнъ комната поднималась на 2 ступени выше остальнаго пола, и имѣла съ 3 сторонъ 4 большія окна: въ ней сидѣлъ царь на высокомъ сѣдалищѣ, вдѣланномъ въ стѣну и сплошь вызолоченномъ, за столомъ, который былъ на ступень выше другихъ столовъ; царь одѣтъ былъ въ кафтанъ изъ серебряной парчи, обшитый вокругъ золотомъ, голову покрывала золотая московская шапочка, выложенная драгоценными камнями и жемчугомъ; тѣмъ же украшался и воротникъ (ожерелье) около шеи. На двухъ переднихъ пальцахъ правой руки его было по большому смарагдовому перстню. Другіе столы по стѣнамъ занимали князья, знатные совѣтники, и бояре, одѣтые въ бѣлыхъ овчинныхъ шубахъ, съ бобровою выпушкой, и въ черныхъ лисихъ шапкахъ на головахъ. Не занятъ былъ только одинъ столъ налѣво отъ царя.

Когда мы вошли въ этотъ покой и отдали почтеніе царю, посла тотчасъ же посадили за вышеназванный столъ, налѣво отъ государя, за нимъ на другой сторонѣ стола сѣли его сынъ и дворецкій, потомъ князь Хилковъ и оба пристава, а потомъ и мы всѣ. Только что усѣ-

лись всё за столъ, вошелъ маршалокъ, старикъ, а за нимъ шли по два въ рядъ, взявшись за руки, 50 знатныхъ бояръ, въ качествѣ стольниковъ: всё они проходили мимо стола государя, представлялись ему и сейчасъ же выходили изъ комнаты. Послѣ того, подали ему кушанье, а онъ, между тѣмъ, прислалъ послу кусокъ бѣлаго хлѣба съ своего стола, и изъ своихъ рукъ, въ знакъ пожалованья. Такіе куски поданы были и намъ всёмъ, отъ имени государя. Только что начавъ обѣдать, государь, изъ особенной милости, прислалъ послу кушанье съ своего стола, также и каждому изъ придворныхъ и приставовъ. Потомъ стольники, всё въ золотыхъ кафтанахъ, а иные и въ золотыхъ пѣняхъ крестъ на крестъ, подали и на нашъ столъ кушанья, все на золотыхъ блюдахъ. Еще прежде того, государь велѣлъ поднести послу, въ знакъ милости, превосходнаго вина въ чаркѣ изъ чистаго золота, усаженной дорогими камнями, также и каждому изъ сидѣвшихъ за столомъ, все въ золотыхъ же чаркахъ. Такая честь и жалованье повторялись много разъ за обѣдомъ, и каждый разъ напитки были разные, но все же въ золотыхъ чаркахъ, а чара, изъ которой пилъ посолъ, была усажена большими алмазами. У стола государя, на самой нижней ступени, стояло до 15 лицъ, служившихъ ему за обѣдомъ; передъ столомъ двое подавали ему напитки и кушанья, которыя также и разрѣзывали. Въ продолженіи пира наступилъ вечеръ, такъ что понадобилось зажечь четыре серебряные паникадила, висѣвшихъ вверху, изъ которыхъ большое, напротивъ государя, было о 12 свѣчахъ, три другія о 4-хъ. Всѣ свѣчи были восковыя; около поставца, съ обѣихъ сторонъ его, стояли 18 человекъ, тоже съ большими восковыми свѣчами, и въ комнатѣ было очень свѣтло. На нашъ столъ подали 6 большихъ восковыхъ свѣчъ въ яшмовыхъ и хрустальныхъ подсвѣчникахъ въ серебряной оправѣ.

Въ то же самое время, великокняжескій кравчій позвалъ посла къ государю, который, въ знакъ особенной милости, подалъ ему изъ своихъ рукъ маленькую золотую чару, осыпанную дорогими камнями, съ превосходнымъ напиткомъ. Потомъ посолъ сѣлъ опять, а на нашъ столъ поданы были три большія золотыя братины, украшенныя дорогими камнями: самая лучшая ихъ нихъ подана послу, а другія двѣ придворнымъ, чтобы они пили изъ нихъ въ круговую. Эти двѣ чаши были такъ велики, что одному едва было подъ силу поднести ее ко рту. Между тѣмъ, опять вошелъ въ комнату маршалокъ и стольники, по двое въ рядъ, и стали передъ столомъ государя, который и началъ тогда жаловать ихъ: на большомъ золотомъ блюдѣ у него были маленькіе пряженцы; каждому изъ стольниковъ онъ давалъ своей рукой по одному пряженцу; по ихъ обычаю, подача изъ рукъ государя, считалась такою высочайшею милостью, какъ будто самъ Богъ посылалъ имъ въ награду съ Неба что нибудь особенное. При этомъ

торжественномъ пирѣ музыка не играла, потому что это у нихъ не въ обычаѣ. Но за то въ продолженіи обѣда звонили во всѣ колокола Кремлевскихъ церквей, и этотъ звонъ былъ такъ силенъ, что казалось всѣ зданія приходили въ сотрясеніе. Лишь только милостивыя подачи были розданы, и кушанья со столовъ сняты, посоль всталъ, а за нимъ и мы.

Государь потребовалъ его къ себѣ и подалъ ему изъ своихъ рукъ въ другой разъ золотую чару съ дорогимъ медомъ. По его же требованію должны были подойти къ нему и пятеро изъ придворныхъ посольства, которые также получили изъ его рукъ по золотой чаркѣ съ медомъ; принявши отъ него и выпивши чару, они цѣловали у него руку. Когда чары были выпиты, государь опять подозвалъ къ себѣ посла и простился съ нимъ. Вслѣдъ за посломъ, подошли къ государю придворные дворяне посольства и цѣловали его руку. Послѣ того пристава вышли съ посломъ изъ комнаты и мы поѣхали опять въ наше помѣщеніе. На лѣстницѣ дворца, по которой мы спускались на дворъ, зажжены были большія плошки; посреди двора горѣли два большіе огня. Когда же мы ѣхали домой, уже около 10 ч. вечера, стрѣльцы съ длинными ружьями все еще были выстроены по обѣимъ сторонамъ: шестеро Москвитянъ, шедшіе впереди лошадей, несли большіе фонари съ свѣчами, а передъ посломъ шли 16 Москвитянъ съ факелами и провожали насъ до нашего помѣщенія. Какъ только мы пріѣхали туда, отъ двора привезенъ былъ на трехъ телѣгахъ медъ, и пріѣхалъ съ своими служителями выше названный князь, сидѣвшій за столомъ вмѣстѣ съ посломъ и доложилъ ему, что приланъ державнѣйшимъ его государемъ и царемъ повеселиться съ нимъ. Посоль принялъ его очень привѣтливо, сѣлъ за столъ вмѣстѣ съ приставами и придворными дворянами, также бояре и князья и всѣ веселились по ихъ обычаю до самой полуночи, а потомъ князь съ боярами отправились опять домой. Посоль подарилъ ему прекрасное кольцо съ гіацинтомъ и спрашивалъ нашихъ приставовъ и переводчиковъ, сколько примѣрно было во дворцѣ золотыхъ блюдь и чаръ? Они отвѣчали, что на всѣхъ столахъ было ихъ до 1000.

Вскорѣ послѣ этого посольство выѣхало изъ Москвы, богато одаренное царемъ и Борисомъ Ѳедоровичемъ Годуновымъ.

И внѣшняя политика, и внутреннее управленіе выказывали въ Годуновѣ искуснаго правителя: несмотря на то, онъ не пользовался народною любовью. Не любили его и многіе бояре. Но Годуновъ былъ настолько силенъ, что могъ съ ними бороться. Имѣя многихъ лазутчиковъ, онъ во время узналъ о заговорѣ, составленномъ противъ него княземъ Иваномъ Ѳедоровичемъ Мстиславскимъ, — и князь былъ силою постриженъ въ монахи и сосланъ въ Кирилловъ монастырь. Другихъ его соучастниковъ сослали въ дальнія мѣста, или заключили въ тюрьмы.

Уцѣлѣли на этотъ разъ одни Шуйскіе, вѣроятно по недостатку уликъ. Но они вели открытую вражду съ Годуновымъ. Митрополитъ Діонисій взялъ на себя посредничество между Шуйскими и Годуновымъ, и, пригласивъ обѣ стороны въ свои палаты, заставилъ ихъ помириться. Князь Иванъ Петровичъ Шуйскій вышелъ сейчасъ послѣ примиренія на площадь у Грановитой палаты и возвѣстилъ о немъ народу. Всѣ слушали его молча, но два купца сказали князю: князь Иванъ Петровичъ! вы миритесь нашими головами: и намъ и вамъ будетъ гибель отъ Бориса. Въ ту же ночь купцы эти были схвачены по приказанію Годунова и сосланы неизвѣстно куда.

Примиреніе Шуйскихъ съ Годуновымъ было неискренно съ обѣихъ сторонъ, а потому и не продолжительно. Самый виновникъ примиренія, митрополитъ Діонисій, не былъ приверженцемъ Годунова. Зная, что главная сила правителя заключается въ сестрѣ его, Иринѣ, онъ возимѣлъ мысль просить царя развестись съ Ириной, отъ которой онъ не имѣлъ дѣтей, и жениться на другой. Мысль эту поддерживали Шуйскіе, которые привлекли на свою сторону многихъ московскихъ гостей, купцовъ и служилыхъ людей. Написана была просьба на имя государя, отъ лица всей Россіи, подписанная всѣми участниками заговора и скрѣпленная крестнымъ цѣлованіемъ. Въ невѣсты царю выбрали дочь князя Ивана Мстиславскаго, насильно постриженнаго Годуновымъ, которая имѣла брата, оставшагося въ Думѣ первымъ бояриномъ. Но и въ этотъ разъ Годунову донесли о заговорѣ, и онъ успѣлъ во время принять мѣры. Онъ не сталъ принимать крутыхъ мѣръ, но старался силою убѣжденія подѣйствовать на Діонисія, доказывая ему, что разводъ дѣло незаконное, и что Ирина такъ молода, что можетъ еще имѣть дѣтей. Къ тому же, если бы даже Фѣдоръ не имѣлъ дѣтей, то есть еще прямой наслѣдникъ, — это братъ его, Дмитрій. Діонисій сдался на его убѣжденія и далъ слово за себя и своихъ единомышленниковъ, что они отказываются отъ мысли о разводѣ. Годуновъ послѣ этого не сталъ никого преслѣдовать, исключая одной только предназначавшейся Фѣдору невѣсты, княжны Мстиславской: ее постригли въ монахини. Впрочемъ, эта снисходительность ко всѣмъ главнымъ заговорщикамъ была только кажущаяся. На дѣлѣ же Годуновъ ожидалъ случая отомстить своимъ врагамъ и воспользовался для этой цѣли ложнымъ доносомъ слуги Шуйскихъ, будто бы они хотятъ измѣнить царю. Шуйскихъ взяли подъ стражу и нарядили надъ ними судъ, къ которому привлекли многихъ изъ бояръ, дворянъ и купцевъ, участвовавшихъ въ первомъ заговорѣ. Доноса никто не подтвердилъ, но судъ все-таки обвинилъ Шуйскихъ и только во вниманіе военныхъ заслугъ Ивана Петровича Шуйскаго приговорилъ всѣхъ ихъ къ ссылке въ различные города. Впрочемъ и эта милость была только кажущаяся: двухъ главныхъ дѣятелей изъ Шуйскихъ — Андрея Ивановича,

извѣстнаго своимъ умомъ, и Ивана Петровича, спасаго Псковъ и прославленнаго многими иностранцами, — удавили въ тюрьмѣ по повелѣнію Годунова. Московскимъ же купцамъ, Ѳеодору Нагому и его шести товарищамъ отрубили головы на площади. Оставался одинъ митрополитъ Діонисій, который, видя какъ всѣ его единомышленники гибнутъ, открыто возсталъ противъ Годунова и въ присутствіи Ѳеодора назвалъ его клеветникомъ и тираномъ. То же самое говорилъ противъ него и Крутицкій архіепископъ Варлаамъ, который укорялъ Ѳеодора въ постыдной слабости и ослѣпленіи. Оба они были лишены своихъ сановъ и заключены въ монастыри: Діонисій въ Хутынской, а Варлаамъ въ Антоніевъ Новгородскій. Въ митрополиты былъ посвященъ ростовскій архіепископъ Іовъ.

Таковъ былъ образъ дѣйствій Годунова. А царь, между тѣмъ, проводилъ время въ молитвѣ, посѣщая всѣ церковныя службы, нерѣдко самъ звонилъ на колокольнѣ, а въ свободные часы сидѣлъ у царицы и глядѣлъ на кривлян्या шутовъ и карловъ, или разсматривалъ работы своихъ ювелировъ и живописцевъ. Государственнымъ управленіемъ царь совсѣмъ не занимался и всѣхъ челобитчиковъ, обращающихся прямо къ нему, отсылалъ къ Борису. Разъ въ недѣлю царь посѣщалъ окрестные монастыри, а въ праздничные дни любилъ смотрѣть на медвѣжью травлю, которая происходила, по разсказу иностраннаго писателя Флетчера, слѣдующимъ образомъ:

Медвѣдя выпускали въ кругъ, огороженный стѣною, — гдѣ стоялъ уже человѣкъ, который долженъ былъ бороться съ нимъ, какъ умѣетъ. Въ рукахъ у него была рогатина. Медвѣдь обыкновенно прямо шелъ на человѣка съ разинутую пастью. Если человѣкъ успѣвалъ всадить ему рогатину въ грудь и опрокинуть его, то хорошо, а иначе медвѣдь убивалъ его на мѣстѣ и раздиралъ на части когтями и зубами. Если человѣкъ одолѣвалъ медвѣдя, то его вели къ царскому погребу и напивали до пьяна во здравіе царя, что составляло единственное вознагражденіе.

Однажды нѣкій Ѳеодоръ Пучокъ Молвениновъ привелъ на потѣху государя ученаго медвѣдя, вооруженнаго лукомъ и стрѣлами, и спустилъ его на бой съ дикимъ медвѣдемъ. Это зрѣлище такъ понравилось государю, что онъ наградилъ Молвенинова камкой доброй въ 5 р., зуфью костоманскою въ 3 р., сукномъ добрымъ въ 2 р., да еще человѣкъ его получилъ сукно гривны въ четыре.

Въ царствованіе Ѳеодора впервые начали писать картины, тогда какъ до него писались исключительно только иконы. При немъ была росписана Большая Грановитая палата Іоанна III, передѣланная послѣ пожара Іоанномъ IV и получившая теперь названіе Золотой подписной палаты, т. е. украшенной живописью по золоту. Впослѣдствіи живопись уничтожилась, и стѣны были обиты малиновымъ бархатомъ, но

въ 1882 году снова возстановлена, на основаніи старинной описи, составленной въ XVII в. извѣстнымъ иконописцемъ, Симономъ Ушаковымъ. Реставрація произведена Палиховскими иконописцами, братьями Бѣлоусовыми, подъ наблюденіемъ Ю. Д. Филимонова.

Изъ описанія, составленнаго въ 1672 г., по повелѣнію царя Алексея Михайловича, видно, что на сводахъ и стѣнахъ этой палаты были сдѣланы картины слѣдующаго содержанія: Господь Савасоѣ, твореніе Ангеловъ и челоуѣка, разныя событія изъ исторіи ветхаго завета, раздѣленіе вселенной между 3-мя братьями и раздѣленіе Руси между 3-мя сыновьями Владиміра святаго, изображенныхъ въ митрахъ, въ камчатныхъ одеждахъ съ бармами и золотыми поясами, лики Ярослава великаго, Всеволода 1-го, Владиміра Мономаха въ царской утвари, и сына его, Георгія или Юрія Долгорукаго, основателя Москвы, родоначальника Московскихъ князей, Александра Невскаго, Данила Калиты, Дмитрія Донскаго и всѣхъ его преемниковъ до Ѳедора Ивановича, сидящаго на тронѣ, въ вѣнцѣ и порфирѣ съ нарамникомъ, въ жемчужномъ ожерельѣ, съ золотой цѣпью на груди и державою въ рукахъ: у трона его былъ изображенъ Борисъ Годуновъ въ шапкѣ мурманкѣ и въ верхней золотой одеждѣ.

Изъ сохранившихся памятниковъ живописи, древнѣйшими считаются портретные образа въ Архангельскомъ соборѣ в. к. Василія Ивановича и царя Ѳедора Ивановича. Ихъ относятъ къ XVI в., а равно и лица великихъ князей, писанныя на стѣнахъ собора и при ихъ гробницахъ.

Покровительствуя живописи, Ѳедоръ имѣлъ и славныхъ литейщиковъ, изъ которыхъ особенно прославился Андрей Чоховъ. Онъ вылилъ нѣсколько громаднхъ пушекъ, которыя стоятъ до нашихъ дней въ Кремлѣ, подлѣ казармъ. Одна изъ нихъ извѣстна по своей величинѣ подъ именемъ Царь-пушки.

При Ѳедорѣ Ивановичѣ была начата постройка колокольни Ивана великаго надъ существовавшей каменной церковью св. Іоанна, иже подъ колоколы, построенной въ 1508 г., при в. к. Василіи Ивановичѣ, итальянцемъ Алевизомъ. Строителемъ колокольни считаютъ какого то Ивана Вилье, по имени котораго она будто бы и названа Иваномъ Великимъ. Но всего вѣрнѣе, что она получила свое названіе отъ находящейся подъ нею церкви Іоанна Лѣствичника и самой высотѣ ея придано знаменованіе той лѣстницы о 30 ступеняхъ, возводящей челоуѣка къ небу и изображенной св. Іоанномъ Лѣствичникомъ. Высота колокольнаго столба имѣетъ 30 сажень, кромѣ высоты главы и креста. Въ царствованіе Годунова и во время пребыванія Поляковъ въ Кремлѣ, на верху колокольни находилась постоянная стража наблюдавшая, при первомъ, — приближеніи Крымскихъ Татаръ, а при послѣднихъ, — за движеніями Русскихъ.

Во время самозванца, по словамъ польскаго писателя Маскевича, на

Ивановской колокольни находилось 52 колокола. Теперь их только 34. Общій вѣсъ ихъ свыше 16 т. пудовъ. Одни изъ нихъ замѣчательны древностью, другіе красотой формы и отдѣлки, своимъ звукомъ и прозваніемъ, какъ-то: Реутъ, Лебедь, Медвѣдь, Баранъ, Поліелейный или Голодарь, воскресный, будничный, праздничный, ясочный, глухой. Нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ свои названія отъ извѣстной мѣстности: Корсунскій, Новгородскій, Ростовскій, Слободской, Татаринъ. Благовѣсть въ нихъ при разныхъ случаяхъ производился нѣкогда по особому уставу. Москва была средоточіемъ царской и святительской власти, и вѣщій голосъ ея колоколовъ былъ ей тогда понятенъ. Всѣхъ торжественнѣе и поразительнѣе былъ звонъ въ Свѣтлое Воскресенье, раздававшійся въ полночь съ Ивана Великаго, которому вторили колокола всѣхъ другихъ московскихъ церквей. Порядокъ этого звона соблюдался въ Москвѣ до послѣдняго времени и только 6, 7 лѣтъ, какъ имъ перестали руководствоваться, къ истинному прискорбію Москвичей.

Между нижнимъ и вторымъ ярусами колокольни имѣется цилиндрическая пустота, шириной до 4 сажень въ діаметрѣ. Входъ въ нее изъ нижняго этажа по лѣстницѣ, ведущей во второй. По преданію, въ этомъ мѣстѣ 1-й самозванецъ хотѣлъ устроить католическую церковь. Временной же костель, или Польская церковь, помѣщался тогда въ палатѣ Борисова дома, находившагося на мѣстѣ теперешней Царьпушки.

Колокольня Ивана Великаго замѣчательна по крѣпости употребленнаго на нее матеріала, и по самой постройкѣ. Фундаментъ ея, сдѣланный изъ огромныхъ нетесанныхъ камней, заложенъ такъ глубоко, что начало его равняется дну Москвы-рѣки. Вся масса ея сложена изъ бѣлаго камня и тяжеловѣснаго кирпича, и стѣны ея переплетены въ разныхъ направленіяхъ полосами брусковаго желѣза. Вся она состоитъ изъ пяти ярусовъ, или этажей. До четвертаго яруса она имѣетъ форму осмигранную, а пятый цилиндрической, опоясанный надписью, и увѣнчанный золоченой главой съ колоссальнымъ осмиконечнымъ крестомъ, на верхней перекладинѣ котораго вырѣзаны слова: Царь славы. По преданію, крестъ этотъ вылить будто бы изъ чистаго золота. Наполеонъ, во время пребыванія своего въ Москвѣ въ 1812 году, пожелалъ воспользоваться драгоценнымъ крестомъ, и приказалъ снять его. Но алчность Наполеона не была удовлетворена: крестъ оказался желѣзнымъ, обложеннымъ мѣдью. По уходѣ Французовъ изъ Москвы, крестъ былъ найденъ изломаннымъ, и, по возобновленіи, поставленъ на прежнемъ мѣстѣ.

Въ общемъ, колокольня Ивана Великаго, постепенно уменьшаясь въ размѣрахъ, съ нижняго яруса и до верхняго, имѣетъ чрезвычайно красивый видъ. Преданіе, приписывающее постройку этой колокольни

Борису Годунову, не вѣрно, что подтверждается надписью подъ главой ея: изволеніемъ святыхъ Троицы, повелѣніемъ великаго Государя Царя и В. К. Бориса Ѳеодоровича всея Россіи самодержца и сына его, благовѣрнаго великаго государя царевича Ѳеодора Борисовича всея Россіи, храмъ *совершенъ*, т. е. оконченъ, во второе лѣто государства ихъ въ 108 (1600). Послѣ паденія Годуновыхъ надпись эта была уничтожена и восстановлена вновь уже по повелѣнію Петра 1-го.

По распоряженію патріарха Филарета Никитича при колокольнѣ Ивана Великаго была сдѣлана пристройка для помѣщенія новыхъ колоколовъ, извѣстная до нашихъ дней подъ именемъ Филаретовской.

Москва при Ѳеодорѣ Ивановичѣ значительно обстроилась, судя по отзывамъ иностранцевъ. Флетчеръ говоритъ, что она была въ это время немного болѣе Лондона. Дома строились основные, съ большими крыльцами и высокими крышами. Основные бревна скрѣплялись по угламъ связями, а между бревнами клали мохъ для предохраненія отъ дѣйствія наружнаго воздуха. Всего болѣе изобиловала Москва церквами, которыхъ считалось въ Кремлѣ 35, а во всемъ городѣ болѣе четырехсотъ. Колоколовъ при церквахъ было не менѣе 5000. Между церквами были и каменные. Улицы были вымощены досками.

Одежда Москвичей низшаго класса состояла изъ зипуна для мужчинъ, и паневы для женщинъ. Эта одежда дѣлалась изъ сѣраго или бѣлаго толстаго сукна. Въ лѣтнее время они носили рубахи съ козымъ воротомъ и порты изъ холстины или пестряди.

Дѣвѣцы заплетали волосы весьма слабо, чтобы коса казалась толще, и дѣлили волосы на множество прядей, перебивая ихъ золотыми нитками или жемчугомъ. Косы заплетались такъ, чтобы они закрывали всю шею, и, низвѣшиваясь на спину, постепенно суживались до самаго косника, имѣвшаго форму треугольника въ два или три вершка шириной, сдѣланнаго изъ картузной бумаги, обшитою шелковой тканью, и унизаннаго въ узоръ разноцвѣтнымъ бисеромъ, а у богатыхъ жемчугомъ и камнями. По головѣ повязывалась лента или широкій позументъ, у богатыхъ съ жемчужными *поднизями*.

Богатыя женщины покрывали свои волосы шелковой сѣткой, по которой выше бровей повязывали бѣлую повязку и сверхъ нея надѣвали шапку, опушенную дорогимъ мѣхомъ и унизанную жемчугомъ и камнями. Въ лѣтнее время онѣ покрывали головы платками съ богатою вышивкою, а также носили кокошники. Тульи этихъ кокошниковъ дѣлались изъ цвѣтной шелковой ткани, парчи, штофу и унизывались жемчугомъ и цвѣтными камнями. Къ числу уборовъ относятся серьги и запястья или зарукавья изъ жемчуга и цвѣтныхъ камней, перстни, кольца и мониста, или ожерелья. Мужчины, такъ называемые лучшіе люди, стригли волосы на головѣ со временъ татарскаго владычества. При Ѳеодорѣ Ивановичѣ, по свидѣтельству Флетчера, они огирачивали

себѣ волосы, только когда имъ объявлялась опала, и оставляли ихъ висѣть въ такомъ случаѣ по лицу и по плечамъ*). Остриженную голову покрывали маленькой тафьей, сплетенной изъ серебряныхъ или золотыхъ нитокъ, и украшенной жемчугомъ и камнями. Сверхъ тафьи надѣвали высокія шапки, опушенные черной лисицей. Шапки эти не снимали и въ присутствіи государя. При царѣ Иванѣ Васильевичѣ было соборомъ запрещено носить тафьи, но, несмотря на то, и послѣ еще царевичи носили ихъ, что доказываетъ суконная тафья царевича Дмитрія, хранящаяся въ ризницѣ Московскаго Архангельскаго собора, вышитая яхонтомъ и жемчугомъ. Воротники у рубахъ вышивались. Сверхъ рубахи надѣвали легкій шелковый кафтанъ, въ родѣ нынѣшняго мѣщанскаго или купеческаго кафтана до колѣнъ, а на него надѣвали другой кафтанъ, съ пуговицами, и подпоясывались кушакомъ. *Бостроги* и *терлики* были родъ шубъ, которыя употребляли государи для зимней звѣриной охоты. Они были большею частію бархатныя, съ золотыми шнурами и кисточками, на собольихъ и чернобурыхъ мѣхахъ. Носили также кожухъ и русскую шубу.

Обувь Москвичей состояла изъ лаптей и сапогъ. Богатые носили сапоги съ серебряными подковами, унизанные по швамъ, на носкахъ и на каблукахъ жемчугомъ и драгоценными камнями.

ГЛАВА XIII.

Пріѣздъ въ Москву Константинопольскаго патріарха и посвященіе Іова въ санъ Московскаго патріарха. — Житіе Іоанна юродиваго. — Убіеніе царевича Дмитрія. — Пожаръ въ Москвѣ. — Нашествіе Казы-Гирея. — Кончина Ѳедора. — Избраніе Борися. — Вънчаніе его на царство. — Ссылка Романовыхъ. — Трехлѣтній голодъ. — Необыкновенныя явленія природы. — Появленіе самозванца въ Литвѣ.

1588—1604.

Въ 1586 г. въ Москву пріѣхалъ Антиохійскій патріархъ Іоакимъ для сбора пожертвованій. Ѳедоръ высказалъ ему желаніе, чтобы въ Москвѣ была учреждена патріархія. Іоакимъ, вернувшись, сообщилъ объ этомъ остальнымъ патріархамъ, заявляя, что съ своей стороны не имѣетъ ничего противъ этого. Два года позднѣе, въ Москву пріѣхалъ Константинопольскій патріархъ, Іеремія, тоже для сбора пожертвованій. Онъ считался старѣйшимъ между патріархами, и потому пріѣздъ его былъ истиннымъ торжествомъ для Ѳедора и для всей Москвы. Пат-

*) Опала по Судебнику была слѣдующихъ видовъ: 1) запрещеніе знатному ѣздить ко двору; 2) запрещеніе сѣзжать съ своего двора; 3) жить безвыѣздно въ деревнѣ; 4) отнимали чины и записывали въ дворяне по городу и 5) сажали въ тюрьму.

ріархъ вѣхалъ въ городъ на осляти, а за нимъ ѣхали на лошадяхъ митрополитъ Мальвазіійскій, Іероодей, и архієпископъ Эласонскій, Арсеній. Они остановились у дворца и пошли прямо къ царю. Ѳеодоръ встрѣтилъ ихъ въ золотой палатѣ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ на встрѣчу патріарху, и, принявъ отъ него благословеніе, посадилъ его подлѣ себя, по правую руку отъ своего трона. Патріархъ поднесъ Ѳеодору золотую панагію съ мощами, и въ ней крестъ отъ Животворящаго древа, частицу Крови Христовой, часть ризы Христовой, часть отъ копья, часть отъ трости, часть отъ губы, которою поили Христа оцтомъ, часть отъ терноваго вѣнца, и три пуговицы отъ ризы Божьей Матери *). Крімъ того, онъ далъ частицы мощей св. великаго Царя Константина, и св. Іакова, а царицѣ поднесъ золотую панагію съ образомъ св. Марины и частицею мощей Іоанна Златоустаго.

Цѣлью пріѣзда патріарха былъ сборъ пожертвованій для построенія новаго храма въ Константинополѣ, такъ какъ главный Константинопольскій храмъ, св. Софіи, былъ обращенъ Турками въ мечеть. Годуновъ воспользовался пріѣздомъ патріарха, чтобы привести въ исполненіе желаніе Ѳеодора учредить въ Москвѣ особую патріархію. Іеремія изъявилъ свое согласіе на это, и посвятилъ въ санъ патріарха митрополита Іова. Посвященіе совершено было торжественно, съ тѣми же обрядами, какъ обыкновенно ставили митрополитовъ и епископовъ.

Новый патріархъ служилъ обѣдно послѣ своего поставленія, имѣя на головѣ золотую митру съ крестомъ. вмѣстѣ съ нимъ служилъ и Константинопольскій патріархъ. По окончаніи литургіи, царь возложилъ на Іова драгоцѣнный крестъ съ животворящимъ дровомъ, зеленую бархатную мантию съ источниками, низанными жемчугомъ, и бѣлый клобукъ съ крестомъ. Затѣмъ онъ подалъ ему жезлъ Петра митрополита и поздравилъ его какъ главу епископовъ, отца отцевъ и патріарха всѣхъ сѣверныхъ земель. Послѣ этого было пропѣто многолѣтіе царю и обоимъ патріархамъ: Константинопольскому и Московскому. Оба они сидѣли въ это время на креслахъ подлѣ царя. По окончаніи же многолѣтія Іовъ вышелъ изъ собора и объѣхалъ на осляти вокругъ Кремля, кропя стѣны святою водою. Обѣдалъ онъ въ этотъ день у государя, вмѣстѣ съ Іеремією и знатнѣйшимъ духовенствомъ.

Патріархъ Іеремія прожилъ въ Москвѣ до Мая 1589 года и уѣхалъ обратно, щедро одаренный серебряными кубками, ковшами, жемчугомъ, шелковыми тканями, соболями и деньгами. Ѳеодоръ написалъ съ нимъ письмо къ султану, убѣждая его не тѣснить христіанъ, и далъ 1000 рублей, или 2000 венгерскихъ золотыхъ на построеніе новаго соборнаго храма въ Константинополѣ. Греческое духовенство приняло съ живѣйшей благодарностью всѣ эти дары, одобрило учрежденіе Московской патріар-

*) Все это хранится въ Успенскомъ соборѣ.

хія, и прислало съ Терновскимъ митрополитомъ грамоту на Московское патріаршество, за подписью 83 духовныхъ лицъ. Вмѣстѣ съ этимъ, духовенство прислало еще нѣсколько частицъ мощей и два золотыхъ вѣнца для царя и царицы.

3-го Юля 1589 г. въ Москвѣ скончался блаженный Іоаннъ, Христа ради юродивый. Онъ былъ уроженецъ Вологодскій, и занимался въ молодости соловареннымъ промысломъ, работая безвозмездно. Потомъ онъ перешелъ въ городъ Ростовъ, и жилъ тамъ при соборѣ Успенія, наложивъ на себя тяжкія вериги, съ крестами, а на всѣ суставы мѣдныя кольца, и тяжелый желѣзный колпакъ на голову. Отъ этого послѣдняго, онъ получилъ прозваніе большого колпака. Изъ Ростова блаженный перешелъ въ Москву, гдѣ жилъ довольно долгое время. Въ лѣтописяхъ разсказывается, что когда онъ встрѣчался на улицахъ съ Годуновымъ, то всегда укорялъ его въ неправдахъ.

Почувствовавъ приближеніе смерти, онъ пошелъ въ церковь Покрова, что на Рву, поклонился гробу Василія блаженнаго, и сталъ просить соборнаго протоіерея Дмитрія дать ему мѣсто для могилы. Протоіерей благословилъ его выбрать, какое онъ пожелаетъ, и онъ выбралъ то самое, на которомъ и теперь почиваютъ его святые мощи.

Изъ церкви Іоаннъ пошелъ къ Живому мосту на Москвѣ-рѣкѣ, и, встрѣтивъ тамъ больнаго, по имени Григорія, два года уже не владѣвшего ногой, онъ какъ бы нечаянно наступилъ ему на ногу, и больной тотчасъ же выздоровѣлъ. Блаженный велѣлъ ему идти къ протоіерею Дмитрію и разсказать о случившемся. Потомъ онъ пошелъ за рѣку, въ баню, снялъ съ себя въ первый разъ всѣ тяжкія вериги, три раза облился водою, и легъ на лавку, подложивъ вериги подъ голову. Затѣмъ онъ простился съ окружающими, велѣлъ отнести себя послѣ смерти въ церковь Покрова, къ гробу Василія Блаженнаго, и тихо скончался. Протоіерей Дмитрій, извѣщенный о кончинѣ блаженнаго, немедленно перенесъ священныя останки его въ свою церковь, при большомъ стеченіи народа. Во время панихиды получилъ исцѣленіе боярскій сынъ, Елеазаръ Юрьевъ, 20 лѣтъ страдавшій глазами.

По повелѣнію царя Ѳедора погребеніе Іоанна юродиваго совершалъ митрополитъ Казанскій, съ епископомъ Рязанскимъ, и множествомъ архимандритовъ и игуменовъ. Во время отпѣванія вдругъ разразилась страшная буря, съ громомъ и молніей, опалившей много святыхъ иконъ въ церквахъ. Въ той самой церкви, гдѣ совершалось отпѣваніе, убило до смерти ризничаго владыки Рязанскаго, дьякона Пимена вынесли едва живымъ, священника ударило оземь, такъ что онъ былъ долго безъ чувствъ, и многихъ изъ предстоявшихъ людей оглушило и ранило молніей. Эта страшная гроза была какъ бы предзнаменованіемъ тѣхъ ужасныхъ бѣдствій, которыя должны были вскорѣ разразиться надъ Москвой и всей Россіей.

Дѣло книгопечатанія продолжалось въ Москвѣ въ то время съ успѣхомъ. Въ 1590 г. былъ напечатанъ Трипѣснецъ (Триодіонъ) цвѣтосносный, и Творенія преподобныхъ отецъ Θεодора, Іосифа и Іоанна Дамаскина, Θεοφана Исповѣдника, Козмы и прочихъ святыхъ, переведенныхъ съ греческаго трудами Андроника Тимофеева, сына Невѣжи. Въ 1590—1592 годахъ имъ же напечатаны въ Москвѣ въ листъ двѣ Триоди, постная и цвѣтная. Въ 1594 г. вышелъ печатавшійся два года Октоихъ. Въ 1597 г. вышелъ вторично Апостолъ. Въ 1600 г. издана Минея общая, тѣмъ же типографщикомъ, Невѣжею, а въ 1606 г. напечатано Евангеліе въ типографіи, бывшей въ царскомъ домѣ царя Василія Ивановича Шуйскаго, типографщикомъ Онисимомъ Михайловымъ Родошевскимъ, изъ Волыни.

Выше было уже упомянуто, что при воцареніи Θεодора, вдова Ивана Грознаго (седьмаго брака), Марія Нагая, была удалена въ Угличъ, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ, Дмитріемъ, и братьями. На седьмой годъ ихъ пребыванія въ Угличѣ случилось горестное событіе: царевичъ Дмитрій былъ убитъ.

По рассказамъ современниковъ это произошло слѣдующимъ образомъ: 15-го Мая царица ходила съ царевичемъ въ церковь къ обѣднѣ, и, вернувшись, собиралась обѣдать. Мамка царевича, боярыня Волохова, подкупленная Годуновымъ, позвала между тѣмъ царевича погулять на дворѣ. Только что они вышли въ сѣни, къ нимъ приблизились Осипъ Волоховъ (сынъ мамки), Данило Битяговскій и Никита Качаловъ и совершили убійство. Вслѣдъ затѣмъ вышла въ сѣни царица, и увидала царевича, окровавленнаго, на рукахъ выбѣжавшей на шумъ вѣрной его кормилицы. Онъ трепеталъ какъ голубь, и въ ту же минуту скончался. Царица въ изступленіи стала бить полѣномъ мамку Волохову, называя убійцами Осипа Волохова, Данилу Битяговскаго и Никиту Качалова, и затѣмъ упала безъ чувствъ. Вѣсть о несчастіи съ царевичемъ быстро облетѣла весь городъ. Пономарь соборной церкви ударилъ въ набатъ, и мгновенно всѣ улицы наполнились народомъ, стремившимся во дворецъ. Тамъ увидалъ онъ печальную картину убитаго царевича, и лежащихъ подлѣ него безъ чувствъ царицы-матери и кормилицы. Михайло Битяговскій вздумалъ успокоить народное волненіе и отвлечь подозрѣніе, явившись около трупа, и стараясь объяснить народу, что царевичъ самъ умертвилъ себя, въ припадкѣ падучей болѣзни. Народъ сталъ бросать въ него камнями, а когда онъ искалъ убѣжища во дворцѣ, то его настигли тамъ и умертвили вмѣстѣ съ его товарищемъ, Даниломъ Трегьяковымъ. Та же участь постигла сына его, Никиту Качалова и Осипа Волохова, котораго нашли въ домѣ Михайлы Битяговскаго, привели въ церковь Спаса, гдѣ уже стоялъ гробъ царевича, и умертвили на глазахъ царицы. Еще убиты были трое изъ слугъ Михайлы Битяговскаго и юродивая, жившая въ его домѣ, и часто ходившая во дворецъ.

Царь Ѳедоръ былъ очень опечаленъ этимъ событіемъ, и плакалъ навзрыдь, когда услышалъ о смерти царевича. Онъ хотѣлъ самъ ѣхать въ Угличъ, но Годуновъ старался отклонить его отъ этого намѣренія, а между тѣмъ послалъ Василю Шуйскаго, Клешина и дьяка Вылузгина разслѣдовать дѣло. Произведенное ими слѣдствіе не можетъ считаться достовѣрнымъ, потому что впоследствии Шуйскій самъ отказывался отъ того, что показывалъ вначалѣ. Тѣмъ не менѣе правительство осталось имъ довольно, признало, что царевичъ убитъ самъ, и что народная расправа съ его мнимыми убійцами достойна наказанія. Вслѣдствіе этого вдовствующую царицу постригли неволею и отвезли въ пустынь св. Николая на Выксѣ. Всѣхъ Нагихъ сослали въ отдаленные города и заключили въ темницы. Тѣла Битяговскаго и товарищей, кинутыя народомъ въ яму, были вынуты и похоронены съ честью, а жителей Углича подвергли слѣдующимъ наказаніямъ: 200 человѣкъ было подвергнуто смертной казни, многіе заключены въ темницы, и большая часть жителей выведена въ Сибирь, гдѣ ими населенъ городъ Целымъ. Даже самый набатный колоколь, возвѣстившій жителямъ объ убіеніи Дмитрія, сосланъ Годуновымъ въ Сибирь, если вѣрить преданію, и находится теперь въ Тобольскѣ, при церкви Всемиловскаго Спаса, гдѣ извѣстенъ подъ именемъ набатнаго Угличскаго. Съ тѣхъ поръ древній и многолюдный Угличъ опустѣлъ и потерялъ навсегда свое значеніе. Но строгость наказанія не убѣдила въ истинѣ того, что хотѣли доказать: въ народѣ ходила молва, что царевичъ былъ убитъ по тайному повелѣнію Бориса, который хотѣлъ очистить себя путь къ престолу.

Тѣло царевича Дмитрія было погребено въ Угличѣ, и только впоследствии перевезено въ Москву, въ Архангельскій соборъ, причемъ открылась негнѣнность его.

Почти одновременно съ печальнымъ событіемъ въ Угличѣ, въ Москвѣ сдѣбался сильный пожаръ. Начался онъ наканунѣ Троицына дня, въ то время, какъ государь и весь дворъ были на пути въ Троицкую лавру. Загорѣлся Колымажный дворъ, и затѣмъ огонь быстро распространился по Арбатской улицѣ, Никитской, Тверской, Петровкѣ и до Трубы. Сгорѣлъ весь Бѣлый городъ, дворъ посольскій, стрѣлецкія слободы и все Занегаинье. Множество народа погибло среди пламени, и еще большее число осталось безъ крова. Многіе бѣжали по Троицкой дорогѣ, чтобы встрѣтить царя, пасть къ ногамъ его и просить о помощи. Годуновъ первый откликнулся на голосъ народа. Онъ поспѣшилъ въ Москву съ щедрою милостью и старался ободрить народъ въ его бѣдствіи. Это расположило большинство въ его пользу. Но были и такіе, которые не вѣрили его великодушію: носились слухи, что пожаръ произведенъ по его повелѣнію, чтобы дать ему случай выказать себя великодушнымъ и милостивымъ.

Царь Ѳеодоръ не остался глухъ къ бѣдствію народному: цѣлыя улицы были обстроены на его счетъ, и, кромѣ того, онъ воздвигнулъ прекрасныя каменныя церкви и великія купеческія палаты во успокоеніе и снабженіе торжниковъ.

Вслѣдъ за пожаромъ новое бѣдствіе постигло Москву: нашествіе Крымскаго хана Казы-Гирея. Ханъ собралъ для этого похода огромныя войска, но долго скрывалъ настоящую цѣль своихъ вооруженій, объясняя ихъ походомъ будто бы на Литву. Годуновъ вдался въ обманъ и не принялъ никакихъ мѣръ защиты. Вдругъ получилъ онъ извѣстіе, что Татары, въ числѣ 150.000 идутъ къ Тулѣ ускореннымъ ходомъ. Елецкій казакъ, Сафонька Давыдовъ, сообщившій объ этомъ Борису, получилъ въ награду платье, 5 рублей денегъ, и, кромѣ того, ему было разрѣшено числиться въ сословіи боярскихъ дѣтей. Москва тотчасъ же была объявлена въ осадномъ положеніи. Мстиславскому, стоявшему на Окѣ, велѣно было отступить обратно къ Москвѣ, чтобы подъ ея стѣнами сразиться съ непріателемъ. Для успокоенія народа говорили, что отступление это производится съ цѣлію заманить непріятеля. Охрана дворца государева была поручена Ивану Михайловичу Глинскому, Кремль — боярину князю Дмитрію Ивановичу Шуйскому, Китай-городъ — Голицыну, Бѣлый-городъ — Ногтеву - Суздальскому и Мусѣ-Туренину. Предмѣстья Москвы были наскоро укрѣплены деревянными стѣнами и бойницами. Подмосковные монастыри: Даниловскій, Новоспасскій, Симонъ и Новодѣвичій — были тоже укрѣплены. Войска, которыя должны были соединиться съ Мстиславскимъ и вмѣстѣ съ нимъ вступить въ битву съ Татарами, расположились между Калужскою и Тульскою дорогами, на пространствѣ между Даниловымъ монастыремъ и Воробьевыми горами, въ двухъ верстахъ отъ города. Какъ средство защиты, тамъ былъ построенъ подвижной городокъ на колесахъ, и церковь св. Сергія, въ которой поставили икону Богоматери, бывшую съ Донскимъ во время Куликовской битвы. Епископъ Суздальскій, Іовъ, обнесъ предварительно Донскую икону по городскимъ стѣнамъ и вокругъ воинскаго стана, и затѣмъ поставилъ ее въ походную церковь.

Мстиславскій подошелъ къ селу Коломенскому 1-го Іюля, войска его переночевали тамъ, и на другое утро расположились на приготовленномъ для нихъ мѣстѣ, противъ Данилова монастыря. Царь Ѳеодоръ тотчасъ же пріѣхалъ осмотрѣть войска, ободрялъ ихъ, и, повидимому, самъ не испытывалъ никакого страха передъ приближеніемъ непріятеля, возлагая всю надежду на Бога.

3-го Іюля пришло извѣстіе, что ханъ перешелъ Оку, и быстро идетъ впередъ. Тогда всѣ войска, какія только были въ Москвѣ, выступили въ поле, чтобы сразиться съ непріателемъ. Годуновъ принялъ на себя начальство надъ ними, но, соединившись съ Мстиславскимъ, уступилъ ему первенство, а самъ занялъ второе мѣсто въ Большомъ полку.

Государь заключился во дворцѣ съ своею супругою и духовенствомъ, и проводилъ время въ молитвѣ. Казы-Гирей быстро подвигался впередъ. 4-го Юля, рано утромъ, онъ достигъ Поклонной горы *), откуда ему представился открытый видъ на Москву и ея укрѣпленія. Онъ тотчасъ отдалъ приказъ начинать битву. Татары устремились на наши войска съ двухъ сторонъ, отъ села Котловъ и отъ Воробьевыхъ горъ, а съ нашей стороны загремѣли орудія изъ бойницъ стана, изъ укрѣпленій монастырей и изъ Кремля. Татары еще не имѣли огнестрѣльнаго оружія и дѣйствовали стрѣлами и саблями. Этимъ послѣднимъ оружіемъ они владѣли лучше нашего. Битва закипѣла отчаянная. Москвичи глядѣли на нее съ напряженнымъ вниманіемъ, не зная, кто останется побѣдителемъ. Одинъ царь былъ спокоенъ и въ самый разгаръ битвы, въ полдень, спокойно спалъ какъ и въ обыкновенное время. Проснувшись, онъ сталъ опять спокойно глядѣть на битву и когда увидалъ волненіе и слезы Григорія Васильевича Годунова, то сказалъ ему: «не бойся... завтра тѣхъ поганныхъ не будетъ». Эти слова царя оказались пророчествомъ. Битва длилась весь день, но была нерѣшительна. Главное войско, подъ начальствомъ Мстиславскаго и Годунова, не вступало еще въ дѣло, ожидая хана, который стоялъ съ своими лучшими дружинами въ селѣ Воробьевѣ. Наступившая ночь прекратила сраженіе, но пальба съ нашей стороны продолжалась и ночью. Русскіе плѣнные, захваченные Татарами, сказали имъ, что пальба ночью означаетъ нашу радость, потому что къ намъ пришло сильное подкрѣпленіе. Извѣстіе это смутило хана, такъ какъ потери его за первый день были настолько значительны, что вступать въ дѣло съ свѣжими войсками ему было бы трудно. Онъ рѣшился лучше отступить. За часъ до разсвѣта Татары поднялись и выступили обратно. Они шли настолько поспѣшно, что черезъ сутки достигли Оки. А Москва между тѣмъ ликовала: увидавши свое неожиданное спасеніе, городъ огласился радостнымъ звономъ всѣхъ своихъ колоколовъ.

Мстиславскій и Годуновъ, извѣстивъ царя о счастливомъ событіи, двинулись вслѣдъ за ханомъ, но настичь его нигдѣ не могли. Разбивъ задніе полки его близъ Тулы и взявъ 1000 человекъ въ плѣнъ, они вернулись обратно. Царь наградилъ Мстиславскаго и Годунова пубами съ своего плеча, золотыми цѣпями, и многими городами въ наслѣдственное достояніе. Кромѣ того, Годуновъ получилъ особый титулъ Слуги, который до него носили только трое лицъ: князья Ряполовскій, и двое Воротынскихъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ стояло въ укрѣпленіи наше войско, государь выстроилъ каменную церковь Богоматери, а при ней учредилъ монастырь, названный Донскимъ въ честь иконы, бывшей съ Донскимъ въ Куликовской битвѣ и съ Годуновымъ подъ

*) За Серпуховской заставой.

Москвою. Въ память избавленія отъ враговъ, онъ установилъ крестный ходъ въ монастырь, 3-го Генваря. На случай новаго нашествія непріятели всѣ посады города были обнесены деревянными стѣнами съ башнями.

Во времена самозванцевъ и междоусобицъ, послѣдовавшихъ за кончиною Ѳеодора, Донской монастырь былъ разоренъ, и крестные ходы въ него прекратились. Но въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича онъ снова сталъ отстроиваться. Царь Алексѣй Михайловичъ, вспоминая чудотвореніе и помощь на супостаты отъ образа Пресвятой Богородицы Донской, прибѣгъ къ заступничеству ея во время нашествія Татаръ на нашу Украину, и 3-го Генваря 1646 г., въ то самое время, какъ наши войска спѣшили на встрѣчу Татаръ, онъ пошелъ крестнымъ ходомъ изъ Успенскаго собора въ Донской монастырь, въ преднесеніи чудотворной Донской иконы. Въ томъ же мѣсяцѣ государя извѣстили, что Татары, разбитые нашими войсками, ушли обратно въ Крымъ. Съ этого времени возобновились ежегодные крестные ходы въ монастырь, особенно украсившійся при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ. Ведя трудную Турецко-Крымскую войну, Ѳеодоръ Алексѣевичъ усердно прибѣгалъ съ молитвою къ чудотворному образу Богоматери, и увѣковѣчивалъ память о славныхъ и счастливыхъ битвахъ щедрыми вкладами въ монастырь. Въ 1687 г. чудотворная икона Богоматери была отправлена, по повелѣнію царей Ивана и Петра Алексѣевичей и благословенію патріарха Іоакима, въ наши полки, шедшіе подъ предводительствомъ В. В. Голицына противъ Крыма.

Царь приписывалъ Годунову побѣду надъ Татарами, а въ народѣ и въ этомъ случаѣ ходили слухи, бросавшіе на него тѣнь подозрѣнія. Говорили, что будто бы онъ нарочно привелъ хана въ Москву, чтобы отвлечь общее вниманіе отъ происшествія въ Угличѣ. Какъ ни невѣроятенъ былъ такой слухъ, но Годуновъ оскорбился имъ, и сталъ жестоко преслѣдовать тѣхъ, которые его распускали. Многіе умерли отъ пытокъ въ темницахъ, многіе были казнены. Но выказывая такую жестокость, Годуновъ въ то же время любилъ, чтобы его считали милостивымъ. Поэтому во всѣхъ царскихъ указахъ о помилованіи прибавлялось: государь прощаетъ изъ уваженія къ ходатайству Слуги, конюшаго боярина. Въ тѣхъ же указахъ, которыми объявлялся смертный приговоръ, не упоминалось о Годуновѣ, но писалось: такъ приговаривали бояре, князь Ѳеодоръ Ивановичъ Мстиславскій съ товарищи.

Около этого времени у Ирины родилась дочь, къ общей радости царя и царицы. Но радость эта была кратковременна: царевна Ѳеодосія скончалась десяти мѣсяцевъ, и погребена въ Вознесенскомъ Дѣвичьемъ монастырѣ. Царь и царица были глубоко опечалены ея кончиной. А въ народѣ прошелъ слухъ, что царевна умерла неестественной смертію, что ее уморилъ Борисъ, чтобы не было наслѣдницы у Ѳеодора.

Черезъ пять лѣтъ послѣ смерти маленькой царевны, скончался царь Ѳеодоръ Ивановичъ. Съ нимъ пресѣкъся княжескій родъ, непрерывно властвовавшій въ Москвѣ со времени Калиты, создавшій и усилившій значеніе Москвы, какъ города и какъ государства. Онъ заболѣлъ въ концѣ 1597 г., а 6-го Января 1598 г. уже стало ясно для окружающихъ, что болѣзнь царя смертельна. Патріархъ Іовъ подошелъ тогда къ умирающему и спросилъ его: Государь, кому приказываешь царство, насъ сирыхъ и свою царицу? Ѳеодоръ отвѣчалъ: Во всемъ царствѣ, и въ васъ волень Богъ, какъ Ему угодно, такъ и будетъ; и въ царицѣ моей волень Богъ, какъ ей жить, и объ этомъ у насъ улажено.

На другой день, 7-го Января, Ѳеодоръ скончался. Народъ съ глубокой горестью узналъ о его кончинѣ, потому что любилъ его за кротость и доброту, и приписывалъ миръ и тишину его царствованія особенному къ нему благоволенію Божію. Тѣло Ѳеодора въ тотъ же день было положено въ гробъ и вынесено въ церковь св. Михаила Архангела. Вдовствующая царица присутствовала при этомъ, и выказывала такую безутѣшную скорбь, что возбуждала къ себѣ общее сочувствіе. На другой день, 8-го Января, совершенно было погребеніе. Ѳеодора положили рядомъ съ отцемъ его, Иваномъ Грознымъ. Всѣ присутствовавшіе громко рыдали, отдавая послѣдній долгъ государю, а духовенство нѣсколько разъ останавливалось во время священнодѣйствія, съ трудомъ подавляя свое волненіе. Когда тѣло было предано землѣ, патріархъ Іовъ воздѣлъ надъ свѣжею могилою руки къ небу, и молился, чтобы Богъ, лишивъ землю Русскую ея пастыря, не лишилъ бы ее своей милости.

На первыхъ же порахъ, по кончинѣ Ѳеодора, всѣ присягнули вдовствующей царицѣ Иринѣ. Вскорѣ узнали, впрочемъ, что Ирина отказывается отъ престола и хочетъ принять постригъ. Тогда патріархъ Іовъ, съ боярами и народомъ, билъ ей челомъ не покидать государства, которымъ она можетъ управлять черезъ брата, какъ то было и при Ѳеодорѣ. Но Ирина была непреклонна въ своемъ рѣшеніи, и въ девятый день по кончинѣ царя выѣхала изъ дворца въ Новодѣвичій монастырь. Тамъ она постриглась подъ именемъ Александры.

Какъ скоро царица выѣхала изъ дворца, дьякъ Василій Щелкаловъ вышелъ къ народу, толпившемуся въ Кремль, и предложилъ присягнуть на имя боярской думы. Но народъ и слышать не хотѣлъ ни о какой боярской думѣ. Когда же дьякъ объявилъ, что царица выѣхала въ монастырь, то въ народѣ послышалось: Да здравствуетъ братъ ея, Борисъ Ѳеодоровичъ! Услыхавъ это, патріархъ Іовъ пошелъ всѣмъ соборомъ въ Новодѣвичій монастырь, и просилъ царицу, принявшую уже иноческій образъ, благословить своего брата на царство. Борисъ былъ съ нею въ монастырѣ. Патріархъ обращался и къ самому Борису, умоляя его принять скипетръ послѣ своего зятя и друга, царствованіе котораго было славно его сотрудничествомъ. Но Борисъ отказывался, говоря,

что и помыслить никогда не могъ вступить на такую высоту. Услыхавъ это, патріархъ удалился, но выборъ его уже остановился на Борисѣ, которому онъ былъ обязанъ своимъ возвышеніемъ. А голосъ патріарха много значилъ, потому что онъ стоялъ во главѣ управленія, какъ первое лицо послѣ царя. Къ тому же въ общемъ совѣтѣ патріарха съ боярами, а можетъ быть даже и по внушенію Бориса, рѣшено было созвать соборъ для избранія царя по волѣ народной. Соборъ состоялъ изъ 474 человекъ, изъ коихъ 99 человекъ было духовныхъ лицъ, которые естественно должны были поддерживать мнѣніе патріарха. Да и на остальныхъ выборныхъ вліяніе его было велико. Вотъ на что рассчитывалъ, можетъ быть, Годуновъ, и вотъ почему онъ отказывался, когда престолъ былъ предложенъ ему однимъ патріархомъ. Ему хотѣлось быть выбраннымъ всей землей, хотя бы въ дѣйствительности только благодаря силѣ голоса патріарха.

Соборъ открылся 17-го Февраля. Патріархъ обратился къ выборнымъ съ рѣчью, въ которой объявилъ, что по смерти Ѳедора присягнули Иринѣ, но что она отказалась отъ престола. Просили ее благословить брата и обращались къ нему непосредственно; но безуспѣшно. Поэтому дѣло избранія было отложено до пріѣзда выборныхъ. «Теперь собору предстоитъ рѣшить, кому быть государемъ», продолжалъ онъ. «Я съ своей стороны предлагаю отъ своего имени и отъ имени всего освященнаго собора, а также и бояръ, дворянъ и всякихъ служилыхъ людей, и гостей и всѣхъ православныхъ христіанъ московскихъ, — избрать государемъ Бориса Ѳедоровича, и другаго государя не искать и не хотѣть». Всѣ члены собора отвѣчали единогласно, что они присоединяются къ голосу патріарха, и желаютъ вмѣстѣ съ нимъ бить челомъ государю Борису Ѳедоровичу, и кромѣ его на государство никого не искать.

Послѣ этого три дня сряду служили молебны въ Успенскомъ соборѣ, чтобы Господь исполнилъ молитву православныхъ христіанъ, и даровалъ имъ государя царя Бориса Ѳедоровича. На третій день, послѣ молебна, патріархъ пошелъ съ духовенствомъ, боярами и множествомъ народа въ Новодѣвичій монастырь, и билъ челомъ Борису Ѳедоровичу, чтобы онъ принялъ титулъ царя. Годуновъ опять отказался. Тогда патріархъ, вернувшись въ Кремль, собралъ у себя народъ и выразилъ мысль снова устроить на другой день молебствіе въ Успенскомъ соборѣ, и послѣ того идти въ монастырь крестнымъ ходомъ. Если бы и на этотъ разъ просьба народа не была уважена, то патріархъ предполагалъ отлучить Бориса Ѳедоровича отъ церкви, а высшему духовенству снять съ себя святительскіе саны, и запретить службу по церквамъ.

21-го Февраля рано утромъ, при колокольномъ звонѣ, выступилъ изъ Кремля крестный ходъ. Патріархъ и высшее духовенство несло чудотворныя иконы Владимірской и Донской Божьей Матери. За ними

слѣдовало прочее духовенство, бояре, приказные, выборные, стѣхавшіеся на соборъ, и масса народа съ женами и дѣтьми. По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ народъ шелъ по собственному влеченію; но есть и такія извѣстія, что будто бы народъ сгоняли силою и побоями, подъ страхомъ уплаты пени въ случаѣ ослушанія.

Когда крестный ходъ достигъ Новодѣвичьяго монастыря, то оттуда вынесли на встрѣчу ему икону Смоленской Божьей Матери. За нею вышелъ и Годуновъ, упалъ на колѣни передъ иконою Владимірской Божьей Матери и со слезами молился ей, спрашивая въ то же время, для чего воздвигли ея честный образъ? Патріархъ отвѣчалъ, что Пречистая сама пришла съ своимъ Предвѣчнымъ Младенцемъ, чтобы заставить его исполнить волю Божію. Годуновъ заплакалъ и не могъ выговорить ни слова. Оправившись, онъ удалился въ келью своей сестры, а патріархъ служилъ обѣдню въ монастырской церкви. По окончаніи обѣдни патріархъ отправился въ облаченіи, съ сослужившимъ ему духовенствомъ и съ боярами, въ келью царицы, гдѣ долго со слезами, стоя на колѣняхъ, просилъ царицу благословить своего брата на царство. Дворяне, приказные и прочіе люди стояли передъ кельею, занимая собою все пространство монастыря. Кромѣ того густыя толпы народа покрывали все Дѣвичье поле. Вся эта масса народа становилась по данному знаку на колѣни, плакала и молила царицу благословить Бориса на царство. Матери подымали кверху своихъ дѣтей. Царица долго не рѣшалась дать отвѣтъ на эти неотступныя просьбы. Наконецъ, она заплакала и сказала:

«Ради Пречистой Богородицы и великихъ чудотворцевъ, ради воздвигнутія чудотворныхъ образовъ, ради вашего подвига и неутѣшнаго плача, даю вамъ своего единокровнаго брата, да будетъ онъ вамъ государемъ царемъ. Годуновъ возразилъ на это царицѣ, что неужели такова ея воля, неужели она хочетъ возложить на него царское тяжкое бремя? Царица отвѣчала: «Противъ воли Божьей кто можетъ стоять? и ты бы безо всякаго прекословія, повинуюсь волѣ Божьей, былъ всему православному христіанству государемъ». «Буди святая Твоя воля, Господи», отвѣчалъ на это Борисъ. Всѣ присутствовавшіе преклонили колѣна и возблагодарили Бога, а патріархъ, благословивъ Бориса, посѣшилъ выйдти къ народу и возвѣстить о согласіи Бориса. Воздухъ огласился радостными кликами по всему монастырю и по всему Дѣвичьему полю. Патріархъ, между тѣмъ, повелъ Бориса въ церковь, гдѣ передъ иконами Владимірской и Донской Божьей Матери благословилъ его на царство.

Существуетъ преданіе, что нѣкоторые старцы и бояре, моля Бога даровать имъ царя, но не зная, на комъ остановить выборъ, рѣшились съѣсть съ вечера у Фроловскихъ, нынѣ Спасскихъ воротъ, и дожидаться тамъ восхода солнца. Они порѣшили между собой, что кто

первый из бояръ въѣдетъ въ ворота, тотъ долженъ быть царемъ. Въѣхалъ Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ.

26-го Февраля, въ воскресенье на масляницѣ, Борисъ имѣлъ торжественный въѣздъ въ Кремль. Онъ слушалъ молебенъ въ Успенскомъ соборѣ, принималъ поздравленія отъ духовенства, бояръ и всего народа, потомъ выслушалъ обѣдню и обошелъ всѣ соборы. Затѣмъ онъ прошелъ въ царскія палаты на короткое время, былъ у патріарха, съ которымъ долго бесѣдовалъ, и, наконецъ, простившись съ нимъ и съ высшимъ духовенствомъ, уѣхалъ обратно въ Новодѣвичій монастырь.

Тамъ онъ провелъ весь великій постъ и всю Святую, и только 30-го Апрѣля, въ воскресенье, въ день женъ мѣроносицъ, простился съ сестрою и торжественно водворился съ семьєю въ Кремлевскомъ дворцѣ. День восшествія своего на престолъ Борисъ освятилъ созданиемъ церкви св. Симеона Столпника за Язую. Ирина оставалась въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, гдѣ и умерла шесть лѣтъ спустя, въ 1604 г. Она была похоронена съ царскими почестями въ Вознесенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ.

При вступленіи въ Кремль, Годуновъ былъ снова встрѣченъ крестнымъ ходомъ, и въ Успенскомъ соборѣ патріархъ надѣлъ на него крестъ Петра митрополита. Борисъ обошелъ вторично всѣ соборы, ведя за руку своихъ дѣтей, Ѳеодора и Ксенію.

Но недолго оставался онъ на этотъ разъ во дворцѣ. Два дня спустя, 2-го Мая, онъ выступилъ со всѣмъ дворомъ въ Серпуховъ. Причиною поспѣшнаго отъѣзда царя было извѣстіе, что Крымскій ханъ Казы-Гирей идетъ на Москву съ своими и турецкими войсками. Первая извѣстія о намѣреніяхъ Казы-Гирея пришли еще 1-го Апрѣля, и потому на Окѣ уже было собрано войско, доходившее своей численностію до 500,000 ч. Борисъ хотѣлъ распоряжаться движеніями своихъ войскъ изъ Серпухова, а пока непріятеля еще не было, онъ занялся угощеніемъ войскъ, желая этимъ привлечь ихъ расположеніе. По разсказу иностранца Маржерета, у него почти ежедневно въ продолженіи цѣлыхъ шести недѣль каждый день угощали на серебряной посудѣ подъ шатрами до 10,000 человекъ. Маржеретъ говоритъ, что онъ самъ видѣлъ въ казнѣ съ поддожины серебряныхъ бочекъ, слитыхъ по приказанію царя Ивана Васильевича изъ серебряной посуды, взятой имъ въ покоренной Ливоніи: однѣ изъ такихъ бочекъ вмѣщали въ себѣ около 8 ведеръ, другія менѣе; видѣлъ множество огромныхъ серебряныхъ тазовъ, съ ручками по сторонамъ: наполнивъ медомъ, ихъ приносятъ обыкновенно четыре человекъ и ставятъ на обѣденные столы по 3 или 4 таза, съ большими серебряными ковшами, которыми гости сами черпаютъ напитки; иначе было бы недостаточно 200 или 300 служителей для угощенія пирующихъ за цар-

скими столами. Вся эта посуда русской работы. Кроме того, есть множество серебряной утвари немецкой, английской, польской, поднесенной царю иноземными послами, или купленной за рѣдкость издѣлія.

Простоявъ нѣсколько времени въ Серпуховѣ, Борисъ узналъ, что извѣстіе о походѣ Казы-Гирея оказалось невѣрнымъ. Любопытень разсказъ Маржерета о томъ, какъ сообщались извѣстія о приближеніи Татаръ, — способъ, замѣнявшій собою теперешній телеграфъ:

«Намѣреваясь открыть непріятеля въ обширныхъ степяхъ Татарскихъ, Русскіе поступаютъ слѣдующимъ образомъ: тамъ пролегаютъ дороги, именуемая царскою, крымскою и путемъ великаго хана; на этихъ дорогахъ изрѣдка растутъ одинокіе разсѣянные дубы, удаленные одинъ отъ другаго на 8, 10 и до 40 верстъ. По большей части при каждомъ изъ нихъ становятся два ратника съ готовыми конями: одинъ сторожить на вершинѣ дерева, а товарищъ его кормитъ коней, совѣмъ осѣдланыхъ. Всадники смѣняются черезъ четыре дня. Сидящій на вершинѣ дуба, замѣтивъ въ отдаленіи пыль, слѣзаетъ немедленно съ дерева, не говоря ни слова, садится на коня, скачетъ во весь опоръ къ другому дереву, кричитъ издали и показываетъ рукою, гдѣ видѣлъ непріятеля. Стражъ втораго дерева, находясь на вершинѣ уже издали замѣчаетъ скачущаго вѣстника и едва пойметъ изъ словъ его, или изъ знаковъ, съ какой стороны поднимается пыль, велитъ своему товарищу, смотрѣвшему за конями, скакать къ третьему дереву. Такъ увѣдомляя другъ друга, даютъ знать ближайшей крѣпости и наконецъ самой Москвѣ, не принося иной вѣсти, кромѣ того, что видѣли непріятеля; а нерѣдко вмѣсто непріятеля открывается конскій степной табунъ, или стадо дикихъ животныхъ. Но когда стражъ, оставшійся при первомъ деревѣ, также прискачетъ и подтвердитъ слова своего товарища, тогда, съ прибытіемъ вѣстника, войско беретъ оружіе, а воеводы соединяются и посылаютъ нарочныхъ развѣдать о силахъ непріятеля. О числѣ враговъ русскіе полководцы иногда узнаютъ слѣдующимъ образомъ: недалеко отъ пути, которымъ идутъ Татары, скрываются разсыпанные въ разныхъ мѣстахъ дозоры; выждавъ время, когда минуетъ непріятель, они выходятъ на слѣды и угадываютъ довольно вѣрно силы его по широтѣ дороги, протоптанной въ степяхъ конями. Въ степяхъ растетъ высокая трава, въ которой самыхъ лошадей бываетъ не видно: Русскіе зажигаютъ ее каждою весною, отчасти для того, чтобы Татары не могли найти корма для своихъ коней, отчасти для того, чтобы самая трава росла выше. Но если враги идутъ по дорогамъ выше упомянутымъ, Русскіе столь же вѣрно узнаютъ число ихъ по глубинѣ слѣда, или по вихрямъ отдаленной пыли.

Кромѣ того, у Русскихъ есть еще способъ, по словамъ Маржерета, узнавать о замыслахъ Татаръ. Казаки, живущіе въ степяхъ, по бере-

гамъ Волги, Дона и Днѣпра, ведутъ постоянную борьбу съ Татарами, и стараются захватить побольше татарскихъ плѣнниковъ. Ихъ они приводятъ въ Москву, гдѣ русскій дворъ узнаетъ отъ нихъ замыслы непріятели. Тому кто возьметъ и представитъ плѣнника, даютъ изъ казны обыкновенно конецъ хорошаго сукна и камки на платье, 40 кунницъ, серебряную чашу и 20 или 30 рублей.

Вмѣсто непріятельскаго войска, отъ хана явились на этотъ разъ обыкновенные мирные послы. Борисъ воспользовался громаднымъ сборомъ войскъ, чтобы показать свою силу Татарами. Пословъ провели къ Борису между двумя стѣнами войскъ, разставленныхъ на протяженіи семи верстъ, по обѣ стороны дороги, гдѣ они должны были ѣхать. Царь принялъ ихъ милостиво и отпустилъ съ богатыми дарами хану. Послѣ этого Борисъ вернулся въ Москву и вѣхалъ съ такимъ торжествомъ, какъ бы послѣ блистательной побѣды. Патриархъ съ духовенствомъ и множествомъ народа вышелъ къ нему на встрѣчу и благодарилъ его за совершеніе величайшаго подвига.

1-го Сентября Борисъ вѣнчался на царство, при чемъ, принявъ благословеніе патриарха, сказалъ ему съ чувствомъ: «Отче патриархъ! Богъ свидѣтель, что никто въ моемъ царствѣ не будетъ нищъ или бѣденъ!» И, тряся воротъ своей рубахи, примолвилъ: «сію послѣднюю раздѣлю съ народомъ».

По случаю царскаго вѣнчанія были розданы многія милости и пожалованія. Санъ конюшаго боярина получилъ Дм. Ив. Годуновъ, а дворецкаго Степ. Вас. Годуновъ. Многіе получили санъ бояръ, другіе окольныхчихъ. Служилые люди получили двойное жалованье, купцы право безошлинной торговли на 2 года, земледѣльцы освобождены отъ податей на 1 годъ, и т. д.

Первые два года царствованія Бориса были истиннымъ благополучіемъ для государства, такъ что народъ сталъ забывать тѣ преступленія, въ которыхъ столько разъ заподозрѣвалъ Бориса при жизни Федора. Борисъ поднялъ благосостояніе народа, преслѣдовалъ неправды внутри, покровительствовалъ торговлѣ, запретилъ пьянство и содержаніе питейныхъ домовъ, объявилъ, что скорѣе помилуетъ вора или убійцу нежели того, кто вопреки указу осмѣлится открыть кружечный дворъ. По свидѣтельству иностранца Бера, Борисъ предложилъ государственному совѣту вызвать просвѣщенныхъ людей изъ Германіи, Итали, Испаніи, Франціи, Англии, и для изученія разныхъ языковъ учредить школы. Но совѣтъ воспротивился этому, и Борисъ, оставивъ свое намѣреніе, ограничился тѣмъ, что послалъ въ чужія земли для образованія 18 молодыхъ дворянъ: 6 въ Любекъ, 6 во Францію и 6 въ Англию. Они скоро выучились языкамъ иностраннымъ, но только одинъ изъ нихъ возвратился въ свое отечество, а прочіе остались за границей.

Въ то же время были выписаны изъ Германіи нѣсколько докторовъ и аптекарей. Они получили хорошее содержаніе, но должны были пользоваться одного государя, не смѣя лечить никого изъ постороннихъ. Самые знатные бояре не иначе получали отъ нихъ пособіе, какъ съ дозволенія государя.

Къ смертной казни Борисъ вовсе не прибѣгалъ въ первые два года своего царствованія и ограничивался одною ссылкой.

Внѣшнія отношенія были благопріятны. На Кавказѣ только войска Бориса, посланныя на помощь Грузинскому царю, Александру, потерпѣли неудачу и были вытѣснены оттуда Персами и Турками. Зато въ Сибири владычество русское упрочилось и распространилось. Царь Кучюмъ былъ окончательно разбитъ, и бѣжалъ къ Ногаямъ. Русскими было построено много городовъ въ Сибири, какъ-то: Верхотурье, Мангазея, Туринскъ, Томскъ.

Такъ прошли первые два года. Но затѣмъ въ Борисѣ произошла перемѣна. Вступивъ на престоль по избранію, но зная въ то же время, что многіе княжескіе роды были древнѣе и знаменитѣе его рода, онъ сталъ бояться, чтобы кто нибудь изъ болѣе знатныхъ людей не предъявилъ своихъ правъ на престоль. Влѣдствіе этого въ немъ развилась подозрительность, которая можетъ быть была у него слѣдствіемъ неспокойной совѣсти за незаконное достиженіе престола, занятаго имъ, какъ многіе думали, путемъ преступленія. Онъ сталъ чуждаться всѣхъ, окружилъ себя иностранцами, рѣже показывался народу, пересталъ выслушивать жалобы и собственноручно принимать челобитныя. Мало того, онъ сталъ преслѣдовать боярскіе роды, которые, казалось ему, могли бы предъявить большія права на престоль, чѣмъ онъ.

Первымъ пострадалъ Бѣльскій, прежній другъ Бориса, котораго онъ заподозрилъ въ какихъ-то замыслахъ, и, воспользовавшись первымъ доносомъ, велѣлъ своему хирургу-нѣмцу выщипать ему по волоску бороду, а затѣмъ сослалъ его въ одинъ изъ низовыхъ городовъ. Потомъ преслѣдованіе обратилось на Романовыхъ, родственниковъ царицы Анастасіи, заслужившей такую всеобщую любовь своею кротостію и благотворнымъ вліяніемъ на Ивана Грознаго. Ихъ обвинили въ желаніи извести Бориса, и послали въ ссылку въ различные города, подъ строгимъ присмотромъ приставовъ. Старшаго изъ братьевъ, Ѳедора Никитича, постригли въ монахи, подъ именемъ Филарета. Иностранецъ Масса говоритъ о немъ, что онъ былъ чрезвычайно красивъ собой, и такъ хорошо сложенъ, что московскіе портные обыкновенно говорили, когда платье сидѣло на комъ нибудь хорошо: «Вы второй Ѳедоръ Никитичъ». Онъ такъ хорошо сидѣлъ на конѣ, что всѣ видѣвшіе его приходили въ удивленіе.

Жена Ѳедора Никитича была тоже пострижена, а дѣти сосланы на Бѣлоозеро, вмѣстѣ съ родственниками ихъ, Черкасскими. Позднѣе

участь Романовыхъ была нѣсколько облегчена по милостивому указу Бориса, и тогда дѣтямъ Ѳедора Никитича разрѣшено было жить въ отчинѣ Романовыхъ, селѣ Клинѣ, Юрьевского уѣзда. Вмѣстѣ съ Романовыми подверглись ссылкѣ и многіе изъ ихъ родственниковъ.

Князьямъ Мстиславскому и Шуйскому Борисъ не позволялъ жениться, помня знатность рода ихъ обоихъ и боясь, что если у нихъ будутъ дѣти, то они могутъ перебить дорогу къ престолу сыну его. Ѳедору Борисовичу.

Всѣ эти преслѣдованія не повели однако къ цѣли, а только возбудили неудовольствіе въ народѣ. Борисъ, по свидѣтельству современнаго лѣтописца Авраамія Палицына, терялъ болѣе и болѣе любовь къ себѣ народа. Не помогла ему и щедрость, которую онъ выказалъ при народномъ бѣдствіи, постигшемъ Московское государство въ 1601 году. Два года сряду не было урожаевъ, и голодъ достигъ ужасныхъ размѣровъ. Борисъ раздавалъ громадныя милостыни деньгами и хлѣбомъ, но не было возможности одѣлать всѣхъ и массы людей умирали на улицахъ Москвы. Голодающіе ѣли собакъ, кошекъ, всякую падаль, доходили даже до того, что ѣли человѣческое мясо. Иностранецъ Беръ такъ рассказываетъ объ этомъ ужасномъ времени: «Свидѣтельствую истинною и Богомъ, что въ Москвѣ я видѣлъ собственными глазами людей, которые, валяясь на улицахъ, лѣтомъ щипали траву, подобно скотинѣ, а зимою ѣли сѣно; у мертвыхъ находили во рту вмѣстѣ съ навозомъ человѣческой калъ. Вездѣ отцы и матери душили, рѣзали и варили своихъ дѣтей, дѣти своихъ родителей, хозяева гостей; мясо человѣческое, мелко изрубленное, продавалось на рынкахъ за говяжье въ пирогахъ; путешественники страшились останавливаться въ гостинницахъ».

Другой иностранецъ, Маржеретъ, рассказываетъ слѣдующее:

«Въ 1601 году начался достопамятный трехлѣтній голодъ: мѣра хлѣба возвысилась въ цѣнѣ отъ 15 коп. до 3 рублей. Въ три года случались злодѣйства почти невѣроятныя; казалось обыкновеннымъ, если мужъ бросалъ жену и семейство, если жена умерщвляла мужа, мать своихъ дѣтей и съѣдала ихъ. Я самъ видѣлъ ужасное дѣло: четыре женщины, мои сосѣдки, бывъ оставлены мужьями, рѣшились на слѣдующій поступокъ: одна пошла на рынокъ, и, сторговавши возъ дровъ, завала крестьянина на свой дворъ, обѣщая отдать ему деньги; но лишь только онъ сложилъ дрова и явился въ избу для полученія платы, женщины удавили его и спрятали тѣло въ погребъ, чтобы не повредилось: сперва хотѣли съѣсть лошадь убитаго, а потомъ приняться за трупъ. Когда же преступленіе обнаружилось, онѣ признались, что умерщвленный крестьянинъ былъ уже третьею жертвою. Голодъ свирѣпствовалъ съ такою силою, что кромѣ умершихъ въ другихъ городахъ, въ одной Москвѣ погибло отъ него болѣе 120,000 чело-

вѣкъ. Столь великая смертность въ Москвѣ произошла отъ того, что царь Борисъ приказалъ раздавать ежедневно милостыню всѣмъ бѣднымъ обитателямъ столицы, каждому по московкѣ. Услышавъ о такой щедрости государя, жители окрестныя устремились въ Москву, хотя нѣкоторые изъ нихъ еще имѣли средства кормиться; прибывъ же въ столицу съ пустыми руками, не могли содержать себя означенною милостынею: посему, терзаемые голодомъ, одни умирали на улицахъ, другіе дорогою на возвратномъ пути. Наконецъ Борисъ, узнавъ, что со всего государства народъ двинулся въ столицу на явную смерть, оставляя города и села, повелѣлъ раздачу денегъ прекратить. Тогда открылось зрѣлище неописанное: по дорогамъ лежали мертвые и умирающіе отъ холода и голода. Сумма, выданная Борисомъ для бѣдныхъ, невѣроятна: не говоря о Москвѣ, во всей Россіи не было города, куда бы онъ не посылалъ денегъ, болѣе или менѣе, для раздачи народу. Я знаю, что въ Смоленскъ отправлено было съ однимъ изъ моихъ знакомыхъ 20,000 рублей. Къ чести царя должно замѣтить, что онъ охотно раздавалъ щедрыя милостыни и награждалъ духовенство, которое также было ему предано. Голодь очень уменьшилъ силы и доходы государственныя».

До этого времени въ Москвѣ печеный хлѣбъ продавался на извѣстную мѣру, но во время голода стали продавать его на вѣсъ, по распоряженію Бориса. Тогда пекари, желая увеличить вѣсъ хлѣба, стали продавать его сырымъ, недопеченымъ, какъ свидѣтельствуеъ Масса.

Слѣдствіемъ всего этого явились болѣзни. Въ эти страшные два года и четыре мѣсяца въ Москвѣ и ея окрестностяхъ умерло до 500,000 человѣкъ, которыхъ Борисъ при жизни кормилъ, по словамъ Бера, а по смерти приказалъ одѣть и похоронить на своемъ иждивеніи. Если въ одномъ городѣ была такая смертность, прибавляетъ онъ, сколько же людей должно было погибнуть отъ голода и мора во всемъ государствѣ и чего стоило казнѣ погребеніе ихъ? Борисъ дѣлалъ все возможное, чтобы уменьшить бѣдствіе, но уже не могъ приобрести народной любви. У народа явилась мысль, какъ говоритъ Палицынъ, что беззаконія царя навлекаютъ бѣдствія на его народъ.

Чтобы дать заработокъ голодавшимъ, Борисъ приказалъ строить для себя большія каменные палаты, гдѣ передъ тѣмъ были хоромы царя Ивана. Эти палаты существовали до начала нынѣшняго столѣтія и находились противъ келлій Чудова монастыря, гдѣ теперь казармы, окруженныя царь-пушкой и др. древними орудіями. Рядомъ съ этими палатами было Троицкое подворье. Зданіе казармъ построено при Александрѣ 1-мъ, въ 1806 г., первоначально для помѣщенія оружейной палаты, гдѣ она и находилась до 1850 г. Затѣмъ она была перенесена въ боковое отдѣленіе новаго кремлевскаго дворца, у Боровицкихъ воротъ, а зданіе оружейной палаты обращено въ казармы.

Кромѣ гибели столькихъ людей и усиленныхъ расходовъ царской казны, голодъ имѣлъ еще слѣдствіемъ размноженіе шаекъ празднопшатающихся, которыя избрали разбой своимъ промысломъ. Шайки эти составились изъ бѣглыхъ преступниковъ и изъ холопей, которыхъ господу гнали отъ себя, не имѣя чѣмъ кормить ихъ. Усилившись числомъ и имѣя храбраго предводителя въ лицѣ атамана Хлопка или Косолапа, разбойники сдѣлались до того смѣлы, что грабили и убивали людей подъ самой Москвой. Годуновъ принужденъ былъ выслать противъ нихъ войско, подъ предводительствомъ воеводы околичнаго Ивана Ѳедоровича Басманова. Хлопка не сробѣлъ и вступилъ въ битву съ войскомъ, которое долго не могло его одолѣть. Самъ предводитель войска, Басмановъ, палъ въ битвѣ, но смерть его пробудила новыя силы въ войскѣ, оно ринулось, чтобы отомстить смерть своего вождя, смяло непріятеля и захватило въ плѣнъ его атамана. Хлопка умеръ отъ ранъ, полученныхъ имъ въ битвѣ, а соучастники его были повѣшены. Впрочемъ, многіе изъ нихъ успѣли спастись бѣгствомъ въ Украйну.

Повсемѣстные разбои, упадокъ нравственности, недовольство, — все это предвѣщало что то недоброе. Разныя необыкновенныя явленія природы наводили въ то же время суевѣрный страхъ на народонаселеніе. Иностранецъ Беръ описываетъ ихъ слѣдующимъ образомъ: видны были по ночамъ огненные столбы на небѣ, которые, сталкиваясь другъ съ другомъ, представляли сраженіе воинствъ: они свѣтили подобно мѣсяцу. Иногда всходили двѣ и три луны, два и три солнца вмѣстѣ; страшныя бури низвергали городскія ворота и колокольни; женщины и животныя производили на свѣтъ множество уродовъ; рыбы исчезали въ водѣ, птицы въ воздухѣ, дичь въ лѣсахъ; мясо же, употребляемое въ пищу, не имѣло вкуса, сколько его ни приправляли; волки и псы пожирали другъ друга, страшно выли въ той странѣ, гдѣ послѣ открылась война, и стаями рыскали по полямъ, такъ что опасно было выходить на дорогу безъ многихъ провожатыхъ. Въ 8 миляхъ отъ Москвы, нѣмецкій серебряникъ поймалъ орла, и, убивъ его, привезъ въ Москву. Въ самой столицѣ ловили руками лисицъ разнаго рода, какъ бурыхъ, такъ и черныхъ; цѣлый годъ такое было множество ихъ, что никто не могъ придумать, откуда они брались. Такъ въ сентябрѣ 1604 года, недалеко отъ дворца, убили черную лисицу, за которую одинъ купецъ заплатилъ 90 рублей.

Наконецъ, во второе воскресенье послѣ праздника Сошествія Св. Духа, въ самый полдень появилась на небѣ комета. Царь призвалъ къ себѣ, говоритъ Беръ, одного старика, пріѣхавшаго изъ Германіи за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, и спрашивалъ его мнѣнія о вновь появившейся звѣздѣ. «Богъ посылаетъ такія знаменія, отвѣчалъ сей мужъ, въ предостереженіе великихъ государей; тамъ гдѣ они случаются, обыкновенно

бываютъ важныя перемѣны». Онъ совѣтовалъ Борису быть осторожнымъ, оберегать границы и внимательно смотрѣть за тѣми людьми, которымъ онъ ввѣряется. «Тебѣ грозитъ великая опасность», добавилъ онъ.

И дѣйствительно, наступало страшное время смуты, погубившей Бориса, и имѣвшей гибельныя слѣдствія для всей Россіи.

Въ Литвѣ проявился въ это время нѣкто, который объявилъ, что онъ никто иной, какъ царевичъ Дмитрій, спасшійся отъ руки убійць, подосланныхъ Годуновымъ.

Онъ рассказывалъ, что его спасъ его собственный врачъ, который, узнавъ объ опасности, скрылъ его съ помощью дьяковъ Щелкаловыхъ, а потомъ препроводилъ въ Литву. Убить же былъ сынъ священника, однихъ съ нимъ лѣтъ.

Въ Литвѣ повѣрили этимъ рассказамъ или по крайней мѣрѣ сдѣлали видъ, что повѣрили, потому что поняли, что, поддерживая настоящаго ли Дмитрія или самозванца, можно произвести смуту въ Московскомъ государствѣ и ослабить его. Особенное участіе принялъ въ самозванцѣ князь Адамъ Вишневецкій, братъ его Константинъ Вишневецкій, и, позднѣе, тестъ Константина, воевода Сендомірскій, Юрій Мнишекъ. Они принимали самозванца за настоящаго Дмитрія и еще болѣе увѣрились въ этомъ, когда какой-то бѣглый слуга Русскій, да еще одинъ Полякъ, бывшій въ плѣну у Русскихъ при жизни Грознаго, увѣрили ихъ, что знаютъ примѣты царевича Дмитрія, и находятъ тѣ же примѣты у самозванца: одна рука короче другой, и бородавка на лицѣ. Самъ же самозванецъ показалъ имъ въ удостовѣреніе своего царскаго происхожденія, наперсный крестъ, осыпанный драгоценными камнями, будто бы данный ему при крещеніи восприемникомъ его, княземъ Иваномъ Мстиславскимъ.

Вишневецкіе донесли Сигизмунду (королю Польскому), что у нихъ находится настоящій наслѣдникъ Ѳедора, царевичъ Дмитрій, и король пожелалъ его видѣть. Папскій нунцій и іезуиты, сообразивъ, что, оказавъ содѣйствіе мнимому Дмитрію, они могутъ рассчитывать ввести черезъ него католическое вѣроисповѣданіе въ Московскомъ государствѣ, убѣждали Сигизмунда оказать ему содѣйствіе. Сигизмундъ принялъ его милостиво, и, вынесши благопріятное впечатлѣніе изъ свиданія съ нимъ, назначилъ ему изъ своей казны 40,000 польскихъ злотыхъ на его содержаніе. Кромѣ того онъ разрѣшилъ ему обратиться къ панамъ съ просьбою помочь ему. Дмитрій былъ чрезвычайно тронутъ ласковымъ пріемомъ короля и благодаренъ за оказанную помощь, а папскій нунцій успѣшилъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы растолковать ему, чѣмъ онъ можетъ отблагодарить короля. Онъ совѣтовалъ ему дѣйствовать скорѣе, слѣдить за сверженіемъ Бориса, но и помнить, что въ благодарность онъ долженъ ввести католицизмъ въ Москвѣ. Прежде же всего онъ долженъ принять его самъ. Дмитрій согласился. Онъ отрекся

Смирнову-Васильеву сослать Григорія въ Соловецкій монастырь, на вѣчное покаяніе. Но Григорій, свѣдавъ объ угрожающей ему опасности, успѣлъ бѣжать въ Литву.

Онъ жилъ нѣкоторое время въ Кіевѣ, въ Печерскомъ монастырѣ, потомъ у Запорожскихъ казаковъ учился владѣть оружіемъ, потомъ былъ въ Польской школѣ, гдѣ учился польской и латинской грамматикѣ, и послѣ всего поступилъ на службу къ богатому польскому магнату, князю Адаму Вишневецкому. Тамъ онъ заболѣлъ, и на духу открылся священнику-іезуиту, что онъ Дмитрій царевичъ.

Иностранннй писатель Беръ рассказываетъ иначе его исторію. Онъ говоритъ, что монахъ Отрепьевъ былъ зачинщикомъ всего этого дѣла, но что онъ не принималъ на себя имени царевича, а нашель для этой цѣли благороднаго юношу въ Бѣлоруссіи (побочнаго сына Стефана Баторія, какъ открыли Беру по довѣренности польскіе вельможи), котораго и уговорилъ быть исполнителемъ его плановъ. Онъ посовѣтовалъ ему сдѣлаться слугою князя Адама Вишневецкаго, и потомъ, при удобномъ случаѣ, открыться ему, что онъ царевичъ, которому удалось спастись отъ грозившей ему въ младенствѣ насильственной смерти. Послѣ этого Отрепьевъ возвратился въ Россію, и сталъ разглашать между казаками, что у Адама Вишневецкаго живетъ въ великой чести законный наслѣдникъ Московскаго престола, Дмитрій Ивановичъ, котораго Борисъ хотѣлъ умертвить въ Угличѣ. Распустивъ эту молву, Отрепьевъ сталъ просить казаковъ дать помощь царевичу и сулилъ имъ знатную награду; убѣжденія этого дьявольскаго монаха не остались безъ дѣйствія, какъ вскорѣ увидимъ.

Наученный имъ юноша, мнимый Дмитрій, исправно служилъ тѣмъ временемъ князю Вишневецкому, въ званіи камердинера. Случилось ему однажды въ банѣ подать своему господину не то, что было нужно. Князь далъ ему пощечину, и обозвалъ его собачьимъ сыномъ. Жестоко обиженный слуга со слезами сказалъ князю: Еслибъ зналъ ты, князь Адамъ, кто тебѣ служить, не услышалъ бы я столь обиднаго слова, да еще съ побоями за такую бездѣлицу! Но дѣлать нечего, назвавъ себя слугою, я долженъ все терпѣть. А кто же ты, спросилъ Вишневецкій, и откуда пришелъ? Тутъ юноша признался, что онъ сынъ царя Ивана, рассказалъ весьма складно приключенія дѣтства и умыселъ Бориса на его жизнь, открылъ, какимъ образомъ онъ избавился отъ смерти, кто спасъ его, какъ онъ странствовалъ по Бѣлоруссіи, и въ подтвержденіе всего этого показалъ золотой крестъ, осыпанный драгоценными камнями, подаренный ему будто бы крестнымъ отцемъ. Затѣмъ мнимый Димитрій упалъ по русскому обычаю въ ноги Вишневецкому, и воскликнулъ: Предаю себя въ твою волю; дѣлай со мной, что угодно! Горькая жизнь не мила мнѣ. О если бы ты могъ возвратить мнѣ то, чего я лишился, какая награда была бы тебѣ дана, съ Божьею помощью!

Князь изумился: онъ повѣрилъ всему, что говорилъ скромный и красивый собой юноша, извинялся передъ нимъ за пощечину и бранное слово, просилъ остаться въ банѣ и подождать его, а самъ пошелъ къ женѣ и отдалъ приказаніе своимъ людямъ готовить яства и напитки для угощенія въ тотъ же вечеръ Московскаго царя. Дивились не мало всѣ домашніе столь неожиданному пріѣзду царя. Князь велѣлъ, сверхъ того, приготовить 6 верховыхъ лошадей въ богатомъ уборѣ, конюхамъ одѣться какъ можно лучше, заложить шестерней дорожную карету, и убрать покои драгоцѣнными коврами.

Когда все было устроено, Вишневецкій возвратился въ баню съ двѣнадцатью слугами, поднесъ бывшему своему камердинеру богатую одежду, прислуживалъ ему при выходѣ изъ бани, предложилъ въ подарокъ запряженную карету, 6 верховыхъ лошадей со всѣмъ уборомъ, сѣдлами, палашами, пистолетами, со всѣми находившимися при нихъ людьми, и просилъ *Его Величество* принять эту бездѣлицу, изъявляя готовность служить ему всѣмъ, что имѣеть. Юноша благодарилъ князя за такое одолженіе, и далъ обѣтъ вознаградить его сторицею. Великолѣпное пиршество заключило собой этотъ день.

Такова исторія появленія самозванца. Теперь перейдемъ къ разсказу о его дальнѣйшихъ походахъ.

ГЛАВА XIV.

Первыя вѣсти о Самозванцѣ въ Москвѣ. — Испугъ Бориса при вѣсти о немъ. — Вооденіе народа въ Москвѣ. — Появленіе Самозванца въ предѣлахъ Московскаго государства. — Битвы шаякъ Самозванца съ московскими войсками. — Бездѣйствіе царскихъ воеводъ. — Смерть Бориса. — Измѣна Басманова. — Возмущеніе народа въ Москвѣ. — Арестъ и убійство Годуновыхъ.

1604—1605.

Воевода Мнишекъ, лично заинтересованный въ дѣлѣ Лжедмитрія, успѣлъ набрать подъ его знамя 1,600 охотниковъ. Къ нимъ присоединились еще шайки московскихъ бѣглецовъ, которые, прослышавши о Самозванцѣ, пріѣхали къ нему и провозгласили его истиннымъ царевичемъ. Примѣру ихъ послѣдовали Донскіе казаки, тѣснимые Борисомъ, и тоже присоединились къ Лжедмитрію въ числѣ 2,000 человекъ. Такимъ образомъ шайка Самозванца состояла теперь изъ 4,000 человекъ.

Между тѣмъ слухи о немъ дошли до Москвы и поразили Бориса своей неожиданностію. Иностранецъ Масса, бывшій въ то время въ Москвѣ, свидѣтельствуетъ, что слухъ о Самозванцѣ привелъ Бориса въ отчаяніе. Онъ совершенно растерялся и не зналъ, что предпринять. Онъ часто ходилъ къ колдунѣ, извѣстной въ Москвѣ подъ именемъ Елены-юродивой. Она жила возлѣ часовни, въ землянкѣ. Въ послѣдній

разъ какъ онъ былъ у нея, она принесла въ свою пещеру четырехугольное бревно и позвала священника отслужить надъ нимъ панихиду. Этимъ она предсказывала Борису его скорую кончину. Онъ ушелъ отъ нея очень опечаленный, но, сознавая необходимость дѣйствовать не теряя времени, онъ сталъ разыскивать, кто былъ Самозванецъ, и узналъ, что это Отрепьевъ, котораго онъ давно велѣлъ сослать. Борисъ потребовалъ дьяка Смирнова къ отвѣту и тогда только узналъ, что приказаніе его не было исполнено. Дьяка поставили на правезъ и засѣкли до смерти.

Послѣ этого Борисъ послалъ грамоту къ Польскому королю, въ которой предупреждалъ его, чтобы онъ не вѣрилъ объявившемуся въ Польшѣ Самозванцу, что лицо, называющее себя Дмитріемъ, никто болѣе, какъ разстрига-монахъ Чудова монастыря и что король долженъ казнить его. Патріархъ Іовъ съ своей стороны написалъ письмо такого же содержанія къ польскому и литовскому духовенству и къ воеводѣ кіевскому князю Острожскому. Но всѣ эти грамоты остались безъ отвѣта. Въ то же время Борисъ получилъ длинное письмо отъ Лжедмитрія, въ которомъ онъ упрекалъ его за всѣ неправды, угрожалъ ему судомъ Божиимъ и предлагалъ не противиться своему законному государю и отдать ему его царство. Въ заключеніе Лжедмитрій обѣщалъ простить Борису его вины и назначить ему какое нибудь мѣсто для жительства, если онъ послѣдитъ признать его своимъ государемъ.

Въ Москвѣ между тѣмъ замѣтно было волненіе. Напрасно патріархъ Іовъ и Василій Шуйскій старались убѣдить народъ, что появившійся Дмитрій — обманщикъ. Народъ не вѣрилъ ихъ словамъ и чутко прислушивался къ слухамъ, идущимъ изъ Литвы. Масса пишетъ, что и самъ Борисъ начиналъ сомнѣваться въ томъ, что царевичъ Дмитрій дѣйствительно убитъ. Онъ начиналъ какъ бы противъ воли вѣрить, что идетъ настоящій Дмитрій. Князь Василій Шуйскій клялся ему, что собственными руками клалъ въ гробъ и похоронилъ истиннаго Дмитрія. То же подтверждалъ и патріархъ. Борисъ приказалъ привезти къ нему тайно мать Дмитрія, и самъ вмѣстѣ съ женой своей допрашивалъ ее, живъ ли ея сынъ? Сначала она отвѣчала, что не знаетъ. Но когда жена Бориса ткнула ей въ глаза зажженной свѣчей и закричала на нее, чтобы она отвѣчала поскорѣй, тогда Марѳа отвѣтила, что онъ живъ. Послѣ этого ее отправили въ дальній монастырь подъ строгимъ присмотромъ.

15 Августа Лжедмитрій выступилъ въ походъ, а въ Октябрѣ былъ уже въ предѣлахъ Московскаго государства. Первый пограничный городъ Моравскъ, нынѣ Моровскъ, сдался ему добровольно, какъ своему законному государю, а за нимъ и Черниговъ. Геройское сопротивленіе оказалъ только Новгородъ - Сѣверскій, въ которомъ начальствовалъ любимецъ Годунова, Петръ Ѳедоровичъ Басмановъ. Вскорѣ подошло туда главное московское войско, и Самозванецъ, оставивъ осаду Новгорода-Сѣверскаго, пошелъ на встрѣчу ему и сразился съ нимъ подъ самымъ

Новгородомъ. Лжедмитрій съ малочисленнымъ отрядомъ бросился прямо въ средину враговъ, но не смотря на его отчаянную храбрость московскія войска одолѣли, и онъ съ остаткомъ своего отряда бѣжалъ въ крѣпость Сѣвскъ, передавшуюся ему предъ тѣмъ, равно какъ и Путивль, главный городъ Сѣверской области, и Рыльскъ. Воеводы этихъ городовъ были приведены связанными въ лагерь Лжедмитрія, который принялъ ихъ благосклонно, послѣ чего они поклялись служить ему вѣрно, какъ своему законному государю. Пасторъ Беръ, также бывший въ то время въ Москвѣ, говоритъ, что спаситель Новгорода, Петръ Басмановъ, прибылъ въ Москву и весьма щедро былъ награжденъ Борисомъ за храбрость и вѣрную службу. Борисъ устроилъ ему торжественную встрѣчу, и его привѣтствовали отъ имени царя знатнѣйшіе князья и бояре; онъ ѣхалъ по городу въ царскихъ саняхъ до самаго дворца; во дворцѣ онъ получилъ изъ собственныхъ рукъ Бориса золотое блюдо, вѣсомъ въ 6 фунтовъ, наполненное червонцами; кромѣ того 2,000 рублей, множество серебряной посуды, помѣстье съ крестьянами, достоинство боярина и мѣсто въ царскомъ совѣтѣ.

Царское войско, подъ предводительствомъ Дмитрія Шуйскаго, стояло въ это время у Брянска и не рѣшалось вступить въ битву съ самозванцемъ, требуя отъ Бориса подкрѣпленія. Наконецъ, пришло и подкрѣпленіе подъ предводительствомъ Мстиславскаго, но и тотъ не рѣшался вступить въ битву, хотя имѣлъ 50,000 войска, тогда какъ у самозванца было всего 15,000. Видя эту нерѣшительность противника, Лжедмитрій первый началъ битву и сразу привелъ царское войско въ замѣшательство. У Мстиславскаго пало въ битвѣ 4,000 человекъ, и самъ онъ былъ раненъ. Замѣчательно, что Лжедмитрій заплакалъ при видѣ столькихъ труповъ своихъ противниковъ-соотечественниковъ.

Дѣло Лжедмитрія шло повидимому успѣшно. Но вдругъ наемныя войска стали грозить ему, что оставятъ его, если онъ сейчасъ же не выплатитъ имъ обѣщанныхъ денегъ. Лжедмитрій убѣждалъ ихъ, говоря, что дѣло сдѣлано только вполовину, что онъ выплатитъ, когда достигнетъ своей цѣли, — но ничего не помогало. Мало того, даже Мнишекъ объявилъ, что онъ не можетъ болѣе оставаться при войскѣ и уѣзжаетъ отъ него по случаю сейма. Вслѣдъ за нимъ уѣхала большая часть Поляковъ. Лжедмитрію приходилось плохо, но его выручили казаки, присоединившіеся къ нему въ числѣ 12,000 человекъ. Впрочемъ, вначалѣ онъ потерялъ съ ними поражение при Добрыничахъ, такъ что принужденъ былъ укрѣпиться въ Путивлѣ, а оттуда собирался уйдти обратно въ Польшу. Но воеводы царскіе не воспользовались побѣдой надъ Самозванцемъ и своимъ бездѣйствіемъ дали ему время оправиться. Къ нему подоспѣла еще помощь отъ казаковъ.

Борисъ, потерявъ наконецъ терпѣніе, прислалъ гонца къ своимъ воеводамъ съ выговоромъ за то, что они не изловили Лжедмитрія

послѣ пораженія его при Добрыничахъ и не преслѣдовали его. Это оскорбило воеводъ, и они стали раздумывать, не перейдти ли имъ на службу къ самозванцу? Въ это время пришла неожиданная вѣсть о скоропостижной смерти Бориса. Утромъ того дня онъ былъ совершенно здоровъ, а къ вечеру ему сдѣлалось дурно, кровь хлынула изъ носа, рта и ушей, и онъ скончался. На другой день его похоронили безъ всякой пышности въ Архангельскомъ соборѣ. Нѣкоторые изъ современныхъ иностранныхъ писателей полагаютъ, что Борисъ принялъ ядъ, другіе — что его отравили, и наконецъ третьи, что онъ умеръ отъ апоплексическаго удара. Онъ умеръ 55 лѣтъ отъ роду. По словамъ Массы, онъ былъ не высокаго роста, дороденъ, лице имѣлъ круглое, волосы на бородѣ и головѣ посѣдѣвшіе. Ходилъ онъ съ трудомъ по причинѣ подагры, отъ которой часто страдалъ. Болѣзнь эта обыкновенно бываетъ у Московскихъ бояръ, которые много стоятъ и ходятъ, ибо они постоянно должны находиться во дворцѣ и тамъ цѣлые дни стоять около царя, ни разу не отдыхая, иногда въ теченіи 3 или 4 дней. Борисъ былъ очень милостивъ къ иностранцамъ. Онъ имѣлъ огромную память и хотя не умѣлъ ни читать, ни писать, но зналъ все, лучше грамотныхъ.

Во внезапной смерти Бориса народъ увидалъ Божіе наказаніе, но все-таки принялъ присягу сыну его Ѳеодору.

Молодой царь поспѣшилъ прежде всего отозвать Мстиславскаго и Шуйскаго въ Москву, а на мѣсто ихъ послалъ къ войску Басманова, такъ храбро защищавшаго Новгородъ-Сѣверскій при его отцѣ. Но времена переѣнились, и кто былъ прежде вѣрнымъ слугою Годунова-отца, тотъ теперь начиналъ колебаться въ вѣрности сыну. Съ Басмановымъ былъ посланъ митрополитъ Исидоръ, чтобы привести войска къ присягѣ. Они присягнули безпрекословно, но въ нихъ было замѣтно какое-то смущеніе и неувѣренность. При такомъ настроеніи войска побѣда дѣлается сомнительною. Басмановъ понялъ это и рѣшился лучше перейти на сторону Самозванца. Сговорившись съ княземъ Голицынымъ и Салтыковымъ, онъ объявилъ войскамъ, что Лжедмитрій есть истинный царь. Всѣ почти войска тотчасъ же провозгласили Лжедмитрія своимъ государемъ, и только немногіе остались вѣрными Ѳеодору Годунову и поспѣшили съ своими воеводами, князьями Ростовскимъ и Телятевскимъ въ Москву. Вслѣдъ за ними пошелъ Лжедмитрій, нигдѣ не встрѣчая сопротивленія. Онъ послалъ впередъ гонцевъ съ грамотою, въ которой говорилъ, что онъ прирожденный царь Московскій, что народъ присягалъ Борису незаконно, но что онъ проститъ всѣхъ, кто поспѣшитъ признать его истиннымъ царемъ. Гонцы Лжедмитрія, Плещеевъ и Пушкинъ, по прибытіи въ Москву остановились въ Красномъ селѣ, гдѣ жили богатые купцы и ремесленники московскіе. Эти послѣдніе приняли гонцовъ съ радостью и повели ихъ

въ Москву. Царь Ѳеодоръ узнавъ объ этомъ, выслалъ противъ нихъ стрѣльцовъ, но они не захотѣли дѣйствовать противъ безоружной толпы и ушли обратно. Плещеевъ и Пушкинъ вышли на Лобное мѣсто и прочли собравшемуся народу грамоту Лжедмитрія. Народъ не любилъ Годуновыхъ, и, выслушавъ грамоту, пришелъ въ недоумѣніе и говорилъ: что если это въ самомъ дѣлѣ царевичъ Дмитрій? Толпа народа все болѣе и болѣе увеличивалась и начала волноваться. Патріархъ Іовъ, ревностный слуга Годуновыхъ, пользовавшійся расположеніемъ народа, могъ бы успокоить волненіе, если бы онъ вышелъ къ народу; но онъ этого не сдѣлалъ, а попросилъ бояръ выйти вмѣсто себя. Увидавъ Шуйскаго, народъ сталъ спрашивать его, — точно ли убить царевичъ Дмитрій? Шуйскій отвѣтилъ, что царевичъ спасся, а вмѣсто него убить поповъ сынъ. Тогда народъ устремился въ Кремль, ворвался во дворецъ и вывелъ оттуда царя Ѳеодора, его мать и сестру. Ихъ перевели въ прежній домъ Годунова, гдѣ и оставили подъ стражей. Родственниковъ ихъ также взяли подъ стражу, а дома ихъ, равно какъ и дома иностранцевъ и лекарей Бориса, разграбили. Къ грабежу народъ былъ возбужденъ Бѣльскимъ, возвращеннымъ изъ ссылки Ѳеодоромъ Борисовичемъ. Онъ мстилъ за свою бороду, выщипанную нѣмцемъ по повелѣнію Бориса, какъ рассказано выше*).

3 Іюня изъ Москвы были посланы къ Самозванцу съ повинною князья Иванъ Михайловичъ Воротынскій и Андрей Телятевскій. Они застали его въ Тулѣ. Лжедмитрій принялъ ихъ сурово, упрекая за долгое сопротивленіе. Въ дѣйствительности же онъ былъ радъ, что Москва, цѣль его стремленій, сдавалась ему безъ боя. Изъ Тулы онъ послалъ въ Москву князей Василя Голицына, Василя Мосальскаго и дьяка Ступова съ тайнымъ приказаніемъ убить Годуновыхъ. Посланные начали съ главнаго приверженца Годуновыхъ, патріарха Іова: они вывели его изъ Успенскаго собора во время богослуженія, надѣли на него монашеское платье и сослали въ Старицкій монастырь. Потомъ пошли въ домъ, гдѣ находились Ѳеодоръ Годуновъ съ матерью, и обоихъ тайно умертвили. Тѣла ихъ были похоронены въ Варсонофьевскомъ женскомъ монастырѣ, позднѣе упраздненномъ, на мѣстѣ котораго стоитъ нынѣ ц. Вознесенія Господня, построенная въ 1663 году, въ Варсонофьевскомъ переулкѣ, близъ Лубянки. При этомъ монастырѣ былъ въ древности убогій домъ, т. е. кладбище для погребенія странныхъ, убогихъ и погибшихъ насильственной смертью. Это и было причиной, что туда же было перенесено, по распоряженію Лжедмитрія, для большаго поруганія, тѣло Бориса Годунова. Его вы-

*) Царь Борисъ, заподозрѣвъ Бѣльскаго въ измѣнѣ, поручилъ своему лейбъ-меднику Гобріелю выщипать ему бороду по волоску и затѣмъ сослалъ его въ Сибирь.

ташили черезъ отверстіе, продѣланное для этого въ стѣнѣ собора. Сестра убитаго Феодора, Ксенія, осталась въ живыхъ и спустя нѣсколько времени была пострижена въ монахини и отослана въ монастырь на Бѣлоозеро.

ГЛАВА XV.

Въѣздъ Лжедмитрія въ Москву. — Судь надъ Шуйскимъ и его помилованіе. — Пріѣздъ царицы инокини Марѣи. — Вѣнчаніе на царство Лжедмитрія I. — Его занятія и развлеченія. — Въѣздъ Маринны, ея вѣнчаніе и бракосочетаніе. — Обличители Лжедмитрія. — Заговоръ Шуйскаго. — Гибель Лжедмитрія. — Избраніе Шуйскаго.

1605 — 1606.

Лжедмитрій разослалъ грамоты по всей Россіи, извѣщая о своемъ воцареніи. Онъ требовалъ, чтобы воеводы, бояре, духовенство и народъ всюду присягали царицѣ-матери, инокинѣ Марѣѣ, и ему, царю Дмитрію. Принявъ ключи отъ царской казны и государственную печать изъ рукъ знатнѣйшихъ думныхъ бояръ, Мстиславскаго, Шуйскаго и др., Лжедмитрій двинулся далѣе. Въ Серпуховѣ онъ узналъ о смерти Годуновыхъ. 16-го Іюня онъ расположился станомъ на берегу Москвы-рѣки, у села Коломенскаго, гдѣ ему была поднесена хлѣбъ-соль знатнѣйшими Москвичами и различные подарки, въ видѣ золотыхъ кубковъ, соборей и т. д. Бояре поднесли ему царскую утварь и приглашали спѣшить въ Москву, которая жаждетъ скорѣе увидать его.

Лжедмитрій милостиво отвѣчалъ имъ, что прощаетъ за оказанное вначалѣ сопротивленіе и хочетъ быть отцемъ въ своемъ царствѣ.

20-го Іюня онъ въѣхалъ въ Москву. Впереди всѣхъ ѣхали вооруженныя дружины польскихъ всадниковъ, а за ними Лжедмитрій на бѣломъ конѣ, въ великолѣпной одеждѣ и ожерельѣ, стоящемъ 150,000 червонцевъ. Его окружали бояре и князья, а за ними слѣдовала литовская дружина, нѣмцы, казаки и стрѣльцы. Въ Москвѣ звонили во всѣ колокола, и всѣ улицы были переполнены народомъ. Всѣ падали на колѣни при появленіи Лжедмитрія и кричали ему: здравствуй, отецъ нашъ, государь и великій князь, Дмитрій Ивановичъ! Ты наше солнышко праведное! Лжедмитрій кланялся имъ и приказывалъ вставать. День былъ ясный и тихій, что придавало особенную торжественность происходившему. Но лишь только Лжедмитрій переѣхалъ живой мостъ и Москворѣцкія ворота *) и вступилъ на Красную площадь,

*) На лѣвомъ берегу Москвы-рѣки, въ южной стѣнѣ Китай-города, у Москворѣцкаго живаго моста, теперь не существующія. Здѣсь устраивалась Іордань для освященія воды и здѣсь же до начала XVIII в. на живомъ мосту собиралось въ семьѣ множество дѣвушекъ и женщинъ съ березками. Онѣ пѣли пѣсни,

какъ вдругъ поднялся страшный вихрь, такъ что люди съ трудомъ удерживались на лошадяхъ. Пыль взвилась столбомъ и на мгновеніе ослѣпила присутствующихъ. На колокольнѣ набережной церкви, св. Софіи, колокола зазвонили сами собой. Шестіе должно было пріостановиться. Въ народѣ сочли это за дурное предзнаменованіе и испуганно крестились, приговаривая: помилуй насъ, Господи! На Лобномъ мѣстѣ Лжедмитрій былъ встрѣченъ духовенствомъ, и, сойдя съ лошади, прикладывался къ образамъ. Но въ то же самое время, музыканты играли на трубахъ и бубнахъ, заглушая церковное пѣніе. Это не понравилось народу, а равно и то, что Лжедмитрій, обходя соборы, вводилъ за собою Поляковъ и другихъ иновѣрцевъ. У гробницы Ивана Грознаго онъ преклонилъ колѣна, и, казалось, былъ такъ взволнованъ, что всѣ присутствующіе были тронуты, думая, что онъ преклоняетъ колѣна у могилы своего отца, отъ которой былъ такъ долго удаленъ.

Изъ соборовъ Лжедмитрій пошелъ во дворецъ, а на Лобное мѣсто вышелъ Богданъ Бѣльскій, и, цѣлуя крестъ, свидѣтельствовалъ передъ народомъ, что Лжедмитрій есть истинный Дмитрій. Но не то говорилъ теперь Василій Шуйскій. Сказавши однажды, что убить не истинный Дмитрій, а поповъ сынъ, и тѣмъ давая возможность предполагать, что самозванецъ есть истинный Дмитрій, теперь онъ снова сталъ утверждать противное, и распространять свое мнѣніе въ народѣ. Это дошло до свѣдѣнія Басманова, который донесъ на Шуйскаго царю. Шуйскій былъ схваченъ, и осужденъ на смертную казнь. На 25-е Іюня было назначено исполненіе приговора. Князь былъ уже выведенъ на Красную площадь, и поставленъ передъ плахою, на которой лежалъ топоръ. Ему прочли приговоръ, и онъ прюстился съ народомъ, закричавъ ему, что умираетъ за правду, за вѣру, и за народъ православный. Народъ, толпившійся вокругъ мѣста казни, былъ замѣтно опечаленъ судьбою Шуйскаго. Но Басмановъ, объѣзжая толпы народа, старался объяснить ему, что Шуйскій заслуживаетъ своей участи, что онъ хотѣлъ снова возмутить землю и имѣлъ много предательскихъ намѣреній ко вреду отечества.

Палачъ началъ уже раздѣвать осужденнаго, и хотѣлъ снять съ него рубашку, роскошно украшенную золотыми коймами и жемчугомъ, но Шуйскій, желая въ ней умереть, сопротивлялся. Въ это время изъ Кремля показался дьякъ, который ѣхалъ, не торопясь, къ мѣсту казни, точно онъ желалъ опоздать, говорить Масса. Онъ привезъ указъ о помилованіи Шуйскаго. Народъ былъ очень обрадованъ этой милостью

плясали и сбрасывали съ головы своей вѣнки въ Москву-рѣку. Если вѣнокъ плылъ, то это предвѣщало счастье, а если тонулъ, то какую-нибудь напасть, или даже смерть.

царя. Масса свидѣтельствуетъ, что Шуйскій обязанъ своимъ спасеніемъ заступничеству Бучинскаго, секретаря самозванца, убѣждавшаго Лжедмитрія быть милостивымъ къ боярамъ, которыхъ осталось немного. Онъ говорилъ, что Лжедмитрій выиграетъ отъ этого болѣе, чѣмъ истребленіемъ ихъ посредствомъ казней, которыя могутъ только возбудить въ народѣ подозрѣніе, что онъ самозванецъ *). Изъ этого можно заключить, что Бучинскій и другіе приближенные самозванца были посвящены въ тайну его происхожденія.

На мѣсто сверженнаго патріарха Іова былъ возведенъ по выбору Лжедмитрія Игнатій, архіепископъ Рязанскій, родомъ Грекъ, который первый изъ архіереевъ въ Россіи призналъ Лжедмитрія царемъ. Тотчасъ по своемъ избраніи, патріархъ разослалъ по всей Россіи грамоты, извѣщая о воцареніи Дмитрія и о своемъ избраніи. Вслѣдъ за тѣмъ, въ Москву была привезена царица инокиня Марѳа, жившая въ Выксинскомъ монастырѣ, въ 500 верстахъ отъ Москвы. Царь послалъ за ней великаго мечника (новый чинъ, введенный самозванцемъ), князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго, и 18-го Іюля царица-инокиня вѣхала въ Москву.

Царь встрѣтилъ ее въ селѣ Тайнинскомъ, и бесѣдовалъ съ ней въ нарочно приготовленномъ для того шатрѣ. Свиданіе это было важно для Лжедмитрія, а равно и для всего народа русскаго, потому что царица должна была или признать въ немъ сына, или изболѣчить самозванца. Но, вѣроятно, мѣры были уже приняты Лжедмитріемъ, чтобы вынудить у царицы-инокини такое признаніе, какого онъ желалъ. Царица жила 13 лѣтъ въ монастырѣ, въ невольномъ постригѣ, и увлеклась, можетъ быть, обѣщанными почестями, а можетъ быть и была вынуждена дѣйствовать по желанію Лжедмитрія подъ угрозой смерти. Какъ бы то ни было, но царица признала Лжедмитрія своимъ сыномъ. Они оба вышли изъ шатра радостные, и Лжедмитрій усадилъ мнимую мать свою въ карету, а самъ шелъ за нею нѣсколько верстъ пѣшкомъ. Царицу-инокиню помѣстили въ Вознесенскомъ монастырѣ, куда царь ѣздилъ каждый день для свиданія съ нею.

30 Іюля Лжедмитрій вѣнчался на царство по обыкновенному обряду. При этомъ одно только непріятно поразило народъ, — это латинская рѣчь іезуита Николая Черниковскаго, которою онъ привѣтствовалъ въ храмѣ Успенія новаго царя.

По случаю царскаго вѣнчанія были розданы различныя милости, и санъ конюшаго боярина получилъ Михаилъ Ѳедоровичъ Нагой, мнимый дядя царя. Романовы были возвращены изъ ссылки, и Филаретъ Никитичъ получилъ санъ Ростовскаго митрополита, а Иванъ Никитичъ санъ боярина.

*) Бучинскій былъ по происхожденію Нѣмецъ и принадлежалъ къ реформатской церкви.

Лжедмитрій ревностно занялся государственными дѣлами, ежедневно присутствовалъ въ Думѣ и изумлялъ бояръ быстротой своего соображенія и находчивостью. Онъ говорилъ очень краснорѣчиво и очень охотно. Часто упрекалъ онъ думныхъ людей въ невѣжествѣ, указывалъ имъ на другія страны, болѣе просвѣщенные, и говорилъ, что будетъ отпускать ихъ въ чужіе края учиться. Лжедмитрій объявилъ народу, что будетъ принимать на Красномъ крыльцѣ прошенія два раза въ недѣлю, и вообще высказывалъ намѣреніе царствовать милостиво и не жалѣть ничего для своихъ подданныхъ. Онъ оказалъ покровительство печатному дѣлу и при немъ, 18-го Марта 1606 г., былъ отпечатанъ въ Москвѣ Апостоль Иваномъ Андрониковымъ Невѣжею, съ изображеніемъ Апостола Луки, награвированномъ въ 1597 г. Въ послѣсловіи къ этому изданію говорится, что онъ отпечатанъ «повелѣніемъ благочестія поборника, и божественныхъ велѣній изрядна ревнителя, Благовѣрнаго и христоролюбиваго исконнаго Государя всея великія Россіи, крестоноснаго Царя и великаго князя Дмитрія Ивановича всея Россіи самодержца, при святѣйшемъ патріархѣ Курь-Игнатіи Московскомъ и всея Россіи».

Тотчасъ послѣ своего вѣнчанія, Лжедмитрій отпустилъ наемное войско, одѣливъ его обѣщанными деньгами. Но Поляки, получивъ деньги, остались въ Москвѣ, предаваясь праздности и удовольствіямъ. Они держали себя высокомерно въ отношеніи Москвичей, буйствовали, и подавали поводъ къ разнымъ столкновеніямъ. Проживши все полученное, они думали выманить еще денегъ отъ Лжедмитрія, но обманувшись въ расчетѣ, должны были удалиться съ пустыми руками, браня его, будто онъ обманулъ ихъ. При царѣ остались лишь немногіе Поляки, въ томъ числѣ братья Вучинскіе, очень способные люди, бывшіе у него секретарями. Вообще Лжедмитрій отдавалъ явное предпочтеніе иностранцамъ, которыми и окружилъ себя. Изъ Русскихъ только одинъ Басмановъ былъ его приближеннымъ, но и тотъ не имѣлъ на него большаго вліянія. Впрочемъ, онъ обходился съ русскими вельможами ласково даже слишкомъ какъ замѣчаетъ Маржеретъ, потому что они воспитывались и выростали въ такомъ униженіи и страхѣ, что при царѣ почти не смѣли сказать слова безъ приказанія. Лжедмитрій разрѣшилъ многимъ изъ нихъ жениться, чего не позволялъ Борисъ Годуновъ. Его позволеніемъ воспользовался, между прочимъ, Милославскій, женившійся на двоюродной сестрѣ царской матери, и Шуйскій обручившійся съ дѣвицею изъ рода Нагихъ. Свадьба его должна была совершиться черезъ мѣсяць послѣ царской.

Лжедмитрій ввелъ разные обычаи при дворѣ, которые весьма не нравились русскимъ боярамъ и народу. За обѣдомъ у него играла музыка, онъ употреблялъ телятину, которую не ѣли наши предки, послѣ обѣда не ложился спать, но выходилъ на прогулку, иногда совершенно

одинъ, и часто заходилъ къ придворнымъ художникамъ, ювелирамъ, аптекарямъ. Почти каждое воскресенье присутствовалъ на медвѣжьей травлѣ, происходившей обыкновенно на заднемъ дворцовомъ дворѣ, куда во множествѣ привозили въ клѣткахъ медвѣдей. Онъ былъ неустрашимымъ наѣздникомъ, выѣзжалъ охотиться въ поле, говорить Масса, на которое выпускали медвѣдей, волковъ, лисицъ. Преслѣдуя ихъ съ необыкновеннымъ мужествомъ, онъ въ одинъ день загонялъ по нѣскольку лошадей. Лжедмитрій мѣтко стрѣлялъ изъ пушекъ, и, дѣлая примѣрныя битвы, самъ кидался на приступы. Онъ любилъ чрезвычайно роскошь, и тратилъ огромныя деньги на покупку и заказы разныхъ драгоценностей. Выстроивъ себѣ новый деревянный дворецъ, впереди существовавшаго дворца, ближе къ Москвѣ-рѣкѣ, онъ употребилъ большія деньги на отдѣлку его. Стѣны этого дворца были обиты шелковыми персидскими тканями, печи изразцовыя съ серебряными рѣшетками, замки въ дверяхъ позолоченныя, а передъ дворцомъ была поставлена статуя Цербера о трехъ головахъ, челюсти которыхъ открывались и закрывались при легкомъ давленіи пружины.

Взойдя на престолъ благодаря содѣйствію Польскаго короля, Лжедмитрій старался поддерживать съ нимъ миръ. Но Сигизмундъ не былъ имъ доволенъ, и выразилъ свою досаду тѣмъ, что въ грамотѣ, которою поздравлялъ его съ восшествіемъ на престолъ, не давалъ ему титула царя. Лжедмитрій увѣрялъ короля въ своемъ искреннемъ расположеніи, благодарности и готовности исполнять всѣ его желанія, — но въ то же время настаивалъ, чтобы король въ своихъ грамотахъ называлъ его не только царемъ, какъ его предшественниковъ, но цезаремъ или императоромъ, такъ какъ этотъ титулъ будетъ понятнѣе для Европы, и прибавлялъ бы къ нему слово — непобѣдимый.

Между тѣмъ Лжедмитрій отправилъ посольство за Мариной.

1-го Ноября пріѣхалъ въ Краковъ посолъ его, Аѳанасій Власьевъ, который былъ представленъ Сигизмунду и извѣстилъ его о намѣреніи Лжедмитрія вступить въ бракъ съ Мариною, дочерью Сендомирскаго воеводы, Мнишка. 12-го Ноября было совершено обрученіе Марины, въ присутствіи короля. Власьевъ представлялъ собою жениха. Послѣ обрученія былъ богатый пиръ у Мнишка, за которымъ невѣстѣ были поднесены подарки отъ имени жениха, стоимостью до 200,000 червонцевъ.

Лжедмитрій нетерпѣливо ждалъ свою невѣсту въ Москву, но Мнишекъ медлил выѣздомъ, требуя денегъ для уплаты своихъ долговъ. Наконецъ и эти деньги были высланы, и онъ выѣхалъ съ дочерью, напутствуемый благословеніями папы, который въ письмѣ къ Маринѣ поручалъ ей содѣйствовать всѣми силами распространенію въ Россіи католической вѣры. То же писалъ онъ и Мнишку.

Воевода Сендомирскій ѣхалъ съ своею дочерью, называвшеюся послѣ обрученія уже царицею, съ чрезвычайною пышностью, и, вслѣдствіе этого,

медленно. Только въ Апрѣлѣ достигли они села Вязёмы, гдѣ Марина остановилась, а Мнишекъ поѣхалъ въ Москву, для свиданія съ Лжедмитріемъ и для переговоровъ о свадьбѣ. Воевода Сендомирскій былъ торжественно встрѣченъ въ Москвѣ, и для него былъ отведенъ домъ Бориса въ Кремлѣ, находившійся противъ Чудова монастыря, рядомъ съ Троицкимъ подворьемъ, гдѣ теперь зданіе казармъ, обставленное древне-русскими пушками. Для болѣе удобнаго переѣзда Марины, Лжедмитрій велѣлъ поставить нѣсколько великолѣпныхъ шатровъ въ 5-ти верстахъ отъ города. Выѣхавъ изъ Вязёмъ, царица два раза ночевала въ пути съ своей свитой, и 2-го Мая въѣхала въ Москву. Еще наканунѣ этого дня она была встрѣчена за 15 верстъ отъ города купцами и другими гражданами, съ подарками. Въ самый же день въѣзда, у заставы, были расположены войска, русскія и иностранныя, числомъ до 100,000. Самъ Лжедмитрій тайно пріѣзжалъ разставлять ихъ, вмѣстѣ съ Басмановымъ, и послѣ того вернулся въ Кремль. На берегу Москвырѣчки, на пространствѣ между теперешними Дорогомиловскимъ кладбищемъ и заставой, былъ раскинутъ великолѣпный шатеръ, въ которомъ бояре, съ Мстиславскимъ во главѣ, привѣтствовали царицу. Она пересѣла тутъ въ приготовленную для нея царскую колесницу, украшенную серебряными орлами и запряженную двѣнадцатью бѣлыми лошадьми съ черными пятнами. Такова была масть этихъ лошадей, говоритъ Масса, хотя можно было навѣрное предполагать, что они были раскрашены. Они были приведены въ Москву еще за долго до свадьбы Лжедмитрія, изъ Татаріи. Внутри колесницы лежали подушки, унизанныя жемчугомъ. Даже колеса ея были вызолочены. Кучера при ней не было, но каждую лошадь велъ отдѣльный конюхъ. Впереди шло 300 гайдуковъ съ музыкантами, а сзади слѣдовало за ней 13 каретъ и множество всадниковъ. Марина въѣхала въ городъ при звонѣ колоколовъ и стрѣльбѣ изъ пушекъ. Какъ видно изъ приложеннаго рисунка къ запискамъ Масса о Москвѣ, путь ея лежалъ по теперешней Арбатской улицѣ, Никитскому и Тверскому бульварамъ, по Тверской, чрезъ Неглинныя, нынѣ Воскресенскія ворота на Красную площадь, и чрезъ Спасскія ворота въ Кремль. Она была одѣта по французскому обычаю, въ бѣлое атласное платье, все унизанное драгоценными камнями и жемчугомъ. Противъ царицы сидѣли двѣ польскія графини, ея родственницы. Духовенство не вышло къ ней на встрѣчу, такъ какъ она была иновѣрка. При проѣздѣ ея черезъ Спасскія ворота, музыка играла народную польскую пѣсню. Марина остановилась у Вознесенскаго Дѣвичьяго монастыря, гдѣ была встрѣчена царицей-инокиней и своимъ женихомъ. Она оставалась въ монастырѣ до дня своей свадьбы, бывшей 8-го Мая.

Вслѣдъ за Мариной въѣхали въ Москву послы короля Польскаго, паны Олѣсницкій и Гонсѣвскій, чтобы присутствовать при бракосочетаніи Лжедмитрія.

На другой день, 3-го Мая, Лжедмитрій принималъ у себя свиту Марины и Польскихъ пословъ. Но въ грамотѣ короля, поданной послами, опять не было надлежащаго титула и Лжедмитрій былъ названъ только княземъ Дмитріемъ. Увидя это, онъ пришелъ въ сильное негодованіе, и возвратилъ грамоту послу. Олѣсницкій отвѣчалъ, что если грамота не будетъ принята, то этимъ будетъ нанесено оскорбленіе королю, которое непременно повлечетъ за собою войну. Лжедмитрій возражалъ на это, но потомъ одумался и грамоту принялъ, а когда спросилъ о здорovy короля, то привсталъ по требованію Олѣсницкаго.

Первый день по своемъ прїѣздѣ, Марина ничего не ѣла, потому что монастырскія кушанья были ей не по вкусу. Но Лжедмитрій, узнавъ объ этомъ, прислалъ ей польскихъ поваровъ, которые готовили ей кушанье, не сообразуясь съ монастырскимъ уставомъ. Кромѣ того, онъ увеселялъ ее музыкой и пляской скомороховъ, что было уже совершенно неприлично въ монастырскихъ стѣнахъ.

7-го Мая вечеромъ, при свѣтѣ 200 факеловъ Марина переѣхала изъ монастыря во дворецъ. На другой день утромъ было совершено ея обрученіе въ Столовой палатѣ, куда Марина была введена княгиней Мстиславской и воеводой Сендомирскимъ. При обрученіи присутствовали только тысяцкій, Василий Шуйскій, дружки, свахи и еще немногіе. Марина была въ русскомъ бархатномъ платьѣ, украшенномъ множествомъ драгоценныхъ камней, и въ золотомъ вѣнцѣ. На Самозванцѣ было тоже множество драгоценныхъ камней. По окончаніи обряда, женихъ съ невѣстой перешли въ Грановитую палату, гдѣ ожидали ихъ всѣ знатные бояре, польская свита Марины и послы Сигизмунда. Тутъ устроены были два трона. Михайло Нагой держалъ въ рукахъ корону Мономахову и діадему, къ которымъ Марина приложилась. Потомъ царскій духовникъ повелъ жениха и невѣсту въ Успенскій соборъ, гдѣ прежде всего Марина была вѣнчана на царство, — обрядъ, который никогда не исполнялся прежде надъ русскими царицами. Взойдя въ соборъ, Марина приложилась къ образамъ, и Лжепатріархъ Игнатій возложилъ на нее животворящій крестъ, бармы, діадему и корону, причемъ съ нея сняли прежде бывшій вѣнецъ. Ей былъ поставленъ тронъ, рядомъ съ трономъ Лжедмитрія и патріарха. За обѣдней Игнатій надѣлъ на нее цѣпь Мономахову, помазалъ ее елеемъ и причастилъ. По окончаніи литургіи, духовенство и бояре цѣловали у нея руку и присягали въ вѣрности. Затѣмъ только немногіе знатнѣйшіе лица были оставлены въ церкви, а остальные всѣ высланы, и Благовѣщенскій протопопъ совершилъ обрядъ вѣнчанія. Церемонія окончилась уже передъ вечеромъ и молодые вышли изъ собора при колокольномъ звонѣ, пушечныхъ выстрѣлахъ и звукахъ трубъ и литавровъ. Въ дверяхъ собора князь Мстиславскій осыпалъ ихъ золотыми монетами изъ богатой чаши, а всѣ остальные червонцы и медали бросилъ въ толпу.

Такъ праздновалъ Лжедмитрій свою свадьбу и не предчувствовалъ грозы, которая собиралась надъ его головой. Въ короткій срокъ его царствованія много разъ являлись люди, которые видѣли въ немъ обманщика, и, жертвуя жизнью, силились обличить его. Таковы были ближайшіе его родственники, мать, братъ и дядя Отрепьевы: дядя былъ сосланъ въ Сибирь, а мать и братъ заключены; дворянинъ Петръ Тургеневъ и нѣкто Фодоръ: оба казнены; дьякъ Тимофеевъ Осиповъ пошелъ во дворецъ и прямо сталъ говорить Лжедмитрію, что онъ Гришка-Отрепьевъ, разстрига, а не цесарь непобѣдимый: его казнили. Наконецъ между стрѣльцами стали ходить дурныя слухи о Лжедмитріи: Басмановъ доложилъ объ этомъ царю и по его повелѣнію было наряжено слѣдствіе, которое открыло 7 виновныхъ. Лжедмитрій поступилъ съ ними слѣдующимъ образомъ, какъ рассказываетъ Масса. Онъ велѣлъ собрать всѣхъ стрѣльцовъ на заднемъ дворѣ, гдѣ обыкновенно происходила травля медвѣдей, куда они должны были явиться безъ оружія. Лжедмитрій вышелъ къ нимъ на крыльцо и сказалъ рѣчь, въ которой упрекалъ ихъ, что они все еще сомнѣваются въ его происхожденіи, и спросилъ, могутъ ли они представить какое нибудь доказательство, что онъ не истинный Дмитрій. «Моя мать и всѣ эти вельможи могутъ быть моими свидѣтелями, говорилъ онъ. Былъ ли бы въ состояніи кто нибудь овладѣть почти безъ войска такимъ могущественнымъ государствомъ, если бы онъ не основывался на правдѣ и правѣ? Богъ никогда не допустилъ бы до этого. Я не щадилъ своей жизни не для собственного моего возвеличенія, но для того, чтобы освободить васъ отъ крайняго бѣдствія и рабства, въ которое вы были ввержены измѣнникомъ (Годуновымъ), вами правившимъ и васъ угнетавшимъ. Всемогуцій Богъ, Который Своей мощной рукой возвратилъ мнѣ царство, по праву мнѣ принадлежащее, побудилъ меня съ ревностію исполнить свое назначеніе». Стрѣльцы были такъ поражены его словами, что пали передъ нимъ на колѣни, клялись, что ничего не знаютъ ни о какихъ злоумышленіяхъ противъ него, и просили указать тѣхъ, кто обвинилъ ихъ передъ нимъ. Царь велѣлъ Басманову вывести тѣхъ 7 стрѣльцовъ, которые были схвачены, и, указывая на нихъ, сказалъ: «Вотъ тѣ, которые говорили, что вы всѣ измѣнники, что вы преисполнены самыми предательскими замыслами противъ вашего законнаго царя-государя». Стрѣльцы мгновенно бросились на этихъ людей и растерзали ихъ на куски, съ яростію, почти невѣроятною. Нѣкоторые стрѣльцы, какъ собаки, которыя рвутъ оленя, зубами вырывали у несчастныхъ своихъ товарищей куски мяса. Несмотря на свое жестокосердіе, прибавляетъ Масса, Лжедмитрій не могъ смотрѣть на убіеніе стрѣльцевъ, и на это время ушелъ въ комнаты. Выйдя къ стрѣльцамъ вторично, онъ распустилъ ихъ по домамъ.

На всѣ эти казни народъ смотрѣлъ равнодушно, потому что любилъ самозванца, считая его настоящимъ Дмитріемъ. Неудовольствіе на него

росло и зрѣло болѣе среди бояръ, потому что они ближе знали его, имѣли возможность замѣтить его отступничество отъ православной церкви и древнихъ обычаевъ. Князь Василій Шуйскій, который былъ уже разъ взведенъ на плаху за изобличеніе самозванца, не могъ переимѣнить своихъ убѣжденій изъ благодарности за помилованіе. Онъ пришелъ только къ тому заключенію, что нельзя поднять народъ противъ самозванца, а надо составить заговоръ среди бояръ. Сочувствующихъ ему явилось много, и всѣ они охотно становились въ ряды заговорщиковъ. Главными пособниками его явились Василій Васильевичъ Голицынъ и Иванъ Семеновичъ Куракинъ. Они рѣшили между собой, что надо прежде всего убить самозванца, и тогда уже легче будетъ сладить съ народомъ. Но до тѣхъ поръ, пока самозванецъ живъ, народъ все будетъ его поддерживать. Ряды заговорщиковъ пополнялись быстро. День вѣнчанія Лжедмитрія съ Мариною еще болѣе увеличилъ число недовольныхъ, поступившихъ въ число заговорщиковъ. Марина не отреклась отъ латинства, хотя и прикладывалась къ образамъ, и причащалась изъ рукъ патріарха. А духовенство, въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, предупреждало Лжедмитрія, что если Марина не приметъ православія, то бракъ его будетъ незаконнымъ. Это было ему высказано Гермогеномъ, митрополитомъ Казанскимъ, и Іосифомъ, архіепископомъ Коломенскимъ. Первый изъ нихъ былъ заключенъ въ монастырь за то, что осмѣлился высказать такую истину, а второй почему-то не подвергся преслѣдованію. Тѣмъ не менѣе, Лжедмитрій не принялъ во вниманіе ихъ словъ. Онъ женился на иновѣркѣ, да и днемъ своей свадьбы избралъ день, въ который православная церковь не разрѣшаетъ браковъ: подъ пятницу и подъ праздникъ Николая Чудотворца.

На другой день свадьбы былъ большой обѣдъ во дворцѣ, въ Грановитой палатѣ. Лжедмитрій былъ въ гусарскомъ костюмѣ, а Марина въ польскомъ платьѣ. Послы Сигизмунда не присутствовали на этомъ обѣдѣ, потому что требовали, чтобы ихъ посадили за одинъ столъ съ царемъ и царицей, а Лжедмитрій нашелъ ихъ требованіе неудобнымъ. Воевода Сендомирскій держалъ сторону пословъ и потому, проводивъ Лжедмитрія и Марину до Грановитой палаты, удалился.

10-го Мая Лжедмитрій принималъ дары отъ патріарха, знатныхъ людей и иностранныхъ купцовъ. Затѣмъ былъ опять пиръ въ Грановитой палатѣ, на которомъ царь сидѣлъ лицомъ къ иностранцамъ и спиною къ Русскимъ, и пилъ гостъ за процвѣтаніе польскаго оружія. На третій день, 11-го Мая, воеводѣ Сендомирскому посчастливилось уладить дѣло между Лжедмитріемъ и послами. Они обѣдали на первомъ мѣстѣ *возлѣ* царскаго стола. Паэрле описываетъ этотъ обѣдъ слѣдующимъ образомъ: Среди залы находилась высокая колонна, а подлѣ стоялъ огромный столъ, покрытый золотой и серебряной посудой; сверхъ того, предъ заломъ лежали кучи серебряныхъ сосудовъ, изъ коихъ нѣ-

которые были величиною съ наши ведра, котлы и боченки; въ концѣ залы стоялъ столъ в. к., который сидѣлъ за нимъ съ великою княгинею; они оба были въ польскихъ платьяхъ, сіявшихъ золотомъ и драгоценными камнями; на головахъ они имѣли короны. По правую сторону великаго князя, вблизи его, былъ отдѣльный столъ, приготовленный для пана Олесницкаго; прочіе же господа и гости съ нѣкоторыми Московскими боярами сидѣли по обѣимъ сторонамъ Дмитрія за длинными, узкими столами; панъ Гонсѣвскій занималъ первое мѣсто. На столахъ не было ни ложекъ, ни тарелокъ; сперва подали водку и весьма вкуснаго бѣлаго хлѣба; потомъ разставили разныя блюда съ кушаньями, большею частію съ пастетами, худо приготовленными; въ числѣ ихъ находился огромный пирогъ, наполненный небольшими рыбами; кушанья подавали не вдругъ, а одно за другимъ; ихъ было очень много, но всё безъ вкуса, отчасти отъ излишняго количества масла, отчасти отъ меда, которымъ Москвитяне замѣняютъ сахаръ. Подавали также множество напитковъ, особенно же разныхъ сортовъ медъ.

Дмитрій нѣсколько разъ пилъ за здоровье пословъ и гостей, при веселыхъ звукахъ разныхъ инструментовъ, на коихъ весьма пріятно играли польскіе музыканты, прибывшіе съ великимъ княземъ изъ Польши; московскіе музыканты стояли на дворѣ и производили страшный громъ и трескъ своими барабанами. Трудно повѣрить, какъ много при этомъ случаѣ было золотыхъ сосудовъ; чаши и бокалы сіяли въ рубинахъ, сафирахъ, гіацинтахъ, кораллахъ и жемчугахъ: весь столъ горѣлъ отъ золота и каменьевъ! Было много разнаго сорта закусокъ, лимонныхъ корокъ, яблокъ, орѣховъ и проч. За столомъ прислуживало около 150 молодыхъ бояръ, одѣтыхъ въ парчевые кафтаны; каждому изъ нихъ въ награду за усердіе и вѣрность самъ в. к. далъ по нѣскольку сушеныхъ сливъ послѣ обѣда.

На четвертый день царица угощала въ своихъ комнатахъ однихъ Поляковъ. Изъ Русскихъ былъ только Власевъ, да князь Василій Мосальскій. На шестой день, 14-го Мая, она угостила у себя русскихъ бояръ и знатныхъ лицъ. Затѣмъ 15-го Мая Лжедмитрій принялся было за государственныя дѣла, а далѣе предполагались еще празднества: Лжедмитрій велѣлъ устроить за Срѣтенскими воротами деревянную крѣпость и поставить тамъ пушки, а на 18-е Мая предполагалъ представить тамъ примѣрный приступъ и взятіе крѣпости, послѣ чего сдѣлать пиръ для народа. Заговорщики же распустили молву, что Лжедмитрій хочетъ въ этотъ день истребить бояръ, а потомъ подѣлиться московскими областями съ Поляками и ввести латинскую вѣру. Марина затѣвала маскарадъ — но этимъ празднествамъ не суждено было сбыться. Лжедмитрій не придавалъ большаго значенія слухамъ, которые до него доходили чрезъ Поляковъ и чрезъ Нѣмцевъ, что въ городѣ не спокойно и что-то замышляется противъ него. А заговоръ между тѣмъ

разрослся болѣе и болѣе. Шуйскій успѣлъ привлечь на свою сторону 18,000 отрядъ войска, стоявшій подъ Москвой, и предназначившійся для похода въ Крымъ. Заговорщики собрались у князя Шуйскаго и рѣшили, что пора дѣйствовать наступила. Въ ночь съ 16-го на 17-е Мая отрядъ войска, перешедшаго на сторону заговорщиковъ, вступилъ въ Москву и занялъ всѣ кремлевскія ворота. Дворецъ охранялся въ эту ночь всего тридцатью алебардщиками - Нѣмцами, потому что бояре распустили отъ имени царя всѣхъ остальныхъ по домамъ.

Въ 4 часа утра ударили въ колоколь на Ильинкѣ, у Ильи Пророка*), и затѣмъ по всей Москвѣ. Толпы народа устремились вслѣдъ за тѣмъ на Красную площадь. Кто зналъ о заговорѣ, а кто и не зналъ, но разбуженный колокольнымъ звономъ спѣшили узнать, въ чемъ дѣло. Тѣмъ кто не былъ посвященъ въ тайну заговора, говорили, что Литва бьетъ бояръ и хочетъ убить царя. Этотъ слухъ распустили для того, чтобы сбить народъ съ толку. Между тѣмъ, Шуйскій, верхомъ на конѣ, съ крестомъ въ одной рукѣ и мечемъ въ другой, въѣхалъ въ Кремль черезъ Фроловскія ворота. Онъ сошелъ съ лошади у Успенскаго собора, приложился къ образу Владимірской Божьей Матери и потомъ закричалъ окружающимъ, чтобы они шли во имя Божіе на злаго еретика. Толпа устремилась во дворецъ. Лжедмитрій былъ разбуженъ набатнымъ звономъ колокола и послалъ Басманова узнать, что за причина этой тревоги. Басманову отвѣтили, что гдѣ то начался пожаръ, и это успокоило въ первую минуту и его, и Лжедмитрія. Но шумъ увеличивался, а пожара не было видно. Тогда Лжедмитрій вторично выслалъ Басманова разузнать въ чемъ дѣло. На этотъ разъ Басмановъ былъ встрѣченъ ругательствами, и ему кричали: выдавай самозванца! Басмановъ заперъ двери и не велѣлъ стражѣ никого впускать, а самъ бросился къ Лжедмитрію, чтобы предупредить его объ опасности. Кто то изъ заговорщиковъ успѣлъ всетаки проникнуть во внутреннія комнаты, и, явившись передъ Лжедмитріемъ, закричалъ ему: ну, безвременный царь! проспался ли ты? Выходи скорѣй къ народу и давай отчетъ! — Басмановъ отрубилъ голову смѣльчаку, а Лжедмитрій схватилъ мечъ у одного изъ тѣлохранителей, и, выйдя къ толпѣ, закричалъ ей, махая мечемъ: Я вамъ не Годуновъ! Но въ отвѣтъ на это послышались выстрѣлы, и онъ долженъ былъ удалиться. Басмановъ подошелъ къ боярамъ, находившимся въ толпѣ, и сталъ уговаривать ихъ не измѣнять Лжедмитрію. Но одинъ изъ нихъ, Татищевъ, ударилъ его ножомъ съ такой силой, что онъ упалъ мертвый. Трупъ его былъ сброшенъ съ крыльца на площадь. Лжедмитрій попробовалъ было еще разъ выйдти къ толпѣ, но видя, что сопротив-

*) Церковь, существующая и теперь на Новгородскомъ подворьѣ, близъ Ильинки.

возной телѣгѣ за Таганскія ворота и бросили въ общій ямникъ убогаго дома (на мѣстѣ котораго впоследствии былъ основанъ при царѣ Михаилѣ Федоровичѣ существующій теперь Покровскій монастырь). По словамъ современнаго писателя Геркманъ, монахи Андроньевскаго монастыря распустили слухъ, что въ теченіе 7 дней какъ трупъ самозванца находился въ общемъ ямникѣ убогаго дома, надъ нимъ ежедневно бывали разныя видѣнія, появлялись огни, и между ними такое множество чертей, что монахи боялись идти къ заутрени. Кромѣ того, другой писатель, Масса, говоритъ, что въ эти дни былъ такой сильный морозъ, что на пространствѣ 20 миль кругомъ Москвы засохли вершины всѣхъ растений, какъ овощей, такъ и деревьевъ, какъ будто онѣ были сожжены. Даже вершины и вѣтви сосенъ, покрытыхъ зеленью круглый годъ, высохли такъ, что жалко было смотрѣть на нихъ. Поэтому сочли за лучшее сжечь тѣло самозванца. Когда трупъ его вынули изъ ямы и повезли, говоритъ Геркманъ, погода была хорошая, но лишь только подѣхали къ воротамъ города, чрезъ которыя его надо было провезти, поднялся такой вихрь, что съ деревянныхъ стѣнъ, находившихся по обѣимъ сторонамъ воротъ, снесло крышу. Трупъ самозванца былъ сожженъ на Котлахъ *). Пепель его смѣшали съ порохомъ и выстрѣлили имъ изъ пушки въ ту сторону, откуда онъ пришелъ.

Раздѣлавшись съ Лжедмитріемъ, народъ бросился бить Поляковъ. Прежде всего пострадали польскіе музыканты, жившіе въ Кремлѣ. Потомъ толпа устремилаcь на дома, занимаемые знатными польскими людьми. Но тутъ она встрѣтила сопротивленіе. Воевода Сендомирскій съ сыномъ и князь Вишневецкій защищались до тѣхъ поръ, пока къ нимъ не пришли на выручку бояре. Эти послѣдніе старались объяснить народу, что убійство польскихъ пановъ можетъ вовлечь Москву въ войну съ Польшею, что было бы весьма нежелательно. Около дома, гдѣ жили послы Польскаго короля, было поставлено до пятисотъ стрѣльцовъ для охраны. Изъ посольства никто не былъ тронутъ, но изъ свиты воеводы Сендомирскаго, и множества Поляковъ, наѣхавшихъ въ надеждѣ наживы, было убито около 1300, да Русскихъ около 400 человекъ.

Вся эта рѣзня окончилась къ 11 часамъ утра, и народъ разошелся по домамъ, утомленный и недоумѣвающимъ, потому что все сдѣлалось какъ бы помимо его, хотя и при его участіи. Лжедмитрій палъ, а между тѣмъ онъ имѣлъ еще много сторонниковъ среди народа. Онъ былъ очень уменъ, и въ короткое время своего царствованія успѣлъ принять нѣсколько чрезвычайно благихъ мѣръ касательно внутренняго управленія. Но онъ высказывалъ полнѣйшее пренебреженіе къ русскимъ

*) Деревня Котлы за Серпуховской заставой.

обычаямъ и постановленіямъ православной церкви, что возмущало народное чувство. Нѣкоторые историки предполагаютъ вслѣдствіе этого, что онъ былъ орудіемъ іезуитовъ, которые его воспитали и приготовили быть исполнителемъ ихъ плановъ. Они же снискали для него покровительство короля польскаго. Лжедмитрій постоянно окружалъ себя іезуитами, отвелъ имъ лучший домъ въ Кремлѣ, гдѣ позволилъ служить латинскую обѣдню, и хотѣлъ устроить католическую церковь въ колокольнѣ Ивана Великаго. Если онъ отказался отъ мысли ввести католицизмъ въ Россіи, то это только потому, вѣроятно, что такая мѣра могла погубить его самого. Въ Московскомъ архивѣ, впрочемъ, хранится договоръ его съ Сендомирскимъ, коимъ между прочимъ онъ обязывался заставить своихъ подданныхъ принять латинскую вѣру.

Заговорщики сдѣлали свое дѣло, свергли и убили Лжедмитрія. Теперь надо было приступить къ избранію царя. Самыми видными боярами, бывшими притомъ и главными дѣятелями заговора, были князь Василій Голицынъ, потомокъ Гедимина, и князь Василій Шуйскій, потомокъ Рюрика, св. Владиміра Мономоха, и Александра Невскаго. Изъ нихъ-то и надо было выбирать. Народъ былъ болѣе расположенъ къ Шуйскому, и потому вѣроятно онъ и былъ бы выбранъ въ цари. Но чтобы избраніе его было прочно, надо было бы дожидаться, чтобы съѣхались выборные со всей земли. Но Шуйскій не имѣлъ терпѣнія дожидаться. Онъ указывалъ боярамъ на необходимость поскорѣе избрать царя, чтобы прекратить смуту, а приверженцы его всюду указывали на него, какъ на наиболѣе достойнаго избранія по своему происхожденію и по заслугамъ.

19-го Мая, въ 6 часовъ утра, на Красной площади уже толпился народъ. Туда же вышли бояре и духовенство, и стали говорить народу о необходимости избрать патріарха на мѣсто сверженнаго лжепатріарха Игнатія. Въ народѣ послышалось, что царь нужнѣе патріарха, и что царемъ долженъ быть Василій Ивановичъ Шуйскій. Этотъ голосъ подхватили бояре, войско и купцы, и тутъ же провозгласили царемъ Шуйскаго. Князя повели въ Успенскій соборъ, гдѣ митрополитъ и епископы благословили его на царство. Къ несчастію такое избраніе не могло быть прочно, потому что оно не было произведено голосомъ всей земли.

ГЛАВА XVI.

Шуйскій добровольно ограничиваетъ свою власть при вступленіи на престолъ — Слухи о томъ, что Лжедмитрій спасся. — Вънчаніе на царство Шуйскаго. — Перенесеніе мощей царевича Дмитрія. — Избраніе въ патриархи Гермогена. — Козни бояръ противъ Шуйскаго. — Возстаніе Сѣверскихъ городовъ. — Болотниковъ. — Пріѣздъ въ Москву патриарха Гова. — Взятіе Тулы. — Новый самозванецъ.

1606—1607.

Провозглашенный царемъ, Шуйскій добровольно ограничилъ свою власть, обязавшись не произносить смертныхъ приговоровъ безъ совѣта съ боярами. Кромѣ того, въ грамотѣ, оповѣщавшей о его воцареніи, и разосланной по всему государству, онъ обѣщаль не преслѣдовать родственниковъ казненныхъ, если они не были съ ними въ соучастіи по преступленію, не брать ихъ имущества въ казну, и вообще производить судъ по совѣсти, чтобы никто изъ подданныхъ его не погибалъ понапрасну. Вслѣдъ за этой грамотой была разослана другая отъ имени бояръ, гдѣ они писали, что доподлинно узнали, что Лжедмитрій былъ воръ, Гришка Отрепьевъ, и до государства достигъ бѣсовскою помощію, прельщая всѣхъ людей чернокнижествомъ; что, по милости Божіей, воръ этотъ сверженъ, и въ цари избранъ всѣмъ Московскимъ государствомъ потомокъ Александра Невскаго, Василій Ивановичъ Шуйскій. Была послана еще другая грамота, отъ царя Василя Ивановича, въ которой онъ говорилъ, что послѣ Лжедмитрія найдены бумаги, изъ которыхъ видно, что онъ хотѣлъ перебить всѣхъ бояръ во время воинской потѣхи, предполагавшейся имъ на 19-е Мая подъ Москвою, и потомъ раздать всѣ служебныя мѣста Полякамъ, и ввести католическую вѣру въ Россіи. Отъ имени царицы-иногини Марѣи было разослано окружное посланіе, въ которомъ она говорила, что царствовавшей подъ именемъ Дмитрія не былъ ея сыномъ, и что она признала его, потому что была къ тому вынуждена. Всѣ эти грамоты читались по всей Россіи, но производили странное впечатлѣніе. Такъ недавно были тамъ получены грамоты о вступленіи на престолъ новаго царя, котораго называли истиннымъ Дмитріемъ, а теперь оповѣщали, что этотъ царь былъ обманщикъ, который достигъ престола коловствомъ, что онъ погибъ, и избранъ уже на его мѣсто новый царь. Къ тому же избраніе это было сдѣлано не всей землей, — областные жители не были призваны къ участію въ немъ. Всѣ эти сомнѣнія и недоумѣнія подготовляли смуты и беспорядки, которые и не замедлили обнаружиться.

Въ самый день гибели Лжедмитрія, 17-го Мая, изъ Москвы бѣжалъ одинъ изъ его приближенныхъ, Михайло Молчановъ, участво-

вавший въ убійствѣ Ѳедора Годунова. Онъ направился къ литовскимъ границамъ, и по дорогѣ распускалъ слухъ, что онъ царь Дмитрій, спасшійся отъ убійць. Слухъ этотъ достигъ до Москвы, но и тутъ не показался народу невѣроятнымъ, потому что народъ собственно не участвовалъ въ убійствѣ Лжедмитрія, и заговорщики говорили ему вначалѣ, что идутъ спасать царя отъ Литвы и Поляковъ. Когда же обезображенный трупъ Лжедмитрія былъ выброшенъ толпѣ, то черты лица его было уже трудно различить. Поэтому народъ легко допускалъ возможность, что царь Дмитрій спасся. Чтобы разсѣять эти толки, Шуйскій поручилъ Ростовскому митрополиту Филарету, Астраханскому епископу Ѳеодосію, Спасскому архимандриту Сергію, и Андроньевскому архимандриту Авраамію, съ боярами: княземъ Воротынскимъ, Шереметевымъ, Григоріемъ и Андреемъ Нагими, — перенести тѣло истиннаго царевича Дмитрія изъ Углича въ Москву. Оно было найдено нетлѣннымъ, и многіе больные, молившіеся подлѣ св. мощей съ вѣрою, получили исцѣленіе.

1-го Іюня Шуйскій вѣнчался на царство въ Успенскомъ соборѣ, по обычаю своихъ предшественниковъ, а 3-го Іюня были принесены въ Москву мощи царевича. Царь Василій, царица-инокиня Марѳа, духовенство, бояре и народъ, встрѣтили ихъ за городомъ, вскрыли гробъ, при чемъ удостовѣрились въ нетлѣннѣи мощей, и торжественно внесли ихъ въ придѣлъ св. мученика Уара, при церкви Рождества Іоанна Предтечи, сооруженный въ память рожденія царевича Дмитрія, нареченнаго при рожденіи Уаромъ, а при св. крещеніи Дмитріемъ. Отсюда святыя мощи были перенесены въ Архангельскій соборъ, гдѣ царица Марѳа всенародно просила прощенія у царя, духовенства и народа въ своемъ прегрѣшеніи, что она признала Лжедмитрія за истиннаго Дмитрія. Духовенство разрѣшило ей грѣхъ ея.

Все это время патріаршій престолъ оставался незанятымъ. Предлагали Іову снова занять его, но онъ отказался. Тогда избрали патріархомъ казанскаго митрополита, Гермогена, который подвергся гоненію отъ Лжедмитрія, потому что открыто порицалъ его дѣйствія, противныя православію. Онъ былъ человѣкомъ твердаго характера, и могъ бы быть сильной поддержкой Шуйскому, еслибы бояре не постарались поселить между нимъ и царемъ нѣкоторыхъ недоразумѣній.

Вообще Шуйскій не пользовался расположеніемъ своихъ подданныхъ. Въ областяхъ его имя было принято съ самага начала съ недовѣріемъ, а бояре, получившіе при немъ болѣе силы чѣмъ когда нибудь, вслѣдствіе клятвы, данной царемъ при вступленіи на престолъ, не рѣшались ничего безъ ихъ согласія, постоянно затѣвали крамолы противъ него и мучили народъ подъ разными предлогами. Однажды они собрали толпы народа на площади, по которой царь долженъ былъ проходить,

отправляясь къ обѣдни въ Успенскій соборъ, и громко выражали свое неудовольствіе. Выведенный изъ терпѣнія, царь остановился и спросилъ у окружающихъ бояръ, зачѣмъ они выдумываютъ разныя коварныя средства, чтобы избавиться отъ него: они сами его выбрали, могутъ сами же и низложить. Шуйскій хотѣлъ даже при этомъ отдать свой царскій посохъ и шапку, но никто изъ бояръ не рѣшился взять ихъ. Тогда онъ сказалъ, что ему уже наскучили всѣ эти козни противъ него и что онъ требуетъ казни виновныхъ. Пятерыхъ изъ зачинщиковъ въ толпѣ схватили, высѣкли кнутомъ и сослали. Сослали еще одного боярина, Петра Никитича Шереметева, воеводою въ Псковъ. Эта мѣра наказанія, ссылка воеводою въ отдаленные города, примѣнялась часто Шуйскимъ относительно бояръ. Но мѣра эта служила только во вредъ ему, потому что ссылаемые сѣяли недовольство противъ него въ отдаленныхъ областяхъ. Изъ такихъ ссыльныхъ бояръ былъ и князь Григорій Петровичъ Шаховской. Ссылка какъ нельзя лучше помогла его планамъ. Въ день, когда заговорщики ворвались во дворецъ и убили перваго Лжедмитрія, Шаховской, пользуясь безпорядкомъ, унесъ изъ дворца государственную печать, и загаллъ ее у себя. Въротно ему тогда же пришла мысль о возможности воскресить Лжедмитрія, т. е. распространить извѣстіе, что онъ спасся, и подставить на его мѣсто другаго. Шуйскій, считавшій Шаховскаго за приверженца Лжедмитрія, счелъ нужнымъ сослать его воеводою въ Путивль. Шаховской былъ очень радъ этому назначенію, и, пріѣхавъ въ Путивль, собралъ народъ и объявилъ ему, что царь Дмитрій живъ, но принужденъ скрываться отъ враговъ. Путивльцы тотчасъ же объявили себя за Лжедмитрія и противъ Шуйскаго. За ними послѣдовали и прочіе Сѣверскіе города. Всѣ они возстали во имя Дмитрія, а тотъ, который бы взялъ на себя его имя, еще не являлся. Молчановъ, объявившій себя Дмитріемъ, хотѣлъ только поддержать молву о немъ, но не хотѣлъ брать на себя его имени, и думалъ подыскать для этого когонибудь другаго. Дѣятельнымъ помощникомъ возстанія, но все таки не Лжедмитріемъ, явился Болотниковъ, холопъ князя Телятевскаго, бывшій въ плѣну у Татаръ и у Турокъ, и спасшійся оттуда бѣгствомъ. Молчановъ прислалъ его къ Шаховскому, а тотъ сдѣлалъ его начальникомъ отряда. Болотниковъ вскорѣ увеличилъ свое войско, вербуя охотниковъ въ Украйнѣ. Подъ его знамя стали отвсюду стекаться разбойники, воры и бѣглецы. Шуйскій не принималъ вначалѣ никакихъ мѣръ противъ бунтовщиковъ. Ему пришла только мысль въ это время почтить память первыхъ жертвъ самозванства, Годуновыхъ. Онъ велѣлъ выкопать ихъ тѣла, погребенныя въ Варсонофьевскомъ монастырѣ, и съ честію перенести ихъ въ Троицкую Лавру. Ксенія, въ постриженіи Ольга, присутствовала при этомъ вторичномъ погребеніи своего отца, матери и брата, и провожала тѣла ихъ до Троицы, неутѣшно плача

о своей горькой долѣ *). Послѣ этого Шуйскій послалъ духовныхъ лицъ для увѣщанія бунтовщиковъ. Но эта мѣра не подѣйствовала. Тогда было послано войско, но его разбилъ Болотниковъ. Слѣдствіемъ этой побѣды было, что весь югъ возсталъ противъ Шуйскаго. Возстала и Рязанская область, подѣ предводительствомъ Григорія Сумбулова и Прокофія Ляпунова. Тулу, Веневъ и Каширу возмущилъ Истома Пашковъ, боярскій сынъ. Возстали еще двадцать городовъ въ нынѣшнихъ губерніяхъ—Орловской, Калужской и Смоленской. Волненіе возникло и среди инородцевъ. Мордва осадила Нижній-Новгородъ, подѣ начальствомъ двухъ мордвиновъ. Волненіе проникло въ Пермь, Вятскую область, Астрахань. Болотниковъ, соединившись съ Ляпуновымъ, перешелъ Оку, взялъ и разорилъ Коломну, и шелъ далѣе. Встрѣтившись съ царскимъ войскомъ, подѣ предводительствомъ князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго, на берегу Пахры, онъ былъ имъ разбитъ, но въ 70 верстахъ отъ Москвы, при селѣ Троицкомъ, разбилъ на голову царское войско, подѣ предводительствомъ Мстиславскаго. Онъ гналъ его до самой Москвы, и остановился въ селѣ Коломенскомъ. Шуйскому приходилось плохо, и только разнь въ станѣ непріятельскомъ спасла его. Болотниковъ сталъ разсылать грамоты, въ которыхъ взывалъ къ народу, чтобы онъ шелъ на бояръ, убивалъ и грабилъ бы ихъ, и обѣщалъ въ награду за то дать ему боярскія помѣстья и много другихъ милостей. Это возстановило противъ него многихъ изъ его сподвижниковъ, и Ляпуновъ и Сумбуловъ рѣшили снова перейти къ Шуйскому. Царь принялъ ихъ милостиво и пожаловалъ Ляпунова въ думные дворяне. Въ то же время Тверь объявила себя за Шуйскаго, а Смоленскъ собралъ войско, которое очистило Дорогобужъ и Вязьму отъ бунтовщиковъ и пришло къ Москвѣ на помощь Шуйскому. Оправившись такимъ образомъ, царь предложилъ Болотникову сдаться, но тотъ не соглашался. Тогда дано ему было сраженіе близъ деревни Котлы. Царскимъ войскомъ предводительствовалъ Скопинъ-Шуйскій. Обѣ стороны бились отчаянно, но въ концѣ концовъ Болотниковъ потерпѣлъ пораженіе и бѣжалъ сперва къ Серпухову, а потомъ и далѣе, въ Калугу, гдѣ засѣлъ на зиму. Царское войско нѣсколько разъ пыталось взять Калугу, но безуспѣшно. Ему посчастливилось только разбить войско князя Василя Рубца-Мосальскаго, шедшаго на помощь къ Болотникову. Шуйскій, между тѣмъ, придумалъ новую мѣру, которая должна была имѣть сильное нравственное вліяніе на народъ. Онъ пригласилъ бывшаго патріарха Іова прѣхать въ Москву и торжественно дать прощеніе народу въ клятвенно-

*) Ксенія была возвращена Шуйскимъ съ Вѣлозера и жила до конца своей жизни въ Сергіево-Троицкомъ монастырѣ. Она умерла въ 1622 году и погребена рядомъ съ своими родителями и братомъ.

ступленіи, такъ какъ народъ измѣнилъ присягѣ, признавъ Лжедмитрія, и въ винѣ его предъ патриархомъ. Какъ скоро Іовъ пріѣхалъ въ Москву, была обнародована грамота отъ имени двухъ патриарховъ, Іова и Гермогена. Въ ней излагались всѣ событія, начиная со смерти Ивана Грознаго, царствованіе Ѳедора, убіеніе царевича Дмитрія, царствованіе Годуновыхъ, воцареніе Лжедмитрія, его паденіе, и, наконецъ, избраніе Шуйскаго, съ воцареніемъ котораго церковь обрѣла покой. Къ этому прибавлялось, что смуты и теперь не кончились и для подавленія ихъ надо испрашивать помощь Божію постомъ и молитвою. Во всѣхъ прежнихъ прегрѣшеніяхъ патриархи давали разрѣшеніе. Въ Успенскомъ соборѣ была подана Іову челобитная, въ которой народъ молилъ его о прощеніи. Челобитная была прочтена съ амвона дьякономъ, и затѣмъ Іовъ торжественно далъ свое разрѣшеніе и благословеніе народу. Вся эта церемонія произвела сильное впечатлѣніе на присутствующихъ, но все же нѣкоторые не могли не замѣтить странности, почему Шуйскій свидѣтельствовалъ прежде, что царевичъ закололся въ припадкѣ падучей болѣзни, и Іовъ подтверждалъ тогда, что его свидѣтельство вѣрно, а теперь Іовъ говоритъ въ присутствіи Шуйскаго, что царевичъ погибъ отъ руки злодѣевъ.

Болотниковъ, между тѣмъ, сидѣлъ въ Калугѣ, а тотъ, во имя котораго онъ поднялъ возстаніе, все еще не являлся. Шаховской умолялъ Молчанова принять на себя имя Дмитрія, но онъ не соглашался. Другаго охотника не пріискивалось. Это много вредило успѣху ихъ дѣла, потому что поднятый ими народъ начиналъ спрашивать, гдѣ же тотъ, за кого онъ сражается и умираетъ? Войско Мстиславскаго стояло подъ Калугой, не предпринимая ничего рѣшительнаго. Наконецъ на помощь Болотникову выступилъ изъ Тулы князь Телятевскій. Мстиславскій послалъ къ нему на встрѣчу войско, но оно потерпѣло пораженіе, и Мстиславскій принужденъ былъ отступить. При этомъ 15,000 его войска перешло къ Болотникову. Этотъ послѣдній двинулся въ Тулу, гдѣ соединился съ Шаховскимъ и другимъ самозванцемъ, Лжепетромъ, выдававшимъ себя за сына Ѳедора, который былъ будто бы подмѣненъ Годуновымъ дѣвочкой, Ѳеодосіей, скончавшейся десяти мѣсяцевъ. Этотъ самозванецъ явился у казаковъ еще при жизни перваго Лжедмитрія и былъ вызванъ теперь Шаховскимъ въ Тулу, чтобы его царскимъ именемъ успѣшнѣе дѣйствовать на народъ, въ ожиданіи появленія Лжедмитрія. Шуйскій рѣшился самъ выступить противъ Болотникова. Онъ разбилъ его войско на рѣкѣ Восмѣ и осадилъ Тулу. Осада продолжалась долго и увѣнчалась успѣхомъ только послѣ того, какъ Шуйскій согласился на мѣру, предложенную ему Муромскимъ боярскимъ сыномъ Кравковымъ, задержать Упу. Рѣка выпла изъ береговъ и затопила Тулу, прервавъ всѣ сношенія осажденныхъ съ окрестностями, вслѣдствіе чего они принуждены были сдаться. Болотниковъ былъ сосланъ въ Каргополь, гдѣ

его утопили, Шаховскаго сослали на Кубенское озеро, а Лжепетра повѣсили. Незадолго до взятія Тулы, объявился, наконецъ, новый самозванецъ.

Кто онъ былъ родомъ, неизвѣстно. Называли его сыномъ священника, Матвѣемъ Веревкинымъ, поповичемъ Дмитріемъ отъ церкви Знаменья на Арбатѣ *), сыномъ князя Курбскаго, царскимъ дьякомъ, школьнымъ учителемъ Иваномъ, изъ города Сокола, и, наконецъ, жидомъ, сыномъ Стародубскаго служилаго человѣка. Наружностью онъ не былъ похожъ на перваго самозванца, и былъ черноволосъ, тогда какъ первый былъ рыжеватъ. Онъ зналъ польскую и русскую грамоту, и былъ начетчикъ въ Св. Писаніи. Но какъ человѣкъ, онъ былъ въ высшей степени жестокъ, грубъ и развратенъ.

Исторія его начинается въ Бѣлорусскомъ мѣстечкѣ Пропойскѣ, гдѣ онъ былъ захваченъ какъ лазутчикъ, и посаженъ въ тюрьму. Онъ разсказалъ о себѣ, что онъ Андрей Андреевичъ Нагой, родственникъ убитаго въ Москвѣ царя Дмитрія, скрывается отъ Шуйскаго и проситъ переслать его въ Стародубъ, что и было исполнено. Прибывши туда, онъ послалъ своего товарища, Александра Рукина, въ Сѣверскіе города распространять вѣсть о томъ, что царь Дмитрій живъ и находится въ Стародубѣ. Услышавъ это, жители Путивля послали съ Рукинымъ нѣсколько боярскихъ дѣтей удостовѣриться въ истинѣ его словъ и повидать царя Дмитрія. Рукинъ привелъ ихъ къ называвшему себя Нагимъ; но тотъ сталъ отпѣкиваться. Посланные пригрозили, что свяжутъ его, если онъ не скажетъ правды. Тогда онъ вдругъ оживился, схватилъ палку и закричалъ, принимая повелительный видъ: «Ахъ вы бѣсовы дѣти, развѣ вы не узнаете меня: я вашъ государь». Эта самоувѣренность самозванца произвела на посланныхъ такое сильное впечатлѣніе, что всѣ они унаги ему въ ноги и просили прощенія.

Стародубъ немедленно призналъ новаго царя, а за нимъ послѣдовали Путивль, Черниговъ, Новгородъ-Сѣверскій и другіе города. Самозванецъ сейчасъ же сталъ разсылать грамоты въ пограничныя Литовскіе города, призывая помощь ему занять вторично прародительскій престолъ и обѣщая за то щедрыя награды. Вскорѣ составила около самозванца дружина, начальство надъ которою принялъ Полякъ Мѣховецкій. Позднѣе подошелъ къ нему изъ Польши панъ Рожинскій съ 4,000 войска, и вскорѣ сдѣлался гетманомъ, умертвивъ Мѣховецкаго. Атаманъ Донскаго войска, Заруцкій, служившій у перваго Лжедмитрія, не замедлилъ признать и втораго истиннымъ Дмитріемъ, и привелъ къ нему 5,000 Донскихъ казаковъ на службу. Казаки вообще очень охотно шли служить самозванцамъ, которые являлись у нихъ подъ разными именами. Вскорѣ явился тамъ другой Лжепетръ, на мѣсто казненаго Шуйскимъ. Но дядя,

*) На теперешней Знаменкѣ.

второй самозванецъ, велѣлъ убить мнимаго племянника. Кромѣ того, въ Астрахани появлялись самозванцы подъ слѣдующими именами: царевичъ Августъ, царевичъ Иванъ, будто сынъ Грознаго, и царевичъ Лаврентій, будто внукъ Грознаго, отъ царевича Ивана. Въ степяхъ были слѣдующіе самозванцы: царевичъ Ѳеодоръ, царевичъ Клементій, царевичъ Савелій, царевичъ Семень, царевичъ Василій, царевичъ Ерощка, царевичъ Гаврилка, царевичъ Мартынка, — будто сыновья Ѳеодора Ивановича.

Лжедмитрій II взялъ нѣсколько городовъ, и въ томъ числѣ Орель, гдѣ и остался зимовать.

ГЛАВА ХУІІ.

Видѣніе одного старца, и постъ наложенный патріархомъ. — Самозванецъ въ Тушинѣ. — Осада Троицкаго монастыря. — Заговоры противъ Шуйскаго. — Дороговизна въ Москвѣ. — Вѣсти о Скопинѣ-Шуйскомъ, идущемъ съ шведскимъ войскомъ на защиту Москвы.

1607—1609.

Шуйскій, овладѣвъ Тулой, не счелъ нужнымъ идти тотчасъ же на самозванца, считая его слишкомъ ничтожнымъ, да и время уже было позднее, осеннее. Онъ хотѣлъ дать отдыхъ войскамъ и торжественно въѣхалъ въ Москву, думая, что дѣло съ самозванцами покончено. Но не такъ оказалось на дѣлѣ.

Царь засталъ Москву встревоженною видѣніемъ одного старца, который видѣлъ во снѣ Иисуса Христа въ Успенскомъ соборѣ, грозившимъ страшную казнь московскому народу за всѣ его неправды. Христосъ говорилъ, что нѣтъ истины ни въ царѣ, ни въ патріархѣ, ни въ духовенствѣ, ни въ народѣ, и за это все царство должно пострадать. Видѣніе это было записано Благовѣщенскимъ протопопомъ Терентіемъ, сообщено патріарху и прочитано народу въ Успенскомъ соборѣ. Патріархъ назначилъ постъ по этому случаю, отъ 14-го по 19-е Октября.

Зимой никакихъ военныхъ дѣйствій противъ самозванца не предпринималось, и царь, пользуясь затишьемъ, отпраздновалъ свою свадьбу съ княжною Буйносовой-Ростовской.

Съ весны начались опять военныя дѣйствія. Самозванецъ съ гетманомъ Рожинскимъ выступилъ противъ Болхова и разбилъ царское войско въ двухдневной битвѣ. Послѣ этого онъ сталъ быстро подвигаться къ Москвѣ. Чтобы увеличить число своего войска, онъ велѣлъ объявить крестьянамъ, чтобы они брали себѣ помѣстья тѣхъ господъ, которые служатъ Шуйскому, и спѣшили бы скорѣе въ его станъ. Самозванецъ нигдѣ не встрѣчалъ сопротивленія на своемъ пути: Козельскъ, Калуга, Можайскъ — сдались ему безъ боя. Въ Звенигородѣ его встрѣтилъ Петръ Борзуконскій, отправленный польскими королевскими послами съ тре-

бованіємъ, чтобы Поляки, находящіеся въ службѣ самозванца, возвращались обратно въ Польшу, и не нарушали бы мира, существующаго между Московскимъ государствомъ и Польшею. Дѣйствительно, на этомъ условіи было заключено королевскими послами перемиріе съ боярами на 3 года и 11 мѣсяцевъ. Царь съ своей стороны обязывался отпустить польскихъ пословъ Гонсѣвскаго и Олѣсницкаго, задержанныхъ въ Москвѣ послѣ паденія Лжедмитрія I, а равно и Юрія Мнишка и Марину, съ условіемъ, чтобы Мнишекъ не признавалъ втораго Лжедмитрія своимъ зятемъ, и не выдавалъ бы за него свою дочь, а Марина не называлась бы Московскою государынею. Но Поляки, бывшіе въ станѣ самозванца, не хотѣли повиноваться этому приказу, и отвѣчали, что не оставятъ того, кому взялись служить, пока не посадятъ его на Московскомъ престолѣ. Самозванецъ пошелъ далѣе. Царь выслалъ противъ него войско, но въ немъ открылась измѣна: нѣсколько воеводъ задумали передаться самозванцу, и, хотя они были во время схвачены и пересланы въ Москву для суда надъ ними, но царь все таки побоялся послѣ этого посылать это войско противъ самозванца, и велѣлъ ему вернуться въ Москву. Самозванецъ пріостановился въ селѣ Тушинѣ, но потомъ перешелъ въ село Тайнинское, чтобы отрѣзать Москву отъ сѣверныхъ городовъ, а царское войско заняло Калужскую дорогу, и отрѣзало самозванца отъ сообщенія съ Украиной, откуда онъ ждалъ подвоза запасовъ. Тогда онъ снова возвратился въ Тушино, и укрѣпился тамъ лагеремъ, между Москвою-рѣкою и Восточною. Царскія войска расположились на Ходынкѣ, подъ начальствомъ Скопина-Шуйскаго, Романова и другихъ, а царь сталъ съ отборнымъ войскомъ на Прѣснѣ, около Ваганькова. Въ это время къ самозванцу подошелъ 7,000 отрядъ польскаго войска, подъ предводительствомъ Яна Петра Сапѣги. Важнѣе же всего было для него прибытіе въ его станъ Марины.

Когда самозванецъ узналъ, что она отпущена съ отцемъ своимъ изъ Ярославля, и что они возвращаются въ Польшу, онъ послалъ Зборовскаго перехватить ихъ на пути. Зборовскій настигъ ихъ подъ Бѣлою, разбилъ отрядъ, ихъ сопровождавшій, и привезъ Мнишка съ дочерью и посла Олѣсницкаго, бывшаго съ ними, въ станъ Сапѣги, откуда они повели переговоры съ самозванцемъ. Марина не съ разу рѣшилась признать самозванца своимъ мужемъ. Можетъ быть она и въ самомъ дѣлѣ думала вначалѣ увидѣть въ немъ своего мужа, такъ какъ убійство его произошло не на ея глазахъ, и она могла допустить мысль, что онъ спасся. Увидавъ же втораго самозванца, она ясно увидала обманъ, и была въ нерѣшительности, какъ ей поступить. Но честолюбіе ея взяло верхъ, и она рѣшилась снова попытать счастья: она признала самозванца своимъ мужемъ, была тайно обвинена съ нимъ находившимся при ней іезуитомъ, и торжественно въѣхала въ Тушинскій лагерь, какъ супруга царя Дмитрія Ивановича. Отецъ ея, Мнишекъ, согласился признать

второго самозванца зятемъ своимъ за 300,000 рублей, и за обязательство, что самозванецъ отдастъ ему во владѣніе Сѣверское княжество съ четырнадцатью городами. Не имѣя достаточно силы, чтобы брать Москву приступомъ, и, въ то же время имѣя основаніе рассчитывать, что Москва и такъ признаетъ его царемъ, потому что отсюда въ станъ его постоянно являлись бѣглецы, самозванецъ рѣшился зимовать въ Тушинѣ. Отъ долгаго его пребыванія въ этомъ селѣ онъ получилъ названіе Тушинскаго вора.

Положеніе Шуйскаго было незавидное. Онъ не имѣлъ надежнаго войска, съ которымъ бы могъ идти на непріятеля, и постоянно подвергался опасности измѣны въ войскѣ, въ народѣ и въ боярахъ. Рѣшившись сѣсть въ осаду, онъ спрашивалъ, кто хочетъ остаться съ нимъ, и предлагалъ выѣхать несогласнымъ изъ города. Всѣ отвѣчали, что хотятъ постоять за домъ Пресвятыя Богородицы, и на этомъ цѣловали крестъ: но черезъ два-три дня многіе изъ нихъ поѣхали въ Тушино. Тамъ они получили различныя повышенія, и это привлекло другихъ. Не надѣясь уже на свои войска, царь рѣшился послать своего племянника, М. В. Скопина-Шуйскаго, въ Новгородъ, просить помощи Шведскаго короля. Къ несчастію эта помощь, если бы она и была дана, не могла прійти скоро, по дальности разстоянія. Надо было терпѣть и ждать.

Янъ Сапѣга, присоединившійся незадолго передъ тѣмъ къ самозванцу, занялся между тѣмъ осадой Троицкаго монастыря, привлекавшаго Поляковъ своими богатствами. Шуйскій послалъ брата своего, Ивана, перехватить ему дорогу, но царское войско потерпѣло пораженіе подъ Рахмановымъ. Осада Троицкой Лавры замѣчательна по своей продолжительности и по сверхъестественной силѣ, поддерживавшей осажденныхъ. Она продолжалась почти 16 мѣсяцевъ: съ 23 Сент. 1608 г. по 12-е Января 1610 г. Защиту монастыря составляли монахи, которыхъ было около 300 ч., да незначительный отрядъ войска, присланный Шуйскимъ подъ предводительствомъ двухъ воеводъ: князя Григорія Борисовича Долгорукаго-Рощи, да дворянина Алексея Иванова Голохвастова. Всѣхъ защитниковъ насчитывалось до 2,300 ч. тогда какъ осаждающихъ было 30,000.

Монастырь былъ, правда, обнесенъ каменными стѣнами съ башнями, въ которыхъ стояли орудія въ три яруса. Но съ западной стороны стѣны эти были еще до осады признаны ветхими, а именно съ этой стороны и велась осада. Сапѣга сталъ лагеремъ на юго-западной сторонѣ монастыря, близъ нынѣшней Дмитровской дороги, а Лисовскій на юго-восточной сторонѣ, у Терентьевской рощи, на берегу рѣчки. Прежде чѣмъ приступить къ осадѣ, Сапѣга предложилъ заключившимся въ монастырѣ сдаться, обѣщая за то милости самозванца въ награду, и угрожая разрушеніемъ монастыря въ случаѣ отказа. Но осажденные

на отрѣзъ отказались сдаться. Тогда Сапѣга началъ пальбу по монастырю изъ 63 орудій. Много разъ онъ дѣлалъ приступы, но всякій разъ они бывали отражены. Поляки начали дѣлать подкопъ подъ монастырь, но осажденные узнали о немъ во время, и, выйдя изъ монастыря за три часа до свѣта напали на непріятельскій лагерь. Поляки не ожидали нападенія и потому потерпѣли большой уронъ—до 1500 ч. убитыми и до 500 ранеными. Битва продолжалась цѣлый день. Защитники монастыря увезли съ собою 8 большихъ орудій и множество мелкаго оружія и пороха. Убитыми они потеряли 174 ч. и ранеными 56. Всего же важнѣе было для нихъ то, что они нашли подкопъ, который и былъ взорванъ двумя Клементьевскими крестьянами, пожертвовавшими для этого своею жизнью. Вообще вылазки изъ монастыря дѣлались часто и бывали очень удачны. Если иногда осажденные и приходили въ уныніе, то чудесныя явленія преп. Сергія утѣшали и ободряли ихъ снова. Наконецъ, въ Октябрѣ вернулся князь Скопинъ-Шуйскій изъ Новгорода, и прислалъ 900 ч. войска на помощь монастырю, подъ предводительствомъ Жеребцова. Вслѣдъ за тѣмъ Валувевъ съ 500 ч. войска соединился съ Жеребцовымъ; они вмѣстѣ напали на Сапѣгу, опрокинули его войско и зажгли лагерь. Сапѣга обратился въ бѣгство.

Въ Москвѣ, между тѣмъ, два раза были попытки свергнуть Шуйскаго, но оба раза они оканчивались ничѣмъ. Въ первый разъ заговоръ былъ составленъ Григоріемъ Сунбурдовымъ, кн. Романомъ Гагаринымъ и Тимофеемъ Грязнымъ. 17-го Февраля 1609 г. заговорщики потребовали отъ бояръ, чтобы они низложили Шуйскаго, а когда они отказались и разошлись по домамъ выжидать, чѣмъ все это кончится, то заговорщики бросились въ Успенскій соборъ, потребовали, чтобы патріархъ шелъ съ ними на Лобное мѣсто, и провожали его туда пинками и толчками. Поставивъ патріарха на Лобномъ мѣстѣ, заговорщики стали кричать, что Шуйскій избранъ незаконно, одними только своими потаковниками, что онъ человѣкъ нечестивый, пьяница и т. п. Въ толпѣ послышались опроверженія, говорили, что Шуйскій не самъ сѣлъ, но избранъ большими боярами, дворянами и служилыми людьми, и что безъ бояръ его низложить нельзя. Заговорщики продолжали шумѣть, стали читать вслухъ грамоту, написанную ими, въ которой говорилось, что Шуйскій народу не любъ и надо выбрать другаго царя. Патріархъ напомнилъ имъ присягу ихъ царю Василию Ивановичу, которому они обязаны вслѣдствіе того служить вѣрою и правдою, и затѣмъ удался. Заговорщики бросились во дворецъ. Народъ не удерживалъ ихъ, но и не помогалъ. Во дворцѣ вышелъ къ нимъ Шуйскій, не выказывая ни малѣйшаго страха, и спросилъ ихъ, зачѣмъ они, клятвopеступники, дерзко врываются во дворецъ? Если они хотятъ убить его, то онъ не боится смерти; но низложить его

они не могутъ безъ большихъ бояръ. Заговорщики оторопѣли и убѣжали въ Тушино.

Второй заговоръ былъ составленъ бояриномъ Крюкомъ-Колычевымъ, замышлявшимъ убить Шуйскаго на Вербное воскресенье. Но заговоръ былъ открытъ, Колычевъ пытанъ и казнень, а сообщники его посажены въ тюрьму.

Въ это время новое бѣдствіе постигло Москву и было поводомъ къ народному волненію: страшная дороговизна на хлѣбъ, происходившая оттого, что отрядъ самозванца осадилъ Коломну и подвозъ хлѣба оттуда пріостановился. Цѣна на него поднялась въ Москвѣ до 7 руб. за четверть (нынѣшнихъ 23 $\frac{1}{3}$ р. с.). Волненіе успокоилось только благодаря тому, что Шуйскій уговорилъ келаря Троицкаго монастыря, Авраамія Палицына, пустить въ продажу монастырскій хлѣбъ, бывшій въ складѣ въ Москвѣ, по 2 р. (6 $\frac{2}{3}$ р. с.) за четверть.

Въ противоположномъ лагерѣ, въ Тушинѣ, тоже было неспокойно. Съ разнохарактернымъ сбродомъ, тамъ находившимся, было трудно управляться. Тамъ были постоянныя смуты, волненія и бунты. Вслѣдствіе этого и крупныхъ дѣлъ съ Москвою не было, но мелкія стички повторялись часто, и однажды въ такой стичкѣ былъ раненъ панъ Рожинскій. Случилось также одно крупное дѣло, въ Троицынъ день, незадолго уже до прибытія Скопина-Шуйскаго съ Шведскою помощію. Отрядъ Тушинцевъ подошелъ близко къ Москвѣ, обратилъ въ бѣгство отрядъ, вышедшій къ нему навстрѣчу, и гналъ его до Ходынки. Царь выслалъ противъ Тушинцевъ большое войско, съ пушками и гуляй-городами. Поляки стремительно бросились на это войско и въ началѣ имѣли перевѣсъ, но потомъ Московскія войска обратили ихъ въ бѣгство и гнались за ними вплоть до рѣчки Химки. Въ этой битвѣ Московскія войска дрались съ такою храбростію, что можетъ быть ворвались бы и въ самое Тушино, если бы на выручку Поляковъ не подоспѣлъ Заруцкій съ Донскими казаками.

Въ то же время разныя шайки овладѣли именемъ самозванца нѣкоторыми городами на сѣверѣ, хотя вообще дѣло его шло успѣшнѣе на югѣ. Суздаль, Владиміръ, Переяславль, Ростовъ, Ярославль, Тотыма и еще 22 города признали власть самозванца. Въ Ростовѣ одинъ изъ отрядовъ Сапѣги схватилъ въ соборной церкви ростовскаго митрополита Филарета, снялъ съ него святительскія одежды, и въ одной свиткѣ, безъ сапогъ, подвергая въ дорогѣ поруганію, привезъ его въ Тушино. Царикъ, считая себя сыномъ Ивана Грознаго, встрѣтилъ Филарета какъ родственника своего (Филаретъ былъ родной племянникъ Грозному по первой его супругѣ, Анастасіи Романовнѣ), возвратилъ ему святительскія одежды и повелѣлъ быть нареченнымъ патриархомъ Московскимъ и всея Россіи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, не довѣряя ему, окружалъ его стражей, наблюдавшей за каждымъ его словомъ и дѣйствіемъ. Его

принудили разослать патриаршія грамоты по всеѣмъ городамъ, признавшимъ самозванца. Самозванецъ, съ своей стороны, разсылалъ по всеѣмъ этимъ городамъ похвальные грамоты, обѣщая разныя милости боярамъ и духовенству, и тарханныя грамоты для народа, которыми освобождалъ его отъ всякихъ податей. Но обѣщанія эти ненадолго порадовали народъ. Почти вслѣдъ за первыми грамотами были получены новыя, въ которыхъ именемъ самозванца требовались усиленные подати. Узнавъ объ этомъ, сосѣдніе города, еще не признавшіе самозванца, приостановились признавать его. Тушинцы возбуждали противъ себя не только поборами, но и вообще своимъ поведеніемъ: Поляки были жадны до наживы и вели разгульную жизнь, а русскіе Тушинцы, состоящіе большею частію изъ казаковъ, были чрезвычайно жестоки. Они не только отнимали жизнь у тѣхъ, которые сопротивлялись имъ, но уничтожали запасы, какіе не могли захватить съ собою, похищали женъ и дѣвицъ, оскверняли церкви, подобно басурманамъ. Въсть обо всемъ этомъ отрезвила народъ и онъ понялъ что имѣеть дѣло съ самозванцемъ. Многіе города снова отступили отъ него, и снова цѣловали крестъ Василию. Такъ поступили Владиміръ и Ярославль.

Въ это время получено было извѣстіе, что Скопинъ идетъ къ Москвѣ съ пятью тысячами наемныхъ Шведовъ. Съ нимъ было еще отпущено до 10,000 разноплеменнаго войска, подъ начальствомъ Якова Делагарди. Помощь эта дана была Шведскимъ королемъ Карломъ IX съ условіемъ, чтобы царь отказался за себя и своихъ наслѣдниковъ отъ Ливоніи и обязался бы за себя и своихъ наслѣдниковъ быть въ союзъ съ Швеціею противъ теперешняго короля Польскаго и его наслѣдниковъ. Въ случаѣ же если бы Шведскому королю понадобилось наемное войско, Шуйскій долженъ былъ выслать ему такое же количество войска и за такую же плату, какъ теперь Шведскій король высылалъ ему. Кромѣ того царь обѣщалъ отдать Шведамъ городъ Корелу съ уѣздомъ.

10-го Мая 1609 г. Скопинъ выступилъ изъ Новгорода. Подъ Тверью онъ имѣлъ большое дѣло съ войскомъ Зборовскаго и Кернозицкаго. Въ первый день битвы, побѣда, казалось, клонилась въ пользу Поляковъ, хотя Шведская пѣхота не оставила поля битвы до конца. За то на другой день Русскіе и Шведы, начавъ дѣло съ разсвѣтомъ, разбили Поляковъ на голову.

Шведы были хорошими солдатами, но они были наемники, требовавшіе хорошей и своевременной платы, а это было весьма затруднительно при разстроеномъ состояніи царской казны. Не дойдя еще до Москвы, войска подъ предводительствомъ Делагарди, объявили, что они уйдутъ обратно, если не получаютъ сейчасъ же всего своего жалованья и если Русскіе не поспѣшатъ очистить Корелу. Это ставило и царя, и Скопина-Шуйскаго въ затруднительное положеніе. Разосланы были грамоты по монастырямъ и богатымъ городамъ, съ требованіемъ

денегъ. Но всё они отговаривались подъ разными предлогами. Только Соловецкій монастырь немедленно прислалъ болѣе 17,000 р., да Петь Семеновичъ Строгоновъ помогаль противъ воровъ людьми и деньгами.

Скопинъ-Шуйскій, дойдя до Колязина, остановился тамъ и занялся, съ помощью Шведовъ, обученіемъ вновь набраннаго войска. Между тѣмъ отрядъ, посланный Скопинымъ, занялъ Переяславль Залѣсскій, а Шереметевъ занялъ Муромъ и взялъ приступомъ Касимовъ. Войска стягивались такимъ образомъ къ Москвѣ, для того, чтобы вступить въ рѣшительную битву съ самозванцемъ.

ГЛАВА XVIII.

Бѣгство втораго самозванца изъ Тушина.—Вступленіе Скопина въ Москву.—

Его кончина.—Сверженіе Шуйскаго съ престола.

1609—1610.

Сигизмундъ, узнавъ о союзѣ Василія съ шведскимъ королемъ, тотчасъ же прервалъ съ нимъ мирныя сношенія. Поляки, возвратившіеся изъ Москвы, увѣряли его, что народъ московскій не любитъ Шуйскаго и охотно присягнетъ королевичу Владиславу. Разсчитывая на это, Сигизмундъ выступилъ въ походъ, не имѣя достаточнаго количества войска. Литовскій канцлеръ, Левъ Сапѣга, уговорилъ его идти къ Смоленску, и самъ поспѣшилъ туда же. Поляки разсчитывали легко овладѣть этимъ городомъ, но встрѣтили мужественное сопротивленіе со стороны смоленскаго воеводы, боярина Шеина, вслѣдствіе чего осада затянулась на долго.

Въ Москвѣ, между тѣмъ, былъ опять голодъ. На этотъ разъ онъ происходилъ оттого, что крестьянинъ Сальковъ, съ толпою воровъ, занялъ коломенскую дорогу и не пропускалъ запасовъ, доставлявшихся въ Москву изъ Рязанской губерніи. Царь два раза высылалъ противъ него войско, но всякій разъ оно бывало побито. Нанонецъ въ третій разъ выступилъ князь Дм. Мих. Пожарскій и разбилъ Салькова, такъ что изъ всей его шайки осталось не болѣе 30 человекъ. Послѣ этого Сальковъ явился въ Москву съ повинною. Но побѣда надъ однимъ разбойникомъ еще не прекратила бѣдствій Москвы. Распущенность была общая. Измѣна вкрадывалась всюду. Атаманъ Гороховый измѣной сдалъ Тушинцамъ Красное село, и тѣ его выжгли. Измѣной же подведены были Тушинцы къ деревянному городу, выше Неглинной, и зажгли его. Къ счастью, жители успѣли выгнать ихъ и потушить пожаръ. Шуйскій не могъ даже положиться на вѣрность ратныхъ людей. Многие изъ нихъ, ради жалованья или какихъ нибудь наградъ переходили на службу къ Тушинскому вору, оттуда воз-

вращались назадъ съ изъявленіемъ раскаянія, въ ожиданіи милостей отъ Шуйскаго, а потомъ опять уходили въ Тушино. Такіе перебѣжчики получили названіе перелѣтовъ.

Между тѣмъ Сигизмундъ прислалъ въ Тушино комиссаровъ съ требованіемъ, чтобы всѣ Поляки, находившіеся тамъ, шли помогать своему собственному государю, а не служили бы неизвѣстно кому. Но Поляки и слышать не хотѣли о переходѣ къ Сигизмунду, и упрекали его, напротивъ, зачѣмъ онъ хочетъ отнять у нихъ заслуги, добытыя трудомъ и кровью. Они говорили, что хотятъ остаться вѣрными царю Дмитрію Ивановичу. Но это было на словахъ, а на дѣлѣ они обращались съ нимъ такъ дурно и нагло, что онъ принужденъ былъ бѣжать изъ стана съ нѣсколькими сотнями вѣрныхъ ему казаковъ. Рожинскій нагналъ его и вернулъ обратно въ станъ, потому что самозванецъ былъ имъ нуженъ какъ вывѣска, ради которой они дѣйствовали, и какъ ширма, которою они прикрывались. Послѣ этого побѣга, за нимъ стали больше присматривать, но не перемѣнили съ нимъ обращенія. Тогда онъ сдѣлалъ вторичную попытку бѣжать, и на этотъ разъ, переодѣвшись въ крестьянское платье, благополучно достигъ Калуги.

Послѣ его побѣга Полякамъ не оставалось ничего другаго, какъ перейти къ Сигизмунду. Марина, покинутая самозванцемъ въ Тушинѣ, ходила изъ палатки въ палатку, умоляя всѣхъ остаться вѣрными ея мужу. Но просьбы ея не помогли. Даже русскіе Тушинцы, съ митрополитомъ Филаретомъ включительно, завели переговоры съ Сигизмундомъ, обѣщаясь присягнуть королевичу Владиславу, если король поручится за неприкосновенность православной вѣры. Впрочемъ, горсть Донскихъ казаковъ пошла было изъ Тушина въ Калугу, за самозванцемъ, но Рожинскій догналъ ихъ, вступилъ съ ними въ битву и положилъ ихъ почти всѣхъ на мѣстѣ. Марина, видя, что въ Тушинѣ дѣло мужа ея проиграно, переодѣлась въ гусарское платье и тайкомъ ускакала изъ Тушина. Послѣ нея было найдено письмо, въ которомъ она говорила, что ѣдетъ къ мужу. Но она прожила еще нѣкоторое время въ Дмитровѣ у Сапѣги.

Самозванецъ, между тѣмъ, былъ принятъ Калужанами съ хлѣбомъ-солью, и они выразили полную готовность оказывать ему всякую помощь и содѣйствіе. Услыхавъ о его прибытіи въ Калугу, князь Шаховской, первый зачинщикъ всей этой смуты, тоже поспѣшилъ къ нему и привелъ съ собою шайку казаковъ.

Все это время Сигизмундъ стоялъ подъ Смоленскомъ. Рожинскій писалъ ему, чтобы онъ шелъ скорѣе къ Тушину, что тогда всѣ Тушинцы перейдутъ къ нему, или же присылалъ бы когонибудь для окончательныхъ переговоровъ съ ними. Но Сигизмундъ не дѣлалъ ни того, ни другаго, и Рожинскій принужденъ былъ въ первыхъ числахъ Марта сжечь Тушинскій станъ и двинуться къ Волоколамскому мона-

стырю. Часть русских Тушинцев послѣдовала за нимъ, а остальные, — кто пошелъ въ Москву, кто въ Калугу. Сапѣга, какъ было сказано выше, уже 12-го Генваря оставилъ осаду Троицкаго монастыря и расположился съ небольшимъ отрядомъ въ Дмитровѣ. Сюда къ нему подступилъ отрядъ Русскихъ и Шведовъ и разбилъ его на голову. Онъ удержался въ Дмитровѣ только благодаря храбрости Донскихъ казаковъ. Марина была еще въ это время въ Дмитровѣ и выказала необыкновенную отважность. Когда Поляки пришли въ замѣшательство, она выскочила на валъ и своимъ примѣромъ увлекла ихъ и воодушевила. Но видя, что дѣла Сапѣги плохи, она удалилась въ Калугу. Сапѣга вскорѣ послѣ того перешелъ къ Волоколамску, очистивъ этимъ движеніемъ Скопину свободный путь къ Москвѣ.

12-го Марта Скопинъ торжественно въѣхалъ въ Москву, вмѣстѣ съ Деллагарди. Радость Москвичей была неописанная. Они смотрѣли на Скопина какъ на своего спасителя. Народъ приписывалъ ему одному и разореніе Тушина и снятіе осады Троицкаго монастыря, и, наконецъ, бѣгство враговъ отъ предѣловъ Москвы. Скопинъ былъ встрѣченъ у городскихъ воротъ съ хлѣбомъ-солью, по распоряженію царя. Народъ толпился на всемъ пути его шествія, кланяясь ему въ ноги и со слезами благодаря его за освобожденіе отъ враговъ.

Но не продолжительно было торжество молодаго Скопина. Онъ былъ красивъ собой, молодъ, уменъ, а главное любимъ народомъ, — и потому-то зависть не замедлила подкопаться подъ него.

Еще въ Александровской слободѣ онъ получилъ грамоту отъ Ляпунова, который осуждалъ въ ней царя Василія, и, восхваляя подвиги князя Михаила Скопина-Шуйскаго, предлагалъ ему сдѣлаться царемъ. Скопинъ разорвалъ эту грамоту и не далъ о ней знать въ Москву. Царю Василю донесли объ этомъ, поясняя, что если бы предложеніе короны было неприятно Скопину, то онъ прислалъ бы въ Москву посланныхъ Ляпунова. Извѣстіе это сильно смутило брата царя, князя Дмитрія Шуйскаго. Онъ возненавидѣлъ съ этихъ поръ Скопина. По смерти бездѣтнаго царя Василія, братъ его могъ рассчитывать сдѣлаться царемъ, но видя любовь народа къ Скопину, онъ понималъ, что народъ предпочтетъ ему царскаго племянника.

Слыша объ этой затаенной враждѣ къ Скопину, Деллагарди уговаривалъ его не оставаться долго въ Москвѣ и спѣшить съ войскомъ къ Смоленску. Скопинъ такъ и хотѣлъ сдѣлать, но 23-го Апрѣля, на крестинахъ у князя Ив. Мих. Воротынскаго, онъ неожиданно занемогъ кровотеченіемъ изъ носа, и чрезъ двѣ недѣли умеръ. Народъ съ ужасомъ узналъ о его кончинѣ, и приписывалъ ее отравѣ. Говорили, что жена князя Дмитрія Шуйскаго, дочь Малюты Скуратова, поднесла ему на пирю чашу съ отравой. Подозрѣвали и царя въ томъ же самомъ. Народъ плакалъ по молодомъ Шуйскомъ такъ же неутѣшно, какъ онъ

плакалъ нѣкогда по царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ. Теперь царь Василій сталъ еще менѣе любимъ, чѣмъ прежде.

Между тѣмъ надо было послать войско на выручку Смоленска. Царь послалъ подъ предводительствомъ брата своего, князя Дмитрія, то самое войско изъ Русскихъ и Шведовъ, которое должно было выступить туда подъ предводительствомъ Скопина. Русскихъ было 40,000 и Шведовъ 8,000 чел. Но Дмитрій Шуйскій былъ плохой воевода: войско его было разбито гетманомъ Жолкѣвскимъ подъ Клушинымъ, и онъ со стыдомъ вернулся послѣ этого въ Москву. Кромѣ его немѣнѣя предводительствовать войскомъ, ему повредила еще измѣна Нѣмцевъ, изъ которыхъ многіе передались Полякамъ. Делгарди не могъ удержать ихъ и отступилъ съ остальными къ сѣверу. Жолкѣвскій взялъ послѣ того Царево-Займище, Можайскъ, Борисовъ, Боровскъ, Іосифовъ монастырь, Погорѣлое городище и Ржевъ. Онъ всюду приводилъ жителей къ присягѣ королевичу Владиславу, обѣщая его именемъ неприкосновенность православной вѣры. Жолкѣвскій посылалъ воззванія въ Москву, приглашая жителей присягнуть Владиславу. Но изъ Москвы отвѣчали ему, что Владиславъ долженъ принять православіе, и тогда только можетъ сѣсть на Московскомъ престолѣ. Жолкѣвскій не могъ этого обѣщать и потому въ Москвѣ королевича не желали. Нѣкоторые стали даже склоняться на сторону самозванца, который поднялъ голову и снова двинулся къ Москвѣ. Замѣчательно сопротивленіе, оказанное ему по дорогѣ воеводою княземъ Михаиломъ Волконскимъ, въ Боровскомъ Пафнугіевѣ монастырѣ. Онъ бился до послѣдней возможности, но нашлись измѣнники, которые впустили самозванца въ крѣпостныя ворота монастыря. Тогда Волконскій бросился въ церковь, гдѣ почиваютъ мощи св. Пафнугія чудотворца, и тамъ, стоя въ церковныхъ дверяхъ, бился до тѣхъ поръ, пока не изнемогъ отъ ранъ. Враги добились его у лѣваго клироса.

Самозванецъ быстро шелъ впередъ. Онъ взялъ Серпуховъ, Коломну, Каширу. Храброе сопротивленіе оказалъ ему только Зарайскъ, гдѣ заключился князь Дмитрій Пожарскій. Самозванецъ пошелъ далѣе, и остановился въ селѣ Коломенскомъ.

Въ Москвѣ, между тѣмъ, было смутно. Всѣ были недовольны Шуйскимъ, всѣ хотѣли свести его съ престола, но кѣмъ его замѣстить, — не знали. Сносились даже съ приверженцами самозванца, но требовали, чтобы тѣ отказались отъ своего царика (такъ звали втораго Лжедмитрія), а Москва низведетъ Шуйскаго, и тогда выберутъ царя съ общаго согласія. Царь Василій, видя общую нелюбовь къ себѣ, хотѣлъ вступить въ переговоры съ Жолкѣвскимъ, но медлил. Рѣшительный толчекъ дѣлу далъ Захарь Ляпуновъ: онъ собралъ толпу и двинулся съ нею во дворецъ. Тамъ онъ сталъ требовать отъ Шуйскаго, чтобы онъ отказался отъ престола. Шуйскій схватилъ ножъ и замахнулся

ГЛАВА XIX.

Присяга Думѣ боярской и затѣмъ Владиславу.— Посольство къ Сигизмунду.—
Вступленіе Польскихъ войскъ въ Москву.

1610.

Свергнувъ Шуйскаго, Москва тотчасъ же присягнула Думѣ боярской, которая должна была чинить судъ и расправу впредь до избранія царя. Во главѣ Думы сталъ первый бояринъ, князь Мстиславскій.

Надо было приступить къ избранію царя, но можно ли было избирать всей землей, когда подъ Москвой стояли два враждебные лагеря: въ Можайскѣ стоялъ гетманъ Жолкѣвскій, а въ Коломенскомъ — самозванецъ. Къ тому же оба лагеря имѣли притязанія на Московскій престолъ: самозванецъ для себя, а Жолкѣвскій для королевича Владислава. Надо было выбирать между этими двумя, потому что съ двумя бороться было не по силамъ. Настало смутное время междуцарствія, тяжело отозвавшееся на Москвѣ. Псковскій лѣтописецъ говоритъ, что въ Архангельскомъ соборѣ слышны были «шумъ и гласи и плачь», предвѣщавшіе разореніе царства Московскаго.

Въ народѣ были приверженцы самозванца, и его же сторону держалъ Захаръ Ляпуновъ. Но бояре были рѣшительно противъ него, и, чтобы выбрать изъ двухъ золъ лучшее, они рѣшили признать Владислава, не смотря на то, что патріархъ былъ противъ этого избранія, и стоялъ за избраніе русскаго, православнаго царя, изъ знатныхъ бояръ. То же самое говорилъ народу съ Лобнаго мѣста Ростовскій митрополитъ Филаретъ.

Захаръ Ляпуновъ и въ этомъ случаѣ ускорилъ дѣло: Мстиславскій узналъ, что онъ хочетъ тайно впустить самозванца въ Москву, и потому немедленно послалъ сказать Жолкѣвскому, чтобы онъ спѣшилъ къ Москвѣ, что бояре хотятъ вести съ нимъ переговоры. Жолкѣвскій выступилъ 20-го Іюля изъ Можайска, а 24-го былъ уже въ семи верстахъ отъ Москвы. Самозванецъ въ свою очередь сталъ тоже подступать къ Москвѣ, и, чтобы задержать движенія Жолкѣвскаго, онъ придумалъ слѣдующую мѣру. Онъ далъ записъ Сапѣгѣ, по которой обязался сейчасъ же по вступленіи своемъ на престолъ заплатить королю 300,000 злотыхъ, республикѣ выплачивать въ теченіи 10 лѣтъ по 300,000 злотыхъ, и королевичу, также въ теченіи 10 лѣтъ по 100,000 злотыхъ. Эту записъ Сапѣга послалъ Сигизмунду подъ Смоленскъ, а по дорогѣ велѣлъ своему посланному захватить въ станѣ Жолкѣвскаго, и объяснить ему цѣль посольства. Жолкѣвскій пропустилъ посла къ королю, но своего образа дѣйствій не измѣнилъ. Онъ продолжалъ переговоры, начатые съ московскими боярами. Гетманъ обѣщалъ именемъ короля свободу православнаго вѣроисповѣданія, и пред-

ложилъ боярамъ на утверждене различныя письменныя условія. 2-го Августа Жолкѣвскій имѣлъ свиданіе съ Мстиславскимъ, противъ Дѣвичьяго монастыря. Во время этого свиданія пришло извѣстіе, что самозванецъ подступаетъ къ Москвѣ. Приступъ его былъ отбитъ, но тѣмъ не менѣе онъ ускорилъ окончаніе переговоровъ. Московскіе бояре приняли условія, предложенныя Жолкѣвскимъ, а о принятіи православія королевичемъ рѣшили просить короля. Жолкѣвскій обязался отвести Сапѣгу отъ самозванца и прогнать послѣдняго изъ-подъ Москвы. Послѣ этого, 27-го Августа, стали приводить жителей Москвы къ присягѣ Владиславу. Въ первый день присягали на половинѣ дороги между Польскимъ станомъ и Москвою. Присягнуло 10,000 человекъ, а гетманъ, именемъ Владислава, присягнулъ въ исполненіи заключеннаго имъ съ боярами договора. На другой день присягали уже въ Успенскомъ соборѣ.

Въ это время Жолкѣвскій получилъ приказъ отъ короля, чтобы онъ добывалъ Московскій престолъ для него, а не для сына. Требованіе это пришло уже слишкомъ поздно, и Жолкѣвскій не счелъ возможнымъ дѣлать какія нибудь измѣненія въ условіяхъ, заключенныхъ съ боярами. Исполняя данное имъ обѣщаніе, онъ выступилъ противъ самозванца. Мстиславскій присоединился къ нему съ 15,000 войска. Но дѣло не дошло до битвы, потому что Сапѣга явился съ мирными предложеніями. Онъ соглашался отступить отъ самозванца, если не успѣетъ уговорить его положить оружіе. Самозванецъ же, и въ особенности Марина, и слышать не хотѣли о сдачѣ. Тогда Жолкѣвскій предложилъ московскимъ боярамъ пропустить его ночью съ польскимъ войскомъ чрезъ Москву, чтобы захватить самозванца въ Угрѣшскомъ монастырѣ, въ которомъ онъ заключился. Давать такое согласіе было дѣломъ опаснымъ, но бояре согласились, и польское войско не злоупотребило на этотъ разъ ихъ довѣріемъ. Оно, не сходя съ коней, прошло чрезъ Москву. Впрочемъ мѣра эта не имѣла успѣха, потому что самозванецъ, предувѣдомленный изъ Москвы объ опасности, успѣлъ бѣжать въ Калугу, вмѣстѣ съ Мариною и Заруцкимъ, атаманомъ казаковъ. Приверженцы ихъ частію послѣдовали за ними въ Калугу, а частію перешли къ Жолкѣвскому, и присягнули Владиславу. Жолкѣвскій вернулся въ свой станъ, а вслѣдъ затѣмъ, по его настоянію, изъ Москвы было отправлено посольство къ Сигизмунду, во главѣ котораго, по его же настоянію, отправились князь Голицынъ и митрополитъ Филаретъ. Гетману хотѣлось удалить изъ Москвы обоихъ этихъ лицъ, потому что они, какъ наиболѣе родовитые, могли явиться соискателями престола — князь Голицынъ для себя, а митрополитъ Филаретъ для своего сына.

Послы Московскіе выѣхали въ Смоленскъ со свитою въ 1,246 человекъ. Имъ было поручено просить короля о разрѣшеніи Владиславу

которое онъ не будетъ въ силахъ подавить съ тѣми малыми войсками, которыми располагалъ. Къ тому же онъ можетъ быть надѣялся при личномъ свиданіи съ королемъ уговорить его къ большей уступчивости. И такъ, онъ рѣшился ѣхать въ Смоленскъ, не смотря на неотступныя просьбы бояръ остаться въ Москвѣ. Онъ взялъ съ собою плѣнникомъ сверженнаго царя Василя и его братьевъ. Въмѣсто себя онъ оставилъ Гонсѣвскаго.

Послы наши подъ Смоленскомъ обрадовались приѣзду Жолкѣвскаго, думая, что онъ имъ поможетъ успѣшно окончить переговоры. Но онъ держалъ себя уклончиво, и дѣлу пословъ не помогалъ. Паны стояли теперь на одномъ, — чтобы Смоленскъ былъ сданъ королю, а послы говорили, что въ переговорахъ съ Жолкѣвскимъ не было и помину о сдачѣ Смоленска королю. Вслѣдствіе этого Поляки сдѣлали новый приступъ къ Смоленску, взорвали башню и часть городской стѣны, сажень на десять, нѣсколько разъ врывались въ городъ, но всякій разъ бывали отбиты. Видя непреклонность главныхъ пословъ, паны рѣшили подговорить когонибудь изъ второстепенныхъ лицъ посольства поѣхать въ Москву, и тамъ дѣйствовать въ пользу короля. 47 человекъ изъ посольства отдѣлились, и поѣхали въ Москву, въ томъ числѣ и келарь Троицкаго монастыря Авраамій Палицынъ. Захаръ Ляпуновъ тоже вышелъ изъ посольства, но въ Москву не поѣхалъ, а остался въ Польскомъ лагерѣ.

Гонсѣвскій хозяйничалъ между тѣмъ въ Москвѣ. Онъ поселился въ старомъ домѣ Бориса Годунова. Самыми приближенными ему людьми, изъ Русскихъ и преданными королю, были нѣкій Ѳедоръ Андроновъ и Михайль Салтыковъ.

Андроновъ былъ прежде простымъ торговымъ человекомъ въ Москвѣ. ушелъ отсюда къ самозванцу, а отъ него къ Сигизмунду, у котораго втерся въ довѣренность. Сигизмундъ пожаловалъ его саномъ думнаго дворянина, и послалъ къ Гонсѣвскому съ тѣмъ, чтобы тотъ сдѣлалъ его казначеемъ царской казны. Гонсѣвскій съ Андроновымъ отослалъ лучшія изъ царскихъ вещей, короны, сосуды, одежды и другія драгоценности къ королю Сигизмунду. Гонсѣвскій не забывалъ и себя при этомъ. Вообще потери, понесенныя Москвой за время самозванцевъ и пребыванія въ ней Поляковъ, громадны и невознаградимы. Сколько вѣковыхъ ея сокровищъ расхищено, сколько памятниковъ древняго искусства погибло отъ огня и меча! Къ счастью ближній стольникъ, Никифоръ Траханіотовъ, успѣлъ скрыть часть драгоценностей въ подземную кладовую, гдѣ они и уцѣлѣли. Другой изъ поименованныхъ лицъ, преданныхъ Полякамъ, Михайль Салтыковъ, служилъ прежде Тушинскому самозванцу, но первый перешелъ отъ него къ Сигизмунду, и потому пользовался его особенною милостью. Сигизмундъ возвратилъ ему все движимое и недвижимое имущество, отобранное у него Шуй-

скимъ. Салтыковъ писалъ нѣсколько разъ въ Польскій станъ, чтобы король спѣшилъ въ Москву и тогда ему легче будетъ упрочить этотъ городъ за собою. Но Сигизмундъ медлилъ и хотѣлъ взять прежде Смоленскъ. Чтобы задобрить Московскихъ бояръ, онъ прислалъ князю Мстиславскому грамоту, въ которой хвалилъ его за преданность королю и королевичу, и жаловалъ ему санъ конюшаго боярина. Присылались и другія грамоты къ Московскимъ боярамъ за подписью короля и бояре, принимая ихъ, какъ бы признавали короля правителемъ до пріѣзда Владислава.

Напрасно поджидая пріѣзда королевича Владислава и видя что-то неладное въ его избраніи, Москвичи стали опять склоняться къ самозванцу. Вдругъ получено было извѣстіе, что самозванца не стало: онъ былъ убитъ изъ мести какимъ-то Татаринемъ. Рассказывали, что Марина, узнавъ о гибели своего мужа, бѣгала по городу, и призывала отомстить за его смерть. Вслѣдствіе этого, казаки бросились было бить Татаръ, бывшихъ въ городѣ; но этимъ и ограничилось ихъ мщеніе. Вскорѣ послѣ того у Марины родился сынъ, и былъ провозглашенъ царемъ. Но затѣмъ Калужане одумались, сдались на увѣщанія Московскаго правительства, и цѣловали крестъ Владиславу.

ГЛАВА XX.

Гермогенъ. — Битва съ Поляками на улицахъ Москвы. — Пожаръ. — Прибытіе ополченія. — Мученическая кончина Гермогена.

1610 — 1612.

Смерть самозванца произвела большой переворотъ въ дѣлахъ, потому что съ нею рушилось само собою его предпріятіе. Московскому правительству не было уже необходимости мириться съ Поляками изъ страха къ шайкамъ самозванца. Бояре, впрочемъ, продолжали держаться присяги Владиславу. Но патріархъ Гермогенъ сталъ открыто говорить, что королевича Владислава нельзя признавать государемъ, потому что онъ не принимаетъ православія, и, по всему вѣроятію, не приметъ, что литовскіе люди заполонили его именемъ Московское государство, и въ Кремль уже раздается латинское пѣніе. Онъ благословилъ народъ возстать противъ иноземцевъ и изгнать ихъ изъ Москвы. Народъ давно уже тяготился присутствіемъ иноземныхъ и иновѣрныхъ пришельцевъ, и слова патріарха развязывали ему руки. Въ то же время пришла въ Москву грамота отъ жителей Смоленской области, которые жаловались на притѣсненія Поляковъ, говорили, что вѣра ихъ поругана ими, церкви разорены, и предлагали общими силами возстать противъ нихъ. Москвичи переслали грамоту Смольнянъ въ другіе города, и присоединили къ ней

грамоту отъ себя, въ которой убѣждали всѣ города русскіе возстать на общаго врага въ защиту вѣры православной и Москвы съ ея святынями. Призывъ этотъ нашель отголосокъ по всей Россіи. Началось дружное возстаніе народа по городамъ, во главѣ котораго сталъ Прокопій Ляпуновъ. Онъ былъ даровитый и храбрый человекъ, но былъ неразборчивъ въ выборѣ союзниковъ, и это его погубило, и замедлило дѣло освобожденія Москвы. Онъ вступилъ въ союзъ не только съ казаками, бывшими Тушинцами, подъ предводительствомъ Заруцкаго, Просовецкаго и князя Дмитрія Тимоѣевича Трубецкаго, но и съ Салтѣгою, извѣстнымъ осадкою Троицкаго монастыря, который объявилъ, что хочетъ сражаться противъ Поляковъ, за вѣру православную. Ополченіе двинулось къ Москвѣ.

Какъ скоро извѣстіе о движеніи ополченія достигло Москвы, Салтыковъ пошелъ съ боярами къ патриарху, сталъ его укорять, зачѣмъ онъ поднялъ возстаніе, и требовалъ, чтобы патриархъ написалъ ратнымъ людямъ, идущимъ къ Москвѣ, возвратиться назадъ. Но Гермогенъ съ твердостью отвѣчалъ ему, что пока онъ, измѣнникъ, не выйдетъ изъ Москвы со всѣми Литовскими людьми, до тѣхъ поръ онъ, патриархъ, не перестанетъ благословлять тѣхъ, которые встанутъ на защиту вѣры православной. Послѣ этого объясненія, къ жилищу патриарха была приставлена стража. 17-го Марта, въ вербное воскресенье, его освободили для обычнаго шествія на осяти, но потомъ низвели съ патриаршаго престола, и заключили въ Чудовомъ монастырѣ, а по другимъ извѣстіямъ на Кирилловскомъ подворьѣ. Патриархомъ же сдѣланъ былъ прежній лжепатриархъ, Игнатій, лишенный соборомъ не только патриаршества, но и архіерейства. Черезъ шесть мѣсяцевъ онъ самъ бѣжалъ въ Литву.

Народъ не принялъ участія въ шествіи на осяти, потому что передъ тѣмъ распространился слухъ, что Поляки будутъ бить народъ въ этотъ день. Столкновеніе дѣйствительно произошло, но двумя днями позднѣе.

Ополченіе Ляпунова уже подходило къ Москвѣ, и Поляки принимали мѣры защиты. Они стали втаскивать пушки на башни, и послали на рынокъ звать русскихъ извозчиковъ къ себѣ на помощь *).

Извозчики не согласились помогать имъ, вслѣдствіе чего между ними и Поляками завязался споръ. Вокругъ спорящихъ образовалась, какъ

*) По словамъ польскаго писателя, Маскевича, очевидца и участника нашествія Поляковъ на Москву, на торгу или нынѣшней Красной площади всегда стояло около 200 извозчиковъ съ одиночными санями или телѣжкой. За грошъ такой извозчикъ везъ сѣдока въ отдаленную часть города и поминутно кричалъ во все горло: гись, гись, т. е. берегись. Плату за провозъ онъ получалъ впередъ, и, доведя до извѣстнаго мѣста, останавливался и не везъ далѣе, пока не получалъ другаго гроша.

и всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, толпа, а Нѣмцамъ, бывшимъ на службѣ у Поляковъ, представилось, что уже начинается народное возстаніе, котораго они ждали со дня на день, — и они бросились на толпу съ оружіемъ въ рукахъ. Поляки ихъ поддержали и начали бить безоружныхъ людей. До 7,000 чел. пало подъ ихъ ударами въ Китай-городѣ. За то въ Бѣломъ городѣ Поляки встрѣтили сопротивление: толпы горожанъ успѣли вооружиться, загородили улицы чѣмъ попало, бревнами, скамьями, столами, — и стали стрѣлять въ Поляковъ. Къ горожанамъ присоединились немногіе ратные люди, а начальство надъ ними принялъ Дм. Мих. Пожарскій. Онъ отбилъ Поляковъ на Срѣтенкѣ, отгѣснилъ ихъ обратно въ Китай-городъ и поставилъ укрѣпленіе у церкви Введенія Пресвятыя Богородицы во Псковичахъ или Опасовичахъ что на Лубянкѣ *).

Въ то время какъ Пожарскій далъ отпоръ Полякамъ на Лубянкѣ, Ив. Матвѣевъ Бутурлинъ дѣйствовалъ въ Яузскихъ воротахъ, а Иванъ Колтовскій въ Замоскворѣчьи. Соединенными силами Поляки были загнаны въ Китай-городъ и Кремль и окружены со всѣхъ сторонъ. Тогда они рѣшили выжечь Москву. Вѣтеръ имъ благопріятствовалъ, и къ вечеру весь Бѣлый городъ пылалъ въ огнѣ. Но Полякамъ надо было еще запалить Замоскворѣчье, вокругъ котораго не было стѣнъ, и они могли рассчитывать пробиться въ ту сторону, въ случаѣ крайности, или получить съ той стороны помощь. Поэтому отрядъ Поляковъ двинулся къ Замоскворѣчью, и, не смотря на храброе сопротивленіе жителей, успѣлъ зажечь его въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Затѣмъ этотъ же самый отрядъ напалъ на Пожарскаго съ тылу. Пожарскій цѣлый день

*) Противъ этой церкви находился домъ Пожарскаго, нынѣ занимаемый 3-й Московской гимназіей. Вторая жена князя Пожарскаго, Ѳеодора Андреевна, бывшая въ первомъ бракѣ за кн. Голицынымъ, получила его при раздѣлѣ съ пасынками своими, князьями Петромъ и Иваномъ. Послѣ смерти ея, домъ этотъ достался братьямъ Голицынымъ, отъ нихъ перешелъ покушкой во владѣніе сначала г-жи Бородиной, потомъ г-жи Гинпіусъ, а отъ нея купленъ для 3-й гимназіи. Находящійся въ каменномъ столбѣ при домѣ этой гимназіи образъ Знаменія Богоматери есть копія съ того образа, который, по преданію, принадлежалъ кн. Пожарскому, и находится въ церкви Введенія Пресвятой Богородицы.

Такое же преданіе приписываетъ кн. Дм. Мих. Пожарскому возобновленіе обветшавшей и сожженной Поляками приходской церкви Введенія, и постройку при ней придѣла во имя препод. муч. Параскевы, нарицаемой „Пятницы“, въ память первой своей супруги. Въ этой церкви находится образъ Казанской Божіей Матери, украшенный золотомъ и драгоценными камнями и поставленный самимъ кн. Пожарскимъ.

Недалеко отъ устроеннаго Пожарскимъ укрѣпленія при церкви Введенія на Лубянкѣ, существовала деревянная церковь св. Ѳеодосія, житію начальника. При этой церкви была учреждена Пожарскимъ богадѣльня.

отбивался отъ Поляковъ, но былъ наконецъ раненъ и отвезенъ въ Троицкій монастырь.

Поляки и служившіе у нихъ Нѣмцы предавались все это время самому отчаянному грабительству. Имъ не нужно было, говорить Беръ въ своей Московской лѣтописи, ни дорогихъ полотенъ, ни олова, ни мѣди; они брали однѣ богатяя одежды, бархатныя, шелковыя, парчевыя, серебро, золото, жемчугъ, драгоценныя камни, снимали съ образовъ дорогіе оклады; иному Нѣмцу или Поляку досталось отъ 10 до 12 фунтовъ чистаго серебра. Тотъ, кто прежде не имѣлъ ничего, кромѣ окровавленной рубахи, теперь носилъ богатѣйшую одежду; на пиво и медъ уже не глядѣли; пили только самыя рѣдкія вина, коими изобиловали боярскіе погреба, рейнское, венгерское, мальвазію; каждый бралъ, что хотѣлъ... Своевольные солдаты стрѣляли въ Русскихъ жемчужинами, величиною въ добрый бобъ, и проигрывали въ карты дѣтей, отнятыхъ у бояръ и именитыхъ купцовъ. Никто не заботился обереженіи съѣстныхъ припасовъ: безумные Поляки все истребили, воображая, что имъ ничего ненадобно, кромѣ шелковыхъ одеждъ и драгоценныхъ камней. Вскорѣ имъ пришлось горько поплатиться за свою необдуманность, но вначалѣ они торжествовали, а горожанамъ приходилось плохо: Москва почти вся выгорѣла, и жителямъ негдѣ было укрыться отъ сильнаго мороза, бывшаго въ то время. Вслѣдствіе этого они принуждены были бить челомъ Гонсѣвскому о милости, и онъ велѣлъ имъ снова цѣловать крестъ Владиславу. Это произошло въ четвергъ на Страстной, а въ понедѣльникъ на Святой подошло къ Москвѣ ополченіе Ляпунова и его товарищей, въ числѣ 100,000 ч. Оно расположилось близъ Симонова монастыря и обставило себя гуляй-городами. *) Поляки нѣсколько разъ пытались выбить ихъ изъ укрѣпленія, но были отбиты и вернулись въ городъ. 1-го Апрѣля ополченіе подошло къ стѣнамъ Бѣлаго города, а 6-го уже заняло большую часть его стѣнъ. Сапѣга расположился на Поклонной горѣ, но скорѣ измѣнилъ ополченію, передался Гонсѣвскому, а затѣмъ и совсѣмъ ушелъ, потому что нечего было грабить. Въ ночь съ 21-го на 22-е Мая, ополченіе сдѣлало приступъ къ стѣнамъ Китай-города, но было отбито. За то оно успѣло овладѣть большею частію башенъ Бѣлаго города. Кромѣ того оно принудило къ сдачѣ Нѣмцевъ, засѣвшихъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Салтыковъ и Гонсѣвскій приказывали нѣсколько разъ Гермогену, чтобы онъ велѣлъ ополченію уйдти обратно, и угрожали ему смертію въ случаѣ неповиновенія съ его стороны. Но онъ не переставалъ благословлять всѣхъ возстающихъ на защиту родины и православной вѣры. Въ это бѣдственное время въ Кремлевскомъ Успенскомъ соборѣ не совершалось богослуженія. Мѣсто его заступилъ

*) Подвижныя укрѣпленія.

Успенскій соборъ въ Крутицахъ, куда собирались дружины цѣловать крестъ на томъ, чтобы стоять за вѣру православную, за Домъ Пресвятыя Богородицы и мощи чудотворцевъ, противъ враговъ и разорителей христіанской вѣры*).

Чтобы успѣшнѣе дѣйствовать, вожди ополченія должны были устроить у себя временное управленіе. Власть была раздѣлена между тремя лицами: Ляпуновымъ, Заруцкимъ и княземъ Дм. Тимоѳ. Трубецкимъ. Выдающимися личностями изъ этихъ трехъ были Прокофій Ляпуновъ и Заруцкій. Одинъ изъ нихъ опирался на ополченіе сѣверныхъ городовъ, на дворянъ, дѣтей боярскихъ и народъ, а Заруцкій, на казаковъ. Оба вождя не ладили между собою, и Ляпуновъ думалъ даже снова удалиться въ Рязанскую землю и набрать свѣжее ополченіе, но медлилъ. Между тѣмъ Гонсѣвскій, зная о непріязни главныхъ лицъ ополченія, подослалъ въ ихъ станъ грамоту, подписанную будто бы Ляпуновымъ, въ которой онъ возбуждалъ народъ противъ казаковъ. Казаки повѣрили дѣйствительности этой грамоты, собрались по своему обычаю въ кругъ, призвали туда Ляпунова и измѣннически изрубили его, а вмѣстѣ съ нимъ Ржевскаго, бывшего недруга Ляпунова, но въ этомъ случаѣ заступившагося за него. Они были убиты 12-го Іюля 1611 года и похоронены въ одной гробницѣ, у церкви Благовѣщенія на Воронцовомъ полѣ**).

Послѣ смерти Ляпунова, большая часть сѣвернаго ополченія разсыялась, потому что дворяне и дѣти боярскіе не хотѣли служить казакамъ. Заруцкій и Трубецкой остались однако подъ Москвою.

Между тѣмъ Смоленскъ, почти два года выдерживавшій осаду, принужденъ былъ сдаться. Осада продолжалась съ 21-го Сентября 1609 г. по 3-е Іюня 1611 г. Изъ 80.000 Смольнянъ, бывшихъ при началѣ осады, остались едва 8.000. Но они все-таки еще не хотѣли сдаться. Ихъ выдалъ измѣнникъ Андрей Дедешинъ, который указалъ Полякамъ ту часть стѣны, которая была не прочна. Поляки направили въ эту сторону свои пушки, пробили стѣну и ворвались въ

*) Церковь эта была первоначально основана княземъ Даниломъ Александровичемъ. Позднѣе тутъ былъ Крутицкій архіерейскій домъ, — пребываніе митрополитовъ Сарскихъ и Подонскихъ, получившихъ свое названіе отъ первоначальнаго пребыванія въ Сараѣ, столицѣ ханской. Тамъ они пользовались покровительствомъ Татаръ и имѣли въ своемъ вѣдомствѣ церкви, лежавшія по Дону, почему и назывались Сарскими (отъ Сарая) и Подонскими (отъ Дона). Въ XV в. каедрa эта была перенесена въ Москву на Крутицы. Названіе это произошло отъ крутизны холма на берегу Москвы рѣки. Новоспасскій монастырь и церковь Воскресенія на Гончарахъ назывались такъ же на Крутицахъ. Нынѣшняя приходская церковь Успенія построена въ 1682 и 1700 гг.

**) Съ воцареніемъ Михаила Ѳеодоровича тѣла ихъ обоихъ были перенесены сыномъ Ляпунова, Владиміромъ, въ Троицкую лавру.

городъ. Шеинъ съ 15-ю товарищами сдался Якову Потоцкому. Многіе жители заперлись въ соборной церкви и взорвали себя на воздухъ. Такъ окончилась эта знаменитая осада, прославившая имя Шеина. Незадолго до взятія Смоленска, Московскіе послы за свою непреклонность были отосланы плѣнниками въ Польшу.

По взятіи Смоленска, Сигизмундъ долженъ бы былъ, въ интересахъ своего дѣла, спѣшить въ Москву. Но онъ поѣхалъ на сеймъ въ Варшаву. Туда же повезли и плѣннаго царя Василія, и заключили его въ замкъ Гостынскомъ.

Около этого же времени Новгородъ былъ взятъ Шведами, которые сдѣлались нашими врагами послѣ того, какъ Московскіе бояре присягнули польскому королевичу. Въ Псковѣ явился новый Самозванецъ и вообще происходили повсемѣстные смуты.

14-го Августа 1611 г. въ Москву прибылъ Янъ Сапѣга и успѣлъ переправить осажденнымъ Полякамъ съѣстные припасы. Осажденные пріободрились и сдѣлали вылазку, въ которой отняли у Русскихъ четверо воротъ въ Бѣломъ городѣ. При этомъ произошла особенно ожесточенная битва у Никитскихъ воротъ. Казаки удержали за собой только Тверскія ворота, которыя тоже могли бы быть отбиты, если бы Поляки сдѣлали дружное нападеніе. Но у нихъ была плохо развита дисциплина и они не слушались Гонсѣвскаго. Они говорили, что вскорѣ прійдетъ другой гетманъ, Ходкѣвичъ, и лучше пусть онъ будетъ имѣть славу прогнать осаждавшихъ. Сапѣга, между тѣмъ, умеръ въ Кремлѣ, въ домѣ Шуйскаго. Ходкѣвичъ дѣйствительно подошелъ къ Москвѣ и остановился у Андроньева монастыря. Но онъ имѣлъ только нѣсколько незначительныхъ стычекъ съ ополченіемъ и съ наступленіемъ зимы отошелъ отъ Москвы къ монастырю Рогачеву. Съ нимъ ушли и многіе Поляки изъ сидѣвшихъ въ осадѣ. Чтобы удержать остальныхъ, Гонсѣвскій роздалъ имъ многія драгоценности изъ царской казны. Бояре, сидѣвшіе въ осадѣ, и духовенство послали новое посольство къ Сигизмунду, съ грамотою, въ которой просили его поспѣшить своимъ пріѣздомъ или же прислать королевича. Грамота эта не была подписана патриархомъ Гермогеномъ, потому что онъ сидѣлъ въ заключеніи, да онъ и не согласился бы подписать грамоту, въ которой бояре называли себя вѣрноподданными короля.

Сохранилась другаго рода грамота, которую этотъ святой страдалецъ за правду нашелъ возможность переслать передъ смертію изъ своего заключенія въ Нижній-Новгородъ, въ Августъ мѣсяцъ. Въ ней онъ возставалъ противъ замысла Заруцкаго, слухъ о которомъ достигъ до него, — возвести на Московскій престолъ сына Марины. Это была его послѣдняя грамота: 17-го Генваря 1612 г. онъ умеръ отъ голода.

ГЛАВА XXII.

Грамоты Діонисія. — Мининъ. — Новое ополченіе, подъ предводительствомъ кн. Пожарскаго. — Вступленіе его въ Москву. — Поляки принуждены сдаться. — Благодарственное молебствіе на Лобномъ мѣстѣ.

1611—1612.

Со смертію Ляпунова дѣло освобожденія Москвы замедлилось, но не погасло въ народѣ пробудившееся чувство необходимости возстать дружными силами и прогнать врага изъ нѣдръ русскаго государства. Великимъ двигателемъ этого народнаго движенія явился архимандритъ Троицкаго монастыря, Діонисій. Онъ былъ человѣкъ въ высшей степени благочестивый, и, въ то же время, какъ истинный послѣдователь преп. Сергія, горячо любилъ свое отечество. Еще при жизни Ляпунова началъ онъ разсылать грамоты по городамъ, возбуждая народъ къ возстанію на защиту отечества. Грамоты его имѣли громадное дѣйствіе. Народъ, читая ихъ, воодушевлялся мыслию возстать всѣмъ поголовно, жертвуя жизнью и имуществомъ для спасенія отечества. Сознавая великость предстоящаго подвига, народъ во многихъ мѣстахъ налагалъ на себя трехдневный постъ. Но нуженъ былъ еще толчекъ этому движенію, и толчекъ этотъ былъ данъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, земскимъ старостою Козьмою Мининымъ.

Въ Октябрѣ 1611 года была получена въ Нижнемъ-Новгородѣ Троицкая грамота. Старшіе люди въ городѣ и духовенство собрались толковать о ней. Тогда Мининъ сказалъ имъ, что видѣлъ во снѣ преп. Сергія и онъ приказалъ ему пробудить народъ отъ дремоты. Мининъ просилъ, чтобы грамота Діонисія была прочтена въ соборѣ, и затѣмъ пусть будетъ, что Богъ велитъ. Послѣдовали было возраженія, но мнѣніе Минина восторжествовало. На другой день протопопъ Савва сказалъ проповѣдь въ соборѣ, въ которой увѣщевалъ народъ возстать на защиту вѣры православной, и прочелъ грамоту Діонисія. Послѣ этого сталъ говорить Мининъ и въ убѣдительныхъ выраженіяхъ представилъ народу необходимость принести все въ жертву, чтобы спасти отечество. Онъ говорилъ, что надо ополчиться всѣмъ, кто въ силахъ сражаться, что надо сдѣлать денежный сборъ для найма ратниковъ, избрать вождя и бить ему челомъ, чтобы принялъ начальство. Рѣчь его произвела всеобщее воодушевленіе. Тотчасъ же стали собирать пожертвованія, и всякій спѣшилъ принести, что могъ. Мининъ предложилъ обратиться къ князю Дмитрію Михайловичу Пожарскому съ просьбою принять начальство надъ ополченіемъ, и предложеніе его было охотно принято. Пожарскій жилъ въ это время въ Суздальскомъ уѣздѣ, гдѣ лечился отъ ранъ, полученныхъ имъ въ Москвѣ. Къ нему отправленъ былъ Печерскій

архимандритъ Феодосій, Жданъ Петровичъ Болтинъ, и выборные отъ всѣхъ сословій. Пожарскій принялъ предложеніе съ готовностію, но объявилъ, что для сбора казны ему нуженъ особый человекъ. Онъ указалъ на Минина, который и взялъ на себя это дѣло, по общей просьбѣ. Пожарскій поспѣшилъ въ Нижній-Новгородъ, гдѣ былъ принять съ большою почестью. Съ нимъ пришли служилые люди изъ Дорогобужа и Вятки, а также изъ Смоленской земли. Пожарскій тотчасъ же роздалъ имъ всѣмъ жалованье, а потомъ разослалъ по городамъ грамоты, въ которыхъ приглашалъ къ пожертвованію людьми и деньгами и объяснялъ, что ополченіе имѣетъ цѣлію очистить Московское государство отъ Польскихъ и Литовскихъ людей, чтобы потомъ всею землею приступить къ избранію государя. Въ грамотѣ говорилось также, что ополченіе имѣетъ въ виду не давать волю казакамъ дѣйствовать въ ущербъ народу земскому, не признавать ни Марины, ни ея сына, ни Псковскаго самозванца, ни Польскаго корлевица.

Грамота имѣла сильное дѣйствіе, и отовсюду стали присылать казну. Особенную щедрость выказалъ при этомъ случаѣ Петръ Семеновичъ Строгоновъ, сынъ Семена Аникіевича, который прислалъ огромныя суммы для поддержки православнаго ополченія. Присылали и ратныхъ людей, или же выборныхъ для переговоровъ. Первыми пришли Коломенцы, потомъ Рязанцы, а за ними служилые люди изъ Украинскихъ городовъ.

Московскіе бояре, сидѣвшіе съ Поляками въ осадѣ, прислали въ то же время грамоты въ Кострому и Ярославль, въ которыхъ жаловались на безчинства казаковъ подъ Москвою, на то, что они сносятся съ новымъ самозванцемъ во Псковѣ, и уговаривали, чтобы всѣ Русскіе люди признали скорѣе Владислава царемъ. Они прибавляли, что король уже готовъ отпустить сына въ Москву.

Само собою разумѣется, что эта грамота не имѣла никакого дѣйствія. Что въ ней было справедливаго, такъ это только то, что говорилось о казакахъ. Ихъ безчинствамъ не было границъ, и 2-го Марта они дѣйствительно присягнули новому, такъ называемому Псковскому, самозванцу. Узнавши объ этомъ, Пожарскій поспѣшилъ выступить съ своимъ ополченіемъ. На Решмѣ, впрочемъ, явился къ нему посланный отъ Заруцкаго и Трубецкаго съ грамотою, извѣщающею, что казаки признали было Псковскаго самозванца за истиннаго царевича, но теперь убѣдились, что онъ воръ, и отступились отъ него. Пожарскій и Мининъ приняли посланнаго ласково и отпустили съ честію, не желая раздражать казаковъ. Но между собой они рѣшили не соединяться съ ними ни въ какомъ случаѣ. Ополченіе подвигалось по мѣрѣ возможности далѣе, и къ нему присоединялись по дорогѣ новые ополченцы различныхъ городовъ. Въ Ярославлѣ князь Пожарскій остановился на нѣкоторое время для устройства ополченія и чуть было не палъ жерт-

ополченіе плохо выдерживало натискъ непріятеля, и дѣло могло кончиться пораженіемъ Пожарскаго. Казаки стояли на другой сторонѣ рѣки въ полномъ бездѣйствіи, и съ злорадствомъ смотрѣли на происходившее. Но не выдержали этого тѣ пять сотенъ, которыя наканунѣ были отпущены Пожарскимъ къ Трубецкому. Они быстро переправились черезъ рѣку, не смотря на запретъ Трубецкаго, и поспѣшили на выручку товарищей. Къ нимъ присоединилось и нѣсколько казаковъ. Прибытіе этихъ свѣжихъ силъ рѣшило дѣло: Ходкѣвичъ отступилъ къ Поклонной горѣ. Въ то же время Поляки сдѣлали вылазку изъ Кремля, и были отбиты, потерявъ при этомъ знамена, а при наступленіи ночи Русскіе перехватили 400 возовъ провіанта, подѣхавшіе уже къ воротамъ Кремля, по указанію русскаго измѣнника Григорія Орлова.

23-го Августа осажденные сдѣлали новую вылазку, на этотъ разъ удачную для нихъ, переправились черезъ Москву-рѣку и овладѣли укрѣпленіемъ у церкви Георгія въ Яндовѣ. Ходкѣвичъ не дѣлалъ въ этотъ день нападенія, но перешелъ отъ Поклонной горы къ Донскому монастырю, думая легче пробраться отсюда въ Кремль черезъ Замоскворѣчье. Теперь онъ долженъ былъ имѣть дѣло съ казаками, которые расположились на берегу Москвы-рѣки. Пожарскій, не помня зла, присоединился къ нимъ съ большею частію своего войска. Поляки начали битву 24-го на разсвѣтѣ. и опять смяли Русскихъ, такъ что Пожарскій принужденъ былъ переправиться обратно черезъ рѣку, а Трубецкой ушелъ въ свои таборы. Ополченію приходилось снова одному вѣдаться съ врагомъ, а это было мудрено, потому что врагъ былъ силенъ искусствомъ, котораго не доставало нашимъ войскамъ. Пожарскій и Мининъ послали князя Дмитрія Петровича Лопату-Пожарскаго просить Авраамія Палицына, чтобы онъ уговорилъ казаковъ вернуться и дѣйствовать сообща. Палицынъ догналъ казаковъ, сталъ уговаривать ихъ возвратиться, и, чтобы подстрекнуть ихъ самолюбію, говорилъ имъ, что починъ благаго дѣла освобожденія принадлежитъ имъ, зачѣмъ же покидаютъ они его, не доведя до конца? Казаки одумались, и вернулись назадъ. Общими силами было отнято у Поляковъ занятое ими укрѣпленіе у церкви св. Климента на Пятницкой, и затѣмъ пѣхота залегла по ямамъ, чтобы не пропускать непріятеля въ Кремль. Въ это время Мининъ съ тремястами охотниковъ изъ дворянъ и съ ротмистромъ Хмѣлевымъ перешелъ рѣку и бросился на двѣ Польскихъ роты, стоявшихъ у Крымскаго двора. Поляки не ожидали нападенія, были смяты, и побѣжали къ своему стану. Тогда пѣхота, залегшая по ямамъ, выскочила и бросилась на Поляковъ, а за нею и конница. Поляки не выдержали, и, потерявъ 500 человекъ убитыми, отступили къ Воробьевымъ горамъ. На другой день съ разсвѣтомъ они отступили еще далѣе по дорогѣ къ Можайску.

И такъ, общими усиліями врагъ былъ отраженъ. Оставалось выгнать его изъ Кремля. Но рознь, существовавшая между ополченіемъ и казаками, тормозила дѣло. Князь Трубецкой, какъ бояринъ, требовалъ себѣ первенства, и хотѣлъ, чтобы Пожарскій — стольникъ, и Мининъ — торговый человекъ, ѣздили бы къ нему для совѣщаній. Но это было невозможно уже потому, что вожди ополченія всегда могли ожидать предательства со стороны казаковъ, которые постоянно злобились на ополченіе, и хотѣли даже уходить изъ подъ Москвы, потому что были по ихъ словамъ холодны и голодны, тогда какъ ополченіе пользовалось довольствомъ. Изъ этого затрудненія выручилъ снова архимандритъ Діонисій. Не имѣя денегъ въ монастырской казнѣ, онъ прислалъ казакамъ, въ видѣ залога въ тысячѣ рубльяхъ, церковныя вещи: ризы, стихари, епитрахили и т. п. Казакамъ стало совѣстно принимать эти вещи отъ монастыря, и они отослали ихъ обратно съ двумя атаманами, обѣщая не покидать общаго дѣла. Разногласіе воеводъ тоже было улажено: рѣшено было, что всѣ воеводы будутъ сѣзжаться для совѣщаній на Неглинной (на Трубѣ).

Съ этихъ поръ повелась дѣятельная осада. Въ трехъ мѣстахъ были поставлены туры, изъ которыхъ стрѣляли по Кремлю и Китай-городу. Одинъ туръ былъ поставленъ у Пушечнаго двора, находившагося на Софійскѣ, возлѣ существующей теперь церкви Софіи Премудрости Божіей. Другой у Егорьевскаго монастыря, позади теперешняго Дворянскаго собранія. Третій у церкви Всѣхъ Святыхъ на Кулишкахъ, на Солянско-й или нижней Лубянской площади. Чтобы не пропускать запасовъ къ осажденнымъ, воеводы велѣли окопать ровомъ Замоскворѣцкій полуостровъ, и сверхъ того загородить его плетнемъ. Осажденные терпѣли страшный голодъ, употребляли даже человѣческое мясо въ пищу, но все еще не сдавались. Наконецъ, 22-го Октября казаки взяли приступомъ Китай-городъ. Поляки все держались въ Кремлѣ, но велѣли боярамъ и всѣмъ Русскимъ людямъ выслать своихъ женъ изъ Кремля. Бояре прислали грамоту Пожарскому, Минину и всѣмъ русскимъ людямъ, прося принять женъ ихъ подъ свою защиту. По распоряженію Пожарскаго, ихъ дѣйствительно не тронули, хотя казаки злобились на Пожарскаго за эти распоряженія, потому что не любили пропускать случая къ грабежу.

Наконецъ, Поляки вступили въ переговоры о сдачѣ, на условіи, чтобы имъ была сохранена жизнь. Имъ обѣщали это. Тогда они выпустили прежде всего бояръ: князя Ѳедора Ивановича Мстиславскаго, Ивана Михайловича Воротынскаго, Ивана Никитича Романова съ племянникомъ, Михаиломъ Ѳедоровичемъ, и его мать, Мареою Ивановною, и всѣхъ русскихъ людей. Какъ скоро казаки увидали бояръ на Каменномъ мосту, ведшемъ изъ Кремля чрезъ Неглинную, то бросились было ихъ грабить. Но ополченіе удержало ихъ, и приняло

боярь съ честію. На другой день сдались и Поляки съ главнымъ своимъ начальникомъ, Николаемъ Струсемъ, замѣнившимъ Гонсѣвскаго незадолго до прибытія ополченія.

27-го Ноября войско Трубецкаго двинулось отъ церкви Казанской Божьей Матери за Покровскими воротами, а ополченіе Пожарскаго отъ церкви Іоанна Милостиваго на Арбатѣ*), и сошлись на Лобномъ мѣстѣ. Оба ополченія шли съ крестами и образами, въ сопровожденіи жителей. Троицкій архимандритъ Діонисій началъ служить благодарственный молебенъ, и въ это самое время изъ Фроловскихъ воротъ показалось духовенство, несшее икону Владимірской Божьей Матери. Народъ залился слезами при видѣ этой святыни, которой онъ былъ лишенъ такое долгое время. Послѣ молебна, войска и народъ вступили въ Кремль. Въ Успенскомъ соборѣ снова былъ отслуженъ благодарственный молебенъ и затѣмъ обѣдня. Этимъ и закончилось торжество этого славнаго дня.

Кремль былъ найденъ въ ужасномъ состояніи: въ церквахъ все было ободрано, образа порублены, вездѣ нечистота, а въ чанахъ мѣстами была найдена приготовленная пища изъ человѣческаго мяса!

Свершивъ свое дѣло, ратные люди разѣхались по домамъ. Врагъ, казалось, былъ уничтоженъ. Но вдругъ пришло извѣстіе, что Сигизмундъ идетъ на Москву и уже достигъ Вязьмы. Извѣстіе это казалось невѣроятнымъ по своей неожиданности, но оно было достовѣрно. Сигизмундъ предпринялъ этотъ походъ вслѣдствіе настоянія Поляковъ, которые обвиняли его, что онъ пропустилъ благоприятную минуту овладѣть Московскимъ государствомъ, и требовали, чтобы онъ шелъ на Москву. Между тѣмъ, войска они ему не давали, и Сигизмундъ выступилъ только съ 3,000 Нѣмцевъ, надѣясь, что въ Смоленскѣ присоединятся къ нему Польскія войска, бывшія тамъ. Но они отказались идти съ нимъ, не смотря на убѣдительныя просьбы короля. Сигизмундъ пошелъ далѣе съ одними Нѣмцами. По дорогѣ къ Вязьмѣ его догнало 1,200 ч. польской конницы, да въ Вязьмѣ онъ соединился съ отрядомъ Ходкѣвича. Съ этими средствами онъ достигъ Волоколамска и отрядилъ отсюда часть войска къ Москвѣ, подъ начальствомъ молодаго Адама Жолкѣвскаго. вмѣстѣ съ нимъ Сигизмундъ послалъ князя Данилу Мезецкаго и дьяка Грамотина, бывшихъ въ посольствѣ Филарета Никитича и Голицына, съ порученіемъ уговаривать Москвичей покориться Владиславу. Это посольство не имѣло, конечно, никакого успѣха, и Москвичи рѣшились обороняться до послѣдней капли крови. Они храбро встрѣтили отрядъ Жолкѣвскаго и отразили его. Жолкѣвскій сталъ спрашивать попавшагося ему въ плѣнъ Смольянина Ивана Философова, хотятъ ли въ Москвѣ Владислава и много ли тамъ войска

*) Теперешней Кисловкѣ, гдѣ эта церковь существовала до 1812 г., и затѣмъ упразднена и сломана.

и запасовъ? Философовъ отвѣчалъ, что въ Москвѣ всего много и что всѣ единогласно положили не принимать на царство Владислава. Философовъ повторилъ тотъ же разсказъ и королю. Тогда Сигизмундъ рѣшилъ, что дальше идти нечего, и хотѣлъ взять хотя бы Волоколамскъ, прежде чѣмъ возвратиться назадъ. Но и Волоколамскъ не сдавался, отчаянно защищаясь отъ непріятели. Тогда Сигизмундъ снялъ осаду и пошелъ обратно.

ГЛАВА XXII.

Избраніе Михаила Ѳеодоровича. — Прибытіе его въ Москву, и вѣнчаніе на царство. — Владиславъ осаждаетъ Москву. — Заключеніе мира. — Возвращеніе изъ плѣна Филарета Никитича и посвященіе его въ патріархи.

1612—1619.

Велика была радость Москвы, когда было получено извѣстіе объ отступленіи Сигизмунда. Теперь надо было приступить къ выбору царя, котораго ждала вся Россія. Бояре и воеводы кликнули кличъ, чтобы съѣзжались выборные отъ всей земли, договорившись въ своихъ городахъ, кого выбирать.

Когда большая часть выборныхъ съѣхалась, то духовенство назначило для нихъ трехдневный постъ. Послѣ этого начались соборы на Троицко-Богоявленскомъ подворьѣ у Троицкихъ воротъ, въ Кремлѣ, и, съ общаго согласія, рѣшено было не выбирать царя изъ иностранныхъ королевскихъ фамилій, а непременно изъ русскихъ бояръ. Затѣмъ приступлено было къ выборамъ. Но тутъ-то и начались козни и смуты, потому что каждый изъ выборныхъ предлагалъ своего избранника, и не было между ними такого, на которомъ бы остановилось нѣсколько голосовъ.

Но вотъ однажды дворянинъ изъ Галича подалъ письменное заявленіе, въ которомъ говорилось, что по родству съ прежними государями всего ближе стоитъ Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ, и что слѣдовательно его и надо избрать въ государи. Въ собраніи послышалось неудовольствіе на это мнѣніе, спрашивали, кто его подалъ? Въ это время Донскимъ казакомъ было подано второе письменное заявленіе. Князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій спросилъ его, о комъ его заявленіе? «О прирожденномъ царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ», отвѣчалъ казакъ. Это одновременное совпаденіе двухъ голосовъ рѣшило дѣло. Но такъ какъ на соборѣ еще не участвовали князь Мстиславскій и другіе бояре, сидѣвшіе съ Поляками въ Кремлѣ во время осады и развѣхавшіеся послѣ освобожденія Москвы по своимъ помѣстьямъ, то окончательное избраніе было отсрочено на двѣ недѣли, до 21-го Февраля 1613 г. Между тѣмъ послали по городамъ вывѣдывать, доволенъ ли будетъ народъ предполагаемымъ избраніемъ? Народъ всюду

относился къ нему сочувственно. 21-го Февраля, въ первое воскресенье Великаго поста, выборные собрались на послѣднее засѣданіе собора. Каждый членъ собранія подалъ письменное мнѣніе, и всѣ эти мнѣнія на этотъ разъ указывали на одного человѣка, — на Михаила Ѳеодоровича Романова. Спросили народъ съ Лобнаго мѣста, кого онъ хочетъ имѣть царемъ? Михаила Ѳеодоровича, отвѣчалъ народъ.

Тогда провозгласили царемъ Михаила Ѳеодоровича, и послали къ нему посольство съ грамотою, извѣщавшею его объ избраніи.

2-го Марта послы выѣхали изъ Москвы и 13-го пріѣхали въ Кострому. Здѣсь они узнали, что Михаилъ Ѳеодоровичъ со своею матерью живутъ въ Ипатьевскомъ монастырѣ. Послы оповѣстили Костромичей о цѣли своего пріѣзда, и на другой день съ крестнымъ ходомъ отправились въ Ипатьевскій монастырь. Для Михаила избраніе его было совершенною неожиданностью, и въ первую минуту онъ наотрѣзъ отказался его принять. Мать его тоже отказывалась благословить сына на принятіе престола. Она говорила, что сынъ ея молодъ, а времена теперь трудныя, и люди всѣхъ чиновъ измолодушествовались, и легко стали измѣнять крестному цѣлованію. Она упомянула объ измѣнѣ Годунову, объ убійствѣ Лжедмитрія, о выдачѣ Василя Шуйскаго Полякамъ.... Кромѣ того они оба говорили, что Михаилу нельзя принять престола безъ благословенія отца своего, митрополита Филарета, бывшаго въ плѣну у Поляковъ. Слезное моленіе пословъ, впрочемъ, поколебало рѣшимость Михаила. Они указали ему на то, что государство гибнетъ отъ безурядицы, и что спасти его можетъ только твердая десница державнаго государя, которымъ всѣ хотятъ видѣть его одного. Тогда Михаилъ рѣшился дать свое согласіе; архіепископъ Ѳеодоритъ благословилъ его и вручилъ ему жезлъ.

Но только что юный бояринъ принялъ титулъ царя, какъ уже подвергся опасности, устраненной только благодаря самоотверженію одного крестьянина. Вотъ какъ было дѣло:

Отрядъ Поляковъ, а можетъ быть и казаковъ, отыскивалъ, гдѣ находится новоизбранный царь, намѣреваясь убить его, прежде чѣмъ онъ достигнетъ Москвы. Но Русскій народъ такъ проникся теперь мыслию о необходимости имѣть царя, такъ много сдѣлалъ для освобожденія отечества отъ иноплеменниковъ, и такъ много полагалъ надеждъ на своего избранника, что каждый готовъ былъ жертвовать жизнью для его спасенія. Такую жертву принесъ крестьянинъ села Домнина, принадлежавшаго Романовымъ, Иванъ Сусанинъ. Поляки спрашивали его, гдѣ Михаилъ? Онъ взялся провести ихъ къ нему и завелъ нарочно въ непроходимое болото. Поляки поняли тогда умыселъ Сусанина и убили его, но затѣмъ и сами всѣ погибли, не находя выхода изъ трущобы. Сусанинъ зналъ напередъ, что его ожидаетъ смерть, но жертвовалъ собою для спасенія царя. Подвигъ его былъ узнанъ уже

позднѣе, и семья получила значительныя награды отъ царя. Потомки его до нашихъ дней освобождаются отъ всякихъ податей.

19-го Марта Михаилъ выѣхалъ изъ Костромы. Но не скоро еще онъ достигъ Москвы, гдѣ его ждали съ нетерпѣніемъ. Онъ требовалъ отъ боярской думы, чтобы прежде всего были приняты мѣры для прекращенія разбоевъ по дорогамъ и городамъ. Кромѣ того весенняя распутица застала его на дорогѣ и задержала въ пути. Только 26-го Апрѣля государь и мать его достигли Троицкаго монастыря, а 2-го Мая въѣхали въ Москву. Народъ густыми толпами вышелъ далеко за городъ на встрѣчу своему избраннику. Послѣ молебна въ Успенскомъ соборѣ, царь пожаловалъ всякихъ чиновъ людей къ рукѣ.

11-го Юля Михаилъ вѣнчался на царство, и въ этотъ день пожаловалъ боярство своему родственнику, князю Черкасскому, и вождю ополченія, князю Дмитрію Михайловичу Пожарскому. На слѣдующій день, въ именины царя, Мининъ былъ пожалованъ въ думные дворяне.

Въ память освобожденія Москвы отъ Поляковъ царь построилъ церковь Покрова Богородицы въ селѣ Рубцовѣ, старинной вотчинѣ Романовыхъ, которое стало именоваться съ тѣхъ поръ селомъ Покровскимъ (нынѣ Покровская улица). Это село было любимымъ лѣтнимъ мѣстопробываніемъ царя Михаила Ѳедоровича и его семьи, имѣло по тогдашнему времени образцовое устройство хозяйства, и пруды, сдѣланные мастеромъ печатнаго дѣла, Онисимомъ, и нѣмцемъ Венделисумъ Сибилісъ. Такія же хозяйства, но въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, по преимуществу садовыя, были устроены въ селахъ Коломенскомъ и Воробьевѣ, гдѣ были также увеселительныя царскія жилища. Изъ этихъ садовъ царь и его семейство имѣли обыкновеніе посылать фрукты и разныя овощи близкимъ боярамъ, патриарху и вообще уважаемымъ лицамъ.

Народу царь не могъ оказать никакихъ милостей и не могъ дать никакихъ льготъ, потому что казна была пуста, а требовалось еще много для расплаты съ ратными людьми. Вынуждаемый обстоятельствами, царь послалъ грамоту къ Пермскимъ купцамъ Строгоновымъ, прося ихъ снабдить заимобразно царскую казну всѣмъ, чѣмъ они могутъ: деньгами, хлѣбомъ, рыбою, солью, сукнами и всякими товарами. Къ нимъ же были посланы грамоты отъ Земскаго собора и духовенства, убѣждавшаго ихъ исполнить просьбу царя и грозившаго имъ клятвою, въ случаѣ ослушанія. Вѣроятно, Строгоновы отозвались на этотъ призывъ съ обычною имъ щедростью, потому что вскорѣ послѣ этого Петръ Семеновичъ Строгоновъ получилъ отъ царя Михаила Ѳедоровича грамоту для себя и своихъ потомковъ и титулъ *именитыхъ людей*, съ правомъ не подлежать суду гражданскихъ властей, а быть судимыми во всѣхъ дѣлахъ въ Москвѣ, самимъ царемъ, или особо назначеннымъ царемъ сановникомъ. При Петрѣ I Строгоновы были возведены въ баронское достоинство, а при Павлѣ Петровичѣ

въ графы Россійской имперіи. Грамоты съ приглашеніемъ къ пожертвованію были посланы также по городамъ и монастырямъ. Но помощь ни откуда не могла быть значительна, потому что вся Россія была разорена почти изъ конца въ конецъ. И теперь еще шайки казаковъ свирѣпствовали мѣстами внутри Россіи. Главное скопище ихъ было при Заруцкомъ, который находился, вмѣстѣ съ Мариною и ея сыномъ, въ Астрахани. Онъ выдавалъ себя тамъ за царя Дмитрія и возбуждалъ противъ Москвы Ногаевъ, Персидскаго шаха и кавказскія племена. Вскорѣ, впрочемъ, царскимъ войскамъ посчастливилось одолѣть злодѣя. Онъ былъ взятъ въ плѣнъ, вмѣстѣ съ Мариною и ея сыномъ, и отправленъ въ Москву, гдѣ Заруцкаго посадили на колъ, сына Маринины повѣсили, а Марину заключили въ тюрьму, гдѣ она и умерла.

Другимъ выдающимся коноводомъ казаковъ былъ атаманъ Баловень. Долго онъ уходилъ отъ преслѣдованій царскаго войска, наконецъ въ Малоярославскомъ уѣздѣ, на рѣкѣ Лужѣ, былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ. Казаки въ числѣ 3,256 г. были приведены въ Москву и здѣсь получили помилованіе. Баловеня повѣсили.

Въ то же время сѣверные города были опустошаемы Лисовскимъ и его шайкою, имѣвшею цѣлю одинъ грабежъ. Движенія Лисовскаго были такъ быстры, что онъ оставался неуловимъ для царскаго войска. Только въ 1616 г. онъ перешелъ Литовскую границу, гдѣ и умеръ.

Кромѣ этихъ внутреннихъ враговъ, Москва была въ войнѣ съ Швеціею и Польшею.

Шведы, овладѣвъ Новгородомъ, хотѣли обратить его въ Шведскую провинцію, и принуждали жителей присягнуть Густаву-Адольфу и его наслѣдникамъ. Новгородцы медлили исполненіемъ ихъ требованія, и тайно ссылались съ Московскимъ правительствомъ, прося выручить ихъ изъ бѣды. Между тѣмъ Густавъ-Адольфъ взялъ нѣсколько городовъ и осадилъ Псковъ. Но тутъ онъ потерпѣлъ неудачу: Псковичи отражали его приступы съ замѣчательною стойкостью. Это сдѣлало его уступчивѣе, и, при посредствѣ англійскаго посла Джона Мерика, онъ заключилъ миръ съ Москвою въ 1617 г., въ селѣ Столбовѣ, недалеко отъ Ладоги. По этому миру Швеція возвратила Московскому государству Новгородъ, Русу, Порховъ, Ладогу, — но оставила за собою Иванъ-городъ, Ямъ, Копорье и Орѣшекъ, и получила сверхъ того 20,000 деньгами.

Русскіе были отрѣзаны этимъ миромъ на нѣкоторое время отъ Балтійскаго моря, но могли по крайней мѣрѣ обратить теперь всѣ свои силы противъ Польши. Впрочемъ, война съ Польшею шла вяло и нерѣшительно до тѣхъ поръ, пока королевичъ Владиславъ не выступилъ самъ противъ Москвы. Главное начальство надъ его войскомъ было поручено Литовскому гетману, Карлу Ходкѣвичу. Донскіе казаки, слышавъ о походѣ Владислава, тотчасъ же перешли на его сторону.

Владиславъ взялъ Дорогобужъ и Вязьму, но потерпѣлъ неудачу подъ Можайскомъ, и вернулся обратно въ Вязьму. Отряды Поляковъ, вмѣстѣ съ казаками, опустошали между тѣмъ Московскія области. Въ Сентябрѣ 1618 года Владиславъ пошелъ на Москву. Въ то же время съ другой стороны шелъ на нее Малороссійскій гетманъ Конашевичъ Сагайдачный, съ 20,000 войска. Михаилъ созвалъ соборъ, и объявилъ ему, что хочетъ сѣсть въ осаду, и будетъ обороняться до послѣдней крайности. Все выразили единодушное желаніе постоять за царя и православную вѣру.

Противъ Сагайдачнаго былъ посланъ сперва Дмитрій Михайловичъ Пожарскій, но онъ занемогъ въ дорогѣ, и его мѣсто занялъ Григорій Волконскій, которому приказано было не пропускать Сагайдачнаго чрезъ Оку. Но онъ не въ силахъ былъ удержать его, и Сагайдачный подошелъ къ Москвѣ. 20-го Сентября королевичъ сталъ въ Тушинѣ, а Сагайдачный у Донскаго монастыря. Бояре вышли было изъ Москвы, чтобы помѣшать Сагайдачному соединиться съ королевичемъ, но войска ихъ оробѣли, и безъ боя пропустили Сагайдачнаго. На небѣ показалась въ это время комета, которую народъ считалъ за дурное предзнаменованіе. Думали, что Владиславъ непременно возьметъ Москву.

Въ ночь на 1-е Октября Поляки пошли на приступъ, но были отражены. Проломавъ стѣну Бѣлаго-города, передовой отрядъ ихъ достигъ было до Арбатскихъ воротъ, гдѣ продержался до свѣту, но, не получая поддержки отъ своихъ, принужденъ былъ отступить, потерявъ 30 человекъ убитыми и 100 ранеными. Послѣ этого начались переговоры о мирѣ.

Первый съѣздъ уполномоченныхъ съ обѣихъ сторонъ произошелъ на Прѣснѣ, 20-го Октября, но кончился ничѣмъ, вслѣдствіе чрезмѣрной требовательности Поляковъ. Владиславъ, между тѣмъ, въ виду наступающихъ холодовъ, оставилъ Тушино, и двинулся по Переяславской дорогѣ. По пути онъ подступилъ было къ Троицкому монастырю, предлагая архимандриту сдаться. Пушечные выстрѣлы со стѣнъ монастырскихъ были отвѣтомъ на его предложеніе, послѣ чего онъ заблагоразсудилъ удалиться. Перемиріе было заключено въ деревнѣ Деулинѣ, въ трехъ верстахъ отъ Троицы, срокомъ на 14 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ. Смоленскъ и часть Сѣверской области остались за Польшею.

1-го Іюня, на рѣчкѣ Поляновкѣ, произошелъ обмѣнъ плѣнныхъ. Митрополитъ Филаретъ былъ обмѣненъ на Струся. Вмѣстѣ съ нимъ получилъ свободу бояринъ Шеинъ и Томила Юдичъ Луговскій, бывшій думнымъ дьякомъ при посольствѣ Филарета Никитича и Василья Васильевича Голицына. Этотъ послѣдній не дожилъ до дня размѣна плѣнныхъ: онъ умеръ въ Вильнѣ, и былъ похороненъ въ церкви Св. Духа. Позднѣе, впрочемъ, тѣло его было перенесено на родину.

14-го Іюня митрополитъ Филаретъ прибылъ въ Москву. Царь встрѣтилъ его, по народному преданію, не доѣзжая рѣчки Прѣсни, и по-

клонился ему въ ноги. То же сдѣлалъ и Филаретъ Никитичъ. Послѣ первыхъ привѣтствій, Филаретъ Никитичъ поѣхалъ въ Кремль, а царь шелъ передъ нимъ пѣшкомъ. Сзади шли Шеинъ, Луговскій и другіе получившіе свободу. За каменнымъ Бѣлымъ-городомъ, у Никитскихъ воротъ, Филаретъ Никитичъ былъ встрѣченъ духовенствомъ съ крестнымъ ходомъ и боярами. Наконецъ на Красной площади, у Спасскихъ воротъ, онъ былъ встрѣченъ знатнѣйшимъ духовенствомъ и народомъ.

Въ память свиданія своего съ отцемъ, царь Михаилъ Ѳеодоровичъ построилъ церковь пророка Елисея, теперь не существующую, близъ церкви Успенія на Овражкахъ, на мѣстѣ, гдѣ теперь Титовскія бани. Она построена была въ 1620 г., сначала была деревянная, черезъ 9 лѣтъ сгорѣла, въ 1629 г. построена каменная, и упразднена уже послѣ 1812 г.

Въ день пріѣзда Филарета Никитича, царь сдѣлалъ большое празднество во дворцѣ, и велѣлъ освободить бывшихъ въ опалѣ, сосланныхъ по городамъ, и заключенныхъ въ темницахъ.

24-го Іюня Филаретъ былъ посвященъ Іерусалимскимъ патріархомъ Теофаномъ, пріѣхавшимъ въ Москву за сборомъ пожертвованій, — въ санъ патріарха.

ГЛАВА XXIII.

Двоевластіе.—Война съ Польшею.—Смерть Филарета Никитича.—Казнь Шеина.—Перенесеніе тѣла царя Василя Ивановича Шуйскаго изъ Польши въ Москву.—Кончина Михаила Ѳеодоровича.—Пожары и средства, какія употреблялись противъ нихъ.—Построеніе и освященіе Казанскаго собора.—Выписка изъ Олелія о Москвѣ.—Нравы Москвичей и ихъ забавы.

1619—1645.

Первымъ дѣломъ патріарха Филарета Никитича было освобожденіе отъ оковъ знаменитаго архимандрита Троицкаго монастыря, Діонисія. Еще въ 1616 г. царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, возстановивъ разрушенный пожаромъ печатный дворъ, и желая приступить къ печатанію книгъ, поручилъ ему вмѣстѣ съ канонархистомъ Арсеніемъ, попомъ Иваномъ и другими лицами, — исправленіе книги Потребника. Книга эта употреблялась въ Москвѣ и другихъ русскихъ городахъ въ различныхъ переводахъ, и текстъ ея сильно пострадалъ отъ невѣжественныхъ переписчиковъ.

Діонисій ревностно принялся за дѣло. Онъ собралъ огромное число Потребниковъ, сличалъ ихъ между собою и съ греческими подлинниками, и, только послѣ тщательныхъ изысканій, дѣлалъ поправки. Между прочимъ онъ вычеркнулъ въ молитвѣ при водоосвященіи слова: «и огнемъ». Патріарха въ это время не было въ Москвѣ, ждали пріѣзда

Филарета Никитича, а пока дѣлами патріаршества управлялъ Крутицкій митрополитъ Иона. Ему донесли на Діонисія, что онъ еретичествуетъ. Иона выписалъ Діонисія и товарищей его въ Москву, четыре дня сряду приводилъ къ допросу, призналъ его еретикомъ и отдалъ подъ стражу. Архимандрита подвергали разнымъ истязаніямъ, приводили на патріаршій дворъ въ цѣпяхъ, и держали тутъ цѣлыми днями, не давая ему ни пить, ни ѣсть. Въ народѣ распространили слухъ, будто Діонисій хотѣлъ вывести огонь изъ міра, и народъ кидалъ въ него грязью и издѣвался надъ нимъ. Его присудили къ ссылкѣ въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь, но пока дороги туда были еще заняты непріятельскими войсками, его содержали въ Новоспасскомъ монастырѣ, заставляя бить по тысячѣ поклоновъ въ день, и подвергая разнымъ истязаніямъ. Но все это святой отецъ переносилъ съ кротостію и смиреніемъ.

Когда Филаретъ Никитичъ вернулся изъ плѣна и былъ посвященъ въ патріархи, онъ прежде всего занялся дѣломъ Діонисія. Онъ спросилъ у Іерусалимскаго патріарха Теофана, есть ли въ греческихъ книгахъ прибавка: и огнемъ? Теофанъ отвѣчалъ, что ея нѣтъ, и быть не должно. Филаретъ Никитичъ созвалъ соборъ, на которомъ Діонисій въ теченіе болѣе чѣмъ восьми часовъ отстаивалъ свои мнѣнія, послѣ чего былъ оправданъ и возвращенъ снова архимандритомъ въ Троицкую лавру. Сподвижнику Діонисія, Арсенію Глухому, Филаретъ поручилъ нѣсколько позднѣе завѣдываніе вновь основаннымъ имъ Греко-Латинскимъ училищемъ, при Чудовомъ монастырѣ.

Дѣло книгопечатанія въ типографіи на Никольской улицѣ было доведено при Михаилѣ Ѳедоровичѣ до такого совершенства, что иностранцы не находили разницы въ ея произведеніяхъ съ своими. Особенно замѣчательны были въ то время типографщики: Василій Ѳедоровъ Бурцевъ, патріаршій дьякъ, сочинитель Славянскаго букваря, и Іоаникита Фофоновъ Псковитянинъ.

Филаретъ Никитичъ занялся не одними только духовными дѣлами, но принялъ дѣятельное участіе въ общемъ государственномъ управленіи. Рядомъ съ трономъ царя Михаила Ѳедоровича былъ поставленъ тронъ для патріарха Филарета Никитича, и всѣ дѣла докладывались имъ обоимъ, и рѣшались ими сообща. Государственныя грамоты подписывались ими слѣдующимъ образомъ: «Государь царь и великій князь Михаилъ Ѳедоровичъ всея Русіи и великій государь святѣйшіи патріархъ Филаретъ Никитичъ Московскій и всея Русіи».

Миръ съ Польшею продолжался недолго. Правительство польское не признавало царемъ Михаила Ѳедоровича, и Владиславъ продолжалъ носить титулъ Московскаго царя. Кромѣ того, Польша владѣла по Деулинскому договору Смоленскъ и другими русскими городами, на что русское правительство было вынуждено согласиться, но къ чему оно не могло относиться равнодушно. Въ 1621 г. въ Москву пріѣхалъ

посланникъ отъ Турецкаго султана Османа, который извѣщалъ, что идетъ войною на Польшу, и предлагалъ Московскому царю поддержать его. Царь и патріархъ изъявили готовность прервать перемиріе съ Польшею и поддержать султана. Но Османъ помирился съ Польшею, и война между ними не состоялась. Тогда и Московское правительство принуждено было ждать болѣе удобнаго времени для начатія войны. Между тѣмъ, оно обратило особенное вниманіе на обученіе русскаго войска иностранному строю. Въ Швецію были отправлены полковникъ русской службы, рыцарь Александръ Лесли, для найма 5,000 пѣхотнаго войска и стольникъ Племянниковъ для закупки оружія.

Въ 1632 году умеръ король Польскій, Сигизмундъ, и Московское правительство воспользовалось междуцарствіемъ въ Польшѣ, чтобы начать войну съ нею.

Русскія войска имѣли вначалѣ большой успѣхъ. Дорогобужъ и другіе города сдались имъ безъ большаго сопротивленія. Тогда Шеину велѣно было идти подъ Смоленскъ. Но на этотъ разъ доблестный герой потерпѣлъ неудачу. Послѣ 8-ми мѣсячной осады, когда городъ готовъ уже былъ сдаться, на выручку къ нему пришелъ Владиславъ, избранный въ короли Польши и Литвы. Онъ прибѣгнулъ къ хитрости, которая ему удалась. Чтобы отвлечь силы осаждающихъ, Владиславъ далъ разрѣшеніе казакамъ, служившимъ у него, вторгнуться въ Московскіе предѣлы и возбудилъ еще Крымскихъ Татаръ къ разоренію Московской Украины. Вслѣдствіе этого, многіе ратные люди, имѣвшіе вотчины въ разоряемыхъ мѣстахъ, отбѣжали отъ войска. Дѣла осаждавшихъ пошли хуже и хуже, и наконецъ Шеинъ принужденъ былъ сдаться, оставивъ Полякамъ весь свой обозъ и артиллерію, и преклонивъ знамена предъ королемъ Владиславомъ. Въ Москвѣ сочли поступокъ Шеина за измѣну съ его стороны, и, тотчасъ по возвращеніи его въ Москву, ему отрубили голову, такъ же какъ и второму воеводѣ, Измайлову. Въ этомъ случаѣ, на царя повліяли, вѣроятно, враги Шеина, которыхъ онъ имѣлъ много, потому что былъ чрезвычайно гордъ и заносчивъ. Передъ выступленіемъ своимъ въ походъ, онъ громко хвалился на прощальной аудіенціи у государя своею прежнею службою, которую онъ несъ, по его словамъ въ то время, когда «другіе бояре по запечью сидѣли и сыскать ихъ было нельзя». Единственнаго человѣка, который могъ бы защитить Шеина, Филарета Никитича, теперь не было въ живыхъ: онъ умеръ незадолго передъ тѣмъ, 1-го Октября 1633 г.

Отстоявъ Смоленскъ, Владиславъ двинулся къ крѣпости Бѣлой, но тамъ потерпѣлъ сильную неудачу. Вслѣдствіе этого, паны вступили въ переговоры о мирѣ, который и былъ заключенъ на рѣкѣ Поляновкѣ. Владиславъ отказался отъ своихъ правъ на Московскій престолъ, но Смоленскъ остался по прежнему во владѣніи Польши, и, кромѣ того, Русскіе должны были заплатить Польшѣ 20.000 рублей.

По окончаніи переговоровъ и подписаніи мира, русскіе послы заявили королю желаніе царя Михаила Ѳеодоровича, чтобы въ Москву отпущены были тѣла умершихъ въ плѣну, — царя Василя Шуйскаго и брата его, Дмитрія. съ женою. Король далъ свое согласіе, и тѣла были вынуты съ почестью изъ мѣста погребенія, и перевезены въ Москву. Сюда они прибыли 10-го Іюня. Народъ вышелъ за Дорогомилловскую заставу, на встрѣчу тѣла царя Василя. Его несли на головахъ дѣти боярскіе вплоть до церкви Николы Явленнаго на Арбатѣ. Позади шло духовенство. Отсюда понесли его дворяне Московскіе на плечахъ. Патріархъ Іоасафъ, заступившій мѣсто Филарета Никитича, встрѣтилъ тѣло у деревянной церкви Николы Зарайскаго у Каменнаго моста, теперь не существующей, и, отслуживъ литію, пошелъ за нимъ. Тѣло внесли въ Кремль чрезъ Ризположенскія ворота, и когда проходили мимо двора царя Бориса, то зазвонили во всѣ колокола. Царь встрѣтилъ его у Успенскаго собора въ сопровожденіи бояръ и думныхъ и ближнихъ людей, — всѣ были въ смирномъ платьѣ, или траурѣ. Тѣло было внесено въ Архангельскій соборъ чрезъ переднія двери отъ казеннаго двора, и здѣсь отслужена большая панихида. Погребеніе же было совершено на слѣдующій день.

Не смотря на вѣчный миръ съ Польшею, между обоими правительствами еще долгое время являлись различныя недоразумѣнія и жалобы вслѣдствіе проведенія новыхъ границъ, и еще вслѣдствіе того, что пограничныя польскіе воеводы не выписывали вполне титула Московскаго царя. Тѣмъ не менѣе, до открытой вражды дѣло уже не доходило въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича.

30-го Іюля 1637 г. въ Москву пришла вѣсть, что казаки взяли Азовъ. Чтобы избѣжать ссоры съ Турціею, царь поспѣшилъ отправить пословъ къ Турецкому султану съ объясненіемъ, что Азовъ взятъ безъ его вѣдома, и что казаки извѣстны уже съ давнихъ поръ своимъ своеволіемъ, и царскихъ приказаній не слушаютъ. Султанъ хотѣлъ наказать казаковъ, но былъ занятъ въ это время войною съ Персіею и потому медлилъ походомъ подъ Азовъ. Въ 1640 году онъ умеръ, и только наслѣдникъ его, Ибрагимъ I, выслалъ въ 1641 г. 240,000 войска противъ Азова. Казаки засѣли въ городѣ въ числѣ 5,367 мужчинъ, и 800 женщинъ, которыя не отставали въ отвагѣ отъ своихъ мужей, отцевъ и братьевъ. Послѣ 24 неудачныхъ приступовъ, Турки удалились, потерявъ 20,000 ч. войска.

Казаки прислали сказать въ Москву о своей побѣдѣ, но въ то же время просили царя принять отъ нихъ Азовъ, потому что они не въ силахъ его долѣ защищать. Царь послалъ казакамъ денежную помощь, и велѣлъ своему посланному подробно осямотрѣть, въ какомъ положеніи находится Азовъ? Между тѣмъ, онъ созвалъ соборъ, чтобы рѣшить, принимать ли Азовъ отъ казаковъ или нѣтъ? Мнѣнія на со-

борѣ раздѣлились: говорили и за, и противъ принятія. Но царь, получивъ извѣстіе, что Азовъ настолько разоренъ, что защищать его было бы мудрено въ такомъ видѣ, а укрѣпить требовало бы времени и большихъ издержекъ, послалъ сказать казакамъ, чтобы они оставили Азовъ. Казаки разрушили его окончательно, и вышли оттуда. На этотъ разъ миръ между Москвою и Турціей не былъ нарушенъ.

Михаилъ Ѳеодоровичъ былъ женатъ два раза. Первая супруга его, Долгорукая, умерла въ первый же годъ своего супружества, а отъ второй, Евдокіи Лукьяновны Стрѣшневой, онъ имѣлъ нѣсколько дѣтей, и сына, Алексѣя.

Въ Генварѣ 1644 года въ Москву прибылъ, по приглашенію царя Михаила Ѳеодоровича, датскій королевичъ Вольдемаръ, въ качествѣ жениха старшей дочери царя, Ирины Михайловны. Онъ былъ принятъ съ большимъ почетомъ, но вскорѣ добрымъ отношеніямъ къ нему суждено было перемѣниться. Царь хотѣлъ, чтобы королевичъ, прежде вступленія въ бракъ, принялъ православіе, а королевичъ не соглашался на это и просилъ, чтобы его лучше отпустили обратно. Но такъ какъ королевичъ былъ принятъ съ самаго начала, какъ женихъ, то отпустить его обратно считалось неловкимъ. 9-го Мая королевичъ хотѣлъ силою вырваться изъ Москвы, вышелъ изъ дому въ третьемъ часу ночи, съ пятнадцатью провожатыми, и дошелъ до Тверскихъ воротъ. Но тутъ его остановили, и послѣ тщетнаго сопротивленія съ оружіемъ въ рукахъ, королевичъ принужденъ былъ вернуться. Послѣ этого онъ оставался еще нѣсколько времени въ Москвѣ, и отпущенъ былъ обратно уже при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, послѣ кончины Михаила Ѳеодоровича.

Неудачное сватовство старшей дочери повліяло на здоровье царя. Оно уже и прежде того было надорвано смертью двухъ его сыновей, умершихъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ (1639 г.). Теперь же царь видимо сталъ слабѣть. 12-го Іюля 1645 г., въ день своихъ именинъ, онъ пошелъ къ заутрени, но въ церкви съ нимъ сдѣлалось дурно и его принесли на рукахъ во дворецъ. Къ вечеру царю стало хуже. Онъ позвалъ царицу и шестнадцатилѣтняго сына, Алексѣя Михайловича, простился съ ними и благословилъ сына на царство, поручивъ его боярину Морозову. Исповѣдавшись и причастившись Св. Таинъ, въ третьемъ часу ночи онъ скончался.

Въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича Москва два раза подвергалась сильнымъ пожарамъ. Въ 1626 г. пожаръ начался въ Китай-городѣ, на Варварскомъ крестцѣ, затѣмъ загорѣлись ряды и Покровский соборъ, откуда огонь перекинуло въ Кремль. Здѣсь пострадали Чудовъ и Вознесенскій монастыри, государевъ и патріаршій дворы и приказы.

Другой пожаръ былъ въ 1629 году, начался въ Чертольѣ *), распространился по Тверской улицѣ и по слободамъ за Бѣлымъ-городомъ, выгорѣла Неглинная, Покровка и др. мѣста.

Послѣ этихъ двухъ большихъ пожаровъ бывали часто меньшіе. Иностраннй писатель Олеарій рассказываетъ, что, во время его пребыванія въ Москвѣ, случалось такъ, что ночью онъ видѣлъ огонь въ 3-хъ или 4-хъ мѣстахъ въ одно время. Онъ думаетъ, что распространенію пожаровъ много способствовало то, что крыши на домахъ дѣлались въ Москвѣ изъ тесу, поверхъ котораго настилалась береста.

Правительство принимало дѣятельныя мѣры для предупрежденія пожаровъ. На большихъ улицахъ были вырыты по приказанію царя колодцы, по одному на десять дворовъ, были заготовлены на средства изъ государевой казны телѣги и бочки, и каждую ночь назначалось по 20 извозчиковъ, которые должны были быть наготовѣ, на случай пожара.

Олеарій упоминаетъ еще другой способъ гашенія пожара. Онъ говорить, что стрѣльцы и особая стража не тушатъ огня водою, но прекращаютъ распространеніе его тѣмъ, что ломаютъ близъ стоящаго строенія, для того чтобы огонь, потерявъ свою силу, потухъ самъ собою. Для этой цѣли каждый солдатъ и ночной сторожъ долженъ носить при себѣ топоръ. Въ каменныхъ палаткахъ и подвалахъ для предохраненія отъ сосѣдняго пожара, дѣлаются маленькія окна, которыя въ подобныхъ случаяхъ закрываются ставнями изъ листоваго желѣза.

Впрочемъ, какъ скоро выгорали Московскія улицы, такъ же скоро онѣ и застроивались, какъ пишутъ современники. Въ Москвѣ былъ особый рынокъ, за Бѣлой стѣной, гдѣ можно было купить домъ, совершенно готовый, разобрать его, перевезти на любое мѣсто, и выстроить снова въ два дня: всѣ бревна были заготовлены и пригнаны другъ къ другу, такъ что ихъ оставалось только сложить на новомъ мѣстѣ и проконопатить.

Въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича былъ построенъ княземъ Дм. Мих. Пожарскимъ Казанскій соборъ на углу Красной площади и Никольской. Соборъ былъ названъ Казанскимъ въ честь чудотворной иконы Казанской Божіей Матери, сопутствовавшей русскимъ войскамъ во всѣхъ ихъ битвахъ съ Поляками, и внесенной во главѣ воинства въ освобожденную Москву. Соборъ былъ торжественно освященъ всероссійскимъ патриархомъ въ 1633 году, и съ тѣхъ поръ по указу царскаго величества и съ благословенія святѣйшаго патриарха ежегодно совершаются въ него крестные ходы 8-го Іюля и 22-го Октября. Въ простомъ народѣ есть преданіе, что чудотворная икона находится не въ

*) Нынѣ Пречистенскія ворота: они переименованы такъ по указу царя Алексея Михайловича.

самомъ соборѣ, а посреди креста надъ колокольней. Преданіе это говоритъ, что св. икону нѣсколько разъ вносили въ соборъ, но она всякій разъ снова являлась на крестѣ колокольни.

Около этого же времени былъ построенъ царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ соборъ Всемиловитаго Спаса, на сѣняхъ, извѣстный подъ именемъ Спаса за золотой рѣшеткой, въ которомъ находится древняя икона Всемиловитаго Спаса привезенная, по преданію, царевною Софією Ѳомишиною. Въ церкви Спаса за золотой рѣшеткой говѣли и причащались цари и царицы, начиная отъ Михаила Ѳедоровича и до Петра I, были крещены ихъ дѣти, и совершалось молебствіе въ день совершеннолѣтія царевичей, когда они объявлялись наслѣдниками престола. Отъ этого храма лѣстница вела на такъ называемую боярскую площадку, существующую донинѣ, хотя теперь она уже значительно меньше, чѣмъ была встарину, потому что часть ея отошла подъ Владимірскую залу дворца. Бояре сходили съ лошадей, или начиная съ XVII в. выходили изъ каретъ и рыдвановъ, не доѣзжая до царскаго дворца и шли пѣшкомъ во дворецъ. На боярской площадкѣ они останавливались для отдыха и для совѣщаній между собою, прежде чѣмъ предстать предъ царскія очи. На этой же площадкѣ объявлялось боярство окольными и читались царскіе указы. Здѣсь же государь жаловалъ имянинными пирогами боярѣ, окольныхъ, думныхъ и ближнихъ людей.

Первоначальное построеніе церкви Николая Явленнаго относятъ также къ царствованію Михаила Ѳедоровича. Но церковь эта была сломана до основанія въ 1846 г., и на ея мѣстѣ воздвигнута нынѣ существующая. Отъ старой постройки осталась только колокольня съ верхомъ на подобіе шапки большаго наряда, и два колокола: одинъ вылитый при Филаретѣ Никитичѣ, 1643 г., а другой въ правительстве Софьи. Находящаяся въ ней икона Николая чудотворца прославилась чудотвореніями со временъ Михаила Ѳедоровича и Алексѣя Михайловича. Вся Москва стекалась въ то время сюда на молебны, и св. икона, подававшая вѣрующимъ многія исцѣленія, получила въ народѣ именованіе новой прощи, т. е. новой исцѣлительницы, въ отличіе отъ старой прощи, также явленной иконы св. Николая въ ц. близъ Москворѣцкаго моста, извѣстной съ XVII в. подъ названіемъ «у Всевятскихъ воротъ, что въ Башмаковѣ», по фамиліи строителя, Башмакова. Въ настоящее время она извѣстна подъ именемъ ц. Похвалы Богородицы, или Николая Башмачекъ. Княземъ Дмитріемъ Трубецкимъ была выстроена около этого же времени ц. Знаменія на Арбатѣ, нынѣшней Знаменкѣ.

Дворъ Романовыхъ на Варваркѣ былъ обращенъ при Михаилѣ Ѳедоровичѣ въ Знаменскій мужской монастырь, существующій понинѣ, а возлѣ него были возобновлены уже въ 1858 году палаты боярѣ Романовыхъ, мѣсторожденіе царя Михаила Ѳедоровича. Дворъ Рома-

новыхъ стоялъ здѣсь при Иванѣ Грозномъ, когда онъ женился на Анастасіи Романовнѣ Юрьевой-Романовой, а можетъ быть существовалъ даже и прежде того. При немъ была деревянная церковь Знаменія Божьей Матери. По сосѣдству съ этимъ дворомъ стояло Англійское подворье, пожалованное Англійской компаніи царемъ Иваномъ IV. Дѣдъ Михаила Ѳедоровича, Никита Романовичъ, находился въ близкихъ сношеніяхъ съ Англичанами подворья, и одинъ изъ прикащиковъ подворья давалъ уроки Латинскаго языка Ѳедору Никитичу, отцу царя Михаила Ѳедоровича. Въ 1611 году, когда весь Китай-городъ былъ преданъ Поляками огню, сгорѣли и всѣ деревянныя зданія на Романовомъ дворѣ, но уцѣлѣла боярская каменная палата, современная рожденію Михаила Ѳедоровича, о возобновленіи которой упомянуто выше. Съ воцаренія Михаила Ѳедоровича дворъ бояръ Романовыхъ сталъ называться Старымъ государевымъ дворомъ.

Въ началѣ царствованія Михаила Ѳедоровича въ старомъ Кремлевскомъ дворцѣ были устроены потѣшныя хоромы или палаты, надъ которыми впоследствии были надстроены покои теремнаго дворца. Въ этихъ палатахъ производилась въ присутствіи царя и его приближенныхъ всякая смѣхотворная хитрость скоморохами. Они давали небольшія, сочиненныя ими театральныя пьесы и кукольныя комедіи, которыя, по замѣчанію Олеарія, были издавна обычнымъ народнымъ увеселеніемъ въ Москвѣ. Русскіе комедіанты ходили по улицамъ съ подвижными театрами и представляли посредствомъ куколъ различныя шутки. Для этого они закрывались кругомъ холстомъ, а надъ головами своими заставляли куколъ выдѣлывать разные фарсы. Въ потѣшной палатѣ хранилась разная потѣшная рухлядь, костюмы, музыкальныя стременты (инструменты) цимбалы и органы. При этихъ палатахъ находились бахари — сказочники, домрачей — пѣсельники (домра — струнный инструментъ, на которомъ играли пальцами какъ на гитарѣ). При Мих. Ѳед. извѣстны были бахари: Климъ Орефинъ, Петръ Салоговъ, Богданъ Путята: послѣдній былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и домрачей, т. е. пѣсельникъ. Кромѣ того при палатѣ находились шуты, гусельники и скрипотчики. Гусельникъ Любимъ Ивановъ получалъ жалованья въ годъ 16 р. 38 к. и полный нарядъ платья, что по тому времени составляло значительную сумму. Органы и цимбалы составляли необходимую принадлежность потѣшной палаты, и при нихъ находились игроки: Томила Михайловъ Бѣсовъ, Мелентій Степановъ и Андрей Андреевъ. Во время свадьбы Мих. Ѳед., государя тѣшили скрипотчики: Богдашка Окагьевъ, Ивашка Ивановъ, Овашка, да новокрещенный нѣмчинъ Арманка. Въ 1630 г. часовыхъ дѣлъ мастера Голландцы: Ансъ Лунъ и Мелхартъ Лунъ привезли въ Москву органъ, въ которомъ они устроили соловья и кукушку, пѣвшихъ своими естественными голосами. Органъ этотъ былъ украшенъ рѣзьбой, разцвѣченъ золотомъ и разными красками, и купленъ Михаи-

Видъ Двора Царскаго при Мнхилѣ Федоровичѣ, въ началѣ ХVII вѣка.

ломъ Ѳед. за 2676 р. да кромѣ того онъ давалъ этимъ Голландцамъ за игру ихъ на органѣ два раза по 40 соболей и угощеніе. Луну поручено было выучить нашихъ мастеровъ дѣлать органы, и черезъ семь лѣтъ они стали дѣлать ихъ уже настолько удовлетворительно, что «стременты» ихъ сдѣлались съ тѣхъ поръ обыкновенной потѣхой въ Москвѣ, и посылались въ подарокъ иноземнымъ восточнымъ государямъ. Такъ посланъ былъ органъ московской работы Персидскому шаху.

Любимымъ увеселеніемъ царскимъ и общенароднымъ была травля медвѣдей, которые по царскому указу привозились изъ Мезени, Галича и другихъ мѣстъ, и помѣщались на псаренномъ дворѣ на старомъ Ваганьковѣ, гдѣ теперь Румянцевскій музей, и новомъ Ваганьковѣ, на Трехъ Горахъ. Медвѣжья потѣха раздѣлялась на три отдѣленія: травля медвѣдей, медвѣжій бой и медвѣжьи представленія, при участіи поводчика и ряженой козы. Эти потѣхи устраивались во всякое время года по желанію государя въ Кремлѣ, на нижнемъ или заднемъ государевомъ дворѣ, подъ горой. Для всенароднаго увеселенія такія потѣхи устраивались въ субботу на масляницѣ, на Москвѣ-рѣкѣ. Однажды, по разсказу иностранца Рейтенфельса, травили на рѣкѣ собаками бѣлыхъ самоѣдскихъ мѣдвѣдей. Эта травля очень забавляла народъ, такъ какъ медвѣди и собаки не могли крѣпко держаться на ногахъ, и падали на скользкомъ льду. Кромѣ травли медвѣдей собаками, весьма часто происходили бои псарей съ самыми свирѣпыми медвѣдями, оканчивавшіеся нерѣдко для первыхъ весьма плачевно: они не только получали опасныя раны, но и поплачивались жизнью. Между царскими псарями особенно отличался Алексѣй Меркулъевъ, который ходилъ въ бой на медвѣдей въ теченіи двадцати лѣтъ. Кромѣ медвѣжьей, была еще львиная потѣха. Въ первый разъ львы привезены были въ Москву при Ѳедорѣ Ивановичѣ, и для нихъ былъ устроенъ Львиный дворъ у Воскресенскихъ воротъ, тамъ, гдѣ въ недавнее время была долговая тюрьма, такъ называемая Яма, въ зданіи Присутственныхъ мѣстъ. При Мих. Ѳед. какой-то Рязанецъ, Гришка Ивановъ, привезъ въ Москву изъ Персіи льва, котораго для царской потѣхи возили на псаренный дворъ, на бой съ медвѣдями. Вслѣдъ за львами были приведены слоны, и помѣщены въ селѣ Рубцовѣ (на Покровкѣ), гдѣ они тѣшили государя и его семью.

Царь Михаилъ Ѳедоровичъ охотно принималъ въ свою службу иностранцевъ, отъ которыхъ народъ могъ заняться просвѣщеніемъ, и научиться разнымъ искусствамъ и ремесламъ. Въ 1634 году и затѣмъ въ 1636 г. въ Москву пріѣзжалъ извѣстный Голштинскій ученый, Адамъ Олеарій, который оставилъ интересное описаніе своихъ путешествій и пребыванія въ Москвѣ. Царь Михаилъ Ѳедоровичъ, слышанный объ учености Олеарія, предлагалъ ему поступить къ себѣ на службу, но Олеарій отклонилъ это предложеніе изъ опасенія, какъ онъ

говорилъ, чтобы его занятія астрономіей и др. науками не навлекли на него въ Москвѣ подозрѣнія въ чародѣйствѣ. Вотъ краткое извлеченіе изъ того, что Олеарій писалъ о Москвѣ:

Улицы въ этомъ городѣ довольно широки, но осенью въ дождливую погоду очень грязны, вслѣдствіе чего главныя изъ нихъ выложены деревянной мостовой, состоящей изъ положенныхъ одно подлѣ другаго бревенъ, по которымъ ходятъ и ѣздятъ какъ по мосту. Москвичи дѣлятъ свой городъ на четыре части: Китай-городъ, обведенный толстой красной каменной стѣной; Бѣлый-городъ, окруженный также крѣпкой каменной стѣной, называемой бѣлой стѣной; Скородомъ, простирающійся на сѣверъ, востокъ и западъ отъ Бѣлаго-города, и Стрѣлецкая слобода, лежащая въ южной части, за Москвой-рѣкой, въ сторону къ Татарской землѣ. Она окружена заборами на подобіе частокола или изгороди изъ кольевъ, съ деревянными башнями.

Большую часть Китай-города занимаетъ Кремль, обведенный тройной толстой каменной стѣной и глубокимъ рвомъ. Внутри этихъ стѣнъ находится много богатыхъ каменныхъ зданій, палатъ и церквей, занимаемыхъ и посѣщаемыхъ великимъ княземъ, патриархомъ, важнѣйшими государственными совѣтниками и боярами. Царь Михаилъ Федоровичъ выстроилъ великолѣпнѣйшій дворецъ и каменныя палаты въ итальянскомъ вкусѣ для своего сына, но самъ жилъ ради здоровья въ деревянномъ дворцѣ. Патриархъ тоже выстроилъ для своего помѣщенія великолѣпный дворецъ, который немногимъ хуже великокняжескаго.

Въ Кремлѣ два монастыря, мужской и женскій, и до 50 церквей, главы которыхъ покрыты гладкой крѣпко вызолоченой жестию, которая при солнечномъ свѣтѣ ярко блеститъ и тѣмъ придаетъ всему городу великолѣпный видъ. На самой срединѣ Кремлевской площади стоитъ чрезвычайно высокая колокольня со множествомъ колоколовъ, называемая Иванъ Великій, глава которой тоже обита золоченой жестию. Рядомъ съ нею стоитъ другая колокольня, на которой помѣщается самый большой колоколъ, вылитый при Борисѣ Годуновѣ. Въ этотъ колоколъ звонятъ только въ большіе праздники, а также при встрѣчѣ великихъ пословъ и при шествіи ихъ на торжественное представленіе. Для звона въ этотъ колоколъ употребляются 24 человекъ, и даже болѣе, которые стоятъ на площади внизу, и, ухватившись за небольшія веревки, привязанныя къ двумъ длиннымъ канатамъ, висящимъ по обѣимъ сторонамъ колокольни, звонятъ такимъ образомъ поочередно то съ одной, то съ другой стороны, наблюдая большую осторожность, чтобы не произвести сотрясенія колокольни, отчего она могла бы разрушиться. Для той же цѣли на верху, у самага колокола стоятъ нѣсколько человекъ, которые помогаютъ приводить въ движеніе языкъ колокола. Въ Кремлѣ же находятся великокняжескія казнохранилища и продовольственные и пороховые дома.

Передъ Кремлемъ, все еще въ стѣнахъ Китай-города, недалеко отъ церкви Василія Блаженнаго, находится самый большой и лучший рынокъ, полный по цѣлымъ днямъ торговцевъ мужчинъ и женщинъ. На рынокѣ и въ сосѣднихъ съ нимъ улицахъ устроены мѣста и лавки для всякаго рода товаровъ. Продавцы шелковыхъ и суконныхъ товаровъ, золотыхъ дѣлъ мастера, сѣдельники, сапожники, портные, скорняки, шапочники и др. все имѣютъ свои особыя улицы, въ которыхъ и торгуютъ своими товарами. Въ улицѣ, идущей направо отъ Кремля, находится ихъ иконный рядъ, гдѣ исключительно вымѣниваются (продаются) писанные образа.

Дальше направо находится особая площадка, на которой Москвитяне во время хорошей погоды сидятъ подъ открытымъ небомъ, брѣются и стригутся. Рынокъ этотъ, называемый ими Вшивый, до такой степени устланъ толстымъ слоємъ волосъ, что ходишь по немъ точно по подушкѣ. Въ этой части города живутъ также лучшіе и знатнѣйшіе гости или купцы, а равно и нѣкоторые изъ Московскихъ князей.

Въ *Бѣломъ городѣ* живутъ бояре, князья, боярскіе дѣти и важнѣйшіе граждане и купцы, а также и всякаго рода промышленники, преимущественно же хлѣбники. Тутъ же находятся сѣмянные и мучныя лавки, мясная, скотный рынокъ, кабакъ съ продажею пива, меда и водки, и конюшни великаго князя, а равно и Монетный или Литейный дворъ, стоящій при рѣчкѣ Неглинной, на которомъ выливалось множество пушекъ и большихъ колоколовъ.

Третья часть Москвы, *Скородомъ*, имѣла до сожженія ея Поляками 25 верстъ въ окружности. По ней протекаетъ Яуза, и впадаетъ въ Москву. Въ этой части города находится рынокъ, на которомъ продаются готовые дома.

Четвертая часть, *Стрѣлецкая Слобода*, была построена отцемъ Ивана Грознаго для иноземныхъ воиновъ. Но позднѣе въ ней жили стрѣльцы, состоящіе на службѣ великокняжеской, и черный народъ.

Внутри и внѣ стѣнъ города Москвы находится до 2,000 церквей, монастырей и часовенъ. Это происходитъ оттого, что каждый большой бояринъ строить себѣ свою часовню, содержать на свой счетъ священника, и одинъ съ домочадцами своими слушаетъ у себя божественную службу. По приказанію теперешняго патріарха, большая часть деревянныхъ часовенъ сломана, вслѣдствіе часто случающихся пожаровъ, и выстроены каменные; но онѣ небольшія и нѣкоторыя изъ нихъ внутри не выше 15 футовъ. Каменные церкви имѣютъ обыкновенно 5 бѣлыхъ куполовъ, на вершинахъ которыхъ водружены тройные кресты.

Въ Москвѣ есть превосходныя фруктовыя деревья, — яблоки, груши, вишни, сливы и смородина. Между прочими хорошими сортами яблоковъ есть одинъ такой нѣжный и бѣлый, что если такое яблоко держать на свѣтъ противъ солнца, то внутри его можно видѣть зерна.

Эти яблоки, по причинѣ своей чрезвычайной нѣжности, не могутъ долго сохраняться. Москвичи разводятъ также различныя овощи, какъ-то: спаржу, которая бываетъ въ палець толщиною, хорошіе огурцы, лукъ и чеснокъ въ огромномъ количествѣ, и дыни, которыя у нихъ чрезвычайно сладки и вкусны, достигаютъ громадныхъ размѣровъ и вѣсятъ иногда по цѣлому пуду одна штука.

По приказанію царя Михаила Ѳеодоровича въ Москвѣ былъ устроенъ для него садъ, украшенный всевозможными дорогими растеніями и цвѣтами. Знатный купецъ Петръ Марцелій впервые привезъ въ Москву для этого сада махровую розу изъ Готторпскаго герцогскаго сада.

Къ этому же времени относится и первоначальный привозъ въ Москву чая, который пили вначалѣ какъ лекарство, и то только знатные люди, и табакъ, къ которому народъ скоро пристрастился. Но куреніе табаку считалось церковью и вообще старыми людьми за дѣло грѣховное, нечистое, къ тому же оно часто дѣлалось, по неосторожности, причиной пожаровъ. Поэтому царь, посовѣтовавшись съ патріархомъ, нашелъ нужнымъ воспретить торговлю табакомъ подѣ страхомъ казни. Ослушникамъ выдергивали ноздри и сѣкли розгами на торгу.

Одежду Москвичей-мущинъ Олеарій описываетъ слѣдующимъ образомъ:

Они носятъ короткія рубашки, съ ластовицами изъ красной тафты подѣ рукавами и снизу по обѣимъ сторонамъ. У богатыхъ воротъ рубашки, разрѣзъ напередѣ и рукава вышиты разноцвѣтными шелками. Воротъ застегивается на двѣ жемчужины, или на серебряныя или золотыя застѣжки. Штаны широкіе, собранные вокругъ стана на тесьмѣ. Сверху они надѣваютъ кафтанъ съ воротникомъ въ $\frac{1}{4}$ локтя, который твердо стоитъ подѣ затылкомъ, и подбитъ бархатомъ, а у знатныхъ парчею. Сверхъ кафтана надѣвается ферязь, или кафтанъ, подбитый ватой, длиною до икръ. Третій кафтанъ они надѣваютъ поверхъ первыхъ двухъ, когда выходятъ со двора. Ферязь и первый кафтанъ шьются изъ полуситца, киндяка, тафты, камки или атласа, смотря по достатку. Верхніе кафтаны преимущественно шьются изъ сукна, голубо-фіолетоваго, темно-коричневаго или темно-зеленаго, а также изъ пестраго атласа или парчи. Назади между плечами дѣлается въ нихъ широкій воротникъ, спереди и по бокамъ разрѣзы, обшитые золотымъ снуркомъ съ длинными кистями, а иногда даже низанные жемчугомъ. Рукава въ этихъ кафтанахъ такой же почти длины какъ и самыя кафтаны, но чрезвычайно узки, и собираются множествомъ складокъ. На головахъ всѣ Москвичи носятъ шапки, князья и бояре изъ черной лисицы или соболя, а простой народъ бѣлыя войлочные лѣтомъ, а зимою суконныя, подбитыя бараньимъ мѣхомъ. На ногахъ носятъ короткіе сапоги съ длинными острыми носками изъ юфти или изъ Персидскаго сафьяну.

Женское платьѣ похоже на мужское, только верхнее у нихъ нѣсколько шире, и нижнихъ кафтановъ и вообще высокихъ воротниковъ онѣ не

носять. Богатыя женщины обшивают свои платья наперед, сверху до низу, позументами и другими золотыми тесьмами, нѣкоторыя окаймляют ихъ снурками и кистями, остальные, наконецъ, разукрашивают ихъ большими серебряными и свинцовыми пуговицами. Рубашки женскія шьются съ длинными рукавами, въ 8, 9 и 10 локтей, которые собираются въ складки. Рукава въ платьяхъ имѣютъ наверху у плечъ отверстія, въ которыя просовываются руки, а рукава остаются висающими. На головахъ женщины носятъ развалистыя, широкія шапки, парчевыя, атласныя или камчатныя, обшитыя золотой каймой, или разукрашенныя золотомъ и жемчугомъ, съ опушкою изъ боброваго мѣха, которая закрываетъ у нихъ болѣе половины лба. Взрослыя дѣвушки носятъ большія лисьи шапки. Женщины, и въ особенности дѣвицы, носятъ башмаки съ весьма высокими, въ четверть локтя, каблуками, подбитыми снизу кругомъ маленькими, красивыми гвоздиками.

Домашнее обзаведеніе у Русскихъ плохо. У большей части хозяевъ найдется 3, 4 глиняныхъ горшка и столько же глиняныхъ или деревянныхъ блюдъ. Рѣдко встрѣишь оловянную, а тѣмъ менѣе серебряную посуду, и то развѣ однѣ чарки для водки или меду. Кромѣ того, Москвичи неряшливы, и потому даже царская оловянная и серебряная посуда, на которой подаются кушанья посланникамъ, бываетъ въ дурномъ видѣ, почернѣвшая и помятая, точно будто посуда та принадлежитъ какой нибудь лѣнливой хозяйкѣ, которая цѣлый годъ, а можетъ быть и никогда, ее не чистила. Кушанья у Москвичей не прихотливыя, и всѣ приправляются чеснокомъ и лукомъ. У простаго народа главнымъ напиткомъ служить квасъ, также пиво, медъ и водка. Знатные господа кромѣ пива пьютъ также Рейнскія и Французскія вина, всякаго рода медъ, и двойную водку. Медъ готовится изъ малины, ежевики, вишенъ и другихъ ягодъ, слѣдующимъ образомъ: ягоды кладутъ въ бочку, наливаютъ чистою водою, и даютъ постоять такъ день или два, пока вода не приметъ вкуса и цвѣта ягодъ. Тогда воду сливаютъ и подслащиваютъ чистымъ очищеннымъ отъ воску медомъ, по одной кружкѣ на двѣ или на три кружки воды. Затѣмъ кладутъ кусочекъ поджаренной булки и небольшое количество дрожжей. Когда медъ начнетъ бродить, то булку вынимаютъ. Броженіе продолжается 4 или 5 дней, и послѣ того бочку выставляютъ на холодъ и дрожжи оттягиваютъ. Нѣкоторые наливаютъ ягоды водкой, и послѣ суточного стоянія, водку сливаютъ съ ягодъ и разводятъ медомъ.

Московскіе ремесленники чрезвычайно способны къ разнымъ ремесламъ и легко перенимаютъ все, что увидятъ у Нѣмцевъ. Особенно отличаются Русскіе золотыхъ дѣлъ мастера, которые дѣлаютъ такъ искусно серебряную посуду съ разными украшеніями, что нисколько не уступаютъ Нѣмцамъ.

Москвичи, какъ высшаго такъ и низшаго сословія, имѣютъ обыкно-

веніе отдыхать въ полдень, послѣ своего обѣда, вслѣдствіе чего большая часть лучшихъ лавокъ запирается на это время, и самые лавочники или мальчики ихъ спятъ передъ дверьми. Въ это время нельзя добиться свиданія ни у бояръ, ни у купцевъ. Москвичи вообще крѣпкаго здоровья, и живутъ до глубокой старости. Если же кто заболѣетъ въ простомъ народѣ, то лучшимъ лекарствомъ считается баня, водка и чеснокъ. Бояре, впрочемъ, начинаютъ уже обращаться къ Нѣмецкимъ врачамъ.

Свадьбы знатныхъ князей, бояръ и дѣтей боярскихъ справляются слѣдующимъ образомъ:

Къ жениху и невѣстѣ приставляются двѣ женщины, называемыя свахами. Сваха невѣсты идетъ въ день свадьбы въ домъ жениха и приготовляетъ тамъ брачную постель. Съ нею идетъ до 100 разодѣтыхъ въ кафтаны слугъ, которые несутъ на головахъ каждый что либо принадлежащее къ брачной постели, или къ украшенію брачнаго покоя. Брачная постель готовится на 40 ржаныхъ снопахъ, положенныхъ рядомъ въ нѣсколько рядовъ: первые снопы кладетъ самъ женихъ. Затѣмъ въ томъ же покоѣ ставится нѣсколько кадокъ или боченковъ съ пшеницей, ячменемъ и овсомъ, чтобы вступающіе въ бракъ жили въ изобиліи и богатствѣ.

Позднимъ вечеромъ женихъ отправляется съ своими друзьями и пріятелями, предшествуемый священникомъ, въ домъ невѣсты. Тамъ онъ садится за столъ, и вслѣдъ затѣмъ вводятъ невѣсту съ закрытымъ лицомъ, великолѣпно разодѣтую, и сажаютъ подлѣ жениха, но чтобы они не могли видѣть другъ друга, между ними протягиваютъ кусокъ тафты, который держатъ два мальчика. Сваха расчесываетъ въ это время волосы невѣсты, заплетаетъ ихъ въ двѣ косы, и надѣваетъ на нее вѣнецъ изъ тонкаго золота или серебра, подбитый матеріей. Около ушей, гдѣ вѣнецъ нѣсколько загибается книзу, привѣшиваются къ нему 4, 6 и болѣе нитокъ крупнаго жемчуга, которыя ниспадаютъ на грудь. Верхній кафтанъ невѣсты плотно унизанъ жемчугомъ, спереди и около рукавовъ, а также и стоячій воротникъ, шириною пальца въ два. Рукава дѣлаются въ два и въ три аршина длиною, и собираются сборками.

Сваха расчесываетъ также волосы и жениху, а женщины между тѣмъ поютъ свадебныя пѣсни. Два молодыхъ человѣка, богато одѣтые, приносятъ на носилкахъ огромной величины сыръ и нѣсколько хлѣбовъ, со всѣхъ сторонъ обвѣшанныхъ соболями. Такіе же хлѣбы приносятся и со стороны невѣсты, и называются каравайниками. Священникъ благословляетъ сыръ и хлѣбы, и ихъ уносятъ въ церковь. Затѣмъ приносятъ большое серебряное блюдо, кладутъ на него четвероугольные кусочки атласу и тафты, столько, чтобы можно было изъ нихъ сшить небольшой кошель, также четвероугольные небольшія пластинки, хмѣль, ячмень и овесъ, все это перемѣшивается на блюдѣ, и самое блюдо ставятъ на полъ. Снова входитъ сваха, покрываетъ не-

вѣсту и изъ блюда посыпаетъ всѣхъ бояръ и прочихъ мужчинъ, которые, если хотятъ, подбираютъ разбросанные свахою кусочки атласу и серебра, а между тѣмъ во все это время поются пѣсни. Наконецъ встаютъ родители жениха и невѣсты, и заставляютъ послѣднихъ обмѣниваться кольцами.

Послѣ всѣхъ этихъ обрядовъ, сваха беретъ невѣсту за руку, усаживаетъ ее въ сани, и, все еще съ закрытымъ лицомъ, везетъ въ церковь. Лошадь, которая везетъ невѣсту, обвѣшивается множествомъ лисьихъ хвостовъ вокругъ шеи и подъ дугою. За невѣстой тотчасъ же отправляется женихъ, верхомъ, сопровождаемый своими друзьями и священникомъ.

Въ церкви полъ покрывается красною тафтою, а на ней настилается еще особый кусокъ этой матеріи, на который становятся женихъ и невѣста. По окончаніи таинства вѣнчанія священникъ даетъ пить брачующимся красное вино изъ деревянной вызолоченной, или стеклянной рюмки, изъ которой они пьютъ каждый по три раза, и затѣмъ женихъ бросаетъ пустую рюмку о полъ, разбиваетъ ее и топчетъ кусочки ея ногами, вмѣстѣ съ невѣстой, приговаривая: «да расточатся такъ, и да потребятся нашими ногами всѣ тѣ, которые вознамѣряются возбудить вражду и ненависть между нами!» Тутъ предстоящія женщины обсыпаютъ новобрачныхъ льянымъ и коноплянымъ сѣменемъ, желаютъ имъ счастья, а нѣкоторыя дергаютъ и тащатъ невѣсту, какъ бы желая отнять ее у жениха, но женихъ и невѣста крѣпко держатся другъ друга. Наконецъ женихъ уводитъ невѣсту изъ церкви къ санямъ, сажаетъ ее, самъ же опять ѣдетъ за нею верхомъ. Около саней молодой несутъ шесть горящихъ восковыхъ свѣчей.

По прибытіи въ домъ жениха, садятся за столъ, ѣдятъ, пьютъ и веселятся. Пиръ и угощенія продолжаются три дня.

Касательно денегъ, употребляемыхъ въ Москвѣ, Олеарій говоритъ слѣдующее:

Царь имѣетъ свои собственныя деньги, которыя чеканятся изъ чистаго серебра, иногда изъ золота, въ 4-хъ городахъ: въ Москвѣ, Новгородѣ, Твери и Псковѣ. На одной сторонѣ этихъ денегъ изображается обыкновенно всадникъ, поражающій копьемъ дракона, — гербъ принадлежавшій прежде Новгороду; на другой сторонѣ русскими буквами означены имя великаго князя и того города, въ которомъ деньги вычеканены. Москвичи ведутъ счетъ на алтыны, гривны и рубли, хотя подобнаго рода денегъ въ цѣлыхъ монетахъ не имѣютъ, а считаютъ ихъ извѣстнымъ числомъ копеекъ: такъ алтынъ заключаетъ въ себѣ 3 копейки, гривна 10 копеекъ и рубль 100 копеекъ. Есть еще болѣе мелкій родъ денегъ, половина и $\frac{1}{4}$ копейки, которыя называются полущками и Московками. Всѣ эти мелкія деньги весьма неудобны по своей мелкотѣ, и такъ какъ они легко падаютъ изъ рукъ сквозь

пальцы, то Москвичи, для отвращенія этого, взяли привычку, осматривая или показывая товаръ, и отмѣривая его, брать деньги въ ротъ, копеекъ по 50 разомъ, при чемъ они продолжаютъ разговаривать и торговаться, такъ что и не замѣтишь, что они изо рта сдѣлали себѣ нѣчто въ родѣ кармановъ. Золотыхъ монетъ встрѣчается вообще немного. Царь приказываетъ чеканить ихъ только по случаю какой нибудь побѣды надъ врагомъ, чтобы награждать ими воиновъ, или если инога кого захочетъ почтить своей милостью.

Во время войны бояре и великіе господа содержатъ на свой счетъ извѣстное число конныхъ и пѣшихъ воиновъ, а равно и монастыри, владѣющіе многими селеніями. Дворяне же вообще всѣ, и съ слугами своими, должны сами выступатьъ въ поле.

Царскій обѣдъ Олеарій описываетъ слѣдующимъ образомъ: Когда настанетъ время обѣда, то къ столу не трубятъ, какъ при другихъ дворахъ, но одинъ изъ прислужниковъ бѣжитъ въ кухню и громко кричитъ: Государю кушанье! т. е. царь хочетъ кушать. Тогда тотчасъ же все готово. Ихъ царскія величества садятся за столъ одни. Если же къ столу приглашается патріархъ, или другіе большіе господа, то для нихъ приготовляются мѣста особо, по сторонамъ царскаго стола. Кушанье бываетъ до 50 и болѣе, но слуги не ставятъ ихъ на столъ, но держатъ на рукахъ, приподнявъ кверху, пока столъники возвѣстятъ, изъ чего эти блюда состоятъ. Подаются и ставятся на столъ только тѣ блюда, которыхъ пожелаетъ государь. Остальныя же, какъ кушанья пожалованныя, рассылаются нѣкоторымъ господамъ и слугамъ, какъ Нѣмцамъ, такъ и Русскимъ, въ особенности же докторамъ, лейб-медикамъ и врачамъ.

Царскій докторъ получаетъ обыкновенно мѣсячнаго жалованья 62 рубля, да годоваго 300 рублей, кромѣ хлѣба, солоду, меду и вообще всего, что нужно для домашняго обихода. Если же онъ пускаетъ кровь государю, или употребляетъ другое какое нибудь средство, то получаетъ особое вознагражденіе до 50 рублей чистыми деньгами, да кусокъ атласа, камки, 40 собoley и т. п. Бояре и князья рѣдко платятъ врачамъ чистыми деньгами, а болѣе соболями, свинными окороками, виномъ, и другими припасами.

Кромѣ докторовъ-иностранцевъ, царь держитъ также переводчиковъ на всякаго рода языки, равно какъ и другихъ слугъ изъ иностранцевъ.

Вельможи Московскіе живутъ въ великолѣпныхъ домахъ и палатахъ, держатъ большой дворъ прислужниковъ, на улицахъ всегда показываются съ пышностью, одѣтые въ весьма дорогія одежды, и въ сопровожденіи множества слугъ и крѣпостныхъ людей, которые обыкновенно бѣгутъ подлѣ лошадей и саней. Выѣзжая верхомъ, они прикрѣпляютъ къ сѣдельной шишкѣ небольшую, нѣсколько болѣе чѣмъ въ четверть локтя, литавру (барabanъ), въ которую и барабанятъ кнутовищемъ своего

кнута, когда нужно разогнать съ дороги народъ, который постоянно толпится по улицамъ, въ особенности на площадяхъ и въ Кремлѣ.

Народъ Московскій не отличался въ это время мягкостью нравовъ, что подтверждается и любимую забавою Москвичей — кулачными боями. Они преимущественно происходили за старымъ Ваганьковымъ, гдѣ улица Лънивка, не доѣзжая Каменнаго моста, и были особенно часты на Масляной. Бои эти происходили обыкновенно цѣлыми толпами, стѣна на стѣну, и кто дольше стоялъ на мѣстѣ боя, тотъ пользовался большимъ уваженіемъ. Случалось, что нѣкоторые бойцы оставались на мѣстѣ мертвыми. Влѣдствіе этого, патріархъ Филаретъ Никитичъ нашелся вынужденнымъ запретить эти бои, и постановилъ наказываться кнутомъ тѣхъ которые ослушаются его запрещенія. Не смотря на то, кулачные бои всетаки существовали, и преемникъ Филарета, патріархъ Іоасафъ, жаловался, что никакъ не можетъ вывести этого влaga обычая.

Кромѣ кулачнаго боя, къ числу древнихъ народныхъ забавъ относятся качели, кости и зернь, жмурки, свайка, бабки, карты и другія.

Качели были вислыя, горизонтальныя, круглыя и назывались также *колысками*. На качеляхъ народъ забавлялся въ дни свв. Апостолъ Петра и Павла, и св. Іоанна Крестителя. Кости, какъ азартная игра, были запрещены при царяхъ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и Алексѣѣ Михайловичѣ. Карты стали извѣстны съ XVII столѣтія. До 1631 года народныя игрища происходили за старымъ Ваганьковымъ, гдѣ нынѣ Румянцовскій музей, а въ этомъ году туда переведена была псарня, почему и урочище церкви св. Николая, построенной тутъ Алевизомъ Фрязинымъ въ 1331 г. и теперь не существующей, называлось во Псаряхъ. Существующая нынѣ церковь Сергія Радонежскаго, при Румянцовскомъ музеѣ, построена, какъ предполагають, въ XVII ст.

На Неглинной, противъ Пушечнаго двора, и на Васильевскомъ лугѣ, гдѣ нынѣ Воспитательный домъ, стояли мужскія и женскія бани, называвшіяся Васильевскими.

Отъ времени царствованія царя Михаила Ѳеодоровича осталось описаніе путешествія Московскаго купца Котова въ Персію. Онъ описывалъ свое путешествіе туда, а равно и многіе Персидскіе города. Въ Испагани онъ встрѣтилъ живущаго тамъ русскаго часовыхъ дѣлъ мастера.

Другое описаніе путешествія, въ Іерусалимъ, сдѣлано торговымъ же человекомъ, Василіемъ Гогарой.

ГЛАВА XXIV.

Общій обзоръ внѣшняго и внутренняго состоянія Москвы въ XVII ст.

Москва раздѣлялась въ это время, какъ и прежде, на Кремль, Китай, или внутренній городъ, Бѣлый или Царь-городъ, Скородомъ или внѣшній городъ и Стрѣлецкую слободу. Къ Фроловскимъ нынѣ Спасскимъ, Константино-еленскимъ и Троицкимъ Кремлевскимъ воротамъ вели каменные же мосты, соименные воротамъ, перекинутые черезъ рвы, которыми былъ окруженъ Кремль. Рвы эти были выкопаны между двумя стѣнами. Кромѣ того въ Кремлѣ были еще ворота Никольскія и Тайницкія, существующія понынѣ, противъ которыхъ находился соборъ Черниговскихъ чудотворцевъ, выстроенный въ XVII в. и сломанный послѣ 1770 г. Въ этотъ соборъ были царскіе выходы 20 Сентября и 14 Февраля. Тамъ же стоялъ соборъ Александра Невского, куда были царскіе выходы 23 Ноября. Близъ Троицкихъ воротъ, упомянутыхъ выше, противъ Троицкаго подворья, былъ домъ боярыни княгини Анастасіи Никитичны Лыковой, съ церковью Всемиловитаго Спаса. Мужъ ея, Борисъ Михайловичъ Лыковъ-Оболенскій, былъ воеводой и бояриномъ при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ.

Въ 1624 г. по указу царя Михаила Ѳеодоровича была выстроена Англичаниномъ Христофоромъ Галовой на мѣстѣ старыхъ Фроловскихъ воротъ пирамидальная башня съ часами, существующая донынѣ. Часы же передѣланы были при Петрѣ I часовщикомъ Екимомъ Горловымъ. Ворота эти были уже предметомъ особеннаго почитанія съ 1521 г., какъ рассказано выше; святынею же они сдѣлались при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Въ 1645 г. въ Москву былъ принесенъ изъ Вятки образъ Нерукотвореннаго Спаса, торжественнымъ крестнымъ ходомъ чрезъ Спасскія ворота, и поставленъ въ Успенскомъ соборѣ. Затѣмъ въ 1648 г. образъ этотъ былъ перенесенъ съ торжествомъ черезъ Спасскія ворота въ Ново-Спасскій монастырь, и указомъ отъ 16-го Апрѣля было повелѣно впредь на вѣчныя времена ходить Спасскими воротами съ непокрытою головою. На нихъ былъ поставленъ образъ Спасителя въ золотой ризѣ, и ворота переименованы въ Спасскія. За хожденіе чрезъ нихъ въ шапкахъ виновные должны были класть публично 50 земныхъ поклоновъ, или подвергались наказанію батогами въ Стрѣлецкомъ приказѣ, находившемся рядомъ. Во время шествія патріарха въ недѣлю Вай, онъ всходилъ на Спасскую башню, гдѣ освящалъ воду и кропилъ ею Кремлевскія стѣны. Сюда же выносили ящикъ, въ который опускались челобитныя на имя царя. Указомъ 9-го Генваря 1654 г. запрещено было старымъ подъячимъ вѣзжать въ Кремль на лошадяхъ: они должны были оставлять своихъ лоша-

дей у Спасскихъ воротъ, и пѣшкомъ входить въ Кремль. Съ лѣвой стороны Спасскихъ воротъ въ полубашнѣ висѣлъ всполошный колоколъ, въ который звонили въ случаѣ угрожавшей городу опасности, — нашествія враговъ, мятежа или пожара, а также ударили и звонили въ него при большихъ казняхъ. Теперь этотъ колоколъ находится въ Оружейной палатѣ. Полубашенка называлась Царскою, потому что государи Московскіе всходили на нее послѣ своего коронаванія, чтобы показаться народу, собиравшемуся на площади. Тутъ же былъ подземный ходъ подъ Кремль, и застѣнокъ для государственныхъ преступниковъ. Подобные же застѣнки были у Никольской башни и у Константино-еленской.

Указомъ 1657 г. было запрещено погребать въ Кремлѣ усопшихъ, а до тѣхъ поръ при Кремлевскихъ церквахъ находились кладбища, огороженныя надолбами и заборами. Главная площадь въ Кремлѣ называлась Ивановскою, по имени церкви св. Іоанна Лѣствичника. На эту площадь, по старому обычаю, собирались бояре, дворяне и чиновные люди послѣ обѣдни въ Успенскомъ соборѣ, чтобы потолковать о своихъ дѣлахъ. Тутъ же объявлялись дьяками во всеуслышаніе царскіе указы, отчего и произошла поговорка: кричать во всю Ивановскую. Здѣсь же сидѣли подъячіе и дьяки, выгнанные изъ службы, которые писали для безграмотныхъ челобитныя. На площади стояла для этого палатка, называвшаяся Ивановскою. Петръ I отмѣнилъ было этотъ обычай, но привычка Москвичей къ старому порядку заставила его измѣнить этотъ указъ, и опредѣлить при Ивановской палаткѣ особаго старосту съ десятию подъячими для письма безграмотнымъ людямъ разныхъ актовъ, для рукоприкладства вмѣсто ихъ при совершеніи крѣпостей и для свидѣтельства.

На этой же площади производились наказанія кнутомъ и батогами за вѣтки, посулы или лихоимство. Тутъ же выставляли на позоръ вора, вывѣшивая на шеѣ преступника захваченныя имъ вещи: кошелькъ съ деньгами, мѣха, даже соленую рыбу. Съ 1685 г. казни надъ преступниками переведены изъ Кремля на Красную площадь. Въ Кремлѣ помѣщались въ это время кромѣ царскихъ дворцовъ, Приказовъ и др. казенныхъ зданій, палаты и дворы боярѣ и духовныхъ лицъ. Гдѣ теперь стоитъ царь-пушка, тамъ былъ старый дворъ царя Бориса, а гдѣ зданіе сената, тамъ стоялъ дворъ князя Трубецкаго, въ сосѣдствѣ съ дворами князей Никиты Одоевскаго, Ивана Голицына и доктора Фалентина. Еще славились дворы Милославскаго, Морозова, Шереметева, кн. Черкаскаго и боярина Семена Лукьяновича Стрѣшнева съ церквами при нихъ. Деревянныхъ строеній было больше, чѣмъ каменныхъ, потому что Москвичи предпочитали въ то время для жилья деревянныя хоромы и брусяныя избы каменнымъ палатамъ. Улицы были тоже вымощены досками.

Подлѣ церкви Рождества Іоанна Предтечи стоялъ сарай съ драгоценными царскими каретами московской работы, почему и церковь называлась въ то время *у Государевыхъ конюшенъ*. Нѣсколько далѣе отъ нея стояли набережныя палаты, Потѣшный дворъ, Конюшенная канцелярія, Конская аптека и т. д.

Въ Китай-городѣ было пятеро воротъ: *Воскресенскія, Никольскія, Ильинскія, Варварскія* и *Москворѣцкія*, и къ нимъ вели слѣдующіе деревянные мосты на каменныхъ клѣткахъ: Курятный или Воскресенскій, черезъ Неглинную, обставленный по обѣимъ сторонамъ мелочными лавочками, а подлѣ него была мельница, Ильинскій, Варварскій и Москворѣцкій или живой мостъ.

Воскресенскія ворота назывались прежде *Курятными* отъ Курятнаго ряда, а также *Неглинными* отъ протекавшей предъ самими воротами рѣки Неглинной, и *Львиными*, отъ находившагося тутъ по лѣвую сторону отъ проѣзда Львинаго двора, огороженнаго надолбами. Въ немъ содержались львы, присланные въ даръ Ивану Грозному изъ Англии, а позднѣе изъ Персіи. Названіе Воскресенскихъ ворота и мостъ получили отъ Воскресенскаго монастыря, нинѣ Саввинское подворье на Тверской. Теперь они называются еще *Иверскими* отъ иконы Иверской Божьей Матери, о которой будетъ разсказано дальше. Ворота эти сдѣланы въ два проѣзда изъ крѣпостнаго тяжеловѣснаго кирпича, съ желѣзными связями и закрѣпами. Въ толстыхъ стѣнахъ обоихъ проѣздовъ сохранились еще желѣзные пробои отъ двойныхъ воротъ, а въ аркахъ прорѣзы для опускаемыхъ рѣшетокъ, которыми запирались ворота.

Въ Китай-городѣ главными улицами были: *Никольская*, гдѣ находился по одну сторону Печатный дворъ, а по другую сайдачный, сѣдельный, колокольный, ветошный и другіе ряды. Эта улица была заселена иконописцами. *Ильинская*, преимущественно торговая улица, *Зачатская* и *Варварская*, гдѣ кромѣ лавокъ были боярскіе и гостиные дворы, изъ которыхъ славилась въ XVII ст. дворы Романовъ и Булгаковъ съ ихъ домовыми церквями, а также находились Старый денежный, Мытный и Посольскій дворы, Англійское подворье и Старыя тюрьмы. На Никольской, Ильинской и Варварской улицахъ были три такъ называемые крестца съ часовнями: въ нихъ приводили къ крестному цѣлованію и объявляли царскіе и патріаршіе указы. Сюда же привозились трупы безродныхъ тюремныхъ узниковъ, умершихъ въ тюрьмѣ или на пыткахъ, для сбора денегъ на ихъ погребеніе. Отсюда такіе трупы отвозились въ Убогіе дома, гдѣ они складывались въ большую яму и оставались непогребенными до Семика (седьмой четвергъ послѣ Пасхи), или до Покрова. Въ эти дни патріархъ посылалъ священнослужителей въ Убогіе дома служить общую панихиду по умершимъ, и послѣ этого тѣла засыпали землей. Вообще Убогіе дома имѣли значеніе

опальнаго кладбища, гдѣ хоронили воровъ и разбойниковъ, казенныхъ и умершихъ въ опалѣ. При Убогихъ домахъ содержались также подкидыши, называвшіеся Богданами (Богомъ данные), которыхъ сторожъ Убогаго дома вывозилъ передъ Семикомъ на крестцы, и тамъ ихъ брали у него на воспитаніе бездѣтныя супруги.

Часовня *Никольскаго* крестца, при церкви Николы Стараго, нынѣшняго Греческаго монастыря, была особенно чтима въ народѣ, равно какъ и въ наши дни. Теперь предъ образомъ Николая Чудотворца теплится неугасимая лампада, а прежде горѣла неугасимая поставная свѣча, отъ усердія Никольскихъ обывателей. Между этими послѣдними существовалъ обычай ежедневно въ сумерки брать огонь изъ часовни св. Николая, и имъ зажигать свѣчи и ночники въ своихъ домахъ. Обычай этотъ наблюдался до начала XVIII ст.

Ильинскій крестецъ, получившій свое названіе отъ Ильинскаго монастыря, нынѣ церковь Ильи пророка на Новгородскомъ подворьѣ, простирался отъ Ильинскаго моста и до Фроловскихъ (Спасскихъ) воротъ, или даже до Лобнаго мѣста. На этомъ крестцѣ по установившемуся обычаю собирались безмѣстные попы и дьяконы, и сюда присылали обыватели нанимать ихъ въ свои церкви для совершенія церковныхъ службъ. Эти духовныя лица вели себя крайне неприлично, бранились между собою и дѣлали разныя безчинства, вслѣдствіе чего прогивъ этого обычая возставали многія изъ высшихъ духовныхъ лицъ, но долго ихъ усилія уничтожить его оставались безуспѣшными. Онъ прекращенъ былъ уже въ XVIII ст.

Варварскій крестецъ получилъ названіе отъ церкви св. Варвары, построенной при Василѣ Ивановичѣ и перестроенной въ 1796 г. Въ старину тутъ продавались знахарями и знахарками разныя цѣлительныя травы и заговаривались разныя болѣзни.

У *Ильинскаго* крестца производились торговыя казни, которыя указомъ 1685 г. переведены отсюда, такъ же какъ и изъ Кремля, на Красную площадь.

Въ Китай-городѣ, кромѣ монастырей Богоявленскаго и Николы Стараго, было множество церквей, изъ которыхъ многія остались до нашего времени. Кромѣ того, было множество подворьевъ, архіерейскихъ, монастырскихъ и иногородныхъ. Изъ боярскихъ домовъ извѣстны на Никольской: Стефана Васильевича Годунова, князей Юрія Буйносова, Ивана Хворостинина, Андрея Телятевскаго, Бориса Черкаскаго, Ивана Воротынскаго, Михаила Долгорукаго, Дмитрія Трубецкаго и Алексѣя Сицкаго, Петра Никитича Шереметева и Петра Салтыкова. На Ильинской улицѣ были извѣстны въ то время дворы Шеина, стольника князя Бяратинскаго и толмача Тараканова. На Варваркѣ находились дворы Романовыхъ, Булгаковыхъ и Пушкина, а также дворы гостей, купцевъ и священнослужителей.

Въ стѣнахъ Бѣлаго города было 28 башенъ и 12 воротъ: Чертольскія или Черторьскія, Арбатскія, Никитскія, Тверскія, Дмитровскія, Петровскія, Срѣтенскія, Покровскія, Яузскія, Серпуховскія, Калужскія и Фроловскія или Лужницкія. Столько же воротъ, носившихъ тѣ же имена, было и въ Землянѣмъ городѣ. Кромѣ того, на западной сторонѣ были *Водяныя*, *Всесвятскія* и *Трехсвятскія* ворота, которыя по указу царя Алексѣя Михайловича переименованы Всесвятскими. Чертольскія по его же указу переименованы Пречистенскими, отъ которыхъ и все Чертолье получило названіе Пречистенки.

Въ Бѣломъ городѣ были слѣдующія большія улицы: *Чертольская*, *Арбатская*, *Никитская* или *Царицынская*, *Тверская* или *Царская*, *Смоленская* (этимъ именемъ назывались иногда *Арбатская* и *Воздвиженская*) *Дмитровская*, *Рождественская*, *Срѣтенская* и *Покровская*. Изъ меньшихъ упоминаются: *Рождественская малая*, *Лубянская*, *Фроловская*, *Евпловская* (нынѣшняя Мясницкая), *Серпуховская*, *Знаменская*, *Кисловская*, *Житная* у Моисеевскаго монастыря (гдѣ Охотный рядъ), *Козьмодемьянская*, *Покровская*, *Малорослянка* (Маросѣйка) и *Хохловка*. У Боровицкихъ воротъ былъ прудъ, на которомъ содержались лебеди для царскаго стола, о которомъ напоминаетъ названіе Лебяжьего переулка, существующаго въ наши дни, у Каменнаго моста. На берегу Неглинной, тамъ, гдѣ теперь помѣщается Архивъ Иностранныхъ дѣлъ, стояли палаты Нарышкиныхъ, и при нихъ каменная церковь со звономъ, упраздненная послѣ 1812 г. Палаты эти были выстроены царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ для тестя своего, Кирилла Полуектовича. Ему же пожаловано было царемъ въ вѣчное владѣніе подмосковное село Кунцево.

Въ это время было еще много пустопорожнихъ мѣстъ въ Бѣломъ городѣ. Изъ площадей извѣстна *Житная* въ нынѣшнемъ Охотномъ ряду, *Конева* между Ильинскими и Варварскими воротами, *Коровья*, у Фроловскихъ. Въ немъ были слѣдующія слободы: *Стрѣлецкія*, *Барашевская*, *Казенная* въ Романовѣ, *Патріаршая* или *Гавриловская* на Поганомъ прудѣ, нынѣ Чистыхъ прудахъ, и пр. Кромѣ того были подворья: *Новицкое*, у Арбатскихъ воротъ, *Спасоэфимьевское* на Лѣнивѣ, у большихъ конюшенъ, *Горицкое* Переяславля-Залѣскаго, на Никитской улицѣ, *Саввинское* на Тверской съ четырьмя церквами, *Суздальское* на Неглинной, *Рязанское* у Никольскихъ воротъ, *Тверское* на Срѣтенѣ, *Псковское* и *Коломенское* на Мясницкой, *Вятское*, *Болдина* и *Ростовскаго Богоявленскаго* монастыря на Покровкѣ, *Новинскаго* монастыря въ Гавриловой слободѣ, *Сійскаго Антоніева* на Кулижкахъ.

Въ XVII вѣкѣ появляются въ Москвѣ богадѣльни, изъ которыхъ извѣстны въ Бѣломъ городѣ: *Патріаршая* святителя Іова на Кулижкахъ, *Тихононская* патріарха Іоакима, *Боровицкая* у Боровицкаго

моста, *Николаявленская* на Арбатѣ, построенная царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, *Моисеевская* на Тверской, *Пожарскаго* при церкви св. Θεодосіи на Лубянкѣ, теперь не существующей, близъ Веденскаго укрѣпленія, гдѣ онъ сдѣлалъ первый отпоръ врагамъ.

Въ Бѣломъ городѣ жило много бояръ, имѣвшихъ тутъ просторные дворы. До насъ дошли имена слѣдующихъ владѣльцевъ: Въ Чертольѣ дворы князя Темкина-Ростовскаго; на Арбатѣ бояръ Пушкиныхъ, Романова, Прончищева, Плещева; на Знаменкѣ князя Ивана Хованскаго, по прозванію Тараруя; на Никитской улицѣ дворы князей Θεодора Волхонскаго, Бориса Репнина, и бояръ Никиты Ивановича Романова, Нарышкиныхъ и Глѣба Морозова; на Тверской старый государевъ загородный дворъ съ церковью св. Дмитрія Селунскаго, домъ князя Григорія Ромодановскаго; на Петровкѣ, у Спаса въ Копѣ, князей Θεодора Долгорукова и Василя Лыкова. На малой и большой улицахъ Рождественскихъ: князей Θεодора Оболенскаго, Григорія Гагарина, Михаила Козловскаго, Андрея Сицкаго, Семена Мосальскаго, Шелешпанскихъ. На Срѣтенкѣ: князей Дмитрія Пожарскаго, Ивана Хованскаго, стольника Василя Куракина, Семена Звенигородскаго, Бахтеярова, Ивана Хилкова, бояръ Бориса Шереметева, Никона Бутурлина, Петра Головина, Максима Строгонова. На Фроловской улицѣ: князя Василя Шатова, Андрея Вельяминова. Въ Гавриловскомъ переулкѣ отъ Фроловской улицы на Поганомъ прудѣ: князей Хилковыхъ, Григорія Гагарина, Ивана Мосальскаго, Василя Шелеховскаго, Петра Звенигородскаго, Петра и Михайлы Барятинскихъ, Никиты и Василя Болховскихъ, Алексѣя Елецкаго, Ивана и Льва Волхонскихъ, Андрея Литвинова, Мосальскаго, боярина Василя Ляпунова. На Покровской улицѣ: князей Петра Пронскаго, Алексѣя Сицкаго, Алексѣя Мосальскаго, Семена и Θεодора Волхонскихъ, Василя Тюменскаго, Никифора Мещерскаго, Θεодора Куракина, Θεодора Морткина, Семена Лыкова, Григорія Бабичева, Андрея и Петра Строгоновыхъ и Сибирскаго царевича Андрея Кучумова.

За Бѣлымъ городомъ шель Земляной городъ, деревянную ограду котораго сожгли Поляки, и царь Михаилъ Θεодоровичъ велѣлъ сдѣлать валъ на мѣстѣ деревянныхъ стѣнъ. Въ этомъ городѣ продолжались многія улицы, начинавшіяся въ Бѣломъ, какъ-то: Чертольская, Арбатская, Тверская, Дмитровская, Срѣтенская, Покровская и проч. Кромѣ того были малыя улицы: Фроловка, Мясники, Казенная, Драчова. Въ немъ помѣщались Стрѣleckія слободы и другія, преимущественно въ Замоскворѣчьи, и находились урочища, въ названіяхъ которыхъ выражается бытъ и значеніе Землянаго города: Божедомка (Пятница), Могилицы, Плотники, Кречетники, Трубники, Сторожи (у Вознесенія Большаго за Никитскими воротами), Воротники, Скоморошки (на Дмитровкѣ у Воскресенія Христова), Пушкари, Грачи, Мясники, Басман-

ники. Въ Бронной была богадѣльня на сто челоуѣкъ, содержавшихся на иждивеніи причта Архангельскаго собора. Нѣмецкая слобода была переведена изъ Землянаго города на новое мѣсто, которое называлось Кукуемъ. Замоскворѣцкія слободы *Панская* и *Толмацкая* (Толмачи), получила свое названіе отъ толмачей, служившихъ переводчиками при разговорѣ съ иностранцами. Сношенія съ Ордою, Европейскими державами и восточными патріархами дѣлали необходимымъ имѣть при Московскомъ дворѣ толмачей. Одни изъ нихъ знали Татарскій языкъ, другіе — Греческій, третьи — Латинскій, бывшій общимъ въ Европѣ при дипломатическихъ и ученыхъ сношеніяхъ. Толмачи разнились отъ переводчиковъ, которые употреблялись для письменныхъ переводовъ актовъ и книгъ, а также статей для чтенія государю изъ иностранныхъ газетъ, которыя выписывались въ Посольскомъ приказѣ съ царствованія Михаила Федоровича.

Тамъ же была слобода *Кадашевская*, съ Монетнымъ дворомъ и Хамовнымъ, на которомъ Кадашевцы ткали двойные и тройные полотна и уборы для государя. Въ церквахъ Замоскворѣчья: св. Екатерины, св. Иоанна воина, св. Климента, Срѣтенія Черниговскихъ чудотворцевъ и св. Георгія въ Яндовѣ, Русскіе дѣлали укрѣпленія и защищались отъ Поляко-Литовцевъ во время нашествія ихъ на Москву. Всѣ эти церкви были разрушены, и тѣ, что существуютъ нынѣ, построены при Михаилѣ Федоровичѣ и Алексѣѣ Михайловичѣ.

Въ Земляномъ городѣ лежали ямскія и другія слободы, кирпичные заводы, огороды и такъ далѣе. Тутъ же были села: Напрудное*), Новое Троицкое, Сущево, Кудрино съ садомъ, Прѣсня съ прудомъ, вырытымъ по приказанію патріарха Іоакима въ 1683 г., Дорогомилово. Затѣмъ слободы: Тверская, Переяславская, Новая, Басманная, въ которой селились перекрещенцы изъ иностранцевъ, Сыромятная и Хамовская (нынѣ Хамовники), у Дѣвичьяго поля.

При вступленіи своемъ на престолъ, царь Алексѣй Михайловичъ выстроилъ церковь св. Харитонія, прежде извѣстную подъ именемъ Владимірской Божьей Матери, а при вступленіи въ бракъ съ Марьей Ильинишной Милославской, храмъ св. Петра веригъ на Покровкѣ.

*) Это село принадлежало в. к. Ивану Калитѣ и на мѣстѣ его находится въ наше время ц. Трифона мученика въ Напрудномъ, близъ Лазарева кладбища. Существуетъ преданіе, что на мѣстѣ ея былъ когда-то потерянь любимый соколъ одного в. к., и сокольникій посаженъ за это въ тюрьму. Тогда онъ вспомнилъ, что св. Трифонъ былъ при жизни птичьимъ приставникомъ, и сталъ усердно молиться ему выручить его изъ бѣды. Послѣ этого онъ заснулъ, и во снѣ увидалъ св. Трифона, который подалъ ему сокола. Пробудившись отъ сна, онъ и въ дѣйствительности увидалъ передъ собою сокола, и былъ освобожденъ. Въ благодарность, онъ выстроилъ церковь во имя св. мученика Трифона, къ чудотворной иконѣ котораго, называемой въ народѣ «Скорая помощь», постоянно стекается много богомольцевъ. Когда именно она построена, — неизвѣстно.

Въ большомъ Харитоньевскомъ переулкѣ были выстроены въ концѣ XVII вѣка и началѣ XVIII в., двухъэтажныя каменные палаты, существующія понынѣ и извѣстныя подъ именемъ дома князя Юсупова. Они пожалованы были уже Петромъ I князю Григорію Дмитріевичу Юсупову, и съ тѣхъ поръ остаются во владѣніи его потомковъ. Около этого же времени была построена на Воздвиженкѣ, на дворѣ при домѣ графа Шереметева, церковь Знаменія Божіей Матери, чрезвычайно красивой постройки. Она существуетъ и понынѣ. Кромѣ того, при Алексѣѣ Михайловичѣ было выстроено много церквей, изъ которыхъ отличаются особенной красотой своей постройки слѣдующія: въ Китай-городѣ Грузинскія Богоматери въ Никитникахъ, близъ Варварскихъ воротъ, построенная въ 1628 г. Московскимъ гостемъ Григоріемъ Леонтьевымъ Никитниковымъ. Въ ней находится чудотворный образъ Грузинской Божьей Матери. Успѣнія на Могильцахъ, построена въ 1655 г. Въ ней находится чудотворный образъ Божьей Матери «Неувядаемый цвѣтъ». Церковь св. Троицы на Берсеневкѣ, сооруженная въ 1656 г. на мѣстѣ старой св. Николая на Берсеневкѣ, и извѣстная до этихъ поръ подъ этимъ наименованіемъ. Предполагаютъ, что тутъ былъ прежде монастырь, въ которомъ былъ заточенъ св. митрополитъ Филиппъ, и куда толпами стекался тогда народъ Московскій. Названіе на Берсеневкѣ произошло, какъ предполагаютъ отъ имени боярина Беклемишева-Берсена, впавшаго въ немилость и казненнаго въ 1525 г. при Василиѣ III Ивановичѣ на Москвѣ-рѣкѣ, близъ двора его.

Рядомъ съ церковью св. Троицы на Берсеневкѣ находится въ наши дни домъ старинной постройки, извѣстный подъ именемъ курьерскаго. Предполагаютъ, что онъ принадлежалъ Малютѣ-Скуратову.

Въ Бѣломъ-городѣ была построена церковь св. Николая въ Столпахъ или на Столпѣ, о которой рассказано выше, и нѣсколько монастырей, изъ которыхъ остался до нашихъ дней одинъ Страстной монастырь.

Церковь Николая чудотворца, Красный звонъ, въ Юшковомъ переулкѣ, построена въ 1626 г., но нѣсколько разъ горѣла и кромѣ стѣнъ не представляетъ нынѣ ничего древняго. Она славилась, какъ предполагаютъ, своими колоколами, отчего и произошло ея названіе. Церковь Рождества въ Путинкахъ, на Малой Дмитровкѣ, построена не позже начала XVII ст. и замѣчательна особенностію своей архитектуры. Названіе Путинки произошло, какъ предполагаютъ, отъ слова путь, путинки, т. е. окольный путь. Здѣсь былъ изстари путевой дворъ для пословъ и гонцевъ, въ который надо было заѣзжать путинками, т. е. кривыми улицами и переулками. Церковь эта существуетъ до нашихъ дней, и въ ней находится чудотворный образъ Рождества Богородицы. Церковь св. Николая, что въ Хамовникахъ, постр. въ 1679 г. и существуетъ понынѣ. Внутренность ея вся передѣлана и расписана

въ новомъ вкусѣ. Сохранились только нѣкоторыя старинныя иконы, и между прочимъ старинный образъ Святителя Алексѣя, на коемъ представлена восточная часть Кремля со Спасскими воротами. Образъ этотъ написанъ въ 1687 году зографомъ Максимовымъ, прихожаниномъ этой церкви. Здѣсь находится чудотворный образъ «Споручницы грѣшныхъ», списанный по усердію одного благочестиваго жителя Москвы, Дмитрія Бонческуло, въ сороковыхъ годахъ нашего столѣтія съ чудотворной иконы Богоматери, находящейся въ Николаевскомъ Одринѣ монастырѣ, Орловской губерніи. Икона эта находилась сначала въ домѣ Бонческуло, и тамъ стала источать исцѣленія, послѣ чего была перенесена въ церковь Николая Чудотворца, гдѣ и понынѣ находится.

Кромѣ церкви сооружались и другія постройки, служившія къ украшенію города. Такъ при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, въ 1643 г., былъ начатъ Каменный мостъ черезъ Москву-рѣку Иваномъ Кристлеромъ, но за смертію этого послѣдняго работы были пріостановлены. Постройка моста возобновилась только въ 1682 г. при содѣйствіи князя Василія Васильевича Голицына и окончена въ 1687 г. какимъ-то монахомъ, имя котораго осталось неизвѣстнымъ. Въ прочности этого моста усомнились въ 18— году, вслѣдствіе чего онъ былъ сломанъ, хотя и съ большимъ трудомъ, и замѣненъ новымъ.

Въ Кремлѣ были построены новыя каменныя палаты для государя надъ Мастерскою палатою, и верхній теремъ (1636 г.) для царевичей Ивана и Алексѣя Михайловичей, названный хоромами и покрытый первоначально вызолоченною мѣдью.

Въ царствованіе Алексѣя Михайловича была выстроена Крестовая палата Патріаршаго дома, набережныя хоромы иконнаго терема и Потѣшный дворецъ, гдѣ нынѣ помѣщается Московскій комендантъ. При Алексѣѣ Михайловичѣ въ немъ давались первыя театральныя представленія. Женившись на Марьи Ильинишнѣ Милославской, царь Алексѣй Михайловичъ далъ этотъ домъ во владѣніе своему тестю, Ильѣ Даниловичу Милославскому. При домѣ этомъ была церковь Похвалы Богородицы, теперь упраздненная. Со смертію Милославскаго и царицы Марьи Ильинишны, Потѣшный дворецъ опять перешелъ въ дворцовое вѣдомство. Петръ I получилъ въ немъ, какъ гласитъ преданіе, свое первоначальное образованіе, подъ руководствомъ Зотова. По кончинѣ царя Ѳеодора Алексѣевича, въ Потѣшномъ дворцѣ жили сестры его — Софья и Екатерина Алексѣевны. Грановитая палата была возобновлена уже при Софьѣ Алексѣевнѣ княземъ Василюмъ Васильевичемъ Голицынымъ, который сдѣлалъ надъ краснымъ крыльцомъ мѣдную крышу на желѣзныхъ связяхъ. Вообще князь Голицынъ много способствовалъ украшенію Москвы, а домъ его, съ мѣдною крышею, былъ предметомъ удивленія даже для иностранцевъ. Въ этомъ отно-

шеніи сдѣлано также много бояриномъ Артамономъ Матвѣевымъ, который выстроилъ Посольскій и Греческій дворы и каменные лавки. Но особенно замѣчательнъ его собственный домъ въ Столповскомъ переулкѣ, близъ церкви Николы въ Столпахъ, выстроенный для него стрѣльцами изъ камней, взятыхъ ими съ отцовскихъ и дѣдовскихъ могилъ. Онъ стоялъ рядомъ съ домомъ врага Матвѣева, Ивана Михайловича Милославскаго. При немъ была домовая церковь со звономъ. Домъ этотъ былъ сломанъ въ 1783 г. правнукомъ великаго Матвѣева, кн. Сергѣемъ Васильевичемъ Мещерскимъ. На его мѣстѣ находится теперь Лазаревскій институтъ. Каменные палаты Милославскаго обращены въ благотворительное заведеніе для призрѣнія вдовъ и сиротъ духовнаго званія.

При Алексѣѣ Михайловичѣ былъ построенъ аптекарскій новый дворъ на Воздвиженкѣ, рядомъ съ Воздвиженскимъ монастыремъ, гдѣ теперь находится Казенная Палата. На этомъ дворѣ сохранялись всякіе дворцовые, хлѣбные и столовые запасы и питія, производились пиво, морсы и постилы. Тамъ подъ надзоромъ сокольника Зота Полозова происходили поминныя и праздничныя кормки пѣвчихъ и нищихъ, во особой палатѣ. Нищихъ собиралось иногда до 300 и болѣе чело-вѣкъ.

Гостиный дворъ, построенный, какъ уже было упомянуто выше, при Михаилѣ Ѳедоровичѣ, былъ вновь перестроенъ при Алексѣѣ Михайловичѣ трудами тяглица Большихъ Лужниковъ, Панкратія Яцкаго, который получилъ за это отъ царя жалованную грамоту. Въ немъ производилась торговля всякими товарами, европейскими и азіатскими, которые оплачивались пошлинами въ Мытной избѣ, находившейся у Срѣтенскихъ воротъ, гдѣ нынѣ Сухарева башня. Въ 1645 г. на Печатномъ дворѣ была выстроена каменная палата для типографіи, а въ 1685 г. въ Заиконоспасскомъ училищномъ монастырѣ каменное зданіе для школъ, которыя были перемѣщены туда изъ Богоявленскаго монастыря и образовали Греко-Россійскую школу, превратившуюся въ недалекомъ будущемъ въ Славяно-Греко-Латинскую академію.

Москва украсилась въ это время не только зданіями, но и садами. Князь Василій Васильевичъ Голицынъ, упомянутый выше, покровительствовалъ садоводству, которое любили цари: Михаилъ, Алексѣй и Ѳедоръ, и царевна Софія. Въ Кремлѣ были разбиты два сада, верхній и нижній, по скату Кремлевской горы, въ которыхъ были пруды, выложенные свинцовыми досками, водометы и оранжереи съ рѣдкими иностранными растеніями и плодовыми деревьями. У Боровицкихъ воротъ, на Неглинной, былъ плодовый садъ, въ которомъ росли виноградные кусты, лимонныя, лавровыя и фиговые деревья. Кромѣ того, были государевы сады на Царицынскомъ лугу, гдѣ Болотная площадь, близъ Нѣмецкой слободы, и въ селѣ Измайловѣ. Въ царскомъ же теремѣ былъ сдѣланъ комнатный садъ.

святыхъ, которые и теперь встрѣчаются на шеяхъ главъ и на стѣнахъ нѣкоторыхъ церквей. Литейное искусство было очень развито въ Москвѣ, и огромные колокола, вылитые при царяхъ Михаилѣ и Алексѣѣ, а равно и пушки, поражали иностранцевъ своею величиною и тонкостью отдѣлки. Староста котельнаго дѣла, Дмитрій Сверчковъ, сдѣлалъ въ 1627 г. мѣдный шатеръ прекрасной работы для ризы Господней въ Успенскомъ соборѣ, стоящій и теперь въ юго-западномъ углу собора, подлѣ гробницъ св. Фотія и Кипріяна, и позолотилъ главу Ивановской колокольни.

Москва имѣла уже въ это время, кромѣ часовъ на Спасской башнѣ, часы на Троицкой башнѣ, сдѣланные часовщикомъ Спасской башни, Андреемъ Даниловымъ, въ 1687 г., и еще другіе, по другую сторону Кремля, какъ рассказываетъ въ своихъ запискахъ Майербергъ. Старые часы съ Троицкой башни были отданы въ Даниловъ монастырь. Для царя Алексѣя Михайловича были сдѣланы мастеромъ Львомъ Никитинымъ столовые мѣдные часы, золоченые, съ травами и мѣднымъ къ нимъ мужичкомъ. Кромѣ того, были уже въ употребленіи карманные часы, образецъ которыхъ мы имѣемъ въ патріаршей ризницѣ, гдѣ хранятся часы патріарха Филарета. На Мясницкой, въ приходѣ церкви Никола въ Мясникахъ, жили часовыхъ дѣлъ мастера, между которыми встрѣчаются и русскія имена. Искусство рѣзать на деревѣ было очень развито въ Москвѣ, о чемъ свидѣлствуютъ узорочныя царскія двери, иконостасы въ церквяхъ и домашняя утварь того времени. У бояръ употреблялась большею частію, по свидѣтельству иностраннаго писателя, Принца Бухавскаго, рѣзная деревянная посуда, изящно сдѣланная и украшенная золотомъ. Этимъ искусствомъ отличались въ особенности монахи нѣкоторыхъ монастырей. Москвичи занимались также вырѣзываніемъ на драгоценныхъ камняхъ, вглубь (геммы), и выпукло (камеи). Они вырѣзывали гербы для царскихъ и боярскихъ печатей, и лики святыхъ для украшенія св. иконъ, утварей Святительскихъ, панагій, митръ и облаченій. Изъ гранильщиковъ XVII в. извѣстенъ Иванъ Лентъ. Въ Москвѣ было извѣстно также искусство ваянія, и, не смотря на то, что церковь наша вооружалась противъ изваянныхъ изображеній Спасителя и Святыхъ, между царскими сокровищами находилась, по сказанію Пяецкаго, статуя І. Х. въ ростъ человѣческой, вылитая изъ чистаго золота и вѣсившая 350 фунтовъ. Поляко-Литовцы разрубили ее на части, и подѣлились ею между собою. Есть извѣстіе, что царь Василій Шуйскій обратилъ въ монету статуи XII Апостоловъ, вылитые также изъ чистаго золота. Изваянные изображенія цвѣтовъ, травъ, звѣрей, птицъ и русскихъ гербовъ, служили украшеніями для зданій того времени. Къ искусству ваянія можно отнести и фигуры изъ сахара, которыя подавались на пирахъ. По случаю рожденія Петра I, на столѣ былъ поставленъ сахарный гербъ

Московского государства и городъ Кремль съ людьми конными и пѣшими, башнями и пр.

Чеканка изъ золота, или обронная и сканная работа достигли въ Москвѣ значительной степени совершенства. Эти работы служили главнымъ образомъ для украшенія св. иконъ, и церковныхъ и царскихъ утварей. По свидѣтельству Олеарія, для царя Михаила Ѳеодоровича былъ сдѣланъ Нюрнбергскимъ художникомъ богатѣйшій тронъ, на который было употреблено 800 фунтовъ серебра и 1100 червонцевъ. Бояринъ Морозовъ пожертвовалъ въ Успенскій соборъ паникадило о шести ярусахъ въ 113 п. и 1 ф. серебра вѣсомъ. На позолоту его было употреблено 2000 червонцевъ, и столько же было заплачено Матвѣевымъ за работу.

При царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ былъ впервые сдѣланъ опытъ чеканить золотые червонцы, по образцу иностранныхъ, а при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ стали впервые чеканить серебряные рубли, полтинники, серебряные и мѣдные, и полуполтинники или четвертаки.

ГЛАВА XXV.

Перенесеніе иконы Иверской Божьей Матери. — Женильба Алексѣя Михайловича. — Бунтъ народный. — Перенесеніе мощей Гермогена, Иова и Филиппа.

1648 — 1652.

Вступивъ на престолъ въ молодыхъ годахъ, царь Алексѣй Михайловичъ естественно долженъ былъ подвергнуться вліянію людей болѣе опытныхъ.

Въ первую половину его царствованія наибольшее вліяніе на него имѣлъ воспитатель его, Морозовъ, и Никонъ, игуменъ Кожеезерскаго монастыря, съ которымъ государь познакомился въ первый же годъ своего царствованія, когда Никонъ пріѣзжалъ въ Москву по дѣламъ своего монастыря. По желанію царя онъ былъ посвященъ въ архимандриты Новоспасскаго монастыря, и разъ въ недѣлю, по пятницамъ, долженъ былъ являться послѣ заутрени во дворецъ, для собесѣдованія съ царемъ. Никонъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы печаловаться передъ царемъ за утѣсненныхъ. Царю это понравилось, и онъ возложилъ на Никона обязанность принимать челобитныя и подавать ихъ ему во время свиданія. Эти частыя сношенія сближали царя болѣе и болѣе съ Никономъ. Пробывъ три года въ Новоспасскомъ монастырѣ, Никонъ получилъ назначеніе въ Новгородъ митрополитомъ. Москва обязана стараніямъ Никона, что 13 Октября 1648 г. была прислана сюда изъ Царяграда св. икона Иверской Божьей Матери, копія съ

сударю сказали, что Всеволожская подвержена падучей болѣзни, и сослали ее со всѣми родными въ Сибирь, откуда перевели ихъ только шесть лѣтъ спустя въ принадлежавшую имъ деревню, Касимовскаго уѣзда.

Царь женился въ слѣдующемъ году на дочери бѣднаго дворянина, Ильи Даниловича Милославскаго, а десять дней спустя, Морозовъ женился на сестрѣ царицы, Аннѣ Ильинишнѣ. Бракъ царскій, заключенный, какъ думали, по желанію Морозова, послужилъ къ еще большому неудовольствію на него народа, потому что Милославскій, изъ бѣднаго дворянина сдѣлавшійся почетнымъ лицомъ по родству съ государемъ, былъ алченъ на наживу и притѣснялъ народъ. Въ особенности же отличались лихоимствомъ родственники его — Леонтій Плещеевъ, судья земскаго приказа, и Траханіотовъ, завѣдывавшій пушкарскимъ приказомъ. Ихъ алчность и вымогательства возбудили къ нимъ ненависть народа. Выведенный изъ терпѣнія, народъ остановилъ однажды государя, возвращавшагося отъ Троицы, и сталъ просить его удалить Плещеева и поставить на его мѣсто человѣка болѣе достойнаго. Царь обѣщаль, и народъ сталъ было расходиться. Вдругъ нѣсколько придворныхъ изъ друзей Плещеева вѣхали въ толпу, съ бранью и ругательствами, и ударили нѣкоторыхъ нагайкой. Народъ пришелъ въ ярость и сталъ бросать камнями въ обидчиковъ, которые принуждены были спасаться бѣгствомъ во дворецъ. Чтобы успокоить волненіе, схватили Плещеева, и повели его на казнь. Народъ, увидя его, бросился на него и убилъ на мѣстѣ, не дожидаясь исполненія казни. Морозовъ вышелъ было на Красное крыльце уговаривать народъ успокоиться, но ему закричали, что съ нимъ сдѣлаютъ то же, что съ Плещеевымъ, — и онъ принужденъ былъ удалиться въ царскіе покои. Домъ его разграбили, а женѣ сказали, что изрубили бы ее въ куски, если бы она не была царской свояченицей. Убили еще думнаго дьяка Чистаго и разграбили нѣсколько домовъ.

На другой день, послѣ этого, около полудня, сдѣлался сильный пожаръ, отъ котораго сгорѣли всѣ строенія на Петровкѣ, Тверской, Никитской, на Арбатѣ, Чертольи, и всѣ посады. Пожаръ длился до полуночи.

На третій день опять начался мятежъ. Отрядъ Нѣмцевъ расположился вокругъ дворца для охраны, но народъ съ ними не начиналъ ссоры, говоря, что они люди честные и конечно тоже не хвалятъ боярскихъ притѣсненій. Государь выслалъ къ народу своего двоюроднаго брата, Никиту Ивановича Романова, чтобы спросить, чего народъ хочетъ. Выдачи Морозова и Траханіотова, отвѣчали ему. Никита Ивановичъ возразилъ на это, что они оба скрылись, но что ихъ отыщутъ и подвергнутъ казни. Дѣйствительно, Траханіотовъ былъ схваченъ близъ Троицкаго монастыря и казненъ. Морозова же, котораго царь очень любилъ, тайно переслали въ Кирилловъ-Бѣлозерскій монастырь,

чтобы скрыть отъ ярости народа. Между тѣмъ, царь замѣстилъ Плещеева и Траханиотова людьми болѣе достойными, и волненіе утихло само собою. Тогда царь Алексѣй Михайловичъ, участвуя однажды въ крестномъ ходу, очень многолюдномъ, рѣшился самъ побесѣдовать съ народомъ. Онъ сказалъ ему, что очень жалѣеть, что не зналъ прежде о лихоимствѣ Плещеева и Траханиотова, но что теперь они замѣщены хорошими людьми, и онъ самъ будетъ слѣдить, чтобы вновь назначенные судьи не злоупотребляли своимъ положеніемъ. Царь обѣщаль пониженіе цѣны на соль, и затѣмъ перешель къ своей главной цѣли: онъ сказалъ народу, что обѣщаль выдать ему Морозова, но что хотя онъ и самъ не совсѣмъ оправдываетъ Морозова, но любить его горячо, какъ своего наставника и свояка, и выдать его на смерть было бы ему очень тяжело. Слезы брызнули при этомъ изъ глазъ государя, и народъ закричалъ: да здравствуетъ государь на многія лѣта! Пусть будетъ воля Божія и государева! Послѣ этого Морозовъ былъ возвращенъ, но уже не управлялъ дѣлами. Оставаясь близкимъ лицомъ къ государю, онъ старался пріобрѣсти всеобщую любовь, оказывая помощь и содѣйствіе всѣмъ, кто къ нему обращался. Царь любилъ его чрезвычайно, и во всѣхъ важныхъ дѣлахъ обращался къ нему за совѣтами. Когда же Морозовъ, по слабости здоровья, не выходилъ изъ дому, царь пріѣзжалъ къ нему на домъ. Въ послѣднюю болѣзнь Морозова, царь навѣщаль его ежедневно, даже когда больной былъ уже въ безпамятствѣ. Онъ присутствовалъ на похоронахъ его, и впоследствии всегда служилъ панихиды въ Чудовомъ монастырѣ въ дни его именинъ и его кончины. Жена Морозова умерла нѣсколько позднѣе, и была похоронена съ большими почестями. Царь присутствовалъ и на ея погребеніи.

Преисполненный заботъ о благѣ народномъ, царь Алексѣй Михайловичъ нашелъ нужнымъ сдѣлать пересмотръ русскихъ законовъ. Для этого онъ, посоветовавшись съ патриархомъ и думными людьми, велѣлъ выписать подходящія статьи изъ св. Отцевъ церкви и изъ городскихъ законовъ Греческихъ царей, пересмотрѣть указы прежнихъ русскихъ царей и боярскіе приговоры, свѣрить съ прежними судебниками, исправить, дополнить и составить новый сводъ законовъ. Работа была исполнена быстро, и въ 1649 г. собрали выборныхъ со всей земли, которымъ прочли и предложили подписать *Соборное Уложеніе*, составленное Московскими боярами и дьяками. Продажа и сѣяніе табаку были запрещены новыми законами.

Подлинное Уложеніе хранится въ Архивѣ Иностранныхъ дѣлъ, на Воздвиженкѣ, въ особомъ ковчегѣ, устроенномъ по повелѣнію императрицы Екатерины II. Оно написано на свиткѣ, изъ склеенныхъ листовъ, имѣющемъ 473 аршина длины, и подписанномъ выборными изъ всего государства, въ числѣ 150 человекъ.

Въ слѣдующемъ затѣмъ году царь Алексѣй Михайловичъ запретилъ Англичанамъ беспошлинную торговлю во внутреннихъ городахъ, къ удовольствію и выгодѣ русскихъ купцовъ, и позволилъ имъ торговать только въ Архангельскѣ, оплачивая свои товары узаконенными пошлинами.

Въ 1651 году въ Москву вернулся митрополитъ Никонъ. Вліяніе его на царя нѣсколько ослабло за время его отсутствія, но теперь снова усилилось. Никонъ подалъ царю мысль перенести въ Успенскій соборъ мощи патріарховъ Гермогена изъ Чудова монастыря, Іова изъ Старицы, и митрополита Филиппа изъ Соловецкаго монастыря. Царь изъявилъ готовность сдѣлать все по его совѣту, и возложилъ на Никона порученіе перевезти сперва мощи Іова и Гермогена, что и было исполнено 5-го Апрѣля 1652 г., при громадномъ стеченіи народа, а затѣмъ ѣхать въ Соловецкій монастырь за мощами св. Филиппа. Съ нимъ были отпущены бояринъ князь Иванъ Никитичъ Хованскій, и Василій Отяевъ. Предпринимая эту поѣздку, Никонъ напомнилъ царю, что митрополитъ Филиппъ погибъ вслѣдствіе столкновенія духовной власти со свѣтскою, но что Богъ прославилъ его послѣ кончины, какъ святаго мученика. Поэтому свѣтская власть должна принести покаяніе въ своихъ дѣйствіяхъ относительно св. отца. Царь согласился и въ этомъ съ Никономъ, и далъ ему грамоту отъ себя къ Филиппу, въ которой говоритъ: «Молю тебя, святой отецъ, и желаю пришествія твоего сюда, чтобы разрѣшить согрѣшеніе прадѣда нашего, царя Ивана, совершенное противъ тебя неразумно завистію и несдержаніемъ ярости. Хотя я и неповиненъ въ досажденіи твоёмъ, однако гробъ прадѣда постоянно убѣждаетъ меня и въ жалость приводитъ, ибо вслѣдствіе твоего изгнанія и до сего времени царствующій градъ лишается твоей Святительской *паствы*. Поэтому преклоняю санъ свой царскій за прадѣда моего, противъ тебя согрѣшившаго, да оставиши ему согрѣшеніе его своимъ къ намъ пришествіемъ, да упразднится поношеніе, которое лежитъ на немъ за твое изгнаніе, и пусть всѣ увѣрятся, что ты помирился съ нимъ! Онъ раскаялся тогда въ своемъ грѣхѣ, и за это покаяніе и по нашему прошенію, приди къ намъ, св. владыка! Оправдался Евангельскій глаголь, за который ты пострадалъ: «всяко царство раздѣлившееся на ся, не станетъ», и нѣтъ болѣе теперь у насъ прекосящаго твоимъ глаголамъ, благодать Божія теперь въ твоей паствѣ изобилуетъ; нѣтъ уже болѣе никакого раздѣленія: всѣ единомысленно молимъ тебя, даруй себя желающимъ тебя, приди съ миромъ во свояси, и свои тебя съ миромъ примутъ». Никонъ долженъ былъ прочесть эту грамоту передъ ракою, прежде чѣмъ поднять ее для перенесенія въ Москву.

Во время отсутствія Никона, въ Москвѣ умеръ патріархъ Іосифъ. Царь написалъ объ этомъ Никону, и просилъ его поспѣшить возвра-

щеніемъ въ Москву, имѣя въ виду возвести его на мѣсто покойнаго Іосифа. Между тѣмъ до царя дошли вѣсти, что Никонъ очень сурово обращается съ бояриномъ Хованскимъ и Василиемъ Отяевымъ, своими спутниками, требуя отъ нихъ непрекословнаго повиновенія въ исполненіи различныхъ церковныхъ правилъ, постовъ, молитвъ и т. п. Царь Алексѣй Михайловичъ, опасаясь, чтобы вѣсти о суровости Никона не помѣшали его избранію, написалъ ему письмо, въ которомъ уговаривалъ его быть снисходительнымъ съ своими спутниками, которые жалуются въ письмахъ своихъ въ Москву на его строгость.

Никонъ привезъ мощи въ Москву 3-го Іюля, и на томъ мѣстѣ, гдѣ онѣ были встрѣчены горожанами, былъ поставленъ крестъ, который теперь стоитъ въ каменной часовнѣ у Троицкой заставы, получившей отъ этого названіе Крестовской. Часовня стояла тутъ съ давнихъ временъ, и въ ней останавливались наши цари, возвращавшіеся отъ Троицы, для краткаго отдыха и переодѣванія. Здѣсь же, по преданію, останавливался для отдыха преп. Сергій, всегда ходившій пѣшкомъ отъ Троицы въ Москву.

Въ Воскресенскихъ, встарину Неглиненскихъ воротахъ, св. мощи были встрѣчены Алексѣемъ Михайловичемъ, съ многочисленнымъ духовенствомъ и дворомъ. Народу было такъ много при этомъ, какъ писалъ Алексѣй Михайловичъ, «что не вмѣстился отъ Тверскихъ воротъ до Неглинскихъ, и по кровлямъ и по переулкамъ яблоку негдѣ было упасть: нельзя ни пройти, ни проѣхать». Мощи преподобнаго были пронесены на Лобное мѣсто, гдѣ подлѣ нихъ получила исцѣленіе одна дѣвица, потомъ на площадь, противъ Грановитой палаты, гдѣ опять было исцѣленіе, и въ Успенскій соборъ, гдѣ они стояли 10 дней среди церкви, для поклоненія молящихся. Множество больныхъ получило при этомъ исцѣленіе. Всѣ десять дней звонили въ колокола съ утра до вечера, какъ на святой недѣлѣ. Въ память перенесенія св. мощей митрополита Филиппа, царь Алексѣй Михайловичъ построилъ церковь св. митрополита Филиппа, что нынѣ въ Мѣщанской.

По окончаніи торжества перенесенія мощей, Никонъ былъ избранъ въ патріархи, согласно желанію государя, но долго отказывался отъ этого сана. Наконецъ, послѣ того, какъ царь Алексѣй Михайловичъ умолялъ его у мощей св. Филиппа принять патріаршество, Никонъ обратился къ предстоявшимъ боярамъ и народу съ вопросомъ: будутъ ли они его почитать какъ архипастыря и отца, и дадутъ ли ему устроить церковь? Всѣ поклялись ни въ чемъ ему не препятствовать. Тогда Никонъ изъявилъ согласіе принять предлагаемый санъ, и 25-го Іюля 1652 г. былъ посвященъ въ патріархи.

ГЛАВА XXVI.

Присоединеніе Малороссіи. — Война съ Польшею. — Моровая язва. — Исправленіе церковныхъ книгъ. — Свѣдѣнія о Москвѣ, сообщаемыя архидіакономъ Павломъ Алеппскимъ и Майербергомъ. — Описаніе шествія на ослахъ. — Перемиріе съ Польшею въ Андрусовѣ, и присоединеніе Кіева. — Народный бунтъ. — Отѣздъ патріарха Никона. — Судъ надъ нимъ.

1653 — 1667.

Въ 1653 году Москва сдѣлала важное пріобрѣтеніе: къ ней присоединилась Малороссія съ Кіевомъ, этимъ древнимъ достояніемъ русскаго народа, про который русскій князь, Олегъ, сказалъ: се буди мати градомъ русскимъ! Кіевъ былъ нѣкогда стольнымъ городомъ великихъ князей русскихъ, но теперь присоединялся къ Москвѣ, какъ ея область, такъ же какъ ранѣе того присоединился уже къ ней Новгородъ великій. Оба эти города были славны своимъ прошедшимъ, но не имъ суждено было стянуть къ себѣ всѣ разрозненные удѣлами части русскаго государства, а сплотила ихъ Москва.

Съ первыхъ лѣтъ царствованія Алексѣя Михайловича, на югѣ, среди Украинскихъ казаковъ вспыхнуло возстаніе противъ Польши, которой они были подвластны. Къ казакамъ присоединилась вся Украина, ненавидѣвшая Ляховъ и ихъ вѣру. Возстаніе длилось нѣсколько лѣтъ, и вождемъ его былъ гетманъ Богданъ Хмельницкій. Онъ велъ войну съ Польшею при помощи Крымскаго хана и Турціи; но союзники эти были ненадежны, а безъ нихъ силы гетмана были далеко не равны съ силами противника. Видя это, гетманъ завелъ сношенія съ Москвою, предлагая ей взять Украину подъ свою высокую руку и оборонить отъ Польши. Но въ Москвѣ медлили принятіемъ этого предложенія, и прежде попробовали помирить Польшу съ Украиной. Попытки примиренія, впрочемъ, ни къ чему не повели, потому что обѣ стороны были озлоблены другъ противъ друга, и не хотѣли дѣлать уступокъ. Хмельницкій настаивалъ, чтобы Москва принимала Украину въ свое подданство, или онъ отдастся Турціи. Царь Алексѣй Михайловичъ собралъ тогда земскій соборъ, чтобы общимъ голосомъ всей земли рѣшить, какъ дѣйствовать. На соборѣ было рѣшено принять Украину и объявить Польшѣ войну. Принявъ это рѣшеніе, стали дѣйствовать уже болѣе рѣшительно. Въ Малороссію былъ тотчасъ же посланъ бояринъ Бутурлинъ, окольный Алферьевъ, и думный дьякъ Лопухинъ, чтобы принять присягу отъ гетмана и всего войска. 8-го Января 1654 г. общая казацкая рада съ гетманомъ во главѣ приняла присягу въ Переяславлѣ, а затѣмъ Бутурлинъ поѣхалъ въ Кіевъ и др. города, которые тоже приняли присягу. Хмельницкій долженъ былъ по условію оставаться гетманомъ Малороссіи до смерти, а послѣ него казаки

могли выбирать гетмана по своему желанію, и кромѣ того имѣть до 60,000 своего войска.

Царь Алексѣй Михайловичъ давно уже подготовлялся къ войнѣ съ Польшею, и потому необходимость объявить ей войну не застала его врасплохъ.

Москва имѣла въ это время свой собственный желѣзный заводъ въ Тульскомъ уѣздѣ, отданный въ управленіе иностранцамъ, — на которомъ дѣлались пушки, ядра и разное оружіе. Но заводъ не могъ еще доставить всего нужнаго для войска, и потому царь посылалъ въ Голландію и Швецію для закупки оружія, а также и для найма обученаго войска. Лѣтомъ 1653 г. царь дѣлалъ смотръ войскамъ на Дѣвичьемъ полѣ, и предупреждалъ ихъ, что можетъ быть очень скоро прійдется имъ выступить противъ Польши. Слова государя скоро сбылись: 23-го Октября въ Успенскомъ соборѣ былъ объявленъ походъ противъ Польши, и съ весны 1654 г. войска стали выступать изъ Москвы. Передъ выступленіемъ главнаго войска, подъ начальствомъ Трубецкаго, было большое торжество въ Кремлѣ. Патріархъ Никонъ служилъ обѣдню въ Успенскомъ соборѣ, въ присутствіи государя и государыни, стоявшей на своемъ особенномъ мѣстѣ, за занавѣскою, а налѣво отъ нея стояли боярскія жены и др. придворныя женщины. Послѣ обѣдни былъ отслуженъ молебенъ, послѣ котораго бояре и воеводы прикладывались къ образамъ и мощамъ. Царь и патріархъ подошли къ образу Владимірской Божьей Матери, и Никонъ прочиталъ передъ нимъ молитву Богородицѣ, и молитву на рать идущимъ. Государь подалъ послѣ этого патріарху воинскій наказъ, а патріархъ положилъ его въ кіотъ Владимірской иконы. Подозвавъ къ себѣ бояръ и воеводъ, онъ сказалъ имъ напутственную рѣчь, послѣ которой взялъ изъ кіота наказъ и вручилъ его Трубецкому. Царь пошелъ изъ собора, поддерживаемый Трубецкимъ и Куракинымъ. Въ дверяхъ собора онъ остановился, и позвалъ всѣхъ бояръ и воеводъ къ своему столу.

Передъ началомъ обѣда, царь передалъ Трубецкому списокъ всѣхъ его войскъ, и сказалъ ему нѣсколько словъ, въ которыхъ убѣждалъ его быть милостивымъ и справедливымъ, беречь людей, ему вѣренныхъ, заповѣди Божіи соблюдать, и службу царскую исправлять съ готовностію. Послѣ этого, царь обратилъ рѣчь свою ко всему воинству, убѣждая его слушаться начальниковъ, и за вѣру и царя стоять крѣпко. Послѣ обѣда, ключарь съ соборомъ совершилъ хлѣбъ Богородицынъ, при пѣніи молитвъ пѣвчими. По окончаніи обряда, ключарь поднесъ панагію съ хлѣбомъ царю, который вкусилъ отъ него частицу. Послѣ этого ключарь поднесъ царю Богородицыну чашу, изъ которой царь отпилъ три раза, и потомъ подалъ ее изъ своихъ рукъ боярамъ и воеводамъ по чину. Они подходили къ царю, и, принимая чашу, цѣловали царскую руку. Послѣ нихъ царь подалъ чашу

ключарю съ братією. Затѣмъ ключарь совершалъ столъ, т. е. закончилъ его молитвой, и, поклонясь царю, вышелъ съ братією, за панагією, въ церковь.

Послѣ ихъ ухода, царь сѣлъ на свое прежнее мѣсто, и жаловалъ бояръ и воеводъ водкою и краснымъ медомъ, а дьяковъ краснымъ и бѣлымъ медомъ. Царь сказалъ при этомъ рѣчь боярамъ и воеводамъ, въ которой поручилъ имъ строго смотрѣть за тѣмъ, чтобы всѣ ратные люди обновились св. покаяніемъ и воспринятіемъ тѣла Христова на первой недѣлѣ Петрова поста. Трубецкой въ отвѣтной рѣчи благодарилъ царя за наставленіе, и обѣщалъ служить вѣрой и правдой. Тогда начался отпускъ. Первымъ подошелъ къ царю Трубецкой. Царь взялъ его обѣими руками за голову и прижалъ къ груди своей. Трубецкой былъ такъ этимъ растроганъ, что до тридцати разъ поклонился послѣ того царю въ ноги.

Отпустивъ бояръ и воеводъ, царь перешелъ въ сѣни Грановитой палаты, и велѣлъ позвать туда всѣхъ полчанъ, обѣдавшихъ въ царской столовой. Царь жаловалъ ихъ изъ своихъ рукъ бѣлымъ медомъ, и сказалъ имъ, что еще въ предъидущемъ году они должны были слышать отъ выборныхъ, участвовавшихъ на Земскомъ соборѣ, о неправдахъ Польскаго короля. Выступая въ походъ, они должны, стало быть, понимать, что идутъ стоять за православную вѣру, и мстить за обиды, нанесенныя Московскому государству. Царь прибавилъ, что и самъ выступить скоро, и готовъ кровь свою пролить за всѣхъ православныхъ христіанъ. Полчане были растроганы словами своего государя, и съ воодушевленіемъ отвѣчали, что рады головы свои положить за вѣру православную, за царя и отечество. Государь прослезился при этомъ, и отпустилъ всѣхъ съ добрыми пожеланіями.

26-го Апрѣля войска выступили на Брянскъ. Они шли черезъ Кремль, мимо дворца, гдѣ подъ переходами сидѣли государь и патріархъ. Поровнявшись съ ними, бояре и воеводы сошли съ лошадей и поклонились государю, который спросилъ ихъ о здоровьѣ, послѣ чего они поклонились ему до земли. Тогда всталъ Никонъ, благословилъ ихъ, и сказалъ напутственную рѣчь, которую царь прослушалъ стоя, изъ уваженія къ святителю.

Отпустивъ войска, царь сѣздилъ къ Троицѣ, и въ Саввинскій Звенигородскій монастырь, особенно чтимый имъ, сдѣлалъ смотръ на Дѣвичьемъ полѣ тѣмъ войскамъ, которые шли съ нимъ въ походъ, и 18-го Мая выступилъ изъ Москвы. Сотенные головы, начальные люди государева полка и головы стрѣлцкіе съ приказомъ собирались съ утра въ этотъ день на Дѣвичьемъ полѣ, и потомъ шли сотнями мимо дворца. Патріархъ кропилъ ихъ святой водой изъ окна столовой избы. Въ воротахъ, черезъ которыя шелъ государь, были сдѣланы по обѣ стороны возвышенія, обитыя краснымъ сукномъ, на которыхъ стояло духовенство, и кропило государя и все воинство святой водой.

Походъ государя былъ очень удаченъ. Воеводы его взяли Дорогобужъ, Невель, Вѣлюю, Мстиславль и другіе. Царь лично осадилъ Смоленскъ, и послѣ двухъ-мѣсячнаго сопротивленія, городъ сдался. Литовскіе воеводы вышли изъ Смоленска и преклонили знамена передъ Московскимъ государемъ, точно такъ же какъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ русскія войска принуждены были преклонить знамена передъ королемъ польскимъ. Государь вернулся послѣ этого въ Вязьму. Онъ не поѣхалъ въ Москву, потому что оттуда приходили печальныя извѣстія: тамъ свирѣпствовала моровая язва, принявшая страшныя размѣры въ городѣ и окрестностяхъ. Никакія мѣры противъ ея распространенія не помогали. Подъ смертною казнію было запрещено сообщеніе между зараженными и незараженными деревнями. Зараженные деревни оцѣплялись стражею, которая никого не пропускала и раскладывала частые огни вокругъ. Царское семейство, вмѣстѣ съ патриархомъ Никономъ, находилось въ Калязинскомъ монастырѣ. Грамоты, присылаемыя туда изъ Москвы, тщательно окуривались. Неутѣшительны были извѣстія, сообщаемыя этими грамотами: въ нихъ говорилось, что почти вся Москва вымерла. Въ лавкахъ никто не сидитъ, преступники изъ тюремъ разбѣжались, нѣсколько дворовъ разграблено, и остановить грабежа некому. По списку, сдѣланному царскимъ намѣстникомъ, княземъ Михаиломъ Петровичемъ Пронскимъ, всего умерло до 400,800 человекъ. Онъ самъ сдѣлался жертвою этой страшной болѣзни, а равно и три митрополита, присланные вмѣсто себя Никономъ. Множество труповъ валялось по улицамъ и домамъ, и голодные псы и свиньи рвали ихъ на клочки. Дошло до того, что уже не хватало гробовъ для покойниковъ, и ихъ не успѣвали даже хоронить съ обычными обрядами, а рыли просто огромную яму, и сваливали туда тѣла.

Тогда присланъ былъ въ Москву приказъ запереть все ворота въ Кремль, оставивъ только калитку на Боровицкій мостъ, но и ту запирать на ночь.

Съ 10-го Октября, наконецъ, болѣзнь стала ослабѣвать. Въ Декабрѣ государь прислалъ изъ Вязьмы узнать, что въ Москвѣ дѣлается, сколько умерло, и сколько осталось въ живыхъ. Оказалось, что въ Успенскомъ соборѣ остался въ живыхъ одинъ священникъ и одинъ дьяконъ, въ Благовѣщенскомъ одинъ священникъ, а изъ Архангельскаго собора протопопъ убѣжалъ въ деревню. Къ дворцу едва можно пройти отъ сугробовъ снѣга. Изъ дворцовыхъ людей осталось только 15 человекъ, да въ самомъ дворцѣ, въ Потѣшной палатѣ, карла Ивашка, которому были поручены царскіе попугаи. Въ Чудовомъ монастырѣ умерло 182 монаха, и осталось въ живыхъ 16. Въ Вознесенскомъ монастырѣ умерло 90 монахинь и осталось 38, и т. д. Страшное время пережила Москва, и только морозы пріостановили бѣдствіе.

Царица съ семействомъ выѣхала еще въ Іюль изъ Москвы, по рас-

пораженію патріарха Никона. Съ нею выѣхалъ и Никонъ, заручившись царскимъ указомъ, повелѣвающимъ ему сопутствовать царскому семейству. Но выѣздъ патріарха сильно возбудилъ противъ него народъ, который открыто говорилъ, что мѣсто патріарха было бы въ Москвѣ, во время бѣдствія. Выѣхалъ патріархъ, глава духовенства, а за нимъ разбѣжались и приходскіе священники, и христіане умирали безъ напутствія. Неудовольствіемъ народа воспользовались враги Никона, которыхъ онъ имѣлъ много. Они старались увѣрить народъ, что моровое повѣтріе послано Богомъ на Москву за еретическія нововведенія патріарха. Эти нововведенія состояли въ томъ, что Никонъ преслѣдовалъ иконы латинскаго письма, вошедшія въ употребленіе, и требовалъ ихъ уничтоженія. Кромѣ того, онъ занялся исправленіемъ книгъ, что и въ прежнія времена всегда вызывало сопротивленіе и неудовольствіе. Въ это время былъ уже отпечатанъ весь кругъ служебныхъ книгъ, но съ грубыми ошибками. Въ особенности искажены были книги, отпечатанныя при предшественникѣ Никона, Іосифѣ, поручившемъ это дѣло протопопу Аввакуму, попу Лазарю и др.

Прежде чѣмъ приступить къ исправленію книгъ, Никонъ созвалъ соборъ, въ концѣ 1653 г. и началъ 1654 г., которому указалъ въ присутствіи царя на разность русскихъ печатныхъ книгъ съ греческими, и древними рукописями славянскими, и спросилъ, должно ли исправить наши книги? Соборъ отвѣчалъ утвердительно, за исключеніемъ нѣкоторыхъ немногихъ членовъ, которые и были удалены Никономъ въ ссылку. Соборъ греческихъ архіереевъ подтвердилъ рѣшеніе Московскаго собора, и Никонъ поручилъ исправленіе книгъ Епифанію Славеницкому и греческому монаху Арсенію, вызванному имъ изъ Соловецкаго монастыря, куда онъ былъ сосланъ за то, что принималъ временно латинство, чтобы быть допущеннымъ въ Латинскія училища, гдѣ и получилъ образованіе. Прежде всего Никонъ отправилъ монаха Арсенія Суханова на Афонъ и другія мѣста для пріобрѣтенія греческихъ рукописей. Арсеній привезъ до 500 рукописей, изъ которыхъ до 200 было дано греческими архіереями.

Никонъ въ своихъ преобразованіяхъ коснулся еще ученія, утвердившагося у насъ въ XVI ст. о сугубой аллилуйи и о двуперетномъ сложеніи руки при осѣненіи себя крестнымъ знаменіемъ. Предшественникъ Никона, Іосифъ, крестился двумя перстами, и Никонъ тоже крестился двумя перстами, когда былъ Новгородскимъ митрополитомъ и въ началѣ патріаршества. Антіохійскій патріархъ Макарій, пріѣзжавшій въ Москву, объявилъ въ недѣлю православія въ Успенскомъ соборѣ, что надо креститься тремя перстами, и проклялъ ослушниковъ. Московскимъ соборомъ 1656 г. было окончательно установлено треперетное сложеніе.

Все это возбудило противъ Никона значительное число духовенства и старыхъ людей, не любившихъ нововведеній. Никонъ съ обычною

своею строгостью преслѣдовалъ тѣхъ, кто противился его волѣ; но это усиливало только сопротивленіе. Съ этихъ поръ старыя книги, напечатанныя при патриархѣ Іосифѣ, предшественникѣ Никона, получили особенную цѣну и значеніе въ глазахъ тѣхъ, которые были недовольны исправленіемъ книгъ. Эти недовольные получили названіе *староверовъ* отъ ихъ приверженности къ старымъ книгамъ, или иначе раскольниковъ, потому что они внесли расколъ въ нашу церковь, не подчинившись ея требованіямъ.

10-го Февраля царь пріѣхалъ въ Москву на короткое время, чтобы помолиться образу Пресвятыя Богородицы, приложиться къ мощамъ и ободрить нѣсколько жителей. Съ нимъ вернулась и царица, и все царское семейство.

Въ то же время прибылъ въ Москву и патриархъ Антиохійскій, Макарій, пріѣхавшій для сбора пожертвованій. Ему было отведено помѣщеніе въ монастырѣ свв. Афанасія и Кирилла въ Кремлѣ*), гдѣ онъ и жилъ болѣе года. Сопутствовавшій ему архидіаконъ Павелъ Алеппскій оставилъ описаніе путешествія патриарха на арабскомъ языкѣ.

Архидіаконъ Павелъ удивляется необыкновенному благочестію Москвичей, и ихъ неутомимости во время церковныхъ службъ, чрезвычайно продолжительныхъ. Патриархъ Макарій былъ часто приглашаемъ служить въ соборѣ вмѣстѣ съ Никономъ, и первая ихъ совмѣстная служба, въ воскресенье мясопуста, длилась до поздняго вечера. Она началась молебствіемъ съ водоосвященіемъ на Красной площади, послѣ котораго была литургія въ Успенскомъ соборѣ, окончившаяся длиннымъ поученіемъ Никона.

Вскорѣ по пріѣздѣ патриарха начался великій постъ и вотъ какъ описываетъ первую недѣлю Павелъ Алеппскій: «Улицы опустѣли. Вся знать, начиная отъ государя и патриарха, замкнулась въ своихъ палатахъ и домовыхъ церквахъ. Лавки со всѣми съѣстными припасами, недозволенными церковнымъ уставомъ для употребленія постомъ, были по распоряженію властей закрыты. Особенно же преслѣдовались питейныя заведенія и харчевни съ продажей питей; всѣ эти заведенія были не только немедленно закрыты, но и запечатаны царскою печатью, а нарушителей трезвости немедленно же схватывали ходившія по городу стрѣлцкія команды, били плетью и бросали въ тюрьму».

Въ теченіе первыхъ двухъ дней до самой среды царь и царица, по словамъ Алеппскаго, постоянно постятся и не выходятъ изъ церкви, и даже не раздѣваются, посвящая себя молитвамъ, бдѣніямъ и поклонамъ; свой постъ царь нарушаетъ только послѣ литургіи въ среду и

*) Время основанія этого монастыря относятъ къ XV вѣку; уничтоженъ онъ также давно. Въ послѣдствіи онъ былъ обращенъ въ подворье Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, сломанное въ XVIII в. для распространенія площади противъ Вознесенскаго монастыря.

то только кускомъ сладкаго хлѣба, по части котораго онъ разсылаетъ тоже боярамъ, и затѣмъ постъ его продожается до субботы, когда онъ принимаетъ св. причастіе и антидоръ. Только въ субботу разрѣшалось московскими обычаями оставить стѣны своего жилища для сношенія съ людьми. Первое воскресенье, называемое недѣлей православія, праздновалось въ Москвѣ слѣдующимъ образомъ:

Рано утромъ ударилъ колоколъ для сбора въ соборъ духовенства, назначеннаго какъ нести иконы, такъ и участвовать въ предстоящей церемоніи торжества православія. Наконецъ, послѣ долгаго благовѣста и разныхъ перезвоновъ, въ полдень зазвонили во всѣ колокола и народъ толпами ринулся въ соборъ, спѣша приложиться къ св. иконамъ, такъ какъ большая часть Москвичей, по словамъ Алеппскаго, прикладываются къ иконамъ только въ этотъ день.

Прозвонили разъ, въ другой, и въ третій, и діаконъ толпою, въ стихаряхъ и съ большими свѣчами въ рукахъ, вышли изъ церкви по направленію къ патріаршему дворцу. Вышелъ патріархъ, и діаконъ, встрѣтивъ его съ пѣніемъ свящ. псалмовъ, взяли его подъ руки и повели въ соборъ.

Вскорѣ затѣмъ пришелъ и самъ царь, одѣтый во всѣ свои царскія одежды и въ сопровожденіи своего придворнаго духовенства, которое несло передъ нимъ иконы.

Патріархъ благословилъ его, и затѣмъ началось одно изъ самыхъ торжественныхъ богослуженій, въ которомъ кромѣ двухъ патріарховъ участвовали еще пять русскихъ архіереевъ, и одинъ сербскій, не говоря уже о множествѣ архимандритовъ, игуменовъ и священниковъ.

Вся служба со всѣми многолѣтіями, и поминовеніями, продолжалась очень долго и своею торжественностію произвела сильное впечатлѣніе на Сирійцевъ. «Мы были поражены, говоритъ архидіаконъ, при видѣ всѣхъ этихъ обрядовъ, соблюдаемыхъ съ такою удивительною правильностію и полнотою. По окончаніи службы, Никонъ говорилъ еще длинное поученіе.

Кромѣ чрезмѣрнаго утомленія отъ продолжительности службы, архидіаконъ жалуется еще на крайнее изнуреніе отъ недостатка пищи, потому что Москвичи не дозволяютъ себѣ въ этотъ постъ ни малѣйшей частицы масла и не имѣютъ никакихъ кушаньевъ кромѣ гороху и бобовъ. Сирійцы поневолѣ должны были дѣлать такъ же. Съ нетерпѣніемъ ожидали они Свѣтлаго воскресенія, и вотъ какъ архидіаконъ описываетъ этотъ торжественный день: «Въ полночь 15-го Апр. по всей Москвѣ загудѣли колокола, и народъ спѣшилъ въ церкви. Мы отправились въ Успенскій соборъ. Какъ только пришелъ туда московскій патріархъ, мы вошли въ алтарь облачаться, и онъ роздалъ всѣмъ сослужащимъ свѣчи. Въ соборѣ уже горѣли въ это время 10 праздничныхъ люстръ, украшенныхъ гирляндами цвѣтовъ. Началось

служеніе, продолжавшееся чрезвычайно долго. Солнце уже встало, когда мы вышли изъ церкви. Въ шесть часовъ на колокольнѣ Ивана великаго опять зазвонили, и патріархъ Никонъ вмѣстѣ съ патріархомъ Макаріемъ поѣхалъ съ крестомъ и св. водою къ царицѣ (царя не было въ Москвѣ въ это время), а отъ нея въ соборъ, гдѣ служилъ обѣдню, окончившуюся послѣ одиннадцати часовъ утра».

Изъ свѣдѣній, даваемыхъ Алеппскимъ о Москвѣ и ея обычаяхъ, любопытно его описаніе одежды нашего духовенства: «Одежда здѣшняго духовенства дѣлается изъ зеленой и другихъ цвѣтовъ бумажной матеріи, или же суконная оливковаго цвѣта изъ ангорской шерсти, и послѣднюю, какъ особенно хорошую, носятъ почти всѣ. Она дѣлается съ широкимъ опускающимся на грудь и на плечи воротникомъ и по краямъ обшита полосками шелка или цвѣтнаго бархата со множествомъ серебряныхъ, или хрустальныхъ, или коралловыхъ, или бирюзовыхъ пуговицъ, которыми застегивается сверху до низу. Другіе носятъ мантіи съ большими и широкими рукавами. Молодые, еще непосвященные въ духовную степень чтецы носятъ одежду того или другаго вида. Одежда протопопа, въ отличіе отъ одежды обыкновенныхъ священниковъ, дѣлается изъ тяжелой парчи.

Обувь у бѣлаго духовенства и у большинства монаховъ и монахинь состоитъ изъ зеленыхъ туфель, матерьялъ для которыхъ вывозится изъ Персіи. Далѣе, на головѣ богатые изъ духовенства носятъ изъ зеленого, красного и черного бархата скуфейки, а прочіе — изъ бумажной матеріи; кромѣ того подъ скуфьями носятъ еще другія шапочки изъ красной бумажной матеріи, которыя обшиты желтой шелковой бахромой и позументомъ.

Волосъ на головѣ, за исключеніемъ небольшого кружка (гуменца) на макушкѣ, все духовенство не стрижетъ, предоставляя имъ расти во всю ихъ естественную длину, и тщательно заботится о прическѣ. Вообще, пишетъ архидіаконъ, совѣты съ зеркаломъ, хорошую прическу и хорошую одежду здѣсь не считаютъ грѣхомъ, и потому, вслѣдствіе постоянной внимательности къ себѣ, священники выглядятъ очень чисто и сановито. Совѣтъ другое пишетъ архидіаконъ о внѣшности и одеждѣ русскихъ монаховъ. «Клобуки съ ихъ опускающимися на глаза и плечи покрывалами у русскихъ монаховъ очень безобразны, и когда они смотрятъ въ землю, то нельзя разсмотрѣть ихъ лица; вся остальная ихъ одежда очень грязна; они напр. никогда не моютъ своего бѣлья, а носятъ до тѣхъ поръ, пока оно само не свалится съ плечъ; полукафтаны же ихъ, жилеты и штаны дѣлаются изъ зеленой персидской байки». Митрополитъ Никонъ первый перемѣнилъ клобукъ прежняго покроя на греческій, что вначалѣ не понравилось народу, но вскорѣ монахи Троицкаго монастыря, числомъ до 500 ч., всѣ за-

казали себѣ съ позволенія патріарха новые клобуки и покрывала, и понемногу они вошли во всеобщее употребленіе.

Архидіаконъ очень хвалитъ религіозность Москвичей. «Въ домахъ ихъ, говоритъ онъ, стояли цѣлыя иконостасы; на домахъ, при входѣ и выходѣ изъ нихъ, на всѣхъ домовыхъ службахъ, на воротахъ дворовъ — вездѣ стояли иконы и кресты. На каждомъ перекресткѣ, среди города, путникъ видѣлъ иконы, кресты и часовни, не говоря уже о множествѣ церквей, число которыхъ поражало иностранцевъ. Шелъ ли куда Москвичъ по своему частному дѣлу, онъ всегда прежде чѣмъ оставить свой домъ молился передъ иконами, стоявшими у него въ переднемъ почетномъ углу горницы, крестился затѣмъ при выходѣ двернымъ иконамъ, и только тогда уже спокойно отправлялся изъ дома по своему дѣлу, сопровождая свой путь постоянными крестными знаменіями и поклонами всѣмъ встрѣчнымъ иконамъ, крестамъ и часовнямъ.

Внѣшній видъ Москвы архидіаконъ описываетъ слѣдующимъ образомъ:

Москва — городъ открытый и очень привлекательный. Когда вы идете, передъ вами постоянно видъ полей, луговъ и деревень; городъ расположенъ на нѣсколькихъ холмахъ; особенно высоко стоитъ дворецъ. Всякій домъ съ прилежащимъ къ нему садомъ заключенъ въ стѣнахъ двора. Вокругъ всего города идетъ тридцати-верстный земляной валъ, укрѣпленный деревянными башнями и глубокимъ ровомъ; за нимъ внутри, на семь верстъ въ окружности, идетъ каменная стѣна, а въ самой срединѣ еще — кремль, построенный изъ кирпича и камня, защищенный глубокимъ ровомъ со стѣнами по краямъ; всѣ амбразуры въ Кремлевской стѣнѣ расположены рядами, другъ надъ другомъ, съ наклономъ ко внѣ, и построены такъ искусно, что невозможно никому ни скрыться подъ стѣной, ни приблизиться съ какой либо стороны.

Противъ водяныхъ воротъ Кремлевскихъ стѣнъ, за рѣкой, находится много садовъ, принадлежащихъ государю, и громадная площадь, для ученія конницы, уставленная многими рядами пушекъ.

Передъ восточной стороной вторыхъ стѣнъ лежитъ большая площадь, вся застроенная рядами лавокъ. Большая часть этихъ лавокъ построена изъ камня и снабжена желѣзными ставнями и дверями. Напротивъ ихъ — винные погреба каменные и кирпичные, которые теплы зимой и холодны лѣтомъ. Между рядами лавокъ есть книжная лавка, иконная, лавка для продажи новаго платья, для продажи колоколовъ, ладана, посуды и т. д. Въ каждомъ ряду для охраны держатъ собакъ, которые привязаны на длинныхъ веревкахъ и бѣгаютъ на блокъ вдоль всего ряда. Дворцы въ Москвѣ очень новы и построены изъ камня и кирпича на европейскій манеръ. Мы съ удивленіемъ любовались, глядя

на ихъ архитектуру и украшенія, на ихъ прочность, искусное расположеніе частей, множество оконъ и столбовъ на каждой сторонѣ, на высоту ихъ помѣщеній на громадныя башни и на разнообразіе масляныхъ красокъ внутри и внѣ, такъ что можно подумать, что стѣны обложены плитаи настоящаго разноцвѣтнаго мрамора, или мелкой мозаикой*).

Каждый домъ снабженъ здѣсь большими желѣзными засовами, точно также двери и окна (должно быть ставни) дѣлаются изъ прекрасно-обдѣланнаго свѣтлаго желѣза. Лѣстницы въ домахъ Москвичи строятъ обыкновенно высокія на четырехъ столбахъ съ арками.

Относительно числа домовъ въ Москвѣ и количества населенія надо сказать, что здѣсь есть дома и дворцы даже за землянымъ валомъ и ихъ даже, быть можетъ, болѣе, чѣмъ внутри города, потому что здѣшнее населеніе очень любитъ поля. Много разъ, когда мы выѣзжали съ нашимъ патріархомъ за городъ, говоритъ Алеппскій я замѣчалъ, что отъ монастыря внутри Кремля до землянаго вала нужно ѣхать болѣе часа, а пѣшкомъ вѣроятно не пройдешь и въ полтора; слѣдовательно длина всего города отъ востока къ западу, по моему счету, равна тремъ часамъ пути. Сельскихъ же домовъ, примыкающихъ къ городу на разстояніи версты, двухъ, трехъ, и даже семи, безчисленное множество, какъ это видно даже изъ самаго города.

Раннею весною царь опять выѣхалъ изъ Москвы въ Смоленскъ, а оттуда далѣе въ Бѣлоруссію, куда перешли уже царскія войска, и взяли Вильну, Ковно и Гродно. Польша была въ очень жалкомъ положеніи въ это время, потому что вела войну не только съ Москвою, но и съ Швеціею. Король Шведскій, Карлъ X, завладѣлъ Познанью, и взялъ Варшаву и Краковъ, такъ что король Польскій принужденъ былъ бѣжать въ Силезію. Но Карлъ X, не довольствуясь Польшею, хотѣлъ владѣть и Литвою, гетманъ которой, Радзивиль, послѣ взятія Вильны московскими войсками, поддался Шведскому королю. Вслѣдствіе этого возникли недоразумѣнія между Москвою и Швеціею, перешедшія вскорѣ въ открытую войну. Польскій король воспользовался этимъ, чтобы при посредствѣ Австрійскаго императора предложить Алексѣю Михайловичу перемиріе. Переговоры длились очень долго, и царь выступилъ тѣмъ временемъ въ походъ противъ Швеціи. Войска его взяли сначала Динабургъ, Кокенгаузенъ, Дерптъ, но подъ Ригю потерпѣли сильную неудачу. Царь лично осаждалъ Ригу, но городъ

*) Кирпичъ здѣшній очень хорошъ и гладокъ, и къ тому же чрезвычайно дешево. Каменьщики высѣкаютъ изъ кирпича фигуры, которыя не отличишь отъ каменныхъ. Известь здѣсь также очень хороша и тверда. Загасивши известь, смѣшиваютъ ее съ мелкимъ пескомъ, и, побрызгавши кирпичи водой, макаютъ ихъ въ известь и кладутъ двойнымъ рядомъ, забивая промежутки между ними битымъ кирпичемъ, который заливаютъ известью; все это, менѣе чѣмъ въ часъ времени, твердѣетъ и становится одной плотной массой.

держался болѣе мѣсяца, не смотря на сильную пальбу по немъ изъ шести баттарей. Наконецъ 2-го Октября осажденные вышли изъ города, напали на осаждавшихъ и нанесли имъ пораженіе. Царь принужденъ былъ снять осаду, и отступилъ къ Полоцку. Въ это время было заключено наконецъ перемиріе съ Польшею, по которому Малая и Вѣлая Русь остались за нами.

Царь возвратился въ Москву 10-го Декабря и на Лобномъ мѣстѣ былъ встрѣченъ, какъ описываетъ Павелъ Алеппскій, патриархами Никономъ и Макаріемъ, въ полномъ облаченіи, съ хоругвями, иконами и крестами. Царь тотчасъ же вышелъ изъ повозки, и тутъ же былъ отслуженъ молебень, послѣ котораго Никонъ привѣтствовалъ царя рѣчью, восхваляя его подвиги, а затѣмъ благословилъ и покропилъ его св. водой. То же повторилъ и Макарій, и бывший съ нимъ сербскій архіепископъ. Вслѣдъ за государемъ, подъ благословеніе къ Никону подошли и воеводы. Онъ и ихъ привѣтствовалъ рѣчью, а потомъ снова обратился къ государю, и поднесъ ему золотую икону Богоматери, ковригу хлѣба на серебряномъ блюдѣ, съ серебряной солонкой соли, и кувшинъ вина. Царь принялъ все это собственноручно, и, приложившись къ иконѣ, отдалъ ее своимъ придворнымъ. Потомъ, съ своей стороны, онъ передалъ патриарху бывшія съ нимъ въ походѣ голову св. Златоуста, крестъ Константина и иконы, которыя Никонъ принялъ, поцѣловалъ и тутъ же отослалъ съ діаконами въ церковь. Послѣ всего этого государь приказалъ «спросить о здоровьи народа», стоявшаго вокругъ Лобнаго мѣста, на что «весь міръ въ землю челомъ ударили и Царскому Величеству многолѣтствовали». Затѣмъ царь пошелъ въ Благовѣщенскій соборъ, чтобы приложиться къ св. иконамъ, и тогда только, получивъ еще разъ пастырское благословеніе отъ патриарховъ, онъ отправился во дворецъ.

Въ первое воскресенье послѣ пріѣзда государя, 16-го Декабря, оба патриарха служили литургію въ Успенскомъ соборѣ, при которой присутствовалъ царь и царица. Павелъ Алеппскій пишетъ, что прежде было не въ обычаѣ, чтобы царицы ходили днемъ въ церковь, а только ночью. Никонъ первый заставилъ идти царицу днемъ, и устроилъ для нея особое сѣдалище въ церкви. Самое шествіе Царицы въ соборъ Алеппскій описываетъ такъ: «Когда царица вышла изъ своего дворца, стрѣльцы расчистили ей среди толпившагося народа дорогу. Прежде всего прошли боярыни въ удивительномъ порядкѣ. Каждая пара была одѣта отлично отъ другой, хотя большею частію ихъ одежда была изъ темнаго или фіолетоваго бархата, а на головѣ небольшая шапочка съ околышемъ изъ соболей или дорогой черной лисицы, и съ опущеннымъ покрываломъ. Вслѣдъ за ними вошла въ церковь царица съ родной матерью по правую руку и съ сестрой, супругой Морозова, по лѣвую, и наконецъ послѣ всѣхъ вошли служанки и дѣвушки. При входѣ

царицы въ соборъ, патріархъ встрѣтилъ ее такъ же какъ и царя, — онъ подошелъ къ ней съ крестомъ, благословилъ ее, и покропилъ св. водой, послѣ чего уже возвратился на свое мѣсто, а цѣвчіе пропѣли ей многолѣтіе. Помолившись иконамъ, царица стала у своего стула, а чтобы не смотрѣлъ на нее народъ, съ правой стороны опустили занавѣсъ. Вблизи царицы стали ея родители и дяди; жены же бояръ съ ея служанками стали у сѣверныхъ дверей, и, чтобы скрыть ихъ отъ взоровъ народа, отъ центра колонны до стѣны опустили занавѣсъ.

По окончаніи литургіи, оба патріарха, разоблачившись, вышли изъ алтаря и благословили царя; вслѣдъ затѣмъ ему представлялось и поздравляло съ пріѣздомъ соборное духовенство: священники, діаконы и пѣвчіе, которые подошедши къ царю и сказавъ ему привѣтствіе, цѣловали у него правую руку. Наконецъ царь оставилъ церковь, двери заперли, и патріархъ Никонъ повелъ царицу прикладываться къ св. иконамъ и мощамъ, а также и къ ковчегу, содержащему въ себѣ ризу Господню; послѣ чего вышла и царица.

Нѣсколько дней спустя, именно 22-го Декабря, былъ обѣдъ у патріарха Никона. Алеппскій упоминаетъ о немъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: обѣдъ былъ въ высшей степени торжественъ, потому что, кромѣ праздника св. Петра, присоединилось торжество новоселья патріарха въ только что отдѣланныхъ имъ великолѣпныхъ палатахъ, которыя строились въ продолженіи трехъ лѣтъ и которыя «должны удивить всякаго, потому что и въ царскихъ дворцахъ едва ли есть что либо подобное».

По совѣту съ боярами царь рѣшилъ, что надо заключить поскорѣе миръ со Швеціею, такъ какъ въ Украинѣ открылись волненія, и надо было послать туда войско. Но привести въ исполненіе это намѣреніе царь могъ только нѣсколько лѣтъ спустя, при преемникѣ Карла X, Карлѣ XI. Всѣ города, ваятые Русскими войсками въ Ливоніи, были снова возвращены Швеціи.

Волненія въ Малороссіи, начались послѣ смерти Богдана Хмельницкаго, умершаго въ 1657 году. Послѣ него былъ выбранъ гетманомъ Иванъ Выговскій. Но избраніе его произвело большія смуты въ Украинѣ. Оно было произведено не всею казацкою радою, а меньшинствомъ людей чиновныхъ, и шляхтою, которая была недовольна присоединеніемъ къ Москвѣ, и тянула къ Польшѣ. Въ Москву стали доходить слухи, что Выговскій съ старшинами задумалъ измѣну. Дѣйствительно въ концѣ Августа онъ заключилъ договоръ съ Польшею, по которому обязался привести снова Малороссію въ ея подданство. Но противъ него возстала теперь вся Малороссія, и ему пришлось бороться съ нею при помощи Польши и Крымскихъ Татаръ. 15-го Января изъ Москвы выступилъ князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой, съ войскомъ около 150,000. Этому войску не посчастливилось

вначалѣ. Лучшая часть его была истреблена подъ Конотопомъ соединенными войсками Выговскаго и Крымскаго хана. 5,000 ч. досталось въ плѣнъ побѣдителямъ, и всѣ они были выведены на открытое мѣсто, и перерѣзаны какъ бараны, по соглашенію хана и Выговскаго. Въ Москвѣ напалъ ужасъ по полученіи этого извѣстія. Царь приказалъ укрѣплять Москву, ожидая нападенія. Къ счастью, тревога эта оказалась напрасною. Ханъ ушелъ вскорѣ обратно въ Крымъ, оставивъ въ Малороссіи не болѣе 15,000 Татаръ, а Польскаго войска было не болѣе 1,500 ч. Въ Заднѣпровьи, или восточной Украинѣ казаки снова объявили себя за Москву, перебили приверженцевъ Выговскаго, и дали знать объ этомъ въ Путивль Трубецкому. Вскорѣ за ними послѣдовала и западная сторона. Выговскій принужденъ былъ бѣжать въ Польшу. Въ Октябрѣ 1659 г. была собрана въ Переяславлѣ общая рада, въ полѣ за городомъ, которая выбрала гетманомъ Юрія Хмельницкаго, и занялась пересмотромъ всѣхъ статей договора, по которому Украина соединилась съ Москвою. По окончаніи рады, гетманъ, старшины и казаки приняли присягу Московскому царю. Но этимъ волненія въ Малороссіи еще не окончились. Юрій Хмельницкій вскорѣ по избраніи своемъ измѣнилъ Москвѣ, и присягнулъ Польскому королю. За нимъ присягнуло и все казацкое населеніе по правую сторону Днѣпра. Населеніе же по лѣвую сторону и Запорожье остались вѣрными Московскому царю. Между тѣмъ, Москва снова вступила въ войну съ Польшею, которая была вначалѣ неудачна: Гродно, Могилевъ и Вильна были снова отняты у Русскихъ.

Австрійскій императоръ Леопольдъ, желая содѣйствовать прекращенію кровопролитія, предложилъ свое посредничество воюющимъ сторонамъ, и отправилъ для этой цѣли своихъ пословъ въ Москву. Но это не повело къ желаемой цѣли, потому что требованія Польскаго короля были слишкомъ велики. Одинъ изъ императорскихъ пословъ, баронъ Майербергъ, оставилъ занимательное описаніе своего путешествія, изъ котораго приводимъ слѣдующее:

Для представленія царю Алексею Михайловичу, пишетъ Майербергъ, пословъ ввели въ довольно большую комнату, которую очень стѣснялъ только столбъ посрединѣ, поддерживающій сводъ. Стѣны были украшены старинною живописью, и между окнами прислонены были къ нимъ серебряные подсвѣчники. Кругомъ по стѣнамъ были подѣланы лавки, покрытыя коврами. Царь сидѣлъ на серебряномъ, позолоченомъ престолѣ, поставленномъ не по срединѣ, а въ лѣвомъ углу покоя, между двумя окнами, и казался въ тѣни. По срединѣ престола, надъ головою царя, висѣлъ образъ Божьей Матери. Вправо отъ него въ окнѣ возвышались часы въ видѣ башни. А въ другомъ окнѣ, замыкавшемъ уголъ всей стѣны, стояла серебряная пирамида, державшая золотой шаръ. Выше къ своду висѣли на стѣнѣ еще два

образа. На краю лавки, вправо отъ царя стоялъ серебряный рукомойникъ съ тазомъ и полотенцемъ, для умыванія и обтиранія царской руки, послѣ того какъ посольство по обычаю поцѣлуетъ ее. На головѣ имѣлъ онъ остроконечную шапочку съ собольимъ околышемъ, украшенную золотымъ вѣнцомъ съ драгоценными каменьями, который, какъ бы имѣя своимъ подножіемъ соболій околышъ, оканчивался въ верху крестомъ. Въ правой рукѣ онъ держалъ скипетръ. По правую сторону у него стоялъ князь Яковъ Куденетовичъ Черкасскій, по лѣвую тестъ его, Илья Даниловичъ Милославскій, тоже бояринъ. Передъ престоломъ стояли четверо княжескихъ сыновей, всѣ въ бѣлыхъ кафтанахъ, въ шапкахъ и съ сѣкирами въ рукахъ. Это были такъ называемые рынды. Лавки по правую сторону отъ царя, и отчасти по лѣвую, были заняты боярами, окольничими и думными дворянами, сидѣвшими съ открытыми головами. Послы вручили царю свои вѣрющія грамоты, послѣ чего были допущены къ рукѣ, поднесли царю подарки и откланялись. Въ этотъ день имъ былъ присланъ на подворье, гдѣ они остановились, обѣдъ съ царскаго стола. Онъ былъ поданъ слѣдующимъ образомъ: На грубой скатерти поставили одну солонку, два сосуда съ уксусомъ и масломъ; на верхнемъ концѣ стола положили для знатнѣйшаго изъ посольства единственную ложку съ ножомъ и вилкой, но все это изъ чистаго золота. Салфетокъ не положено было никакихъ. Лепешки или ломти хлѣба должны были исправлять должность тарелокъ. Одновременно было принесено 150 различныхъ кушаньевъ на серебряныхъ блюдахъ, изъ которыхъ нѣкоторые, по выбору пословъ, поставлены на столъ, а другіе отданы на храненіе ключнику. Кушанья всѣ были холодныя. 40 большихъ стопъ, отчасти серебряныхъ, отчасти оловянныхъ, были наполнены водкой, мальвазіей, испанскими и французскими винами, разными медами и пивомъ. Среди обѣда царскій кравчій предложилъ посольству выпить за здоровье царя, потомъ за здоровье императора, и затѣмъ за здоровье черевича Алексѣя. Всѣ эти тосты, съ полными титулами выслушивались и выпивались стоя.

Столъ у Москвичей самый незатѣйливый. Изъ мясныхъ яствъ самыми обыкновенными считаются: говядина, баранина и свинина, также нѣкоторыя домашнія и дикія птицы. Индѣйки появились въ Москвѣ только около 1625 г. Приготовленіе мясныхъ кушаньевъ производится очень просто. Всякое мясо варятъ въ одной водѣ, а иногда разнаго рода мясо варятъ въ одномъ горшкѣ, съ прибавкой нѣкотораго количества перца и уксуса. Для приправы мясныхъ кушаньевъ на столѣ всегда находятся соленые огурцы, сливы и кислое молоко. Все это употребляется съ жаркимъ, сильно приправленнымъ чеснокомъ и лукомъ. Телятины, заячьяго и голубинаго мяса въ старину совсѣмъ не употребляли. Самыми любимыми кушаньями Москвичей были рыбныя. Обѣды бывали изъ 30 и даже 40 блюдъ. При дворѣ же подавались

до 150 и до 200 блюдъ. Въ XVI в. царскіе обѣды начинались съ жаркаго, и притомъ непременно жареными павлинами, а въ XVII в. начинались со студня изъ говяжьихъ ножекъ или икроу. Простой народъ питается почти исключительно хлѣбомъ и чеснокомъ, запивая водой или жидкимъ квасомъ.

Изъ напитковъ за столомъ подавался квасъ, пиво, медъ и наливки, которыя были такъ хороши, что иностранцы удивлялись ихъ приготовленію. Также хвалили они и приготовленіе бѣлаго и краснаго меду, въ особенности послѣдняго. Хлѣбное вино вошло у насъ въ употребленіе въ XVII в., и предки наши скоро къ нему пристрастились. Они пили его передъ обѣдомъ, во время обѣда и послѣ него, находя его полезнымъ для сваренія желудка. Вино, употребляемое ими, было настолько крѣпко, что иностранцы не находили такой крѣпости ни у одного народа. Но предки наши, чтобы сдѣлать его еще крѣпче, настаивали его разными пряными кореньями и растеніями. Такое приправленное вино называлось настойкой, травникомъ, и уже гораздо позднѣе, при Екатеринѣ II, получило названіе ерофеича, по имени своего изобрѣтателя.

До водки, пишетъ Майербергъ, Москвичи большіе охотники, и часто бываетъ, что обыватель, пропивши въ кабакѣ всѣ деньги, отдаетъ по уговорной цѣнѣ шапку, кафтанъ и проч. одежду, даже до рубашки. Затѣмъ видишь его идущаго изъ кабака невѣрнымъ шагомъ, съ отяжелѣвшей головой, или валяющимся въ грязи, пока какой нибудь извозчикъ, въ надеждѣ получить плату за провозъ, не отвезетъ его къ домашнимъ. Извозчики съ наемными повозками стоятъ въ безчисленномъ множествѣ почти на каждой улицѣ. Москвитяне, которые побогаче, держатъ множество холоповъ и рабовъ, но кормятъ и одѣваютъ ихъ плохо, и жалованья не даютъ никакого. Вслѣдствіе этого, эти люди, не зная никакого честнаго ремесла, пускаются въ разбои и воровства. На улицахъ Москвы ежедневно бываютъ убійства по ночамъ, особенно въ торжественные дни годовыхъ праздниковъ и на масляницѣ, когда въ Москвѣ пьянствуютъ напролетъ дни и ночи: тогда увеличивается и число преступленій. Не смотря на свою беспорядочную жизнь, Москвитяне часто доживаютъ до глубокой старости, не испытавъ никогда никакой болѣзни. Надо думать, что здоровый климатъ поддерживаетъ ихъ, и къ тому же они не утомляютъ себя въ дѣтствѣ усиленными умственными занятіями.

Москвитяне всѣ безъ различія часто ходятъ въ баню. Они растягиваются на полкахъ и бьютъ себя березовыми вѣниками, а потомъ выбѣгаютъ совсѣмъ нагіе къ рѣчкѣ, которая течетъ обыкновенно по близости, и обмываются въ ней. Когда же суровая зима затянетъ воду льдомъ, то они выбѣгаютъ на снѣгъ, и послѣ долгаго натиранія имъ своего тѣла будто мыломъ, возвращаются въ банный жаръ, а потомъ

опять бѣгутъ въ холодъ, и повторяютъ эти крайности, по нѣсколькѣ разъ. То же дѣлаютъ и женщины простаго званія.

Люди позажиточнѣе держатъ своихъ женъ въ четырехъ стѣнахъ. Хозяйствомъ женщины не занимаются, а изъ рукодѣлій знаютъ только шить и прясть. Въ церковь онѣ ходятъ рѣдко, и то чрезъ особенную дверь, находящуюся со стороны погоста, и становятся на отгороженныя для нихъ во всякой церкви мѣста, съ лѣвой стороны. Простыя женщины заходятъ въ церкви когда тамъ никого нѣтъ, чтобы поклониться иконамъ и приложиться къ нимъ. Женщины высшаго круга всѣ бѣлятся и румянятся, и обычай этотъ такъ укоренился, что женихъ посылаетъ своей невѣстѣ румяна въ числѣ свадебныхъ подарковъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ, когда женщины выѣзжаютъ куда нибудь, то обыкновенно съ большою пышностію. Зимой онѣ ѣздятъ въ крытыхъ саняхъ съ слюдяными окошками, а прочія времена года въ колымагахъ, въ сопровожденіи густой толпы слугъ. Женщинъ низшаго сословія не держатъ въ заперти, онѣ очень часто выходятъ изъ дому, и любятъ выпить.

Употребленіе чая у насъ не было еще распространено въ это время, хотя напитокъ этотъ былъ уже извѣстенъ въ Москвѣ со времени Михаила Ѳедоровича. Пили бузу, Татарскій холодный напитокъ, приготовляемый изъ проса, и сбитень, или взваръ изъ нѣкоторыхъ травъ, какъ-то: звѣробоя, шалфея и др. съ медомъ и прибавкой лавроваго листа, инбирю или стручковаго перца.

Люди знатные и зажиточные дворяне, продолжаетъ Майербергъ, спятъ на перинахъ и подушкахъ, набитыхъ самымъ нѣжнымъ лебяжьимъ пухомъ, которыя кладутся на лавкахъ, придѣланныхъ къ стѣнѣ, а къ нимъ придвигаются подвижныя лавки. Такого рода постели задерживаются занавѣсомъ, состоящимъ изъ трехъ разныхъ полосъ. Стѣны у многихъ голыя, и у нѣкоторыхъ только обиты золоченой и расписанной кожей, Бельгійской работы, но довольно неряшливо. Простой народъ, и даже купцы, спятъ на лавкахъ, или на полатахъ, иногда на тюфякахъ, набитыхъ шерстью или соломой.

Въ Москвѣ раздѣляютъ годъ на 12 мѣсяцевъ, съ латинскими названіями, начиная годъ съ 1-го Сентября. День вмѣстѣ съ ночью раздѣляютъ на 24 часа, для различія которыхъ принимаютъ въ руководство присутствіе и отсутствіе солнца: отъ восхода его, часы бьютъ 1-й дневной часъ, и всѣ прочіе до самаго захожденія солнечнаго, а потомъ начинаютъ опять съ 1-го часа ночи и продолжаютъ бить прочіе часы до самаго солнечнаго восхода.

Любимою игрою нашихъ предковъ были шахматы, въ которые играли всѣ, начиная съ бояръ, и кончая простолюдинами. Любимымъ развлеченіемъ ихъ было пѣніе, какъ свѣтскихъ: свадебныхъ, хороводныхъ, святочныхъ, плясовыхъ пѣсенъ, — такъ и церковное пѣніе. Изъ музы-

кальныхъ инструментовъ были извѣстны: *Гудокъ*, родъ скрипки о 3 струнахъ, на которомъ играли посредствомъ смычка. *Вольника*, состоящая изъ кожанаго пузыря, надуваемаго посредствомъ трубочки, прикрѣпленной сверху; къ нижнему же концу привязывались двѣ разной величины трубочки, чрезъ которыя выходящій воздухъ составлялъ басы, и небольшая дудочка съ отверстіями, посредствомъ которыхъ игрокъ, затворяя ихъ пальцами и отворяя, давалъ разныя напряженія голосамъ. *Балалайка*, древній русскій инструментъ, она изобрѣтена Русскими во время владычества Татаръ, *Гусли*, и, наконецъ, *Варанъ*, маленькій желѣзный инструментъ, на которомъ играли, прикладывая его къ губамъ. Кромѣ этихъ инструментовъ употреблялись еще: свирѣль, дудка, жилейка, рожокъ.

Царь Алексѣй Михайловичъ, по словамъ Майерберга, былъ средняго роста, съ кроткой наружностью, бѣлъ тѣломъ, съ румянцемъ на щекахъ, волосы у него были бѣлокурые и красивая борода; онъ былъ одаренъ крѣпостью тѣлесныхъ силъ, но уже въ 36 лѣтъ въ немъ замѣтно было расположеніе къ тучности. Онъ былъ одаренъ блестящими врожденными дарованіями, и отличался набожностію и чрезвычайною добротою. Онъ имѣлъ безчисленное множество придворныхъ, и всѣ они обязаны были ежедневно до полудня являться во дворецъ. Въ 12 ч. царь садился за свой обѣденный столъ, уставленный великимъ числомъ кушаньевъ. Онъ утолялъ жажду квасомъ, любимымъ напиткомъ Москвичей. Для укрѣпленія желудка онъ выпивалъ полную чару Испанскаго вина. Жена и сынъ его, уже десятилѣтній, никогда не обѣдали съ нимъ, а тѣмъ менѣе сестры и дочери, которыя по принятому обычаю не должны показываться на глаза постороннимъ. Между тысячею придворныхъ служителей, едва ли найдется одинъ, который бы могъ сказать, что онъ хоть одинъ разъ видѣлъ кого нибудь изъ нихъ. Однажды, когда царица лежала больная въ постели, она пожелала принять приглашеннаго врача въ своей спальнѣ, полутемной отъ завѣшенныхъ оконъ, чтобы доктору поменьше было ее видно, и подала ему для изслѣдованія правую руку, которую покрыла первоначально тонкою тканью, чтобы онъ не осквернилъ ее своимъ прикосновеніемъ. Когда государыня пожелаетъ выѣхать, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ, то ее везутъ въ закрытой колымагѣ, или въ закрытыхъ санияхъ, смотря по времени года. Царица всегда ѣздитъ на бѣлыхъ лошадахъ, по четыре въ рядъ, и притомъ въ нѣсколько рядовъ. Въ церковь она ходитъ изъ дворца сѣнями, закрытыми со всѣхъ сторонъ. Въ торжественные дни, или въ обыкновенные праздники, идущая позади ея знатная дѣвица держитъ надъ головой ея круглый зонть, прирѣзанный къ длинной рукояти. Въ самые большіе праздники, когда царица надѣваетъ вѣнецъ, четыре такихъ же дѣвицы несутъ надъ нею длинный зонть (балдахинъ), подъ которымъ между нею и идущими

Входа въ Іерусалимъ, гдѣ первый возлагалъ на себя на паперти собора царскія одежды, крестъ, бармы, царскую шапку и порфиру, и бралъ въ правую руку золотой жезлъ, — а второй облачался и служилъ молебень. Въ то же время на Лобномъ мѣстѣ ставили наложь, покрытый бархатной пеленой, съ Евангеліемъ и иконами Іоанна Предтечи, Николая чудотворца и Казанской Божьей Матери. Близъ Лобнаго мѣста противъ Воскресенскихъ воротъ ставили ослиа или коня въ бѣлой попонѣ, возлѣ котораго находились патриаршіи бояринъ и пять діаконовъ. Рядомъ съ конемъ стояла колесница, запряженная шестью лошадьми, по двѣ въ рядъ, покрытыми цвѣтными бархатными попонами, и имѣющими украшенія на головахъ изъ страусовыхъ и павлиньихъ перьевъ. Колесница или сани, какъ ее называли ветарину, хотя она и была на колесахъ, была обита краснымъ сукномъ и имѣла перила, расписанныя разными яркими красками. Посрединѣ колесницы ставилось большое дерево, верба, украшенное искусственною зеленью, цвѣтами, яблоками, изюмомъ, финиками, винными ягодами, цареградскими стручками и орѣхами.

По окончаніи молебствія Патриархъ и царь выходили изъ Покровскаго собора, и образа и хоругви несли, по благословенію патриарха, обратно въ Кремль, послѣ чего патриархъ всходилъ на Лобное мѣсто и подносилъ царю ваю — пальмовую или финиковую вѣтвь — и вербу. Затѣмъ такія же ваи и вербы онъ раздавалъ высшимъ духовнымъ и свѣтскимъ властямъ, а стрѣльцамъ и народу раздавали митрополиты одну только вербу. Послѣ раздачи ваи и вербы, архидіаконъ читалъ Евангеліе, и при словахъ: «и посла два отъ ученикъ», протопопъ и ключарь, принявъ отъ Патриарха благословеніе, подводили къ Лобному мѣсту ослиа, покрывали его краснымъ сукномъ, а на сѣдло клали коверъ. Патриархъ, взявъ въ одну руку Евангеліе, а въ другую крестъ, благословлялъ царя, и садился на ослиа. Шествіе возвращалось въ томъ же порядкѣ обратно. За дьяками, дворянами и стольниками везли вербу на колесницѣ, а вокругъ вербы стояли патриаршіе пѣвчіе, мальчики лѣтъ 12, въ бѣлыхъ одеждахъ, и пѣли стихиры цвѣтоносію. За вербой шло духовенство, потомъ ближніе люди, думные дьяки, и окольничіе съ ваями въ рукахъ. За ними шелъ Царь, одѣтый въ большой царскій нарядъ, поддерживаемый подъ руки ближними людьми, и велъ за конецъ повода ослиа, на которомъ сидѣлъ Патриархъ. Средину повода держалъ одинъ изъ высшихъ бояръ, а по обѣимъ сторонамъ вели ослиа за уздцы два дьяка, Государевъ и Патриаршіи, и Патриаршіи же Колюшанныи старецъ. Кромѣ того, для обереганія патриарха по обѣ стороны ослиа шли Патриаршіи бояринъ и дьяки. Патриархъ осѣнялъ народъ во время шествія крестнымъ знаменіемъ. Царица вмѣстѣ съ царицами и царевнами находилась въ это время въ Грановитой палатѣ и изъ оконъ смотрѣла на торжественное шествіе. Патриархъ, приближаясь

къ Успенскому собору, благословлялъ государя крестомъ, и въ то же время осѣнялъ крестнымъ знаменіемъ царицу и ея дѣтей, обращаясь по направленію къ Грановитой палатѣ. Впереди царя стольники и ближніе люди несли царскіе: жезлъ, вербу, свѣчу и полотенца, а по обѣ стороны шли бояре, окольнічіе и думные дворяне. На всемъ пространствѣ отъ Лобнаго мѣста до Успенскаго собора, стрѣleckіе дѣти отъ 10 до 15 лѣтъ постилали путь красными и зелеными сукнами, а также однорядками и кафтанами. По вступленіи шествія въ Спасскія ворота, начинался колокольный звонъ во всѣхъ церквахъ и продолжался до входа Патріарха и Царя въ Успенскій соборъ, гдѣ архидіаконъ дочитывалъ Евангеліе, начатое на Лобномъ мѣстѣ, и Патріархъ принималъ изъ рукъ Царя ваю, благословлялъ его и цѣловалъ въ правую руку, а Царь, принявъ благословеніе, цѣловалъ Патріарха въ плечо, и возвращался во дворецъ, гдѣ слушалъ литургію въ одной изъ дворцовыхъ церквей. Патріархъ, между тѣмъ, служилъ литургію въ Успенскомъ соборѣ, по окончаніи которой подходилъ къ вербѣ, стоявшей у южныхъ дверей собора, и благословлялъ ее, послѣ чего ключари обрѣзывали вѣтви, одну изъ нихъ относили въ алтарь, другія на серебряномъ блюдѣ во дворецъ, третьи раздавали духовенству и боярамъ, и остальные, наконецъ, съ украшеніями передавали стрѣльцамъ и народу.

По окончаніи этого обряда, у Патріарха бывалъ обыкновенно праздничный обѣдъ, въ Крестовой палатѣ, къ которому приглашалось духовенство, бояре и другіе высшіе свѣтскіе чины. По окончаніи стола пили задравныя чаши за Царя и Патріарха, и затѣмъ Патріархъ дарилъ боярину и дьяку, которыхъ вели ося, по серебряному кубку, по куску атласа и бархата, и по нѣскольку соболей, и приказывалъ своему боярину и дьяку нести къ Царю и его семейству кубки съ виномъ, и всѣ тѣ кушанья, какія подавались къ обѣду. Царь приказывалъ принять кубки и кушанья, и жаловалъ боярину и дьяку — первому по два кубка романей, а второму одинъ. Кромѣ того, Патріархъ посылалъ кушанья и кубки съ винами ко всѣмъ свѣтскимъ и духовнымъ властямъ, участвовавшимъ въ шествіи, приказывалъ кормить и поить стрѣleckихъ дѣтей, устлавшихъ путь, и дарилъ каждому изъ нихъ по двѣ гривны. Отъ Царя же стрѣleckіе дѣти получали въ даръ то сукно, которое они постилали на пути, или вмѣсто сукна по 8 алтынъ на человѣка.

Обрядъ шествія на осяти прекратился въ царствованіе Петра I, уничтожившаго Патріаршество.

Перемиріе съ Польшею заключено было лишь въ 1667 году бояриномъ Ордынъ-Нащокинымъ, въ деревнѣ Андрусовѣ, на 13 лѣтъ. Смоленскъ и лѣвый берегъ Днѣпра остались за Москвою, и, кромѣ того, Кіевъ на два года: но съ этихъ поръ онъ уже не отдѣлялся болѣе отъ Москвы.

Послѣ Андрусовскаго перемирія война съ Польшею не возобновлялась до конца XVIII ст. Этимъ перемиріемъ заканчивается великая борьба между Москвою и Польшею, и съ этихъ поръ Москва получаетъ преобладающее вліяніе: Польша идетъ къ своему паденію, а Москва дѣлается сильнымъ русскимъ государствомъ.

Всѣ эти войны, въ которыя Москва была втянута поневолѣ, и которыя такъ разбрасывали ея силы въ различныхъ направленіяхъ, стоили дорого ея казнѣ. Къ тому же она вынесла еще такъ недавно страшное бѣдствіе моровой язвы, и подверглась не менѣ пагубнымъ внутреннимъ безпорядкамъ, о которыхъ будетъ сказано далѣе. Вслѣдствіе всего этого царская казна была до того истощена, что не доставало денегъ на уплату жалованья войску. Царь, видя какъ многія государства богатѣютъ отъ развитія у нихъ промышленности и торговли моремъ, и не имѣя своей собственной гавани на Балтійскомъ морѣ, думалъ было завести торговлю изъ гаваней дружественнаго ему герцога Курляндскаго. Но это оказалось неудобноисполнимымъ, да и во всякомъ случаѣ не могло помочь дѣлу скоро. Вслѣдствіе этого царь рѣшился по совѣту Федора Михайловича Ртищева выпустить мѣдныя деньги, которыя должны были ходить за серебряныя. Московскія деньги состояли до того изъ серебряной продолговатой монеты, называемой копейка. Была еще мѣдная монета, называемая деньга, ихъ было четыре въ одной копейкѣ, — но она была мало въ ходу. Три копейки составляли воображаемый алтынъ, десять копеекъ — гривну, и сто копеекъ — рубль. Царь велѣлъ отчеканить мѣдныя копейки и принимать ихъ всѣмъ по равной цѣнѣ съ серебряными. Сначала народъ покорился безпрекословно этому распоряженію, но когда его стали силою принуждать обмѣнивать золотую и серебряную монету на мѣдную, то эти послѣднія вдругъ упали въ цѣнѣ. Слѣдствіемъ этого была страшная дороговизна, потому что купцы просили за свой товаръ, а крестьяне за свой хлѣбъ и др. съѣстные припасы, — вдесятеро дороже противъ обыкновеннаго. Кромѣ того, появилось много фальшивыхъ монетчиковъ, и самыя строгія преслѣдованія не могли искоренить этого зла. Преслѣдованія не достигали своей цѣли потому еще, что преступники находили себѣ укрывателей въ тестѣ царскомъ, Ильѣ Даниловичѣ Милославскомъ, и думномъ дворянинѣ Матюшкинѣ, бравшихъ съ нихъ за то взятки. Это дошло до царя, и онъ долго сердился на Милославскаго, а Матюшкина отставилъ отъ приказа.

Но народъ не удовлетворился этими мягкими мѣрами относительно виновныхъ. 25-го Іюля 1662 г. густыя толпы собрались на Срѣтенкѣ. Царь былъ въ это время въ Коломенскомъ. Вдругъ кто-то изъ толпы закричалъ, что на Лубянкѣ у столба приклеено письмо. Всѣ двинулись туда, и увидали бумажку приклеенную воскомъ къ столбу, и на ней написано: «измѣнникъ Илья Даниловичъ Милославскій, да

окольныйій Федоръ Михайловичъ Ртищевъ, да Иванъ Михайловичъ Милославскій, да гость Василій Шоринъ». Дворянинъ Семень Ларионовъ и дьякъ Аѳанасій Башмаковъ сорвали письмо, но толпа отняла у нихъ письмо обратно, пошла на Лубянку, и у церкви преподобнаго Θεодосія*) письмо было снова прочтено во всеуслышаніе, а затѣмъ еще разъ у земскаго двора. Послѣ этого народъ двинулся съ письмомъ въ Коломенское.

Царь былъ у обѣдни, когда увидалъ изъ окна церкви толпы народа, идущаго къ дворцу. Толпа шла съ шумомъ и крикомъ, съ угрозами повторяя имена Милославскихъ и Ртищева. Государь тотчасъ же велѣлъ названнымъ лицамъ укрыться въ комнатахъ царицы и царевенъ, а самъ остался дослушивать обѣдню. Но толпа настойчиво требовала видѣть царя, и онъ вышелъ къ ней. Ему поднесли въ шапкѣ письмо и просили прочесть его передъ всѣмъ міромъ, «а измѣнниковъ привезь передъ себя». Царь, выслушавъ это, сказалъ, чтобы всѣ шли домой, а что онъ, дослушавъ обѣдню, пріѣдетъ въ Москву и учинить сыскъ и указъ. Толпа какъ бы не вѣрила вначалѣ. Тогда царь ударилъ по рукамъ съ однимъ изъ толпы въ знакъ того, что онъ сдержитъ свое слово, и послѣ этого всѣ удалились. Царь пошелъ опять въ церковь, а въ Москву послалъ, впередъ себя, боярина князя Ивана Андреевича Хованскаго.

Въ Москвѣ Хованскій засталъ другую толпу, которая грабила домъ Шорина. Не находя Шорина самого, потому что онъ успѣлъ скрыться въ Кремль, въ домъ Черкаскаго, толпа захватила его сына, пятнадцатилѣтняго юношу, и повезла въ Коломенское, не смотря на увѣщанія Хованскаго не дѣлать этого. За городомъ толпа эта встрѣтила первую толпу, возвращавшуюся изъ Коломенскаго, и уговорила ее идти съ нею вторично въ Коломенское. Они пришли туда, когда государь уже садился на коня, чтобы ѣхать въ Москву. Къ нему подвели молодаго Шорина и заставили его говорить противъ своего отца, что онъ измѣнникъ, ѣздилъ въ Польшу съ боярскими грамотами, и т. д. Когда онъ сказалъ все, что ему было приказано, толпа стала громко требовать, чтобы царь выдалъ измѣнниковъ, а не отдастъ волею, то они возьмутъ силою. Это было уже слишкомъ, и царь приказалъ стрѣльцамъ ударить на мятежную толпу, которая тотчасъ же обратилась въ бѣгство. Стрѣльцы погнались за нею, били и хватали, сколько могли. Около ста чловѣкъ утонуло въ рѣкѣ, и болѣе 7000 чел. было перебито и перехвачено, хотя главныхъ зачинщиковъ было не болѣе 200 чел. Остальные пристали изъ любопытства и подражанія. Перехваченныхъ отправили

*) Деревянная церковь преподобнаго Θεодосія находилась близъ церкви архидіакона Еввила, существующей и понынѣ. Церковь Θεодосія существовала до 1689 г.

въ Николо-Угрѣшскій монастырь, гдѣ ихъ допрашивали, и нѣкоторыхъ виновныхъ казнили, а другихъ подвергли ссылкѣ. Главнаго же виновника, который написалъ письмо и приклеилъ къ столбу, — не нашли. Волненіе утихло, но царь видѣлъ, что выпускъ мѣдныхъ денегъ вмѣсто серебряныхъ не принесъ желаемой пользы, и въ слѣд. году выдалъ указъ о замѣнѣ мѣдныхъ денегъ серебряными, какъ было прежде.

Ко всѣмъ этимъ внутреннимъ затрудненіямъ и продолжительной внѣшней войнѣ, присоединились еще для царя затрудненія съ патриархомъ Никономъ, бывшимъ *собиннымъ* пріателемъ его. Поводомъ къ охлажденію и неудовольствію царя являлось чрезмѣрное властолюбіе Никона. Онъ сталъ называться великимъ государемъ, по примѣру патриарха Филарета Никитича, который носилъ этотъ титулъ какъ царскій отецъ и соправитель, и, стало быть, не могъ служить примѣромъ Никону. Властолюбіе Никона развилось еще болѣе во время долгихъ отлучекъ царя изъ Москвы, когда онъ оставался первымъ лицомъ въ городѣ. Съ другой стороны, царь Алексѣй Михайловичъ возмужалъ въ походахъ, сдѣлался самостоятельнѣе, и, вернувшись, естественно долженъ былъ прійти въ столкновение съ другою властію, развившеюся и окрѣпшею за время его отсутствія. Никонъ не пользовался ничьею любовью вслѣдствіе своего крутаго нрава, и потому сейчасъ же нашлись люди, которые воспользовались неудовольствіемъ царя на него, чтобы поселить между ними вражду.

Кромѣ своего чрезмѣрнаго властолюбія и суровости, Никонъ возбудилъ къ себѣ вражду, какъ уже было разсказано выше, исправленіемъ книгъ, гоненіемъ на латинскія иконы, вошедшія въ употребленіе, и другими нововведеніями. Царь часто получалъ челобитныя на него, но долгое время не обращалъ на нихъ вниманія. Между тѣмъ общее неудовольствіе на Никона росло съ каждымъ днемъ. Наконецъ, царю была подана длинная челобитная, въ которой жаловались на Никона не только за его новшества, но и за то, что онъ дурно исполняетъ свои обязанности, какъ патриархъ, окружилъ себя царскимъ величіемъ, и доступъ къ нему для духовенства сталъ чрезвычайно труденъ. Царь пришелъ къ убѣжденію, что во всѣхъ этихъ челобитныхъ есть большая доля правды, и сталъ удаляться отъ патриарха, явно выказывая ему свое неудовольствіе. Никонъ, по своему высокомерію, не искалъ объясненія съ царемъ, и, считая себя обиженнымъ, въ свою очередь удалялся отъ царя. Тогда послѣдовалъ полный разрывъ, и вотъ по какому ничтожному случаю:

Окольникій Хитрово, очищая въ толпѣ путь для грузинскаго царевича Теймураза, ѣхавшаго въ обѣду во дворецъ, ударилъ человека, который оказался посланнымъ патриарха. «Не дерись» Богданъ Матвѣвичъ, закричалъ ему этотъ человекъ. Да кто ты такой, спросилъ

его Хитрово. «Посланный патриарха». Не чванясь, отвѣчалъ ему Хитрово, и ударилъ его во второй разъ по лбу.

Патриархъ оскорбился этимъ поступкомъ Хитрово, и написалъ записку царю, прося его разыскать дѣло, и наказати Хитрово. Царь отвѣчалъ, что дѣло разыщеть, но медлилъ. Между тѣмъ, 10-го Іюля, въ день праздника Ризы Господней, къ патриарху явился посланный отъ царя, Юрій Ромодановскій, съ извѣщеніемъ, чтобы патриархъ не ждалъ прибытія царя въ Успенскій соборъ и начиналъ бы обѣдню безъ него. Ромодановскій прибавилъ, что царь гнѣвается на него, патриарха, зачѣмъ онъ пишется великимъ государемъ, потому что одинъ царь можетъ называться этимъ именемъ, и приказываетъ ему не называться такъ болѣе.

Сильно оскорбило это гордаго Никона. Онъ поѣхалъ въ соборъ, отслужилъ обѣдню, и затѣмъ обратился къ народу съ рѣчью, въ которой объявилъ, что онъ оставляетъ патриаршество, и если помыслить быть патриархомъ снова, то анаѣма да будетъ. Народъ сталъ умолять его остаться, и отняли у него мѣшокъ съ простымъ монашескимъ платьемъ, которое хотѣлъ надѣть патриархъ. Никонъ пошелъ въ ризницу, надѣлъ тамъ мантию съ источниками и чернѣйшій клобукъ, и поставивъ посохъ св. Петра на святительскомъ мѣстѣ, взялъ себѣ простую палку. Тутъ же, въ ризницѣ, онъ написалъ письмо къ царю, въ которомъ говорилъ, что уходитъ ради гнѣва царскаго. Затѣмъ онъ хотѣлъ выйдти изъ собора. Но народъ не выпустилъ Никона, и пропустилъ только митрополита Пителима, который пошелъ къ царю разсказать что дѣлается въ соборѣ. Царь смутился, услышавъ о поступкѣ патриарха, и прислалъ въ соборъ старшаго боярина, князя Алексѣя Никитича Трубецкаго, который подошелъ подъ благословеніе Никона, и сталъ просить его не оставлять престола, что царь его жалуетъ и радъ ему. Никонъ подалъ Трубецкому письмо, которое просилъ передать государю, а самъ остался въ соборѣ ждать отвѣта. Всѣ думали, что царь самъ прійдетъ въ соборъ для объясненій, но вмѣсто него явился снова Трубецкой, и, отдавая Никону его письмо обратно, просилъ его именемъ царскимъ не оставлять престола. Никонъ отвѣтилъ на это, что онъ своего намѣренія не перемѣнитъ, и съ этими словами вышелъ изъ собора. Когда онъ хотѣлъ сѣсть въ карету, то народъ выпрягъ его лошадей. Никонъ пошелъ пѣшкомъ черезъ Кремль въ Спасскія ворота. Народъ забѣжалъ ему впередъ и заперъ ворота. Никонъ сѣлъ въ одномъ изъ углубленій воротъ; въ это время явился посланный изъ дворца, который велѣлъ отпереть ворота, и Никонъ продолжалъ свой путь черезъ Красную площадь, на Ильинку, гдѣ находилось подворье Воскресенскаго монастыря (новаго Іерусалима), построеннаго Никономъ. Тутъ онъ благословилъ и отпустилъ народъ. Вскорѣ послѣ того, онъ выѣхалъ въ Воскресенскій монастырь.

Никонъ сказалъ сторяча, что если опять помыслить быть патріархомъ, то анаѣма да будетъ, но, одумавшись, онъ не захотѣлъ отказываться отъ своего сана, что повело къ большимъ затрудненіямъ. Царь и духовенство не могли избрать новаго патріарха, прежде чѣмъ прежній не откажется окончательно отъ патріаршества. Но Никонъ говорилъ, что онъ оставилъ патріаршество по своей волѣ, Московскимъ патріархомъ называться болѣе не будетъ, но санъ патріарха сохраняетъ попрежнему. Царь Алексѣй Михайловичъ созывалъ соборъ для рѣшенія этого дѣла, но на соборѣ мнѣнія разошлись. Епифаній Славеницкій, пользовавшійся славою глубокаго ученаго, отказался подписать постановленіе о низверженіи Никона, такъ какъ не находилъ такого правила, по которому можно бы низвергнуть архіерея, оставившаго свой престолъ, но не отрешагося отъ архіерейства. Царь обратился къ суду вселенскихъ патріарховъ, и просилъ, чтобы трое изъ нихъ, Александрійскій, Антиохійскій и Іерусалимскій, пріѣхали бы въ Москву для разъясненія дѣла. Макарій Антиохійскій и Паисій Александрійскій обѣщали пріѣхать. Между тѣмъ, въ ночь съ 17-го на 18-е Декабря 1664 г., Никонъ неожиданно пріѣхалъ въ Москву, и, взойдя въ Успенскій соборъ во время заутрени, сталъ на патріаршее мѣсто. Монахи, его сопровождавшіе пропѣли ему исполазти деспота, и онъ послалъ доложить царю о своемъ пріѣздѣ. Царь очень встревожился, созвалъ духовенство, и спрашивалъ, что ему дѣлать. Рѣшено было послать сказать Никону, чтобы онъ уѣзжалъ обратно въ Воскресенскій монастырь. Никонъ подалъ письмо для передачи царю, въ которомъ, говорилъ, что послѣ долгаго поста, имѣлъ видѣніе, въ которомъ св. Іона митрополитъ повелѣлъ ему снова вернуться на патріаршій престолъ. Но государь и по прочтеніи письма остался при томъ же мнѣніи, и требовалъ, чтобы Никонъ ѣхалъ обратно въ Воскресенскій монастырь. Тогда Никонъ приложился къ образамъ, и пошелъ изъ собора, отрясая прахъ отъ ногъ своихъ.

Осенью 1666 г. пріѣхали въ Москву патріархи, которые были встрѣчены съ большими почестями. 5-го Ноября начались совѣты патріарховъ съ царемъ по дѣлу Никона. Царь прочелъ имъ всѣ обвиненія противъ Никона, и просилъ ихъ рѣшить дѣло по правиламъ церкви. Патріархи потребовали, чтобы Никонъ лично былъ приглашенъ къ отвѣту. Вслѣдствіе этого за нимъ были отправлены посланные; но онъ отвѣчалъ, что поставленіе святительское и патріаршій престолъ онъ имѣетъ отъ Константинопольскаго патріарха, а не отъ тѣхъ патріарховъ, которые пріѣхали; но что если они прибыли по соглашенію съ Константинопольскимъ патріархомъ, то онъ готовъ пріѣхать въ Москву «для духовныхъ дѣлъ извѣстія ради». Патріархи вторично послали за Никонъ, но эти вторые посланные застали его уже на пути въ Москву.

1-го Декабря начался судъ надъ патріархомъ Никономъ и окончился 5-го Декабря. Патріархи произнесли слѣдующій приговоръ: «отселѣ не будеши патріархъ и священная да не дѣйствуеши, но будеши яко простой монахъ».

12-го Декабря патріархи пошли въ церковь надъ воротами Чудова монастыря и пригласили туда Никона. У царскихъ дверей были прочитаны ему вины, а затѣмъ патріархъ Александрійскій снялъ съ него клобукъ и панагію, и сказалъ, чтобы онъ впредь не назывался и не писался патріархомъ, а просто монахомъ Никономъ. На него надѣли простой клобукъ, но оставили архіерейскую мантию и посохъ, по просьбѣ царя Алексѣя Михайловича. Никонъ былъ сосланъ въ Оерапонтовъ Бѣлозерскій монастырь.

ГЛАВА XXVII.

Соборъ 1666 г. — Сопротивленіе монаховъ Соловецкаго монастыря. — Бунтъ Стеньки Разина и его казнь. — Нѣмецкая слобода. — Театральныя представленія. — Юрій Крижаничъ. — Котошихинъ.

1666—1676.

Исправленія книгъ, сдѣланныя Никономъ, были признаны правильными на соборѣ русскихъ святителей. Многіе изъ духовенства, не желавшіе вначалѣ принимать новоисправленныхъ книгъ, принесли собору покаяніе, и получили разрѣшеніе. Тѣ же, которые продолжали упорствовать, были преданы анаемѣ, и подверглись различнымъ наказаніямъ и ссылкамъ. Протопопъ Аввакумъ, настойчивый защитникъ старины, имѣвшій многихъ послѣдователей и послѣдовательницъ среди московской знати, былъ заточенъ въ Пустозерскій острогъ. Наиболѣе замѣчательными послѣдовательницами его были знатная боярыня Федосья Прокофьевна Морозова, и сестра ея, княгиня Евдокія Урусова. Никакія убѣжденія, никакія преслѣдованія не могли заставить ихъ измѣнить старой вѣрѣ, которой онѣ были научены Аввакумомъ. Онѣ отказывались причащаться, если служба производилась по новымъ служебникамъ, и никакія истязанія не могли ихъ къ тому принудить. Наконецъ, ихъ сослали въ Боровскъ, гдѣ онѣ умерли въ земляной тюрьмѣ, въ тяжкомъ заключеніи.

На соборѣ было написано увѣщаніе духовенству, въ которомъ требовалось отъ этого послѣдняго, чтобы оно употребляло новоисправленные книги, а въ крестномъ знаменіи, аллилуіи, и тому подобныхъ вопросахъ, — сообразовалось съ восточною православною церковью. Кромѣ того соборомъ была рассмотрѣна и издана книга подъ названіемъ «Жезлъ правленія» Симеона Полоцкаго, направленная противъ раскольниковъ.

Восточные патриархи, приѣзжавшіе для суда надъ Никономъ, и вновь избранный патриархъ, Іосифъ II, подтвердили рѣшеніе собора 1666 г.

Не смотря на то, являлись упорные противники нововведеній Никона. Монахи Соловецкаго монастыря наотрѣзъ отказались принять новую вѣру и ученія, какъ они называли служеніе по новоисправленнымъ книгамъ, сложеніе трехъ перстовъ, исправленіе въ символѣ вѣры и т. д. Они прислали челобитную Алексѣю Михайловичу, въ которой просили, чтобы онъ смиловался надъ ними, не велѣлъ бы отступать отъ преданій свв. Зосимы, Савватія, Германа и Филиппа. Никакія увѣщанія не помогали. Монахи объявили, что пускай царь пришлетъ противъ нихъ войско, они съ радостію положатъ головы свои подъ мечъ, но вѣрѣ своей не измѣнятъ. Въ 1668 г. былъ дѣйствительно посланъ стряпчій Игнатій Волоховъ съ сотнею стрѣльцовъ, чтобы занять монастырь, и привести монаховъ къ повиновенію: они встрѣтили его выстрѣлами. Началась осада, длившаяся семь слишкомъ лѣтъ, потому что царь не могъ послать туда достаточно сильнаго войска, занятаго усмиреніемъ громаднаго бунта, Стеньки Разина.

Бунтъ Стеньки Разина, донскаго казака, начался съ того, что онъ перебрался на Волгу, разбилъ большой караванъ съ казеннымъ хлѣбомъ, и долго гулялъ и грабилъ по Волгѣ и Яику. Затѣмъ онъ пробрался въ Каспійское море, гдѣ болѣе года опустошалъ персидскіе берега. Чтобы вернуться обратно на Донъ, онъ принесъ повинную Астраханскому воеводѣ Семену Ивановичу Львову, который вышелъ было противъ него на 36 стругахъ. Разину дана была милостивая царская грамота, и онъ былъ пропущенъ съ своими казаками на Донъ.

Достигнувъ степей, Разинъ опять сталъ грабить, съ тою разницею, что теперь онъ пошелъ въ глубь страны, и сталъ подымать нижнихъ людей противъ бояръ и воеводъ, а крестьянъ и холопей противъ господъ. Силы его увеличивались все болѣе и болѣе, потому что народъ охотно становился подъ его знамя, и видѣлъ въ немъ какого-то сказочнаго богатыря.

Лѣтомъ 1670 г. Разинъ взялъ Царицынъ, Астрахань, Саратовъ, Самару. Его шайки разсѣялись по областямъ Московскаго государства, и всюду подстрекали простой народъ противъ бояръ и приказныхъ людей. Они распространяли въ народѣ прелестные листы, въ которыхъ говорилось, что съ казаками идутъ *Нечай* царевичъ, Алексѣй Алексѣевичъ, и патриархъ Никонъ, изгнанный боярами. Бунтъ принялъ громадные размѣры, и понадобились рѣшительныя мѣры къ его подавленію. Первая неудача встрѣтила Разина подъ Симбирскомъ, гдѣ ему было нанесено сильное пораженіе княземъ Юріемъ Барятинскимъ. Разинъ бѣжалъ тайкомъ въ Самару, — и чрезъ это потерялъ свое прежнее обаяніе. Царскіе воеводы, между тѣмъ, успѣшно дѣйствовали противъ мятежниковъ. Старые Донскіе казаки вспомнили свою присягу царю, и

главный атаманъ ихъ, Яковлевъ, схватилъ Разина и брата его, Фролку, и отправилъ ихъ плѣнниками въ Москву.

4-го Іюня 1671 г. пронесся по Москвѣ слухъ, что везутъ Стеньку, одно имя котораго наводило на всѣхъ страхъ. Народъ толпами устремился за городъ посмотреть на этого злодѣя. За нѣсколько верстъ до Москвы Разина поставили въ телѣгу и приковали желѣзною цѣпью за шею къ перекадинѣ висѣлицы, устроенной на телѣгѣ, а сзади приковали за шею другою желѣзною цѣпью Фролку, который бѣжалъ за телѣгой. Въ этомъ видѣ ихъ препроводили въ Москву и помѣстили въ Земскій приказъ, гдѣ они были подвергнуты допросамъ и пыткамъ, а затѣмъ, 6-го Іюня, казнили на Красной площади. При этомъ Стенька выказалъ замѣчательную силу воли: несмотря на самыя ужасныя истязанія огнемъ и водой, которымъ его подвергали, онъ не испустилъ ни одного стона. Когда на Красной площади палачъ отрубилъ ему руки и ноги, Фролка, при видѣ ожидавшихъ его мученій, испугался и закричалъ: я знаю дѣло и слово государево!*) Тогда Стенька не выдержалъ и закричалъ ему: молчи, собака! Вслѣдъ за этимъ палачъ отрубилъ ему голову и разсѣкъ туловище на части. Фролка объявилъ о какомъ-то кладѣ и казнь его была отсрочена, а впоследствии замѣнена вѣчнымъ тюремнымъ заключеніемъ.

Послѣ казни Разина, возстаніе было вскорѣ окончательно подавлено. Нѣсколько долѣе оно держалось въ Астрахани, гдѣ Разинъ оставилъ послѣ себя атаманомъ Ваську Уса. 27-го Ноября, наконецъ, Астрахань была взята воеводою бояриномъ Иваномъ Богдановичемъ Милославскимъ.

Соловецкій монастырь продержался въ осадѣ до Генваря 1676 г., благодаря крѣпости своихъ стѣнъ, и изобилію хлѣбныхъ запасовъ и соли. Онъ былъ взятъ воеводою Мещериновымъ, благодаря только измѣнѣ одного монаха - перебѣжчика, который указалъ отверстіе въ стѣнѣ, заложеное камнями. Въ глухую ночь, при сильномъ вѣтрѣ, стрѣльцы подошли къ этому отверстію, выбрали камни, и проникли въ монастырь, когда защитники его еще спали. Проснувшись, монахи бросились было на стрѣльцевъ, но уже было поздно. Главные зачинщики, Никаноръ и Самко, были казнены, остальные разосланы въ Кольскій и Пустозерскій остроги. Тѣ же, которые объявили, что повинуются требованіямъ церкви и государя, прощены. Сопrotивленіе монастыря длилось почти 8 лѣтъ.

Въ Малороссіи, между тѣмъ, произошли многія перемѣны. Гетманъ Брюховецкій измѣнилъ Москвѣ, и принялъ подданство Крымскому хану, а за нимъ и вся восточная половина Украйны. Гетманъ западной сто-

*) Слова эти означали обыкновенно, что произносившій ихъ имѣетъ сообщить что нибудь важное, сдѣлать доносъ.

роны, Дорошенко, принявшій подданство Турціи, выступилъ противъ Брюховецкаго, желая соединить обѣ стороны Украины подъ своимъ главенствомъ. Казаки восточной Украины, не имѣя особенной привязанности къ Брюховецкому, оставили его; Татары тоже не поддержали. Онъ былъ приведенъ въ шатерь Дорошенко, и, по его приказанію, умерщвленъ. Дорошенко провозгласилъ себя гетманомъ обѣихъ сторонъ, занялъ 48 городовъ и мѣстечекъ, принудивъ Московское войско удалиться изъ нихъ, а затѣмъ ушелъ на западную сторону. Но тогда восточная Украина опять потянула къ Москвѣ. Вообще городское населеніе въ Малороссіи охотно видѣло въ своихъ стѣнахъ Московскихъ воеводъ, которые служили ему защитой отъ своеволія старшины казачкой. Казачество же стремилось захватить всю власть въ свои руки, и не желало присутствія государевыхъ войскъ. Архіереи и высшее Малороссійское духовенство держало сторону казаковъ, а городское бѣлое духовенство — сторону городского населенія. Восточная сторона снова присягнула Москвѣ, и гетманомъ былъ выбранъ Демьянъ Многогрѣшный. Но и онъ измѣнилъ, и тогда выбрали Ивана Самойловича.

Въ 1672 г. Турки, въ числѣ 300,000 перешли Дунай и вступили въ Подолію, идя на защиту своего вассала, Дорошенко, противъ Польши. Они побили Поляковъ во многихъ сраженіяхъ, и взяли сильную крѣпость Каменецъ, служившую оплотомъ Польши съ южной стороны. Въ Москвѣ это произвело сильное впечатлѣніе. Боялись, что Турки пойдутъ противъ Кіева, и въ этомъ случаѣ царь Алексѣй Михайловичъ готовился самъ выступить въ походъ, въ защиту русской святыни. Но опасенія эти оказались напрасными. Турки не пошли въ восточную Украину. Въ началѣ 1674 г. Московскій воевода Ромодановскій, вмѣстѣ съ гетманомъ Самойловичемъ, нашли даже возможнымъ выступить противъ Дорошенко и отняли у него нѣсколько городовъ по ту сторону Днѣпра, послѣ чего западная Украина тоже присягнула Московскому царю, и изъявила желаніе имѣть одного гетмана съ восточною стороною.

Между тѣмъ, въ Малороссіи появился новый самозванецъ, выдававшій себя за сына царя Алексѣя Михайловича, Симеона, сосланнаго будто бы по проискаму боярѣ въ Соловецкій монастырь, и оттуда бѣжавшаго. Казаки повѣрили было его вымыслу и держали его въ большой чести. Но когда царь Алексѣй Михайловичъ, узнавъ о немъ, потребовалъ его выдачи, то они доставили его плѣнникомъ въ Москву, гдѣ онъ былъ подвергнутъ допросу, четвертованъ на Красной площади, и разбитъ на колья. На другой день тѣло его перенесли на болото, и бросили тамъ же, гдѣ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ было брошено тѣло Стеньки Разина.

Въ это время въ Польшѣ былъ королемъ Янъ Собѣскій, который, тотчасъ же послѣ своего избранія, выступилъ въ походъ противъ Ту-

рокъ. Борьба съ ними была тяжела, и Собѣсскій просилъ помощи у царя Алексѣя Михайловича, который изъявилъ готовность пригласить всѣхъ европейскихъ государей общими силами вооружиться противъ враговъ Креста, на помощь Польшѣ. Посольства были посланы въ Швецію, Англію, Францію, Испанію, Флоренцію, Венецію и Римъ. Но они не повели къ желаемой цѣли, а только послужили къ возобновленію дипломатическихъ сношеній Московскаго царя съ европейскими государствами.

1-го Сентября 1674 г. царь Алексѣй Михайловичъ объявилъ на Лобномъ мѣстѣ наслѣдникомъ своего старшаго сына, царевича Ѳедора. Въ тотъ же самый день сыновья гетмана Самойловича и посланникъ Литовскій смотрѣли царевича въ Архангельскомъ соборѣ. Ему было тогда 13 лѣтъ. Черезъ два года послѣ этого, царь скончался на 47 году отъ рожденія.

Царь Алексѣй Михайловичъ былъ женатъ два раза, и оставилъ отъ первой супруги, Марьи Ильинишны Милославской, двухъ сыновей, царевича Ѳедора, котораго благословилъ послѣ себя на царство, и Ивана, и шесть дочерей, а отъ второй супруги, Натальи Кирилловны Нарышкиной, сына Петра, 4 лѣтъ, и царевну Наталью.

Царица Наталья Кирилловна была родственница боярина Артамона Сергѣевича Матвѣева, въ домъ котораго она воспитывалась. Матвѣевъ пользовался особеннымъ расположеніемъ царя въ послѣдніе годы его царствованія, и былъ поставленъ имъ во главѣ посольскаго приказа, послѣ удаленія Ордина-Нащокина. Матвѣевъ, какъ и предшественникъ его въ приказѣ, былъ ревностнымъ поклонникомъ запада, т. е. любилъ образованіе и науки, сдѣлавшіе гораздо больше успѣховъ на западѣ Европы, чѣмъ у насъ. Успѣхамъ западной Европы содѣйствовалъ лучший климатъ, плодородная почва, многочисленность населенія и другія причины. Тамъ процвѣтали торговля, ремесла и искусства, тогда какъ у насъ все это, вслѣдствіе продолжительнаго Татарскаго ига, и менѣе благопріятныхъ климатическихъ условій, было въ младенчествѣ. Тамъ военное искусство было уже значительно усовершенствовано, тогда какъ у насъ войны съ сосѣдями показали полную несостоятельность нашихъ войскъ, и пришлось заимствовать военный строй у народовъ западной Европы. Царь Борисъ имѣлъ уже отрядъ тѣлохранителей изъ иностранцевъ. При Алексѣѣ Михайловичѣ въ Москвѣ была цѣлая слобода, заселенная служилыми Нѣмцами, получившая названіе Нѣмецкой Слободы. При немъ былъ основанъ первый казенный стеклянный заводъ въ Измайловѣ, построенный итальянцемъ Миньотомъ. Нѣсколько лѣтъ спустя былъ устроенъ другой заводъ въ Духанинѣ, въ 40 в. отъ Москвы, иностранцемъ Юліемъ Кожегомъ. Съ фабрики его доставлялось въ Москву ежегодно стеклянной посуды, и, въ особенности, бутылокъ отъ 80, до 90 тысячъ штукъ. Образцы стеклянныхъ издѣлій Измайловскаго

завода, бокалы, стопы, и т. д. хранятся въ Оружейной палатѣ и у извѣстныхъ любителей русской старины. Около этого же времени были основаны Олонекіе желѣзные заводы, на которыхъ отливались пушки и ядра и дѣлались ружья и другія вещи.

Царь Алексѣй Михайловичъ чрезвычайно любилъ соколиную охоту, и при немъ, а можетъ быть даже имъ самимъ, былъ написанъ уставъ о соколиной охотѣ. Иностранецъ Майербергъ рассказываетъ, что царь, услышавъ о его желаніи посмотрѣть на ловчихъ птицъ, въ знакъ особенной милости приказалъ ловчему Матюшкину съ шестью сокольниками въ полномъ нарядѣ, и шестью кречетами явиться къ Майербергу. Вотъ какъ этотъ послѣдній описываетъ имъ видѣнное. «Каждый изъ сокольниковъ имѣлъ на правой рукѣ богатую съ золотою бахрамою перчатку, на которой сидѣлъ кречеть. На головахъ у птицъ были клубочки шелковые, а на лѣвыхъ ногахъ золотыя шнурки. Лучшая, какъ кажется, изъ птицъ была пестрая, съ бѣлыми и красноватыми пятнами; на правой ногѣ у нея былъ надѣтъ золотой съ драгоценнымъ карбункуломъ перстень».

Царь страстно любилъ охоту, но въ предисловіи къ уставу о соколиной охотѣ собственноручно приписалъ: «правды же и суда и милостивые любве и ратнаго строя николиже позабывайте: *дѣлу время и потѣхи часъ!*»

Съ сознаниемъ потребности къ образованію стала развиваться въ русскомъ обществѣ и охота къ чтенію. Вслѣдствіе этого появилось нѣсколько переводныхъ книгъ съ Польскаго, легкаго содержанія, какъ напримѣръ, Сказанія о подвигахъ Александра Македонскаго, Исторія Гвидона Мессинскаго, Бова-королевичъ, передѣланный изъ Буовод-Антоня, итальянскаго рыцарскаго романа и т. д. вмѣстѣ съ этимъ появились и переводы грамматики, ариѳметики, лечебниковъ, космографіи и т. д.

Матвѣевъ, съ помощью приказныхъ людей и переводчиковъ, составилъ «Государственную большую книгу, описаніе великихъ князей и царей Россійскихъ, откуда корень ихъ государскій изыде, и которые великіе князья и цари съ великимижъ государи окрестными, съ христіанскими и мусульманскими были въ ссылкахъ, и какъ великихъ государей именованья и титулы писаны къ нимъ; да въ той же книгѣ писаны великихъ князей и царей, и вселенскихъ и московскихъ патріарховъ, и римскаго папы и окрестныхъ государей всѣхъ персоны и гербы». Персоны были написаны иконописцами Иваномъ Максимовымъ и Дмитріемъ Львовымъ, употребившими на эту работу пять мѣсяцевъ.

При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ были впервые введены театральныя представленія при дворѣ. Разказы бывшаго Московскимъ посланникомъ во Флоренціи дворянина Лихачева о внѣшнемъ видѣ этого города и его окрестностяхъ, объ общественной жизни въ немъ и

Крижаничъ пріѣхалъ въ Москву, потому что видѣлъ въ Московскомъ государѣ единственнаго славянскаго государя, который можетъ помочь разрозненнымъ Славянамъ сбросить съ себя нѣмецкое ярмо, и пробудить сознаніе своей народности въ тѣхъ изъ Славянъ, которые его утратили. «Ты единый царь», говорилъ онъ, обращаясь къ Алексею Михайловичу, «который можетъ пособить Задунайцамъ и Чехамъ и всѣмъ братьямъ славянскимъ, чтобы они познали свое угнетеніе и униженіе, помыслили о своемъ просвѣтленіи и сбросили съ шеи нѣмецкое ярмо, потому что ненасытимая нѣмецкая алчность однимъ глоткомъ готова пожрать всѣхъ Славянъ. Эта нѣмецкая алчность захватила уже господство въ Уграхъ, Чехахъ, Ляхахъ и въ другихъ сторонахъ. Нѣмецъ скрежещетъ зубами, рвется отъ злости, какъ бы подчинить русское государство своей власти, и крѣпко держится этой думы, не отступаетъ отъ нея. Чехи, Сербы, Хорваты давно потеряли не только свое государство, но всю свою силу, языкъ и разумъ. Не разумѣютъ они, что такое честь и достоинство, не могутъ сами себѣ помочь, нужна имъ внѣшняя сила, чтобы стать на ноги и занять мѣсто въ числѣ народовъ. Ты, царь, если не можешь въ настоящее трудное время помочь имъ, привести къ прежнему бытію ихъ государства, то по крайней мѣрѣ можешь исправить ихъ славянскій языкъ и открыть имъ умственные природныя ихъ очи своими книгами, дабы они познали свое достоинство и стали бы думать о своемъ возстановленіи». Крижаничъ первый заговорилъ съ такою любовію о всеславянской идеѣ, и указывалъ на Москву, какъ на центръ будущей славянской взаимности и единства. Но онъ высказывалъ желаніе, чтобы это единство было достигнуто не завоеваніемъ, а путемъ духовнаго сближенія. Крижаничъ не одобрялъ мнѣніе тѣхъ, которые желали расширенія Московскихъ владѣній на востокъ. Только врагъ-Нѣмецъ, говорилъ онъ, можетъ совѣтовать это дѣлать, чтобы завладѣть Русскимъ государствомъ. Не слѣдуетъ, по его мнѣнію, много думать и о Балтійскомъ морѣ, а гораздо лучше обратиться къ Черному, и овладѣть Крымомъ, какъ страной подручной Россіи, богатой своими естественными произведеніями, и имѣющей прекрасныя гавани, чрезъ которыя можно вести съ другими народами дѣятельную торговлю и обмѣнъ произведеній.

Крижаничъ, къ сожалѣнію, былъ католикъ, и даже болѣе, латинскій священникъ. Онъ былъ человѣкъ просвѣщенный, видѣлъ необходимость наукъ для Русскихъ, и могъ принести значительную пользу обществу. Но Москвичи всегда относились осторожно къ выбору своихъ учителей: прежде всего они хотѣли сохранить чистоту греческой вѣры, и потому охотнѣе всего обращались за наукой къ своимъ единовѣрцамъ — Грекамъ и Малороссіянамъ. А Крижаничъ, вооружаясь противъ Нѣмцевъ, возставалъ въ то же время и противъ Грековъ, которыхъ называлъ схизматиками. Этимъ онъ себя погубилъ, и былъ со-

сланъ въ Сибирь. Причины его ссылки неизвѣстны, но надо думать, что онъ сосланъ не за какую нибудь вину, а по подозрѣнію, потому что ссылка его была обставлена благовидно. Онъ былъ отправленъ въ Тобольскъ не въ качествѣ ссыльнаго, а чтобы быть у государевыхъ дѣлъ. Ему было назначено жалованья по $7\frac{1}{2}$ руб. въ мѣсяцъ. Онъ прожилъ тамъ 16 лѣтъ, и написалъ нѣсколько сочиненій, изъ которыхъ самое замѣчательное это «Разговоры о владѣтельствѣ или Политическія думы», о которыхъ было упомянуто выше. Онъ въ нихъ описываетъ современное ему состояніе Россіи, и присоединяетъ планъ необходимыхъ преобразованій.

Другое любопытное произведеніе «О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича», написано Котошихинымъ, подъячимъ посольскаго приказа, бѣжавшимъ въ Швецію.

ГЛАВА XXVIII.

Усиленіе Милославскихъ и удаленіе Нарышкиныхъ и Матвѣева. — Языковъ и Лихачевъ. — Огнѣна мѣстничества. — Основаніе духовнаго училища.

1676—1682.

Федоръ Алексѣевичъ вступилъ на престолъ 14 лѣтъ отъ роду. Онъ былъ слабого сложенія и страдалъ цынгою. Въ день кончины своего отца, онъ лежалъ въ постелѣ, такъ что его на рукахъ принесли въ Грановитую палату и посадили на престолъ.

Молодой царь по болѣзненности своей требовалъ ухода, и былъ тотчасъ же окруженъ попеченіями своихъ шести сестеръ, изъ которыхъ особенно выдѣлялась по уму и силѣ характера, — сестра его Софья Алексѣевна. Главнымъ же дѣйствующимъ лицомъ, какъ бы правителемъ государства, сдѣлался Иванъ Михайловичъ Милославскій, близкій родственникъ покойной матери государя. Царицу Наталью Кирилловну, которая была съ самаго начала непріязненно встрѣчена многочисленною семьею царя Алексѣя Михайловича отъ перваго брака, — теперь поспѣшили удалить, вмѣстѣ съ ея сыномъ. Вслѣдъ за ней (черезъ полгода по воцареніи Федора), удалили и Матвѣева, ея воспитателя, обвинивъ его въ чернокнижій, т. е. въ сношеніяхъ съ нечистыми духами, и въ намѣреніи извести царя Федора, еще при жизни отца его. У него отняли боярство, имущество, и сослали въ Пустозерскій острогъ, вмѣстѣ съ его сыномъ. Отецъ ея, Кириллъ Полуехтовичъ Нарышкинъ, тоже подвергся гоненію. На него былъ сдѣланъ доносъ, что онъ будто бы замышляетъ убить государя. Вслѣдствіе этого, онъ былъ приведенъ въ Кремль и поставленъ предъ Грановитой палатой. Здѣсь ему прочли вину его и приговоръ, въ которомъ говорилось, что онъ,

Нарышкинъ, долженъ бы подлежать смертной казни, но царь по милосердію своему даруетъ ему жизнь, и замѣняетъ смертную казнь пожизненною ссылкой. Та же участь постигла и брата его, Афанасія Нарышкина.

Между тѣмъ патріархъ Іоакимъ созвалъ духовный соборъ для суда надъ бывшимъ духовникомъ Алексѣя Михайловича, Андреемъ Савиновымъ. Еще при жизни царя Савиновъ возбудилъ однажды противъ себя гнѣвъ патріарха, но былъ прощенъ имъ благодаря заступничеству государя. На этотъ разъ поводомъ къ поднятію дѣла противъ него послужилъ слѣдующій случай:

Во время отпѣванія царя Алексѣя Михайловича, патріархъ вложилъ въ руку покойнаго прощальную грамоту, тогда какъ Савиновъ считалъ это своей обязанностію, какъ духовникъ покойнаго царя. По окончаніи похоронъ, Савиновъ громко говорилъ въ присутствіи всего царскаго семейства, что царь не получилъ прощенія, потому что патріархъ не далъ ему, духовнику покойнаго, вложить въ руку его прощальной грамоты. Онъ говорилъ это съ большою запальчивостію и прибавлялъ, что убьетъ патріарха, что у него и люди на то наняты. Патріархъ созвалъ соборъ, который приговорилъ Савинова, за всѣ его вины въ совокупности, къ лишенію священства и ссылкой въ Кожеезерскій монастырь.

Въ то же время соборъ приговорилъ къ исправленію, т. е. къ наказанію болѣе строгимъ заключеніемъ, бывшаго патріарха Никона. Поводомъ къ обвиненію послужило то, что онъ сталъ опять подписываться патріархомъ, а къ этому присоединились еще доносы его окружающихъ, что онъ не молится за государя и Московскаго патріарха, да и священникамъ запрещаетъ за нихъ молиться, и на ектеньяхъ называется самъ Московскимъ патріархомъ. Его перевели въ Кирилловъ монастырь и учредили надъ нимъ болѣе строгій надзоръ.

При вступленіи на престолъ Ѳедора Алексѣевича, Дорошенко еще держался въ Чигиринѣ. Но вскорѣ онъ долженъ былъ сдаться царскому войску, сложилъ булаву, знамя и бунчукъ передъ гетманомъ Самойловичемъ и Ромадановскимъ, и принялъ присягу Московскому царю. Ему велѣно было ѣхать въ Москву, гдѣ ему было объявлено, что всѣ вины его прощаются, но что онъ долженъ оставаться жить въ Москвѣ.

Между тѣмъ стали приходиться слухи, что Турки, недовольные подданствомъ Дорошенко Москвѣ, готовятся идти подъ Чигиринъ. Дѣйствительно, 9-го Іюля 1678 г., Турки подступили подъ Чигиринъ, занятый царскими войсками, и взяли городъ, не смотря на храбрую защиту его. Въ то же время Татары взяли еще нѣсколько городовъ. Война эта была тяжела для царской казны, тѣмъ болѣе, что приходилось вести ее, не рассчитывая ни на чью помощь: Польша заключила миръ съ Турціею. Можно было только надѣяться, что Польша

не выступить нашимъ врагомъ, такъ какъ королевскіе полномочные послы заключили въ Москвѣ договоръ, по которому Андрусовское перемиріе было продолжено еще на 13 лѣтъ, начиная отъ Іюня 1680 г. Съ русской стороны было уступлено Польшѣ нѣсколько городовъ съ уѣздами, и заплачено 200,000 московскихъ рублей съ тѣмъ, чтобы удержать за собою Кіевъ. Надо было позаботиться о мирѣ съ Турціею и въ Константинополь былъ отправленъ посланный съ грамотой, въ которой предлагалось возстановить прежнія дружественныя отношенія между Россіей и Турціей. Въ Константинополь это предложеніе было принято сочувственно, и великій визирь изъявилъ готовность отправить своего посланника въ Крымъ, для веденія переговоровъ о мирѣ. Послѣ долгихъ переговоровъ, перемиріе было заключено близъ Бахчисарая на 20 лѣтъ. Западная Украина по Днѣпръ отошла къ Турціи, но султанъ обязался не строить въ этой части новыхъ городовъ и укрѣпленій, и не возстановлять разрушенныхъ.

Счастливо окончивши затрудненія на югѣ, царь Ѳеодоръ принялся за дѣла внутренняго управленія. Въ это время Милославскій потерялъ уже всякое значеніе, и самыми приближенными людьми у царя являются постельничій Иванъ Максимовичъ Языковъ, и комнатный стольникъ Алексѣй Тимоѣевичъ Лихачевъ.

Прежде всего были изданы указы объ отмиѣнѣ членоотсѣканія при казняхъ и о томъ, чтобы въ тюрьмахъ не держали подолгу преступниковъ, и рѣшали бы ихъ дѣла безъ замедленія. Но самымъ важнымъ дѣломъ этого царствованія была отмиѣна мѣстничества. Она произошла слѣдующимъ образомъ.

Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, видя, что всѣ мѣры, принятія его предшественниками для улучшенія ратнаго дѣла, не привели къ желаемой цѣли, счелъ нужнымъ сдѣлать въ немъ коренныя преобразованія. Для этого, онъ поручилъ кн. Василию Васильевичу Голицыну избрать себѣ помощниковъ и съ ними подробно изучить устройство нашего войска, и доложить ему, что нужно для его улучшенія. Выборные, исполнивъ порученіе, на нихъ возложенное, подали царю челобитную, въ которой говорили, что главная причина многихъ неуспѣховъ лежитъ въ томъ, что начальники войска занимаютъ мѣста не по достоинствамъ и знаніямъ, а по происхожденію, и поэтому царь долженъ издать указъ, чтобы никто не считался мѣстами, а былъ бы каждый на томъ мѣстѣ, гдѣ ему царь укажетъ быть.

Такая мѣра показалась очень крутою, принимая во вниманіе давность укоренившагося обычая. Царь собралъ совѣтъ изъ патриарха, высшаго духовенства и бояръ. На собраніи была прочитана челобитная выборныхъ по воинскому дѣлу, и затѣмъ царь сказалъ рѣчь, въ которой объяснилъ, насколько мѣстничество противно закону Божию, поселяя вражду между людьми и въ то же время нанося вредъ вся-

кому предпринимаемому царемъ дѣлу. Послѣ этого онъ обратился къ собранію съ вопросомъ: сохранять ли мѣстничество или уничтожить его? Патріархъ отвѣчалъ громкимъ порицаніемъ этого обычая и высказался отъ своего имени, и отъ имени всего освященного собора, въ пользу его уничтоженія. Царь спросилъ бояръ, но они отвѣчали, что присоединяются къ мнѣнію патріарха и архіереевъ. Тогда царь велѣлъ принести всѣ разрядныя книги и сжечь ихъ, чтобы и впредь не было соблазна. Тотчасъ же разложили огонь въ переднихъ дворцовыхъ сѣняхъ и сожгли ихъ. Такъ легко и спокойно совершилось это важное дѣло.

Вслѣдъ за тѣмъ, по почину царя, былъ составленъ проектъ отдѣленія высшихъ гражданскихъ должностей отъ военныхъ. Около 1680 г. іеромонахъ Симеонъ Полоцкій, бывший учитель царя Ѳедора Алексѣевича, завелъ при дворѣ особую типографію, называвшуюся *верхнею*, и тамъ, кромѣ другихъ книгъ, печаталъ свои собственныя сочиненія. Первая книга, напечатанная въ этой типографіи въ 1680 г., была Тестаментъ Василія, Царя Греческаго, послѣ которой вышелъ Псалтырь, переведенный стихами Полоцкимъ. Царь Ѳедоръ Алексѣевичъ учредилъ при этой типографіи духовное училище, помѣщавшееся въ трехъ верхнихъ палатахъ ея. Начальникомъ этого училища былъ назначенъ монахъ Тимоѳей, а учителями приглашены два Грека іеромонаха, братья Лихуды. Въ 1684 г. училище было переведено въ Богоявленскій монастырь, и Лихудамъ отданы были для обученія пять типографскихъ учениковъ, изъ которыхъ (въ 1700 г.) Николай Семеновъ и Ѳедоръ Поликарповъ, по просьбѣ типографщиковъ, переведены были патріархомъ Адріаномъ справщиками въ типографію; послѣдній былъ потомъ директоромъ типографіи. Въ это время въ типографіи имѣлись уже греческія и латинскія буквы, и ими отпечатаны двѣ книги: Трязычный букварь (1701 г.) и Лексиконъ (1704 г.), сочиненные Поликарповымъ. Въ 1685 году патріархъ Іоакимъ перевелъ школу изъ Богоявленскаго монастыря въ Заиконоспасскій монастырь, основанный въ 1660 г. княземъ Ѳедоромъ Волхонскимъ, и туда же перевелъ изъ Преображенской пустыни, что подлѣ Андреевскаго монастыря (нынѣшней Андреевской богадѣльни), духовное училище, заведенное при Алексѣѣ Михайловичѣ бояриномъ Ртищевымъ. Царь Ѳедоръ Алексѣевичъ и патріархъ Іоакимъ имѣли въ виду при основаніи духовнаго училища учредить тутъ же высшее училище, академію, и проектъ ея былъ уже готовъ. Она должна была не только служить разсадникомъ науки, но и быть охранительницею чистоты ученія греческой церкви. Этому проекту не суждено было осуществиться при Ѳедорѣ Алексѣевичѣ. Впослѣдствіи, впрочемъ, Заиконоспасское училище было обращено въ Академію, извѣстную подъ именемъ Славяно-Греко-Латинской, и переведенную въ 1814 г. въ Троицкую Лавру.

При Ѳедорѣ Алексѣевичѣ московскія церкви стали раздѣляться на сорока или заказы (закащиками назывались благочинные). Сороковъ было шесть: Китайскій, Пречистенскій, Никитскій, Срѣтенскій, Ивановскій и Замоскворѣцкій. Въ 1-мъ сорокѣ было 136 церквей, и кромѣ того, не считавшихся въ этомъ сорокѣ 23. Во 2-мъ 210, въ 3-мъ 176, въ 4-мъ 150, въ 5-мъ 117, въ 6-мъ 44, да придѣльныхъ и домовыхъ церквей 87, итого во всѣхъ сорокахъ 943 церкви, въ томъ числѣ во имя св. Николая чудотворца церквей соборныхъ, монастырскихъ, ружныхъ, предѣльныхъ и домовыхъ 128.

При Ѳедорѣ Алексѣевичѣ была построена бояриномъ Дмитріемъ Колошинымъ церковь Неопалимой Купины иконы Божьей Матери, близъ Дѣвичьяго поля, существующая нынѣ. Въ ней находится чудотворная икона Богоматери, называемая Неопалимая Купина, которая находилась прежде въ Святыхъ сѣняхъ, передъ Грановитой палатой. Бояринъ Дмитрій Колошинъ всегда съ особеннымъ усердіемъ молился этой иконѣ, когда проходилъ мимо ея во дворецъ. Однажды онъ подпалъ царскому гнѣву, хотя не зналъ за собой никакой вины. Не находя средствъ доказать свою невинность, онъ усердно молился передъ иконой Богоматери о ея заступничествѣ. Молитва была услышана, и Богоматерь, явившись царю во снѣ, возвѣстила ему о невинности Колошина. Послѣ этого онъ былъ немедленно освобожденъ, и въ благодарность построилъ церковь во имя Неопалимой Купины. Онъ испросилъ у царя чудотворную икону, которая и была перенесена изъ дворца въ новосозданную церковь.

Подъ вліяніемъ тетки своей, Татьяны Михайловны, очень любившей и чтившей бывшаго патріарха Никона, царь сталъ часто ѣздить въ Воскресенскій монастырь, и, плѣнившись планомъ храма, начатаго Никономъ, много жертвовалъ для его довершенія. Онъ просилъ патріарха Іоакима перевести Никона въ Воскресенскій монастырь, но патріархъ долго не соглашался на это. Между тѣмъ, пришло письмо отъ архимандрита Кирилловскаго монастыря, что Никонъ очень боленъ. Въ то же время братією Воскресенскаго монастыря было получено письмо отъ Никона, въ которомъ онъ говорилъ, что уже стоитъ на краю могилы, и просить братію умолить за него царя, чтобы его освободили. Монахи показали письмо государю, и на этотъ разъ царь упросилъ патріарха возвратить Никона. Больнаго съ трудомъ довели до рѣки Шексны, и здѣсь посадили на стругъ, на которомъ онъ долженъ былъ плыть Шексною и Волгой до Ярославля. Но дорогой Никонъ почувствовалъ крайнее изнеможеніе, велѣлъ пристать къ берегу у Толгскаго монастыря, и причастился св. Таинъ. Послѣ этого стругъ ввели изъ Волги въ рѣку Которость и тамъ Никонъ скончался 17-го Августа 1681 г., 75-ти лѣтъ отъ роду.

Царь Ѳедоръ Алексѣевичъ былъ женатъ два раза. Въ первый разъ онъ женился на Агафіи Семеновнѣ Грушецкой, которую замѣтилъ не-

задолго передъ гѣмъ въ крестномъ ходу. На слѣдующій годъ у царя родился отъ нея сынъ, но царица умерла родами, а вслѣдъ за ней и новорожденный царевичъ. Царица Агафья была польскаго происхожденія, и ея вліянію приписываютъ, что въ Москвѣ начали въ то время брить бороды, носить сабли и польскіе кунтуши. Она же уговорила мужа отмѣнить женскіе охабни, которые должны были носить воины, бѣжавшіе съ поля сраженія. Въ то же время Ѳедоръ Алексѣевичъ, замѣтивъ излишество и безпорядки, производимыя множествомъ запрягаемыхъ въ экипажи лошадей, повелѣлъ боярамъ, окольнымъ и думнымъ людямъ ѣздить въ городъ, въ лѣтнее и зимнее время, на двухъ лошадяхъ. Въ праздничные дни боярамъ позволялось ѣздить на четырехъ лошадяхъ, а въ случаѣ свадьбы на шести. Спальникамъ, стольникамъ, стряпчимъ и дворянамъ въ зимнее время ѣздить на одной лошади, въ лѣтнее время верхомъ, а въ повозкахъ и саняхъ на двухъ лошадяхъ не ѣздить.

Черезъ семь мѣсяцевъ послѣ кончины первой супруги, царь женился на Марѣѣ Матвѣевнѣ Апраксиной, но прожилъ недолго послѣ втораго брака, и 27 Апрѣля 1682 г. скончался.

ГЛАВА XXIX.

Присяга Петру I. — Стрѣлецкій бунтъ. — Софья Правительница. — Бунтъ старообрядцевъ. — Волненія между стрѣльцами. — Отъѣздъ Софьи. — Казнь Хованскихъ. — Возвращеніе Софьи. — Пожаръ въ Москвѣ.

1682.

Въ послѣдніе годы царствованія Ѳедора, главными приближенными его были, какъ уже сказано выше, — Языковъ и Лихачевъ. Милославскіе принуждены были уступить имъ первенство, которымъ пользовались въ первые годы царствованія Ѳедора. Вслѣдствіе этого, между ними и новыми любимцами возникла затаенная вражда, которая обнаружилась по кончинѣ царя.

Ѳедоръ Алексѣевичъ умеръ бездѣтнымъ, и престоль долженъ былъ наследовать послѣ него старшій братъ его, Иванъ. Но онъ былъ слабоуменъ, и потому не могъ царствовать самостоятельно. Подъ его именемъ управляли бы Милославскіе. Другой же братъ его, царевичъ Петръ, былъ здоровый, умный и даровитый десятилѣтній мальчикъ. За него-то и стали Языковы, Лихачевы, Апраксины, Долгорукие и другіе. Явившись во дворецъ для принятія присяги, многіе изъ приверженцевъ Петра надѣли панцыри подъ платье, на случай, еслибы дѣло дошло до оружія. Но на первыхъ порахъ обошлось все мирно. По обряду, всѣ подошли прежде проститься съ покойнымъ царемъ, а потомъ цѣловали руки у обоихъ братьевъ, — у Ивана и у Петра. Патріархъ съ архіереями и вельможами вышелъ въ переднюю комнату, и спросилъ у присутствующихъ, кому быть царемъ? Всѣ отвѣчали, что вопросъ

этотъ долженъ быть рѣшенъ всѣми чинами Московскаго государства. Патріархъ велѣлъ собраться всѣхъ чиновъ людямъ передъ церковью Спаса за золотой рѣшеткой, и, выйдя съ архіереями и вельможами на крыльце, спросилъ, кому изъ двухъ царевичей быть на царствѣ? Петру Алексѣевичу, отвѣчала толпа. Послышались было немногіе голоса въ пользу Ивана, но они были заглушены. Патріархъ, вернувшись во дворецъ, благословилъ на царство Петра.

Царевна Софья была въ отчаяніи отъ такого поворота дѣла. Она пошла за гробомъ царя Ѳедора, въ день его погребенія, вопреки обычаю, и обращала на себя вниманіе народа своимъ горькимъ воплемъ. По окончаніи погребенія, возвращаясь изъ собора во дворецъ, она обратилась съ нѣсколькими словами къ народу, давая понять, что царь Ѳедоръ умеръ отравленный, плакалась, что теперь некому защитить ихъ, царевнѣ, потому что старшаго брата ихъ не выбрали, и просила, чтобы народъ и бояре отпустили ихъ лучше въ чужія земли, къ королямъ христіанскимъ.

Слова ея произвели впечатлѣніе на народъ. Но этого было ей недостаточно. Надо было найдти силу, на которую можно бы опереться, и силу эту Софья нашла въ стрѣльцахъ.

Стрѣльцами называлось постоянное пѣхотное войско, находившееся въ Москвѣ и по городамъ, и учрежденное еще Иваномъ Грознымъ. Стрѣльцы составляли въ Москвѣ охранную царскую стражу, гвардію, и занимали караулы. Они пользовались многими привилегіями, получали жалованье, жили въ домахъ, построенныхъ для нихъ правительствомъ, и подчинялись особому приказу. Званіе стрѣльцовъ было наследственное, то есть переходило отъ отца къ сыну. Въ случаѣ же надобности пополнить число стрѣльцовъ, набирались охотники изъ постороннихъ людей, но съ поручительствомъ за нихъ старыхъ стрѣльцовъ. Крестьяне, холопы и бѣглецы люди не принимались вовсе.

Стрѣлецкія слободы находились: за Москвой рѣкой, гдѣ до этихъ поръ существуютъ придѣлы, построенные на стрѣлецкіе вклады, при церквахъ: Живоначальныя Троицы въ Вешняковѣ, Петра и Павла на Калужской улицѣ, и Казанскія Богородицы у Калужскихъ воротъ; въ Земляномъ городѣ: у св. Пимена въ Воронникахъ; у св. Сергія чудотворца въ Пушкаряхъ; у Живоначальныя Троицы въ Листахъ, гдѣ позднѣе выстроена Сухарева башня; у Николая Чудотворца въ Воробинѣ; у Спаса въ Чигасахъ за Язую, и въ другихъ мѣстахъ.

Еще до смерти Ѳедора, между стрѣльцами обнаружались волненія. Они высказывали явное недовольство своими полковниками, и приготовили шестнадцать челобитныхъ, которыя хотѣли подать государю. Кончина царя помѣшала имъ выполнить свое намѣреніе. Стрѣльцы безпрекословно присягнули его преемнику, но черезъ три дня послѣ его воцаренія явились ко дворцу съ жалобами на своихъ полковниковъ, и требовали ихъ

выдачи. Царица Наталья Кирилловна испугалась этой толпы, явившейся съ шумными требованіями, опытныхъ и смѣлыхъ людей не было подлѣ нея, — и она рѣшилась удовлетворить всеѣмъ требованіямъ бунтующихъ стрѣльцовъ. Одного только она не сдѣлала, не выдала имъ полковниковъ, и выслала нѣкоторыхъ бояръ, и архіереевъ, уговаривать стрѣльцевъ, чтобы они довольствовались тѣмъ, что всеѣхъ полковниковъ, на которыхъ они жалуются, смѣнять, и взыщутъ съ нихъ деньги, которые стрѣльцы на нихъ насчитываютъ. Стрѣльцы согласились и разошлись.

Полковниковъ тотчасъ же отставили отъ приказовъ, разсажали по тюрьмамъ, и стали взыскивать съ нихъ деньги. Тѣхъ, которые не могли заплатить требуемой суммы, держали на правежѣ на площади часа по два. Другихъ же, особенно обвиняемыхъ стрѣльцами, били батогами и кнутомъ, въ присутствіи стрѣльцовъ, которые распоряжались наказаніями, увеличивая или уменьшая число ударовъ, по желанію.

Такая поблажка бунтующимъ повела къ тому, что они вдругъ почувствовали себя силой. Начальниковъ своихъ они перестали слушать, а тѣхъ, которые хотѣли прибѣгать къ строгости, они взводили на каланчи при съѣзжихъ избахъ, и оттуда сбрасывали при всеобщемъ одобреніи окружающей толпы.

Софья рѣшилась по совѣту свойственника своего, Ивана Михайловича Милославскаго, воспользоваться такимъ воинственнымъ настроеніемъ стрѣльцовъ, чтобы направить силы ихъ на защиту своего дѣла. Приверженцы ея стали распространять между стрѣльцами мнѣніе, что настоящее правительство незаконно, и что оно исполняетъ требованія стрѣльцовъ только въ отсутствіе Матвѣева, а вернется онъ, и возьметъ все въ свои руки, тогда стрѣльцамъ не сдобровать послѣ всего, что они сдѣлали въ послѣднее время. Стрѣльцы понимали, что ихъ поведение было неправо, и рады были найдти выходъ изъ своего положенія.

Между тѣмъ Матвѣевъ, получивъ царскій указъ немедленно ѣхать въ Москву, тотчасъ же пустился въ путь. На встрѣчу къ нему выѣхало семь стрѣльцовъ, чтобы рассказать ему о волненіяхъ среди ихъ товарищей, и объ опасности, которая ждетъ его въ Москвѣ. Но Матвѣевъ не смутился этимъ предостереженіемъ, и отвѣчалъ, что уничтожить бунтъ, или положить жизнь свою за государя. 12-го Мая онъ пріѣхалъ въ Москву, и 13-го представлялся царю и царицѣ — матери. Радость съ обѣихъ сторонъ была неописанная. Въ тотъ же день Матвѣевъ былъ у патриарха, и долго бесѣдовалъ съ нимъ во внутренней келліи. Бояре, купцы, служилые люди, — все спѣшили побывать у Матвѣева въ домѣ, и всеѣхъ онъ обворожалъ своею привѣтливостью. Явились выборные и отъ стрѣльцовъ съ хлѣбомъ-солью. Не пріѣхалъ только Иванъ Михайловичъ Милославскій, отговариваясь болѣзнью.

Партія Софьи рѣшила что надо дѣйствовать поскорѣе, пока Матвѣевъ не взошелъ еще въ силу, и назначила 15-го Мая, день убій-

ства царевича Дмитрія, — для бунта. Раннимъ утромъ этого дня, Александръ Милославскій и Петръ Толстой поскакали по стрѣльцкимъ полкамъ съ крикомъ: царевича Ивана задушили Нарышкины. Ступайте въ Кремль! Нарышкины хотятъ извести весь царскій домъ. Къ оружію! Казнить измѣнниковъ! Стрѣльцы поднялись, и, при барабанномъ боѣ, съ пушками и знаменами двинулись въ Кремль. Во дворцѣ, между тѣмъ, ничего не знали о ихъ движеніи. Бояре только что окончили свое обычное засѣданіе, и расходились по домамъ. Матвѣевъ вышелъ чрезъ постельное крыльце, ничего не подозрѣвая, и тутъ только узналъ, что стрѣльцы вошли уже въ Земляной городъ, и скоро будутъ въ Бѣломъ. Матвѣевъ вернулся во дворецъ, доложилъ царицѣ о слышанномъ, и приказалъ запереть Кремлевскія ворота. Но было уже поздно, потому что стрѣльцы успѣли взойти въ Кремль, съ криками, что царевичъ Иванъ убитъ Нарышкиными, и что они идутъ выводить измѣну и казнить губителей царскаго рода. Между стрѣльцами давно уже ходили списки *измѣнниковъ*, которыхъ надо перебить по мнѣнію заговорщиковъ.

Надо было разубѣдить стрѣльцовъ въ ихъ увѣренности, что царевичъ Иванъ убитъ, и потому Наталья Кирилловна съ патриархомъ и боярами, въ томъ числѣ и Матвѣевымъ, вывела на крыльце обоихъ царевичей. Появленіе ихъ смутило стрѣльцовъ. Нѣкоторые изъ нихъ не повѣрили даже своимъ глазамъ, влѣзли на крыльце по подставленнымъ лѣстницамъ, и спросили царевича, въ самомъ ли дѣлѣ онъ царевичъ Иванъ Алексѣевичъ, и кто его изводитъ? Меня никто не изводитъ, отвѣчалъ онъ.

Заговорщики увидали, что дѣло ихъ на волоскѣ въ эту минуту, и стали подстрекать толпу, что хотя царевичъ и живъ, но пусть выдадутъ имъ его недоброжелателей. Стрѣльцы подхватили эту мысль и тотчасъ назвали нѣсколько десятковъ именъ, требуя ихъ выдачи. Имъ отвѣчали, что этихъ лицъ нѣтъ у государя. Стрѣльцы зашумѣли и заволновались больше прежняго, услыхавъ этотъ отвѣтъ. Тогда сошелъ къ нимъ Матвѣевъ, вмѣстѣ съ патриархомъ, сталъ ихъ уговаривать успокоиться и разойтись, припомнилъ имъ прежнія ихъ заслуги, когда они помогали укрощать мятежи, въ особенности во время Коломенскаго бунта, а теперь сами затѣваютъ бунтъ. Стрѣльцы выслушали Матвѣева спокойно, какъ будто согласились съ нимъ, и даже попросили его заступиться за нихъ передъ государемъ. Матвѣевъ поднялся на верхъ къ царицѣ, которая была сильно взволнована; а патриархъ остался еще внизу и продолжалъ увѣщевать стрѣльцовъ. Въ это время на крыльцѣ дворца показался князь Михаилъ Долгорукій, второй начальникъ стрѣлецкаго приказа, и, видя, что стрѣльцы притихли, началъ кричать на нихъ, чтобы они убирались вонъ изъ Кремля. Это взорвало стрѣльцовъ, они кинулись на крыльце, мимо патриарха, схватили Долгору-

каго, и сбросили его вниз на подставленный копьа. Другіе стрѣльцы ворвались вслѣдъ затѣмъ чрезъ сѣни Грановитой палаты во дворецъ, схватили Матвѣева на глазахъ царицы, тщетно пытавшейся заслонить его собою, и сбросили его на площадь. Послѣ этого стрѣльцы вломилась во дворецъ искать другихъ измѣнниковъ. Царица Нат. Кир., перепуганная и взволнованная, укрылась съ сыномъ въ Грановитой палатѣ. Какое сильное впечатлѣніе должно было все это произвести на ребенка-царя, можно судить изъ того, что у него всю жизнь голова тряслась и плечи подергивало судоргами при всякомъ особенномъ раздраженіи. Истребивши впослѣдствіи почти всѣхъ стрѣльцовъ поголовными казнями, онъ никогда не могъ слышать равнодушно ихъ имени.

Ворвавшись во дворецъ, стрѣльцы рыскали повсюду, отыскивая мнимыхъ измѣнниковъ. Встрѣтивъ стольника Салтыкова, они убили его, принявъ за Нарышкина, а потомъ, узнавъ свою ошибку, повезли тѣло его къ отцу убитаго, съ извиненіями. Увидя карлу Хомяка, они спросили у него, гдѣ Афанасій Нарышкинъ, и, узнавъ, что онъ спрятался подъ престоломъ сѣнной церкви Воскресенія, вытащили его оттуда на паперть, убили и выбросили на площадь. Та же участь постигла Ромодановскаго, знаменитаго боеваго воеводу, Языкова, любимца Федора Алек., Ларіона Иванова, управлявшаго посольскимъ приказомъ и др. Совершая всѣ эти убійства, стрѣльцы обращались къ толпѣ и спрашивали: любо ли? любо! любо! кричали имъ въ отвѣтъ, а тѣхъ кто не хотѣлъ кричать, заставляли силою.

Всѣхъ убитыхъ волокли черезъ Спасскія или Никольскія ворота на Красную площадь. Извинившись передъ старикомъ Салтыковымъ, что нечаянно убили его сына, стрѣльцы пошли и къ старику Долгорукому извиняться, что убили его сына, Михайлу. Старикъ выслушалъ ихъ спокойно, и даже велѣлъ угостить виномъ. Но когда они ушли, онъ сказалъ своей невѣсткѣ, вдовѣ убитаго князя Михаила, что недолго имъ побунтовать, скоро будутъ они висѣть на зубцахъ Бѣлаго и Землянаго города. Холопъ его догналъ стрѣльцовъ и передалъ имъ слова старика. Они вернулись, вытащили его на дворъ, разсѣкли на части, и бросили на навозную кучу, а на трупъ положили соленую рыбу.

Буйство стрѣльцовъ продолжалось до сумерекъ, а затѣмъ они разошлись по своимъ слободамъ, оставивъ во всѣхъ воротахъ Кремля, Китая и Бѣлаго города, крѣпкіе караулы.

На другой день, 16-го Мая, они снова съ барабаннымъ боемъ явились передъ дворцомъ, требуя выдачи Ивана Кирил. Нарышкина, и грозя въ противномъ случаѣ перебить всѣхъ бояръ. Они ворвались во дворецъ, и старались отыскать его сами, но безуспѣшно. Нѣсколько жертвъ снова пало подъ ихъ ударами, и были сброшены съ краснаго

крыльца на подставленные копыя. Около часу они ушли из дворца, оставивъ по прежнему караулы во всѣхъ воротахъ.

На третій день, 17-го Мая, они снова явились въ Кремль, и съ крикомъ возвѣстили, что не выйдутъ изъ Кремля, пока не получатъ Нарышкина. Всѣ бояре стали просить царицу Наталью Кир. выдать брата. Церевна Софья тоже настаивала, чтобы царица выдала его. И царица рѣшилась.

Нарышкина, скрывавшагося то въ комнатѣ маленькой царевны Натальи Алексѣвны, то въ комнатахъ царицы-вдовы, Марѣи Матвѣевны, то въ чуланѣ подъ перинами — привели въ церковь Спаса за Золотой рѣшеткой, исповѣдали, причастили и пособоровали. Затѣмъ онъ сталъ прощаться съ сестрой: но бояре не дали ему долго прощаться и торопили его выйдти поскорѣе...

Только что онъ показался изъ церкви, какъ стрѣльцы ринулись на него, и потащили въ Константиновскій застѣнокъ, думая, что вымучать у него какія нибудь признанія. Но онъ не сказалъ ничего подъ пытками. Тогда его вытащили на Красную площадь и разсѣкли на части.

Та же участь постигла и доктора-иностранца, Данила фонъ-Гадена, обвиняемаго стрѣльцами въ отравленіи Ѳедора. Царица Марѣя Матвѣевна и царевны умоляли стрѣльцовъ пощадить его, говоря, что онъ невиненъ въ смерти Ѳедора, что они видѣли, какъ онъ пробовалъ прежде самъ тѣ лекарства, которыя давалъ царю. — но стрѣльцы не послушались и потащили его въ застѣнокъ. Данило среди пытокъ сталъ умолять ихъ дать ему сроку три дня, обѣщаясь назвать тѣхъ, которые заслужили смерть болѣе чѣмъ онъ. Но стрѣльцы не захотѣли ждать, потащили его вмѣстѣ съ Нарышкинымъ на Красную площадь, и тамъ изрубили на мелкія части.

Тѣла убитыхъ въ первый день бунта еще лежали въ это время на площади. Стрѣльцы объявили наконецъ, что желающіе могутъ брать ихъ для погребенія. Тогда явился вѣрный Арапъ Матвѣева, собралъ въ простыню изуродованные останки своего господина, и снесъ ихъ въ приходскую церковь Матвѣева, св. Николая на Столпахъ*), близъ Златоустовскаго монастыря**), гдѣ они были отпѣты и погребены.

*) Каменная церковь Николай въ Столпахъ, на Мясницкой, существующая донынѣ, сооружена около половины XVII в. Названіе на Столпахъ она получила вѣроятно отъ сторожеваго столпа, какіе ставились на высокихъ мѣстахъ Москвы во время владычества Татаръ для наблюденія за приближеніемъ непріятеля. Можетъ быть это названіе произошло и отъ иконы св. Николая, перенесенной Новгородцами при царѣ Иванѣ Васильевичѣ изъ монастыря св. Николая на Столпѣ.

**) Основаніе Златоустовскаго монастыря относится по преданію къ XIV в. В. к. Иванъ III построилъ въ немъ каменную церковь св. Іоанна Златоустаго, впоследствии подвергавшуюся разрушенію. Отъ первоначальнаго ея построенія

Надъ прахомъ Матвѣева и его присныхъ былъ сооруженъ въ позднѣйшія времена памятникъ, но онъ остался неоконченнымъ. Въ немъ недостаетъ четырехъ мраморныхъ группъ, которыя должны были представить черты изъ жизни Матвѣева. Подлѣ могилы Матвѣева положены вѣрные слуги его, Арапъ Иванъ и карла Тимоѳей Сахаровъ.

На этомъ же кладбищѣ былъ похороненъ Иванъ Михайловичъ Милославскій, умершій черезъ три года послѣ стрѣлецкаго бунта, а черезъ 12 лѣтъ вырытый по повелѣнію Петра, и преданный поруганію.

На четвертый день бунта, 18-го Мая, стрѣльцы прислали во дворецъ выборныхъ отъ всѣхъ приказовъ, безъ оружія на этотъ разъ, бить челомъ государю и государынямъ царевнамъ, чтобы приказалъ государь постричь своего дѣда, Кирилла Подухтовича Нарышкина, въ монахи. Его постригли немедленно въ Чудовомъ монастырѣ, и отослали въ Кирилловъ-Бѣлозерскій монастырь. Но стрѣльцы этимъ не удовольствовались: они потребовали ссылки многихъ бояръ и огромной суммы денегъ, причитающейся будто бы имъ за ихъ службу съ 1644 г. Всѣ требованія ихъ спѣшили исполнить, но удовлетворить ихъ не было возможности. Управление въ это время находилось главнымъ образомъ въ рукахъ царевны Софіи, которая, какъ уже было сказано выше, стремилась къ тому, чтобы овладѣть расположеніемъ стрѣльцовъ. Она раздала имъ много денегъ, и согласилась на то, чтобы стрѣльцы называли себя «царской пѣхотой», начальникомъ которой былъ сдѣланъ князь Хованскій. 23-го Мая Хованскій донесъ царевнамъ, что стрѣльцы прислали выборныхъ просить, чтобы царевичъ Иванъ Алексѣевичъ царствовалъ вмѣстѣ съ братомъ. Тотчасъ же былъ созванъ соборъ, который нашелъ это предложеніе полезнымъ. Ударилъ въ большой колоколъ, и проѣли молебень въ Успенскомъ соборѣ, за которымъ провозгласили многолѣтіе благочестивымъ царямъ Ивану Алексѣевичу и Петру Алексѣевичу. Оба они стояли въ это время на царскомъ мѣстѣ. Но этимъ стрѣльцы не удовольствовались: они потребовали, чтобы Иванъ Алексѣевичъ былъ первымъ царемъ, а Петръ — вторымъ. Дума и патріархъ съ архіереями рѣшили по ихъ желанію. Наконецъ, 29-го Мая, они потребовали, чтобы, за малолѣтствомъ обоихъ царей, правительницею была объявлена Софія. И это желаніе ихъ было исполнено. Но стрѣльцы не могли успокоиться. Ихъ тяготила мысль, что можетъ

уцѣлѣла только икона святителя Златоуста, нынѣ находящаяся въ соборномъ храмѣ. Въ палицу, устроенную на ризѣ иконы, вложена частица мощей св. іерарха, а въ кипарисную доску по вѣраямъ положены мощи: св. Іосифа праведнаго, великомученика Пантелеймона и св. Анны, матери Пресвятой Богородицы; а съ другой стороны часть животворящаго древа, мощи Симеона Богопріимца и преподобно-мученика Андрея Критскаго. Въ этой же церкви находится чудотворный образъ Знаменія Богоматери.

прійдется еще поплатиться за буйство и насилія, произведенныя ими 15, 16 и 17 Мая. Они знали, что бояре всѣ противъ нихъ, да и народъ не стоялъ за нихъ, не смотря на то, что они заискивали въ немъ, уничтоживъ кабалы въ холопьемъ приказѣ, и провозглашая холопей вольными. Они подали челобитную не только отъ своего имени, но и отъ имени солдатъ и посадскихъ людей, чтобы правительство поставило на Красной площади столбъ, на которомъ были бы написаны имена всѣхъ побитыхъ ими и вины ихъ, за которыя они побиты, и, кромѣ того, въ стрѣлецкіе приказы, солдатскіе полки и посадскимъ людямъ были бы даны жалованныя грамоты съ красными печатами, въ которыхъ бы говорилось, что никто не долженъ называть участниковъ бунта бунтовщиками, не ссылать и не наказывать ихъ.

Правительница Софья велѣла исполнить ихъ требованіе, и столбъ былъ поставленъ.

Сила и значеніе, которыми пользовались въ это время стрѣльцы, дали мысль противникамъ Никоновыхъ исправленій, раскольникамъ, — искать въ нихъ опоры. Въ стрѣлецкихъ приказахъ нашлись многіе, которые рады были постоять за старую вѣру. Кромѣ того, ихъ начальникъ, князь Хованскій, давно уже былъ извѣстенъ, какъ приверженецъ старины. Онъ былъ очень доволенъ, когда узналъ о движеніи среди стрѣльцевъ въ пользу старой вѣры, и общалъ свое содѣйствіе. Старообрядцы написали челобитную, въ которой просили патріарха и власти дать имъ отвѣтъ, отчего они возненавидѣли старыя книги и возлюбили латинскую будто бы вѣру? Кромѣ того, они испросили у Хованскаго разрѣшеніе имѣть въ пятницу 23 Мая соборъ на Лобномъ мѣстѣ, или въ Кремлѣ, и обсудить дѣло о старой и новой вѣрѣ всенародно, въ присутствіи государей. Рѣшено было, чтобы пренія на соборѣ съ патріархомъ и святителями велъ Никита Пустосвятъ, разстриженный Суздальскій священникъ.

Въ назначенный день въ Кремлѣ показалось шествѣ старообрядцевъ. Никита несъ крестъ, Сергій Евангеліе, а монахъ Савватій икону Страшнаго Суда. Они остановились у Краснаго крыльца, и послали сказать о своемъ приходѣ Хованскому, который велѣлъ отвести ихъ въ Отвѣтную палату. Здѣсь онъ принялъ отъ нихъ челобитную, и понесъ къ государямъ. Выйдя обратно, онъ сказалъ, что государи челобитную выслушали, но что по просьбѣ патріарха велѣли отложить соборъ до среды 5-го Іюля.

Между тѣмъ 25 Іюня было совершено царское вѣнчаніе. Въ этотъ день духовенство рано утромъ собралось въ Крестовой палатѣ, и отсюда при звонѣ колоколовъ направилось въ соборъ. Какъ скоро патріархъ облачился въ греческій саккосъ митрополита Фогія, украшенный жемчугомъ, цари вышли изъ внутреннихъ покоевъ дворца, приложились къ иконамъ въ церкви Спаса Нерукотвореннаго, и вступили въ Грано-

виту ю палату. Отсюда они послали князя Василья Васильевича Голицына на казенный дворъ за животворящими крестами, святыми бармами, вѣнцами и державами. Какъ скоро все это было принесено, цари встали, приложились къ крестамъ и бармамъ, и приказали нести ихъ въ Успенскій соборъ, гдѣ они были встрѣчены съ подобающею честью патріархомъ, и положены на приготовленныхъ для нихъ мѣстахъ. Послѣ этого царямъ доложили, что все для ихъ вѣнчанія готово, и они вышли черезъ Красное крыльце въ Успенскій соборъ, шествуя между двумя рядами стрѣльцовъ. На нихъ были золотые кафтаны съ кружевами, и шапки съ дорогими запонами. Въ соборъ они вступили при пѣніи имъ многолѣтія, три раза поклонились въ землю передъ царскими вратами, и затѣмъ поклонились патріарху, который осѣнилъ ихъ крестнымъ знаменіемъ обѣими руками. Приложившись послѣ этого къ мѣстнымъ образамъ, мощамъ чудотворцевъ, и къ кресту, поднесенному имъ патріархомъ, цари облобызались съ патріархомъ, и взошли на чертожное мѣсто, гдѣ сѣли на троны, поддерживаемые дядьками. Патріархъ, святители и власти тоже сѣли. Наступила тишина. Тогда цари встали, и обратились съ рѣчью къ патріарху, чтобы онъ ихъ благословилъ, помазалъ св. мѣромъ, и вѣнчалъ бы на царство. Патріархъ спросилъ ихъ, какъ они вѣруютъ и исповѣдаютъ Отца и Сына и Св. Духа? Цари прочли вслухъ символъ вѣры. Патріархъ взялъ изъ рукъ протопоповъ, соборнаго и архангельскаго, царскія одежды, и велѣлъ дядькамъ облечь въ нихъ царей. Потомъ патріархъ три раза поклонился передъ животворящими крестами, поднесенными ему на золотыхъ блюдахъ, и возложилъ ихъ на царей. Точно также возложилъ онъ бармы на плеча и вѣнцы на головы, и вручилъ скипетры и державы. Послѣ этого патріархъ велѣлъ ризничему возгласить боговѣнчаннымъ государямъ многолѣтіе, и сказалъ имъ пріветственное слово, въ которомъ убѣждалъ ихъ имѣть страхъ Божій въ сердцахъ, и любить правду и милость. Затѣмъ цари сошли съ чертожнаго мѣста и стали на обычномъ царскомъ мѣстѣ. Началась литургія, за которой цари были помазаны мѣромъ и причастились въ алтарѣ св. Таинъ.

По окончаніи литургіи они ходили въ Архангельскій соборъ, чтобы поклониться праху предковъ, и въ Благовѣщенскій соборъ, гдѣ прикладывались къ св. иконамъ. Затѣмъ, вернулись во дворецъ, гдѣ имѣли торжественный столъ въ Грановитой палатѣ, къ которому было приглашено знатнѣйшее духовенство и бояре.

5-го Іюля въ Кремлѣ снова показалось шествіе старообрядцевъ, въ томъ же порядкѣ, какъ и въ первый разъ. Они разставили налои у Архангельскаго собора, разложили старыя книги, разставили образа, и зажгли свѣчи. Патріархъ выслалъ къ нимъ протопопа Василя съ печатнымъ обличеніемъ противъ Никиты Цустосвята, который раскаявался уже однажды въ своихъ заблужденіяхъ передъ соборомъ, а теперь опять

вернулся къ нимъ же. Стрѣльцы бросились было на протопопа и хотѣли побить его камнями, но Сергій ихъ удержалъ, и, ставъ на скамью, поучалъ народъ въ старой вѣрѣ, по Соловецкимъ тетрадкамъ.

Хованскій, между тѣмъ, по желанію старообрядцевъ, пошелъ спросить у патриарха, гдѣ быть собору? Патриархъ Іоакимъ отвѣчалъ, что въ Грановитой палатѣ, потому что царевны и царица Наталья Кирилловна хотятъ присутствовать на соборѣ. Старообрядцы долго не соглашались идти въ Грановитую палату, боясь, что ихъ тамъ схватятъ, и отговаривались тѣмъ, что хотятъ отстаивать старую вѣру въ присутствіи народа. Но они принуждены были уступить, взявъ, впрочемъ, обѣщаніе съ Хованскаго, что имъ не будетъ сдѣлано никакого насилія.

Старообрядцы двинулись. На Красномъ крыльцѣ у нихъ произошло столкновеніе съ православными священниками, изъ которыхъ одинъ схватилъ даже Никиту за волосы. Хованскій выбѣжалъ на шумъ, велѣлъ заковать священника, который напалъ на Никиту, и остальныхъ всѣхъ разогнать. Раскольники не хотѣли идти дальше, но Хованскій поцѣловалъ крестъ передъ ними, что никакого зла имъ не будетъ сдѣлано. Тогда они вошли въ Грановитую палату, гдѣ на тронѣ сидѣла уже Софья, подлѣ нея, тоже на тронѣ, тетка ея Татьяна Михайловна, а пониже, въ креслахъ, царица Наталья Кирилловна, царевна Марья Алексѣевна и патриархъ. Направо отъ патриарха сидѣли архіереи, налѣво свѣтскіе сановники, царедворцы и выборные отъ стрѣльцовъ.

На соборѣ Никита держалъ себя крайне непристойно. Царевна Софья, оскорбленная его выходками, сошла съ трона, и съ негодованіемъ воскликнула, что не можетъ слышать хулы, которая произноситъ Никита, и что если онъ осмѣливается называть Никона и Арсенія еретиками, то и отецъ ея и братъ были еретики. Слова Софьи произвели впечатлѣніе. Но въ особенности сильно подѣйствовало на стрѣльцовъ, когда она обратилась къ нимъ съ словами, что они были нѣкогда вѣрными слугами ея дѣда, отца и брата, почему же они теперь допускаютъ, чтобы эти мужики-невѣжды бунтомъ приходили во дворецъ, и чинили всей царской семьѣ досады? «Если это такъ продлится, окончила она, то лучше намъ, царямъ, не жить здѣсь, а уходить въ другіе города возвѣстить народу, какія неправды здѣсь творятся».

Эта угроза сейчасъ же подѣйствовала на стрѣльцевъ. Они хорошо помнили свои неправды 15-го Мая, и знали, что только настоящее правительство ихъ поддерживаетъ. Поэтому они поспѣшили отвѣтить царевнѣ, что рады и теперь служить своимъ государямъ, и имъ, государынямъ, и просятъ ихъ не оставлять своего царствующаго града. Софья вернулась послѣ этого на свое мѣсто.

Споръ раскольниковъ съ православными продолжался еще нѣкоторое время, и затѣмъ раскольники были отпущены домой. Выйдя изъ Гра-

новитой палаты, они пошли через Лобное мѣсто, гдѣ возвѣстили народу, что переспорили будто бы и посрамили всѣхъ архіереевъ. Послѣ этого они пошли за Язу, отслужили молебень со звономъ въ церкви Спаса въ Чигасахъ, и разошлись по домамъ. Черезъ недѣлю они были перехвачены по распоряженію правительства, и надъ ними учиненъ городской судъ, по приговору котораго Никитъ Пустосвяту была отрублена голова на Красной площади, а остальнымъ смертная казнь замѣнена ссылкой, вслѣдствіе заступничества князя Хованскаго.

Правительство Софьи сдѣлало уступку Хованскому относительно наказанія раскольниковъ, но съ этихъ поръ Хованскій потерялъ расположеніе двора. Его не удалили тотчасъ же отъ занимаемой имъ должности начальника стрѣлцаго, потому только, что онъ пользовался любовью между стрѣльцами. Хованскій же, понимая это, направилъ всѣ усилія, чтобы еще болѣе привязать къ себѣ стрѣльцевъ. Онъ хотѣлъ достигнуть этого, исполняя всѣ ихъ требованія, и потворствуя имъ. Но этимъ въ нихъ поддерживался духъ своевольства, и волненія между стрѣльцами не прекращались.

Тогда Софья прибѣгнула къ слѣдующей мѣрѣ: 20-го Августа, все царское семейство уѣхало изъ Москвы въ Коломенское.

Узнавъ объ отъѣздѣ царскомъ, стрѣльцы испугались, и послали выборныхъ въ Коломенское просить государей вернуться. Но просьба ихъ не была уважена.

Хованскій получилъ указъ отъ правительницы прислать въ Коломенское къ 29-му Августа, дню именинъ старшаго государя, стремянной полкъ, отличавшійся наибольшою преданностію государямъ. Это распоряженіе не понравилось Хованскому, но онъ принужденъ былъ повиноваться.

Царское семейство прожило въ Коломенскомъ до 2-го Сентября, и затѣмъ черезъ село Воробьево и Павловское, проѣхало въ Саввинъ Сторожевскій монастырь, гдѣ отпраздновало день памяти этого святаго, 10-го Сентября. Затѣмъ черезъ Павловское и Хлябово направилось въ Воздвиженское къ храмовому празднику Воздвиженья. Здѣсь же Софья праздновала свои именины, 17-го Сентября. Въ этотъ день, послѣ обѣдни, она жаловала водкой бояръ, окольных и думныхъ людей, затѣмъ, у великихъ государей и у нея, было *сиденье* съ боярами, на которомъ было прочтено подметное письмо, найденное незадолго передъ тѣмъ у переднихъ дворцовыхъ воротъ. Въ этомъ письмѣ говорилось, что князь Иванъ Хованскій и сынъ его, Андрей, хотятъ учинить бунтъ, обоихъ государей убить вмѣстѣ съ правительницей, царицей Натальей Кирилловной, патріархомъ и властями, и избрать царемъ его, князя Ивана, а патріархомъ избрать такого, который бы любилъ старыя книги.

По прочтеніи этого письма, подтвержденнаго будто бы сдѣланнымъ розыскомъ, государи и царевна указали, и бояре приговорили обоихъ Хованскихъ казнить смертію. Хованскіе были чрезвычайно любимы стрѣльцами, и потому въ Москвѣ схватить ихъ было бы невозможно. Но Софья знала, что они оба выѣхали изъ Москвы, и ѣдутъ къ ней для совѣщаній по Малороссійскимъ дѣламъ. Тотчасъ же посланъ былъ на встрѣчу имъ гонецъ, который привезъ Хованскихъ связанными, подъ крѣпкимъ карауломъ, въ Воздвиженское. У переднихъ воротъ стояла уже плаха. Тутъ прочтенъ имъ былъ смертный приговоръ. Хованскіе оправдывались, просили дать имъ очныя ставки съ тѣми, кто ихъ обвинялъ, — но отъ царевны присланъ былъ приказъ немедленно исполнить приговоръ: имъ обоимъ отсѣкли головы.

Вѣсть о казни Хованскихъ привела въ волненіе стрѣльцовъ. Они узнали о ней отъ другаго сына Хованскаго, Ивана, успѣваго бѣжать изъ Воздвиженскаго. Стрѣльцы бросились въ Кремль, захватили орудія и военные снаряды, разставили караулы во всѣхъ воротахъ, и сѣли въ осадѣ. Они приписывали смерть Хованскихъ кознямъ бояръ, и ожидали, что бояре придутъ съ войскомъ перебить всѣхъ стрѣльцовъ. Но цѣлыя сутки просидѣвъ въ осадѣ, и не видя никакихъ войскъ, они одумались. Правительница, съ своей стороны, узнавъ объ ихъ движеніи, разослала грамоты по областямъ, чтобы служилые люди шли въ полномъ вооруженіи къ Троицкому монастырю, и послѣшила туда съ обоими государями и со всѣмъ дворомъ. Монастырь былъ приведенъ въ осадное положеніе, и защита его поручена Василю Васильевичу Голицыну.

19-го Сентября прибылъ къ Троицѣ Чудовской архимандритъ Адрианъ, присланный патріархомъ съ извѣстіемъ, что надворная пѣхота приходила къ нему, патріарху, съ челобитьемъ, чтобы великіе государи возвращались въ Москву, что они, стрѣльцы, рады имъ служить, и никакихъ смуть затѣвать не будутъ. Тогда былъ посланъ въ Москву нарочный съ приказаніемъ сказать стрѣльцамъ, что на нихъ нѣтъ никакой царской опалы или гнѣва, но что пускай они безпрекословно исполняютъ царскія приказанія, и изготовятъ нѣсколько полковъ къ выступленію въ Кіевъ.

У Троицы, между тѣмъ, собралось такое множество служилыхъ людей, что правительство получило возможность дѣйствовать рѣшительнѣе. Для управленія дѣлами въ Москвѣ былъ посланъ бояринъ Михайлъ Петровичъ Головинъ, который съ самаго начала принялъ твердый образъ дѣйствій относительно стрѣльцовъ, и этимъ выказалъ имъ, что ихъ уже не бояться. Увидя это, стрѣльцы смутились, струсили и изъявили желаніе послать къ Троицѣ выборныхъ съ челобитьемъ. Имъ было объявлено, что они могутъ это сдѣлать, но должны послать изъ cadaго полка по двадцати человекъ. Получивъ этотъ приказъ, они

испугались, что выборные их будутъ казнены у Троицы, и обратились съ просьбой къ патриарху отпустить съ ними суздальскаго митрополита Иларіона. Патриархъ согласился.

24-го Сентября стрѣleckіе выборные представились Софьѣ, которая встрѣтила ихъ строгимъ выговоромъ за ихъ поведеніе. Стрѣльцы поклонились при этомъ въ землю, прося помилованія и подали письменную сказку, въ которой говорилось, что дѣды, отцы, дядья и братья ихъ служили государямъ вѣрою и правдою, и что они тоже служить рады; что ратная казна, пушки, порохъ и свинець, которые они взяли въ Кремль, у нихъ всё цѣлы; что тѣ полки, которые назначены въ Кіевъ, готовы къ выступленію.

Софья велѣла имъ возвратиться въ Москву, и объявить ея именемъ всемъ стрѣльцамъ, что цари готовы простить имъ ихъ вины, но съ тѣмъ, чтобы они перестали бунтовать и подали бы повинную за общую подписью всехъ полковъ. Стрѣльцы исполнили волю царевны, и тогда имъ былъ прочтенъ рядъ статей, на основаніи которыхъ имъ даруется прощеніе.

Въ воскресенье 8-го Октября патриархъ отслужилъ обѣдню въ Успенскомъ соборѣ, послѣ которой стрѣльцы прикладывались къ Евангелію, и къ нетлѣнной рукѣ апостола Андрея Первозваннаго, общаясь исполнить всё статьи, отъ нихъ требуемыя. Послѣ этого они выдали Головину другаго сына Хованскаго, Ивана, возмущившаго надворную пѣхоту послѣ казни своего отца. Онъ былъ свезенъ въ Троицкій монастырь, гдѣ ему прочли смертный приговоръ, положили голову на плаху, но потомъ помиловали, и отослали въ ссылку. Столбъ на Красной площади съ оправданіемъ образа дѣйствій стрѣльцовъ 15, 16 и 17 Мая былъ сломанъ, и стрѣльцамъ даны новыя жалованныя грамоты, въ которыхъ говорилось, что государи, видя слезы и раскаяніе стрѣльцовъ, простили ихъ вины, и запретили называть ихъ бунтовщиками и измѣнниками.

6-го Ноября дворъ вернулся въ Москву. Начальникомъ Стрѣleckаго приказа былъ назначенъ думный дьякъ Ѳеодоръ Леонтьевичъ Шакловитый, и стрѣльцовъ перестали съ этихъ поръ называть надворной пѣхотной.

26-го Ноября того же года загорѣлись въ Кремль царскіе хоромы Петра Алексѣевича; огонь перекинуло на Успенскій соборъ, на которомъ сгорѣла крыша, покрытая мѣдными листами, и оконницы въ стѣнахъ и трибунныхъ окнахъ. Изъ собора поспѣшили вынести св. мощи и мѣстныя иконы въ Архангельскій соборъ, гдѣ онѣ стояли все время пока поправлялся Успенскій соборъ.

за собою. Но въ религіозномъ отношеніи онъ еще зависѣлъ отъ Константинопольскаго патріарха. Въ данную минуту митрополита не было въ Кіевѣ, и гетманъ Иванъ Самойловичъ предложилъ Московскому патріарху, Іоакиму, поставить своею властію въ митрополиты Кіевскіе того, кто будетъ избранъ въ этотъ санъ Малороссійскимъ духовенствомъ. Іоакимъ выразилъ полную готовность сдѣлать это. Между тѣмъ, скончался архимандритъ Кіево-Печерской Лавры, считавшейся издавна ставропигіею Константинопольскаго патріарха. Малороссійское духовенство избрало на его мѣсто, по предложенію Самойловича, игумена Пустынно-Никольскаго Кіевского монастыря, Варлаама Ясинскаго, и Московскій патріархъ утвердилъ его своею властію въ санъ архимандрита. Это было первымъ шагомъ къ независимости Малороссійской церкви отъ Константинополя. Въ то же время уніаты подъ прикрытіемъ Польши жестоко преслѣдовали православіе на Волини, и принудили епископа Луцкаго и Острожскаго, Гедеона, князя Святополкъ-Четвертинскаго, бѣжать оттуда подъ защиту гетмана Самойловича. Онъ то и былъ черезъ полгода избранъ въ митрополиты Кіевскіе, Галицкіе и всея Малороссіи, и ѣздилъ для поставленія въ Москву. Іоакимъ посвятилъ его въ Успенскомъ соборѣ, съ обычными обрядами. Два дня спустя, въ Константинополь былъ отправленъ посланный съ извѣстительною грамотою къ патріарху Іакову. При этомъ цари вмѣстѣ съ сестрою своею, царевною Софьей, ходатайствовали передъ патріархомъ, чтобы онъ навсегда отступился отъ Кіевской митрополіи и благословилъ на управленіе ею Московскаго патріарха.

Константинопольскій патріархъ Діонисій, преемникъ Іакова, изъявилъ согласіе на подчиненіе Кіевской митрополіи Московскому патріарху, и прислалъ Гедеону и всей его паствѣ соборное благословеніе. Такимъ образомъ, въ духовномъ отношеніи Кіевъ сталъ зависѣть отъ Москвы. Въ томъ же году былъ заключенъ вѣчный миръ съ Польшею, по которому Кіевъ остался за Москвою и въ политическомъ отношеніи. Кромѣ того, по этому миру была выговорена у Польскаго короля свобода исповѣданія для православной церкви въ Польскихъ областяхъ. Московское правительство обязалось за это немедленно начать войну съ Крымомъ и Турціею, въ борьбѣ съ которыми Польскій король изнемогалъ.

Польскіе послы, пріѣзжавшіе въ Москву для утвержденія этого договора, имѣли такой же торжественный пріемъ, какъ и Шведскіе. Цари принимали ихъ въ Грановитой палатѣ, и цѣловали Евангеліе въ ихъ присутствіи для удостовѣренія ихъ въ исполненіи договора.

Вслѣдъ за тѣмъ Крымскому хану, Селимъ-Гирею, была объявлена война, и огромное войско подъ начальствомъ Василія Васильевича Голицына, было отправлено въ Крымъ. Но походъ этотъ былъ въ высшей степени неудаченъ. Голицынъ вернулся съ полдороги назадъ,

не встрѣтивъ Татаръ, и утомивъ войско походомъ по выжженной и безводной степи. Въ этой неудачѣ былъ обвиненъ Малороссійскій гетманъ, Самойловичъ, по приказанію котораго или по крайней мѣрѣ съ вѣдома котораго будто бы степи были выжжены казаками. Такіе слухи о немъ были распущены генеральнымъ есауломъ Мазепою. По настоянію кн. Голицына, Самойловичъ былъ лишень своего званія и сосланъ съ сыномъ въ Сибирь, а на его мѣсто гетманомъ избранъ Мазепа.

Между тѣмъ, Татары безпрестанно дѣлали набѣги на Украину и на Волынь, разоряя страну и уводя огромное число плѣнныхъ. Поэтому былъ предпринятъ второй походъ въ Крымъ, къ несчастію столько же неудачный. Голицынъ имѣлъ сначала два ничтожныхъ дѣла съ Татарами, но дойдя до Перекопа испугался этой ничтожной крѣпости, и возвратился назадъ, ничего не сдѣлавъ.

Несмотря на то, Софья осыпала его наградами, какъ бы послѣ важной побѣды, и разослала по всей Россіи грамоты съ описаніемъ мнимыхъ побѣдъ русскаго войска.

Но уже близился конецъ ея управленію государствомъ, незаконно присвоенному и становившемуся теперь излишнимъ, такъ какъ законный царь уже достигъ совершеннолѣтія.

Въ свое семилѣтнее управленіе государствомъ, не отмѣченное ничѣмъ особенно важнымъ, Софья выказала необыкновенное властолюбіе, которое не знало границъ. Самыми близкими людьми къ ней были кн. Василій Васильевичъ Голицынъ, Шакловитый и монахъ Сильвестръ Медвѣдевъ. Этотъ послѣдній былъ землякъ и другъ Шакловитаго. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ онъ служилъ подъячимъ, потомъ постригся въ монахи и сблизился съ воспитателемъ Ѳедора Алексѣевича, Симеономъ Полоцкимъ. При его содѣйствіи онъ былъ назначенъ строителемъ Заиконоспасскаго монастыря, гдѣ его часто посѣщалъ царь Ѳедоръ, любя его за его ученость. Медвѣдевъ сблизился еще при жизни царя Ѳедора съ Софьей, а когда она стала во главѣ правленія, то онъ сдѣлался ея повѣреннымъ. Онъ сочинялъ въ честь ея стихи и писалъ исторію первыхъ лѣтъ ея правленія. Есть предположеніе, что онъ тайно доискивался патріаршаго престола, и потому распространялъ между стрѣльцами мнѣніе, что патріархъ Іоакимъ человекъ неученый, а Шакловитый даже намекалъ имъ, что лучше бы свергнуть патріарха и избрать на его мѣсто такого, который бы держалъ сторону стрѣльцовъ.

Ставъ во главѣ управленія, Софья не довольствовалась властью, бывшею въ ея рукахъ, но хотѣла упрочить ее за собою въ будущемъ, и для этого *въичатъся на царство*. Шакловитый старался настроить стрѣльцовъ такъ, чтобы они подали ей челобитную о томъ, чтобы она *въичалась* на царство. Но между стрѣльцами мысль эта не находила большаго сочувствія, и Софья сочла за лучшее подождать еще нѣ-

сколько приведеніемъ въ исполненіе своего замысла, и ограничилась покамѣстъ тѣмъ, что стала подписываться въ бумагахъ *Самодержицею*, рядомъ съ обоими царями. Въ 1686 г. было окончено построеніе церкви во имя святителя Алексѣя въ Чудовомъ монастырѣ по чертежу, данному царемъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ, и въ нее перенесенъ придѣлъ Благовѣщенія, находившійся при храмѣ Архистратига Михаила. Царь Иванъ и Петръ собственными руками перенесли мощи святителя Алексѣя изъ церкви Архангела Михаила во вновь сооруженную церковь, гдѣ они стоятъ и понынѣ. Софья участвовала въ этомъ торжественномъ шествіи государей, вопреки обычаю, потому что въ подобныхъ случаяхъ даже царицы никогда прежде не участвовали. При большомъ звонѣ во всѣ колокола Софья вышла вмѣстѣ съ обоими государями изъ дворца и прошла съ ними въ Чудовъ монастырь. Здѣсь она стояла во время службы подлѣ нихъ, а когда цари понесли угодника вмѣстѣ съ патріархомъ, она одна изъ всего царскаго семейства шествовала за ними. Съ этихъ поръ она не пропускала уже ни одного торжества или крестнаго хода, чтобы не показаться народу. Этимъ она старалась достигъ того, чтобы народъ привыкалъ смотрѣть на нее какъ на свою царицу. Еще не достигнувъ вполне своей цѣли, она пожелала имѣть свой портретъ въ полномъ царскомъ облаченіи, и для этого былъ выписанъ изъ Чернигова мастеръ Тарасѣвичъ, умѣвшій печатать персоны, какъ тогда говорилось. Тарасѣвичъ занялся этимъ дѣломъ въ загородномъ домѣ Шакловитаго, на Дѣвичьемъ полѣ. Софья была вырѣзана въ коронѣ, съ державою и скипетромъ въ рукахъ, вокругъ нея длинный и подробный титулъ ея, а далѣе аллегорическія (иносказательныя) изображенія семи даровъ духа или добродѣтелей царевны. Внизу помѣщались стихи, написанные Медвѣдевымъ, восхвалявшіе мудрость Софьи и сравнивавшіе ее съ различными славными царицами древняго міра. На другой доскѣ онъ вырѣзалъ св. мученика Ѳеодора Стратилата съ воинскими доспѣхами въ ногахъ, съ литаврами, знаменами, копьями и другимъ оружіемъ, вѣроятно въ честь Ѳеодора Леонтьевича Шакловитаго. Оттиски съ этихъ портретовъ раздавались многимъ лицамъ, а одинъ былъ посланъ въ Голландію съ просьбою снятъ копію и отпечатать тамъ съ полнымъ титуломъ царевны и виршами на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Болѣе сотни экземпляровъ этого портрета были присланы оттуда въ Москву.

Между тѣмъ Петръ достигъ уже шестнадцатилѣтняго возраста. Онъ жилъ съ своею матерью почти безвыѣздно въ селѣ Преображенскомъ, и являлся въ Москву только по необходимости участвовать въ нѣкоторыхъ торжествахъ, пріемахъ пословъ и т. д. Любимыми его занятіями въ дѣтствѣ были игры въ солдаты съ своими сотоварищами. Они имѣли ружья, барабаны, устраивали крѣпости, брали и защищали ихъ, маршировали и т. д. На 12 году вздумалось Петру составить

свой особенный полкъ и вызвать охотниковъ для поступленія въ него. Первымъ явился на вызовъ придворный конюхъ, Сергій Леонтьевъ Бухвостовъ. Петръ такъ обрадовался своему первому солдату, что вполслѣдствіи, сдѣлавшись императоромъ, велѣлъ художнику Растрелли вылить его статую изъ металла.

Вслѣдъ за первымъ охотникомъ явились и другіе, и мало по малу составился полкъ, получившій названіе Преображенскаго, который донынѣ считается старшимъ полкомъ въ русскомъ войскѣ и имѣеть всегда своимъ шефомъ царствующаго государя. Петръ пожелалъ самъ служить въ этомъ полку и принялъ на себя должность бомбардира. Позднѣе былъ сформированъ имъ другой полкъ, Семеновскій.

Кромѣ военныхъ потѣхъ, Петра занимало еще мореплаваніе, и вотъ съ какихъ поръ началась у него эта страсть:

Случайно увидавъ въ Измайловѣ старый англійскій ботъ дѣда своего (двоюроднаго брата царя Михаила Ѳеодоровича), Никиты Ивановича Романова, онъ спросилъ, что это такое? Голландецъ Тиммерманъ, бывшій съ нимъ въ это время, отвѣтилъ, что это англійскій ботъ. А чѣмъ онъ отличается отъ нашихъ судовъ? спросилъ Петръ.—Онъ ходитъ на парусахъ не только по вѣтру, но и противъ вѣтра.—Это заинтересовало Петра, и онъ сейчасъ же захотѣлъ испытать ботъ. Но Тиммерманъ, осмотрѣвъ его, нашелъ, что его надо еще предварительно исправить. Въ Нѣмецкой слободѣ нашелся Голландецъ, Карштень Брандтъ, который былъ выписанъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ для постройки судовъ на Каспійскомъ морѣ. Ему поручено было вычинить ботъ, и онъ же, исполнивъ порученіе, сдѣлалъ пробу ему на Лузѣ, въ присутствіи Петра. Брандтъ плавалъ внизъ и вверхъ по рѣкѣ и оборачивался направо и налево. Молодой царь пришелъ въ восхищеніе, увидя это, велѣлъ Брандту причалить къ берегу, самъ вскочилъ на ботъ и сталъ кататься на немъ *). Замѣтивъ, что ботъ иногда повертывается неловко, упирается въ берега, онъ спросилъ, почему это?—Вода мелка, отвѣчали ему. Такъ гдѣ же найти поглубже? Ему указали на Просяной прудъ, и Петръ велѣлъ перетащить туда ботъ. Но и тамъ оказалось слишкомъ мало воды. Тогда ему указали на Плещеево озеро подъ Переяславлемъ. Петръ отпросился у матери къ Троицѣ, на праздникъ обрѣтенія мощей преп. Сергія, а оттуда съѣздилъ взглянуть на Плещеево озеро. Видъ этого озера, занимающаго 10 в. въ длину и 5 в. въ ширину, привелъ его въ восхищеніе. Онъ возимѣлъ мысль построить на немъ нѣсколько новыхъ судовъ и поручилъ это дѣло Брандту и другому мастеру Корту. За работами ему хотѣлось присма-

*) Этотъ ботъ получилъ названіе «Дѣдушки Русскаго флота», и перевезенъ по распоряженію Петра I-го въ Петербургъ въ 1723 г., гдѣ былъ торжественно встрѣченъ и поставленъ въ Петропавловской крѣпости въ особо для него построенномъ павильонѣ.

тривать самому, но царица Наталья Кирилловна неохотно отпускала его въ такую даль, и, чтобы отвлечь его отъ этихъ занятій, она рѣшилась женить его, и подыскала ему невѣсту, Авдотью Ѳедоровну Лопухину, дочь окольного. Петръ исполнилъ желаніе матери, женился, но черезъ мѣсяць послѣ свадьбы усакалъ на Плещеево озеро посмотреть на постройку судовъ.

Увлекаясь всѣми этими занятіями, Петръ не думалъ вступаться въ управленіе, предоставляя полную волю Софьѣ. Но приверженцы его слѣдили за нею и видѣли, что она заходитъ уже слишкомъ далеко, и пора положить конецъ ея властолюбію.

Главными дѣателями Петровской партіи былъ Левъ Кирилловичъ Нарышкинъ и Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ. Неудачи втораго похода Василя Васильевича Голицына въ Крымъ подали имъ поводъ къ началу дѣйствій противъ правительницы. Петръ сталъ принимать по ихъ совѣту участіе въ засѣданіяхъ боярской думы. 8-го Іюля, въ день празднованія образу Казанской Божьей Матери, оба царя, царицы и царевны присутствовали у обѣдни въ Успенскомъ соборѣ, послѣ которой цари должны были сопровождать по обычаю крестный ходъ въ Казанскій соборъ. Петръ сказалъ Софьѣ, чтобы она не ходила въ крестный ходъ, но она не послушалась, взяла образъ въ поновленномъ окладѣ *«О тебѣ радуется»* и пошла за крестами и хоругвями. Петръ разсердился, ушелъ въ Архангельскій соборъ и оттуда уѣхалъ въ Коломенское. Софья поняла изъ этого, что ей предстоитъ борьба, и рѣшилась не уступать. Вся сила, казалось, была на ея сторонѣ, потому что она стояла во главѣ управленія и имѣла сильное и послушное ей орудіе въ стрѣльцахъ.

Тѣмъ временемъ Голицынъ вернулся изъ похода и былъ торжественно принятъ царемъ Иваномъ и царевною Софьєю въ Грановитой палатѣ. Ему объявлена была при представленіи всенародная благодарность со всѣми товарищами, но награды не дано, потому что царь Петръ не соглашался на нихъ. Позднѣе онъ согласился на награды, но когда Голицынъ со всѣми военачальниками и офицерами явился въ Преображенское благодарить, то онъ не принялъ его.

Наканунъ праздника Смоленской Божьей Матери, Софья ходила въ Новодѣвичій монастырь ко всенощной. Ее провожали пятисотные и пятидесятные всѣхъ стрѣлецкихъ полковъ. По окончаніи службы, она, выйдя изъ церкви, послала Алексѣя Голицына за столомъ и стала бесѣдовать съ стрѣльцами. Она жаловалась имъ, что царица Наталья Кирилловна затѣваетъ на нее зло, и прибавила: *«Годны ли мы вамъ? Буде годны, то вы за насъ постоите, а буде не годны, мы оставимъ государство»*. Стрѣльцы отвѣчали, что готовы исполнять ея приказанія. *«Ждите повѣстки»*, сказала имъ на это царица и удалилась.

Шакловитый съ своей стороны собралъ у себя въ домѣ на Дѣвичьемъ полѣ нѣсколько самыхъ преданныхъ ему стрѣльцовъ и объявилъ имъ, что князь Борисъ Голицынъ и Левъ Нарышкинъ съ братьями хотятъ извести царевну, и велѣлъ приготовить по 50 и по 100 человекъ изъ каждаго полка, чтобы при первомъ удобномъ случаѣ перебить всѣхъ приверженцевъ Петра. Шакловитый говорилъ, что можетъ быть представится необходимость идти въ село Преображенское. При этомъ стрѣльцовъ дарили деньгами, угощали виномъ, и они всѣ, казалось, были на сторонѣ Софьи. Но нашлось между ними нѣсколько человекъ, которые рѣшились донести Петру о замыслѣ на его жизнь. Имя главнаго изъ нихъ было Елизарьевъ. Онъ выжидалъ только удобнаго случая, чтобы исполнить свое намѣреніе, и такой случай вскорѣ представился.

7-го Августа Софья приказала Шакловитому нарядить побольше стрѣльцовъ въ Кремль, чтобы сопровождать ее къ заутрени въ Донской монастырь. Это мнимое богомолье было только предлогомъ для сбора. Стрѣльцамъ объявили, что ночью царь Петръ прибудетъ въ Кремль съ своими потѣшными, чтобы убить царевну, ея сестеръ и царя Ивана, и взять власть въ свои руки.

Въ назначенный часъ Кремль наполнился вооруженными стрѣльцами, всѣ ворота въ Кремль, Китаѣ и Бѣломъ городѣ были заперты по приказанію Голицына, и никого не пропускали черезъ нихъ. Когда подъѣхалъ къ воротамъ царскій стольникъ, Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ Плещеевъ, изъ Преображенскаго, то стрѣлецъ Гладкій стащилъ его съ лошади, избилъ и повелъ къ Шакловитому для допроса. Видя, что затѣвается что-то рѣшительное, Елизарьевъ съ шестью товарищами рѣшили, что надо извѣстить обо всемъ Петра. Тотчасъ же были посланы въ Преображенское Мельновъ и Ладогинъ, которые должны были сказать царю, что стрѣльцы идутъ на Преображенское.

Около полуночи Петръ былъ разбуженъ страшною вѣстью объ опасности. Онъ вскочилъ съ постели, бросился въ конюшню, велѣлъ на скоро осѣдлатъ себѣ лошадь, и, не одѣваясь, ускакалъ въ сосѣдную рощу. Туда ему принесли платье, и онъ, одѣвшись, поскакалъ въ Троицкій монастырь, куда прибылъ въ 6 часовъ утра, 8-го августа, въ совершенномъ изнеможеніи. Его сняли съ лошади и уложили въ постель. Въ тотъ же день прибыли туда мать, жена и сестра Петра. Сюда же собрались и его потѣшные, а капралъ ихъ, Лука Хабаровъ, успѣлъ тайно перевести туда изъ Преображенскаго пушки, мортиры и боевые снаряды.

Вѣсть о бѣгствѣ Петра произвела сильное впечатлѣніе въ Москвѣ. Приверженцы Петра тотчасъ же пошли въ Лавру. Туда же явился и весь стрѣлецкій полкъ Лаврентія Сухарева, оставшійся вѣрнымъ Петру. Этотъ подвигъ его увѣковѣченъ впоследствии построеніемъ Сухаревой

башни у Срѣтенскихъ вѳрѳтъ Землянаго города, гдѣ полкъ имѣлъ свое пребываніе.

Срѣтенскія вѳрѳта Скородома или Землянаго города получили свое названіе отъ Срѣтенія чудотворной иконы Владимірской, въ 1395 г. Отъ нихъ получила названіе Срѣтенка, шедшая до Срѣтенскихъ вѳрѳтъ, бывшихъ въ башнѣ Китай города, впоследствии называвшихся Никольскими и Владимірскими. Въ 1692 г. къ этой башнѣ была пристроена церковь Владимірской Божьей Матери, по повелѣнію государей Ивана и Петра Алексѣевичей и по обѣщанію ихъ матери, Натальи Кирилловны, въ память Срѣтенія Владимірской иконы, и тогда вѳрѳта были заложены, и устроены въ стѣнѣ новыя, называвшіяся проломными. Нынѣшнія Никольскія вѳрѳта сдѣланы уже въ первой четверти нашего столѣтія. 21-го Мая бываетъ крестный ходъ изъ Успенскаго собора въ церковь Владимірской Божьей Матери, въ память возобновленія чудотворной Ея иконы митрополитомъ Варлаамомъ и по случаю избавленія Москвы отъ нашествія Крымскаго хана Махметъ-Гирея.

Срѣтенскія вѳрѳта Землянаго города были сначала деревянныя, но по повелѣнію царей Ивана и Петра Алексѣевичей построены каменныя, съ палатою надъ ними, шатромъ для часовъ и съ караульными палатами по обѣ стороны ихъ. По другую сторону вѳрѳтъ, къ Мѣщанской слободѣ, была часовня съ келліями Николаевскаго монастыря, что на Перервѣ. Вѳрѳта были окончены въ 1695 г., но съ 1698 по 1701 г. снова перестраивались. Около этого же времени предполагають и сооруженіе башни надъ вѳрѳтами, которая отличается по своей архитектурѣ отъ палатъ. Все зданіе состоитъ изъ трехъ частей: вѳрѳтъ, надъ ними палатъ, и осмигранной башни. Преданіе приписываетъ планъ этого зданія Лефорту, но есть предположеніе, что онъ былъ сдѣланъ самимъ Петромъ, такъ какъ онъ любилъ архитектуру, и чертилъ планы многихъ церквей и зданій въ Москвѣ.

Съ самага начала въ палатахъ Сухаревой башни была открыта Петромъ математическая и навигаціонная школа. Устроителемъ ея былъ, какъ предполагають, графъ Яковъ Брюсъ, извѣстный математикъ и составитель столѣтняго календаря. Въ числѣ первыхъ учителей школы былъ Леонтій Магницкій, сочинитель ариѳметики 1704 г., въ которой впервые были употреблены арабскія цифры вмѣсто славянскихъ. Здѣсь существовала астрономическая обсерваторія и учили фехтованію, о чемъ можно заключить изъ названія Рапирная зала, сохранившемуся до нашихъ дней. Здѣсь же бывали, по преданію, засѣданія какого-то тайнаго общества Нештуна, въ которыхъ предсѣдательствовалъ Лефортъ, царь былъ первымъ надзирателемъ, а духовникъ царскій, Теофанъ Прокоповичъ, ораторомъ. Въ народѣ сохранилось преданіе, что въ Сухаревой башнѣ хранилась черная книга, которую стерегли 12 духовъ, и что позднѣе она была заложена въ стѣну и заколочена алтынными гвоздями.

Въ 1701 г. Петръ выписалъ изъ Данцига труппу актеровъ, которые давали свои представленія въ залахъ Сухаревой башни. Въ адмиральскій часъ (12 часовъ пополудни) и передъ пробитіемъ зари, въ Рапирной залѣ играла музыка.

Въ наше время нижній ярусъ этого зданія занятъ казармами, а въ срединѣ проѣздъ, соединяющій Срѣтенку съ Мѣщанскою. Во второмъ ярусѣ устроено съ 1829 г. водохранилище, по плану Яниша, въ которое посредствомъ паровой машины подымается Мытищенская вода и отсюда проводится во всѣ городскіе фонтаны. Оно вмѣщаетъ въ себѣ до 7,000 ведеръ воды. Въ третьемъ ярусѣ находится вышеупомянутая Рапирная зала и находился прежде Архивъ бывшей Московской Адмиралтейской конторы. Четвертый ярусъ, скрытый снаружи, служить только переходомъ во внутренность башни, въ которую ведетъ деревянная винтообразная лѣстница. Съ этой башни открывается великолѣпный видъ на Москву.

Ожидаемаго нападенія стрѣльцовъ на Преображенское не было сдѣлано въ ту ночь, какъ бѣжалъ оттуда Петръ, и доносъ Елизарьева оказался ложнымъ. Но онъ далъ толчекъ затянувшейся распрѣ законнаго государя съ сестрой-похитительницей власти, и побѣда осталась на сторонѣ Петра.

На другой день прибытія своего къ Троицѣ, 9-го Августа, Петръ прислалъ запросъ къ царю Ивану и царевнѣ Софьѣ, что означалъ сборъ стрѣльцовъ 7-го Августа въ Кремль, въ ночное время?

Ему отвѣчали, что онъ былъ сдѣланъ по случаю богомолья царевны Софьи, — объясненіе весьма неправдоподобное. Тогда Петръ потребовалъ къ себѣ полковника Циклера съ 50 стрѣльцами, вѣроятно по чьему нибудь указанію. Понадѣявшись, что Циклеръ ее не выдастъ, Софья отпустила его, давъ съ нимъ стрѣльцовъ, непосвященныхъ въ ея планы: но Циклеръ ее погубилъ. Прибывъ въ Лавру, онъ открылъ всѣ ея замыслы и рассказалъ о всѣхъ тайныхъ приказахъ, какіе получалъ отъ нея для распространенія между стрѣльцами.

Вслѣдъ за Циклеромъ явились и другіе доносчики, которые обнаружили всѣ планы царевны и назвали всѣхъ ея соучастниковъ. Видя, что дѣла ея плохи, Софья стала просить Петра вернуться въ Москву, но безуспѣшно. Петръ требовалъ, напротивъ, чтобы всѣ стрѣлецкіе и солдатскіе полки явились къ 20 числу къ Троицѣ. Но Софья объявила стрѣльцамъ, что если кто изъ нихъ пойдетъ къ Троицѣ, то она велитъ поймать того на дорогѣ и отсѣчь ему голову.

Не смотря на то, у Троицы собиралось народу все болѣе и болѣе. Софья рѣшила послать туда патріарха, чтобы онъ упросилъ Петра отложить гнѣвъ и помириться съ сестрой. Но патріарху прочтены были всѣ показанія объ умыслахъ Софьи, и онъ, убѣдившись ими, остался въ монастырѣ. Это еще болѣе усилило сторону Петра. Въ Москву

были присланы грамоты не только къ стрѣльцамъ, но и къ народу: въ гостиную сотню, въ дворцовую слободу и въ черныя сотни. Подъ угрозою смерти повелѣвалось всѣмъ являться къ Троицѣ. Послѣ этого множество народа потянулось туда.

Софья видѣла, что ряды ея приверженцевъ рѣдѣютъ съ каждымъ днемъ и рѣшилась прибѣгнуть къ послѣдному средству: она сама поѣхала къ Троицѣ для личныхъ объясненій съ братомъ. Но и это средство не повело ни къ чему: въ Воздвиженскомъ ее предупредилъ посланный Петра, чтобы она дальше не ѣхала. Не смотря на то, она хотѣла продолжать путь — но пріѣхалъ другой посланный «съ послѣднимъ словомъ, чтобы она, царица, отнюдь въ Троицкій монастырь не шла; ежели же дерзновенно придетъ, то съ нею нечестно поступлено будетъ». Софья принуждена была вернуться.

Вслѣдъ за тѣмъ, Петръ прислалъ письмо къ царю и царицѣ, требуя выдачи Ѳедора Шакловитаго, монаха Сильвестра Медвѣдева и ихъ сообщниковъ. Подполковникъ, присланный съ этимъ письмомъ, былъ приведенъ къ Софьѣ, которая закричала на него, какъ смѣлъ онъ брать на себя подобное порученіе. Она велѣла отрубить ему голову, и приказаніе ея не было исполнено только потому, что не нашлось подъ рукою палача. Нѣсколько дней спустя, впрочемъ, стрѣльцы сами пришли къ Софьѣ, требуя выдачи Шакловитаго и угрожая въ противномъ случаѣ ударить въ набатъ и силою взять его. Софья уступила, и стрѣльцы повезли Шакловитаго къ Троицѣ, гдѣ на допросѣ онъ сознался почти во всемъ. Вслѣдъ за нимъ поѣхали и прочіе пособники Софьи: Голицынъ, Неплюевъ и другіе. Но ихъ постигла различная участь: Шакловитый, полковникъ Рязановъ, и нѣкоторые другіе стрѣльцы были казнены, а Голицынъ, по особенному заступничеству за него Бориса Алексѣевича Голицына, былъ отправленъ въ ссылку. Медвѣдевъ успѣлъ бѣжать изъ Москвы и былъ схваченъ уже въ Бизюковскомъ монастырѣ въ Дорогобужѣ. Его привезли въ Лавру, допрашивали и приговорили къ смерти; но приговоръ не былъ приведенъ въ исполненіе вслѣдствіе заступничества патріарха, хотѣвшаго обратитъ Медвѣдева въ православіе, отъ котораго онъ отшатнулся, заразившись латинскою ересью. Находясь въ строгомъ заключеніи, и подъ вліяніемъ увѣщаній архимандрита Новоспасскаго монастыря Игнатія и ученаго Грека, Софронія Лихуда, Медвѣдевъ покался въ своихъ заблужденіяхъ и былъ принятъ снова въ нѣдра православной церкви съ тѣмъ, чтобы жить ему до смерти подъ строгимъ началомъ въ какомъ нибудь монастырѣ. Но не такъ суждено ему было окончить свое поприще. Въ это время былъ схваченъ стрѣлецкій приставъ Алексѣй Стрижевъ, одинъ изъ главныхъ сообщниковъ Шакловитаго. При допросахъ онъ сознался во всѣхъ своихъ винахъ и открылъ, что участіе Медвѣдева въ заговорѣ было гораздо значительнѣе, чѣмъ думали прежде. Стрижеву дали очную

ставку съ Медвѣдевымъ, который долженъ былъ признаться во всемъ. Послѣ этого ему отсѣкли голову на плахѣ.

6-го Октября Петръ вернулся въ Москву, гдѣ въ Успенскомъ соборѣ былъ встрѣченъ царемъ Иваномъ, предоставившимъ ему всю власть, какъ прежде предоставлялъ ее сестрѣ. Царевна Софья была заключена въ Новодѣвичій монастырь.

Петръ назначилъ новыхъ начальниковъ приказовъ, которымъ ввѣрилъ все управление, а самъ продолжалъ еще нѣкоторое время заниматься военными потѣхами, на водѣ и на сушѣ.

Главнымъ лицомъ въ управленіи сдѣлался теперь братъ царицы, Левъ Кирилловичъ Нарышкинъ, который завѣдывалъ Посольскимъ приказомъ, первымъ по своей важности. Князь Борисъ Голицынъ потерялъ то значеніе, какимъ пользовался у Троицы. Главнымъ же любимцемъ Петра, его другомъ и неразлучнымъ товарищемъ, сдѣлался въ это время Лефортъ. Это былъ человекъ не обладавшій особенно высокимъ образованіемъ, но чрезвычайно живой и веселый, отлично владѣвшій русскимъ языкомъ, мастеръ устраивать пиры, до которыхъ Петръ былъ большой охотникъ. Лефортъ не вмѣшивался въ дѣла внутренняго управленія, но раздѣлялъ всѣ потѣхи Петра на сушѣ и на водѣ. Его вліяніе сказывалось въ томъ, что царь болѣе и болѣе сближался съ иностранцами, и разрѣшилъ имъ свободный въѣздъ и выѣздъ изъ Москвы. Вліянію иностранцевъ на молодого государя старался противодѣйствовать патріархъ Іоакимъ, но безуспѣшно. Онъ умеръ въ Мартѣ 1690 г., оставивъ завѣщаніе, въ которомъ увѣщевалъ государей не допускать православныхъ сближаться съ еретиками иновѣрцами. Черезъ три мѣсяца послѣ его кончины соборомъ былъ избранъ ему въ преемники Адріанъ, митрополитъ Казанскій, не смотря на то, что царь хотѣлъ имѣть патріархомъ Маркелла, митрополита Псковскаго.

Царь много занимался своими потѣшными въ Преображенскомъ. Чтобы приучать ихъ къ военнымъ дѣйствіямъ, онъ часто назначалъ имъ битвы съ стрѣльцами, примѣрные штурмы и походы, которые стоили иногда жизни соучастникамъ, и даже Петру опалило однажды лице. Царь любилъ также чрезвычайно фейерверки, и въ приготовленіи и сожженіи ихъ участвовалъ самъ и вся его излюбленная компанія, состоявшая изъ иностранцевъ, обрусѣлыхъ и необрусѣлыхъ, и Русскихъ. Не оставалъ царь и отъ потѣхъ своихъ на водѣ. Въ 1691 г. была спущена яхта на Москвѣ-рѣкѣ. На Переяславской верфи тоже продолжались работы, и царь подолгу жила тамъ. 1-го Мая былъ спущенъ на озеро первый каравель. Весь дворъ съ царицей Наталеей Кирилловной ѣздилъ въ Іюль въ Переяславль, и оставался тамъ до Сентября. Но Переяславское озеро уже не удовлетворяло Петра. Ему хотѣлось видѣть открытое море, и въ слѣдующемъ году онъ отпросился у матери

въ Архангельскѣ, давъ ей обѣщаніе, что не поѣдетъ по морю, а только посмотритъ на него издали. Приѣхавъ въ Архангельскѣ, онъ однако не выдержалъ: тамъ стояло много иностранныхъ кораблей и царь воспользовался этимъ, чтобы покататься по морю. Узнавъ объ этомъ, царица Наталья Кирилловна еще больше стала беспокоиться за сына и письменно упрасивала его вернуться поскорѣе назадъ. Но у молодого царя было еще много дѣла: онъ устраивалъ верфь въ Архангельскѣ, заложилъ корабль и заказалъ другой въ Голландіи. Только 19-го Сентября выѣхалъ онъ обратно въ Москву, сжегши передъ отъѣздомъ фейерверкъ. Въ началѣ слѣдующаго года умерла царица Наталья Кирилловна. Царь былъ очень опечаленъ ея кончиной, но не долго предавался скорби. Съ весны предпринялъ онъ новый походъ подъ Архангельскѣ, которому былъ приданъ потѣшный характеръ. Князь Федоръ Юрьевичъ Ромодановскій былъ назначенъ адмираломъ, Бутурлинъ вице-адмираломъ и Гордонъ — контръ-адмираломъ. Себѣ же Петръ присвоилъ скромное названіе шкипера. Дорогою, на Двинѣ, Петръ придумалъ для своего флота, какъ онъ называлъ барки, на которыхъ плылъ, особый Русскій флагъ: красный, синій и бѣлый, оставшійся до сихъ поръ Русскимъ флагомъ. Приѣхавши въ Архангельскѣ, царь спустилъ на воду корабль, который заложилъ въ предъидущемъ году, и поѣхалъ на яхтѣ Св. Петръ въ Соловецкій монастырь. Дорогой поднялась страшная буря, и гибель казалась неминуемою. Царь причастился Св. Тайнъ изъ рукъ архіепископа Аѳанасія, его сопровождавшаго, и, не теряя бодрости, ждалъ, что будетъ. Къ счастью нашелся кормчій, Антонъ Тимоѳеевъ, который съумѣлъ направить яхту въ Унскую губу, гдѣ она стала на якорь близъ Пертоминскаго монастыря. Послѣ этого Петръ собственными руками сдѣлалъ деревянный крестъ въ полторы сажени вышины, и поставилъ его на томъ мѣстѣ, гдѣ вышелъ на берегъ. На крестѣ была сдѣлана надпись по Голландски: «Сей крестъ сдѣлалъ шкиперъ Петръ въ лѣто Христово 1694». Царь посѣтилъ затѣмъ Соловецкій монастырь, и вернулся въ Архангельскѣ, гдѣ спущенный незадолго передъ тѣмъ корабль былъ оснащенъ, вооруженъ и названъ Св. Павелъ. Немного позднѣе пришелъ изъ Голландіи сорока-четыре-пушечный фрегатъ, заказанный государемъ въ прошломъ году. Царь поджидалъ его съ нетерпѣніемъ, и былъ чрезвычайно радъ его приходу. Теперь флотъ государевъ состоялъ уже изъ трехъ кораблей. Чтобы испытать свои силы, царь поѣхалъ провожать иностранные корабли и доходилъ до крайняго пункта на Бѣломъ морѣ, — до мыса Св. Носа. Въ Сентябрѣ царь вернулся въ Москву, и устроилъ здѣсь сухопутную военную потѣху и сраженіе при деревнѣ Кожуховѣ. Войско было раздѣлено на двѣ колонны, изъ которыхъ одна, подъ начальствомъ Ромодановскаго, изображала русскія войска, а другая, подъ начальствомъ Бутурлина, — польскія, подъ начальствомъ

своего короля. Потѣха эта продолжалась около мѣсяца и окончилась плѣненіемъ польскаго короля и затѣмъ веселымъ пиромъ.

Всѣ эти занятія не нравились народу, который ропталъ, что царь связался съ иностранцами и занятъ однѣми потѣхами, которыми часто губить понапрасну людей. Въ числѣ порицателей Петра является и крестьянинъ Иванъ Посошковъ, который велъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Романомъ и др. лицами разсужденія о политическихъ событіяхъ того времени у строителя Андреевскаго монастыря*), Авраамія, и слѣдствіемъ этихъ бесѣдъ явилась довольно рѣзкая записка политическаго содержанія, которую Авраамій осмѣлился подать Петру. Оба брата Посошковы были тотчасъ же послѣ этого арестованы и имъ удалось оправдаться только благодаря заступничеству того же Авраамія. Въ послѣдствіи Посошковъ оцѣнилъ преобразовательную дѣятельность Петра, но не любилъ иностранцевъ, его окружавшихъ. «Много Нѣмцы насъ ушлѣе науками», говорилъ онъ въ донесеніи своемъ боярину Головину, «а наши острою по благодати Божіей не хуже ихъ, а они ругаютъ насъ напрасно».

Иванъ Тихоновичъ Посошковъ былъ Москвичъ по рожденію, и мѣстомъ его родины было село Покровское, нынѣ Покровская улица. Онъ не получилъ никакого школьнаго образованія, почему и говорилъ про себя, что «книжныя премудрости не наученъ есмь»; но онъ былъ человѣкъ необыкновеннаго ума и большой начитанности, зналъ основательно священное писаніе и былъ знакомъ съ иностранными языками: греческимъ, латинскимъ и польскимъ. Крестьянинъ по происхожденію, онъ былъ извѣстный въ свое время техникъ и механикъ-самоучка. Кромѣ того, еще въ молодыхъ годахъ въ совершенствѣ научился искусству владѣть огнестрѣльнымъ оружіемъ, и отлично зналъ винное производство. Благодаря своему обширному уму и коммерческимъ оборотамъ, которыми онъ занимался, Посошковъ составилъ себѣ значительное состояніе, имѣлъ своихъ крестьянъ, и устроилъ винныя заводы въ своемъ имѣніи около Новгорода. Посошковъ написалъ много сочиненій, преимущественно политико-экономическаго содержанія, которыя обратили на себя вниманіе многихъ изъ лучшихъ людей его времени, и не имѣли большаго распространенія потому только, что были слишкомъ свободно написаны для своего времени и задѣвали многихъ лицъ, бывшихъ въ то время въ силѣ. Всѣ они проникнуты безпредѣльною любовію къ родинѣ и желаніемъ послужить на пользу ея своими знаніями и опытностію, и указать путь и средства къ улучшенію всѣхъ частей государственнаго управленія. Последнее свое сочиненіе «Книгу о скудости и богатствѣ», онъ желалъ дать «на разсмотрѣніе единого высокопарнаго орла, явнаго правдолюбца, императора Петра», — но оно

*) Нынѣшняя Андреевская Богадѣльня у Воробьевыхъ горъ.

попало въ руки сильныхъ лицъ, не любящихъ правды, которые нашли въ немъ уголовныя преступленія и заключили Посошкова въ тюрьму, гдѣ онъ и умеръ въ 1726 г. Имя этого славнаго русскаго человѣка долгое время оставалось незамѣченнымъ, и было извлечено изъ забвенія М. П. Погодинымъ, который случайно открылъ рукописи важнѣйшихъ изъ его сочиненій и издалъ ихъ.

Въ 1695 г. царемъ былъ объявленъ походъ подъ Азовъ, принадлежавшій Туркамъ. Войска новаго строя выступили въ числѣ 31,000, подъ начальствомъ генераловъ Головина, Лефорта и Гордона. Царь подъ именемъ бомбардира Петра Алексѣева велъ бомбардирскую роту. Войска Головина и Лефорта сѣли на суда въ Москвѣ и поплыли Москвою, Окою и Волгою до Царицына. Отсюда войско пошло сухимъ путемъ до Паншина, таща на себѣ орудія и пушечные снаряды по недостатку лошадей, послѣ чего поплыло Дономъ до Азова, гдѣ уже стоялъ Гордонъ. 8-го Юля начали дѣйствовать русскія батареи. Бомбардиръ Петръ Алексѣевъ самъ начиналъ гранаты и бомбы въ теченіи двухъ недѣль. Но два штурма не удались. Турки получали подкрѣпленія моремъ, а русскія войска не могли даже имѣть нужнаго количества съѣстныхъ припасовъ рѣкою, потому что по обѣимъ сторонамъ Дона стояли двѣ Турецкихъ каланчи, не допускавшихъ подвоза. Каланчи эти были наконецъ взяты нашими войсками, но вслѣдъ за тѣмъ рѣшено было отступить отъ Азова. 22-го Ноября царь вступилъ торжественно въ Москву, стараясь скрыть неудачу похода. Но вѣсти о ней разнеслись. Царь рѣшился употребить всѣ усилія, чтобы на будущей годъ загладить свою неудачу. Для этого онъ, сознавая неумѣлость своихъ войскъ, послалъ въ Австрію и Пруссію за инженерами и подкопными мастерами. Кромѣ того, онъ вызвалъ изъ Архангельска иностранныхъ корабельныхъ плотниковъ и сталъ быстро строить корабли, назначеніе которыхъ было плыть къ Азову и не допускать къ нему Турецкихъ судовъ съ подкрѣпленіемъ. Галера, выстроенная по заказу Петра въ Голландіи и предназначавшаяся для Волги и Каспійскаго моря, была привезена въ Москву, въ Преображенское, и по ея образцу стали строить новыя. Къ концу Февраля срублено было 22 галеры и 4 брандера. Работали Преображенскіе и Семеновскіе солдаты, русскіе плотники, согнанные изъ разныхъ мѣстъ, и иностранцы. Въ лѣсныхъ мѣстностяхъ близъ Дона было приказано срубить къ веснѣ 1300 струговъ, 300 лодокъ и 100 плотовъ. Среди этихъ приготовленій въ Январѣ 1696 г. умеръ царь Иванъ Алексѣевичъ, и погребенъ, какъ и всѣ его предшественники, въ Архангельскомъ соборѣ. По указу Петра I, и по обычаю, установившемуся съ давнихъ поръ, при его гробѣ въ теченіи шести недѣль дневали и ночевали въ Архангельскомъ соборѣ бояре, окольничіи и думные люди, а также дьяки и стольники изъ приказовъ. Петръ становился теперь единовластнымъ, и первымъ дѣ-

ломъ его вскорѣ по кончинѣ брата было ѣхать въ Воронежъ, чтобы перевести туда галеры, собрать ихъ и спустить на воду. Все было готово къ назначенному сроку и 27 Ноября 1696 г. былъ объявленъ походъ. Адмираломъ флота былъ назначенъ Лефортъ, а начальникомъ сухопутнаго войска бояринъ Алексѣй Семеновичъ Шейнъ. Царь принялъ на себя званіе капитана. На этотъ разъ походъ былъ чрезвычайно удаченъ. Русскій флотъ, или морской караванъ, какъ его тогда называли, загородилъ дорогу Турецкому въ устьяхъ Дона, вслѣдствіе чего Азовъ остался безъ помощи, а нападеніе Татаръ на русскій лагерь было отбито. 16-го Іюня 1697 г. началось бомбардированіе. Трудно было подкопаться подъ городскія укрѣпленія, но и это затрудненіе было побѣждено, и 18-го Іюля Турки сдали Азовъ, выговоривъ себѣ право выйти изъ города въ полномъ вооруженіи. Извѣстіе о взятіи Азова было получено въ Москвѣ въ то время, когда всѣ знатнѣйшіе люди сидѣли въ управленіи Посольскаго приказа, у Льва Кирилловича Нарышкина, и было сообщено туда. Всѣ обрадовались ему чрезвычайно, и послали возвѣстить о немъ патриарху. Святѣйшій заплакалъ отъ радости и велѣлъ ударить въ большой колоколъ къ молебну. Побѣда эта была нашею первою побѣдою надъ Турками, которыхъ страшилась вся Европа. Поэтому неудивительно, что восторгъ былъ всеобщій. Въ особенности же радовались ей приближенные Петра, потому что настоящее дѣло доказывало, что не однѣ потѣхи у него на умѣ, и что съ другой стороны даже самыя потѣхи послужили на пользу государства. Царь оставилъ Азовъ 15-го Августа, остановился по дорогѣ на Тульскихъ желѣзныхъ заводахъ, и 30-го Сентября вступилъ въ Москву. Здѣсь для встрѣчи побѣдителей были выстроены Триумфальныя ворота (приходъ на Всесвятскій каменный мостъ*), съ различными надписями и украшеніями. Подлѣ триумфальной арки стояли пирамиды перевитыя зелеными вѣтвями. Вдоль моста по обѣимъ сторонамъ были поставлены огромныя живописныя картины, украшенныя вмѣсто рамъ лаврами, и представлявшія битву Русскихъ съ Турками, приступъ къ Азову, морское сраженіе подъ Азовомъ и т. д. Перила моста были обвѣшаны драгоцѣнными Персидскими коврами. Адмиралъ Лефортъ и генералиссимусъ Шейнъ вѣзжали въ открытой триумфальной колесницѣ, устроенной на подобіе морской раковины, а капитанъ Петръ Алексѣевъ шелъ пѣшкомъ въ простомъ офицерскомъ мундирѣ и шляпѣ передъ своимъ Преображенскимъ полкомъ. Думный дьякъ Андрей Андреевичъ Виниусъ говорилъ вирши побѣдителямъ съ верху Триумфальныхъ воротъ. Вслѣдъ за этими привѣтствіями были сдѣланы выстрѣлы изъ четырехъ мѣдныхъ пушекъ, поставленныхъ у воротъ, заиграли на трубахъ, барабанахъ и литаврахъ, и раздался ко-

*) На нынѣшнемъ такъ называемомъ Каменномъ мосту.

локольный звонъ по всей Москвѣ. Государь роздалъ въ этотъ день много наградъ, въ видѣ золотыхъ медалей, шубъ, кубковъ, прибавки денежнаго жалованья и т. д.

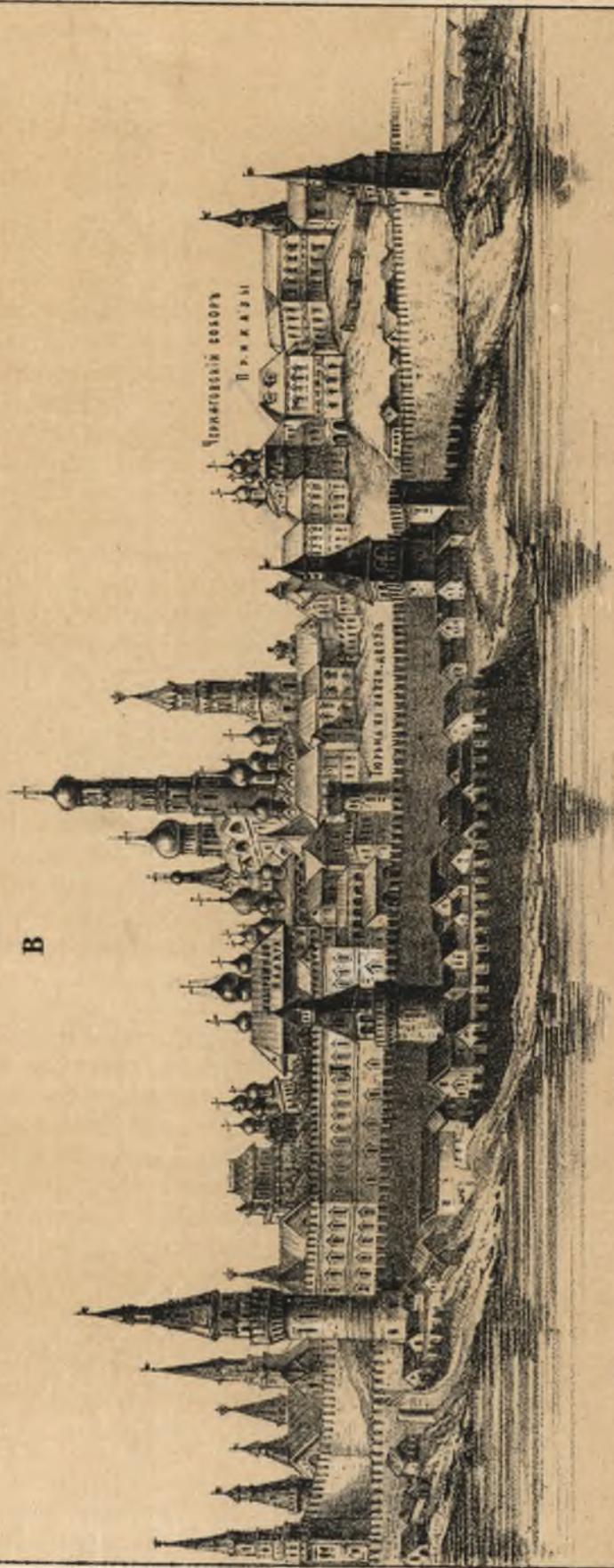
Царь находилъ необходимымъ пользоваться услугами иностранцевъ, учиться у нихъ, но онъ понималъ, что нельзя же оставаться въ вѣчной зависимости отъ иностранцевъ и надо чтобы Русскіе достигли той же степени знанія. Поэтому онъ рѣшился послать молодыхъ людей учиться за границу, хотя это и не нравилось ихъ отцамъ. Пятьдесятъ комнатныхъ стольниковъ и спальниковъ было отправлено съ этою цѣлю: 28 въ Италію и 22 въ Англію и Голландію. Но и этого казалось мало царю, онъ не ограничился этимъ, и задумалъ самъ предпринять путешествіе, только не такъ какъ царь, а какъ ученикъ, какъ корабельный плотникъ. Чтобы привести въ исполненіе этотъ планъ, было снаряжено изъ Москвы посольство, долженствовавшее ѣхать къ Австрійскому императору, къ королямъ Англійскому и Датскому, къ папѣ Римскому, къ Голландскимъ штатамъ, къ курфюрсту Бранденбургскому и въ Венецію. Цѣлю посольства было объявлено подтвержденіе прежней дружбы и любви, ослабленіе враговъ креста Господня, султана Турецкаго, хана Крымскаго и всѣхъ бусурманскихъ ордъ. Петръ долженъ былъ ѣхать съ этимъ посольствомъ, но сохранять строжайшее инкогнито, т. е. скрывать, что онъ царь. Отъѣздъ посольства былъ назначенъ въ Февралѣ 1697 года, но тутъ открылся заговоръ на жизнь государя. Однимъ изъ участниковъ былъ тотъ самый Циклеръ, преданный сначала Софьѣ, а потомъ передавшійся Петру. Былъ сдѣланъ розыскъ, или слѣдствіе, и государь велѣлъ казнить смертію: Циклера, Соковнина, Пушкина, стрѣльцовъ Филиппова и Рожина, и казака Лукьянова. Передъ казнію Циклеръ разсказалъ, что его прежде еще подучала царевна Софья убить Петра, и что онъ былъ въ близкихъ сношеніяхъ съ ея родственникомъ, Иваномъ Милославскимъ. Царь возымѣлъ вслѣдствіе этого ужасную мысль откопать тѣло Милославскаго, перваго зачинщика стрѣлецкихъ бунтовъ, погребеннаго тринадцать лѣтъ назадъ въ трапезѣ церкви Николая на Столпахъ. Его привезли на шести чудскихъ свинкахъ въ Преображенское, гдѣ должна была произойти казнь осужденныхъ, и поставили у плахи, такъ что когда отсѣкали головы осужденнымъ, то кровь изъ ихъ труповъ стекала въ гробъ Милославскаго. Послѣ этого былъ поставленъ каменный столбъ на Красной площади, съ пятью желѣзными рожками, на которые были воткнуты головы казненныхъ. Черезъ пять дней послѣ казни, 10-го Марта, посольство выѣхало изъ Москвы. Государь остановился въ Кенигсбергѣ, гдѣ учился артиллеріи, и въ короткое время сдѣлалъ такіе успѣхи, что приводилъ въ изумленіе своего учителя. Но всего дольше жилъ онъ въ Голландіи, сначала въ мѣстечкѣ Саардамѣ, куда онъ пріѣхалъ, опередивъ посольство, поселился у кузнеца въ каморкѣ, и работалъ какъ простой плот-

никъ. Затѣмъ онъ перешелъ въ Амстердамъ, гдѣ изучалъ кораблестроеніе и осматривалъ все, что тамъ было замѣчательнаго. Жажда знаній у него была такъ велика, что его все интересовало. Онъ обратился къ бургомистру города, Николаю Витзену, и просилъ его показать ему весь городъ, — госпитали, воспитательные дома, фабрики, мастерскія, анатомическій театръ. Замѣтивъ отвращеніе своихъ русскихъ спутниковъ къ трупамъ, онъ заставилъ ихъ зубами (въ Лейденѣ) разрывать мускулы труповъ. Царь занялся даже гравированіемъ въ Амстердамѣ, и сдѣлалъ гравюру, представляющую торжество христіанской религіи надъ мусульманскою въ видѣ Ангела, который съ крестомъ и пальмою въ рукахъ попираетъ полумѣсяцъ и Турецкіе бунчуки. Четыре съ половиною мѣсяца прожилъ Петръ въ Голландіи. Фрегатъ, заложенный имъ, былъ спущенъ на воду при немъ же. Отсюда онъ переѣхалъ въ Англію, гдѣ прожилъ три мѣсяца, изучая кораблестроеніе, послѣ чего направился въ Вѣну. Здѣсь онъ осмотрѣлъ всѣ достопримѣчательности, и думалъ уже ѣхать въ Венецію, какъ вдругъ получилъ извѣстіе, что въ Москвѣ взбунтовались стрѣльцы, и потому поспѣшилъ въ Москву.

Поводомъ къ бунту стрѣльцовъ послужила на этотъ разъ тоска по Москвѣ и обида, что они не играютъ уже при новомъ царѣ первенствующей роли. На первомъ планѣ теперь были потѣшныя, войска новаго строя, которые заняли Москву, а стрѣльцы по взятіи Азова были оставлены тамъ, сначала для охраны города, а потомъ ихъ заставили работать надъ его укрѣпленіемъ. На долгое время были они оторваны отъ своихъ семей и своихъ промысловъ въ Москвѣ, что имъ казалось очень тяжело. Они роптали на царя, а еще болѣе на иностранцевъ, и въ особенности на Лефорта, какъ самаго близкаго человека къ царю. Они надѣялись, что по крайней мѣрѣ по окончаніи ихъ работъ подъ Азовомъ они вернутся въ Москву. Но былъ присланъ приказъ, чтобы они шли къ Литовской границѣ, въ войско князя Михаила Григорьевича Ромодановскаго. Это имъ показалось слишкомъ тяжело. 150 ч. убѣжало изъ полковъ и явилось въ Москву. Здѣсь они узнали, что царя нѣтъ, что онъ у Нѣмцевъ. На Ивановской площади они повстрѣчались съ своими знакомыми, стрѣльцами же, которые сидѣли въ площадныхъ подъячихъ. Тѣ рассказали имъ, что царевича, надежду всѣхъ недовольныхъ теперешнимъ царемъ, бояре хотятъ удушить, и что имъ, стрѣльцамъ, въ Москвѣ уже не бывать. Нашли они доступъ къ царевнамъ, сестрамъ царевны Софіи, жившимъ во дворцѣ. Царевна Марѳа тоже велѣла имъ сказать, что царевича хотѣли удушить бояре, и прибавляла къ этому, что хорошо бы, если бы стрѣльцы подошли къ Москвѣ, а что о царѣ слуховъ нѣтъ, и живъ онъ или нѣтъ — неизвѣстно. Наконецъ, толпа стрѣльцовъ собралась на Арбатѣ, у церкви Николая Явленнаго. Одинъ изъ нихъ выступилъ впередъ и прочелъ грамоту изъ Дѣвичьяго монастыря, въ которой

царевна Софія звала всѣ четыре полка идти въ Москву, стать таборомъ у Дѣвичьяго монастыря, и подать ей челобитную, чтобы она шла по прежнему на державство. Бѣгле стрѣльцы рѣшились не выходить изъ Москвы, и поджидать товарищей. 3-го Апрѣля они пришли къ дому начальника стрѣлецкаго приказа, кн. Ивану Борисовичу Троекурову. Онъ велѣлъ имъ выбрать четверыхъ лучшихъ людей для объясненій съ нимъ, и когда тѣ явились, то сказалъ имъ, что они должны идти на службу безотлагательно. Стрѣльцы отказывались. Тогда онъ велѣлъ схватить выборныхъ и посадить въ тюрьму. Но товарищи отбили ихъ. Вѣсть объ этомъ навела ужасъ на бояръ, которые живо вспомнили недавній стрѣлецкій бунтъ. Рѣшили выслать солдатъ противъ нихъ и силою выбить ихъ изъ Москвы. Сотня Семеновцевъ исполнила это безъ затрудненія, при помощи посадскихъ людей. Одного изъ главныхъ зачинщиковъ избили при этомъ такъ, что онъ вскорѣ умеръ, а другаго сослали въ Сибирь. Но этимъ волненія стрѣльцовъ не кончились. Выгнанные стрѣльцы понесли къ своимъ товарищамъ вѣсти о томъ, что слышали въ Москвѣ, и грамоту царевны. Ромодановскій требовалъ, чтобы стрѣльцы выдали ему тѣхъ, которые ходили въ Москву. Стрѣльцы отвѣчали, что за бѣглыхъ не стоятъ, но что выдать ихъ у нихъ мочи нѣтъ. Ромодановскій послалъ копейщиковъ и рейтаръ переловить ихъ, но они успѣли скрыться. Вообще же стрѣльцы не выказывали вначалѣ никакого явнаго сопротивленія, и пошли въ указанные Ромодановскимъ города, за что онъ прислалъ имъ жалованье за два мѣсяца. Шли они только медленно, дѣлая не болѣе пяти верстъ въ день. Вдругъ 6-го Іюня, на берегу Двины вспыхнулъ бунтъ. Стрѣлецъ Масловъ прочелъ призывное письмо Софьи, и толпы зашумѣли, что они идутъ въ Москву разорять и бить Нѣмцевъ. Ихъ было 2200 ч. Въ Москвѣ испугались, услышавъ о ихъ приближеніи. Многіе зажиточные люди со всѣмъ имѣніемъ стали разбѣжаться въ дальнія деревни. Бояре не знали, что предпринять. Наконецъ мнѣніе Бориса Алексѣевича Голицына взяло верхъ. Рѣшено было выслать противъ мятежниковъ боярина Шеина съ генераломъ Гордономъ и княземъ Кольцовымъ-Мосальскимъ. Царское войско, въ числѣ 4,000, при 25 пушкахъ встрѣтило стрѣльцовъ подъ Воскресенскимъ монастыремъ. Они прислали Шеину письмо, въ которомъ жаловались, что тергѣли всякую нужду, что просятъ, чтобы имъ хоть немного дали повидаться съ женами и дѣтьми въ Москвѣ, а потомъ они опять рады идти на службу. Шеинъ прислалъ Гордона ихъ усовѣщевать, но переговоры усилили только ихъ дерзость. Тогда Шеинъ сталъ стрѣлять по нимъ и въ два залпа дѣло было кончено. 15 чел. стрѣльцовъ было убито, 37 ранено, а остальные разбѣжались и были переловлены. Тотчасъ же былъ сдѣланъ розыскъ, и послѣ жестокихъ пытокъ многіе стрѣльцы были повѣшены, а остальные разосланы въ тюрьмы и монастыри подъ стражу.

В

Видъ Кремля при Петръ Великомъ. въ исходѣ XVII вѣка.

Вскорѣ послѣ этого пріѣхалъ Петръ. Онъ былъ въ страшномъ озлобленіи на стрѣльцовъ, ненавистныхъ ему съ дѣтскихъ лѣтъ, когда онъ былъ впервые свидѣтелемъ ихъ бунта, и отъ которыхъ онъ такъ недавно принужденъ былъ ночью, въ страшномъ испугѣ, спастись изъ Преображенскаго. Правда, что въ распрѣ его съ Софьею они скорѣй перешли на его сторону, но все же во всѣхъ его нововведеніяхъ они становились на сторону его противниковъ, глухо или явно оказывая ему сопротивленіе. Иностранцевъ они ненавидѣли. Петръ не удовольствовался розыскомъ, сдѣланнымъ Шеинымъ, и велѣлъ привести въ Москву множество стрѣльцовъ для новыхъ допросовъ. Въ Сентябрѣ привезено было болѣе 1700 ч., и размѣщено по окрестнымъ монастырямъ и селамъ, а въ Преображенскомъ, въ 14 застѣнкахъ, начались пытки, производимыя съ страшною жестокостію. Стрѣльцы признались, что хотѣли звать Софью на царство, и указали на женщинъ, которыя были посредницами при передачѣ писемъ къ нимъ отъ Софьи и ея сестеръ. Добывши всѣ эти свѣдѣнія, стали дѣлать приготовленія для казней. Въ Бѣломъ и Земляномъ городахъ, у воротъ Новодѣвичьяго монастыря и у четырехъ съѣзжихъ избъ возмущившихся полковъ были поставлены висѣлицы. Видя всѣ эти ужасныя приготовленія, патріархъ Адрианъ вспомнилъ древній обычай русскихъ митрополитовъ печаловаться за опальныхъ. Онъ поднялъ икону Богородицы и отправился въ Преображенское къ Петру. Но царь, завидѣвъ патріарха, закричалъ ему: къ чему эта икона? Развѣ твое дѣло приходитъ сюда? Удались скорѣй и поставь икону на свое мѣсто. Быть можетъ я болѣе тебя почитаю Бога и Пресвятую Его Матерь. Я исполняю свою обязанность и дѣлаю богоугодное дѣло, когда защищаю народъ и казню злодѣевъ, противъ него умышлявшихъ.

Сестеръ онъ допросилъ самъ. Софья не призналась, что писала призывное письмо, но созналась, что знала о желаніи стрѣльцовъ видѣть ее снова правительницей. Сестра Марѳа созналась, что сообщала Софьѣ о приходѣ стрѣльцовъ, но никакого письма имъ не давала.

30-го Сентября привезли 201 стрѣльца изъ Преображенскаго къ Покровскимъ воротамъ. Они ѣхали въ телѣгахъ по двое и держали по зажженной свѣчѣ въ рукахъ. За ними бѣжали съ крикомъ и плачемъ ихъ жены, матери и дѣти. У Покровскихъ воротъ имъ былъ прочтенъ прѣговоръ въ присутствіи царя. Затѣмъ ихъ развезли въ указанныя мѣста и отрубили головы. Пятерымъ стрѣльцамъ были отрублены головы еще въ Преображенскомъ самимъ царемъ. Нѣсколько дней спустя было казнено 144 ч. потомъ 205, 141, 109, 65, 106 и наконецъ 2 ч., 195 стрѣльцовъ было повѣшено подъ Дѣвичьимъ, передъ келліею царевны Софьи, а трое изъ нихъ подъ самыми окнами, и въ руки имъ были вложены челобитныя къ царевнѣ. Казни продолжались и въ Преображенскомъ. Тамъ рубили головы стрѣльцамъ при-

ближенные царя. Главныхъ же заводчиковъ ломали колесами, и потомъ клали ихъ на тѣ колеса, гдѣ они стонали и охали иногда безъ малаго сутки. Другимъ выламывали руки и ноги. Трупы всѣхъ казненныхъ оставались на мѣстахъ казни и подъ окнами царевны цѣлыхъ пять мѣсяцевъ.

Чтобы прекратить всякія попытки царевны стать опять во главѣ правленія, ее постригли по приказанію царя въ монахини, подъ именемъ Сусанны, и оставили въ томъ же монастырѣ подъ строгимъ присмотромъ. Сестрамъ ея было разрѣшено навѣщать ее только въ Свѣтлое Воскресенье и въ монастырскій праздникъ Смоленской Божьей Матери, празднуемый 28-го Іюля. Царевна Марѳа была пострижена въ Успенскомъ монастырѣ, нынѣшней Владимірской губерніи.

Еще прежде сестеръ была отправлена царемъ въ монастырь супруга его, Евдокія Ѳеодоровна. Причиною ея удаленія была нелюбовь къ ней Петра. Онъ писалъ изъ Лондона, чтобы духовникъ ея и ближніе люди уговорили ее постричься добровольно, но она не хотѣла. Тогда, по возвращеніи своемъ, Петръ велѣлъ везти ее въ Суздальскій Покровскій монастырь и постричь насильно. Маленькаго царевича Алексѣя свезли по отъѣздѣ матери къ теткѣ его, цевени Натальѣ Алексѣевнѣ. Всѣ эти событія были причиною, что Петръ бывалъ въ страшномъ раздраженіи, которое иногда проявлялось вспышками, доходившими до бѣшенства. Въ этихъ случаяхъ на него дѣйствовалъ успокоительно новый любимецъ его, сержантъ Преображенскаго полка, Александръ Даниловичъ Меньшиковъ, замѣнившій собою Лефорта, умершаго въ 1698 г.

Меньшиковъ былъ челоѣкъ незнатнаго происхожденія, есть даже извѣстіе, что онъ былъ сынъ придворнаго конюха и торговалъ пирогами. Однажды въ позднѣйшее время царь разсердился на него и закричалъ: «Я тебя опять сдѣлаю пирожникомъ, будешь ты у меня ходить съ кузовомъ по лагерю и кричать: пироги подовые». Царь былъ уже въ это время женатъ вторично, на простой Ливонской плѣнницѣ Мартѣ, въ православіи Екатеринѣ, имѣвшей даръ успокоивать и развеселять мужа. Меньшиковъ обратился къ ней съ просьбой успокоить царя, а самъ поспѣшилъ добыть себѣ кузовъ съ пирогами, и явился съ нимъ къ Петру. Государь разсмѣялся, увидѣвъ это, и гнѣвъ его разсѣялся, а Меньшиковъ пошелъ за государыней и кричалъ: пироги подовые. «Помни это, Александръ», проговорилъ ему вслѣдъ государь. «Помню, ваше величество и не забуду: пироги подовые!»

Около этого времени была введена въ Москвѣ, по проэку нѣкаго Курбатова, путешествовавшаго съ Петромъ за границей и узнавшаго тамъ о существованіи особой бумаги съ клеймомъ, употребляемой въ судопроизводствѣ и продаваемой отъ казны — гербовая или, какъ она вначалѣ называлась, *орленая* бумага.

Къ числу мѣръ, принятыхъ Петромъ, и затрогивавшихъ прежніе предрасудки, относится приказаніе брить бороды, которыя позволялось носить только духовенству. Царь подалъ въ этомъ случаѣ собою первый примѣръ и кромѣ того въ первый же день своего приѣзда изъ-за границы собственноручно обрилъ бороды нѣкоторымъ изъ своихъ приближенныхъ. Но приказаніе это исполнялось неохотно, и царь принужденъ былъ издать указъ, которымъ повелѣвалось платить за бороду пошлину, — царедворцамъ и чиновникамъ по 60 рублей, гостямъ 1-й статьи по 100 рублей, а всѣмъ прочимъ средней и меньшей статьи гостиной сотни и торговымъ и посадскимъ 1-й статьи по 60 рублей, средней и меньшей статьи боярскимъ людямъ и ямщикамъ по 30 рублей въ годъ, а съ крестьянъ брать при въѣздѣ ихъ въ городъ и при выѣздѣ изъ него каждый разъ по 2 деньги. Уплатившему пошлины выдавались вмѣсто квитанціи мѣдные знаки на подобіе монеты, на которыхъ съ одной стороны былъ изображенъ государственный гербъ и годъ, а на другой носъ съ губами, длинными усами и бородой. Кромѣ того, царь запретилъ носить русское платье, какъ неудобное и стѣсняющее движеніе своею длиною, и повелѣлъ носить венгерское и нѣмецкое платье. Это повелѣніе простиралось и на женщинъ всѣхъ чиновъ, и сестры Петра первыя поспѣшили облечься въ иноземное платье. Вообще высшіе классы общества скоро привыкли къ новому платью, но народъ долго еще уклонялся отъ этой перемѣны, и царь долженъ былъ прибѣгнуть къ принудительнымъ мѣрамъ: въ воротахъ приказано было сидѣть сторожамъ и брать пеню съ тѣхъ, которые появятся въ русскомъ платьѣ и въ бородѣ, — съ пѣшаго по 40 коп., а съ коннаго по два рубля. Въ лавкахъ запрещено было торговать русскимъ платьемъ. Съ этого времени введены въ употребленіе галстуки и манжеты, женскія кофты, юбки и прочее. Прежняя обувь была замѣнена башмаками съ пряжками. Разрѣшеніе продажи табака тоже очень не нравилось, хотя оно было сдѣлано уже въ послѣдніе годы царствованія Алексѣя Михайловича.

Петръ I, отличавшійся необыкновеннымъ умомъ и пылкимъ характеромъ, подъ вліяніемъ воспитателей-иноземцевъ, не пожелалъ слѣдовать постепенному преобразовательному направленію своего отца, Алексѣя Михайловича, считалъ старинные обряды нашихъ предковъ препятствіемъ къ введенію задуманныхъ имъ преобразованій, и осмѣивалъ ихъ. По случаю свадьбы своего шута, Ивана Пименова Шанскаго и сестры князя Юрія Ѳедоровича Шаховскаго, онъ устроилъ шутовской свадебный поѣздъ и пиршество. Въ поѣздѣ находились бояре съ боярынями, окольничіе, думные дворяне и дьяки, одѣтые въ ферязи и горлатныя шапки. Въ числѣ поѣзжанъ находились: князь Ромодановскій, одѣтый въ старинную царскую одежду и представлявшій изъ себя царя; жена Бутурлина, изображавшая царицу, и Зотовъ, учитель Петра, па-

тріарха, названнаго Петромъ папой и патріархомъ Пресбургскимъ, Заяузскимъ и всего Кукуя, т. е. Нѣмецкой слободы. Самъ Петръ былъ одѣтъ въ старинную ферязь, а поверхъ въ бархатный опашень, на ногахъ были желтые сафьянные сапоги, а на головѣ заячья шапка. Поѣздъ проѣхалъ съ Покровки, изъ дома Шаховскаго, на Красную площадь, а затѣмъ къ Курятнымъ или Воскресенскимъ воротамъ, гдѣ на башнѣ новобрачные провели первую ночь, а гости три дня пили, потому что шутъ вмѣстѣ съ сватами всѣ три дня угощалъ по старинному обычаю съ поклонами и неотвязными просьбами виномъ, пивомъ и медомъ. Гости, придерживавшіеся также старины, стыдились и краснѣли отъ такого угощенія, а Петръ, присутствовавшій при этомъ, подсмѣиваясь, восхвалялъ такое угощеніе и говорилъ, что старинные обычаи лучше новыхъ.

Въ Декабрѣ 1669 г. Петръ издалъ указъ, чтобы лѣтосчисленіе велось не отъ сотворенія міра, но отъ Р. Х., и новый годъ считался бы не съ 1-го Сентября, какъ прежде, а съ 1-го Генваря. Наступающее 1-е Генваря велѣно было считать началомъ новаго 1700 года, и, послѣ молебна въ церкви, поздравлять другъ друга съ новымъ годомъ. При этомъ велѣно было, чтобы домовладѣльцы украсили свои ворота *) сосновыми, еловыми и можжевеловыми вѣтвями, и сохраняли бы эти украшенія до 7-го Генваря. По ночамъ велѣно было зажигать костры и смоляныя бочки, а во время фейерверка и пушечной пальбы на Красной площади стрѣлять въ домахъ частныхъ жителей изъ собственныхъ небольшихъ пушекъ и мелкаго оружія.

Въ этомъ году, Октября 15-го, скончался патріархъ Адріанъ, державшійся старины и смотрѣвшій съ негодованіемъ на нововведенія Петра. Онъ жилъ послѣднее время въ Перервинскомъ монастырѣ, имъ основанномъ. Послѣ его смерти, Петръ уничтожилъ патріаршество. Мѣсто Адріана заступилъ Стефанъ Яворскій, но не въ санѣ патріарха, а въ званіи блюстителя патріаршаго престола. Вскорѣ послѣ этого пріѣхалъ въ Москву изъ Кіева, по вызову Петра, архимандритъ Сѣверскій, Дмитрій, знаменитый сочинитель Четьи-Минеи, извѣстный у насъ подъ именемъ св. Дмитрія Ростовскаго. Прославившійся уже въ Малороссіи своей ученостію и святостію жизни, онъ былъ вызванъ Петромъ, чтобы занять Сибирскую кѣедрю, но, по слабости здоровья, не могъ ѣхать туда, и жилъ около года въ Москвѣ, въ келліяхъ Чудова монастыря, послѣ чего былъ назначенъ митрополитомъ въ Ростовъ, гдѣ окончилъ

*) Въ Москвѣ строились въ старину дома на дворахъ, и только по указу Петра I, въ 1718 г., ихъ стали строить по улицѣ. Въ 1722 г. вышелъ другой указъ, повелѣвающій крыть дома желѣзомъ. Въ Вѣдомъ и Землянѣ городѣ допускались деревянныя постройки, но чтобы потолки были непременно обмазаны глиной, и печи поставлены на землѣ, а не на мосткахъ.

последнюю четверть Четы-Миней, за Июнь, Июль и Августъ, и написалъ еще много другихъ сочиненій.

Петръ сдѣлалъ большой переворотъ въ образѣ жизни русской женщины, которая, какъ уже рассказывалось выше, жила до тѣхъ поръ въ строгомъ затворничествѣ. Вторая супруга Алексѣя Михайловича, Наталья Кирилловна, первая стала отступать нѣсколько отъ строгихъ правилъ этого затворничества, позволяла себѣ открывать занавѣсъ въ своей колымагѣ во время выѣздовъ, присутствовала тайно при торжественномъ приѣмѣ Цесарскихъ пословъ, глядя на нихъ изъ-за двери *), и, наконецъ, сопутствовала царю, ѣхавшему къ Троицѣ, въ открытомъ экипажѣ. Народъ такъ еще не привыкъ къ подобнымъ зрѣлищамъ, что во время проѣзда царицы подобострастно потуплялъ глаза въ землю, или обращалъ лице въ другую сторону. Царевна Софья Алексѣевна, слѣдуя примѣру своей мачихи, пошла дальше ея: она появлялась открыто народу и иностраннымъ посламъ, хотя ея появленіе сначала было неприятно народу, и только потомъ мало-по-малу къ этому стали привыкать. Во время проѣзда пословъ Римскаго императора, въ 1698 г., уже никому не казалось страннымъ, что царица и царевна, стоя у открытаго окна, смотрѣли на торжественное шествіе. Въ 1700 г. Петръ повелѣлъ, чтобы женщины и дѣвицы являлись въ общество, и, чтобы это повелѣніе исполнялось, завелъ какъ при дворѣ, такъ и у бояръ, балы, обѣды и другія увеселенія, на которые были приглашаемы знатныхъ людей жены и дочери. Русскія женщины высшихъ слоевъ общества были большею частію довольны этими нововведеніями, доставлявшими имъ гораздо болѣе выгодное положеніе, и охотно являлись на устраиваемыя по приказанію Петра «ассамблеи» или собранія. Браки у насъ заключались въ старину не по выбору жениха, а по выбору родителей. Женихъ не могъ даже видѣть своей невесты до дня свадьбы. Петръ повелѣлъ въ 1702 г., чтобы впредь жениху и невестѣ видѣться прежде брака нѣсколько разъ, и чтобы бракъ заключался съ ихъ обоюднаго согласія.

При Петрѣ не было выстроено ни одного монастыря въ Москвѣ, но сооружено нѣсколько церквей, изъ которыхъ нѣкоторыя по собственному плану царя. Таковы: св. Николая на Мясницкой, св. Петра и Павла на Новой Басманной и св. Иоанна Воина на Якиманкѣ. По собственному же плану Петра былъ выстроенъ въ 1706 г. военный госпиталь и при немъ анатомическій театръ и Ботаническій садъ, въ которомъ царь нерѣдко собственноручно работалъ, сѣялъ травы и сажалъ деревья, уцѣлѣвшія до нашего времени. Рядомъ съ госпиталемъ находится огромный дворецъ, называемый Лефортовскимъ вслѣдствіе

*) Существуетъ преданіе, что маленькій Петръ раскрылъ неожиданно при этомъ дверь и обнаружилъ присутствіе своей матери.

того, можетъ быть, что здѣсь дѣйствительно находился домъ любимца Петра, Лефорта, или же оттого, что вся эта часть города называется Лефортовской. Во дворцѣ помѣщается теперь кадетскій корпусъ. Одновременно съ построениемъ Сухаревой башни, о которой рассказано выше, любимецъ государя, Александръ Даниловичъ Меншиковъ, имѣвшій обширный дворъ на Мясницкой, недалеко отъ церкви Архангела Гавріила на Поганомъ прудѣ, построилъ на ея мѣстѣ новую каменную церковь, на подобіе высокой башни. Прудъ былъ очищенъ и названъ Чистымъ, а новопостроенный храмъ сталъ называться церковью Архангела Гавріила, что на Чистомъ прудѣ, или Меншиковою башнею. Она была построена по плану архитектора Ивана Петровича Заруднаго, съ высокимъ шпилемъ, превышавшимъ на $1\frac{1}{2}$ сажени колокольню Ивана Великаго. На церкви были поставлены часы съ курантами, купленные дорогою цѣною въ Лондонѣ, которые играли каждый часъ и полчаса, и били четверти. Къ этой церкви была пристроена трапеза съ придѣломъ во имя Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы.

Послѣ перенесенія Петромъ столицы въ Петербургъ, и отъѣзда Меншикова изъ Москвы, церковь эта пришла въ упадокъ, и, наконецъ, сгорѣла отъ молніи. Пятьдесятъ лѣтъ спустя, она была возобновлена въ прежнемъ видѣ (въ 1787 г.), съ разными иносказательными изображеніями и латинскими надписями на внутреннихъ стѣнахъ. Въ 1821 г. она была причислена къ почтовому вѣдомству, и поддерживалась имъ въ отличномъ порядкѣ. Но съ 1872 г. она снова отчислена изъ этого вѣдомства, и теперь дальнѣйшее ея существованіе не обезпечено.

Указомъ 1701 г. Петръ велѣлъ сломать всѣ церкви и дворы, находившіеся между Никольскими и Троицкими воротами, въ Кремлѣ, по обѣимъ сторонамъ улицы, до ограды Чудова монастыря и до Кремлевской стѣны у Вознесенскаго монастыря. Въ 1702 г. была начата постройка Оружейнаго дома (цейхгауза или арсенала) по рисунку Саксонца Конради и окончена въ 1736 г. При этомъ были сломаны дворы князя Якова Никитича Одоевскаго и кравчаго Василя Ѳеодоровича Салтыкова, и взята земля, бывшая подъ дворомъ боярина Семена Ѳеодоровича Стрѣшнева. Кромѣ того разобрана была церковь Входа во Иерусалимъ, что у Никольскихъ воротъ, и Сахарныя палаты, гдѣ былъ первый сахароваренный заводъ, между улицею и дворами Трубецкаго и Салтыкова. Въ наши дни арсеналъ этотъ обставленъ пушками, отбитыми у непріятели въ 1812 г.

Указомъ 1705 г. велѣно вмѣсто деревянныхъ мостовыхъ дѣлать въ Кремлѣ, въ Китаѣ и на большихъ улицахъ мостовыя изъ дикаго камня.

Въ 1703 г. въ Москвѣ, въ синодальной типографіи на Никольской, стали печататься по указу Петра перваго Русскія вѣдомости, въ 1000 экземплярахъ, и такъ интересовали современниковъ, что въ рукописныхъ сборникахъ того времени встрѣчаются переписанными нѣкото-

рые номера газеты. Вѣдомости печатались церковнымъ шрифтомъ, и есть извѣстіе, что царь самъ правилъ корректуру перваго листа, которая хранится въ Московской синодальной типографіи. Въ слѣдующемъ 1704 г. царь занялся, при помощи справщика типографіи, Ѳедора Поликарпова, впоследствии перваго директора типографіи, изобрѣтеніемъ новой азбуки гражданской печати, примѣняя ее сколько возможно къ округлости латинской азбуки. Окончивъ свое изобрѣтеніе въ 1705 г., царь заказалъ отлить литеры, по данному имъ рисунку, въ Амстердамѣ, и приступилъ къ печатанію новымъ шрифтомъ, который много разъ еще исправлялся имъ, и только лѣтъ черезъ десять достигъ совершенства, почти равнаго иностранному. Памятникомъ трудовъ Петра по печатному дѣлу хранится въ синодальной типографіи первый станокъ, печатавшій указы, печатныя пробы новымъ шрифтомъ, и цѣлая пачка писемъ его къ Поликарпову и другимъ его помощникамъ въ этомъ дѣлѣ.

Между тѣмъ съ Турками не было еще прочнаго мира, а было только заключено перемиріе на два года. Петръ задумалъ для переговоровъ о мирѣ отправить своего посланника въ Константинополь на русскомъ военномъ кораблѣ. Весь флотъ сопровождалъ этотъ корабль до Керчи, съ тайною цѣлію ознакомиться съ мѣстностью. Въ Константинополь нашъ корабль пришелъ еще впервые, и на него смотрѣли какъ на диковинку. Многіе пріѣзжали съ берега его осматривать. Переговоры однако затянулись и миръ былъ заключенъ только въ Августѣ 1700 г. Петръ получилъ извѣстіе о мирѣ 8-го Августа, 18-го отпраздновалъ его большимъ фейерверкомъ, а 19-го объявилъ войну противъ Шведовъ, заключивъ уже заранѣе союзъ противъ нихъ съ Польскимъ и Датскимъ королями. Русскія войска въ числѣ 35,000 были посланы подъ Нарву, важную крѣпость въ Ливоніи. Царь лично находился при войскахъ. 20-го Октября былъ открытъ огонь по городу изъ всѣхъ русскихъ баттарей. Вдругъ пришло извѣстіе, что Карлъ XII, король Шведскій, идетъ на выручку Нарвы съ большимъ войскомъ. Въ ту же ночь Петръ оставилъ лагерь, чувствуя себя не въ силахъ съ нимъ бороться. Карлъ вслѣдъ затѣмъ сдѣлалъ нападеніе на русскій лагерь, быстрымъ движеніемъ смялъ войска и обратилъ ихъ въ бѣгство. Вся артиллерія осталась въ рукахъ непріятеля. Конница Шереметева бросилась вплавь черезъ р. Нарову, причемъ потонуло 1000 ч., а пѣхота устремилась черезъ мостъ, который рухнулъ, и много людей погибло. Испытавъ такое сильное пораженіе, Петръ устремилъ свое вниманіе на укрѣпленіе Новгорода, Пскова и Печерскаго монастыря близъ Пскова, ожидая вторженія Шведовъ. Въ Москву былъ присланъ приказъ укрѣпить Кремль и Китай по правиламъ фортификаціи. Но Карлъ обратилъ свои силы противъ Польскаго короля, и такъ же жестоко разбилъ его войска подъ Ригю, какъ Русскія подъ Нарвою. Петръ

заклучилъ съ Польскимъ королемъ еще новый договоръ, по которому обѣщаль помогать ему войсками и деньгами, а самъ устремилъ тѣмъ временемъ вниманіе на занятіе сосѣднихъ шведскихъ провинцій, защищаемыхъ незначительнымъ войскомъ. Въ концѣ 1701 г. Русскія войска разбили Шведовъ подъ предводительствомъ Шереметева. 3000 Шведовъ легло на мѣстѣ, и 350 ч. взято въ плѣнъ. Русскіе потеряли около 1000 чел. Петръ былъ въ восторгѣ отъ этой побѣды, и Москва огласилась по этому случаю колокольнымъ звономъ и стрѣльбою изъ пушекъ. На башняхъ и стѣнахъ Кремлевскихъ были развѣшены знамена, отнятыя у Шведовъ. Шереметевъ занялъ восточную часть нынѣшней Лифляндіи. Въ Октябрѣ того же года Петръ, соединившись съ Шереметевымъ, повелъ русскія войска къ крѣпости Нотебургу, древнему Новгородскому Орѣшку, на Невскомъ протокѣ. Крѣпость была взята, и переименована въ Шлуссельбургъ (ключъ-городъ). Давнишнее желаніе царя добиться до моря видимо приближалось уже къ исполненію. Въ Москвѣ былъ сожженъ по этому случаю потѣшный огонь или фейерверкъ, на берегу Москвы рѣки, позади Кремля, на такъ называемомъ Царскомъ лугу. Въ слѣдующемъ году русскія войска подъ начальствомъ Шереметева достигли землянаго городка при впаденіи Охты въ Неву, называвшагося Канцы или Ниніеншанць. Противъ городка за Охтою былъ посадъ изъ 400 деревянныхъ домиковъ. 30-го Апрѣля стали бомбардировать городокъ, и 1-го Мая онъ сдался. Вдругъ на взморѣ показались два Шведскихъ судна, шнява и большой ботъ, и подошли къ устью Невы. Тогда бомбардирскій капитанъ Петръ Михайловъ (царь), и поручикъ Меньшиковъ съ двумя гвардейскими полками подкрались на тридцати лодкахъ къ непріятельскимъ судамъ, имѣвшимъ пушки, и такъ ловко окружили ихъ, что Шведы должны были сдаться. 16-го Мая 1703 г. на одномъ изъ островковъ Невскаго устья царь заложилъ деревянный городокъ, названный имъ Петербургомъ. Десять лѣтъ спустя, городокъ этотъ сдѣлался столицею Россійской имперіи.

Неимовѣрныхъ усилій стоило созиданіе этой новой столицы, въ болотистой и пустынной до тѣхъ поръ мѣстности. Десятки тысячъ рабочихъ втеченіи многихъ лѣтъ сгонялись туда для работъ, и, большею частію, гибли отъ трудовъ и болѣзней. Нѣсколько разъ вода затопляла городъ, и надо было насыпями подымать почву. Петръ преодолѣлъ все это, потому что обладалъ непреклонною волею, и признавалъ, что преобразованія его могутъ легче принятыя на новой почвѣ. Москва, имѣвшая свое историческое прошедшее, не легко поддавалась ломкѣ существовавшихъ государственныхъ учрежденій, и укоренившихся обычаевъ. По волѣ преобразователя царственный періодъ ея окончился съ построеніемъ новой столицы, но не утратилось чрезъ это ея значеніе, которое М. П. Погодинъ, въ своей статьѣ о Москвѣ, писанной

для Государя Наслѣдника Александра Николаевича въ 1837 г., опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ:

...Москва, переставъ быть средоточіемъ исторіи со временъ Петра Великаго, осталась средоточіемъ русскаго могущества, просвѣщенія, языка, литературы, промышленности, торговли, вообще русской національности. Петербургъ, согласно съ мыслию своего основателя, своимъ положеніемъ, согласно даже съ своимъ именемъ, есть городъ европейскій: въ наружности, образѣ жизни, образѣ мыслей, характерѣ, онъ носитъ явственный отпечатокъ чужихъ краевъ. Москва сохраняетъ еще свою національность, со всѣми ея добродѣтелями, и, если угодно, недостатками. Вотъ почему она можетъ назваться представительницей святой Руси. Вотъ почему всякій Русскій питаетъ сыновнее благоговѣніе къ этому первопрестольному граду своихъ предковъ. Здѣсь святыня отечества, здѣсь почиваютъ великіе угодники и чудотворцы, теплыми своими молитвами заступники родины предъ престоломъ Всевышняго. Здѣсь покоятся тлѣнные останки великихъ основателей и благодѣтелей Россіи. Здѣсь памятники всѣхъ важныхъ событій. Здѣсь цари принимаютъ вѣнецъ свой и клянутся блюсти уставы отечества. Здѣсь вѣрный народъ ихъ въ эту великую минуту молится за ихъ благополучное царствованіе. Словомъ, здѣсь земля историческая, здѣсь русскій духъ въ очію совершается. Вотъ почему въ важныя и рѣшительныя эпохи, русская преданность вѣрѣ, отечеству, Государю, являются въ Москвѣ во всемъ своемъ блескѣ и величіи. Если Петербургъ называется главою Россіи, то Москва безъ сомнѣнія есть ея сердце, — сердце горячее, пылающее любовью къ Отечеству, которое живо бьется при всякой его радости, которое тяжело ноетъ при всякомъ бѣдствіи, которое готово на всякія пожертванія, на труды и болѣзни, на раны и смерть, для его счастья, которое свято дорожитъ его славою, и которое пламенно, искренно любитъ добрыхъ великихъ Царей, посылаемыхъ ей Богомъ.

О П Е Ч А Т К И:

<i>Стр. Строчки.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Следует читать:</i>	<i>Стр</i>	<i>Строчки.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Следует читать:</i>
1	5 Русско	Русского	149	7	рук	рукъ
16	38		149	20	лошадей	лошадей
17			152	14	Давида Калиты	Давида, Калиты,
151	4	расписанъ-ны-на	155	29	прѣхалъ	прѣехалъ
	40		162	26	на него	на него
17	34	построили	168	11	по объ	по объѣмъ
20	10	Иванъ	180	26	Василья	Василія
41	15	просить	184	43	на	на
41	32	Наваденіи	186	10	въ	на
60	10	«Быть же тогда»	191	28	кричали	закричали
63	12	Филиппъ	192	18	по нимъ	по нимъ
66	32	властямъ	198	21	за тодаты	за то дать
70	30	присоединилось	207	2	Перь	Петръ
75	29	называть	220	6	между	между
77	25	Ивановича	220	40	Воскресенія на Гон-	Воскресенія въ Гон-
79	23	постройки			чарахъ	чарахъ
82	15	Московской и велико-	243	32	часовенъ	часовенъ
		княжеской	257	14	Успѣнія	Успенія
89	36	имѣющую	258	20	18—	1856
92	14	сопротивлялся	258	34	дворецъ	дворецъ
94	41	впослѣдствіи	272	34	аллилуи	аллилуи
96	10	Москвы-рѣкъ	275	41	Митрополитъ	Патріархъ
103	8	искуно	276	33	усталенная	уставленная
103	36	блаженный	281	18	: На	: на
104	17	нѣкоторыхъ	293	16	Котошихинъ	Котошихинъ
104	21	Васильевичъ	297	24	Ордына-Нащокина	Ордына-Нащокина
	13	Литовской	299	33	комедійныхъ	комидійныхъ
117	14		Московской	300	27	мѣтивъ
	10	изабрать	300	11	сторонахъ	странахъ
121	11		избрать	314	1	Василья
141	34	Давиду	326	37	сохранившемуся	сохранившася
144	23	запираюся				

МОСКВА.

- А Кресть.
- В Китай городъ.
- С Царь городъ.
- Д Спередишь.
- Е Кашевити Собора.
- 1 Царския палаты.
- 2 Иванъ Великий.
- 3 Рядовство въ ира.хв.
- 4 Церкви Св. Архангела Михаила.
- 5 Соборъ церкви Успеніа Пресвѣтѣи Богородици.
- 6 Патриаршій дворъ.
- 7 Крѣсть. Монастырь.
- 8 Проловскія ворота.
- 9 Троица на рѣу.
- 10 Царевъ дворъ.
- 11 Красная площадь.
- 12 Кулецыя рады.
- 13 Топтинскій дворъ.
- 14 Земскій дворъ.
- 15 Полатинскій дворъ.
- 16 Посольскій дворъ.
- 17 Государевъ сытинскій дворъ.
- 18 Кеминскій дворъ.
- 19 Березницкая ворота.
- 20 Всеподобная садица.
- 21 Насредскій теремъ, въ немъ живутъ иночницы.
- 22 Денешскій дворъ.
- 23 Государевъ садъ.

- 24 Луицкий дворъ.
- 25 Спиритическія ворота.
- 26 Проловскія оружія ворота.
- 27 Покровскія ворота.
- 28 Аукскія берега.
- 29 Москворецкія берега.
- 30 Тайницкія ворота.
- 31 Троицкія ворота.
- 32 Теремскія берега.
- 33 Артамскія берега.
- 34 Никитскія берега.
- 35 Тверскія берега.
- 36 Дмитровскія берега.
- 37 Троица на рѣу.
- 38 Таранскія берега.
- 39 Кладбище иночницъ.
- 40 Калужскія берега.
- 41 Крымскій дворъ.
- 42 Царинскій дворъ.
- 43 Кеминскій оружія дворъ.
- 44 Алексѣевскій монастырь.
- 45 Лебединскій прудъ.
- 46 Царевъ садъ на Васильевскій лугу.
- 47 Дубинскій дворъ.
- 48 Салаиной дворъ.
- 49 Афонской дворъ.
- 50 Сытинскій дворъ.
- 51 Великий шовый колодезь.

Съ рисунка приложеннаго къ путешествію въ Московію, барона Майерберга въ 1661 году.

ЧЕРТЕЖЪ ДРЕВНЯГО КРЕМЛЯ съ XIV по XVIII столѣтіе.

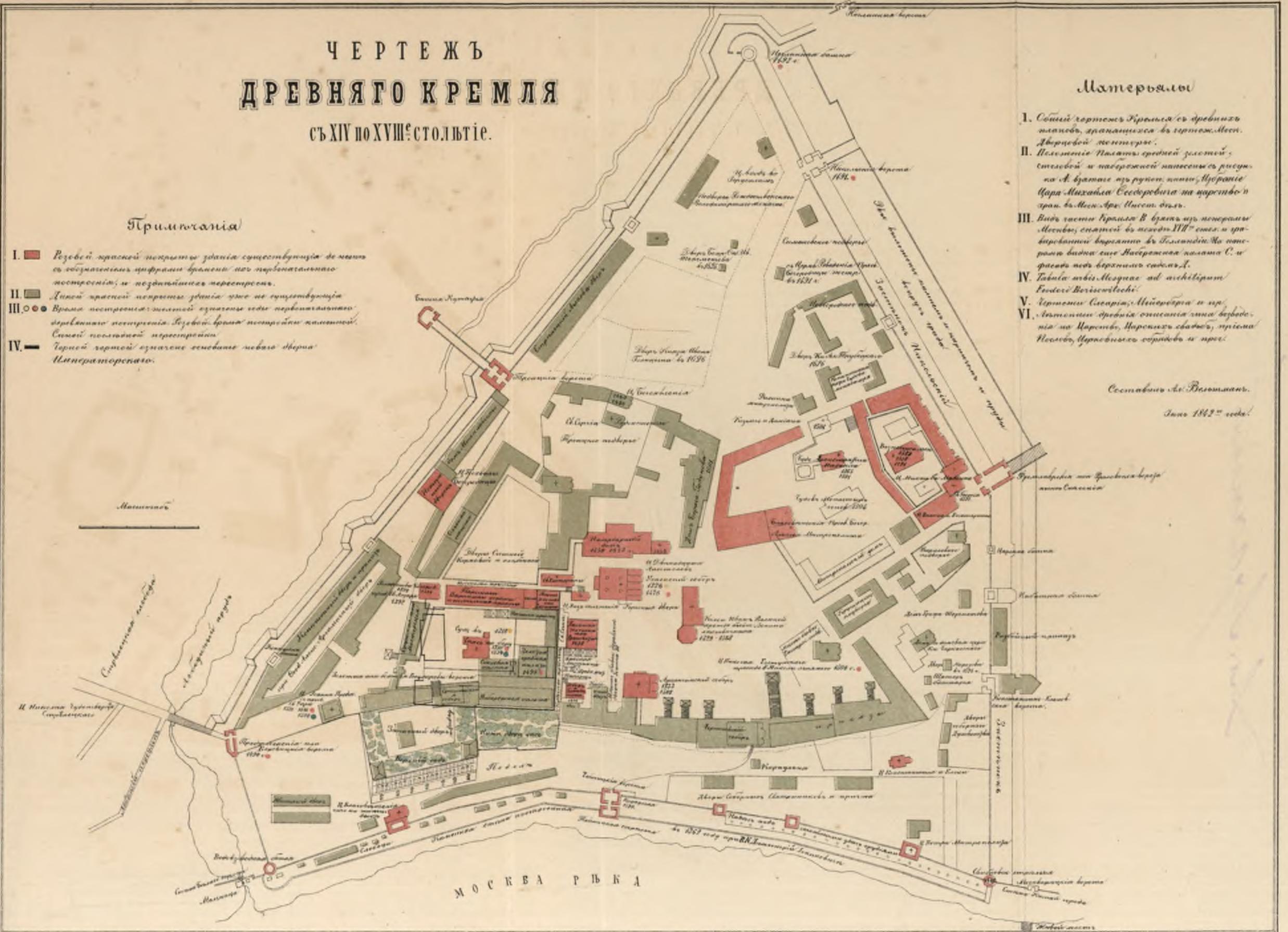
Примѣчанія

- I. ■ Резерв красной покрыткы здания существующія до мѣста съ обозначеніемъ цифрами браней по первоначальному построению; и позднѣйшія перестройки.
- II. ■ Липы красной покрыткы здания уже не существующія
- III. ○ ○ Врѣмя постройки: желтой означены годы первоначальнаго деревяннаго построения. Резерв браней построенъ каменнымъ. Символъ постоянной перестройки
- IV. — Горной горной означены основаніе новаго вѣрва Императорскаго.

Материалы

- I. Собный гортовецъ Кремля съ древнихъ плановъ, расположенныхъ въ гортовецъ Моск. Дворцовой постройкы.
- II. Планъ части Палаты средней земли, съ планомъ и перспективой нанесены съ рисунка на А. Батанинъ изъ рукоп. книги, хранящейся въ Царскоселенскомъ Музее, по распоряженію Императора Александра С. и фактъ подъ руководствомъ архитектора А.
- III. Видъ части Кремля въ браней изъ перспективы Москвы, составленъ въ началѣ XVIII столѣтія и переписанъ въ Троицкой Палатѣ по распоряженію Императора Александра С. и фактъ подъ руководствомъ архитектора А.
- IV. Tabula urbis Moscoviae ad archiepiscopum Federi Verbitskitchi
- V. Чертежи Св. Синода, Императорскаго и др.
- VI. Архивныя древнія описанія/речи/записки/на Москвитинъ, Москвитинъ съвѣтъ, рече/на Москвитинъ, Москвитинъ съвѣтъ и др.

Составленъ А. Васильевымъ.
Іюль 1842 года!

ЦГПБ

им. Н. А. Некрасова

2 000001 085790

въ Москвѣ. Онъ всю жизнь пользовался особеннымъ расположеніемъ хана и исходатайствовалъ себѣ право быть единственнымъ сборщикомъ *Ханскаго выхода*, т. е. дани, которую платили русскіе князья ханамъ. Черезъ это сѣверовосточная Русь отдохнула отъ разореній, причинявшихся ей прежде татарскими баскаками, или сборщиками податей. Слѣдствіемъ тишины и спокойствія явилось развитіе торговли и общаго благосостоянія жителей, а чрезъ это обогащались и князья, доходы которыхъ естественно увеличивались при этомъ. Больше всѣхъ разбогатѣлъ Московскій князь, такъ какъ Москва находилась на торговомъ пути сѣвера съ югомъ, въ особенности оживившемся съ тѣхъ поръ какъ Итальянцы перенесли Сурожскій торгъ (шелковыми товарами) съ Чернаго моря въ устье Дона. Московскій князь сталъ настолько богатъ, что могъ купить множество сель и нѣсколько городовъ, какъ-то: Галичь, Бѣлоозеро, Угличъ.

Кромѣ богатства, боевую и политическую его силу составляли бояре-дружинники, которые въ Москвѣ приняли совсѣмъ другой характеръ, чѣмъ имѣли на югѣ. Они слились съ народомъ и ограждали земскіе интересы, сохраняя при этомъ по прежнему право голоса и совѣта передъ великимъ княземъ.

Число бояръ-дружинниковъ увеличилось при Иванѣ Даниловичѣ еще новыми пришельцами: такъ пришли къ нему изъ Литовскаго Приднѣпровья — бояринъ Родіонъ Несторовичъ съ княжатами, боярскими дѣтьми и дворомъ въ 1800 человекъ; изъ Германіи — Андрей Кобыла; изъ Орды — Мурза Четъ съ своими дружинниками; изъ Чернигова — бояринъ Федоръ Бяконтъ (отецъ св. Алексѣя). Изъ родословныхъ книгъ нашихъ боярскихъ родовъ видно, что бѣльшая часть родоначальниковъ русскаго дворянства пришла въ Москву при Калитѣ.

Иванъ Даниловичъ, равно какъ и братъ его, Юрій, всегда обсуждали всякое свое предпріятіе со всею землею въ лицѣ ея князей, а во внутреннемъ управленіи совѣтовались съ боярами. Иванъ Даниловичъ всего болѣе дорожилъ земскою тишиною, и нужды народа были для него ближе своихъ собственныхъ. Онъ былъ очень милостивъ къ бѣднымъ, и получилъ названіе Калиты отъ мѣшка съ деньгами или калиты, которую всегда носилъ при себѣ для раздачи просящимъ. Доброта его расположила къ нему митрополита Петра, который сначала часто гостилъ у него, а подъ конецъ жизни совсѣмъ переѣхалъ въ Москву на житье. Это было за два года передъ тѣмъ, какъ Иванъ Даниловичъ сдѣлался великимъ княземъ, когда еще онъ управлялъ Москвою только за отсутствіемъ старшаго брата, Георгія.

Митрополитъ Петръ, этотъ великій во Святителяхъ, по словамъ одного изъ его преемниковъ, митрополита Кипріяна, родился на Волыни, и 12 лѣтъ отъ роду поступилъ въ одинъ изъ тамошнихъ пустынныхъ монастырей, гдѣ, исполняя неуклонно и неустанно всѣ правила мо-

изображеніе обрѣтенія св. мощей и передъ нимъ теплится лампада, а въ могилѣ святителя погребенъ его читель, Новгородскій архіепископъ Геннадій. Кромѣ того, въ этой церкви погребены трое изъ Московскихъ митрополитовъ, современникъ Никона, извѣстный ученый, Елифаній Славеницкій, и другія духовныя и свѣтскія лица. Въ этой же церкви приняты св. крещеніе многіе князья и царевичи, дѣти Ивана IV, — Иванъ, Ѳеодоръ и Евдокія, царь Алексѣй Михайловичъ и Петръ I. Изъ памятниковъ живописи въ церкви Архангела Михаила замѣчательна икона Благовѣщенія и четыре Евангелиста на Царскихъ вратахъ, писанные знаменитымъ царскимъ иконописцемъ, Симономъ Ушаковымъ.

Въ послѣдній годъ жизни Ивана Васильевича былъ разобранъ старый Архангельскій соборъ и на его мѣстѣ заложенъ новый, обширнѣйшій, по образцу Успенскаго собора. Строеіе храма поручено было Миланцу Алевизу Новому, подъ надзоромъ государевыхъ бояръ. Соборъ былъ оконченъ уже послѣ смерти Ивана Васильевича, въ 1509 г., и освященъ митрополитомъ Симономъ въ присутствіи в. к. Василия Ивановича. Великіе и удѣльные князья, похороненные въ прежнемъ храмѣ, были перенесены въ новый еще въ 1508 г., гдѣ уже прежде того были погребены останки в. к. Ивана III, умершаго въ 1505 г.

Одновременно съ Архангельскимъ соборомъ была разобрана и церковь Іоанна Лѣствичника, «что подъ колоколы», и заложена новая не на старомъ мѣстѣ, какъ говорится въ лѣтописи. Она окончена въ 1508 г., при Василии Ивановичѣ. Петръ Фрязинъ слилъ для нея колоколь въ 350 пудовъ.

Украшая Москву и вводя различныя художества, Иванъ Васильевичъ заботился также и о томъ, чтобы найти возможность добывать нужныя руды въ своемъ государствѣ. Для этого онъ послалъ своихъ мастеровъ, Андрея Петрова и Василия Иванова Болтина, разыскивать руды. Они нашли на рѣкѣ Цилмѣ, близъ Печоры, серебряную и мѣдную руды, и съ этого времени предки наши стали дѣлать монету изъ своего серебра.

ГЛАВА VII.

Присоединеніе Новгорода. — Ахмать. — Усиленіе Москвы новыми приобрѣтеніями.

1471 — 1500.

Важнымъ событіемъ княженія Ивана III было присоединеніе Новгорода къ Московскому государствѣ. Это событіе готовилось уже предшественниками великаго князя, начавшими собираніе русской земли въ одно цѣлое, и необходимо должно было совершиться при

ныхъ совѣтниковъ, Ощеры и Мамоны, и послалъ къ хану съ челобитьемъ и дарами, просить мира. Ханъ отвѣчалъ, что в. к. долженъ самъ явиться къ нему съ челобитьемъ, или прислать за себя сына. Позднѣе ханъ соглашался даже, чтобы в. к. прислалъ боярина Никифора Басенкова, бывшаго уже однажды въ Ордѣ и полюбившагося тамъ своею щедростью. Но в. к. не сослался на это.

Изъ Москвы, между тѣмъ, съ Дорогомилова *), получено было великимъ княземъ посланіе отъ Вассіана, который, услыжавъ, что в. к. ведетъ переговоры съ ханомъ, спѣшилъ убѣдить его не слушать дурныхъ совѣтниковъ, не сводить свое величество въ безчестье, а брать примѣръ съ прародителей своихъ. «Они не только, писалъ онъ, русскую землю обороняли отъ поганыхъ, но и инныя страны подчиняли себѣ.... А достойный хвалы и славы в. к. Дмитрій, твой прародитель, каково мужество и храбрость показалъ за Дономъ надъ тѣми же окаянными Татарами: самъ впереди всѣхъ бился, не щадя своей жизни, и Богъ помогъ ему одолѣть ихъ».

Иванъ Васильевичъ прервалъ переговоры съ ханомъ, но продолжалъ стоять въ бездѣйстви, отдѣляемый отъ непріятельскихъ войскъ Угрою, которую войска наши прозвали поясомъ Богоматери. Въ исходѣ Октября начались морозы, и Угра покрылась льдомъ. Ахматъ все лѣто хвалился, что какъ настанутъ морозы и рѣки стануть, ему откроется много путей на Русь. В. к. побоялся, что теперь ханъ бросится черезъ Угру на его станъ, и велѣлъ войскамъ отступать къ Кременцу, чтобы тамъ соединенными силами сразиться съ Татарами. Войска вообразили, что если имъ велѣть отступать, то стало быть Татары перешли гдѣ нибудь Угру и гонятся за ними, — и въ ужасѣ побѣжали. Къ счастью Ахматъ не воспользовался смятеніемъ нашихъ войскъ: онъ думалъ, что в. к. готовитъ его войску засаду, и потому также снялся съ мѣста и пошелъ въ противоположную сторону, разоривъ по пути двѣнадцать Литовскихъ городовъ въ отмщеніе за то, что Казимиръ не пришелъ къ нему на помощь. Это было послѣднее нашествіе Татаръ Золотой Орды на Россію. Вскорѣ по возвращеніи своемъ, Ахматъ подвергся нападенію хана Шибанской или Тюменской Орды, Ивака, и былъ имъ умерщвленъ. Послѣ него наслѣдовалъ старшій сынъ его, Муртоза, а за нимъ братъ его, Шигъ-Ахметъ, которымъ оканчивается рядъ нѣкогда страшныхъ для насъ хановъ Золотой Орды. Онъ былъ разбитъ крымскимъ ханомъ Менгли-Гиреемъ, въ 1502 г. и бѣжалъ сперва къ Ногаямъ, потомъ въ Турцію, и, наконецъ, въ Литву, гдѣ и умеръ въ тюрьмѣ.

*) Въ Дорогомиловѣ второй архіепископъ Ростовскій, Григорій, построилъ для своего пребыванія дворъ, напротивъ церкви Благовѣщенія, называвшейся на Бережкахъ, въ 1412 г., существующей и понынѣ.

пользовалась большею любовію. Софія же, окружавшая себя постоянно Греками, гордая и властолюбивая, не была любима. Несожданное обстоятельство рѣшило дѣло: въ Москвѣ былъ открытъ заговоръ противъ жизни Дмитрія, и Василій заподозрѣвъ въ участіи въ немъ, равно какъ и великая княгиня Софья, потому что у нея были захвачены ворожей съ зельями, предназначавшимися, какъ думалъ в. к., для отравленія Дмитрія. Ворожей утопили въ Москвѣ-рѣкѣ, главнымъ заговорщикамъ, дьякамъ Стромилову, Гусеву и др. отсѣкли головы на Москвѣ-рѣкѣ, многихъ посадили въ темницы, а ко двору царевича Василя приставили стражу.

Послѣ этого событія в. к. рѣшилъ вопросъ о престолонаслѣдіи въ пользу пятнадцатилѣтняго внука и торжественно вѣнчалъ его на царство въ Успенскомъ соборѣ.

Въ сопровожденіи сыновей, бояръ и всего двора, в. к. ввелъ внука въ соборъ, гдѣ митрополитъ съ епископами и многочисленнымъ духовенствомъ пѣлъ молебенъ Божьей Матери и чудотворцу Петру. Среди церкви поставленъ былъ амвонъ и на немъ три сѣдалища: для в. к., внука его, Дмитрія, и митрополита. Вблизи этого мѣста на столѣ лежали вѣнецъ и бармы Мономаховы. Послѣ молебна в. к. и митрополитъ сѣли, а Дмитрій стоялъ передъ ними на верхней ступени амвона. В. к. сказалъ: «Отче митрополитъ! издревле государи, предки наши, давали великое княжество первымъ сынамъ своимъ; я также благословилъ онымъ моего первороднаго, Ивана. Но по волѣ Божіей его не стало: благословляю нынѣ внука Дмитрія, его сына, при себѣ и послѣ себя великимъ княжествомъ Владимірскимъ, Московскимъ, Новгородскимъ: и ты, отче, дай ему благословеніе». Послѣ этого митрополитъ возложилъ руку на голову Дмитрія и молился, чтобы благодать Божія снизошла на него. Два архимандрита подали бармы, и митрополитъ, ознаменовавъ Дмитрія крестомъ, передалъ бармы в. к., а онъ возложилъ ихъ на внука. Митрополитъ произнесъ при этомъ слѣдующую молитву: «Господи Вседержителю и Царю вѣковъ! се земной человекъ, Тобою царемъ сотворенный, преклоняетъ главу въ моленіи къ Тебѣ, Владыкѣ міра. Храни его подъ кровомъ своимъ: правда и миръ да сіяютъ во дни его, да живемъ съ нимъ тихо и покойно въ чистотѣ душевной». Послѣ этого архимандриты подали вѣнецъ, который в. к. взялъ изъ рукъ митрополита и возложилъ на внука. Митрополитъ сказалъ при этомъ: «Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа!» Затѣмъ прочитана была ектенія и молитва Богородицѣ, послѣ чего возглашено многолѣтіе обоимъ великимъ князьямъ. Митрополитъ всталъ и вмѣстѣ съ епископами поздравилъ дѣда и внука, за нимъ сыновья государевы, бояре и всѣ знатные люди. Въ заключеніе в. к. сказалъ Дмитрію слѣдующее: «Внукъ Дмитрій! я пожаловалъ и благословилъ тебя великимъ княжествомъ; а ты имѣй страхъ

своимъ посѣщеніемъ, Николай Поппель пріѣхалъ вторично, въ качествѣ посла императора Фридриха. Николай Поппель предлагалъ в. к. быть его ходатаемъ у императора, чтобы получить для него титулъ короля. Но в. к. отклонилъ это предложеніе, говоря, что считаетъ себя поставленнымъ отъ Бога и другихъ поставленій не желаетъ. Послы императора пользовались большимъ почетомъ въ Москвѣ, и точно такой же почетъ былъ оказанъ и нашимъ посламъ при Австрійскомъ дворѣ. Сношенія повторились и при сынѣ Фридриха, Максимилианѣ, когда онъ сдѣлался императоромъ.

Позднѣе пріѣзжало посольство отъ Датскаго короля, для заключенія союза любви и братства съ в. к. Были сношенія съ Венеціанскою республикою, которая отправляла своего посла, при содѣйствіи в. к., въ Орду, чтобы возбудить ее противъ Турціи.

Въ пріемѣ пословъ обыкновенно соблюдалось равенство, т. е. оказывался такой же пріемъ чужестраннымъ посламъ, какой въ ихъ странахъ оказывался нашимъ посламъ. Равенства этого не соблюдалось только съ послами Крымскаго хана Менгли-Гирея, къ которому в. к. относился какъ подручникъ, который *целомъ билъ* хану, а ханъ его жаловалъ, бралъ въ любовь, братство и вѣчный миръ. Неравенство является и въ отношеніяхъ къ Литвѣ, но на этотъ разъ въ пользу Москвы: при Казимирѣ соблюдалось равенство съ обѣихъ сторонъ, но со времени в. к. Литовскаго Александра, знатные послы Литовскіе должны были пріѣзжать въ Москву для заключенія мира, и этотъ обычай утвердился и на будущія времена. Съ Швеціею и Ливоніею в. к. не допускалъ даже непосредственныхъ сношеній, а требовалъ, чтобы они сносились съ его Новгородскимъ намѣстникомъ. Въ грамотахъ своихъ Ливонскому ордену Иванъ III называлъ себя царемъ, а магистръ ордена писалъ ему челобитья.

Въ 1505 году в. к. отпраздновалъ свадьбу своего сына, Василия, съ Соломоніей, дочерью незнатнаго боярина Юрія Константиновича Сабурова, выбранной имъ изъ 1500 благородныхъ дѣвушекъ, представленныхъ ко двору. Въ этомъ же году в. к. скончался, 66-ти лѣтъ отъ роду. Передъ смертію онъ одѣлилъ всѣхъ пятерыхъ своихъ сыновей волостями. Старшему, Василию, онъ далъ 66 городовъ, самыхъ значительныхъ, а остальнымъ четверемъ вмѣстѣ только 30 городовъ. Кромѣ того онъ завѣщалъ, подобно своимъ предшественникамъ, чтобы младшіе сыновья смотрѣли на старшаго, какъ на отца, и слушались бы его. Иванъ III получилъ отъ отца своего, Василия Темнаго, одну треть Москвы, но сыну своему оставилъ уже двѣ трети: одну свою, да другую доставшуюся ему отъ братьевъ, Юрія и Андрея.

До насъ дошелъ замѣчательный письменный памятникъ русской предприимчивости, относящійся ко времени Ивана III:

Тверской купецъ, Аѳанасій Никитинъ, доходилъ по торговымъ дѣ-

отъ православія, и принялъ мѣропомазаніе отъ папскаго нунція. Послѣ этого онъ написалъ письмо къ папѣ Клименту VIII, и получилъ отъ него отвѣтъ, въ которомъ папа обѣщала ему свое содѣйствіе.

Извѣстіе, что именующій себя Дмитріемъ принялъ католицизмъ, еще болѣе расположило Сигизмунда въ его пользу. Несмотря на двадцатилѣтнее перемиріе съ Москвою, онъ велѣлъ Мнишку и Вишневецкимъ поднять знамя во имя царевича Дмитрія противъ Бориса и сзывать подъ это знамя охотниковъ со всей Польши. Обласканный и ободренный такимъ образомъ самозванецъ поѣхалъ въ Галицію къ Мнишку. Тамъ онъ познакомился съ дочерью Мнишка, Мариною, и до того плѣнился ея красотою, что просилъ ея руки. Марина благосклонно отнеслась къ его предложенію, потому что была честолюбива. и ей льстила мысль сдѣлаться царицей. Мнишекъ тоже изъявилъ со гласіе на бракъ своей дочери, но на слѣдующихъ условіяхъ: чтобы Дмитрій добылъ прежде престолъ Московскій, и тогда бы прислалъ Мнишку миліонъ золотыхъ (или 1,350,000 рублей) на уплату его долговъ, и на проѣздъ Марины до Москвы; чтобы онъ уступилъ будущей своей супругѣ Новгородъ и Псковъ со всѣми уѣздами ихъ, и пригородами, въ полное владѣніе. Все это Самозванецъ обѣщала, и выдалъ на то грамоту за своею подписью. Въ другой же грамотѣ онъ обязался отдать Мнишку-отцу въ наслѣдственное владѣніе Смоленское и Сѣверское княжества, исключая уѣздовъ, которые предназначались королю Сигизмунду.

Трудно представить себѣ, чтобы русскій царевичъ могъ такъ измѣнически предавать достояніе Россіи въ руки Поляковъ и іезуитовъ. И дѣйствительно онъ не былъ русскимъ царевичемъ, а былъ самозванцемъ, въ чемъ сходятся всѣ историки. Но кто именно онъ былъ, достоверно неизвѣстно. Предполагаютъ, что онъ былъ никто иной, какъ послушникъ Чудова монастыря, Григорій Отрепьевъ, и вотъ его исторія:

Живя послушникомъ въ монастырѣ, онъ обратилъ на себя вниманіе патріарха Іова, потому что былъ очень бойкій и способный юноша, хорошо списывала церковныя книги, и даже сочиняла каноны. Патріархъ посвятилъ его въ дьяконы, и взялъ къ себѣ. Съ этихъ поръ Отрепьевъ сталъ ѣздить съ патріархомъ во дворецъ, и пораженъ пышностію и богатствомъ, которыя тамъ видѣлъ. Онъ былъ очень любопытенъ, и любилъ спрашивать о быломъ у стариковъ. Его въ особенности интересовала исторія Дмитрія царевича, о которомъ говорили только втихомолку. Говорятъ будто ему сказалъ одинъ монахъ, что можно бы воспользоваться именемъ покойнаго царевича, чтобы произвести смуту и покарать убійцу святаго младенца. Слова эти подѣйствовали на пылкую голову юноши, и онъ мало по малу возмѣлъ мысль принять на себя имя царевича. Онъ даже сталъ говорить объ этомъ открыто монахамъ. Это дошло до Годунова, и онъ велѣлъ дьяку

леніе невозможно, бросился въ комнаты жены, занимавшей покои царицъ въ теремъ, чтобы предупредить ее объ опасности. Оттуда онъ пробѣжалъ въ верхній этажъ, къ сторонѣ умывальни, надѣясь малымъ сходомъ (лѣстницай при церкви Словущаго Воскресенья) сбѣжать внизъ, но и этотъ выходъ былъ уже занятъ. Тогда онъ выскочилъ изъ окна на подмости, сдѣланные ко дню его бракосочетанія, хотѣлъ перескочить на другія, но оступился и упалъ съ высоты 15 аршинъ, на сытный дворъ. При паденіи онъ вывихнулъ себѣ ногу и разбилъ грудь. Стоны его услышали стрѣльцы, стояшіе по близости на часахъ. Они узнали его, привели въ чувство и перенесли къ дому Годунова. Лжедмитрій сталъ упрашивать ихъ принять его сторону, обѣщая имъ большія награды. Стрѣльцамъ это показалось заманчивымъ, они перенесли Лжедмитрія обратно во дворецъ, уже разграбленный и опустѣвшій, и рѣшились его отстлавать. Лжедмитрій заплакалъ, когда увидалъ своихъ Нѣмцевъ-алебардшиковъ, обезоруженныхъ, но все еще стоящихъ на своихъ мѣстахъ. Заговорщики между тѣмъ всюду тщетно искали Лжедмитрія. Когда же они открыли, гдѣ онъ находится, то стрѣльцы начали стрѣлять по нимъ изъ ружей. Заговорщики не знали, что имъ дѣлать. Наконецъ они пошли на хитрость, и сказали стрѣльцамъ: если вы не выдадите намъ этого измѣнника, плута и обманщика, то мы пойдемъ на стрѣleckую слободу и истребимъ ваше имущество, и побьемъ вашихъ женъ и дѣтей. Стрѣльцы испугались этой угрозы и сказали боярамъ, что пусть они спросятъ у царицы-инокини, сынъ ли это ея или нѣтъ. Если она скажетъ, что сынъ, то они костями лягутъ за него, а если нѣтъ, то выдадутъ его боярамъ. Послали къ царицѣ спрашивать, а между тѣмъ бояре выпытывали у самаго Лжедмитрія, кто онъ такой. Онъ отвѣчалъ: спросите у царицы-матери, или выведите меня на Лобное мѣсто, и я откроюсь во всемъ народу. Но въ это время явился князь Иванъ Васильевичъ Голицынъ и сказалъ, что былъ у царицы-Марѣы, и она сказала, что сынъ ея убитъ въ Угличѣ, а этотъ—самозванецъ. Народу передали отвѣтъ царицы-Марѣы, добавивъ, что и самъ Лжедмитрій выпится въ самозванствѣ, и что Нагіе утверждаютъ тоже. «Бей его! руби его! раздалось послѣ этого въ народѣ. Сынъ боярскій, Григорій Валуевъ, выскочилъ изъ толпы, и выстрѣлилъ въ самозванца. Другіе добили его и бросили трупъ съ крыльца на тѣло Басманова. Оттуда чернь поволокла оба трупа черезъ Спасскія ворота на Красную площадь. У Вознесенскаго монастыря она приостановилась, спрашивая у царицы-Марѣы, сынъ ли это ея? Царица отвѣчала: «Спрашивали бы, когда онъ былъ живъ, а теперь ужъ онъ не мой». Трупы поволокли далѣе на Лобное мѣсто, гдѣ они оставались три дня. Лжедмитрій былъ положенъ на столъ съ маской, дудкой и волынкой, а Басмановъ на скамейкѣ у ногъ его. Затѣмъ Басмановъ былъ похороненъ у церкви Николы Мокраго, а трупъ самозванца свезли на на-

имъ на Ляпунова, который хотѣлъ отвѣчать тѣмъ же, но товарищи увели его изъ дворца. Они пошли всѣ вмѣстѣ на Лобное мѣсто, куда собралось за ними множество народа, и туда же пріѣхалъ патріархъ. Образовавшаяся толпа была настолько велика, что уже не умѣщалась на площади, и Ляпуновъ, Хомутовъ и Салтыковъ закричали народу, чтобы онъ шелъ къ Серпуховскимъ воротамъ, гдѣ больше мѣста. Всѣ двинулись туда, и тамъ держали совѣтъ, что дѣлать. Рѣшили просить царя Василя, чтобы оставилъ престолъ, потому что его не любятъ, и кровь только понапрасну льется изъ-за него. Патріархъ противился этому рѣшенію, но его не послушали, и послали царскаго свояка, князя Ивана Михайловича Воротынскаго, просить Василя, чтобы онъ оставилъ престолъ. На этотъ разъ просьба передавалась царю бояриномъ, и онъ принужденъ былъ согласиться. Онъ выѣхалъ съ женою изъ дворца, и помѣстился въ прежнемъ своемъ боярскомъ домѣ.

Послѣ этого, Москвичи послали сказать Тушинцамъ, что они исполнили свое обѣщаніе, свергнули Шуйскаго, и ждутъ, что и Тушинцы исполнятъ свое обѣщаніе, и свергнутъ своего царика. Но Тушинцы съ насмѣшкою отвѣчали, что не хотятъ дѣлать какъ Москвичи, и, помня крестное цѣлованіе, готовы умереть за своего царя. Вслѣдствіе этого, патріархъ требовалъ, чтобы Шуйскій былъ снова возведенъ на престолъ, но его не слушали. Чтобы отклонить всякую возможность Шуйскому снова занять престолъ, Захаръ Ляпуновъ съ тремя князьями: Засѣкинъ, Тюфякинъ и Мериномъ-Волконскимъ потребовали, чтобы онъ, для спокойствія народа, постригся. Шуйскій не хотѣлъ сдѣлать этого добровольно. Тогда его насильно свезли въ Чудовъ монастырь, и тамъ постригли. То же сдѣлали и съ его женой, а братьевъ взяли подъ стражу.

Въ царствованіе Шуйскаго не сдѣлано никакихъ улучшеній во внутреннемъ управленіи. Замѣчательнъ только переводъ съ иностранныхъ языковъ устава ратныхъ дѣлъ, сдѣланный Михаиломъ Юрьевымъ и Иваномъ Ѳоминымъ. Печатаніе книгъ продолжалось, и по повелѣнію Шуйскаго былъ построенъ новый домъ подъ типографію, на Никольской, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится синодальная типографія. Кромѣ того, была выстроена въ 1610 г. церковь священномученика Ермолая*), на Козьемъ болотѣ, существующая понынѣ.

*) На Садовой, близъ Патріаршихъ прудовъ.

принять православіе еще въ Смоленскѣ, или тотчасъ по прїѣздѣ въ Москву, если король не согласится на первое требованіе. Вообще же они должны были настаивать прежде всего, чтобы королевичъ Владиславъ ѣхалъ скорѣе въ Москву.

Извѣстіе о договорѣ, заключенномъ Жолкѣвскимъ съ московскими боярами, пришло въ Смоленскъ еще прежде прїѣзда посольства. Вслѣдствіе этого, Шеинъ тоже вступилъ было въ переговоры съ Сигизмундомъ, но когда этотъ послѣдній потребовалъ, чтобы Смоленскъ, какъ древнее достояніе Литвы, сдался ему, а не сыну его, — Шеинъ прервалъ переговоры впредь до прїѣзда Московскихъ пословъ.

Послы выѣхали изъ Москвы 11-го Сентября, и прибыли подъ Смоленскъ 7-го Октября. Здѣсь они были приняты съ большимъ почетомъ. 10-го Октября они представлялись королю, и били ему челомъ, чтобы онъ отпустилъ сына своего на Московское царство. Левъ Сапѣга отвѣчалъ имъ именемъ короля, но весьма уклончиво, не касаясь главнаго ихъ челобитья, и обѣщая назначить время для переговоровъ объ этомъ предметѣ съ родными панами. Переговоры начались 15-го Октября, и затянулись надолго. Паны высказались противъ того, чтобы Владиславъ ѣхалъ въ Москву, объясняя это тѣмъ, что онъ слишкомъ молодъ, что ему нужны еще руководители, что Русскіе не захотятъ, чтобы этими руководителями были Поляки, а Поляки не захотятъ, чтобы были ими Русскіе. Паны требовали, чтобы послы уговорили прежде всего Смольнянъ сдаться королю, но послы не соглашались на это, не имѣя полномочія изъ Москвы, и просили, чтобы имъ позволено было снестись объ этомъ съ патриархомъ и боярами.

Въ Москвѣ тѣмъ временемъ бояре пригласили Жолкѣвскаго ввести свои войска въ городъ. Патриархъ противился этому, но принужденъ былъ уступить. Въ ночь съ 20-го на 21-е Сентября Поляки вступили въ Москву, и заняли Кремль, Китай-городъ и Бѣлый-городъ, а также Новодѣвичій монастырь. Кромѣ того, для удобства сообщенія съ королемъ, Жолкѣвскій занялъ своими войсками Можайскъ, Борисовъ и Верею.

Жолкѣвскій былъ человѣкъ чрезвычайно ловкій и обходительный. Онъ сумѣлъ вскорѣ пріобрѣсти расположеніе не только бояръ, но и патриарха, къ которому часто ходилъ для переговоровъ. Довѣріе къ нему было такъ велико, что бояре поручили даже Поляку, пану Гонсѣвскому, начальство надъ стрѣльцами, вѣроятно по внушенію Жолкѣвскаго. Поляковъ онъ также умѣлъ сдерживать въ должныхъ границахъ, а провинившихся наказывалъ безпристрастно, предоставляя судъ равному числу Поляковъ и Русскихъ.

Но Жолкѣвскій не долго оставался въ Москвѣ. Онъ зналъ, что Сигизмундъ не согласится на принятіе православія Владиславомъ, и боялся, что извѣстіе объ этомъ можетъ произвести возмущеніе въ Москвѣ,

вою предательства. По счастью ударъ, направленный противъ него, не коснулся его. Схваченный убійца оказался казакомъ, подосланнымъ Заруцкимъ. Вскорѣ послѣ этого ополченіе выступило изъ Ярославля, а Заруцкій, услыхавъ объ этомъ, ушелъ изъ подъ Москвы съ половиною казаковъ, бывшихъ тамъ. Онъ направился въ Коломну, разорилъ городъ, взялъ оттуда Марину съ ея сыномъ, опустошилъ Рязанскія земли и остановился въ Михайловѣ. Оставшіеся въ Москвѣ казаки, съ Трубецкимъ во главѣ, прислали къ Пожарскому просить его идти поскорѣе къ Москвѣ. Цѣль ихъ, впрочемъ, была узнать, какъ относится къ нимъ ополченіе. Пожарскій и Мининъ приняли и на этотъ разъ ласково казачьихъ пословъ, и, одаривъ, отпустили возвѣстить товарищамъ, что ополченіе идетъ немедленно къ Москвѣ.

14-го Августа ополченіе достигло Троицкаго монастыря, а 18-го, послѣ молебна у раки преп. Сергія чудотворца, выступило въ Москву. Какъ только войска тронулись, подулъ сильный вѣтеръ навстрѣчу ополченію и обстоятельство это смутило ратниковъ, принявшихъ его за дурное предзнаменованіе. Ихъ успокоило то, что пока они еще прикладывались къ образамъ Св. Троицы, Сергія и Никона чудотворцевъ, а за тѣмъ ко кресту, который держалъ архимандритъ Діонисій и кропилъ всѣхъ святой водой, вдругъ вѣтеръ перемѣнился и подулъ въ тылъ войску съ такой силою, что всадники едва могли удержаться на лошадяхъ. Первое дурное впечатлѣніе разсѣялось, и войска бодро пошли впередъ.

Къ вечеру того же дня ополченіе остановилось въ 5 верстахъ отъ Москвы, на Яузѣ. Трубецкой прислалъ звать Пожарскаго въ свой станъ, но Пожарскій отвѣчалъ, что ополченіе хочетъ стоять отдѣльно. То же самое онъ повторилъ и на другой день, когда Трубецкой, выйдя навстрѣчу къ ополченію, предложилъ Пожарскому стать въ одномъ съ нимъ укрѣпленіи. Это обидѣло казаковъ, но могъ ли Пожарскій поступить иначе, зная ихъ своеволие и стремленіе всегда поддерживать всякій безпорядокъ въ государствѣ, дававшій имъ средства къ жизни? Ополченіе же состояло изъ коренныхъ людей государства, для которыхъ нужнѣе всего было спокойствіе земли, обеспечивающее ихъ благосостояніе.

Ополченіе расположилось у Арбатскихъ воротъ, а 21-го Августа подошелъ къ Москвѣ гетманъ Ходкѣвичъ и остановился на Поклонной горѣ. Чтобы не пропустить его въ Кремль, Пожарскій сталъ на лѣвомъ берегу Москвы-рѣки, у Новодѣвичьяго монастыря, а Трубецкой на правомъ, у Крымскаго моста. Трубецкой прислалъ просить Пожарскаго дать ему нѣсколько сотенъ для подкрѣпленія, что и было тотчасъ же исполнено.

22-го Августа Ходкѣвичъ съ разсвѣтомъ переправился черезъ Москву-рѣку, и напалъ на ополченіе Пожарскаго. Битва завязалась горячая, но

При возобновленіи храмовъ Божіихъ послѣ польско-литовскаго разоренія явилась большая необходимость въ иконописцахъ. Ихъ было много въ Москвѣ, но приходилось иногда выписывать ихъ изъ другихъ русскихъ городовъ: Ростова, Костромы, Устюга, Новгорода, Пскова и Нижняго-Новгорода. При царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ иконостасъ и стѣны Успенскаго собора были расписаны 91 иконописцемъ въ теченіи 2 лѣтъ, а при Алексѣѣ Михайловичѣ 15 иконописцевъ занималось стѣннымъ и травнымъ письмомъ въ Архангельскомъ и Благовѣщенскомъ соборахъ. Патріархи имѣли при своемъ дворѣ собственныхъ иконописцевъ. Лица на образахъ писались обыкновенно прямолично, т. е. безъ профиля, и хотя рисунокъ былъ неправиленъ и грубъ, но твердъ, силенъ и выразителенъ. Въ народѣ распространилось въ это время такъ называемое Суздальское письмо, которое отличалось большею неправильностію рисунка и пестротой колорита. Въ то же время образовалась еще особая школа иконописи, такъ называемая Строгоновская, отличавшаяся богатою золотою иконопотью.

Писались и портреты царскіе, изъ которыхъ дошли до насъ портреты царей Михаила Ѳеодоровича, Алексѣя Михайловича и нѣкоторыхъ другихъ государей и святителей.

Вслѣдъ за иконописью, у насъ распространилось и умѣнье гравировать на деревѣ и мѣди. Московскій граверъ Мартынъ Нехорошевскій издалъ въ 1645 г. книжку съ гравированными картинами и стихами, а въ 1697 г. Василій Корень выгравировалъ изображеніе изъ книги Бытія. Іерей Прокопій вырѣзалъ на деревѣ и напечаталъ (1656—60 г.) Апокалипсисъ толковый въ лицахъ, а въ 1685 г. была выгравирована на деревѣ книжкою *Комидія причтъ о блудномъ сынѣ*. Въ то же время образовалась особенная вѣтвь гравированія, такъ называемыя *лубочныя картины*, которыя рѣзались на деревянныхъ доскахъ и отпечатывались на отдѣльныхъ листахъ. Онѣ имѣли большое распространіе въ народѣ, который охотно украшалъ ими стѣны своихъ жилищъ. Онѣ продавались у Спасскихъ воротъ и на крестцахъ. Вскорѣ, впрочемъ, патріархъ Іоакимъ запретилъ печатаніе и продажу св. иконъ на листахъ, потому что подъ вліяніемъ иностранцевъ появились отпечатки иконъ «на подобіе лицъ Нѣмецкихъ и въ своестранныхъ одеждахъ».

Въ Москвѣ не вошло въ употребленіе искусство мозаики, имѣвшее примѣненіе въ Кіевѣ и Новгородѣ. Единственнымъ образцомъ этого искусства остался наборный полъ изъ агатовидныхъ яшмъ, перенесенный, по преданію, патріархомъ Филаретомъ изъ Ростовскаго собора въ Московскій Благовѣщенскій, гдѣ онъ и теперь находится. Но зато въ Москвѣ употреблялась ценина или цвѣтные кафели, какіе не встрѣчаются въ другихъ городахъ. Изъ такихъ кафелей ставились печи, составлялись разныя архитектурныя украшенія, и даже рельефные образа

той, которая была на Аѳонѣ. Иверскіе старцы прислали при этомъ письмо, въ которомъ описывали слѣдующимъ образомъ, какъ писалась св. икона: Братія совершили великое молебное пѣніе длившееся съ вечера и до утра, причемъ святили воду со св. мощами, и святою водою обливали чудотворную икону Пресв. Богородицы. Затѣмъ, собравъ святую воду, они ею же облили новую доску, сдѣланную изъ кипариснаго дерева, и, снова собравъ св. воду, служили литургію, послѣ чего дали ее иконописцу, священнику Іамвлиху Романову, который смѣшалъ ее съ красками, заготовленными для написанія иконы. Во все время писанія св. иконы Романовъ принималъ пищу только въ субботу и воскресенье, а братія служили по два раза въ недѣлю всенощныя и литургіи. «Ита икона не рознится ничѣмъ отъ первой иконы, ни длиною, ни шириною, ни ликомъ, — однимъ словомъ новая, аки старая». Св. икона была встрѣчена у Воскресенскихъ воротъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ со всѣмъ семействомъ, патриархомъ Московскимъ Іосифомъ съ духовенствомъ, боярами и несчетнымъ множествомъ народа. Ее поставили сначала въ монастырѣ Николы Стараго, на Никольской улицѣ, потомъ въ Успенскомъ соборѣ. Въ 1654 г. Алексѣй Михайловичъ отпуская св. икону съ своимъ войскомъ, шедшимъ противъ Польскаго короля, и только въ 1669 г. велѣлъ устроить для нея часовню въ главныхъ вратахъ Китай-города, въ воспоминаніе того, что въ Аѳонской обители икона стоитъ въ монастырскихъ вратахъ, почему и названа вратарницею, а отъ имени обители Иверскою. 19 Мая икону поставили во вновь устроенной часовнѣ.

Воспитатель царя, Борисъ Ивановичъ Морозовъ принималъ дѣятельное участіе въ государственныхъ дѣлахъ. Онъ былъ человѣкъ умный и энергичный, имѣвшій уже потому громадныя заслуги за собою, что умѣлъ воспитать такого замѣчательнаго государя, какимъ былъ Алексѣй Михайловичъ. Но какъ правитель, онъ возбудилъ противъ себя народное неудовольствіе нѣкоторыми мѣрами, принятыми имъ съ цѣлію увеличенія доходовъ казны. Одною изъ такихъ мѣръ было постановленіе, сдѣланное имъ о повышеніи платы на соль. Кромѣ того, народу не нравилось пристрастіе Морозова къ иностранцамъ и иностраннымъ обычаямъ, которые онъ передавалъ будто бы и молодому царю.

Въ 1647 г. царь объявилъ свое намѣреніе жениться. По обыкновенію, во дворецъ было свезено со всей Россіи до 200 дѣвушекъ. Изъ нихъ было выбрано шесть самыхъ красивыхъ, а изъ шести уже царь выбралъ дочь Рафа или Феодора Всеволожскаго, Евѣимью, которой подаль платокъ и кольцо. Но счастливая избранница упала въ обморокъ, когда ее одѣли въ царскія одежды и привели вторично къ царю. Отчего произошелъ обморокъ неизвѣстно. Говорили даже, что ее испортили соперницы, или затянули слишкомъ сильно изъ злобы или по наущенію Морозова, которому не нравился выборъ царя. Го-

впереди ея царскими сестрами, мамки несутъ дѣтей ея обоого пола, пока они еще не подросли. Впереди ея всегда идутъ нѣсколько благородныхъ дѣвиць, и держатъ зажженные восковыя свѣчи, когда темно. Если царица намѣрена служить паннихиду по усопшимъ, то вмѣстѣ съ дѣвицами идетъ вдова изъ знатныхъ, и несетъ въ протянутой впередъ рукъ небольшой серебряный сосудъ съ медомъ, пшеномъ, смоквами и сахаромъ, называемый кутьею.

Майербергъ говоритъ въ описаніи своего путешествія въ Москву о торжественномъ шествіи патріарха и царя въ Вербное воскресенье изъ Кремля въ Покровскій соборъ и Лобное мѣсто. Вотъ подробное описаніе этого шествія, извѣстнаго подъ именемъ шествія на ослиаи.

Обрядъ этотъ совершался въ воспоминаніе входа Спасителя въ Іерусалимъ, и съ принятіемъ христіанства заимствованъ нами изъ Греціи. Шествіе на ослиаи происходило первоначально внутри Кремля, вокругъ соборовъ, а послѣ того какъ былъ выстроенъ Покровскій соборъ съ придѣломъ во имя Входа въ Іерусалимъ, оно стало совершаться изъ Успенскаго собора черезъ Спасскія ворота къ вышеупомянутому придѣлу. Это шествіе отличалось особеннымъ великолѣпіемъ и торжественностью при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.

Въ Вербное воскресенье, послѣ ранней обѣдни, царь шелъ въ праздничномъ одѣяніи, въ сопровожденіи бояръ и др. чиновъ, въ Успенскій соборъ, гдѣ его ожидалъ патріархъ со всѣмъ Московскимъ духовенствомъ. По входѣ царя въ соборъ, черезъ западныя двери, тотчасъ же начинался крестный ходъ изъ южныхъ дверей, по направленію къ Покровскому собору. Сначала несли хоругви по двѣ въ рядъ, за ними шли монахи и діаконы по два въ рядъ, священники и протопопы, по три въ рядъ, далѣе несли престольные и др. образа, шли протопопы Успенскаго и Благовѣщенскаго соборовъ, пѣвчіе, затѣмъ несли образъ Влахернской Божьей Матери *), шли соборные ключари и патріархъ въ маломъ облаченіи. По правую сторону патріарха діаконы несли большое Евангеліе, въ бархатномъ ковчегѣ, а по лѣвую на золотомъ блюдѣ крестъ и малое Евангеліе. Въ этомъ шествіи участвовало болѣе 500 ч. духовенства, одѣтаго въ самыя нарядныя цвѣтныя ризы. Вслѣдъ за духовенствомъ начиналось Государево шествіе, и открывалось дьяками, по три въ рядъ, за которыми шли дворяне, стряпчіе, стольники, ближніе и думные люди и окольничіе. За ними шелъ царь, бояре, и гости. Для охраненія отъ народной тѣсноты, по обѣ стороны шли стрѣleckіе головы. По прибытіи крестнаго хода къ Покровскому собору, царь и патріархъ съ немногими избранными входили въ соборный придѣлъ

*) Эта икона первоначально находилась въ Константинополѣ во Влахернскомъ храмѣ и была покровительницею Константинополя и Греческихъ императоровъ. Въ 1654 г. она была прислана царю Алексѣю Михайловичу и поставлена въ Успенскомъ соборѣ. Она сдѣлана изъ воско-мастики.

о театральныхъ представлѣнiяхъ, возбуждали въ Москвичахъ, и въ особенности въ молодомъ царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, удивленiе и желанiе имѣть подъ Москвой такiя же загородныя дачи, какъ во Флоренци, и театръ. И вотъ онъ принялся устроить роскошный дворецъ въ селѣ Коломенскомъ и сады въ с. Измайловѣ, со всякими заморскими затѣями, и затѣмъ хотѣлъ устроить театръ. Но этому желанiю не благоволила первая его супруга, Марья Ильинишна, изъ рода Милославскихъ, воспитанная въ такихъ строгихъ понятiяхъ, которыя не допускали никакихъ театральныхъ зрѣлищъ, считавшихся по этимъ понятiямъ соблазнительными и губительными для души. Полную поддержку желанiю Алексѣя Михайловича устроить у себя театръ выказала ему вторая его супруга Наталья Кирилловна Нарышкина, отличавшаяся веселостiю нрава, и любившая разныя удовольствiя. Въ дѣлѣ увеселенiй для Алексѣя Михайловича и его супруги усерднымъ и изобрѣтательнымъ помощникомъ былъ бояринъ Матвѣевъ, воспитатель царицы. Черезъ 3 года послѣ втораго брака Алексѣя Михайловича, когда родился Петръ, въ Москву прибыла труппа нѣмецкихъ странствующихъ актеровъ, подъ управленiемъ Югана Годфрида Грегори, и по желанiю царя въ субботу на Масляной недѣлѣ, 17 Февраля 1672 г. дала первое въ Москвѣ представление исторiи Асуира и Есфири во дворцѣ, въ палатѣ надъ аптекой. Вѣроятно это первое театральное представление было такъ увлекательно, что царь далъ приказъ построить въ селѣ Преображенскомъ *комидiйную хоромину*, т. е. театръ. Онъ былъ построенъ изъ дерева, при царскомъ дворцѣ, подъ наблюденiемъ боярина Матвѣева, и постройка его стоила 1000 рублей. По открытiи представлений въ этомъ театрѣ, на другой годъ былъ устроенъ такой же театръ въ домѣ Милославскаго въ Кремлѣ, который былъ данъ ему Алексѣемъ Михайловичемъ, и послѣ его смерти поступилъ въ число дворцовыхъ зданiй, и сталъ называться Потѣшнымъ дворцомъ. Это нынѣшнiй Комендантскiй домъ. Актерами были Нѣмцы и дворовые люди Матвѣева. При представленияхъ присутствовалъ не только царь, но и царица, царевичи, и царевны. Вскорѣ дворовыхъ людей Матвѣева оказалось уже недостаточно для *«комидiйныхъ дѣйствъ»*, и тогда Матвѣевъ велѣлъ набрать въ Новомѣщанской слободѣ 26 человекъ изъ дѣтей мѣщанъ, и помѣстилъ ихъ на обученiе въ Нѣмецкой слободѣ, у Нѣмца Югана Годфрида. Разыгрываемыя пьесы были преимущественно духовнаго содержанiя, и сочинялись Симеономъ Полоцкимъ, воспитателемъ царевича Федора Алексѣевича. Но были представлениа и свѣтскаго содержанiя, какъ напримѣръ Темиръ-Аксаково дѣйство, или какъ Алаферну царю царица голову отсѣкла, или какъ Артаксерксъ велѣлъ повѣсить Амана.

Замѣчательнымъ литературнымъ произведенiемъ этого времени является сочиненiе Хорвата Юрiя Крижанича *«Политическiя думы»*.

ГЛАВА XXX.

Подтверженіе Столбовскаго мира съ Швецію. — Посвященіе Кіевскаго митрополита въ Успенскомъ соборѣ въ Москвѣ. — Перенесеніе мощей св. Алексѣя. — Вѣчный миръ съ Польшею и походы въ Крымъ. — Потѣхи Петра. — Преображенскій полкъ. — Сближеніе съ иностранцами. — Софья волнуеть стрѣльцовъ. — Бѣгство Петра въ Троицкую Лавру. — Подвигъ Сухарева полка и востроеніе Сухаревой башни въ память этого подвига. — Паденіе Софьи. — Казнь ея приверженцевъ. — Возвращеніе Петра въ Москву. — Лефорть. — Путешествія въ Архангельскъ. — Походы подъ Азовъ. — Казнь Цыклера и его сообщниковъ. — Путешествіе Петра за границу. — Стрѣлецкій бунтъ — Казни. — Удаленіе Евдокии и ея постриженіе. — Указъ о бритьѣ бородъ. — Новое лѣтосчисленіе. — Перемены въ обычаяхъ. — Война съ Швецію. — Основаніе Петербурга.

1682—1703.

Софья, сдѣлавшись правительницей, отправила великія посольства въ Швецію и Польшу для подтвержденія заключенныхъ прежде обѣими этими державами трактатовъ. Швеція очень охотно подтвердила выгодныя для нея статьи Столбовскаго мира, заключеннаго царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ. Царь Алексѣй Михайловичъ вынужденъ былъ подтвердить тѣ же условія въ Кардисѣ, и навсегда отказаться отъ старинныхъ русскихъ областей при Финскомъ заливѣ, принадлежавшихъ еще Новгороду. Царь Ѳедоръ Алексѣевичъ уклонялся отъ подтвержденія этого мира, но Софья, во избѣжаніе войны, сочла за лучшее подтвердить его.

Шведскіе послы были приняты съ честью въ Москвѣ, и представлялись царямъ въ Грановитой палатѣ. Оба царя были въ царскомъ облаченіи со скипетрами. Государи спросили пословъ о здоровьи Шведскаго короля, и потомъ велѣли прочесть рѣчь о своемъ непоколебимомъ намѣреніи исполнять всѣ условія трактата. Затѣмъ они встали съ своихъ мѣстъ, сняли царскіе вѣнцы, и цѣловали Евангеліе въ подтвержденіе своихъ словъ. Въ тотъ же день послы были у царевны, которая приняла ихъ въ Золотой палатѣ, сидя на государевомъ мѣстѣ въ оправныхъ креслахъ съ алмазными запонами. На ней былъ надѣтъ вѣнецъ, низанный изъ жемчуга съ запонами, и шуба оксамитная, золотая, опушенная соболями, и обложенная большимъ кружевомъ.

Польскій король не захотѣлъ подтвердить прежнихъ трактатовъ съ Москвою, требуя возвращенія Кіева и помощи противъ Турокъ. Вслѣдствіе этого переговоры съ нимъ затянулись.

Кіевъ былъ дорогъ Москвѣ, какъ древній русскій городъ, гдѣ началась русская жизнь, и освѣтилась свѣтомъ Евангельскаго ученія. Съ 1667 г. онъ снова соединился (по Андрусовскому перемирію) съ остальною единовѣрною Русью, собравшеюся вокругъ Москвы, и Москва была готова на всякія пожертвованія, лишь бы удержать его